

Главный научный сотрудник Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ, специалист в области аэроупругости, доктор технических наук Геннадий Ашотович Амирьянц внес значительный вклад в развитие многодисциплинарных исследований в аэромеханике, в обеспечение безопасности и совершенства советских и российских самолетов по условиям аэроупругости.

Международное признание получила разработанная им концепция «активной аэроупругости»; она названа сегодня специалистами NASA «первым шагом на пути радикального совершенствования эксплуатационных характеристик и уровня безопасности летательных аппаратов XXI века».

Развитием этого направления стала разработка нового класса элементов машин и сооружений широкого назначения – адаптивных, целесообразно деформируемых конструкций, удостоенная золотой медали на Всемирном салоне изобретений в Брюсселе.

Разработки Г. А. Амирьянца нашли применение в совместных проектах ЦАГИ и отечественных конструкторских бюро, а также фирм США, Германии, Англии, Кореи, Китая, Чехии, Польши, Бразилии, Канады, Франции, Испании, Италии...

Он участвовал в проектировании практически всех отечественных самолетов начиная с 1960-х годов и по настоящее время, в том числе самолетов Ил-76, Ил-86, Ил-96, Ту-22, Ту-128, Ту-144, Ту-154, Ту-160, Ту-204, Ан-24, Ан-124, Ан-225, Су-27, Су-37, МиГ-23, МиГ-25, МиГ-31, МиГ-29, Як-41, Як-130, Бе-200, ВКС «Буран»...

Г. А. Амирьянц – член Программного комитета Международного совета по авиационным наукам – ICAS, лауреат премии имени профессора Н. Е. Жуковского за лучшую работу по теории авиации. Основные научные и проектные разработки Г. А. Амирьянца отражены в 150 советских, российских и зарубежных научных публикациях, монографиях, патентах. Он автор около двух десятков книг, а также более сотни газетных и журнальных публикаций по истории авиации и науки.

издательство
ВегаПринт

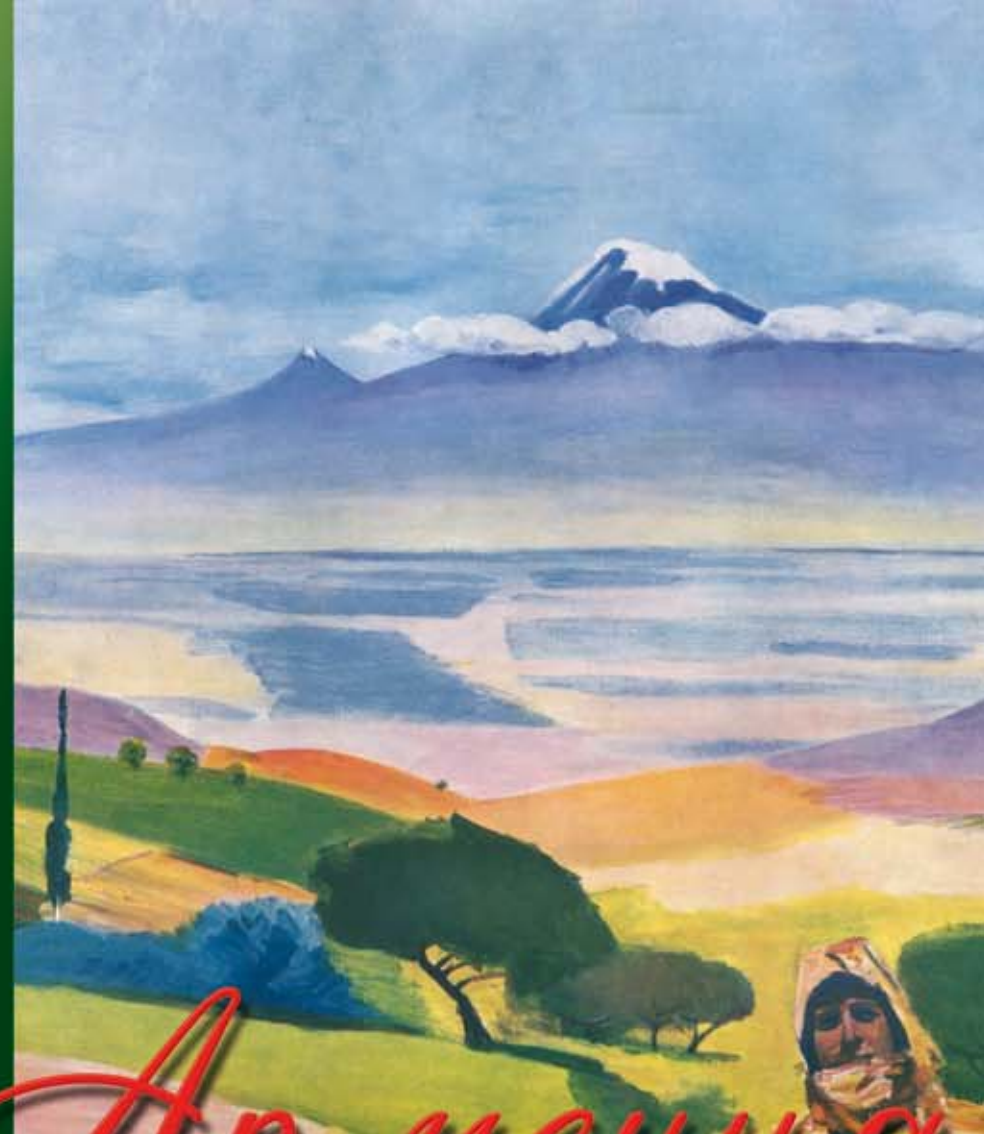
Амирьянц

Г.А. АМИРЬЯНЦ

ВПЕРЕДИ – НОВЫЕ ВЕКА

2

Амирьянц

Г.А. АМИРЬЯНЦ

ВПЕРЕДИ – НОВЫЕ ВЕКА

2

Любовь в жизни человека – мать всех добродетелей и благ. В общественной жизни под любовью мы должны понимать любовь к своему брату. Мы все являемся детьми одного народа. И это превыше всего. Любовь выше любых взглядов и идей. Мы всегда были одним народом, который на протяжении тысячелетий объединялся вокруг вершин святого Арарата – начиная со времен сотворения мира. Мы представляем собой не только современное армянство, но и всех наших предков, которые жили с момента сотворения человека и до наших дней. Мы все должны друг к другу относиться как братья, как соратники, как братья по судьбе и как братья на поле боя.

Католикос Вазген Первый

Г. А. АМИРЬЯНЦ

Армения

**ВПЕРЕДИ –
НОВЫЕ ВЕКА**

Том 2

издательство
ВегаПринт

**Москва
2024**

УДК 323.1
ББК 63.3 (5Арм) +66.5 (Арм)

A62

Амирьянц Г. А. **Армения**. В 2-х томах.
Армения. Впереди – новые века. Том 2.
Издательство «ВегаПринт», М.: 2024, с. 640

Двухтомник посвящен судьбам армянского народа, внесшего значительный вклад в разных областях во благо Армении, России, Советского Союза, мира, но переживающего драматический период своей многотысячелетней истории.

Перед лицом прямых угроз уничтожения Армении как государства показана необходимость решения в качестве первоочередной, тактической задачи мобилизации оборонных, интеллектуальных, экономических, политических, духовных, волевых ресурсов Армении, диаспоры, их союзников, чтобы выстоять в жестокой борьбе. Другая – долгосрочная, стратегическая задача состоит в построении демократического государства с эффективной экономикой, обороной, образованием, наукой, культурой, здравоохранением, политикой, способного в ближайшие десятилетия и на будущие века стать достойной Родиной для всего армянства как составной части индоевропейской цивилизации.

Залогом успеха в этих многотрудных, самоотверженных усилиях во благо также его друзей и союзников станут таланты армянского народа-труженика, разбросанного по всему миру, в том числе таланты героев этой книги.

ISBN 978-5-91574-060-9

© Г. А. Амирьянц, 2024
© Издательство «ВегаПринт», дизайн, 2024

ТРАГЕДИЯ АРЦАХА

По-прежнему в числе мудрецов нашей книги – ее главных героев – в основном те, с кем автора связывали либо прямые, либо косвенные отношения, дружба, а то и мимолетные встречи. О многих из выдающегося, поистине неисчислимого ряда соотечественников, заслуги которых в жизни Армении, СССР, России и мира не всегда широко известны, читателю, надеюсь, еще предстоит узнать, но – от людей, гораздо более близких к ним, чем автор. И это – один из ответов россиянам-скептикам, находящимся в плену эйфории от «братства» с Турцией и сомневающимся в том, а что же России может дать Армения, у которой нет ни нефти, ни газа, ни коммуникаций.

В начале сентября 2023 года, когда писались эти строки, мало что изменилось, к сожалению, в кризисном положении в Армении, в частности в Арцахе. Мало что изменилось в маловразумительных действиях руководства Армении как во внешней, так и во внутренней политике. Мало что изменилось к лучшему и в отношении России как «стратегического партнера» Армении по ОДКБ к происходящим там событиям. Стало более очевидно, что Россия, преследуя свои собственные, естественно, интересы, определенно встала на сторону Азербайджана и страны – члена НАТО Турции в их противостоянии с Арменией. Мне как патриоту не только Армении, но и России представляется необходимым напомнить россиянам о том, чего они лишаются в будущем, потеряв Армению, потеряв Арцах, потеряв их мудрецов и героев.

Решив, как им кажется, проблему Нахиджевана, Азербайджан и Турция определенно нацелились не только и не столько на Арцах, сколько на богатый недрами Сюник и создание прямой связи Нахиджевана (по сути, уже – Турции) с Азербайджаном (и остальной частью будущего вождленного Турана). Но, несмотря на победу в 44-дневной войне и несмотря на риторику Баку о том, что проблемы Карабаха больше не существует, власти Азербайджана и Турции столкнулись с несогласием с такой точкой зрения, по крайней мере США и Франции – как членов Минской группы, созданной для мирного урегулирования давнего конфликта.

Но это не мешало власти Азербайджана действовать все более нагло, не обращая внимания на грозные заявления с разных сторон. Азербайджанские войска оккупировали в 2022 году более сотни квадратных километров территории Армении (члена ОДКБ!). Бердзорский (Лачинский) коридор (его правильное название трассой Горис – Степанакерт) был закрыт Азербайджаном в середине декабря 2022 года, 120 тысяч армян Арцаха в течение девяти месяцев оказались в полной изоляции от мира, лишённые жизненно важных, особенно зимой, газа, электричества, продуктов питания, медикаментов... О необходимости немедленного открытия коридора во избежание гуманитарной катастрофы властям Азербайджана заявляли и в Европарламенте, и в ЕС, и в Европейском суде, и Совбезе ООН, и в Гаагском суде ООН, и госсекретарь Э. Блинкен...

В начале января 2023 года С. В. Лавров заявил, что коридор скоро откроется. Россия по трехстороннему заявлению после 44-дневной войны обещала Армении обеспечить безопасное функционирование Лачинского коридора с помощью своих миротворцев. И даже после этого заявления коридор остался закрытым – в течение многих месяцев!

Евросоюз принял решение о направлении в Армению на линию соприкосновения наблюдателей сроком на два года. Это было весьма важное решение в том отношении, что, как полагали, отныне ни Азербайджану, ни вставшей на его сторону России не удастся исказить реальное положение в отношениях этих стран. МИД России выразил недовольство тем, что «в Ереване, не доведя до логического конца работу по направлению миссии

ОДКБ, предпочли сделать выбор в пользу ЕС». Но, как известно, начиная с 2021 года Армения несколько раз обращалась в ОДКБ с призывом оказать ей поддержку, в частности с размещением наблюдателей, однако ОДКБ не только не пришла на помощь союзнической Армении, как это было предусмотрено ее Уставом, но ОДКБ даже на словах не дала политическую оценку агрессии Азербайджана против Армении. (Этого и нельзя было ожидать, учитывая то, что Россия открыто поставила Азербайджану наступательное вооружение на 5 миллиардов долларов.)

МИД России был озабочен присутствием невооруженных европейских наблюдателей, но он не высказал никаких слов осуждения, когда в Азербайджане размещали турецкие военные самолеты, когда в Нахиджеване размещали турецкие войска.

Налицо двойные стандарты российского руководства по ключевой проблеме конфликта Армении с Азербайджаном, в частности – по проблеме Нагорного Карабаха. Говоря о законности присоединения к России Крыма, российские руководители ссылаются на референдум крымчан. Мол, Запад, признавая законность референдума в Косове, почему-то отказывается в этом Крыму. Но тогда почему российские руководители считают Нагорный Карабах азербайджанским? Тот самый Нагорный Карабах, населенный испокон веков армянами, проголосовавшими единогласно на референдуме за отделение от Азербайджана, помня судьбу Нахиджевана?!

В какой-то мере ответ на этот вопрос содержится в интервью, которое корреспонденту канала «Ноян Тапан» дал (еще до сдачи Арцаха) независимый российский эксперт по военнополитическим проблемам доктор политических наук, профессор Михаил Владимирович Александров.

Против неправды

Корреспондент спросил профессора:

– ...Народ Арцаха испытывает гуманитарную катастрофу, которую хладнокровно проводит Алиев. За этим, как у нас в Армении считают, также хладнокровно наблюдает Россия, которая уже вот несколько месяцев никак не может выполнить взятые на себя миротворческие обязанности. Неужели Алиев смог до

такой степени опустить планку самоуважения МИД России, глава которого публично, правда, косвенно, но все-таки признал, что Россия фактически дала добро на агрессию Азербайджана против Армении. Как вы расцениваете заявление Лаврова и позицию МИД России вообще во всей этой истории?

– Я считаю, – ответил профессор, – что позиция МИД России объясняется тем, что там активно действует проазербайджанское лобби, которое складывалось годами. Ни для кого не секрет, что ректор МГИМО В. И. Торкунов – близкий друг И. Г. Алиева, который выполняет все его капризы... Вычищаются все, кто более или менее положительно относится к Армении. И, таким образом, в течение 30 лет, пока Торкунов был главой МГИМО, оттуда выпускались люди с проазербайджанскими взглядами и шли на работу в МИД. Это был такой длительный процесс, который привел в конечном итоге к формированию мощного проазербайджанского лобби внутри МИД России. И сейчас он проводит, по существу, проазербайджанскую линию, сейчас очень удобный для этого момент, потому что у России сложности на Украине.

Они используют такой тезис, что Россия не потянет два военных конфликта: «Мы сейчас не можем воевать с Азербайджаном, поэтому Армении надо идти на уступки Азербайджану!» Хотя воевать с Азербайджаном было вовсе не обязательно. Достаточно было занять определенную политическую позицию. Допустим, ввести санкции против Алиева и его семьи, против ключевых компаний Азербайджана. Это произвело бы очень серьезное воздействие на Азербайджан. Тем более мы видим, что и на Западе отношение к Алиеву неоднозначное. Доносятся и западные голоса в пользу того, чтобы против него ввели санкции...»

В связи с этим уместно привести заявление информированного и оппозиционно настроенного азербайджанца – руководителя департамента конфликтологии Института мира и демократии Арифа Юнусова о широко известной на Западе коррупционной деятельности, развернутой там режимом И. Г. Алиева: «Он потратил лишь на подкуп европейских деятелей в рамках “икорной дипломатии” три миллиарда долларов, даже больше. И это больше бюджета Армении. Это только то, что вскрылось. На деле на подкупы потрачено гораздо больше. Из-за нефти и газа на это закрывают глаза...»

Эту мысль продолжил профессор М. В. Александров: «Военная мощь Азербайджана основана на нефти и газе. Если этот кран перекрыть, то очень скоро азербайджанская армия не будет из себя представлять никакой серьезной угрозы. Поэтому Алиев боится экономических санкций. Это могло бы повлиять на то, что, по крайней мере, Лачинский коридор был бы разблокирован. А у нас в медиа возобладала другая точка зрения, проазербайджанская, что надо заставить Армению пойти на уступки Азербайджану по мирному договору. А какие это уступки?! В общем, надо полностью сдать Нагорный Карабах Азербайджану без всяких условий. То есть мирный договор не должен содержать никаких упоминаний о Нагорном Карабахе и праве армян Карабаха на самоопределение. И даже отложенный статус, который предложила российская сторона, Азербайджан не устраивает. Сейчас МИД России проводит проазербайджанскую линию, а соответственно, нет сигнала российским миротворцам, что они могут действовать более серьезно и применять меры к этим нарушителям блокады Арцаха...»

У нас вообще даже в СМИ запрещена критика Азербайджана. Армению постоянно критикуют в СМИ, особенно Пашиняна лично, Алиева же никто не критикует, ни слова... Зангезурский коридор, которого добиваются от Армении Турция и Азербайджан, опасен для России, потому что происходит беспрепятственный выход Турции к Каспию. И потом Турция – член НАТО. Сегодня она одну позицию занимает, завтра другую.

Нас отсекают от Ирана фактически этим коридором. Это серьезная опасность для нас. И ни в коем случае мы не должны поддерживать Зангезурский коридор. Тем более мы знаем, как себя Турция и Азербайджан ведут. Сегодня они засунули там ногу в дверь, а завтра они у тебя и всю руку откусят. Скажут, что коридор – это вообще их территория и так далее... ОДКБ не будет предпринимать никаких реальных шагов и вступать в конфликт с Азербайджаном...

На протяжении всего периода существования этого конфликта Россия очень много делала для того, чтобы его урегулировать. Почему он оказался не урегулирован? Я считаю, что прежде всего Азербайджан не хотел его урегулировать на тех условиях, которые предлагались... Были готовы мадридские

принципы, и в Казани прошла встреча Д. Медведева, С. Саргсяна и И. Алиева (в 2011 году). Урегулирование это предусматривало возвращение пяти районов, ввод российских миротворцев и потом постепенное возвращение еще двух районов одновременно с проведением референдума о статусе Нагорного Карабаха. Мы сейчас видим, что Алиев вообще даже не хочет упоминать о статусе Нагорного Карабаха. И он тогда отказался подписать эти договоренности, то есть он изначально был нацелен на то, чтобы получить все, чтобы добиться полного реванша».

Есть такое мнение, что победа Алиева в войне 2020 года (Азербайджана, Турции, Израиля, наемников с Ближнего Востока против крохотного разоруженного Арцаха) – относительна. Но нельзя не видеть, что именно Алиев, в отличие от руководителей Армении и Арцаха, сумел сделать выводы из сокрушительного поражения в 1994 году, кардинально реформировал и продолжает усиливать свои вооруженные силы. В том числе и в первую очередь с помощью «стратегического партнера» Армении – России.

Но, похоже, И. Г. Алиев, открыто насаждающий у себя в стране с пеленок презрение ко всему армянскому, открыто говорящий о правах Азербайджана на территорию и исторические памятники как Арцаха, так и соседней Армении, возведя в XXI веке примитивный национализм в главную силу своего авторитарного режима, нисколько не боится риска рано или поздно предстать перед международным трибуналом.

Достаточно процитировать его слова гордости «за то, что они одержали эту великую победу в Армении, во вражеском государстве, в вечном враге как Азербайджана, так и Турции, подняли турецкий флаг!» Или: «Но пусть они (народ Армении) хорошо подумают, однажды могут открыть глаза, увидеть флаг Азербайджана над головой». Или: «Армяне Карабаха должны либо принять азербайджанское гражданство, либо найти другое место жительства». Это ли не приглашение к этнической «чистке», по образцу Нахиджевана. Но кто в мире вспоминает об этом, кроме нас?

Профессор М. В. Александров продолжил:

– У Алиева после победы в 44-дневной войне, по-моему, развилась мания величия. Он себя возомнил чуть ли не Алексан-

дром Македонским и решил уже позариться... на территорию Ирана, где проживают, как он считает, азербайджанцы... И этот фактор очень активно Запад использует, поощряя его. И Израиль тоже поощряет, чтобы вызвать дестабилизацию и спровоцировать войну между Ираном и Азербайджаном – с целью развалить Иран...

Но всегда полезно посмотреть в зеркало. Нельзя отказать в эффективности пусть грязного, но отлаженно действующего политического инструментария И. Г. Алиева. Он, родной брат Турции, сумел сохранить и укрепить союз и с Россией, и с Израилем, и с Пакистаном. В отличие от Азербайджана, за последние пять лет (после «бархатной революции», по одной из версий, имевшей своей целью смену явно узкой, тупиковой политической, экономической и военной ориентации Армении единственно на Россию на более перспективную – многовекторную) страна наша, все более теряя Россию, не приобрела ни одного нового эффективного союзника. Хотя с очевидностью напрашивается необходимость установления гораздо более тесных взаимовыгодных отношений также и с Грецией, и с Индией, и с Ираном, и с Китаем...

Запад же, умело подсаженный на азербайджанскую нефтегазовую иглу, гораздо в большей степени откровенно поддерживает целеустремленный Азербайджан, нежели аморфную Армению. И все это – при том, что общегуманитарные цели Азербайджана и Армении с точки зрения объективного, справедливого, совестливого наблюдателя отличаются, как ночь и день. Пора бы нам поумнеть!

Пора бы нам понять, что крохотная Армения (Арцах, Сюник, коридор...) оказалась лакомым блюдом для очень голодных, порой невидимых едоков. Многие, более информированные, чем я, наблюдатели говорят об аппетитах Англии, Израиля. Многие же убеждены, что «Пашиян – это абсолютно кремлевский проект».

В который раз повторяем. Мы должны твердо и определенно предпринять шаги, направленные на установление союзнических отношений со странами, заинтересованными в долгосрочном и справедливом мире на Южном Кавказе: это Иран, Грузия, Греция, Кипр, Индия, Франция, Китай. Это и Россия, которая, к горькому нашему сожалению, не скрывает своего стра-

тегического интереса в союзе с нашим экзистенциальным врагом. Но мы не можем надеяться только на помощь извне.

Нам необходимо гораздо-гораздо более твердо, целеустремленно, конструктивно и эффективно действовать самим – на всех жизненно важных направлениях – оборонном, дипломатическом, народно-хозяйственном, социальном, культурном, в разрушенном сегодня триединстве: Армения, диаспора, Арцах... Мы должны стать ядовито несъедобными для соседей с жадным аппетитом.

Мы сами виноваты в том, что не раскрываем громко и на всех уровнях то, что очевидно не только нам самим, но и любому мыслящему, не слепому, совестливому наблюдателю (таких, к сожалению, немного). Искусственно созданное в 1918 году (по несомненной инициативе «братской» Турции при прямой поддержке «союзника» – большевистской России) второе турецкое государство («Два государства – один народ!») – говорят сегодня их руководители) имело всегда и имеет сегодня целью изгнание армянского народа с его земель.

Это было очевидно даже в советское время, когда советское руководство, провозгласившее «братство народов», закрывало, по сути, глаза на этнические чистки в Азербайджане. Это было очевидно жителям Нахиджевана (полное изгнание которых из автономной республики завершал «хитрый лис» Гейдар Алиев, громко гордившийся этим перед своими соплеменниками в постсоветское время, набирая политические очки).

Это было очевидно жителям Нагорно-Карабахской автономной области – НКАО, покидавшим в поисках лучшей доли свои (чудесные, но бесперспективные для их детей) родные края в массовом порядке. Это стало особенно очевидно, и уже всему остальному миру, после массовых живодерских погромов в Сумгаите в 1988 году, в Баку в 1990 году.

Верхом цинизма и откровенного участия советской власти в этой политике стала операция «Кольцо», начатая 30 апреля 1991 года. Тогда отряды ОМОН МВД Азербайджанской ССР совместно с внутренними войсками МВД СССР и подразделениями 23-й дивизии Советской армии, дислоцированной в Кировабаде, начали насильственную депортацию жителей ряда населенных армянами сел НКАО и прилегающих к ней районов.

В результате военно-полицейских действий были разрушены десятки армянских сел Северного Арцаха, а также Шаумянского, Гадрутского и Шушинского районов, депортировано около десяти тысяч человек, убито более ста, несколько сотен человек взяты в заложники. Судьба многих из них остается неизвестной до сих пор.

Все это делалось в продолжение турецкой геноцидальной политики в отношении армян – при прямой поддержке советской властной верхушки и советских вооруженных сил. Почему власти Армении молчат об этом. Потому, что и в советское время, что еще как-то объяснимо, и в постсоветское, казалось бы «независимое» время, фактически власть эта, полностью подконтрольная Кремлю, повязанная многими путями, боялась и боится сейчас хотя бы тихо заявить о национальных интересах своей страны, о нескончаемой угрозе геноцида своего народа...

Этой власти, пытающейся убедить свой народ в своей независимости, политик Саркис Цатурян задает простые вопросы: «Почему правительство Армении и до начала бакинско-турецкой агрессии против Арцаха и Армении отвергло военную помощь, которую предлагал Иран? Почему после бакинско-турецкой агрессии, уже где-то в феврале 2021 года, армянское правительство отвергло предложение Ирана по размещению миротворческого контингента? Почему армянское правительство дважды – и в период бакинско-турецкой агрессии, и после нее отвергло военную помощь, которая была предложена Францией?

Почему армянское правительство не согласилось на военную помощь, которую предлагала Индия в период бакинско-турецкой агрессии? Ведь мы фактически отвергли эту помощь! А если Индия была готова (а она до сих пор готова), то, значит, и Китай мог бы вовлечься в этот процесс!

Почему это все не было сделано, почему мы отвергаем международную помощь? Почему армянское правительство отвергло предложение Китая построить в Армении высокотехнологичный город, подобный тому, который саудиты сейчас строят у себя? Это предложение было на проработке летом в 2020 году, теперь этот проект пропал. Надо же объяснить армянскому народу: почему все эти инициативы международные по экономике, по военной сфере, которые предлагались Армении, блокируются?»

На мой взгляд, бесцветному, невнятному правительству Армении можно задать множество вопросов.

К примеру, когда в 2018 году пришел к власти Никол Пашинян, в Армению сразу приехали два высокопоставленных чиновника США: бывший мэр Нью-Йорка Руди Джулиани, правая рука президента США Трампа, и советник по национальной безопасности Джон Болтон. Приехали они с конкретными предложениями, которые, по мнению многих армянских экспертов, открывали большие возможности двинуться по пути прогресса. Почему-то эти предложения были отвергнуты.

Вызывает недоумение в связи с этим и независимо от того следующая информация, которую обнародовал премьер-министр Армении Н. В. Пашинян: «Наш стратегический союзник в 2011 или 2012 году впервые заключил многомиллиардный контракт на продажу оружия Азербайджану и, между прочим, в то же время строго ограничил поставки вооружения Армении. Я это узнал не откуда-то, узнал в свое время, в 2016 году, из письма Сержа Саргсяна, которое хранится в архиве под грифом “Совершенно секретно”».

К сожалению, мы можем задать множество жестких вопросов всем четырем властям «независимой» Армении, но не можем найти столь необходимых нам сегодня патриотов-героев Нжде, Андраника...

Да, мы слепы, недалёковидны, корыстливы, разъединены, равнодушны – это наша, наша беда! И мы, единственно мы, виноваты во многих наших бедах. Да, будучи хотя бы до начала погромов 1880-х годов весьма крупной нацией, мы потеряли большую ее часть и огромную часть своих земель на территории Османской империи. Мы не могли обойтись без союзников, и у нас в течение веков был союзник – Россия, имеющая свои стратегические интересы на Южном Кавказе. Армения всегда, всегда, всегда была рядом с Россией. Особенно это проявилось в Великой Отечественной войне, в которой армяне, потеряв больше всех на душу населения, дали больше всех Героев Советского Союза.

А что Россия? Как это ни горько произносить мне, патриоту России, многие армянские историки, да и простые люди, свидетели трагедий, убеждены: «В последние сто лет – предательство за предательством...»

Вот они. Кровавые события 1905 года в Баку и события 1916 года в Ване. Закрытие армянского вопроса Лениным – Ататюрком в 1919 году. Оккупация Первой Армянской республики в 1920 году. Русско-турецкие договоры 1921 года и передача в дар туркам и их искусственному новообразованию – Азербайджану большей части территорий Армянской республики (населенных в течение веков армянами Нахиджевана и Арцаха – в виде «временных» армянских автономий).

Армянские погромы в 1921–1923 годах в советизированной Армении. Бесчеловечная резня в Сумгаите в 1988 году, погромы в Баку 1990 году, карательная операция «Кольцо» в 1991 году. Продолжающаяся с 2020 года военная кампания против Армении и отчуждение армянских земель...

Неужели русские не видят своего кровавого следа в этой трагической для их «союзника» цепи глобальных, экзистенциальных событий? В массе своей, конечно, не видят. Но слепы не все.

Известный русский интеллектуал почетный архитектор России профессор Московского архитектурного института Никита Генович Шангин, имея в виду Азербайджан и Турцию, сказал как-то: «Политика “один народ – два государства” – это наш потенциальный противник! Я уже не говорю о том, что Турция вообще экзистенциальный противник России. Никуда не денешься от этого – так история распорядилась. Но Турция – член НАТО. А НАТО – однозначно антироссийская международная структура. При этом не скрываются пантюркистские устремления.

Это значит: сегодня Закавказье, завтра – Средняя Азия (даже сегодня вечером), а завтра и послезавтра – это Поволжье и Сибирь! Никто этого не скрывает! А что касается Армении! Исторически так сложилось: можно любить армян, можно не любить их, но как не понимать, что другого (я имею в виду Армению не как государство, а как народ, как общность, культуру, цивилизацию), другой надежной опоры России в Закавказье нет. Просто экзистенциально, исторически, в силу каких-то глобальных, принципиальных, культурных, религиозных, этнических основ. Ни Грузия, ни Азербайджан, только Армения – единственный надежный союзник и опора России в Закавказье... Не понимать этого может только наивный человек».

Архитектор Н. Г. Шангин глубоко знает не только архитектуру Армении, но и ее историю, как и историю ее соседей. Он говорил:

– Армения, армяне – единственный народ, который по-настоящему добровольно вошел в состав России. Было прямое обращение к Петру Первому съезда армянских князей, проходившего в Арцахе, в храмовом комплексе Гандзасар в 1721 году, обратившегося с просьбой принять армян в российское подданство. С тех пор и последние 200 с лишним лет Армения как народ, как культура всегда была самым надежным оплотом, опорой России в Закавказье. Не говоря уже о том, что Армения дала России массу выдающихся государственных деятелей, военных, ученых. Один Лорис-Меликов чего стоит, а Лазарев, а Айвазовский, а маршал Баграмян... Их очень много. И все они были армянами, которые верой и правдой служили России.

Человек, не раз бывавший в Армении с целью изучения памятников архитектуры, Н. Г. Шангин во время войны 2020 года говорил:

– Я очень переживаю за сохранность этих древних сооружений... Их в Арцахе сотни! Самые древние построены аж в IV веке... Главное, что я заметил, – одна и та же мифология, одно и то же утверждение с азербайджанской стороны: «Мы здесь всегда были, это наша земля, что армяне пришлые, это не армянская

архитектура, а албанская. Армян сюда переселили русские». Приводят как доказательства каких-то средневековых азербайджанских поэтов.

Ни одного поэта из представленного списка в энциклопедиях я не смог найти. «Великий азербайджанский поэт XIII либо XV века» – так их называют. Хочется сказать: «Да вы что, в XIII веке такого государства, как Азербайджан, не существовало! Такое государство было

искусственно создано в 1918 году турками на территории, которая никакого отношения к Азербайджану не имела». Азербайджан был в северо-западной части провинцией Ирана, за рекой Аракс. Азербайджанский язык сложился среди племен кавказских тюрков только в XIX веке.

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона вообще нет такого понятия, как «азербайджанский язык», нет такого понятия в британской энциклопедии XIX века. Нет таких понятий, как «азербайджанский язык», «азербайджанец». Есть только «Азербайджан» как иранская провинция. Все. И есть «азербайджанец» как выходец из этой провинции. Нет Азербайджана на древних картах.

Касательно того этноса, который сегодня называется «азербайджанцы», – это тюркоязычный этнос, предки которого впервые появились в Закавказье только в XI веке. Вместе с сельджукским нашествием. Это они смели с лица земли Анийское царство, во времена которого Армения два века цвела и развивалась. Армянам очень не повезло с тем, куда их Господь поселил.

На такой перекресток, через который прокатывались все нашествия в истории цивилизации. Только успевала оформиться какая-то государственность, как очередная волна нашествия сметала все. Причем армяне всегда принимали первый удар, несли наибольшие потери, прикрывая Европу... Я русский человек, и для меня во всем происходящем важны интересы России... Три мощные силы против трехмиллионной Армении.

Можно подумать, что Н. Г. Шангин переживает лишь за Армению и Россию. Но это совсем не так. Он искренне желает добра и Азербайджану:

– Просто не понимаю, что происходит. Заявленная политика «равноудаленности» мне представляется попыткой усидеть на двух разъезжающихся стульях. Я каждый день слышу о том, что у нас прекрасные отношения с Азербайджаном. В чем они выражаются?

У нас прочные торговые связи с Азербайджаном, у нас в России живет два миллиона азербайджанцев. У нас большое число олигархов азербайджанского происхождения. Но это не дружественные отношения. А газопровод Баку – Джейхан? Насколько

Арцах. Монастырь Гандзасар (X век)

дружественно по отношению к жизненным интересам России это обстоятельство?

С точки зрения геополитических интересов Азербайджан сегодня представляет собой марионетку Турции. И при всей «сладкоголосности» его президента такое положение дел для нашей страны очень опасно... В головы азербайджанцев вдалбливается мифология, в которую они искренне верят...

Здесь недалеко расположено посольство Азербайджана. Там стоит памятник Низами как «великому азербайджанскому поэту». Но Низами – великий иранский поэт, при чем тут Азербайджан? Он писал на фарси, родился на территории, которая только через 800 лет оказалась в пределах современного Азербайджана, и за 400 лет до того, как появилась общность под названием «азербайджанский» народ. Хорошо, не верите армянским источникам, не верите русской энциклопедии, – посмотрите британскую, немецкую, французскую!

Везде Низами – иранский поэт. Он часть иранской культуры... Азербайджанский народ – молодая нация. И болезненно-искусственное выдумывание для себя древней истории, присваивание всего того, что было на этой территории до того, как этот народ появился и сформировался, до того, как ему создали государственность, – это печальное проявление комплекса неполноценности, причем агрессивной. А ведь у этого народа был хороший культурный старт.

В XIX веке был великий Ахундов, в XX – потрясающий Кара Караев, был блистательный Таир Салахов. То есть азербайджанцы – это народ, который может рождать великих художников. Ну так порождайте, творите, создайте свою культуру. Зачем присваивать чужое? Кто за вами гонится? То, что происходит сейчас с азербайджанцами, – это страшная шовинистическая болезнь, которая прогрессирует, отбрасывает народ в средневековье... Это симптом глубочайшего нравственного, духовного кризиса, который словно раковая опухоль разъедает общество. Боюсь, что гуманитарными методами это не лечится...

И, наконец, самое главное на сегодня. Архитектор Н. Г. Шангин видит то, чего не видят многие политики и государственные деятели как в России, так и в Армении. Он говорит с болью:

– Что касается Армении и России. Я убежден, что в конечном счете Армения выстоит. Но если Армения потеряет Карабах, то Россия потеряет Армению. В XX веке Армению дважды предавали российские большевики. Первый раз в 1918 году, когда они заключили Брестский мир и оставили ее один на один с турецкой армией, которая шла к «окончательному решению армянского вопроса». А второй – в 1921-м, когда они «подружились» с Ата-тюрком и на пару растерзали Армению, которая только что была восстановлена в своих исторических пределах Севрскими соглашениями по итогам Первой мировой войны.

В результате Армения потеряла большую часть своих исторических территорий и сегодня вместе с Карабахом занимает менее 10% своих исконных земель. Если произойдет третье предательство, Россия окончательно потеряет Армению не просто как друга, а как свою последнюю опору на Южном Кавказе...

Хорошо понимаю, что сочувствие интеллектуалов положению Армении малого стоит по сравнению, к примеру, с эффективной военной помощью ей больших держав или с их санкциями против авторитарных режимов Азербайджана и Турции. Об этом, кажется, впервые за последнее время заговорили в конгрессе США: с сочувствием Армении, с осуждением человеконенавистнической политики Азербайджана, Турции и с санкционными угрозами против них.

Должен признать, что я недостаточно информирован и мне трудно разобраться в скрытых пружинах истинной (несловесной) большой политики на Южном Кавказе. В частности, мне не вполне понятны глубинные интересы в этом регионе Великобритании (много говорят о повышенном внимании к нему английской разведки МИ-6 и нефтяного гиганта «Бритиш Петролеум», давно и особо расположенных к Азербайджану).

Известно о давней дружбе с Турцией Германии. Известны нынешние большие надежды Европейского союза на то, что поставки нефти и газа из дружественного ему Азербайджана разорят экономику недружественной России. Весьма благожелательную по отношению к Азербайджану позицию занял Израиль. Утверждают, что Арцах – это идеальная военная позиция в противостоянии Израиля с Ираном. Известно, что Китай (с его Синьцзян-Уйгурским автономным округом), пробивающий

дорогу в Европу по «Шелковому пути», в частности и через Армению, не в восторге от идеи пантюркистского Турана. Открытым противником его является Иран. Иран и Индия заинтересованы в коридоре «Север – Юг», связывающем их через Армению и Грузию с Европой.

Есть немало вопросов, требующих особой гибкости дипломатии Армении, в сложном отношении к этому важнейшему региону Соединенных Штатов Америки и России. Совершенно очевидно (и естественно), что в истинной политике большинства стран по отношению к Армении они исходят из своих собственных политических, экономических, военных интересов, при этом на второй, а то и третий план отступают вопросы морали, нравственности, гуманитарной справедливости. И тем не менее лично на меня особое впечатление своей как раз справедливой гуманитарной направленностью произвели в последнее время именно слушания в конгрессе США современного положения Армении.

Для нас ценность этих слушаний, начавшихся в июне 2023 г., состоит в том, что, пожалуй, впервые о преступлениях Турции и Азербайджана, Алиева и Эрдогана по отношению к Армении, Арцаху столь громко, подробно и последовательно, с такой же болю говорим не мы, армяне (в том числе и в нашей книге), а наиболее осведомленные, высокие специалисты по Южному Кавказу, граждане США, приглашенные на эти слушания в качестве свидетелей. Поэтому приведем отрывки из этих слушаний с возможной полнотой.

Взгляд из-за океана

Ведущий слушаний конгрессмен Крис Смит представляет первого свидетеля Сэма Браумбека – члена палаты представителей США, затем сенатора США от Канзаса, губернатора Канзаса, посла США по вопросам международной религиозной свободы. Сэм Браумбек заявил следующее:

– Сейчас в Нагорном Карабахе находится 120 тысяч христиан, которых душит в блокаде Азербайджан. Это противоречит мирному соглашению, а также тому, что установил международный суд. Это поддерживается Эрдоганом, вероятно, ведущим исламистом в мире, который продвигает воинствующий ислам.

У него есть эта пантюркистская идея коридора. И единственный клочок земли, который стоит между ним и этим пантюркистским коридором, – это Армения. За ту неделю, что мы находились там с ознакомительной поездкой, было совершено три вторжения в саму Армению.

Речь идет не только о Нагорном Карабахе. Речь идет о самой Армении. Это напомнило мне Сараево и сложившуюся там ситуацию, когда войска окружили холмы и могли просто открыть огонь, убив огромное количество людей. Люди говорят, что дело тут вовсе не в религии. И я согласен, что это не религиозный конфликт. Но религия здесь присутствует, и это ключевая проблема всего происходящего. Было бы трудно поверить, что подобное могло произойти с Нагорным Карабахом, если бы там проживало мусульманское население. Это христианское население. И вот тут-то я и вступаю за свободу вероисповедания и в защиту религиозных меньшинств.

Мы являемся свидетелями того, как историческое христианское население фактически полностью изгнано с Ближнего Востока. В Египте еще осталось какое-то христианское население, но оно было изгнано практически отовсюду. Это еще одно историческое христианское население, которое будет изгнано оттуда, если мы не предпримем каких-то критических шагов. И, к счастью, у нас есть некоторые возможности, которые нам доступны.

Азербайджан собирается сжать Карабах и вынудить людей уехать оттуда без возможности вернуться. Они отправятся в Европу, в другую часть Армении. Они переедут в Соединенные Штаты или Канаду. Они будут хорошо зарабатывать на жизнь.

Сейчас по всему миру есть представители армянской диаспоры, которые преуспели очень хорошо. Это замечательные люди, но неужели мы хотим, чтобы еще одно древнехристианское население было изгнано со своей родины? Во многом это связано с американским оружием, которое есть у азербайджанцев, или с израильским оружием, которое есть у азербайджанцев. Нет, мы не должны допустить, чтобы это происходило у нас на глазах.

У меня есть несколько политических рекомендаций, которые я изложил здесь и которые, на мой взгляд, важно выполнить. Одна из них состоит в том, чтобы конгресс активизировался в этом вопросе, я думаю, что следует разработать двухпартийный закон о правах человека Нагорного Карабаха. Закон, в котором

излагаются минимальные стандарты того, чего мы ожидаем от безопасности и прав человека, народа Нагорного Карабаха. Уже существует правило, согласно которому, если американское вооружение используется в наступательных целях против Армении, то это является нарушением этого закона, и именно это происходит сейчас. Так что, я думаю, если Азербайджан не снимет эту блокаду, то санкции по разделу 907 должны быть введены президентом со стороны администрации. Они должны быть введены прямо сейчас, если Азербайджан не снимет эту блокаду.

Мы попытались попасть в Нагорный Карабах. Мы не смогли туда попасть, они не пустили нас, но я думаю, что они впустили бы делегацию конгресса. Я председательствую на международном саммите по вопросам свободы вероисповедания, и у нас собрались люди всех вероисповеданий, чтобы встать на защиту религиозной свободы друг друга.

И наша мантра довольно проста: свобода вероисповедания для всех везде и всегда, в том числе и для жителей Нагорного Карабаха. У них должен быть такой же базовый стандарт прав человека и достоинства, чтобы иметь возможность исповедовать свою веру, даже если она отличается от веры большинства жителей этого региона.

И именно поэтому я нахожусь здесь, и это одна из причин того, что я вступаю за них. И я хотел бы надеяться, что более широкая религиозная община встанет на защиту народа Армении и Нагорного Карабаха как религиозного меньшинства в этом регионе, что именно христиане и другие люди, выступающие за Армению и Нагорный Карабах, активизируют свою деятельность в этом регионе.

Это прекрасное место, величественный вид, открывающийся на гору Арарат, напоминает об историческом значении Армении. Первая христианская нация на земле была и остается первой христианской нацией.

На протяжении тысячелетий она подвергалась преследованиям со стороны многочисленных империй. Персы, османы, русские и другие. И все же они еще существуют. Они все еще сражаются. И они вдохновляют своим упорством, своим мужеством, своей отвагой. Армения для меня важная часть христианского мира, и мы должны быть с ней.

Мы должны не позволить изгнания ее народа с его древней родины – в частности, с использованием американского оружия. Мы должны отстаивать свою позицию и проявлять сострадание. Я надеюсь, что христианские активисты, другие люди нашей страны и люди всего мира должны встать и оказать поддержку армянскому народу, как они это делали во время геноцида, произошедшего в 1915 году.

Конгрессмен Крис Смит представил второго свидетеля – Майкла Рубина, старшего научного сотрудника Американского института предпринимательства, автора нескольких книг и множества научных статей по ближневосточным проблемам, редактора ежеквартального журнала «Ближний Восток».

Майкл Рубин заявил:

– Как мы поступили с Саддамом Хусейном в 1990 году перед его вторжением в Кувейт? Бездна наказанность провоцирует агрессию... Азербайджан собирается делать то, что отвечает интересам Азербайджана по отношению к Ирану. Он делает это не просто потому, что мы позволяем иметь Азербайджану некоторое количество оружия, которое было использовано против Армении. Оно было использовано не только против армянского населения в Нагорном Карабахе, но против самой Армении...

Азербайджан использовал бронетранспортеры для блокирования Лачинского коридора, и поэтому помощь ему США должна быть немедленно прекращена. Существует также закон Магнитского, который является еще одной политической стрелкой на нашем пути.

Госдепартамент должен издать соответствующий закон, а конгресс должен потребовать от него ежегодного доклада о состоянии азербайджанской и армянской общин...

Сложившаяся ситуация становится все более серьезной и усугубляется. Президент Алиев стал еще более непредсказуемым. Но, к счастью, у нас все еще есть много политических стрел в нашем колчане, который мы могли бы использовать... Важной целью является сохранение одной из старейших христианских общин в самой древней христианской стране мира.

Конгрессмен Крис Смит представил третьего свидетеля – Дэвида Филипса, бывшего директора программы по миростроительству и правам человека в Институте изучения прав человека Колумбийского университета, работавшего в Государственном департаменте США во времена администрации Клинтона, Буша и Обамы, автора многих книг по обсуждаемой проблеме.

Дэвид Филипс заявил:

– Комиссии и правозащитники во всем мире благодарны президенту Байдену за то, что он признал геноцид армян в своем заявлении по случаю Дня памяти жертв... То, что мы наблюдаем сегодня, это второй геноцид армян, который идет полным ходом, и Соединенные Штаты не делают того, что в их силах, чтобы остановить эту тенденцию, несмотря на многочисленные свидетельства заслуживающих доверие правозащитных организаций...

У США есть несколько инструментов, которые они могут здесь использовать... Непропорциональные поставки оружия Баку в конце правления администрации Трампа способствовали разжиганию войны...

Существуют глобальные санкции в соответствии с законом Магнитского, а также другие инструменты борьбы с ужасной террористической деятельностью, спонсируемой государством. Азербайджанские вооруженные силы атаковали Арцах 27 сентября 2020 года, они использовали вооруженные беспилотные летательные аппараты, ракеты, тяжелую артиллерию и спецназ.

Их поддерживали турецкие военные и наемники, в том числе до двух исламистских формирований джихадистов из Сирии и Ливии, которым была обещана награда за убийство армян. На трофейных видеозаписях этих джихадистов видно, как они хвастаются изувеченными телами армян... Конкретные исполнители ужасных злодеяний, направленных на продвижение намерений Азербайджана по геноциду, идентифицированы и задокументированы...

Здесь я хотел бы сослаться на сайт Корнеллского университета, который использовал передовые спутниковые снимки для разоблачения этого поведения... Мы знаем, что Алиев неоднократно нарушал свои обязательства. Число военнопленных не было учтено, что является нарушением международного гуманитарного права. Необходимо подготовить соответствующий отчет и провести расследование... Почему демократические

страны Армении и Арцаха просят капитулировать перед терроризмом Алиева и Эрдогана?..

Эрдоган заявил, что Турция поддерживает и будет поддерживать дружественный и братский Азербайджан всеми средствами и всем сердцем. Алиев и Эрдоган – кровные братья, которым место на скамье подсудимых – вместе. В моих показаниях, которые представлены для протокола, более подробно описывается участие Турции в этих действиях, в том числе использование Турцией F-16.

Обращаясь к мистеру Филипсу, ведущий Крис Смит заметил:

– Всего лишь одно замечание. Ты говорил о втором геноциде армян, я председательствовал на трех слушаниях, посвященных геноциду армян, а перед первым слушанием я прочитал книгу посла Моргентау, которая была написана одновременно с ужасным геноцидом, который был совершен. И подумать только, мы находимся в самом разгаре второго геноцида армян, это просто потрясает! Нам нужно делать больше как стране! Я думаю, что другие заинтересованные демократические страны должны делать больше для этого. А сейчас я хотел бы предоставить слово четвертому свидетелю, послу Соединенных Штатов в Армении с 2004 по 2006 год, проработавшему американским дипломатом более 30 лет, эксперту по Кавказу на региональном уровне Джону Эвансу.

Джон Эванс сказал следующее:

– Я хочу присоединиться практически ко всему, что было сказано. Все эти наблюдения были удивительно точными... Я хотел бы сделать три замечания в отношении армян, проживающих в Карабахе, или, как они его называют, Арцахе.

В одной из самых ранних исторических хроник говорится, что после поражения в важном сражении от персов армяне бежали в леса Арцаха. Это одно из самых ранних упоминаний об Арцахе и о пребывании там армян. Второй пункт. Хорошо известный уважаемый немецкий гость, посетивший Кавказ в 1840-х годах, сообщил, что армяне, цитирую, «являются самыми многочисленными в провинции Карабах...»

Еще один, третий пункт. Мы можем плохо думать о большевиках, особенно об Иосифе Сталине, а также о многих аспектах

их политики. Но Комиссариат по делам национальностей не зря сделал Нагорный Карабах автономной областью в составе Советского Азербайджана. Сталин был родом с Кавказа, среди его коллег было много тех, кто хорошо знал этот район. И они поняли, что это совсем особое место и что ему нужна автономия, которую он, конечно же, получил в 1924 году.

Так что я утверждаю, что армяне являются коренными жителями Карабаха. Эти люди заслуживают того, чтобы к ним относились с уважением, кем бы они ни были и когда бы они ни приехали в Карабах... Опасность геноцида действительно существует, существует абсолютно точно. Сегодня здесь было заявлено, что второй геноцид уже начался.

В этом есть реальная опасность. И это связано не только с прецедентом 1915 года, но и с действиями азербайджанских официальных лиц и политиков, это касается также политиков в Турции. Теоретически все еще существует минская группа ОБСЕ, но я думаю, что в некотором смысле она уже изжила себя. Это был один из немногих форумов, на котором Соединенные Штаты, Россия и Франция продолжали сотрудничать, несмотря на растущее число элементов трений между Востоком и Западом. Но я думаю, что на данном этапе на этот процесс нельзя рассчитывать.

Госдепартамент при прошлой администрации ошибся в расчетах, обесценил процесс минской группы, и это стало одной из причин, приведшей к его краху. Мне кажется, что в конечном счете должно быть достигнуто мирное урегулирование, и именно для того, чтобы народ Карабаха и азербайджанцы сами решили, как им удастся стать соседями в будущем. На сегодня это не входит в наши задачи.

Я думаю, что наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы подумать о том, как сохранить жизни армян в Карабахе перед лицом потенциальной угрозы геноцида... Президент Байден признал геноцид армян... Я думаю, что было бы неплохо призвать наших дипломатов притормозить продажу турецкого и израильского оружия Баку...

Россия играла самую большую роль в качестве поставщика оружия для обеих сторон, но, когда туда попали израильские и турецкие высокотехнологичные беспилотники и другое оборудование, не говоря уже о F-16, это изменило ситуацию и привело нас туда, где мы находимся...

Я думаю, было бы очень хорошо провести еще несколько дискуссий на высшем уровне с Азербайджаном и дать предельно ясно понять, что этническая чистка армян в Карабахе абсолютно неприемлема для Соединенных Штатов Америки.

Крис Смит отреагировал:

– Эрдоган, особенно с учетом его недавних высказываний, кажется еще более агрессивным и энергичным в достижении своих целей. И не означает ли это, что ситуация еще больше склоняется в негативную сторону... Давайте будем жестко применять наши законы, особенно в том, что касается режима санкций, чтобы убедиться в том, что законы и дипломатия действительно работают...

На второе слушание мы собираемся пригласить представителя администрации. Я, вероятно, сделаю это через свой подкомитет. Он называется подкомитет по правам человека и глобальному здравоохранению... Думаю, что, если я вас правильно всех расслышал, мы находимся на краю пропасти. Еще много других ужасных вещей произойдет, если только на это место немедленно не наложат жгут.

Сэм Браумбек, обращаясь к председательствующему, конгрессмену Крису Смит, заметил:

– Я полностью согласен с этим утверждением. Вот это как раз то, что нужно. Ведь вы работали в бывшей Югославии, вы знаете, что там творилось. Вы видели это, вы кричали об этом, и мы ничего не предприняли... Нам нужно надавить на израильтян, чтобы они не направляли потоки оружия в Азербайджан. Я думаю, что Эрдоган и Алиев продолжают настаивать на этом, думая, что мы отвлеклись. Россия здесь играет очень важную роль...

Майкл Рубин добавил:

– Какие модели мы могли бы предложить Азербайджану. Например, на одном конце спектра находится ситуация в Косово, которая имеет параллели с тем, что мы наблюдаем сегодня в отношении Нагорного Карабаха. Существует также модель подопечной территории Организации Объединенных Наций. Она почти воплотилась в жизнь в отношении Армении еще со времен

Лиги наций. Тогда, к сожалению, сенат США не смог ратифицировать конкретное предложение о предоставлении США траста.

Я являюсь членом попечительского совета Армении. Вся история холодной войны и региона Южного Кавказа сложилась бы по-другому, если бы не несколько голосов, поданных в 1920 году или около того...

Иракский Курдистан – это та же модель, которая могла бы быть реализована там, где в основном иракские курды имеют базовую автономию. Базовые гарантии защиты прописаны в конституции Ирака. Бессовестно брать такую демократию, как Арцах, и подчинять ее стране, которая, по мнению Фридом Хаус, не только не свободна, но и практически менее демократична, чем Бирма и Россия...

Последнее замечание, которое я хотел бы сделать, заключается в том, что мы услышали морскую метафору. Мне как исторiku приходит на ум то, что мы видели в 1973 году в Египте. Некоторые люди готовы сказать, что Армения традиционно поддерживала отношения с Россией, поэтому нам нужно принять Азербайджан в свои объятия. Но еще в 1973 году, вместо того чтобы отвергать Анвара Садата как советское доверенное лицо, более гибкая дипломатия, которая началась во времена Никсона и Форда и продолжилась в администрации Картера, решила, что Египет можно перевернуть с ног на голову.

Именно благодаря этому были заключены Кэмп-Дэвидские соглашения и первый крупный арабо-израильский мирный договор. Нам нужно извлечь некоторые уроки из прошлого, уроки из других частей мира, а не пытаться спешить с дипломатией.

На этих слушаниях не раз говорилось о том, что мало было сделано для того, чтобы привлечь Азербайджан к ответственности за неспровоцированную войну, развязанную им в 2020 году. Не раз указывалось на необходимость оказать давление на Алиева, чтобы он прекратил продолжение блокады в Лачине. При этом подчеркивалась решающая роль США в том, чтобы положить конец этим агрессивным и экспансионистским действиям.

Особо прозвучало выступление на слушаниях сопредседателя двухпартийной фракции Армении конгресса, американца греческого происхождения мистера Билиракиса:

– Я благодарю за возможность работать совместно над проблемами, затрагивающими Восточное Средиземноморье и Кавказ. Греция и Кипр, конечно же, и Армения очень дороги нашим сердцам...

Риторика, исходящая от Турции, неприемлема для меня как гражданина Соединенных Штатов. Вот уже более полугода Азербайджан осуществляет длительную блокаду Лачинского коридора – в нарушение соглашения о прекращении огня от 2020 года Азербайджан намеренно создал постоянно растущий гуманитарный кризис, препятствуя доставке продовольствия, топлива, медикаментов, предметов снабжения, электроэнергии в Арцах...

Я был одним из соавторов резолюции от республиканской партии, осуждающей геноцид армян, их уничтожение турками и изгнание с их родных земель. Но история повторяется. Хотя мы не можем изменить прошлое, мы должны действовать прямо сейчас, чтобы остановить еще один геноцид армян. Я ценю показания уважаемой группы экспертов и призывы положить конец отмене статьи 907 закона о поддержке свободы, которая должна запретить поставку военной техники в Азербайджан...

Он явно использовал это оборудование для ведения агрессивной войны против Армении, совершения военных преступлений против невинных армян и продолжения нынешней блокады Арцаха.

То, что происходит в наши дни, просто ужасно. Будучи американцем греческого происхождения и православным христианином, я рассматриваю армянский народ как своих братьев и сестер с общей культурой наследия. Греция и Армения стали жертвами турецкой агрессии и дестабилизации обстановки.

Именно поэтому мы должны работать сообща, мы становимся сильными, когда мы едины... Я хотел бы особо указать на ответственность Турции в связи с ужасающими нарушениями прав человека в отношении этнических армян с 2020 года. США могут предпринять дополнительные действия, чтобы привлечь Турцию к ответственности.

А вот что по завершении визита делегации Конгресса США в Армению 20 сентября 2022 г. заявила спикер Нэнси Пелоси:

– Наша делегация Конгресса отправилась в Армению, на важный фронт в битве между демократией и автократией.

Во время наших встреч в Ереване мы выражали решительную поддержку демократии и безопасности Армении, особенно после наступления Азербайджана на Армению. Наш визит был запланирован до начала боевых действий 12 сентября.

Мы с членами Палаты представителей Фрэнком Паллоне, Анной Эшу и Джеки Спейер начали наш визит с возложения венка к мемориалу памяти жертв геноцида армян в Цицернакаберде. Там мы молились за 1,5 миллиона армянских мужчин, женщин и детей, убитых во время геноцида.

Конгресс стремится к тому, чтобы правда о геноциде никогда не была стерта, поэтому в 2019 году мы приняли закон об официальном признании геноцида армян, что повторил президент Байден, официально признав его в прошлом году. Для меня было честью быть награжденной медалью посла Генри Моргентау от музея-института геноцида, которую я приняла от имени Конгресса за нашу работу по признанию и повышению осведомленности о геноциде армян.

Наша делегация имела честь встретиться с премьер-министром Николом Пашиняном и другими высокопоставленными руководителями правительства, в том числе спикером Национального собрания Аленом Симоняном и министром обороны Суреном Папикяном. Эти встречи предусматривали обмен идеями о политике и действиях по продвижению стабильности, мира и процветания в Армении и регионе.

Что важно для нашего визита, наша делегация затем провела круглый стол с лидерами гражданского общества, которые выразили озабоченность и потребности своего народа в это трудное время и пролили свет на борьбу Армении за свою демократию и безопасность.

Для меня было честью обратиться к этим лидерам с речью в Центре искусств Гафесчян, жемчужине армянской культуры, где я четко заявила о приверженности Америки Армении. Позже мы встретились с лидерами оппозиции, работающими в Национальной ассамблее. Несмотря на наличие разногласий по поводу внутренней политики, среди этих лидеров было четкое согласие в том, что Азербайджан должен немедленно прекратить свою агрессию.

Вдохновленная оказанным нам приемом, наша делегация возвращается в Вашингтон гордой и готовой продвигать дав-

нюю приверженность Конгресса демократической Армении и безопасному и мирному региону Кавказа...

Повторяю, не было очевидно, что и слушания в Конгрессе, и заявления его спикера отражают готовность власть предержащих в США принять конкретные жесткие меры в защиту Арцаха и против Азербайджана как своего важного инструмента в противостоянии с Россией и Ираном. Так оно и оказалось: тандем (если не трио или даже квартет) ничего не остановило: Арцах, как и ряд территорий Армении, оказался в руках наших противников. Но нельзя не оценить другого. Как видим, в конгрессе США нашлись честные люди, которые слово в слово повторяют то, на что неоднократно обращали внимание и мы в нашей книге.

К горькому сожалению, американские конгрессмены (хотя бы на словах) заботятся об Армении больше, чем Симоньяны, Шахназаровы, Кургияны, Миграняны, Бабабяны... и, главное, больше, чем премьер-министр Армении Пашинян.

Циничность и равнодушие

Подавляющее большинство наших Мудрецов – героев этой книги – служили и служат верой и правдой Советскому Союзу, России. Очень надеюсь, что это продолжится, как продолжится дружба двух народов, не омрачаемая печальными событиями последних ста лет.

Но для этого необходимо, чтобы выводы сделали поводыри обоих народов: и великого – российского, и небольшого – армянского.

При этом мы должны помнить слова нашего классика Раффи, который писал:

– Судьба Армении словно отмечена неким проклятием: она рождает великих людей только для служения другим народам. Начиная с глубокой древности Армения отдавала своих лучших сыновей ближним и дальним странам.

Среди государственных мужей Вавилона и Египта первое место принадлежит армянам. Они дали Риму и Византии не только полководцев, но и императоров. В самые критические минуты истории грозную Персию спасали армянские воины.

Дикие монголы из глубин Средней Азии, ведомые военачальниками-армянами, растаптывали целые государства. Арабские халифы Багдада и Дамаска руками армян завладели очень многими странами. Крестоносцы своими лучшими сражениями обязаны армянским храбрецам.

Даже царства далекой Индии долгое время пользовались нашими услугами. Для чего я привожу столько примеров? Какая страна, какой народ, какое царство не выиграли от общения с армянами?!

...Армянин, наивный армянин, всегда хранил верность, всегда жертвовал собой во имя других. Не заботясь о своем доме, забывая о собственных невзгодах, он жил чужими интересами. Он покидал развалины своей страны, чтобы строить другим дворцы. Забыв о погибшем троне и скипетре своей Родины, он славил чужое знамя... В этом-то и заключается наш недуг. Мы не умеем служить себе, для этого мы очень слабы, а для посторонних мы талантливы, мы все умеем...

18-19 сентября 2023 г. после начала боевых действий Азербайджана против НКР произошла поистине трагедия в многовековой истории Армении – исход народа Арцаха с родной земли.

В эти печальные для меня дни сдачи Арцаха Азербайджану я совершенно случайно наткнулся в интернете на хорошо мне известный, опубликованный в 1999 году «Дневник научного работника» моего хорошего, покойного уже товарища, выдающегося специалиста ЦАГИ в области аэроупругости, доктора технических наук В. Г. Бунькова.

Надо же было, чтобы из почти тысячи страниц огромного уникального дневника мне попала на глаза следующая запись:

«24 марта 1988 года, четверг. Партсобрание было долгим. По повестке дня казалось, что заседание рассчитано на полчаса, не более. Было два вопроса: прием кандидатом в члены КПСС и сообщение о секретности. И, наконец, выступил Амирьянц о положении в Карабахе. Карабах – родина Амирьянца, но, как и многие армяне, он с матерью был вынужден покинуть родину.

Сейчас его второй дом – в городе Коканде. В Сумгаите была самая настоящая резня. Мусульмане резали христиан-армян. Со знательные азербайджанцы прятали у себя дома армян, чтобы

спасти их от смерти, – об этом ему рассказал Мамедов, так как тому звонила мать из Сумгаита и обо всем этом сообщила. Амирьянц уверяет, что все идет к тому, чтобы полностью ликвидировать все армянское в Карабахской области».

И вот спустя 35 лет печальное предчувствие, основанное на знании политики Турции, направленной на всемерное уничтожение всего армянского на землях их предков, оказалось, к горькому сожалению, не ложным.

Не прошло и недели после вероломного нападения могучей коалиции на крохотный, изможденный девятимесячной глухой осадой Арцах и его падения, а один из главных инициаторов этой бойни Эрдоган выступил в ООН: уже по поводу главной глобальной цели Турана – Зангезурского коридора.

В дни этого «неожиданного» для России нападения «случайно» в Иране оказался с визитом министр обороны России, другой страны, проталкивающей идею смертельно опасного для Армении Зангезурского коридора, С. К. Шойгу.

Свершилось предательство не только и не столько христианской Армении, не только и не столько индоевропейской цивилизации, но и предательство Добра, Чести, Совести. Самое гнусное состоит в том, что предателями оказались сами армяне.

Это бывало не раз в долгой истории Армении: умный враг не раз находил продажных ключевых личностей. Но это не снимает ответственности и с тех «внешних» игроков, говорящих гневно одно и равнодушно, ничего не делая, даже не вводя санкций, взвешивающих на зверства нацистов над безоружными детьми, женщинами, стариками.

Я не говорю о прямом неафишируемом союзнике Турции и Азербайджана – Великобритании, о теневых глобальных структурах, которые тихо и, похоже, сейчас успешно решают свои мировые задачи на Южном Кавказе, выпирая отсюда Россию, – они-то давно и «честно» делают свое дело. Беда Армении в том, что она, крохотная, оказалась в самом пекле, без союзников.

В те трагические для Армении дни в социальные сети просочилось указание государственным СМИ по освещению событий в Нагорном Карабахе: «Во всем виноваты Армения и ее западные

“партнеры”, а российские миротворцы героически спасают мирных жителей от обстрелов».

По поводу «антитеррористической» операции Азербайджана на своей территории, якобы спровоцированной нападением злобных арцахцев на невинных азербайджанцев, кто-то из честных российских политологов весьма точно указал, что она соразмерна с «ответом» Гитлера на «террор» со стороны узников в лагере Освенцима.

Но совесть, честь, отвага – качества в современном прагматичном мире не столь уж востребованные.

По сути, оправдывая «антитеррористическую операцию» Азербайджана в Карабахе, в первые часы после ее начала с пространным интервью телеканалу «Россия-24» выступил председатель комитета Госдумы по международной политике Л. Э. Слуцкий.

Он сказал, в частности: «После известного заявления Никола Воваевича Пашиняна, премьер-министра Армении, сделанного в Праге, о том, что Карабах является неотъемлемой частью Азербайджана, единственное, в чем нельзя согласиться с его сегодняшней риторикой, что тут обвиняется бездействие российских миротворцев. После его заявления окончательно в системе координат государство Армения – Карабах является частью Азербайджана и, соответственно, данная ситуация является внутренней для Азербайджана. Российские миротворцы имеют другой статус, нежели предусмотренный трехсторонним соглашением 2020 года, то есть статус наблюдателей...»

Все эти доводы рассчитаны на идиотов.

Азербайджанский депутат Гудрат Гасангулиев заявил 26 августа 2022 года:

– Благодаря отношениям Путина с Алиевым мы смогли освободить 80% оккупированных территорий... Подписывая соглашения от 10 ноября и 22 февраля, глава государства добился максимума возможного. А то, чего мы не добились сегодня, мы непременно добьемся завтра. Нам лишь терпеливо ждать возникновения очередной выгодной для нас геополитической ситуации.

И дождались, готовясь к операции 19 сентября 2023 года открыто, на виду у всего мира. А поиском поводов, как известно, не пренебрегал (для проформы) даже тот же Гитлер.

Кому неизвестно, что Армения – парламентская республика, все судьбоносные решения должны утверждаться парламентом. К тому же 44-дневную войну в Карабахе Алиев развязал после того, как Пашинян заявил: «Арцах – это Армения. И точка!» А нынешнюю – после того, как тот же Пашинян сказал: «Карабах – это Азербайджан!»

И президент России, и Слуцкий не раз, еще до Пашиняна, говорили, что Карабах – это Азербайджан! Но если им действительно важно мнение других для того, чтобы оправдать нынешнюю, третью уже военную операцию Азербайджана против «своего» Карабаха, то они должны бы знать, что 99% всех армян мира громко заявляют, что Арцах (Карабах) – это не только Армения, но изначальный хребет, родник Армении, о чем свидетельствуют его древние храмы, кладбища, хачкары, его многочисленные выдающиеся сыны, герои и мудрецы, сделавшие так неоценимо много для России.

Об этом, опираясь на факты, говорят многие объективные наблюдатели, в частности конгрессмен США Джон Эванс.

Во властной российской структуре, пожалуй, один из немногих защитников армян депутат Государственной Думы Константин Затулин говорит логичное:

– ...Вопрос совсем не в Пашиняне. Пашинян уже давно сдал Нагорный Карабах. Вопрос десятков тысяч людей, которые в этом Карабахе продолжают жить. И жили там веками, хочу отметить. Я имею в виду армянское население, и тот факт, что они жили там веками, подтверждается не их устными преданиями, а наличием на территории Карабаха огромного количества церквей, монастырей и всего остального. То, что сейчас происходит, угрожает не только армянам Нагорного Карабаха, оно угрожает России на Кавказе. Потому что Азербайджан стреляет по армянам, а попадает в Москву и в Россию. Потому что это часть складывающегося плана по изгнанию не только армян из Нагорного Карабаха, но и России с Кавказа. Это мое глубокое убеждение...

Другие слова Слуцкого в том же интервью, в частности насчет изменения статуса миротворцев, опять-таки рассчитанные на идиотов, находятся в очевидном контрасте со свидетельствами любых непредвзятых, неподкупных специалистов. Миротворцы перестали выполнять взятые на себя обязательства, как

признал, к примеру, К. Ф. Затулин, с первых же шагов: от появления экологов до закрытия Лачинского коридора.

От себя добавлю очевидное. Если после нелегитимного заявления Пашиняна миротворцы перестали быть гарантом безопасности, а превратились (сами по себе!) в наблюдателей, то по нормам морали Россия обязана была немедленно заявить миру об этом, чтобы не случилось трагедии после жуткого двухдневного налета на осажденный крохотный Арцах 60-тысячной армии жаждущих крови аскеров. Роль российских миротворцев свелась к разоружению арцахцев, героически сражавшихся против десятикратно превосходящих сил противника и терявших последнюю возможность защитить свои семьи от зверств «победителя».

Сами азербайджанцы показывают, как их «победоносные» аскеры срывают кресты с армянских церквей, которым в лучшем случае уготована судьба сохраниться в виде «их» мечетей. В Telegram сами азербайджанцы распространяют жуткие фотографии своих «подвигов», в частности фотографии арцахских детей, с комментарием: «Они потерялись. Тот, кто их найдет, насилует, разрезает на куски и отдает собакам на ужин».

Слуцкому, а также Блинкену и Нетаньяху, но, надеюсь, не всему еврейскому народу, до лампочки то, созвучное «Дневнику Анны Франк», что после кошмара 19 сентября 2023 года написала в соцсетях беженка из Арцаха Лика Захарян: «9 ноября 2020 года азербайджанцы были уже на окраинах Степанакерта. Все, кто в этот день был там, говорили, что одного дня было бы достаточно, чтобы они захватили и Степанакерт, и Мартуни, и последние 25% Арцаха. Многие были уже эвакуированы, люди в тот момент уже психологически приняли поражение, приняли, что не могут поехать домой...

Зачем было втягивать людей в геополитическую игру? Зачем было использовать их как щит для того, чтобы русские миротворцы смогли остаться на территории? Почему карабахцы прошли через холодные зимы без отопления, блокаду, унижения в очередях за куском хлеба, чувство обреченности еще одну войну? Люди верили вам, господа в костюмах. Вы – ничтожества, все вы! Но они приняли вас за людей. Вы все предатели. У меня больше нет надежды, что когда-нибудь поеду домой. Нет надежды на землю. Единственно, что сейчас можно сохранить,

это жизнь израненных и истощенных арцахцев, у которых все еще есть желание жить в этом паршивом мире. Лично у меня такого желания нет».

Азербайджанцы вынуждены были расстрелять 19 сентября 2023 года шесть русских миротворцев, включая заместителя командующего Миротворческими силами РФ. Они стали свидетелями дикой расправы над мирными арцахцами. Чтобы их зверства не стали известны миру, азербайджанцы расстреляли их и изъяли у убитых средства съемок жутких событий.

Лишь наличие свидетелей этого преступления помешало азербайджанцам «повесить», по обыкновению, и это убийство российских миротворцев на армян. Впрочем, неприкасаемый в России младший брат Эрдогана, такой же кровавый диктатор Алиев имел основание не опасаться гнева Москвы, в уверенности, что она съест извинения и заверения в готовности заплатить семьям убитых, как «съела» убийство российского посла в Турции, как «съела» сбитый турками российский самолет, как «съела» сбитый азербайджанцами российский вертолет...

Современный мир, о котором писала армянская Анна Франк, действительно ужасен своей циничностью и равнодушием к злу.

В августе 2022 года произошло очередное в ряду нараставших по наглости «прощупываний» реакции международных защитников армян – преступное выселение армян из Бердзора, Ахавно, Суса, демонстративное разрушение церквей, кладбищ, памятников Арцаха. Видя пассивность российских миротворцев, Армения вынужденно обратилась со своими надеждами к Западу.

Продолжив вооружаться с помощью своих союзников, в первую очередь передового цивилизованного Израиля, Алиев на виду у всего мира готовился к последнему прыжку на осажденный, по сути безоружный, голодный, обескровленный народ Арцаха, лишившийся к тому же поддержки Армении как недавнего гаранта своей безопасности.

В те же августовские дни 2022 года послы США и Франции, отказавшиеся от посещения оккупированного города Шуши, заявили, что Гадрут и Шуши для США и Франции – это оккупированные территории Арцаха (Нагорного Карабаха) и не считаются

территорией Азербайджана: деокупация еще одна проблема, которую минская группа ОБСЕ должна решать.

5 августа 2022 года Госсекретарь США Энтони Блинкен выразил обеспокоенность напряженностью и подчеркнул готовность к содействию стабилизации ситуации. Такую же озабоченность тогда же высказали и Евросоюз, и Организация Объединенных Наций.

Алиев уверенно продолжил демонстрацию силы и свое пренебрежение словесными угрозами в свой адрес, в частности решением Европейского суда по правам человека, а также предписанием Международного суда ООН от 7 декабря 2021 г. Они обязывали Азербайджан прекратить свою расистскую и дискриминационную политику в отношении армян Арцаха.

В том же августе 2022 года Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации опубликовал выводы по Азербайджану: «Комитет глубоко обеспокоен утверждениями о серьезных нарушениях прав, совершенных азербайджанскими вооруженными силами в отношении военнопленных и других лиц армянского этнического или национального происхождения. В ООН обеспокоены сообщениями об уничтожении армянского культурного наследия, в том числе церквей, памятников, достопримечательностей и кладбищ».

Белый и пушистый

И кто же не проникнется сочувствием к Арцаху, подарившему миру десятки выдающихся ученых, военачальников, деятелей культуры и мировой политики? Все они армяне, коренные карабахцы! А назовите хотя бы одного столь же выдающегося азербайджанца, выходца из Карабаха! И кто же из порядочных людей после всего этого может восторгаться Алиевым?!

Человек из клана, запятнанного кровью резни армян в Сумгаите, Баку, Кировабаде, полным изгнанием армян из их Нахичеванской автономии в Азербайджане, не гнушается циничной лжи: «Азербайджан – это страна, где проживают десятки различных этнических групп, включая армян, и у нас никогда не было проблем на религиозной или этнической почве... Касательно

армянского меньшинства в Азербайджане, мы уже заявляли официально, что их права и безопасность будут обеспечиваться по азербайджанской конституции».

В те самые минуты и часы, когда азербайджанские «воины» резали на куски арцахских детей, чему нежелательными свидетелями стали убитые российские миротворцы, Слуцкий в своем интервью привычно расстился в любви к Азербайджану: «Думаю, что коллективный Запад здесь закладывал в том числе идеи не только попытаться в очередной раз как-то опустить нас в информационном и политическом пространстве, но и попытаться рассорить нас с Баку. Это, разумеется, не вышло, это и не может получиться. У нас очень тесные сегодня межгосударственные отношения, и парламентские в том числе, с Азербайджаном. Ильхам Гейдарович Алиев, президент Азербайджана, является если не самым, то уж точно одним из самых надежных стратегических партнеров России, президента России на постсоветском пространстве. В этом же ряду, конечно, Александр Григорьевич Лукашенко. Ильхам Гейдарович Алиев – это действительно профессионал, человек в высокой степени порядочный... Нас сегодня по любой провокации, как угодно выстроенной, нельзя растолкать и развести с Баку. Что я могу сказать: провокации не удались, ни нас опустить, ни с Баку развести!»

Благостная картина о белом и пушистом Алиеве находится в жутком контрасте со свидетельствами непредвзятых, неподкупных и авторитетных специалистов, приглашенных весной 2023 года на слушания в Конгрессе США. Вот некоторые из свидетельств.

Старший научный сотрудник Американского института предпринимательства, редактор ежеквартального журнала «Ближний Восток» Майкл Рубин заявил:

– За последнее десятилетие президент Алиев изменился и стал еще более непредсказуемым. Я бы сказал, что его траектория развития почти аналогична той, которую мы наблюдали в случае с Саддамом Хусейном... Мы уже слышали, как президент Алиев говорил, что Ереван является частью исторического Азербайджана. Нам нужно пресечь это в зародыше...

Азербайджан – одна из самых коррумпированных стран на земле. Эта коррупция очевидна, потому что, несмотря на огромные запасы углеводородов, доход на душу населения в этой стране меньше, чем в Грузии и Армении, которые не располагают такими энергетическими ресурсами.

Много миллиардов долларов, поступивших на счета Алиева, ушло в азербайджанскую «прачечную и икорную дипломатию». Прочного мира не будет, если Азербайджан будет продолжать оскорблять армян с самого раннего возраста своих граждан, начиная с детей школьного возраста, и в армии.

Конгрессмен Дэвид Филипс продолжил:

– Я настоятельно призываю посетить Арцах, чтобы выразить там солидарность и ясно дать понять, что американские ценности в области прав человека и предотвращения геноцида не должны быть обменены на углеводороды или другие уступки авторитарным лидерам.

Как мы с болью убедились во многих местах, сделки с коррумпированными авторитаристами в конечном итоге наносят ущерб Соединенным Штатам – независимо от предполагаемых краткосрочных выгод от сделок. Я также хочу выразить признательность комиссии США по международной свободе вероисповедания за разоблачение ужасного разрушения армянских христианских церквей и памятников. Это напоминает поведение движения «Талибан»...

Колумбийский университет запустил проект по исследованию и документированию прав человека, иностранной террористической деятельности в Арцахе... Проект документирует систематические усилия Азербайджана по изгнанию армян с их родины путем убийств, этнических чисток... Уничтожение религиозных и культурных объектов также задокументировано... Общей целью Азербайджана было и остается уничтожение культурного наследия армян.

В нарушение трехстороннего заявления о прекращении огня от 9 ноября 2020 года Азербайджан 12 декабря заблокировал Лачинский коридор... Блокирование коридора привело к тому, что 120 тысяч армян остались без жизненно необходимых лекарств

и медицинской помощи. Азербайджан установил контрольно-пропускные пункты на границе с Арменией.

Он отключил газ, электричество, воду, мобильную связь и ежедневно совершает хорошо задокументированные нападения. Конечная цель состоит в том, чтобы опустошить художественные ценности коренного армянского населения. Подвергая их психическим и физиологическим атакам, делая их жизнь здесь невозможной...

В 2004 году министр обороны Азербайджана Сафар Абиев заявил, что в течение ближайших 25 лет на Южном Кавказе не будет ни одного государства Армении. В 2005 году мэр Баку выступил перед немецкой делегацией с речью: «Наша цель – полное уничтожение армян. Вы, нацисты, уже уничтожали евреев в 1930–1940-х годах, не так ли? Вы должны быть в состоянии понять нас».

Ильхам Алиев заявил 24 декабря 2022 года, что работа должна быть сосредоточена на единой концепции: «В настоящее время реализуется великая программа возвращения Карабаха. Иначе, наступит время, когда мы разработаем вторую великую программу возвращения в великий Азербайджан. Мы прогоним их прочь, как собак».

Из действий Алиева и его человеконенавистнических высказываний становится ясно, что в настоящее время происходит второй геноцид армян. Режим Эрдогана является полноправным партнером в этом деле.

В декабре 2021 года международный суд обязал Азербайджан принять все необходимые меры для предотвращения актов вандализма и осквернения армянского культурного наследия. Азербайджан проигнорировал постановление суда...

Впоследствии международный суд обязал Азербайджан соблюдать ноябрьские условия и разрешить свободный проезд по Лачинскому коридору: «Мы надеемся, что проект документирования зверств в Арцахе позволит сохранить доказательства для предотвращения будущих преступлений и привлечения виновных к ответственности. К числу этих преступников относится не только Азербайджан, но и Эрдоган и его соратники в Турции».

Конгрессмен Сэм Браумбек сказал:

– Мы признали Косово, мы вооружили Косово оружием после того, как сотни тысяч людей были вывезены из страны, убиты, изнасилованы... Мы должны остановить эти потоки оружия Азербайджану, исходящего от нас и израильтян... Мы не собираемся ничего предпринимать, потому что нам нравится, что Азербайджан помогает нам в отношениях с Ираном...

Армения так долго была тесно связана с Россией и так зависела от ее помощи. А теперь русские продали их. Они не охраняют запирающийся на задвижку коридор, они не держат его открытым так, как должны были бы и как могли бы. И поэтому армяне чувствуют себя так, словно русские продали их кому-то другому. Они знают, что американцы могли бы им помочь, но они еще не пришли к этому.

Один парень привел нам отличный пример того, как армяне цепляются за этот маленький русский спасательный плот. Они оказались брошенными на произвол судьбы посреди океана, они цепляются за этот маленький спасательный плот. И если они проплывут 100 метров, то смогут добраться до большого океанского лайнера. Но им придется отпустить маленький русский спасательный плот, чтобы войти в контакт с США и стать частью западной системы поддержки.

Мы должны им помочь, мы должны их ободрить, мы должны сказать им, что мы будем рядом с ними, что поможем им с системой вооружения, чтобы защитить себя... Цель Азербайджана состоит в том, чтобы задушить Арцах и сделать его непригодным для жизни – до тех пор, пока люди не уедут: в Европу, Соединенные Штаты, Канаду. А затем он будет заселен Азербайджаном. И я думаю, что это искусно сделано азерами, это – своего рода медленное удушение... Мы возьмем их на себя... Я думаю, что мы просто должны это сделать.

Конгрессмен Билиракис продолжил:

– 120 тысяч человек... оказались в ловушке и подвергаются систематическим усилиям правительства Азербайджана по обезлюдению этнически армянской республики Арцах – первой христианской нации. Так дальше продолжаться не может. Они проделали то же самое в Малой Азии, с моим народом, и это

продолжается до сих пор. Сколько христиан осталось в Турции? Может быть, 2000–2500 армянских христиан, греческих христиан, евреев очень-очень мало. Они подталкивают этих людей покинуть свою родину...

Этот перечень бесчеловечных преступлений Алиева, наследника турецких варваров и, в частности, Эрдогана, бесконечен.

Может быть, стоит напомнить Слуцкому и иже с ним мнение информированного и оппозиционно настроенного азербайджанца – руководителя департамента конфликтологии Института мира и демократии Арифа Юнусова о широко известной на Западе коррупционной деятельности, развернутой там режимом И. Г. Алиева.

А что, в России нет «клиентов кошелька Алиева»? Вопрос риторический. К. Ф. Затулин называет двоих у всех на виду: И. Ю. Коротченко и С. А. Марков. Но рыльце в пушку у многих других, и власть предрежащих.

Для безнадёжного промывания совести этих и им подобных «защитников» нелишне напомнить, что написал о сущности азербайджанского общества в своем недавнем (майском, 2024 года) блоге известный израильский политический деятель – бывший бакинец Роман Цыпин: «Сегодня 99% азербайджанцев стали антисемитами... Абсолютно все они радикально уверены в том, что Израиль уже выполнил свою форму: «Всё! Карабах вернули, всё сделали! Всё! Израиль уже не нужен!.. Теперь мы можем стать абсолютно таким же радикалами...» Вот это и есть шакалья, буквально в прямом смысле шакалья хитрость азербайджанского общества, которое фундаментально хитрит и научилось хитрить в конфликте с Арменией. В 1990 году евреев практически выгоняли из Азербайджана. «Армяне – убивайте! Евреи – собирайтесь!» Хоть один азербайджанец соболезнует этому? Нет! Он говорит: “Это – неправда, вы сами уехали, вы бросили свои работы, свои квартиры, и в одночасье 99% евреев собрали чемоданы и покинули за пару лет Азербайджан!” И все вот так решили просто добровольно покинуть страну, оставить все свое имущество, оставить в ОВИРе свои деньги – всё оставить и с голыми штанами выйти из Азербайджана! Вдруг все так решили, всем это захотелось!.. Этого не было ни в одной европейской стране, где

бы евреям не вернули его храм, это есть только в Азербайджане! В Азербайджане практически уже нет евреев!.. Руководители еврейской диаспоры ровно такие же воры и преступники, как и сами воры и преступники – азербайджанцы, чистые манкурты, сидящие и молчащие у кормушки. Азербайджан – фактически это вражеская страна, такая же радикальная, как Турция по отношению к Израилю. Я говорю сейчас даже не о власти Азербайджана, я говорю об азербайджанском обществе, в его форме радикализма и антисемитизма, в его форме искажения фактов и оскорбления человека...»

В декабре 2022 года Алиев цинично закрыл жизненно важный для Арцаха Лачинский коридор и девять месяцев спокойно держал Арцах в осаде. О необходимости немедленного открытия коридора Алиеву заявляли и на слушаниях в Конгрессе США, и в Сенате США, на которых прямо говорилось о его преступной, коррупционной деятельности, и в Европарламенте, и в ЕС, и в Европейском суде, и Совбезе ООН, и в Гаагском суде ООН, и в Госдепартаменте США...

В начале января 2023 года, повторим, С. В. Лавров заявил, что коридор скоро откроется, но после этого коридор так и остался закрытым. Алиев бесстрашно плевал на все и всех. Без мощной поддержки Турции, России, США этот генетический трус (сын сотрудника КГБ, откосившего от фронта в Великую Отечественную) никогда бы не решился на такой «подвиг». Объяснение простое, и оно особенно ясно проявилось на слушаниях в Сенате США, в самый канун нападения Алиева на Арцах.

Всем западным акторам очень важны азербайджанская нефть и газ – как «альтернатива» российским источникам энергии, а кроме того, Азербайджан важен Израилю и США как плацдарм для нападения на Иран.

Алиев знал это и демонстративно пренебрег санкционными и судебными угрозами в свой адрес из-за преступлений против человечности. Боюсь, что надежды на то, что он, по справедливости, должен предстать перед международным трибуналом как очевидный преступник, окажутся тщетными.

Один из главных защитников Алиева – Россия, а вся вина на его «вынужденную» военную операцию лежит, естественно, на неблагодарной Армении.

Слущкий в том самом бесстыдном своей циничностью интервью продолжал:

– Армения просто привыкла, что Россия решает любые вопросы за 30 с лишним лет нашей новейшей истории, общей с Арменией. Мы в истории постсоветского периода для Армении сделали, может быть, как ни для одной другой страны постсоветского пространства, много конструктивного, мы всегда помогали очень в непростых ситуациях...

Армения хорошо помнит все доброе, что было сделано для нее, но как ей забыть недоброе в относительно недавней истории. Во всех наших бедах виноваты мы сами – я уверен в этом.

Национальный герой воин и мудрый политик Гарегин Нжде писал провидчески:

– Нет в мире второй нации, которая так любила, обожала, верила в русских, как армяне... И в то же время нет в мире второй нации, которую русские обманули, продали, предали, бросили в минуту опасности или «запоздали», проигнорировали и унижали, как армян... В наши дни ничто так не делает слабыми способные к борьбе народы, как то заблуждение, будто их судьбу улучшают не собственные усилия, а какие-то внешние силы...

Так что во всех наших бедах виноваты, в частности и в параллаксе российского зрения, виноваты также мы сами. Но мы не слепы, чтобы не видеть, и мы не немые, чтобы не говорить об этом: всего этого не было бы, если бы Армения не была из века в век, из года в год разменной монетой во взаимовыгодной (на какой-то период) торговле России с турками и пушечным мясом в ее же регулярных войнах с теми же турками.

Мы виноваты в том, что министр иностранных дел Российской империи А. Б. Лобанов-Ростовский еще в XIX веке говорил, что нам нужна Армения без армян, что во время Первой мировой войны граф И. И. Воронцов-Дашков и генерал Н. Н. Юденич докладывали царю о выгоде для империи после захвата армянских территорий заселить их казачьим элементом, чтобы армяне не претендовали здесь на суверенитет.

Мы виноваты в том, что не смогли уберечь протекторат США и Вильсоновскую Армению – Первую республику. Мы

сами виноваты в том, что позволили в большевистские времена заключить позорный для нас грабительский, нелегитимный московский договор, что позволили развязать совместную русско-турецкую агрессию 1920–1921-х годов, что не смогли противостоять решению Кавбюро Сталина, подарившего Карабах и Нахичеван новообразованному сто лет тому назад русско-турецкому искусственному государству в Южном Кавказе – Азербайджану.

Мы виноваты в том, что не установили прочных союзнических отношений с Ираном. Посольство Персии в Стамбуле 28 августа 1918 года направило письмо с протестом против искусственного создания государства под названием Азербайджан. В письме говорилось: «В результате русско-османского мирного договора на Кавказе создается государство под названием “Азербайджан”. Учитывая тот факт, что область с таким названием с центром в Тебризе существует в границах государства Персии и что государство с таким названием никогда не существовало, Персия потрясена и видит необходимость пересмотреть это решение».

Мы виноваты в зверствах над нами в Сумгаите, Баку, Кировабаде, в том, что не обеспечили свободу самоопределившемуся (и непризнанному «прирученным» Москвой Ереваном) Арцаху, в том, что позволили депортацию пяти тысяч армян Карабаха в «рамках» операции советских войск «Кольцо» в 1991 году.

Мы сами виноваты в развязанных против нас первой и второй карабахских войнах, в безнаказанном нападении на Армению, союзника России по ОДКБ, азербайджанских войск в 2022 году.

И вот мы, действительно, виноваты, что в третий раз отдали на растерзание орде народ Арцаха.

Россией давно уготована Армении роль своей пешки в большой геополитической игре на Южном Кавказе. Без тени стыда вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства, наследник В. В. Жириновского (в качестве лидера ЛДПР) и вероотступник от его глубоких и честных геополитических представлений, Слуцкий поучает тупых армян: «А вот армянская риторика неприятна... Она необоснованна, вывихнута в адрес России, в адрес каждого из нас, она индуцирована, к сожалению, спровоцирована из источника далеко с запада Еревана, и я просил

бы всех наших коллег в Ереване быть осмотрительнее: Россию нужно благодарить, а не обвинять... Мы видим, что партия “Дашнакцутюн”, которая ведома коллективным Западом, как известно, другие, мягко выражаясь, деструктивные силы, заведомо антироссийские, просто непозволительным образом отзываются о нашей стране по любому поводу и, конечно, в связи с ситуацией, которая была в последние дни в Карабахе».

Еще дальше в своей политической морализаторской наглости пошел другой депутат Госдумы (от «Единой России») Е. А. Федоров.

Он заявил телеграм-каналу «Путин в Telegram»: «Армения перестанет существовать. На первом этапе это будет марионеточная территория, контролируемая извне. На втором этапе будут приняты решения о ликвидации территории как самостоятельной государственности. К тому времени Россия вернется в эти границы, на это наложится не только региональный вектор конкурентной борьбы, но и российский вектор восстановления своей территории, которое неизбежно. Россия либо погибнет, либо восстановит свои территории в границах 1945 года... Мы восстановим контроль над этой территорией. Ереван вернется в позицию нашей исторической действительности. То есть будет губернаторством или еще чем-то».

Удивительно, но арцахцы, до того как им было приказано сложить оружие, нанесли ощутимый урон врагу. Они продолжали борьбу и будучи, по сути, обреченными. Это – настоящие герои, каких немало было на этой земле. Достаточно вспомнить четырех маршалов: И. Х. Баграмяна, И. С. Исакова, С. А. Худякова (Ханферянца), А. Х. Бабаджаняна. Но был среди нынешних защитников Арцаха герой совершенно необычный. Это известный российский миллиардер, интеллектуал, меценат и истинный патриот своего родного Арцаха Рубен Карленович Варданян.

Вот что он сказал в интервью Ксении Собчак 22 сентября 2023 года:

– У нас сейчас гуманитарная катастрофа, огромное число беженцев, огромное число раненых, несколько сотен пропавших без вести, кто-то оплакивает своих погибших. Ситуация критическая, люди находятся на грани физического уничтожения. Это

трагедия: люди десятилетиями защищали свое право жить на своей земле, по своим законам.

– Россия могла помочь? – спросила Собчак.

– Россия, конечно, могла помочь, и люди сильно расстроены, что российские миротворцы не смогли остановить этот конфликт. И погибли российские миротворцы – для России тяжелейшая ситуация. Также не помогла в первую очередь Армения, которая была гарантом безопасности, не помог Запад, который совершенно спокойно смотрит, как алиевский режим может позволить себе делать все, что хочет: и заседание ООН, и решения международного суда – все это игнорировалось им совершенно спокойно. И не вводились никакие санкции против человека, который нарушает нормы международного права и гуманитарные нормы.

У народа очень сильное негативное настроение по отношению к мировому сообществу, в том числе к России, которые не помогли и не остановили эту бойню.

Я приехал в Арцах чуть больше года тому назад, понимая, что Азербайджан попытается выдавить армян отсюда. Моя попытка собрать людей и объединить их в одну общую силу, чтобы сопротивляться этому вызову, вызвала большую негативную реакцию как со стороны руководства Азербайджана, так и со стороны некоторых сил здесь. Давление было фантастическое со стороны руководства Азербайджана, их партнера Турции и, как я понимаю теперь уже, – руководства Армении...

– Вы говорили, что не уедете из Арцаха и что Азербайджану придется убить тысячи людей. Вы по-прежнему так считаете?

– Да! Я считаю, что надо защищать свою Родину, и ради этого готов погибнуть. Это тяжелое решение, это противостоит природе человека, но это так. За право жить на своей земле надо бороться.

Я осознанно принимал это непростое решение: год назад я понимал, к каким последствиям это может привести для меня лично и для моей семьи. Но когда ты для себя решил, что это важно, когда ты убежден, что делаешь все правильно, когда ты

в ситуации, когда тебе не стыдно посмотреть в глаза своих внуков и сказать, что я сделал все, что мог. Даже если у тебя не получилось. Я хотя бы попытался и ни о чем не жалею: я провел один из лучших годов моей жизни среди людей, которых я очень уважаю и люблю.

– А можно сказать, что это – конец тысячелетнего присутствия армян в Карабахе?

– Нет! Я уверен, что это не так! Мы должны до последнего сделать все, чтобы жить на своей земле. Карабах – это сакральное место для армян. Но жизнь не остановилась. Я глубоко убежден, что, несмотря на тяжелейшую ситуацию, мы должны до последнего внутри себя сохранить силы для того, чтобы жить на своей земле, по своим законам. И сделать все, чтобы армяне не ушли и остались бы здесь, сохранили армянское наследие.

Верность, честь, мужество

Нельзя сказать, что Армения предана в очередной раз всеми русскими. У нее всегда были и остались в России истинные друзья.

Вот что опубликовал в социальных сетях по горячим следам Арцахской катастрофы один из них (я постарался опустить слишком резкие его слова):

– Эта двухдневная война стала отличным уроком для всех. Стало ясно, что нигде никакого мира русский миротворческий контингент обеспечить вообще не в состоянии... Вероятность бескровности того, что там происходило, была мала, но она оставалась. А тут ужасно захотелось отомстить Армении. Но что месть должна была такой многосмертной и страшной...

И все это было сделано в надежде на то, что темпераментные армяне найдут виновного Пашиняна и, вероятно, порвут его на маленькие кусочки. Ну и плюс совершенно очевидное предательство миротворцев (ведь Россия навязала свою защиту Карабаху и продолжала настаивать в своей защите, и ее прямая обязанность была не допустить никаких военных действий, никаких смертей).

Надо сказать, что эта история опозорила в первую очередь Россию за счет того, что белые нитки кошмара и русский... след

во всей этой истории не вызывает нигде, ни у кого никаких сомнений. Более того, эта история и смерть российских миротворцев не вызвала никаких эмоций в самой России. И удивительно, что не последовали соболезнования азербайджанской стороне, слова сочувствия о том, что вот в такую тяжелую, сложную пору пришлось истратить так много боеприпасов и отвлечься от ведения боевых действий.

Очевидно, что эта история стала очередным позором России. А та страсть, с которой российская пропаганда разгоняет сейчас вину Пашиняна, указывает на то, что это – примитивная путинская двухходовка: быстренько заварить карабахскую войну, быстренько сдать все Азербайджану и выставить виновным Пашиняна (я за него не вступаю, он ни малейшей симпатии не вызывает), просто все эти швы этой предельно мерзкой истории слишком хорошо видны.

Вообще, эта двухдневная война стала отличным уроком для всех. Стало ясно, что нигде никакого мира русский миротворческий контингент обеспечить вообще не в состоянии.

У Армении есть смелый и честный друг. Это – советский и российский дипломат, историк и политолог, общественный и политический деятель, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета Николай Николаевич Платошкин.

В 1998 году он возглавил отдел Армении МИД России, так что, российский патриот, он знает о проблемах Армении как глубокий профессионал.

16 ноября 2020 года Николай Платошкин написал:

– Больно было смотреть, как армяне везли нехитрый скарб и поджигали оставленные в Нагорно-Карабахской Республике дома; и это происходило не в 1941-м, а в 2020 году по вине России. Армения и не могла выстоять, поскольку она воевала не с Азербайджаном, который фактически стал протекторатом Турции на Кавказе, а с наемниками из Сирии. А также с Турцией, которая является грозной силой в НАТО. Находящийся на подхвате у Эрдогана диктатор Алиев по приказу своего патрона уволил всех генералов, которые обучались в советских училищах.

По всем раскладам, если на стороне Азербайджана открыто выступила Турция, то на стороне Армении должна была выступить Россия, чтобы не создавать у себя под боком турецкий плацдарм. Мы все же воевали в Сирии, гробили там наших солдат, военную технику и громадные средства именно для того, чтобы война не пришла к нам на Кавказ.

И вот она бесцеремонно постучалась в наши двери, и именно с согласия Путина, который не вмешивался в конфликт до последнего момента, очевидно, чтобы наказать Пашиняна, который посмел прийти к власти в Армении наперекор Кремлю и разгромить воровской кагал Саргсяна, к которому благожелательно относились в Кремле.

Но вот тянуть дальше было нельзя, поскольку азербайджанские танки, под прикрытием турецких беспилотников, грозили двинуться на Ереван. Да и российский Ми-24 был подло сбит турками над Арменией. Правда, вину за это взял на себя Алиев и якобы извинился перед Путиным. Тот извинения вроде бы принял, и выходит, наши ребята погибли зря...

А вот что Николай Платошкин написал 7 сентября 2023 г., когда Азербайджан захватил ряд стратегических высот и территорий в Армении:

– Турция и Азербайджан после второй карабахской войны поняли, что Россия Армении ничем не помогла, и решили и на Армению покуситься. На наших миротворцев наплевали и начали блокаду Нагорного Карабаха.

Когда началась Украинская война, Армения в ООН вела себя образцово – она всегда за нас голосовала. А всякие там токаевцы, которых мы спасли, плевать на нас хотели. Затем Азербайджан напал на саму Армению, они (армяне) опять к нам, а мы выразили опять какую-то озабоченность и сказали: «Зайдите на недельку, нам надо посоветоваться с товарищами».

В результате Армения обратилась в ЕС, и они им помогли, выделили некую патрульную миссию. После этого Армения обратилась еще к США, и американцы встали на их сторону. Теперь кто и за Пашиняна, и против – все нас не любят. А теперь мы докатились до того, что отношения с Арменией, со страной, которая была самым близким нам союзником в мире, превратились в руины.

Вот такая у нас политика: «Ребят, мы вам помогать не будем, хоть и обязаны, но вы нас все равно слушайте, вы на нас не обижайтесь!» Что тут сказать? Стыдно. Нормальный мужик, как и нормальная страна, либо не берет на себя обязательств, либо если берет, то выполняет...

Это говорят оппозиционеры, а вот что говорит не менее смелый человек, но облеченный немалой властью, – Константин Федорович Затулин:

– Уже стало общим местом то, что президент Азербайджана говорит, что Ереван и значительная часть территории Армении принадлежит Азербайджану. Сейчас он временно снял эту тему, поскольку сейчас надо переварить то, что попало в его распоряжение в результате вот этой однодневной войны...

Я последовательно всегда выступал за признание права армянского народа Нагорного Карабаха на самоопределение. Именно поэтому я сравнивал это с самоопределением Донбасса, Крыма, Абхазии, Южной Осетии. Я абсолютно убежден в том, что право на самоопределение армянского народа Карабаха существует.

Более того, на меня не производят впечатления все эти разговоры о том, что не может быть двух в мире армянских государств. Существует республика Кипр и существует Греция, существует, в свою очередь, Турция и поддерживаемая только ею и признанная только ею республика Северного Кипра.

В результате трехстороннего соглашения мы ввели своих миротворцев в Нагорный Карабах и взяли на себя определенную долю ответственности за происходящее. Я не могу сказать, что все у нас получилось, это очевидно. Азербайджан вошел во вкус, начались провокации с Лачинским коридором, блокировка его, она не была пресечена, шли и многодневные переговоры, и уговоры, и все остальное.

Совершенно очевидно, Россия в этом случае не стала жестко настаивать на соблюдении договоренностей. Ни к каким силовым действиям мы не переходили. Я считаю, что мы должны были быть гораздо зубастее, мы должны были, невзирая на отсутствие этого мандата, все-таки предпринять определенные действия...

Говоря о людях, думающих иначе, чем он, К. Ф. Затулин, немало натерпевшийся с разных сторон, в том числе и от защищаемых им армян, сказал то, что все видят, но о чем мало кто говорит:

– Фамилии известные, публичные фигуры Коротченко, Марков. Они выступают у нас по телевидению. Это разные люди, у них разные тональности, но, в принципе, они обслуживают интересы Азербайджана. Есть Максим Шевченко, он идеализирует Азербайджан...

Он мне, не будучи историком по специальности, с пеной у рта доказывал, что армяне – пришлый народ на Кавказе, что они вообще к Кавказу не имеют никакого отношения. Это было бы смешно, если бы это не было на самом деле так провокационно... Эти люди продолжают раскручивать идею, что лучше союзника у нас, чем Азербайджан, быть не может. Я не хочу заглядывать в чужой карман...

24 апреля вместе со всеми в мире мы отмечаем трагическую дату геноцида армян в Турции. Сейчас Азербайджан по отношению к Карабаху идет по тому же пути, даже методы схожи. Надо обезглавить Нагорный Карабах, отсюда требования выдать преступников – бывших руководителей. Я не знаю, правда это или нет, но до меня дошли сведения, что уже создано что-то вроде концентрационного, фильтрационного лагеря...

В самой турецкой армии служили армяне и их-то уничтожили в качестве первого шага для того, чтобы потом приступить к уничтожению обезоруженного мирного населения. Сейчас Азербайджан добивается, судя по всему, выдачи оружия арцахцев...

Я считаю, что Россия, может быть, всего не сделала, что должна была сделать в период, предшествовавший 2020 году. Война 2020 года принесла ущерб не только армянам, Армении. Она принесла ущерб России. Люди, которые думают и разглашают по-другому, вроде Коротченко и Маркова, – это предатели интересов своей собственной страны. Они могут не любить армян, но в данном случае они предают интересы Российской Федерации на Кавказе.

Потому что в случае дальнейшего развития это приведет действительно к продвижению Турции к Каспию, в Среднюю Азию. И там недалеко до наших внутренних районов, до республик с мусульманским населением, которое тоже становится объектом пропаганды: Татарстан, Башкортостан, Якутия, объектом призывов к общему не просто культурному объединению, постановки общих политических задач в рамках тюркского мира и так далее. Это все прозрачно, это все очевидно, мне кажется.

Задача Российской Федерации видится в том, чтобы, несмотря на все сложности, добиться того, чтобы армяне Нагорного Карабаха остались, чтобы они были ограждены от дальнейших попыток их унижить, дальнейших попыток изгнать их с территории, на которой они, их предки жили веками. Это задача, которую я вижу и которая должна лежать в основе действий наших дипломатов и наших военных...

Сегодня, когда впервые в многовековой истории Арцаха произошел трагический массовый исход армян Карабаха с родной земли, который не остановили ни российские гаранты их безопасности, ни Запад, ограничившийся в адрес организаторов очевидной этнической чистки гневной словесной угрозой, хочется сказать в заключение вот что.

У нас в нашей долгой истории был, пожалуй, чуть ли не единственный момент, когда Армения получила мощную поддержку сильных мира сего. Тогда под протекторатом президента США Вудро Вильсона Армения как член коалиции победителей в Первой мировой войне получила шанс стать республикой с большой территорией, имевшей выход к Черному морю. Советская власть, подружившаяся с Турцией, сделала все, чтобы в Советской Армении забыли о той, Первой Республике Армении.

Сегодня, в атмосфере ледящего всеобщего равнодушия к тому, как с Арцаха «снимают посмертную маску» под улюлюканье прежде всего российских СМИ и некоторых российских деятелей, греют душу единичные российские голоса сочувствующих поистине глобальной трагедии армянского народа. Но какие голоса! Вот один из них – пронзительный, сердечный голос 25 сентября 2023 года почетного архитектора РФ профессора Никиты Геновича Шангина, который предваряют поэтические строки Осипа Мандельштама из цикла «Армения»:

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.
И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых Востока,
И вот лежишь на москательном ложе,
И с тебя снимают посмертную маску...

Итак, героический Арцах пал. Пал не в бою. Пал, преданный всеми его братьями и друзьями. И не просто преданный, а подло связанный и выданный на расправу своим палачам. Скорбь, боль, стыд и гнев!

Кремлевские пропагандисты делают все, дабы убедить всех, что во всем виноват Пашинян. А ведущий «Вестей недели» Дмитрий Киселев вообще договорился до того, что Карабах это якобы всего лишь спорная, между Арменией и Азербайджаном, территория. Всего-то? А самого Карабаха, с его правом на жизнь, свободу и самоопределение, выходит, как бы и нет?! Спору нет, Пашинян и его клика – это абсолютное зло. Но и к нашей власти, как бы ни старались «Соловьев и компания», вопросы остаются.

Во-первых, почему за подлости Пашиняна расплачивается народ Нагорного Карабаха, стопроцентно ориентированный на Россию? Карабахские армяне еще в 1721 году на съезде своих общин в монастыре Гандзасар приняли обращение к русскому царю с просьбой о принятии их в российское подданство. И эти чаяния живы по сей день.

Я бывал там не раз, и буквально все, с кем мне доводилось там общаться, говорили, что больше всего они хотят, в той или иной форме, быть частью России. Даже не Армении, а России! А Арцах это вообще-то хоть и непризнанное, но отдельное от Армении государство. Его народ не имел никакого отношения к оранжевой революции 2018 г., приведшей в Армении к власти Пашиняна. Арцахцы никогда за него не голосовали. Так почему же теперь они оказываются без вины виноватыми?

Во-вторых, в своем недавнем выступлении, показанном в эфире «Вечера с Соловьевым», министр иностранных дел России Сергей Лавров сказал буквально следующее: «Необходимость сохра-

нения территориальной целостности записана в Уставе ООН наряду и после (!) принципа равноправия и самоопределения народов. В Декларации Генассамблеи ООН о принципах международного права записано, что необходимо соблюдать территориальную целостность тех государств, чьи правительства... представляют все население, проживающее на соответствующей территории.

То, что авторы и исполнители кровавого путча в Киеве в феврале 2014 г. никоим образом не могут представлять жителей Крыма, Донбасса и юго-востока Украины, тут и доказывать нечего. Таким отношением к своим гражданам Киев подорвал территориальную целостность своего государства. Таким образом, свою территориальную целостность киевский режим разрушил самостоятельно. И в полном соответствии с Уставом ООН и международным правом (там) вступил в силу принцип самоопределения народов».

Я полностью согласен с каждым словом министра иностранных дел моей страны. Одно лишь добавление. Все сказанное им, в связи с конфликтом в Малороссии, полностью, слово в слово соответствует и тому, что происходит в Нагорном Карабахе. Весь советский период власти Азербайджана неуклонно проводили политику ползучего этноцида* проживавшего в АзССР армянского населения, особенно усилившуюся в 1970–1980-е годы.

(*«Этноцид» в международной юридической терминологии означает намеренное создание государственными институтами условий, способствующих либо изживанию какого-либо этноса с территории его исконного проживания, либо его насильственной ассимиляции. Тогда как «геноцид» означает физическое истребление населения либо определенной его группы по национальному или религиозному признаку.)

В результате если в 1913 году армянское население Нахичеванской области АзССР составляло почти 42%, являясь относительным большинством на фоне разноплеменных групп «татар», курдов и цыган-мусульман, то к 1989 году прошлого века его там вообще не осталось (последние армянские села были депортированы в 1988 году).

А в Нагорном Карабахе оно только за 70–80-е годы прошлого века сократилось с 97 до 75%. 1988 и 1989 годы были в Азербайд-

жане отмечены резней армянского населения в Сумгаите, Баку и Гяндже. А когда в ответ на погромы карабахские армяне провозгласили свою независимость, Баку даже не попытался вступить с ними хоть в какой-то диалог, а сразу ответил коврами обстрелами его городов. Один в один как Киев поступил с Донбассом! Разве этим Азербайджан не «разрушил свою территориальную целостность»? И разве, вследствие этого, в Нагорном Карабахе, в полном соответствии с Уставом ООН и международным правом, не вступил в силу принцип самоопределения народов?

Но тогда вопрос. Почему для российской власти референдумы в Крыму, в Донбассе и в Новороссии имеют значение, а про точно такой же референдум 1991 г. в Нагорном Карабахе она ничего знать не желает. И почему для нее преступные шаги Пашиняна по сдаче Карабаха, не ратифицированные парламентом Армении, оказываются для нас выше волеизъявления народа Арцаха? Как же так, в Крыму, в Донбассе, в Новороссии, а также в Приднестровье, в Северной Осетии и в Абхазии принцип самоопределения народов для российской власти имеет значение, а для народа Нагорного Карабаха нет? Что это за двойные стандарты, в которых мы постоянно, и совершенно справедливо, обвиняем наших западных оппонентов?

В-третьих. Нам постоянно твердят, что, мол, почему мы должны воевать за Нагорный Карабах, когда сама Армения (в лице Пашиняна) от него отказалась? Простите, а почему именно воевать? Конечно, теперь, когда для народа Арцаха все доказалось до национальной катастрофы и для его спасения ничего, кроме военного вмешательства, уже не остается, мы не можем позволить себе самим открыть второй фронт! Но что, у России все эти годы никаких других инструментов не было? Конечно же, были, и немало...

А ведь все произошло не в раз. Ведь Азербайджан постоянно проверял нас на твердость. Там подгадил, мы сделали вид, что не заметили, там укусил, мы не обратили внимания, там плюнул нам в лицо, мы утерлись. И с каждым разом он наглед, наглед, наглед...

Василий Гроссман в своем эпохальном романе «Жизнь и судьба», этой «Войне и мире» XX в., очень точно пишет, что Зло, если оно не встречает противодействия, усиливается, крепчает и становится более агрессивным. А мы все уповаем на очередные

«Минские соглашения», а когда их внаглую растаптывают, только разводим руками: ах, нас опять обманули... Азербайджан нарушил бессрочное перемирие 1994 г. и начал агрессию против Арцаха, это уже само по себе было юридическим основанием для признания республики Арцах, а мы его даже не осудили!

Нам говорят, что вот, мол, сама Армения не признала Арцах. А почему это должно было быть препятствием для нашего признания? Что, Армения, тем более с Пашиняном во главе, нам в таких делах указ? Могли бы признать независимость Арцаха и без Армении. И, уверен, от этого было бы неизмеримо больше пользы, чем издержек. Ну разорвал бы с нами дипотношения Азербайджан (Грузия когда-то тоже разорвала, теперь все идет к тому, что восстановит). Мы что, от этих отношений много имеем?

Ну осложнились бы на какое-то время отношения с турецким «султаном». Но ведь и он не сумасшедший, чтобы из-за этого ломать себе шею. Говорят, что это был бы анклав. Ну анклав, ну и что? Калининград тоже анклав. Что моря нет, ну был бы воздушный мост. И что, азербайджанцы стали бы сбивать наши самолеты? Да никогда! Они же не самоубийцы. Зато какой плацдарм мы бы там приобрели! Как многократно бы усилили свое положение и влияние во всем регионе. И этот плацдарм не имел бы ничего общего с американскими базами, что как тараканы расползлись по всему миру. В отличие от них он опирался бы на стопроцентно пророссийское население, готовое, если надо, сражаться с нами плечом к плечу. А в самой Армении Пашиняну, с его интригами, после этого просто деваться было бы некуда! А как возрос бы престиж нашей страны, которая своих не бросает, в глазах большей части человечества! Про БРИКС я уже молчу...

Дальше – больше. Азербайджан перекрывает приграничные армянские магистрали, захватывает автобусы с армянскими школьниками, вторгается уже непосредственно на суверенную территорию Армении, обстреливает ее города, – мы глухо об этом молчим!

Наконец, Азербайджан плюет на все договоренности 2020 г., перекрывает Лачинский коридор, в котором могут находиться только наши миротворцы (дорога + по 5 км с каждой стороны), а мы только разводим руками. И в свое оправдание опять твер-

дим, что во всем виноват Пашинян. Мол, он без нас изменил статус наших миротворцев, и теперь они не могут препятствовать вторжению азербайджанцев в зону их ответственности (Лачинский коридор). Ах-ах-ах! В результате Азербайджан устанавливает блокаду Арцаха. Но, позвольте спросить, а почему мы так смиренно согласились с этим изменением статуса? Мы великая держава, или только об этом говорим?

Почему мы не заявили, что Пашинян нам не указ, что мы не признаем решения, принятые без нашего участия, и что мы будем продолжать выполнять трехсторонние соглашения от 09.11.2020? И будем их выполнять, поскольку делаем это не ради господина Пашиняна, а ради безопасности 120 тыс. арцахцев. И вы думаете, что после этого Пашинян и его клика посмели бы нам что-либо возразить? Да их армяне на куски бы порвали. И рвали бы их в том числе и те, кто сегодня публично жжет российские паспорта. А авторитет нашей страны в Армении снова взлетел бы до небес.

Надо уметь проявлять твердость, когда от тебя зависят жизни тысяч людей. Причем, повторяю, людей, которые в подавляющем большинстве считают себя нашими и мечтают быть частью России.

Что было с Грузией, когда в Цхинвале погибли наши миротворцы? Помним. А здесь, когда сбили наш вертолет и когда на днях расстреляли наших военнослужащих (один из погибших – заместитель командующего миротворческим контингентом, он же заместитель командующего подводными силами Северного флота капитан 1 ранга Иван Ковган). И, как теперь выясняется, этот эксцесс не был случайностью.

Наши миротворцы оказались свидетелями военного преступления, совершенного азербайджанцами. Вот их и убрали. И мы вполне удовлетворились извинениями. И тогда, и сейчас! И даже не потребовали никаких политических уступок для карабахцев! А про ряд подобных эксцессов 2020–2023 годов у нас вообще ни слова не говорилось. А там тоже были наши погибшие миротворцы. Погибшие от рук азербайджанских военных. Но этого как бы и не было!

Что это за такое особо снисходительное и даже заискивающее отношение к Азербайджану? Он что, ну просто лучший наш друг или такой уж надежный наш партнер? Он что, разве не присоединился к санкциям против нас? Разве вместе с коллектив-

ным Западом он не осудил нас за СВО? Разве он не поддерживает и словом, и делом укронацистский киевский режим? И что, азербайджанские школьники не учатся по картам, где ладно бы только Карабах и Армения, но где и Дагестан, и Чечня, и Ставрополье, – все это Великий Азербайджан! И с нашей стороны ни от МИД, ни от Минкульта ни ноты протеста. И масс-медиа молчат в трубочку. Тишь да гладь. Ничего не вижу, ничего не слышу. К чему это привело в Малороссии, надо напоминать?

Ну и уж совсем мелочь. Про массовое уничтожение армянских памятников культуры на территории Азербайджана я уже много писал и говорил. Интересующихся могу адресовать, например, к моей статье на интернет-портале Regnum «Албанское наследие Закавказья. Кто кричит “Держи вора!”?». Здесь же скажу лишь про 16-вековое карабахское село Чардахлу. В годы Великой Отечественной войны 853 чардахлинец были награждены орденами и медалями, четверо из них стали Героями Советского Союза. А двое уроженцев этого села, Ованес Баграмян и Амазасп Бабаджанян, стали маршалами Советского Союза. Где еще такое встретишь?!

Так вот, сейчас все коренное армянское население села депортировано. Могилы героев Великой Отечественной войны осквернены, памятник маршалу Баграмяну взорван, музей двух маршалов превращен в чайхану, а их родные дома снесены бульдозерами. Подобные действия в странах Прибалтики, в Польше,

Село Чардахлу.

Маршалы И.Х. Баграмян и А.Х.Бабаджанян.

Памятник воинам-сельчанам, участникам Великой Отечественной войны

Чехии и в Малороссии были в России официально осуждены, но власти Азербайджана за это до сих пор не призваны к ответу.

Дополню и уточню глубоко уважаемого профессора.

Село Чардахлу поистине уникально тем, что дало стране 2 маршала, 12 генералов, 57 полковников, 7 Героев Советского Союза. На фронт ушли 1250 сельчан, 452 из них погибли.

Население Арцаха (Нагорно-Карабахской автономной области – НКАО) к началу войны составляло 150 тысяч человек (в их числе 90% армян). 44 тысяч армян НКАО (включая около 2 тысяч женщин) приняло участие в Великой Отечественной войне. Почти половина карабахцев, участвовавших в войне, более 20 тысяч, героически погибли. Это составило 15% от общей численности населения края. 24 карабахца стали Героями Советского Союза, 7 человек стали кавалерами ордена Славы всех 3-х степеней, тысячи воинов были награждены боевыми орденами и медалями.

В социальных сетях можно узнать сегодня: «В процентном соотношении в Карабахе было мобилизовано в 2 раза больше людей, чем даже в фашистской Германии. Осуществляя тотальную мобилизацию карабахских армян, Азербайджан решал сразу три задачи. Это обеспечивало высокий процент призыва из Азербайджана. Азербайджан присваивал себе лавры республики, давшей множество смелых офицеров и солдат. И, наконец, приберегая своих азербайджанцев,.. власти республики активно посылали на убой армян, чтоб тем самым решить демографический вопрос. Так же не жалели и русских, евреев, талышей, лезгин, аварцев и других. Они «портили» демографическую картину Азербайджана...»

Всё это знают все, мало-мальски знакомые с политическим «почерком» Азербайджана и его старшего брата – Турции, но на это закрывают глаза все, кроме людей особо совестливых, дальновидных, бескорыстных...

Профессор Никита Генович Шангин продолжал:

Я ни в коей мере не призываю рвать отношения и тем более воевать с Азербайджаном. Но выводы-то делать надо. И уж как минимум можно же было поприжать здесь распоясавшийся полукриминальный, а зачастую и просто криминальный азербайджанский бизнес? Можно же было подморозить активы бакинской элиты?

Можно же было пригрозить Алиеву депортировать обратно всех понаехавших к нам от него нелегалов? А для острастки так и депортировать сотенку-другую. Только легче бы дышать на наших улицах стало. В конце концов, почему бы было не отправить в Карабах «музыкантов», чтобы они не от имени государства, а сами по себе, как частная компания, навели бы порядок в Лачинском коридоре и сняли бы с Арцаха блокаду? Это все только так, навскидку. Но наверняка была и масса других возможностей. И воспользуйся ими наша власть, не было бы нынешней катастрофы. Но вот не было у нашей власти никакой политической воли этими возможностями воспользоваться.

А вот засунуть голову в песок и быть равноудаленными и от Армении, и от Азербайджана – это пожалуйста. Называть Азербайджан дружеским – это с удовольствием.

И вот в «Вестях недели» Д. Киселев заявляет, что Шуши всегда был 100% азербайджанским городом. Но это же прямая ложь! Посмотрите на многочисленные фото руин Шуши, которые остались после того, как в 1921 г. мусаватистские** эскадроны смерти провели там этническую чистку армянского населения.

Прочитайте стихотворение Осипа Мандельштама «Фаэтонщик» и воспоминания его жены Надежды Мандельштам об их посещении Шуши летом 1930 г. Наконец, посмотрите, что пишет про этот город председатель КГБ СССР (1961–1967 гг.) В. Е. Семичастный, который в 1959 г. был вторым секретарем ЦК КП АзССР. В интернете все это есть. Вот с тех пор, с погрома 1921 г., Шуши и стал азербайджанским. Только сами азербайджанцы жить там не стали. Население некогда весьма крупного города оставалось мизерным. Так и стоял этот город-призрак в руинах, пока его в 1992 г. не освободили арцахские ополченцы и не начали его восстанавливать. Как же вам не стыдно, господин Киселев, нести такое?!

(**Мусават – в начале XX века азербайджанская радикально-националистическая партия, особо отметившаяся этническими чистками армян в Восточном Закавказье в годы Гражданской войны 1918–1923 гг.)

А в эфире у В. Соловьева одно наше высокопоставленное лицо поздравляет президента Ильхама Алиева и «дружеский»

Азербайджан с исторической победой. Уж на что Соловьев верноподданный, но и то обалдел! А на его вопрос, что же теперь будет с карабахскими армянами, это высокое лицо не моргнув глазом ответило, что они будут реинтегрированы в азербайджанское общество. Что на деле будет означать для них эта реинтеграция по-азербайджански, арцахцам более чем понятно. Мне тоже.

«...Вандализм является сущностью армян... (армяне) это не нация, а нищий сброд... у армян никогда не было постоянного места жительства, культуры и искусства. Они кочевали из местности в местность, всегда присваивая чужую культуру, воровали у нас музыку, кухню, ремесло, архитектуру... армяне стали селиться на наших землях с середины XIX века, (и) к сожалению, они не оценили счастья жить рядом с азербайджанским народом...» – это говорит не лидер какой-то ультранационалистической экстремистской группировки, а на минуточку, президент Союза архитекторов Азербайджана г-н Эльбай Гасымзаде (см. интернет-портал Trend Life <http://www.trend.az/life/socium/3335557.html>).

У нас за такие публичные высказывания их автор повстречался бы с прокуратурой. А в Азербайджане это норма. А вот совсем недавнее: «Армяне создали себе государство на чужой земле. Армения никогда не была на этой территории. Сегодняшняя Армения – это наша земля». И это уже собственной персоной президент Азербайджана Ильхам Алиев («Новые известия» <https://dzen.ru/a/ZPwkoIG9ZW-ax9jI>). То, что все наоборот, любой может убедиться, открыв любую энциклопедию. Но ведь, как говорил Геббельс, – «чем чудовищнее ложь, тем легче в нее верят».

А вот его батюшка Гейдар Алиев, сын мусаватиста, в 1960–1970-е годы первый секретарь ЦК КП АзССР, в 1980-е член Политбюро ЦК КПСС, в 1990–2000-е годы президент Азербайджана: «Я старался, чтобы в Нагорном Карабахе было больше азербайджанцев, а число армян сократилось. Те, кто работал в то время в Нагорном Карабахе, знают об этом» (газета «Зеркало», Баку, 23 июля 2002 г.). Ведь это открытое признание в организации этноцида! И ничего. И когда его не стало, наши власти выражали соболезнования и посылали официальную делегацию на похороны.

Напомню, что в Турции, с которой Азербайджан, как заявлено лидерами этих стран, представляет два государства и один народ, все немногочисленные армяне, оставшиеся в живых после геноцида 1915–1923 гг., были обязаны сменить свои имена на турецкие, принять ислам и забыть свой родной язык. Любая попытка что-либо рассказать своим детям об их предках и, соответственно, о геноциде по закону «об оскорблении турецкости» карается уголовным сроком.

Ну а на наших глазах Азербайджан предъявляет Арцаху поименный список тех, кто подлежит выдаче по обвинению в терроризме. В нем все, кто сражался за свободу Арцаха, все сотрудники его правительств и администраций, все депутаты его парламентов за все 30 лет его независимости. Тысячи имен! Фактически почти все взрослое мужское население республики! И их выдача является условием пропуска беженцев в Армению по гуманитарному коридору. Реинтеграция!

И на этом фоне у нас должны быть какие-то иллюзии по части того, какое остальных карабахцев, фактически женщин и детей, ждет «счастье жить рядом с азербайджанским народом»? Арцахцы уже имели это счастье. И были вынуждены сражаться против него.

Да, сейчас наши миротворцы как могут спасают жителей Арцаха, оказывают им посильную помощь. Но ведь теперь-то это «цветы запоздалые». Ну сколько они могут спасти людей? Сегодня сказали, что в их расположении укрылось 5 тыс. чел. Это из 120-тысячного населения Арцаха!

А ведь еще три года назад, по всем соцопросам в Армении, если бы В. В. Путин выдвинулся на пост главы этого государства, он с огромным отрывом обошел бы любого армянского политика. Кто еще в наше время так к нам относился? Кто еще называл нас братьями, а нашу страну старшим братом?!

Я в Армении с этим встречался постоянно! И что мы будем делать теперь, когда Арцах пал и когда этот народ от нас полностью отвернется? Ведь теперь рейтинг нашей власти там близок к нулю. И теперь мы как никогда близки к полной потере нашего присутствия в Закавказье. То, что вслед за этим снова полыхнет наш Северный Кавказ, – к гадалке ходить не надо. Какой подарок мы этим делаем коллективному Западу!

Скажем прямо, позиция российского руководства в карабахском вопросе, просто с точки зрения здравого смысла, совершенно иррациональна и по сути самоубийственна. Почему? К сожалению, у меня нет другого рационального объяснения, кроме как воздействия на нашу политическую элиту мощнейшего азербайджанского лобби, буквально метастазами проникшего во все поры нашего государственного организма и прочно повязавшего массу ответственных чиновников на всех его уровнях.

Влияние этого лобби даже внешне заметно по одной лишь Москве, где, такое впечатление, что половина городской недвижимости скуплена известным азербайджанским олигархом. Буду счастлив, если я ошибаюсь. Но если это так, то это страшно.

И в сухом остатке, что нам теперь делать, если, надеюсь, у нашей власти на то еще сохранились, простите за тавтологию, остатки политической воли?

Первое. Как угодно, любыми дипломатическими, политическими и экономическими средствами воздействия на Азербайджан не допустить выдачи ему на расправу патриотов Арцаха. Мы просто обязаны спасти этих людей! Хватит с Азербайджана одной лишь захваченной у них земли. Позволить ему еще и глумиться расправой над героями армянского народа будет верхом бесстыдства и несмываемым позором для нашей страны! Армения никогда нам этого не простит.

Второе. Организовать массовую эвакуацию в Россию всех желающих этого арцахцев. Срочно разработать государственную программу по их переселению и адаптации в нашей стране. Россия должна отнестись к этим людям так же, как к нашим новым гражданам на юго-востоке Малороссии, вынужденным бежать от террора укронацистов.

По сравнению с толпами завозимой в Россию неквалифицированной рабочей силы из Средней Азии, да еще и культурно нам чуждой и нередко враждебно настроенной, арцахцы, без сомнения, станут достойными и нужными гражданами нашей страны. В подавляющем большинстве они мастера своего дела, трудолюбивы и прекрасно владеют русским языком.

Третье. В отношении Армении решительно отказаться от порочной практики выстраивания межгосударственных отношений только на уровне элит и немедленно на всех социальных уровнях начать активно проводить политику народной дипломатии. Только это может дать шанс на какое-то восстановление репутации России в глазах народа Армении и, в перспективе, на смену режима Пашиняна на более адекватное и более пророссийски ориентированное руководство этой страны.

Спасибо, Никита Генович! Спасибо за правду, за справедливость, за честь, за мужество.

Несколько слов о дальнейшем построении книги. Начинается она с благодарных слов о мудрецах и подвижниках наших дней: Р. К. Варданяне, А. А. Папяне, С. А. Цатуряне. Затем рассказано о моих коллегах – ученых Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ. Это Г. М. Мусинянц, А. Г. Поповьян, А. А. Казарян, М. А. Брутян, А. П. Сейранян...

Большой следующий раздел посвящен выдающимся специалистам других авиационных центров – Опытного конструкторского бюро А. Н. Туполева (Э. В. Елян, К. И. Малхасян, А. А. Енгибарян, С. П. Авакимов, В. Н. и В. В. Бендеровы, А. З. Наскидянц, А. М. Давтян, Ф. А. Кочарян, А. А. и А. Н. Рафаэляны), а также ОКБ В. М. Мясищева (Н. Г. Нуров, Г. Н. Назаров, А. Д. Тохунц, В. А. Ширинянц, Р. Г. Чачикян).

Герои следующих очерков, как и в первом томе, расположились в алфавитном порядке: Н. В. Казарян, Л. М. Карахан, С. Г. Кочарянц, А. А. Мкртчян, А. Е. Погосов, К. И. Щелкин (Метаксян).

С выдающимися соотечественниками, которым посвящены заключительные очерки книги, автор лично был знаком в наименьшей степени, лишь косвенно, но счел важным рассказать хотя бы кратко и о них. Пример их подвижничества особенно поучителен – как для соотечественников, для наших друзей, единомышленников, так и для недоброжелателей.

Рубен Карленович ВАРДАНЯН

Эти строки о замечательном человеке как главу настоящей книги я написал в сентябре 2023 года, за две недели до сдачи Арцаха. А за год до того, посылая в качестве подарка незнакомому мне удивительному человеку свою книгу «Мудрецы на чаше весов», я сделал такую дарственную надпись: «Дорогому Рубену Варданяну, мудрецу наших дней, на добрую память о выдающихся мудрецах прошлого, с благодарностью за Ваши Дела, мужество, истинную любовь к Родине, душевную щедрость и доброту».

Привожу этот очерк без правок, связанных с происшедшей трагедией, исходом армян из Арцаха и пленением Р. К. Варданяна как символа несгибаемости арцахцев.

Сегодня среди армян много, чрезмерно много умников, но, слава богу, немало и истинных умниц. Умница – это тот, кто не только говорит умное. Подлинный умница – это тот, кто действует умно, это тот редкий человек, для кого доступна и естественна триада: «знать, понимать, уметь».

Армяне России, составляющие самую большую часть мировой диаспоры армянства, как мне представляется, наименее организованы, наименее смелы – наименее полезны для своей малой родины.

Крупный российский предприниматель Рубен Карленович Варданян – сегодня чуть ли не единственный, поистине героический пример для всех них.

Рубен Варданян родился в 1968 году в Ереване. Он получил блестящее образование, окончив с отличием экономический

факультет МГУ и пройдя также обучение по специальным программам Гарвардской бизнес-школы, Йельского университета и Высшей школы бизнеса Стэнфордского университета. Уже в 1993 году Рубен Карленович был избран генеральным директором группы компаний «Тройка Диалог», а спустя год стал ее президентом. В 2000-е годы возглавляемая им организация принимала активное участие в инвестировании российских предприятий и корпораций, среди которых: «АвтоВАЗ», «СИБУР», «Новатэк», аэропорт Шереметьево... Он являлся членом советов директоров Открытого акционерного общества «КАМАЗ», Публичного акционерного общества «СИБУР» и др., входил в совет директоров таких организаций, как Национальная ассоциация участников фондового рынка и Российская торговая система, акционерное общество «Гражданские самолеты Сухого»...

Р.К. Варданян и В.Ф.Зонабенд

По версии международного финансового журнала Forbes, в 2019 году Рубен Варданян занял 103-е место в рейтинге «200 богатейших бизнесменов России» с состоянием 950 миллионов долларов. Щедрый российский меценат, Рубен Карленович вместе со своей женой Вероникой Феликсовной Зонабенд основал благотворительный фонд, деятельность которого распространяется на Россию и Армению. (Между прочим, жена Рубена Карленовича, Вероника Зонабенд, жила в нашем подмосковном городе Жуковском, оканчивала ту же «английскую» школу № 3, что и мои дочери, а после окончания МАИ работала в Научно-исследовательском институте авиационного оборудования – НИИАО, который многие годы возглавлял мой старший товарищ – генерал Анатолий Афанасьевич Польский.)

Вероника Зонабенд активно поддерживает своего мужа во всех его гуманистических инициативах. Среди их подопечных: Российская академия народного хозяйства, Московский государственный университет, японская, бразильская и китайская

бизнес-школы. Рубен Варданян участвовал в создании управленческой школы «Сколково», Дилижанского колледжа в Армении. В память о жертвах армянского народа он основал международный проект 100 LIVES, а также учредил гуманитарную премию Aurora Prize for Awakening Humanity.

И вот человек такого истинно мирового масштаба, теряя гораздо больше, чем кто-либо, рискуя в России больше, чем иные соотечественники: ученые, политики, деятели культуры, чиновники, инженеры, рабочие, – поставил на карту все: и свое имя, свой миллиардный бизнес, спокойную жизнь своей семьи, – когда увидел, что Отечество в смертельной опасности, и встал на передовой, рядом с его защитниками. Он говорил:

– Я счастливый человек, у меня четверо детей, прекрасная жена. Я могу жить своей жизнью в любой части мира. У меня много друзей, я реализовал много проектов, я являюсь членом совета бразильской бизнес-школы, у меня есть проект в Гонконге, я могу быть в США, в Европе, в России. Но я сказал: «Пришло время сделать свой выбор. Ты за свой народ? Ты за свою родину и страну, к которой принадлежишь, или нет?» И это тяжелое решение, потому что есть много проблем, планов и проектов. Но тогда ты приходишь и говоришь: «Что важнее для тебя? Твоя личная жизнь или готовность что-то делать для своего народа?» И – выбор не простой. Но это нормально. Здесь нет ничего героического. Это просто так, когда приходит время, каждый должен принять свое собственное решение о том, что для него важно. А для меня было важно остаться со своим народом, со своими людьми...

Рубен Варданян, как никто другой, самоотверженно и смело, конструктивно и эффективно начал действовать – особенно активно с первых дней второй карабахской войны. И сегодня его громкий голос сражающегося защитника Арцаха слышен в мире как никакой иной.

– Пора начать действовать, чтобы пугающая перспектива окончательно потерять Арцах, а вместе с ним и Армению не стала

Р. К. Варданян

реальностью, – призвал он, находясь в Арцахе под прицельным огнем противника (в буквальном и переносном смыслах этих слов)... – У каждого народа есть корни. Эти корни определяют основу, не только наследие прошлого, но и основу будущего дерева... Арцах – уникальное место не только с точки зрения природы, истории. Это действительно колыбель не просто армянской – христианской цивилизации. Одно из немногих мест, где армяне проживали тысячелетиями. К сожалению, большинство других мест у нас потеряно, в Западной Армении например. Очень сложно быть все время беженцами, жить в ситуации, когда твои корни, твои могилы разрушены, уничтожены под корень.

Чистый гуманитарий, человек сугубо мирной профессии, но реалист, ясно видящий очевидную угрозу, он представляет и единственно возможный выбор:

– Мы все солдаты, которые должны стоять на защите своей родины. Мой переезд в Арцах был связан именно с таким решением. В такой момент времени, когда у нас в принципе военное положение, мы окружены со всех сторон, мы все как один должны объединиться, и каждый, кто может что-то привнести в защиту и развитие Арцаха, должен это сделать... Я буду делать все возможное, чтобы спасти Арцах, чтобы мои способности, мои связи, все мои возможности оказались полезными для безопасности и развития Арцаха.

Причем, повторюсь, он скромно не видит в этом никакого геройства, а лишь свой естественный личный гражданский долг.

Наш народ, и в Армении, и в России как важнейшей части диаспоры, может только с благодарностью воспринимать не только мобилизующие слова, но и действия Рубена Карленовича Варданяна, променявшего на седьмом десятке лет (не в пример многим другим своим коллегам из списка «Форбса») яхты и виллы, роскошную жизнь во дворцах, в кругу семьи, друзей на жизнь в условиях голода и холода в блокадном Арцахе. Отчетливо видя наши недостатки, Варданян активно действует не только тактически, но и стратегически: «Я готов сделать все, чтобы моя нация имела правильное, справедливое общество!» При этом, выступив со своей программной статьей «15 принципов будущего Армении», он рационально исходит из того, что возникшие острые проблемы и угрозы открывают также и новые горизонты.

По сути «одиночка», он не на шутку испугал серьезнейшую «коалицию», напавшую на Арцах и уже готовую его проглотить. Еще задолго до 44-дневной войны начиная с 2002 года, вместе со своими партнерами по большому бизнесу и друзьями Варданян начал широкую филантропическую деятельность на Родине, создав в течение 20 лет 700 проектов для армянского мира, Армении и Арцаха. Сам Рубен Варданян говорит об этом со скромным достоинством:

– Так получилось, что я, имея корни в Арцахе, приехал в Нагорный Карабах в 2003 году, и после этого Арцах стал для меня местом, куда я приезжал очень часто, делал много разных проектов, и для меня Арцах стал важнейшим символом возрождения Армении и армянского мира после трагедии геноцида, произошедшего 100 лет назад, и многих других событий, которые происходили с нами, потому что была победа, которая давала нам возможность уйти от модели жертвы... Все это я описал в книге «На перекрестке», которая, кстати, есть в интернете, она написана совместно с Нуне Алекян. Там много кое-чего описывается из того, о чем я думал и размышлял.

И сегодня, в самое опасное для Арцаха время, самый деятельный его защитник Рубен Варданян, находясь рядом с бедствующим родным народом, не только поднимает личным примером его боевой дух, но и мобилизует внешний мир на защиту цивилизации:

– Я убежден, что арцахцы (а они доказывают это уже столетиями) – неслгибаемые люди... После такой тяжелой войны, потери части районов, где проживали всегда армяне, большинство людей все-таки осталось, они здесь живут и работают. Арцахцы всегда были настоящими воинами, не

В родном Арцахе

боялись опасности. Другое дело, что они должны видеть путь, которым мы придем к тому, чтобы это испытание не было бесконечным... Мы боремся за свою землю, мы боремся за то, где мы живем. Для азербайджанца, который здесь не жил и не живет, это совсем другая война.

В трудные моменты боевого сопротивления арцахцев, вырвавшихся из «братских» объятий Азербайджана, во время навязанной им первой карабахской войны 1992–1994 годов, рядом с ними оказывались многие ставшие легендарными боевики-герои, патриоты из разных стран, добровольно присоединившиеся к справедливой борьбе народа Арцаха за независимость. Бизнесмен и хозяин родной земли, Рубен Варданян – сугубо мирный человек, человек мира, ставший рядом с защитниками осажденной крепости – своей крохотной Родины, осажденной сильнейшим и наглым противником, уверенный в необходимости и возможности выстоять, рассказывал о том, как пришел к своему решению:

– Еще до начала так называемой бархатной революции, в апреле 2018 года, когда уже прошла отставка бывшего президента Сержа Саргсяна, у меня произошла первая встреча с будущим премьер-министром Армении Николом Пашиняном. И я сказал Пашиняну, что всю жизнь занимался благотворительной деятельностью вместе с моими партнерами и буду заниматься этой деятельностью вне зависимости от того, кто у власти. Потому что я это делаю для армянского народа, для Армении, для Арцаха, и в этом нет никаких политических амбиций. Но есть одна тема, которая для меня является красной линией, – это тема Арцаха и судьба арцахства...

Житейски опытный, равнодушный человек и мудрый менеджер, Варданян не только отчетливо видит критические ошибки, допущенные постсоветской «независимой» Арменией, но и уверен в необходимости и возможности исправить положение:

– ...Кризис – это всегда не только угроза, но и возможность. Когда происходят такого уровня катаклизмы, когда люди понимают, что уже подошли к красной черте, когда дальше уже крах всего, конец всего, возникает потребность в изменениях. Возникает потребность в новых лидерах. И возникает готовность принять очень неприятные решения. В этом смысле мы сейчас нахо-

димся в хорошем моменте с точки зрения того, чтобы осознать, что было неправильно за последние 30 лет.

У всех в памяти поистине уникальное для современной отечественной истории эмоциональное и достойное обращение Рубена Карленовича Варданяна, единственного (и самого авторитетного в России) армянина, к президенту России, обращение, наполненное болью за свою малую родину и за связанную с ней многовековыми узами единокровную Россию. Сам Варданян говорил об этом так:

– 5 октября 2020 года я выступил с достаточно громким публичным заявлением в адрес элит различных, не только президента России, но и армянской, азербайджанской, грузинской элит. Это выступление вызвало достаточно большой резонанс. Я во время войны, так получилось, с первого дня оказался в Арцахе. Для меня это был очень тяжелый психологический период, и я понимал, что, к сожалению, это связано не только с военными действиями, но и дальнейшими событиями, очень тяжелыми для армянского мира и Арцаха в первую очередь.

Варданян лучше многих других видел масштабы цивилизационной опасности, угрожавшей Арцаху, а значит, и Армении, и незначительные шансы противостоять могучей коалиции. Но он мудро и по сути героически не остановился в своих усилиях предотвратить трагедию и после окончания кровопролитной войны Арцаха против мощного врага. Он, чуть ли не единственный на сегодня реально, смело и мудро действующий герой, принял, кажется, наиболее эффективное решение из всех возможных. Он – отец большого счастливого семейства, интеллектуал, миллиардер, видя угрозу реальной потери своей страны, демонстративно встал рядом с простыми арцахцами, униженными, оскорбленными, подавленными. Он, с его международным авторитетом выдающегося бизнесмена и мецената, подвижника в области инновационного обучения, в области культуры, стал, по сути, единственным человеком, чей голос о реальной угрозе победы Зла над Добром услышал цивилизованный мир.

В Армении, в Арцахе постоянно говорят об ошибках «прежних» руководителей республик: об их несамостоятельности, о массовой коррупции – даже среди генералитета, особенно

гнусных перед лицом открыто готовившегося реванша со стороны Азербайджана и его союзников после поражения в первой карабахской войне... Варданян, не переходя на личности, говорил о главном: «Мне кажется, самым важным упущением было то, что народ и государство не превратились в один объединенный кулак, что мы вместе друг с другом не поняли, как можем противодействовать этим вызовам...»

Не обращая внимания на непонимание и напраслину своих, а также грязные инсинуации и угрозы чужих, он продолжал свою конструктивную борьбу – и с теми, и с другими. Его твердый спокойный голос последовательного, бескомпромиссного и конструктивного борца все более и более был слышен в мире. Он неустанно повторял (и своим, и чужим): «Без Арцаха нет Армении, без Армении – нет Арцаха!» Это вполне согласуется с пониманием азербайджанских умов: «Карабах не вернется, пока жива Армения!» Но Варданян при этом был уверен, что арцахцы подобны Давиду, победившему Голиафа.

Р. К. Варданян

К сожалению, не сложились у Варданяна достаточно плодотворные отношения и с президентом Арцаха Арутюняном.

Сила Варданяна мне видится не только в его весьма успешном противостоянии с противником, сила его и в том, сколь достойно, не ожидая признательности от соотечественников, он выслушивал пусть редкие, но громкие их неблагодарности типа «российский заланец»... Как мне видится, не вина Варданяна в том, что вскоре начало пропадать взаимопонимание между ним и Пашиняном, политика которого становилась все более путаной и все более на руку врагам Армении. К со-

Варданян рассказывал:

– В 2021 году я принял гражданство Армении, понимая, что ситуация становится все хуже и хуже. И для себя я понял, что, к сожалению, нам не удастся избежать серьезного кризиса политического. А главное, неготовность нас к защите своей Родины вызвала у меня очень большие эмоции. Поэтому, когда уже в июле – августе 2022 года я принимал решение о переезде в Арцах, я прекрасно понимал, что происходит с Арцахом, что происходит в Армении, как мы медленно сдаем Арцах. И сдаем его без боя, сдаем без сопротивления, сдаем просто потому, что внутренне сломался какой-то механизм у руководителей, в первую очередь Армении. В происходивших событиях там была чередой уступок, уступок и уступок. Я понимал, что Бердзор и Ахавно – это была последняя, уже критическая уступка. Даже Лачинский коридор, который был прописан формально, перестал существовать. Поэтому я это решение принимал осознанно и тяжело, я сказал: «Я приезжаю сюда как обычный человек и готов как солдат делать любую работу, необходимую для защиты Арцаха. Я был готов ко всему, и моя встреча с президентом, которую он описал сам, произошла на дороге в Арцах. Когда я ему сказал, что я переезжаю в Арцах, он очень эмоционально отреагировал и тут же предложил мне должность госминистра».

О важном значении Варданяна в рядах защитников Арцаха (да и всего армянства) отчетливо говорила агрессивная реакция со стороны Азербайджана на его назначение и присутствие в Арцахе. Об этом свидетельствовало возраставшее публичное и закулисное давление на президента Арцаха Араика Арутюняна внешних сил. К личности Варданяна «усилиями» Азербайджана было привлечено «критическое» внимание везде, где это было возможно, – и на заседании ООН, и в Европарламенте. И среди арцахцев их противник стал упорно распространять молву о том, что именно в связи с Варданяном жизнь в Арцахе стала хуже и будто бы именно с ним была связана и его блокада. «Если Варданян уйдет, то все нормализуется!» – это было одно из условий со стороны азербайджанской стороны, которое она озвучивала в январе-феврале 2023 года, – по открытию Лачинского коридора. Но это оказался ожидаемый обман, и после отставки опасного Варданяна азербайджанцы (в нарушение тройственного

соглашения России, Азербайджана и Армении) блокаду продолжали многие месяцы.

Все-таки масштаб личностей и подход к проблемам Арцаха Варданяна и Арутюняна были разными. Заряженность Варданяна на борьбу до конца (можно сказать, не на жизнь, а на смерть – даже с минимальными шансами на выживание и победу) противостояла стремлению Арутюняна – «с наименьшими жертвами пройти мимо струек дождя», что, по справедливому убеждению Варданяна, «не может привести ни к чему хорошему ни внутри, ни вовне». Рубен Варданян в связи с этим говорил:

– С первого дня я считал, что у нас есть одна дорога – это бороться за свое право жить на этой земле, и считал, что исходя из соотношения сил у нас маленький процент для успеха, но этот малый процент лучше, чем ноль, лучше, чем если мы ничего не будем делать... Если мы готовы потерять родину – это исход, если мы готовы смириться и жить по законам Азербайджана – это потерять честь и достоинство, и если мы готовы бороться за свое право жить по своим законам, по своим правилам на своей земле, то это – возможность поднять голову. Основные разногласия между мной и президентом состояли в том, что мы всегда одинаково оценивали степень риска, но я считал, что асимметричный ответ и энергичная деятельность позволят добиться успеха, и приводил такой пример. Были проанализированы все войны, которые произошли за 200 лет последних между странами, которые были в 10 раз сильнее и больше по сравнению с более слабыми. Так вот, интересная статистика: только в 71,5% случаев страны, которые имели столь большое превосходство, побеждали. А в 28,5% побеждали маленькие страны.

Вскоре, однако, вследствие возникших разногласий тот же президент Арцаха Араик Арутюнян освободил Варданяна от этой должности. Но Рубен Карленович, которого никак не волновало его официальное положение, продолжил свою борьбу. Словно не замечая потока гнусностей оппонентов, «своих» и чужих, не обращая внимания на деструктивные действия руководства Армении, на «молчание» России, Варданян спокойно и аргументированно продолжил доказывать, опять-таки и «своим», и чужим, и всем как заинтересованным, так и вполне равнодушным силам, всему цивилизованному миру:

– ...Сохранение статус-кво (состоящего в том, что Арцах не будет частью Азербайджана в той форме, в которой это видит азербайджанское руководство) должно быть однозначно понято и принято. Принято и руководством Азербайджана, и азербайджанским народом. Попытка уничтожить арцахский народ, попытка решить это военным способом будет очень дорого стоить Азербайджану. И с точки зрения прямых жертв, и с точки зрения потерь в международном пространстве, и с точки зрения того, что все это бумеранг. Чем больше ты делаешь таких выступлений, тем больше тебе потом возвращается. Я не пугаю и не хочу выглядеть как человек, который чем-то пытается угрожать. Это история. Надо почитать просто историю и понимать, что это все просто так бесследно не проходит ни для кого. Жизнь – это то, что нужно беречь. Относиться к тому, что делаешь, надо с точки зрения не только нынешнего дня, но и будущего. Важнейшая задача руководителей любой страны – быть ответственным не только за сегодня, но и за то, как будут жить дальше поколения.

Говоря о мирном будущем Арцаха, Варданян подчеркивал:

– ...Арцахцы очень трудолюбивые, очень неприхотливые. И если они будут уверены, что здесь все открыто, прозрачно и справедливо, то будут готовы на любые лишения. Я не вижу больших, серьезных проблем с тем, чтобы привлечь правильные ресурсы и их правильно инвестировать, чтобы они дали возможность создать более устойчивую систему существования арцахцев в непростом XXI веке, в котором мы все живем.

Но тем не менее, понимая, что «модель сосуществования

Монастырский комплекс Татев (895–906 гг.)

Часть масштабного благотворительного проекта «Возрождение Татева», инициированного и возглавленного Рубеном Варданяном

с соседями – тоже важнейшая задача», Варданян предложил следующую труднореализуемую, но, кажется, единственно возможную «бескровную» формулу: «Жить рядом, но не вместе означает, что мы понимаем и принимаем, что находимся в соседстве с людьми, с которыми у нас очень сложные, тяжелые взаимоотношения. Но мы должны найти в себе и силы, и волю к тому, чтобы при сохранении накопленного очень серьезного негатива и опасности, которая исходит от соседа, научиться выстраивать отношения с соседом так, чтобы и он понимал, что ему выгоднее, правильнее сосуществовать, а не пытаться уничтожить».

Мало кто сегодня вправе говорить громкие слова о Родине так, как Варданян:

– Сколько могу, делаю. Я должности не хотел и сейчас не хочу. Я говорил одно: это не про должности, это про Родину. Или ты являешься защитником Родины, готов принести себя в жертву Родине, отдать свою жизнь, что самое важное, или ты производишь тосты... Бог сверху видит все... Бог сделал так, что все мы будем стоять перед Богом и держать ответ за наши действия. И сколько бы ученым людям ни казалось, что это не так, поверьте, будет так. И вы, и семь поколений примут на себя проклятие. И вы, и ваши поколения получают наказание. А кто себя правильно вел, получит защиту. Правильное поведение мне помогло, изменило мою жизнь, потому я в это очень верю.

У нас было много плохих времен. Мы все должны понимать одно: либо ты – достойный человек, либо ты – ничто. Если ты не готов защищать свое достоинство, за хлеб и за воду ты готов продать свои истоки, свою Родину, тогда нет темы для разговора. Те люди, которые считают, что наши жертвы были бессмысленны или что наша война (и первая, и вторая, и третья) была чем-то плохим, что об этом сказать? Твоя готовность бороться за Родину, да, это большая жертва, но это и большая честь. Если не готовы, должны сказать своему народу, что не готовы бороться, не готовы вести себя достойно, не готовы, чтобы другие народы нас уважали...

Одна из «претензий» ура-патриотов к Варданяну – его якобы «пророссийская» ориентация. В качестве «доказательства» приводят, в частности, его слова о роли российских миротворцев в Арцахе: «...Однозначно здесь должны находиться российские

миротворцы. Однозначно они должны иметь мандат на более длительный горизонт времени, который позволит в том числе снизить градус ненависти и армянофобии, которая существует в азербайджанском обществе».

Но эти слова говорились до того, как проявилась неготовность или нежелание России выполнять условия тройственного соглашения от 9 ноября 2020 года, в частности о Лачинском коридоре. Об этом критически говорил Варданян. Он же заявил в сентябре 2023 года нелицеприятное и истинное в отношении российско-армянских отношений:

– Идет большая игра между Западом, Востоком и Россией. И мы как большой мяч оказались на поле, где каждый пинает нас, как ему вздумается, и каждый хочет понять, какую сторону ему выбрать. Мы, армяне, обычно делаем неправильный выбор и не пытаемся понять свою выгоду. Конечно, очень важно понимать, что мы не являемся решающим фактором в этих играх, но это не значит, что мы не можем оказать влияние, если у нас есть позиция, воля и уверенность в том, что мы готовы сражаться за свою Родину.

Все сегодняшние повседневные заботы Рубена Варданяна связаны с небольшим клочком родной земли, но он мыслит глобально:

– Армянский мир намного больше, чем Арцах и Армения. Хочу напомнить, что в Иерусалиме один из четырех кварталов – армянский. В Венеции есть остров Святого Лазаря, где находится армянский монастырь. Я могу вам перечислить огромное культурное наследие, историческое наследие. Сегодняшние общины, живущие в России или Америке, это миллионы людей, которые живут в других странах. В этом смысле мы говорим про весь армянский мир. Я считаю, что все это неразрывно связанное между собой пуповиной пространство, и в этом смысле они, конечно, будут взаимодействовать, взаимно поддерживать друг друга, и это однозначно будет общее единое пространство, где мы должны наладить механизм взаимодействия, механизм нового восприятия армянского мира, который должен быть современным и отвечать реалиям XXI века. Преимущество, которое мы имеем, – наличие армян по всему миру.

Когда Рубен Варданян не занимал уже официальных постов в Арцахе, он, возглавляя общественное движение в республике, оставался важной личностью – особенно в условиях смены власти в связи с уходом с поста президента Арцаха Араика Арутюняна. С его мнением не могли не считаться будущие руководители: «Правительство должно иметь четкую стратегическую позицию, осуществлять последовательный системный подход, наказывать тех, кто не подчиняется, и выполнять свои обязательства исходя из того, что мы находимся в ситуации войны, а не политической борьбы “с некоторыми ограничениями”, как нам сегодня представляют ситуацию».

Мне представляется, ключевое слово к подвижнической деятельности Рубена Карленовича Варданяна – это «достоинство». Свидетельство тому и его собственные слова: «Вы можете убить меня, но вы не можете лишить меня достоинства!»

И вот – на глазах у всего мира – кадры из социальных сетей после сдачи Арцаха: два дюжих аскера, заломив руки в наручники пожилому арестанту, заставив его демонстративно склонить голову, показывают миру свой главный победный трофей, своего пленника, основного, быть может самого идеологически убедительного и потому опасного противника с первых дней его борьбы за право родного Арцаха жить на своей собственной в веках земле, со своими памятниками, церквями, монастырями, по своим правилам. Но когда этот негибимый пленник, освобожденный от оков и заламывания рук, разогнулся, стряхнул с себя пыль аскеров и со степенным достоинством поднял голову, мир увидел в его спокойном взгляде человека, продолжающего борьбу. На глазах у честных, равнодушных людей происходит редкое: миллиардер, меценат, интеллектual Рубен Карленович Варданян все более и более становится истинным героем, борцом за справедливость, истинным человеком мира.

Самоотверженный пример нашего современника Р. К. Варданяна служит действенным призывом: когда Родина в опасности, на ее защиту должны встать все – каждый в меру своих возможностей и способностей. Ясно, что особенно ценным представляется военный опыт. К примеру, такой опыт умелой и смелой вооруженной борьбы, о котором говорится в дальнейшем, в очерках о наших национальных героях недавнего прошлого – Гарегине

В родном Степанакерте

Нжде, Монте Мелконяне. Но не оценим также опыт гуманитариев (в частности, журналиста Гранта Динка – другого мудреца нашей книги), способных разбудить гражданскую активность и организованность соотечественников в решении как насущных задач нынешних дней, так и их стремления к системному, стратегическому подходу к построению будущего нашего народа. В этом отношении достойны благодарной признательности политологи С. А. Цатурян, А. А. Папян. Но прежде чем рассказать о них, еще несколько слов.

К горькому моему сожалению, я неслучайно рядом с Азербайджаном и Турцией в их противостоянии с моей Арменией поставил и мою Россию. Да, я понимаю, что у России свои интересы и они могут не совпадать (в который уже раз за века!) с интересами все более и более сжимающейся и все менее значимой для россиян Армении. Но я не могу смириться с тем, что моя Армения (уже на наших глазах) явно становится предметом торговли и откровенного ублажения Турции. Я не могу смириться с тем, что «старший брат» Армении – Россия крайне ревниво относится к малейшим признакам возмущения и строптивости армянства, его естественного желания найти и другую силу, способную защитить ее хребет – Арцах. После нападения Азербайджана, а также Турции, Пакистана, Израиля, сирийских наемников

на Арцах, считавшийся «вечным союзником» России, «российско-армянское братство» свелось к тому, что Россия позволила коалиции надломить хребет Арцаха, но прагматично не допустила его полное разрушение!

С этим, естественно, не может смириться большинство все более прозревающих политических деятелей и политологов, большинство народа Армении.

Даже Пашинян, прозрев, в интервью итальянской газете «Република» в сентябре 2023 года назвал стратегической ошибкой зависимость своей страны от Российской Федерации в сфере безопасности. Архитектура безопасности Армении была на 99,99% связана с Российской Федерацией – в том числе и в сфере приобретения оружия и боеприпасов. Но сегодня, когда Россия нуждается в оружии и боеприпасах, понятно, что даже если бы она захотела, не смогла бы обеспечить потребности Армении в сфере безопасности. Пашинян обвинил Российскую Федерацию в фактическом бездействии на Кавказе и отметил, что «Россия где-то не хочет, а где-то не может решить проблему Лачинского коридора, который на данный момент уже не находится под контролем российских миротворцев. Однажды мы можем проснуться и увидеть, что здесь, на Кавказе, России больше нет».

Такое позднее прозрение нисколько не добавляет уважения Пашиняну. Мне особенно близки как минимум три, по-моему наиболее конструктивных и деятельных силы современного армянства, которые, в моих глазах, представляют такие разные личности, как Саркис Цатурян, Ара Папян, Рубен Варданян. Первые двое, по сути, категорически, ссылаясь на действительные факты истории, призывают армянство полностью отказаться от явно неравного «братства» с Россией. Рубен Варданян, как мне представляется, не был столь радикален и не потерял надежду на то, что связи России и Армении могут стать чище, благороднее, взаимовыгоднее.

Я в одинаковой мере признателен всем троим истинным патриотам Армении и хочу хоть коротко, но одинаково благодарно рассказать о каждом из них и представить их видение, как я его понимаю, проблем армянства. Это особенно важно для армянства в Армении, в Арцахе, и это особенно важно для российских армян – самой большой и самой организационно слабой, без-

молвной, бездеятельной, трусливой части нашей диаспоры. Это важно также для россиян, не видящих всей полноты, всей объективности картины и нередко убежденных в неблагодарности армян. Это важно для россиян, для которых небезразлична индоевропейская цивилизационная составляющая Кавказа, которая связана с Индией, Ираном, Арменией, Грузией, Осетией, Грецией, Кипром...

На родной земле

Издание Forbes опубликовало в 2023 году следующую информацию. В основанном Рубеном Варданяном фонде IDeA (Initiatives for Development of Armenia), его семьей и партнерами с 2001 по 2023 год инвестировано более 700 миллионов долларов в Армении и Арцахе.

3 октября 2021 года Центр по исследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP) опубликовал итоги крупнейшего международного расследования в истории журналистики, так называемые «Файлы Пандоры». В одном из файлов говорилось: «Семья президента Азербайджана Ильхама Алиева через 84 офшорные компании скупил только в Лондоне недвижимость на сумму 700 миллионов долларов».

Сегодня Варданян в застенках у Алиева.

Честный мир перевернулся?! Совесть мира проснулась?! Слепые прозрели?! Голос справедливости прогремел?!

Заканчивая этот очерк, нельзя не вспомнить о другом примере подвижничества, другого патриота Арцаха – Левона Гургеновича Айрапетяна (1949–2017). Известный общественный деятель, российский бизнесмен, председатель совета директоров издательского дома «Собеседник», он был инициатором многих благотворительных проектов в России, Армении и Арцахе. В Арцахе его усилиями был восстановлен выдающийся памятник армянской архитектуры – монастырь Гандзасар. В тамошних горах он проложил десятки километров дорог. В своем родном арцахском

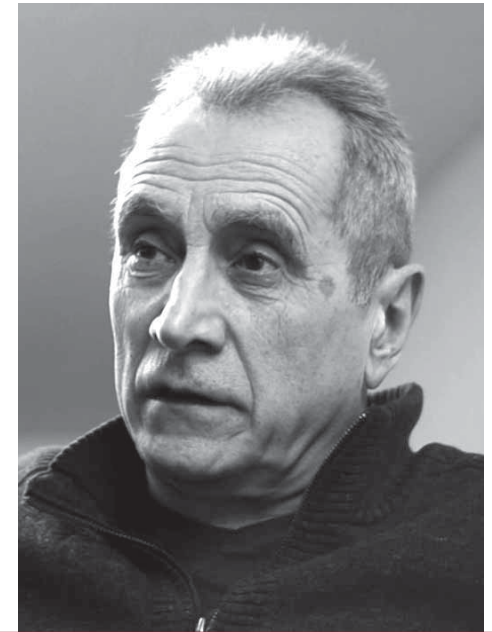
селе Ванк он построил завод, школу, галерею, училище, детский сад, гостиницу... На весь мир стал известен оригинальный и щедрый вклад Айрапетяна в решение одной из главных современных проблем Арцаха как части Армении – демографической проблемы.

Хорошо его знавший музыкант Стас Намин сказал о нем: «Левон Айрапетян был удивительным человеком. Имея огромное состояние, которое он заработал, подчеркиваю, честным бизнесом, он не был жлобом, какими довольно часто бывают олигархи. Он был реальным меценатом, не бумажным, не липовым, он действительно огромные деньги тратил на помощь родному Карабаху. Он от чистого сердца помогал и близким, и далеким – тем, кого вообще не знал лично. Он сострадал и чувствовал чужую боль и нужду».

Интеллектуал, философ по образованию и, по сути, патриот, Айрапетян говорил как о явно недостающем нам: «Каждый армянин, живущий за пределами родины, независимо от того, чем он занимается, обязан выплачивать генетическую дань армянскому народу».

В его мудром подвижничестве мне виделось что-то схожее с Гарегином Нжде. И как же трогательно было узнать, что и на самом деле у них было немало общего. Мало того что они приходились друг другу родственниками: Левон Айрапетян был внуком сестры Гарегина Нжде! Но оба, как писали информированные люди, были «незаконно задержаны властями, и впоследствии оба скончались в тюрьмах. В обоих случаях власти Армении не предприняли ничего для спасения виднейших представителей своего народа. Нжде ушел из жизни в возрасте 69 лет, Левон Айрапетян – в возрасте 68 лет».

У нас будет еще возможность вспомнить других сподвижников Р. К. Варданяна в качестве замечательных благотворителей. Но прежде чем рассказать также об упоминавшихся его политических сподвижниках (С. А. Цатурян, А. А. Папаян, В. Гаспарян), приведем очерк о его удивительном товарище – кинорежиссере К. С. Геворкяне.

**Карен Саркисович
ГЕВОРКЯН**

У нашей семьи есть друг – Карен Саркисович Геворкян. Удивительный человек. Познакомились мы с ним случайно. Он вышел на меня как на эксперта в области авиации – со своим проектом оригинального самолета. Покорил он и меня, и мою жену с первых минут нашего общения – органичной простотой, мудрой сердечностью истинного патриота Армении. Тогда мы не знали (и еще долго не знали), что это выдающийся советский кинорежиссер. Но мы были покорены им как участником первой карабахской войны, создателем замечательной боевой машины пехоты. Он был уверен, что предложил такую же замечательную конструкцию перспективного самолета, столь необходимого для обороны Родины – Армении. Конструкция, к сожалению, не была таковой. Я прямо об этом сказал Карену, указав на ряд органических ее недостатков. Но он на протяжении нескольких лет упорно доказывал и доказывает мне обратное, заручаясь поддержкой авторитетных специалистов, среди которых были и академик Михаил Асланович Погосян, и генеральный конструктор Генрих Васильевич Новожилов. Случай подарил нашей семье замечательного друга. Но им вправе гордиться и прислушаться к его мудрым словам весь наш народ. Прежде чем привести их, коротко – о его необычном, впечатляющем жизненном пути.

«Я – гений» – так однажды без ложной скромности, шутливо-серьезно, просто Карен начал рассказ о своей жизни. Родился он в Ереване в 1941 году. Его прадед, со стороны матери, был русским, дипломатом, который служил в Иране, в консульстве, там он полюбил армянку, родившую ему будущую бабушку Карена... Его отец, коренной ереванец, был кинооператором на студии «Арменфильм». Мама – из армян Ирана, ее брат был одним из основателей иранской компартии. Их семья в 1937 году из-за преследований коммунистов вынуждена была переехать в Армению. Там родители встретились, в 1941 году у них родился сын Карен.

Я знал, что Карен в 1956 году окончил музыкальную школу в Ереване, но, зная также о его серьезном увлечении авиацией, спросил его о том, располагало ли что-нибудь к авиации в детстве? Он ответил:

– Я вырос на киностудии, наблюдал все там, мне это было особенно близко, но одновременно я обожал авиацию. И до сих пор обожаю – ты это знаешь. И когда я окончил школу, было решено: поступать – либо туда, либо сюда. Первым делом я, приехав в Москву, в 1958 году, пришел поступать в МАИ. Я – «нюхач», начал обнюхивать коридоры и смотреть атмосферу, она мне показалась казарменной. После этого я пошел во ВГИК, там атмосфера была совершенно другой, и я сказал: «Вот это – мое, лучше сюда!» Так я поступил с первого захода на операторский факультет ВГИКа...

В 1963 году он окончил обучение во ВГИКе (в мастерской Б. Волчека) и в 1963–1964 годах работал на киностудии «Арменфильм».

– Тут началась моя бурная кинематографическая жизнь, – продолжил Карен, – где главными врагами моими были армяне, которые трижды меня выдворяли из Армении...

– Чем же ты им не понравился?

– Я был всегда свободным, говорил всегда то, что думаю, я никого не боялся и не играл ни в какие игры. Я для них был чужой. Вот таким чужим и остался по сей день.

В 1967 году Геворкян окончил высшие режиссерские курсы в Москве (в мастерской Ю. Райзмана и Л. Трауберга), после чего работал на «Мосфильме», в «Центрнаучфильме», на Ереванской студии кинохроники. В 1970–1981 годах он – на «Арменфильме», откуда был изгнан после запрещения картины «Прощание

за чертой». Затем работал на «Лентелефильме» и студии имени А. Довженко в Киеве.

– Когда меня выгоняли из Армении, – рассказывал Карен, – я тут же оказывался в России признанным, принятым и тут же начинал снимать. Вот так получилось.

Позже (и не от Карена) я узнал, что в советское время Карен Геворкян снял в Москве четыре документальных и пять художественных фильмов. Я их не видел. Для меня было неким потрясением узнать (уже от самого Карена), что фильм, которым я давно восхищался, выдающийся фильм «Пегий пес, бегущий краем моря», снятый в 1990 году по классике советской литературы Чингизу Айтматову, – это его работа, Карена Геворкяна. Необыкновенно тонкий, глубокий фильм, снятый в манере, чем-то очень-очень отдаленно напоминающей манеру С. И. Параджанова, получил истинно мировое признание. Удивительное состояло в том, что, в отличие от Параджанова, с его буйством красок, Геворкян снял поэтический фильм в скупой, аскетической художественной манере. Фильм, в котором мало солнца на небе, но много его в душах простых, живущих трудной, суровой жизнью, мудрых нивхов – малочисленного народа Дальнего Востока. И можно себе представить мои чувства, когда после нескольких месяцев весьма плотного общения с Кареном я узнал, что режиссером этого удивительного фильма является он – Геворкян. Тот самый, который однажды сказал мне: «Ты – мой оппонент в аэродинамике. Ты же меня знаешь, я как бульдог, если я вцеплюсь, то меня оторвать нельзя будет...»

Я спросил его однажды:

– Как ты подошел к «Пегому псу»? Это твоя первая, как ты считаешь, такая значительная работа?

– Это моя лучшая, пожалуй, работа, хотя своей первой, уникальной я считаю документалку. Ну, это отдельная тема. «Пегий пес» очень интересно сложился.

К. С. Геворкян

– А как с Чингизом Айтматовым складывались у вас отношения?

– Мы перешли на «ты» через полчаса после нашей первой встречи. Могу описать ее.

– Где она произошла?

– Она произошла у Дома кино в Москве. Он уже знал, что я режиссер, который должен снимать картину по его повести. И я должен был рассказать ему, как я это себе представляю.

– А разрешение от него не потребовалось – изначально?

– Нет. В этом отношении все было в порядке... После большой паузы (мы ходили безмолвно навстречу друг другу, отдаляясь и приближаясь в течение нескольких минут) Чингиз сказал: «Слушай, Карен, ты же понимаешь, что эту картину снять невозможно, ты что, сумасшедший?» Я говорю: «Чингиз, кто тебе это сказал?» Он говорит: «Ну как, море, Сахалин, третье, десятое...» Я твердо возражаю: «Эту картину можно снять!» Он говорит: «Ну, видимо, ты все-таки сумасшедший». Я говорю: «Ну, может быть». И после этой встречи мы простились на три года. Он был в моей жизни лучшим автором. Он не говорил, что чего-то мне делать не надо. «Раз ты такой, делай что хочешь», – сказал он мне. Мы встретились уже через три или даже через три с половиной года. У меня уже был написан сценарий, но картина перекочевала из студии «Ленфильм» (здесь она начиналась) на студию имени А. Довженко в Киев. Руководители «Ленфильма» предложили мне снимать не на Сахалине, а – на Балтике... В киевской студии была жива традиция Параджанова, традиция поэтического кино так называемого. Это был конец советского времени. И вот мы встречаемся с Чингизом в 1990 году в Госкино. Сдача картины. Были председатель Госкино, его заместитель, редактор... Айтматов до того момента ничего не видел. Я его не втягивал и теперь дал знать, что картина кончена: «Вот, сдаем!» Он пришел со всем своим семейством. Он женился во второй раз, пришел с новой женой, с малышкой, и был также его сын от первого брака. Когда демонстрация картины кончилась, Айтматов сказал: «Карен, это – моя лучшая картина». И потом, говорят, он это повторял, без меня – неоднократно и в разных местах.

– Госкино понимало, что это большой успех?

– Ну, понимало – не понимало... но на следующий год фильм был представлен на Московском кинофестивале, стал победителем того, другого, третьего, десятого.

– Но пока чиновникам не сказали, они чувствовали, что это шедевр?

– Ты знаешь, от чиновников требовать тонкости вкуса незачем. Но дальше эта картина сначала стала победителем «Кинотавра», потом победила на Московском кинофестивале, причем там хорошие режиссеры были, например Оливер Стоун...

Сегодня можно узнать из интернета о впечатляющих наградах этого фильма: главный приз в конкурсе «Фильмы для избранных» (1991 – КФ Сочи «Кинотавр»); Золотой приз, приз FIPRESCI, приз экуменического жюри, специальный приз Международного жюри кино клубов (1991 – МКФ в Москве); приз кинопрессы «За лучший фильм года» (1991); Гран-при (1993 – МКФ авторского фильма в Сан-Ремо); Гран-при (1993 – МКФ в Валансьене).

На моих уже глазах Карен закончил другую замечательную картину – «Вся наша надежда», удостоенную ряда высоких наград на кинофестивалях в 2016–2017 годах.

В настоящее время студия «Русское поле», созданная в 2014 году и руководимая Кареном Геворкяном, живущим с семьей в Санкт-Петербурге, работает над циклом документальных фильмов о блокаде Ленинграда. В течение нескольких последних лет Карен занят смелым и масштабным проектом – это художественный фильм по мотивам поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин».

Все это (как и непрекращающиеся усилия Геворкяна по конструированию самолета) происходит параллельно с преподаванием в Санкт-Петербургском государственном институте кинематографии и телевидения, где он возглавляет мастерскую режиссеров игрового кино и телевидения.

В 1993 году он создал свою студию «Навигатор» для реализации проекта «Новая армянская летопись» и проводил военно-документальные съемки Карабахской войны. Естественно, я спросил Карена:

– А как же ты оказался на Карабахской войне? Ведь с кинодеятельностью это связано не очень.

– Не очень.

– Ты же жил в это время в Киеве?

– Я был в это время лучшим режиссером Советского Союза. Меня так оценили кинокритики: лучшая картина 1991 года, лучший режиссер...

– А где ты жил в это время?

– Жил я в Москве, с женой снимали квартиру... Одной ногой – в Петербурге. А из Киева, когда закончилась работа над «Пегим псом», я уехал. Я снимал эту картину три года. Три сезона, процесс был непростой, картина шла тяжело: далекие, трудные экспедиции. Необходима была жесткая рука. У меня была в Киеве кликуха «Фашист». На Сахалине мне здорово помогли местные жители – нивхи, они сделали картину. Зимой с детьми в юртах на берегу сурового моря...

– Они прочувствовали, что это про них? Что это – родное?

– Конечно. До сих пор это все... какие-то легенды... Иногда мне рассказывают истории, которых я уже не помню, а они передают их из поколения в поколение...

– Это удивительно. Параджанов Украину прославил, а Геворкян... Сахалин.

– Мне так кажется, что существенную роль в твоём успехе режиссерском сыграло то, что ты и оператор, в частности и этого фильма.

– От этого никуда не уйти. И более того, я двух операторов выгнал из этой картины.

– И потом, наверное, существенную роль сыграло то, что ты как документалист начинал?

– Я начинал как режиссер художественный, это во время войны я стал документалистом. Документальным кино я занялся только во время войны. Я поехал в Армению, собрал денежки, какие были, мне помогли с деньгами на покупку техники два брата, племянники знаменитого дирижера Большого театра А. Ш. Мелик-Пашаева...

– Ты собирался снимать, по-видимому! Не воевать, а снимать?

– Поначалу – так. А потом стало понятно, что необходимо и то, и другое. Я приехал туда в конце 1992-го и воевал до мая 1994 года. Потом я стал врагом всего армянского руководства...

– А это с чего началось?

– Я же в Армении стал заниматься интересными вещами. Я сделал там известную тебе боевую машину пехоты...

– Да, замечательная машина, насколько я могу судить...

– А потом я начал авиационный проект, армянский. Сейчас он позарез был бы нужен...

Я промолчал, а Карен продолжил:

– Я начал заниматься еще ставшей совершенно необходимой идеологией построения будущего Армении, а потом оказалось, что я никому не нужен, потому что – враг, потому что беспокою высокое руководство...

– А в идеологии, которая нужна нам как мало что другое, чем ты не пришелся ко двору?

– А потому что видел действительность. «Ребята, мы здесь грабим, мы теперь дел не делаем, какая идеология? Охренел, что ли, что ты нас мучаешь, мы победили азеров, у нас всё! Они теперь все в дерьме. Навсегда...» Ну, идиоты...

– А кто главный идиот был?

– Первым был президент Левон Тер-Петросян. Высокообразованный, он посеял вот это всё. Он был первым подонком. Потом пришел Роберт Кочарян, якобы герой, воин. Начал деньги делать, он сегодня – богач... Потом пришел Серж Саргсян. Народ от них тошнило. И вот после них пришел «спаситель». И этот тоже – урод...

– Значит, народ наш болен, значит, мы все оказались слепыми, глухими, немymi, да к тому же – разъединенными... А в чем ключевые моменты твоей идеологии? Нам, для нашего настоящего и, главное, будущего мудрая, конструктивная, мобилизующая и объединяющая народ идеология необходима позарез. В чем ее суть?

– Сейчас в двух словах скажу. Мы – народ семейный, и семья для нас – всё! Она и – государство. Долгое время армянин спасался в семье. Тем более в Турции. Это был его замкнутый мир. Предлагается строить систему государства на принципах семьи: у семьи нельзя воровать, в семье нельзя гадить, в семье надо воспитывать детей, в семье надо быть честным, надо развиваться... И таким образом предлагается перенести принципы семейного статуса на государственное устройство. Свои идеологические предложения я изложил в брошюре «Государство – семья, госу-

дарство – крепость». На этом основании предлагается строить и вооруженные силы, и экономику, и систему власти. Все то, что должно быть в семье, должно быть в государстве. Защита, технологии, развитие, социальное устройство, судебная система...

Серж Саргсян однажды позвал меня и говорит: «Карен, ты умный человек, скажи, мы можем искоренить коррупцию?» Я говорю: «Да!» «А как?» – «Бороться!» – «А как бороться?» – «Серж, ты же знаешь всех коррупционеров? (А он сам – первый коррупционер.) Значит, мы делаем большую клетку и ставим эту клетку в центре нашей главной площади. Утром рано команда, два-три человека, приходят домой к этому коррупционеру, берут его вместе с семьей и отводят в эту клетку с надписью: “Вор, коррупционер”...» Он спрашивает: «Ты это серьезно говоришь?» – «Очень серьезно, можешь завтра начать?» На этом всё кончилось. Я стал их врагом...

С Робертом Кочаряном я не был так близок, хотя был с ним на ты. От Сержа Саргсяна я получил именно оружие, удостоился...

Армянские бизнесмены (у них есть умные люди, я с ними дружу, в хороших отношениях), они богаты, имеют связи, возможности, но и они – идиоты. Чокнутый идиотизм. Вот мой приятель. Он построил фуникулер, немало потратился. У него потрясающая школа в Дилижане. Сейчас он в Карабахе, герой. (Наша беседа с Кареном проходила до трагического исхода армян из Арцаха и пленения его руководителей, в частности Рубена Варданяна, на которого указывал Карен.) Была продекларирована программа «Армения-2020», которая профукана, – они же занимались этим прогнозированием! Там нет варианта катастрофы, там были все варианты, кроме того, который случился. Вот он не понимает, что при всех его связях у него есть один только вариант: создавать промышленность, прежде всего – военную.

(Уместно привести слова Карена, сказанные мне совсем недавно, когда он прочел этот очерк о себе, как и очерк о Рубене Варданяне, в этом двухтомнике:

– Я находился с Рубеном в такой перманентной борьбе. Он меня уважал, он меня приглашал на всякие посиделки, особенно в последнее время, перед своим убытием в Арцах. Он проводил как бы сходки, в них участвовало человек 10–12, ну, такие...

головы. И каждый раз он меня приглашал туда, и я там выглядел как шило в заднице... В чем, на мой взгляд, драма Рубена? Когда он в последний раз намеревался ехать в Арцах, затевать всё это дело, мы увиделись, и я сказал: «Рубен, дай бог мне ошибиться, но ты едешь на катастрофу!» Дело в том, что эту арцахскую историю я пережил в нулевых годах еще. Тогда было ясно, к чему это всё идет. В чем суть моего конфликта с ним, я хочу, чтобы ты знал это. Он как деловой человек делал ставку на такой бизнес-подход, он полагал, что деньги и инициатива вместе с его личностью могут дать некий импульс, шанс на возрождение некоего такого карабахского духа. При этом он связался с моими бывшими друзьями, ставшими негодьями. С тем же Бако Саакяном, Аркадием Гукасяном, то есть с людьми, которые там нажились, в большей или меньшей степени, безвольными, оказавшимися нулями. Как и Роберт Кочарян... А теперь – к сути моего конфликта. Я говорил Рубену: «Этот твой инструментарий – никакой! Ты подходишь к проблеме с позиций бизнеса, бизнес-технологий. Но в этом подходе нет главного – идеологии! Без идеологии ничего не получится!» Слово «идеология» он не понимал. У армян, у которых полторы тысячи лет не было государства, представление о государстве – как о компашке приятелей. Нам необходима идеология! Как инструментарий, довлеющий над всеми гражданами, над всей нацией, как обязывающий инструментарий!

– Мне представляется, это – очевидная истина! Это скальный фундамент, на котором строится наше здание в столь «сейсмоопасной» зоне...

– Может быть, и очевидная истина, но все от этого отбрыкивались! Это – проблема армянства, которое любит деньги, но не любит идеи. И ставит на деньги – уже не в первый раз. Вот в чем трагедия. Всё поставили на деньги и проиграли. Причем – своими собственными руками. Без идей в Армении ничего нельзя было делать... В 1991–1995 годах мы были самой сильной страной на Кавказе... Для меня Рубен Варданян – это мой... приятель, и это мне очень грустно говорить. Но он оказался непрошибаемым. И в результате – его судьба...)

Вернемся к нашей прежней прерванной беседе с Кареном о проблеме создания эффективной военной промышленности в Армении. Он тогда продолжал:

– Я тебе факты приведу. В 1992 году, когда я приехал к президенту Л. А. Тер-Петросяну, туда к нему пришел Самвел Григорьевич Кочарянц, ядерщик из Арзамаса-16. Он приехал в Армению. И, как я потом выяснил, он предложил то, что ставило его голову на плаху. Он сказал: «Армения должна иметь ядерное оружие!» Я сижу в предбаннике, и вдруг выходит этот человек (я потом узнал, кто это был), выходит человек, с матом русским... Вот я и говорю Рубену Варданяну: «Ты хочешь Армению перевернуть?» – «Как?» – «Очень просто. Вот видишь: там-то продается завод? Он продается за цену московской квартиры, огромный завод, где можно делать все что хочешь. На этом заводе напрашивается создание военного производства. Двойные технологии. Вот джип готовый есть... Авиационная тематика есть... Давай!» – «Нет, это – долгая история...»

И так все. А он самый умный среди них, миллиардер. Они не понимают, что безоружный человек – это дичь. Безоружная нация – дичь. Ну не понимают или не хотят понимать...

У нас организационно – советская армия до сих пор: отделение, взвод, рота. Была предложена реформа армии. Очень простая. Армянский солдат, шустрый. Он должен быть универсалом. Я предложил программу, где создается одно подразделение. Три машины для одного подразделения, мобильные группы. У этой группы в багажнике – ПТУРС, гранатомет, миномет, снайперская винтовка, все, что нужно, приборы ночного видения, ночные прицелы... То есть это – мобильная группа, которая нигде не стоит. Семья, команда, мобильные подразделения, которые хрен поймашь. Автономно они могут месяц держаться на своем... Это – другая армия, другое сознание, другая психология. Надо начинать с идеологии, с психологии.

В отличие от большинства современных армян, Карен (как и я – патриот и Армении, и России) не видит особых прегрешений России в отношении своего союзника Армении. Он говорит: «Почему Армения не признала Карабах? Потому что иметь два государства было выгодно руководителям Армении. Все начинается с первого хода, если ты первый ход сделал не в ту сторону, все пошло по другой траектории... Мы побеждаем в первой карабахской войне; казалось бы, – присоедини Арцах! Ты провел референдум, ты все это юридически оформил, ты победил в вой-

не. Бери! Не берут. Дальше, ну ладно, этот дурак президент, первый, который очень интеллектуальный, который 12 языков знает и ни хрена не понимает. Но приходит карабахский парень Роберт Кочарян, который вроде бы там якобы воевал, правда, в атаки не ходил. И – то же самое делает. По-моему, наживается на этом. Это ему выгодно. А самое интересное, что ведет переговоры от Армении. Это как? Россия виновата? Армяне – идиоты, а Россия виновата?.. Вот Серж Саргсян, он, министр обороны, который вроде как должен понимать состояние своей армии. У него что, разведки нет? Он не знает, что в Азербайджане происходит? А там идет мощное накопление не только оружия, технологии, они заводы там строят, вертолеты собирают. А он сидит и играет, проигрывает в казино... Значит, противоположная сторона понимает, что этот Карабах – это его доля. Россия говорит: «Ребята, вы сначала определитесь: вы кто, вы что? Это – не ваша территория, раз вы ее не признали, как я могу признать?!» Россия должна прийти и начинать воевать за армян? Они что, первую войну воевали за нас? Нет... Вы же говорили, что вы победили в первую карабахскую войну, вы герои. Почему сейчас никто не выходит на защиту своих границ? А русские говорят: «Ребята, вы себя не защищаете, вы что хотите, чтобы мы вас защищали? Пошли вы!..»

Вот тут я возразил:

– Хорошо, но в 2020 году, когда Россия до зубов, на 5 миллиардов долларов вооружила Азербайджан, она и не пыталась остановить его агрессию против Арцаха...

– Ошибаешься. Россия нам дала «Искандеры», Россия нам дала Су-30, но мы этим не смогли распорядиться. Да, Азербайджан на своей нефти покупал у Израиля беспилотники, да и у России кое-что купил, но артиллерия у них была европейская, чешская, вот эти гаубицы, беспилотники – байрактары. А кто нам мешал это все делать самим?

– Это все правильно. Винить во всем надо прежде всего самих себя. Но очевидно также, что Азербайджан и формальный

К. С. Геворкян
и Г. А. Амирянц

враг России (формальный – как член НАТО) Турция гораздо важнее сейчас для России, нежели ее союзник – Армения. Кто мешал России не дать Азербайджану напасть на Арцах, народ которого более всего рассчитывал всегда на защиту России?

– А как она могла не дать Азербайджану напасть на Арцах?

– Да как угодно... Хотя бы пригрозив санкциями...

– Одну секундочку. Россия исходила из того, что наши говорили: «Да мы этих азеров сметем в две минуты!» Она же тоже была дезориентирована. Вот почему Россия сама ошиблась.

– В твоих предыдущих рассуждениях абсолютная логика, а тут – некий провал... Ты хочешь сейчас Россию обелить, сделать ее белой и пушистой...

Карен, естественно, с этим не согласился...

Во время той нашей беседы с Кареном Арцах находился в блокаде, но его народ еще верил в возможность продолжения жизни на родной земле, под защитой российских миротворцев. Форпост России на Южном Кавказе, арцахские армяне, веками верно служившие России – в войнах, в науках, культуре, производстве, надеялись на защиту русских, взявших на себя такое официальное обязательство в 2020 году, но оказались под надуманным предлогом преданными российскими миротворцами в 2023-м. Они (все 120 тысяч!) вынуждены были покинуть свою святую землю. Впервые за многовековую историю уступая ее полностью противнику, целенаправленно уничтожающему здесь, как и везде, следы армянства...

Мне было что сказать Карену. Когда Азербайджан уже на Армению напал в 2022 году, Россия опять молчала... Я не обижаюсь на Россию, у которой есть свои законные интересы, и говорю, в который раз: обидеться – значит унизиться. Россия в ее нынешней жесткой схватке со всем Западом гораздо больше имеет от дружбы с Турцией и Азербайджаном, нежели от союза со своим наиболее верным еще вчера союзником (и не только на Южном Кавказе) – Арменией. Но было бы честно со стороны России ничего не обещать. Такое было уже не раз...

Можно напомнить один относительно недавний пример: «обязательства» России перед Азербайджаном, которые были обнародованы руководителем Азербайджана 1991 года Аязом Муталибовым. Он открыто рассказал о своей встрече как пер-

вого секретаря ЦК Компартии Азербайджана с М. С. Горбачевым, напоминавшей торговую сделку на восточном базаре.

– Горбачев сказал тогда: «Я всегда верил в азербайджанский народ. Спасибо, вы поддержали нас...» Я говорю: «Знаете, азербайджанский народ имеет все основания быть вами недовольными, в особенности в вопросе о Нагорном Карабахе. И тем не менее, проявив мудрость, он проголосовал за союзное государство, которое в течение семи десятков лет всех объединяло. Но это не просто так. Это что-то стоит!» «А что ты хочешь?» – он меня спрашивает. «Я хочу, чтобы вы дали поручение и реализовали свой указ о разоружении незаконных формирований и проверке паспортного режима».

Как итог этого разговора, 30 апреля 1991 года, 23-я дивизия 4-й армии, дислоцированной в Гяндже, в сопровождении тяжелой техники и вооруженных отрядов азербайджанского ОМОН вступила в армянские Геташен и Мартунашен. Так начиналась бесславная военная операция – «Кольцо». В Нагорном Карабахе и прилегающих к нему с севера населенных пунктах – Геташене и Мартунашене – происходила неравная война между местными армянами и подоспевшими к ним на помощь добровольцами с одной стороны и Советской армией, а также сопровождавшими ее вооруженными отрядами азербайджанской милиции – с другой.

Произошло это несмотря на следующее заявление 4 мая 1991 года Горбачева через главу КГБ В. А. Крючкова: «Вопрос о выселении жителей Геташена и Мартунашена снимается: никто не вправе вынуждать жителей этих сел покидать места проживания».

По сведениям «Мемориала» и других источников, всего в ходе операции «Кольцо» самым жестоким образом было депортировано 19 армянских сел населением около 10 000 человек. Арестам, обыскам и ограблениям под предлогом проверки паспортного режима подвергалось также население других сел.

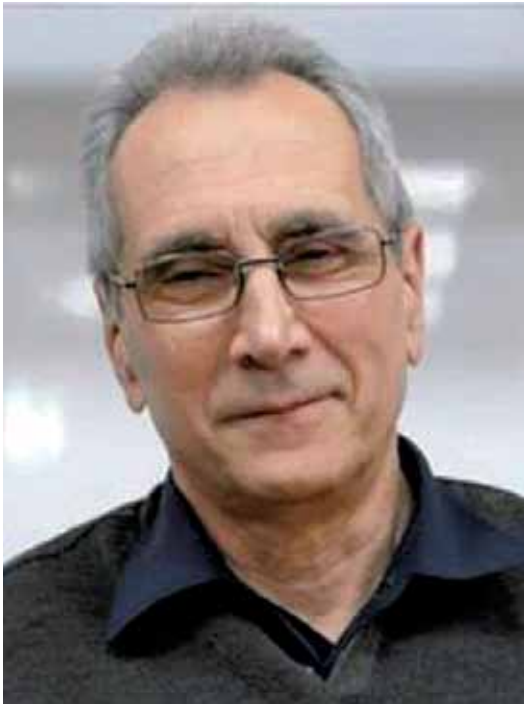
Операция «Кольцо» – одно из наиболее полно задокументированных и известных преступлений против народа Арцаха. Не то что Сумгаит 1988 года или Баку 1990-го...

Так что – это не обида. Это – урок нам всем...

Карен Геворкян прекрасно знает сегодня про эту трагическую историю, как знает про исход армян из Арцаха, произошедший

после этой нашей беседы. Конечно, виноваты и в этой трагедии мы сами... И Россия здесь ни при чем?!

Союзник Израиля – госсекретарь-еврей Блинкен за менее чем год последнего израильско-палестинского конфликта посетил родину своих предков 9 раз, а союзник Армении – министр иностранных дел России – армянин С. В. Лавров?.. Азербайджан в глазах МИДа РФ – идеал грез, а Армения – исчадие ада...

К. С. Геворкян

Карен Саркисович Геворкян – слишком глубокий человек, чтобы не видеть очевидного. Пройдет какое-то время после этой нашей беседы с ним, и он пришлет мне свою брошюру «Государство – семья. Государство – крепость». В ней изложена фундаментальная идеология выживания армянства по К. С. Геворкяну. Предложена она была им лет 15 тому назад, но не потеряла своей актуальности и сегодня.

В ней и самокритичный, жесткий диагноз многих наших болезней, и дальновидные предложения как по ограничению их распространения, так и по выработке неотложных, эффективных лечебных средств. Уже тогда Геворкян предостерегал от допущенных нами позже роковых ошибок. Вот некоторые отрывки из брошюры – «идеологии Геворкяна».

Первая ее глава «Победа в войне, поражение в экономике» отражает фундаментальную суть проблемы. «Сегодня для всех нас, живущих в Армении, наступил “момент истины”, – писал Геворкян, – время избавления от последних надежд и иллюзий, время принятия решений. И сегодня одни наши сограждане собирают чемоданы и вслед за миллионом уже покинувших страну готовятся к отъезду навсегда или до лучших времен, другие – вцепились во власть, пока еще приносящую деньги, третьи – стерегут свою награбленную или скупленную за дешево собственность. А “черный” народ, оставленный без работы, лишенный собственности, – изгой в своем государстве, молча выживает. И все мы – и те, и другие, и третьи, и десятые – живем

одним днем, без цели и надежды. Диагноз этого состояния один-единственный: общий коллапс – экономический, социальный, политический и в итоге – государственный. Мы – государство-банкрот. Диагноз печальный, но пока еще не безнадежный.

Возникает классический и неизбежный вопрос: кто виноват и что делать? Ответ на первую часть этого сакраментального вопроса может быть только один: мы все до единого, включая и покинувших страну. Потому что в конечном счете хозяином страны является народ, а не власть. Власть меняется, а народ остается. Вторая часть вопроса куда сложнее. Наш ответ и тут должен быть и осмысленным, и общенародным.

Мы прекрасно помним, с каким сопротивлением и отторжением поначалу воспринималась сама необходимость создания армии. Наш первый президент отнюдь не был горячим поклонником военного строительства. Жизнь и война заставили нас ответить на самую страшную для нации угрозу – угрозу нового геноцида. Наша военная победа – это наглядная иллюстрация того, к чему ведет пусть невольное, интуитивное, но стратегическое мышление, а экономическое поражение иллюстрирует его полное отсутствие».

Вторая глава «Национальная идеология» разъясняет суть главного ее девиза: «Государство – семья, государство – крепость». «Мы выжили благодаря армянской семье. Поэтому наш семейный инстинкт был, есть и будет психологической доминантой нашего личностного сознания и подсознания... И стратегической целью должно быть развитие и расширение рамок нашего семейного сознания до пределов самого государства... Когда утрачен наш дух победителя, когда истощены силы, потеряна вера в будущее, необходима не политическая, а моральная сила. Формула “Государство – семья”, реализация ее в государственной практике и в жизни может оказаться источником этой моральной силы... Формула “Государство – крепость” предполагает такой тип армянского государства, которое не только готово наилучшим образом выполнять свои защитные функции, но и обладает для этого достаточным промышленно-технологическим потенциалом.

Мы – большая нация. Мы больны своей историей: историей потерь, поражений и жертв. Мы – нация приспособленцев. Нашей

историей стало лавирование между сферами влияния и покровительства. Сначала это были персы, римляне и греки, потом – все прочие, остальные. Сегодня мы так же ищем покровительства, сегодня мы так же ищем себе хозяина вовне, чтобы обезопасить свою жизнь. И главный урок нашей печальной истории – мы никогда такого надежного покровителя не находили, потому что таковых быть не может. Мы – люди крайностей... Подвиг от отчаяния и неверие от бессилия сплелись в нас воедино... У нас как у нации в сегодняшнем мире есть один-единственный путь достойного развития: путь преодоления самих себя, путь мобилизации и сверхусилия. Только решившись на него на личном и общенациональном уровне, мы можем получить ключ к решению всех остальных проблем, в том числе и экономики... У нас еще есть шанс и очень-очень мало времени...»

Третья глава «Национальный гражданский кодекс» рассматривает этот кодекс как фундамент утверждения в обществе и государстве Республика Армения нового гражданского сознания... «С воссозданием армянского государства у нас возникли лишь первые подлинные зачатки гражданского сознания... Эти ростки требовали бережного и осторожного обращения. Из митинговой стихии они не были привнесены в жизнь нового общества, не стали фактором государственного строительства. Война и вакханалия грабежа общественного достояния довершили дело... Без высокого гражданского сознания невозможно эффективное, дееспособное, суверенное и демократичное армянское государство, т. е. сильное и серьезное государство. Без такого государства хрупка и уязвима наша безопасность – общая и личная».

В четвертой главе «Экономическая доктрина государственного развития» Геворкян пишет: «Полуторатысячелетнее отсутствие национальной государственности, жесткий прагматизм, необходимый для выживания, фетишизация денег как высшего мерила успеха, семейное сознание с его ограниченностью – все это вместе с героизмом и самопожертвованием создают картину сегодняшней нашей жизни... Армяне – это народ Давида Сасунского и Храброго Назара. Давидов мало, Назаров – много, а середины – нет... На фоне нашей военной Победы, добытой Давидами, которой пользуются Назары, мы снова, в который

уже раз, встали на тот же путь: путь возможной трагедии... Армения была промышленно развитой страной. Сегодня падение ее промышленного производства превзошло отметку 95%. Эта цифра со всеми ее социально-нравственными последствиями определяет содержание нашей катастрофы. Мы действительно никому не нужны, потому что у нас нет воли, цели, нет идей активного внутреннего развития... Мы должны строить сильное, независимое государство, обладающее развитой промышленностью с высоким технологическим и интеллектуальным потенциалом. Альтернативы этому выбору нет. Иной выбор в сегодняшнем мире означает национальную деградацию и зависимость...

Идея, облеченная в формулу: “Государство – семья, государство – крепость”, может объединить нас и друг с другом, и со своим государством, если оно станет нашим Домом. А экономика – лишь следствие этого процесса. Какими будем мы, такой будет наша национальная экономика...

Возникает вопрос: кто же должен инициировать этот процесс? Государство в своем нынешнем качестве? Нет. Рассчитывать на это не приходится. Значит, это дело общества, нации в целом. А дальше – только встречное движение армянского государства к своей семье и армянской семье к своему государству может вызвать трансформацию нашего сознания...»

В пятой главе, посвященной военной доктрине Армении, рассмотрены основные ее положения, а также требования к ее структурной реорганизации. При этом отмечено жизненно важное: «Нация, живущая на пути движения орд и народов, на перекрестке мировых дорог, обязана быть умнее, предусмотрительнее, сильнее своих соседей и врагов, иначе она обречена... Боготворя свою семью, каждый армянин на подсознательном уровне ощущает себя членом общей национальной семьи. Признаками всеобщего родственного инстинкта в нас являются слова “брат”, “сестра”, “дорогой” – самые распространенные наши обращения. Армянин готов так же преданно служить и этой большой семье, как и своей собственной, но при условии, что она будет отвечать его идеалу добра и справедливости... Именно с армии, как наиболее дееспособного организма общества, начинается трансформация всего общества. Армянский идеал справедливого

государства как единой общенациональной семьи может обрести плоть и кровь во встречном движении армянской семьи к своей армии и армянской армии к своей семье».

Шестая глава посвящена анализу возможностей и путей создания нового общественно-государственного устройства Армении. В ней отмечено, что игнорирование истинного хозяина собственности Армянской ССР, т. е. «права самого народа на созданное им общественно-государственное богатство привело к чудовищной деформации общества и государства. За счет основной массы населения, оказавшейся за чертой бедности, произошло бесконтрольное обогащение кучки новоявленных богачей, чиновников высокого ранга и будущих олигархов. В этих условиях говорить о социальной гармонии в обществе, о балансе интересов отдельных социальных групп не приходится... Свидетельством тяжелейшего кризиса является деградация в сфере индустриального производства, науки, технологий, так как именно эти сегменты национальной экономики являются важнейшими показателями силы и воли к развитию, динамичности государства. Сегодня мы видим, что наше государство выродилось в некий “национальный супермаркет”, в котором малая часть населения страны является его продавцами, управленцами, хозяевами, а покупатели собирают чемоданы. Им нечего в этом “магазине” купить, да и не на что...

...Кроме вооруженных сил, нынешнее армянское государство несет бремя расходов по содержанию огромного, непропорционального масштабам страны и скудным возможностям ее экономики государственного аппарата, который представляет собой свору голодных чиновников, беспредельно коррумпированных и продажных, живущих от поборов... Главная функция аппарата управления нового армянского государства – это определение целей и задач общественного, экономического развития, а также координация их реализации... Непосредственным же исполнителем концентрированной государственной воли является общество, а не министерства и ведомства... Самоидентификация армянской семьи с обществом, а общества с государством – это то явление резонанса, которое способно вызвать к жизни огромный созидательный потенциал народа».

Важнейшие разделы идеологии К. С. Геворкяна связаны с армянской апостольской церковью, диаспорой, культурой и образованием. Этим фундаментальным институтам посвящены насыщенные особой озабоченностью и конкретными предложениями разделы.

В заключительной части своей жесткой, промывающей мозги и мобилизующей идеологии армянства К. С. Геворкян обращается к теме «Экологизация, или “Ноев ковчег”». Он, в частности, говорит мудро, образно, смело: «Душа моего народа витает над вершиной Арарата, сердце нации – у его подножья, а тело – маленькая по географическим размерам территория на сегодняшних задворках Европы и Азии. Нас вполне хватит, чтобы прокормить себя. Может, и на большее. Хватит и на то, чтобы со временем присоединиться к сообществу мировых обывателей: практичных, разумных, умеренных в своих амбициях стран, что ж, совсем неплохо. Но мы люди крайностей, а не нормы, и от этого никуда не уйти. Там, где витает наша душа, начиналось возрождение человечества после катастрофы... Ясно лишь одно: душа наша не даст нам покоя, потому что она витает над вершиной...

Армяне были и остаются народом-стражником Великой библейской горы. Она почти каждое утро с восходом солнца предстает перед нами. Независимо от наших желаний, а часто даже вопреки им гора обращает нас к собственному прошлому и одновременно показывает нам дорогу в будущее. И тут нет преувеличения».

Можно сожалеть лишь об одном. Что брошюра «Государство – семья, государство – крепость», представленная мною крайне скупое, известна очень узкому кругу людей. Но она бесценна. Идеология Геворкяна, будучи предельно жесткой по отношению к себе, к армянам и смело дальновидной по отношению как к Армении, так и к ее соседям, имеет не только тактическое, но и стратегическое звучание. Она направлена на решение сложнейших неотложных, сиюминутных проблем выживания Родины, но она имеет главной целью мобилизацию всех сил и талантов Армении и армянской диаспоры в жестокой борьбе за ее далекое светлое будущее.

В одном из своих талантливых фильмов «Распутье» Карен Геворкян говорит: «Я – армянин! Я ощущаю себя человеком

с биографией и генетической памятью протяженностью в две с лишним тысячи лет. Этот столб времени присутствует во мне. Я ощущаю это пространство времени как время своей собственной жизни. И в этом смысле история моего народа – это в то же время моя собственная биография, моя судьба. Кто рожден у подножия горы Арарат, тот просто обречен на это. Библейская гора сжимает время, и рядом с ней тысячелетия – это всего лишь вчера. Я армянин, я заявляю: “Я не люблю историю своего народа, а стало быть, – себя, свою собственную биографию. Потому что это – история потерь, поражений, жертв. Сегодня я хочу вырваться из плена этой истории. Я хочу начать с начала. Отныне я хочу быть другим...”

К. С. Геворкян, Г. А. Амирьянц, А. В. Куропов

Я глубоко уважаю своего друга Карена Геворкяна за его яркие достижения, за его выдающиеся дела, за его мудрые слова. Но хотел бы заметить вот что. Я тоже армянин, и благодарен тому, что принадлежу к небольшому народу, сыгравшему и продолжающему играть значительную роль в мировой истории. В жизни нашего народа было немало разного рода побед, духовных завоеваний, постижений, обретений, но было и множество поражений, потерь, жертв, самообмана, корыстного предательства, тупости. Как это ни странно, я считаю негативные события своей истории не менее, а в чем-то даже более, важными для выработки правильного направления движения вперед. По мне, беда учит лучше, чем радость. По мне, поражение лечит, а победа – калечит...

Я, повторюсь, родился в Средней Азии и жил до совершеннолетия вдали от перекрестка мировых дорог у святой горы Арарат. Я родился у подножия других гор, гор, ставших «родиной» других народов, в частности тех, кто несколько веков тому назад завоевал «нашу» и общемировую святую гору. Тех, кто на нашей земле

учинил после этого небывалый в мировой истории акт вандализма, зверски уничтожив миллионы иноверцев, бывших хозяев этой земли, уничтожив и (уничтожая сегодня!) следы их пребывания на родной земле, вплоть до кладбищ, абсолютно бесстыдно и целеустремленно (на глазах у просвещенного Запада) присваивая себе, не имеющим собственного алфавита, их достижения, в том числе письменные, пашни, озера, реки, дома, произведения искусства, литературы, науки, памятники производства, духа, культуры, даже их церкви. Как печальный итог – прихожане этих церквей оказались разбросанными по всему миру. Ирония судьбы состоит в том, что армяне, изгнанные из родных мест в чужие края, стали своими, к примеру, в родном для меня Узбекистане, стали достойными его уважаемыми гражданами, почитаемыми (в мое время по крайней мере) героями-защитниками от воинствующего басмачества, известными первопроходцами в узбекской национальной музыке, языкознании, освоении недр, лучшими врачами, строителями, знаменитыми руководителями самых современных производств. И наша семья, и все известные мне многочисленные армянские (русские, еврейские, персидские...) семьи жили среди узбеков так, как живут по-настоящему родные семьи, глубоко уважая традиции, в том числе религиозные, друг друга. Так было до момента, когда эмиссары вандалов, захвативших земли вокруг Арарата, для которых любое проявление армянского благополучия и достижений как бельмо на глазу, после развала Советского Союза смогли оперативно посеять национальную рознь среди многонационального, дружного еще вчера народа Узбекистана, добившись массового исхода из страны – прежде всего армян, русских, евреев...

Помню, совсем юным несмышленишем-мальчишкой радовался тому, что я, во-первых, мальчик (а не девочка) и, во-вторых, что я именно – армянин. Я радовался укладу нашей национальной жизни, быта, музыки, примерам доброго, уважительного братского отношения к людям любой национальности, добросовестного служения своей родине – Узбекистану. Я сизмалства внутренне гордился добрыми делами известных мне героев армянской истории и особенно переживал, когда видел недостойное поведение некоторых моих соотечественников: ведь среди них встречались и высокомерные, кичливые люди, богачи,

отличавшиеся на своих чрезмерно громких торжествах, гуляньях, выделявшиеся помпезными домами рядом с халупами, особенно роскошными памятниками на кладбищах, где, казалось бы, все равны...

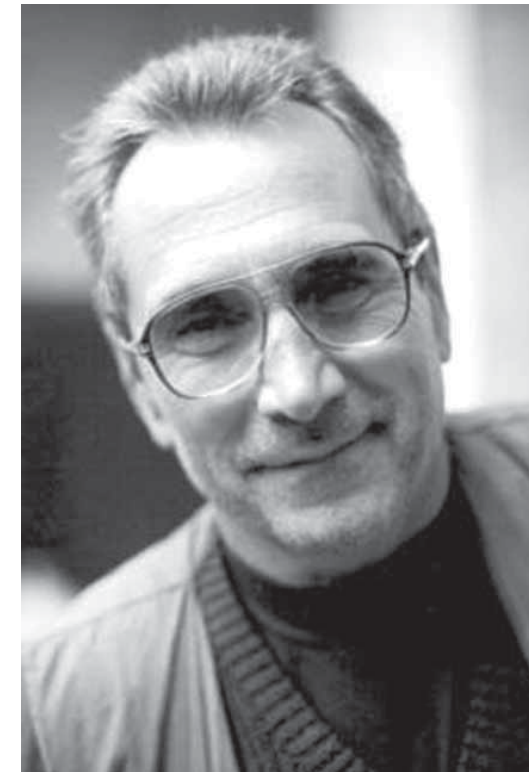
Я недостаточно хорошо, к сожалению, знал и знаю сегодня богатую на события многовековую историю своего народа. Но я знаю с очевидностью, что эта история, зависящая в большой, может быть, в преобладающей мере от национальных лидеров, богата выдающимися, историческими личностями: царей, императоров, военачальников, героических защитников Отечества, пастырей, деятелей культуры, науки, просвещения. Сложилось так, что армянам досталась весьма «трудная география и демография»: на перепутье мировых дорог, в соседстве с могучими государствами: Персией, Грецией, Римской, Оттоманской и Российской империями оказалась зажата и раздираемой относительно небольшая и малонаселенная Армения. Истинным чудом истории представляется то, что наша страна сохранилась на мировой карте до сих пор. Произошло это, как мне представляется, благодаря тому, что в этой истории время от времени появлялись выдающиеся Личности, способные объединить и поднять на борьбу за выживание своего народа в, казалось бы, и самых безнадежных обстоятельствах. В то же время, очевидно, что в нашей истории было немало тупых «поводырей» народа, недальновидных, трусливых, корыстолюбивых, способных и на предательство. Собственно, из-за этого географическая Армения, призрачно, наивно надеющаяся на верховенство силы права, сегодня скукожилась до столь малых размеров, что на иных картах ее просто не видно. Враг оказался близок к своей цели – уничтожить последний крошечный островок индоевропейской цивилизации – перешеек, узкой полоской перерезающий связь двух огромных блоков вожденной Новоосманской империи, давно уже опирающейся на право силы...

Происходит это явно неравное противостояние на глазах у многочисленных, большей частью равнодушных, разнополюсно заинтересованных в его исходе наблюдателей. Происходит это на глазах примерно пятнадцати миллионов армян в разных странах мира, оставивших волею судеб примерно три миллиона своих соотечественников на исторической родине один на один с при-

мерно 75 миллионами турок и 25 миллионами азербайджанцев (включая иранских). И еще бы ничего, если бы эту небольшую, обескровленную, зашоренную часть армянского народа возглавлял мудрый, храбрый, независимый, самоотверженный человек (масштаба легендарного Нжде), готовый скорее погибнуть, нежели потерять достоинство, свое личное достоинство и достоинство своего растерянного, разобщенного народа. Я – армянин, и я надеюсь на то, что нам удастся выстоять. Но это невозможно, если не решить главную для нас, как мне видится, проблему. Сверхсложная, почти утопическая, она – по возможностям нашего народа, давшего миру множество мудрецов, героев, талантов в самых разных областях деятельности человека. И состоит она, как мне представляется, прежде всего в создании надежной системы, способной находить и отсеивать, воспитывать и пестовать – из года в год, из века в век – ПОВОДЫРЯ нации, иерархии достойных личностей во властных структурах страны, опирающихся на мудрую, дальновидную идеологию. Перед ними в качестве первоочередной стоит сверхзадача – собрать возможно больше и возможно быстрее объединить патриотов-соотечественников на исторической родине, создать устойчивые условия их благополучной, свободной, демократической жизни, обеспечивающие неуклонный рост здорового духом и сильного физически населения, усмирение врагов, примирение и расширение круга друзей...

В заключение вернусь к конструктивным мыслям Карена Геворкяна, который продолжал:

– Но вот вопрос, можно ли вырваться из плена своей истории судьбы? Можно ли волевым усилием подняться над самим собой? Как быть? Если прошлое невыносимо и неприемлемо, а для новой судьбы нужно по меньшей мере заново родиться... О чем же мечтаю я – армянин? И к чему бы я хотел прийти? Я мечтаю о том дне, когда мы, армяне, осознаем и утвердимся в том,

К. С. Геворкян

что наш дух для нас важнее хлеба. Что он – главное достояние нации, а поддержание его – забота каждого и всех нас. Я мечтаю о том дне, когда наш дух обратит нас к самим себе и поможет нам понять и осознать самих себя, избавив от иллюзий и самообмана. Я мечтаю о том дне, когда мой дух излечит меня и преобразит из печального страдальца-армянина в ответственного гражданина своей страны, человека с высоким чувством собственного и национального достоинства. Армянская идея – это прежде всего путь к самим себе – как первое и необходимое условие нашего нового будущего и новой судьбы. Это путь духа, ведущего к нашему преображению в этой судьбе. Я мечтаю еще об одном перевоплощении нашего духа. Я мечтаю об армянском государстве – семье, государстве – крепости.

Саркис Арамаисович ЦАТУРЯН

Нам противостоит серьезнейший противник. И дело не только в том, что в войне 2020 года на его стороне против крохотного Арцаха было фактически три «ядерных страны». Дело еще в мощном информационном наступлении противника. Волею обстоятельств против Армении выступил Израиль, народ которого вряд ли един в одобрении позиции своего правительства.

Два древнейших небольших народа, сохранившихся на земле в то время, когда исчезли многие и многие их современники, племена и народности гораздо большей численности, имеют схожую судьбу. Много веков тому назад оба они потеряли свою государственность, восстановленную лишь в прошлом веке, прошли через огромные жертвы, геноцид и холокост, потерю значительной части своих исконных земель и немалые унижения. Оба народа, расселившиеся волею судеб по всему свету, дали миру выдающихся деятелей в самых разных сферах жизни. Но сегодня их страны оказались в совершенно разных условиях. Израиль – высокоорганизованное, каждодневно отмобилизованное государство, с завидным уровнем жизни народа, с первоклассной наукой, производством, образованием, эффективной, грамотной обороной, здравоохранением, с мощной диаспорой, с гибкой дипломатией и надежным союзником – США, гарантом неприкосновенности

страны от внешних угроз. Армения сегодня не может быть удовлетворена хоть в каком-нибудь из этих отношений. Более того, нельзя не видеть нескрываемые угрозы со стороны ее цивилизационного противника экзистенциального масштаба.

Все впечатляющие завоевания Израиля, насколько я могу судить, стали возможными лишь после того, как евреи в XIX веке смогли концентрированно сформулировать (и принять на долгосрочное вооружение) тактическое и стратегическое построение идеологии, «заточенной» на то, чтобы «Израиль жил вечно!». А мы, армянство, бедствуем (и сегодня особенно), как мне представляется, именно потому в первую очередь, что у нас не нашелся пока человек уровня основателя Всемирной сионистской организации и основоположника идеологии сионизма Теодора Герцля.

Такое гигантское по своей важности и трудности дело под силу лишь сильному духом, прошедшему через горнило жизненно опасных испытаний, человеку умному, образованному, честному перед собой и людьми, незапятнанному и чувствующему благословение на то небес, проникшемуся чувством своего личного на то предназначения. Такое по плечу лишь самоотверженному человеку, уверенному в себе и готовому на подвиг, гибкому

и одновременно бескомпромиссному, мудрому, опытному политику, способному объединить в один кулак самые разобщенные и уснувшие силы, смельчаку, которому поверят и самые разубежденные, за которым, убежденным в цивилизационной победе и светлом будущем своего народа, пойдут: сначала единицы, а затем десятки, сотни, тысячи воспрянувших соотечественников, неравнодушных к своей судьбе.

Но не боги же горшки обжигают. Достаточно сказать, что, к примеру, тот же Теодор Герцль был... известным в Австрии в XIX веке драматургом, а другой национальный герой уже наших дней, выдающийся американский лидер движения 1960-х годов в защиту гражданских прав чернокожих Мартин Лютер Кинг – баптистским проповедником...

Саркис Арамаисович
Цатурян

Как мне представляется, недавнее появление книги известного политолога главного редактора информационного агентства «Реалист» Саркиса Цатуряна «Армянская мечта» открывает надежду на то, что общими усилиями и армянство на основе ценнейшего содержания этой фундаментальной книги сможет заложить жизненно важные для него – и сегодня, и на будущие десятилетия, века, – краеугольные камни тактики и стратегии выживания и благополучной, достойной жизни на своей исторической Родине рядом со своими соседями.

Не хочу говорить ничего особо о содержании этой уникальной книги: она доступна всем в интернете. Но о ее авторе, столь похожем, как мне видится, на образ описанного выше народного поводыря, несколько слов скажу.

О Саркисе Цатуряне я впервые узнал, увидев его на экране телевидения – в качестве эксперта на одном из центральных каналов России. Помнится, поразили ум, независимость, достоинство, с которыми он отстаивал свои позиции в коллективных дискуссиях. При этом нередко он оказывался в одиночестве. Тогда же с удовлетворением узнал, что мы – земляки, что и у него корни – арцахские.

Родился он в небольшом селе Шаумянского района Арцаха, чтобы оказаться два года спустя, в 1991 году, в самом пекле печально знаменитой операции «Кольцо», во время которой генерал Шаманов и его добрые молодцы из Советской армии жестоко и безжалостно изгоняли армян из их домов. Родители Саркиса едва успели забрать какие-то документы, а двухлетнего малыша вынесла на руках из пекла бабушка. В Ереване, куда переселились вынужденные беженцы, они бедствовали три года, после чего перебрались в Россию, в село рядом с Ростовом Великим.

Г. А. Амирьянц и С. А. Цатурян

Тяжелые воспоминания мальчишки дополнила попавшая однажды в его руки книга историка Джона Киракосяна о геноциде. Уже тогда юный Саркис Цатурян сказал себе, что не может молчать и призван действовать. В восьмом классе он написал свою первую статью в районной газете, посвященную памяти жертв геноцида армян. Это вызвало взрыв эмоций и гордости за своего ученика в школе. Но особенно запомнились слезы мамы-учительницы, стремившейся прежде уберечь сына от тяжелых воспоминаний, связанных с покинутой многострадальной родной страной.

С. А. Цатурян

В 2010-м Саркис окончил бакалавриат Российского университета дружбы народов по специальности «международные отношения», а в 2012 году – магистратуру университета, став профессиональным политологом. В 2015 году он защитил кандидатскую диссертацию, в том же году вышел его научный труд «Ненасильственная революция. От теории к практике». Параллельно с преподаванием в РУДН теории и истории международных отношений Цатурян до 2017 года работал редактором и обозревателем в информагентстве REGNUM, а затем параллельно с преподаванием на факультете политологии и социологии Финансового университета работал шеф-редактором сайта «Радио 1», спецкором агентства Eurasia Daily, главным редактором информагентства «Реалист».

Будучи с 2017 года экспертом телепередачи «Время покажет» на Первом канале Центрального телевидения, по словам мужского журнала NATROIX, Цатурян не всегда корректно отзывается о действующей власти в России. Иногда в высказываниях проскальзывают националистические нотки. Некоторые недоброжелатели обвиняют политолога в любви к «армянскому фашизму» – есть, оказывается, и такой!

В доказательство подобных суждений приводятся, к примеру, следующие суждения Саркиса Арамаисовича Цатуряна: «Пусть армянская армия без колебаний ударит по нефте- и газопроводам Азербайджана. Жизнь армянских детей, женщин и

стариков для нас дороже, чем азербайджанские нефте- и газопроводы». Или: «Последние события показали, что Анкара и Баку, действуя под неформальным покровительством Британии и союзных ей сил в США, играют на вытеснение России из Южного Кавказа». Или: «Мой народ заплатил огромную цену за лояльность к своему братскому русскому народу. И сейчас, спустя 105 лет, некоторые депутаты и политологи смеют ставить под сомнение верность моего народа перед своими единоверцами. Позор вам! Вы не знаете свою историю!»

Справедливость этих вроде бы как «сомнительных» для недоброжелателей Армении высказываний Цатуряна, надо сказать, вполне понятна и очевидна для его соотечественников. Он позволяет себе, к примеру, усомниться в правильности современной стратегии России на Южном Кавказе, ориентированной главным образом на Турцию и Азербайджан: «Союз с Ереваном и Тегераном позволяет Москве укрепить стратегическую ось Закавказье – Средний Восток, перекрывая коммуникации Америки и ее союзников на большом Ближнем Востоке». Можно продолжить цитирование других, «сомнительных» для кого-то, особенно в России, но в действительности вполне объективных суждений Цатуряна.

Когда резко обострилось военно-политическое и социально-экономическое положение на Родине, Цатурян, вполне благополучно живший в Москве, где вместе с женой они растили двух замечательных сыновей, переехал в Ереван. Укрепив родной язык, он активно включился в политическую жизнь страны. И вот появилась его фундаментальная книга «Армянская мечта». Это огромное многоплановое, многослойное, эмоционально окрашенное и вместе с тем спокойное, взвешенное и достойное историческое, политическое, социальное, культурное полотно, обращенное ко всем народам, связанным с цивилизационными проблемами на Южном Кавказе.

Но главным образом книга Саркиса Цатуряна обращена все же к своему народу и, думается, к самому себе, к своему детскому представлению о своем особом предназначении.

Надеюсь, что настал момент, когда армянство готово предложить насущно необходимые ему сегодня ясные, конкретные пути и эффективные инструменты разрешения своих жизнен-

ных проблем в ближайшей и отдаленной перспективах. Уверен, что сегодня открывается реальная надежда на то, что общими усилиями, на основе глубоких наблюдений, суждений, конструктивного анализа этого фундаментального труда – «Армянская мечта» армянство сможет заложить (и принять после всенародного обсуждения) как краеугольные камни своей идеологии некий «Кодекс достойной жизни» на своей исторической Родине.

Саркис Цатурян в числе, прямо скажем, немногих среди соотечественников самоотверженно, бесстрашно и мудро борется за достойное будущее нашего народа, за создание столь недостающей нам, особенно сегодня, когда экзистенциальная судьба нашего государства висит на волоске, стратегии его целеустремленного развития. Глубокая и яркая книга Саркиса Цатуряна, с оптимизмом смотрящего в завтра, и особенно в послезавтра, нуждается в широком критическом обсуждении. Именно на основе такого общенародного обсуждения и принятия должна родиться концентрированная идеология выживания, духовного, экономического развития и процветания Армении. Именно такая идеология должна объединить наш столь разобщенный сегодня, растерянный, размагниченный, сытый, равнодушный, зашоренный, испуганный народ. И это народ, давший всему миру выдающихся мудрецов.

Недавно Саркис Цатурян сказал: «Главная проблема, описанная мною в книге “Армянская мечта”, состоит в том, что мы, армяне, перестали любить друг друга. В свое время наш великий католикос Гарегин Первый говорил: “Если вы как армяне, как христиане не любите друг друга, то не говорите мне о любви ко Христу. Это – ложь!” Действительно так. Мы должны научиться любить друг друга. И через любовь к своему ближнему показать Христу, как мы его любим. И это – тоже часть нашего пути, нашего предназначения. Наша задача состоит в том, чтобы найти общий язык внутри многоконфессионального армянского народа. И “Армянская мечта” ровно про это! Как армянам найти общий язык друг с другом и объединиться. Но объединиться на общих основаниях, объединиться вокруг единого Бога. Я в книге говорю о том, что мы должны уйти от гордыни. Почему два армянина могут друг с другом договориться, а три-четыре-пять армян – не могут. Потому что

ими движет гордыня. Потому что они хотят превознестись друг над другом. А книга “Армянская мечта” про другое. Она про то, что каждый армянин должен превозносить бога над собой».

На презентации книги «Армянская мечта» Саркиса Цатуряна в Люберцах один из участников, ученый из Сирии, спросил его и других собравшихся: «Почему у нас, в Дамаске, десять тысяч лучших врачей – армяне, мы не знаем, что бы делали без них. И почему сегодня столь трудное положение в Армении?» Этот вопрос – не в бровь, а в глаз! Армянская мечта вряд ли достижима, если мы не научимся быть счастливыми прежде всего на родной земле...

При всем моем глубочайшем уважении к тому, что и как делает и говорит Саркис Цатурян, считаю необходимым сделать следующее дополнение к его программе, его философии и идеологии.

Действительно, многоконфессиональный армянский народ, возможно, половина которого не верит ни в Христа, ни в Магомета, ни в Будду, но уважает веру других, нуждается не только в столь важных для нас призывах любить Христа. Он нуждается также в выработке стратегии жизни армян на Родине – в постоянно расширяющемся мусульманском их окружении. Это особенно актуально и сверхсложно на фоне столь объяснимых, оправданных и громких призывов истинных героев и мудрецов нашего народа к мести, мести, мести по отношению к нашим преступным геноцидальным соседям.

Приведу, несколько перефразировав, недавние злободневные слова Саркиса Цатуряна: «Когда состоялся “Мюнхенский договор” по Арцаху, Баку, Анкара и Кремль принудили Ереван пойти на сдачу армянских земель. Хотя глагол “принудить” здесь не совсем подходит, так как правительство Армении было непосредственно вовлечено в этот заговор. Если бы не предательство Пашиняна и Кремля, то Алиев и турки никогда бы не оккупировали Гадрут, Шуши, Бердзор, Карвачар и другие арцахские земли. Если

бы не Тер-Петросян, Кочарян и Саргсян с их маниакальным нежеланием объявить Армению правопреемницей Первой Армянской Республики и перевернуть переговорную доску со лживыми положениями Московского и Карсского договоров, то не было бы ни войны 2016 года, ни премьера Пашиняна, ни бакинско-турецкой агрессии 2020 года...

Я не только верю, но и знаю, что мы станем сильнее, если назовем вещи своими именами и проведем работу над ошибками. Так что пусть заткнутся те, кто заявляют, что мой народ потерпел поражение. Армянский народ был предан своими бездарными правителями, чем и воспользовались внешние силы. Ни больше ни меньше».

От себя добавлю к этим горьким, но честным словам С. Цатуряна. Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. США, строя свою стратегию на Южном Кавказе, при всех словах сочувствия демократической христианской Армении и словах осуждения дикого терроризма ее противников на деле, в военном отношении в гораздо большей степени поддерживают и Азербайджан, и Турцию, в частности в их стратегическом противостоянии с Ираном и Россией. Демократическая Европа энергетически сильно зависит от хоть и коррумпированного и автократического, но богатого нефтью Азербайджана. Россия исторически никогда не имела (и в этом районе, да и не только в этом) более верного и давнего, более самоотверженного союзника, нежели Армения. Тем не менее Россия неоднократно, в веках предавала армян, хотя при этом столь же регулярно, постоянно провозглашала себя защитником единокровных и вечных союзников. Изменения в этом отношении произошли в последние годы. Когда Россия не только раз за разом предавала свою договорную союзницу Армению в критическом для нее положении, но она еще, и не скрывая своей стратегической близости с ее противником, обвиняла ее во всех мыслимых и немыслимых грехах – даже в такой масштабной исторической для армянского народа трагедии, как исход его из святого для него Арцаха. Так что у Армении надежда только на свой внутренний ресурс, на новых честных, опытных, дальновидных лидеров нации, способных создать эффективную экономику и оборону, достойные отношения и с Россией, и с США, и с Европой, Ираном, Индией, арабскими странами, Китаем...

Нам необходимо создание высшего Совета армянства, координирующего образование и прозрачную, подконтрольную ему работу централизованного финансового фонда из пожертвований армян мира на нужды обороны, развития народного хозяйства, образования и науки, здравоохранения и культуры, наконец, государственного управления республики Армении. Таким образом подчеркивается первостепенное значение не только любви армян друг к другу, но также (и, возможно, даже в еще большей и важной степени) плодотворной любви армян к своей многострадальной, поистине священной, политой кровью предков и наших современных героев земле.

Предназначение некоего высшего Совета армянства видится также в создании системы мудрого, гибкого патриотического воспитания армян всего мира, их решимости, стремления и постоянной личной готовности по мере сил и возможностей каждого осознанно, активно и добровольно служить своей Родине. Ведь в противном случае нас ждет быстрая ассимиляция и судьба многих народов, исчезнувших с исторической карты. Это будет нашим личным предательством и непростительным забвением подвига легиона наших святых героев, сумевших сохранить нашу многострадальную страну в многовековой ее истории вплоть до наших дней, когда она оказалась – при нашем преступном попустительстве – в двух шагах от пропасти...

Саркис Арамаисович
Цатурян

**Ара Артушевич
ПАПЯН**

Нелишне повторить, для кого написаны мои книги об Армении. О своих мудрецах армяне сами хорошо знают, и это нередко служит им недобрую службу. Многие не понимают, что гордиться надо не прошлыми заслугами, а достижениями сегодняшними и завтрашними. Но сегодня нельзя не сказать признательно, что одной из ярких, конструктивно мыслящих и действующих личностей современной истории и политики Армении является, по моему представлению, юрист, дипломат, политолог и историк Ара Артушевич Папян. Человек блестяще образованный (Ереванский государственный университет по специальности «иранистика», 1984 год; Дипломатическая академия МИД России, 1994 год; Оборонный колледж НАТО в Риме, 1998 год; курс «Общественная дипломатия» в Оксфорде, 1999 год), Папян был военным переводчиком в Афганистане (1981–1982 гг. и 1984–1986 гг.), затем – на дипломатической службе в посольствах Армении в Иране и Румынии (1992–1997 гг.). В 2000–2006 гг. Папян работал послом Республики Армении в Канаде.

После окончания дипломатической службы он начал активную деятельность по изучению юридических аспектов прав национальных меньшинств, в частности, статуса Нагорного Карабаха, Вильсоновской Армении. Член Национально-демократического полюса (с 2020 г.), он возглавляет созданный им исследовательский центр *Modus Vivendi*, который издал, в частности, его книги

«Айренатирутюн – право на родину – правовые основы требований армян и смежные вопросы» и «Арбитражное решение президента Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсона».

Многие годы он обращает внимание на недействительность Московского договора по ряду аспектов. Главным из них является то, что он был заключен между двумя непризнанными субъектами международного права: кемалистской Турцией и большевистской Россией. В 1921 году, когда был заключен этот договор, он подвел международно-правовой итог завоеванию и разделу Республики Армении между РСФСР, Турцией и Азербайджаном...

По второй статье Московского договора к Турции отходили Карская и Сурмалинская провинции Армении с горой Арарат, а третья армянская провинция – Нахичеван – отдавалась под протекторат Азербайджана. (Кстати, тогда уже было ясно, что создание в Закавказье нового государства под названием «Азербайджан» было ориентировано большевиками на объединение в перспективе с одноименной иранской тюркоязычной провинцией.)

Турция тогда называлась Османской империей, а Турецкая республика, с которой был заключен Московский договор, была провозглашена лишь в октябре 1923 года. В России же правили большевики. Турция продолжила на новом витке свою политику изгнания армян с их исторической родины. И «мировая революция» оказалась удобным термином для обретения друзей, которые тогда Турции были необходимы. Большевистской России срочно требовался договор с Турцией на любом уровне, чтобы нейтрализовать Антанту, а у Мустафы Кемаля не хватало оружия и денег. Тогда на «национально-освободительную борьбу турецкого народа» было передано 5 миллионов рублей золотом и горы оружия. Не надо очень разбираться в восточной политике, чтобы понять, что направлена она была против христианского населения Османской империи – армян, греков и ассирийцев.

Такова история печального для армян Московского договора, противоречащего любому принципу международного права. Договор был заключен сроком на 25 лет. В 1925

А. А. Папян

году посол РСФСР в Турции Виноградов в официальной ноте потребовал денонсации Русско-турецкого договора 1921 года. Он заявил: «Мы не можем ждать 25 лет и подписали Российско-турецкий договор потому, что тогда мы были слабы. А теперь мы сильны и требуем восстановления границ Армении».

Преемник Кемаля Ататюрка на посту президента Исмет Иненю отреагировал: «Новой стране необходимо придерживаться своих международных обязательств, а через 25 лет Турция, конечно же, возвратит эти территории». Таким образом, принадлежность трех отторгнутых от Армении провинций в пользу Турции и Азербайджана в юридическом плане с 16 марта 1946 года является историческим нонсенсом.

Тем не менее после 1921 года первым официальным документом на уровне двустороннего соглашения СССР и Турции, заявляющим, что стороны не имеют взаимных территориальных претензий, является межгосударственный договор, подписанный в августе 1978 года во время официального визита турецкого премьера Бюлента Эджевита в Москву. «...Дабы обеспечить открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов» – так гласит одна из статей. Так вновь интересы Армении были забыты.

Как мало кто другой Ара Артушевич Папян сделал для исследования и опубликования важнейших документов, свидетельствующих о неоценимом гуманитарном вкладе президента США в смутную эпоху (1913–1921 гг.) Вудро Вильсона в решение «Армянского вопроса». Он сыграл важнейшую роль в поддержке политического понятия права наций на самоопределение, а также в деле создания Лиги наций.

В своем послании (23 сентября 1918 г.) Вудро Вильсон писал: «Армения – один из тех регионов, который должен быть под опекой Лиги наций. Армения должна быть свободной. Турку нужно запретить использовать там власть, а христианским народам должно быть разрешено не только помогать Армении, но и защищать ее». Более того, в том же послании президент Вильсон, ссылаясь на армянские погромы в Турции, однозначно обвиняет в этом ее правительство: «Турецкое правительство должно признать, что было не в состоянии предотвратить ужасные погромы, которые превратили эту страну в кладбище».

8 января 1918 года президент США Вудро Вильсон обратился с «Посланием Конгрессу с указанием целей войны и условий мира для Соединенных Штатов», известным под названием «14 пунктов Вудро Вильсона». 12-й пункт этого документа прямо относился к будущему армянского народа и создающейся Республики Армения: «Для турецкой части нынешней Османской империи надо предусмотреть безопасный суверенитет, однако для других наций, находящихся сегодня под турецким владычеством, нужно обеспечить гарантированную безопасность жизни и стабильную возможность самостоятельного развития...»

По свидетельству полковника Хауза, руководителя официальной делегации США на Парижской мирной конференции: «На Ближнем Востоке целью президента США было обеспечить международный контроль над Константинополем, Анатолию отдать туркам и создать независимую Армению».

Свое отношение к страданиям армянского народа президент Вильсон выразил в письме, направленном римскому папе Бенедикту XV: «Уверяю Вас, что говорю не только от своего, но и от имени всего американского народа, когда говорю, что страдания армянского народа глубоко взволновали американцев. Я стремлюсь по мере возможности принимать участие в законном и полном освобождении этого бесправного и несчастного народа от ярма несправедливости».

Необходимо подчеркнуть, что принципы, предложенные Вудро Вильсоном, Турция однозначно признала в качестве основы мирных переговоров. Османское правительство в своем официальном письме четко объявило: «Оно принимает за основу переговоров ту программу, которая была выдвинута президентом США в послании к Конгрессу 8 января 1918 г.». Только учитывая это обязательство, американцы согласились прекратить военные действия против Турции и заключить Мудросское перемирие (30 октября 1918 г.).

Нельзя не оценить хитроумную турецкую дипломатию. Не признавая до сих пор геноцида христианских народов на своей территории, она сделала все, чтобы предложения президента США Вудро Вильсона в пользу благодарной ему Армении так и остались пока на бумаге. Пока. По крайней мере, Ара Папян и его

коллеги по Национально-демократическому полюсу не прекращают борьбу за возрождение «Вильсоновской Армении».

Одним из ярких и последовательных сподвижников Ара Папяна является известный специалист в области сердечно-сосудистой хирургии и столь же известный в Армении политик, член совета Национально-демократического полюса Ваге Гаспарян. Вот его весьма резкие (хоть и сильно приглаженные мною) слова, произнесенные еще до трагического исхода армян из Арцаха в сентябре 2023 года, произошедшего при очевидном попустительстве Российского миротворческого контингента.

– Всякая империя имеет свое начало и имеет свой конец. Не было, нет и не будет вечных империй. Распадались Римская, Османская, Византийская, Британская, Австро-Венгерская империи. Мы сейчас наблюдаем распад Российской империи. Марионеточное коллаборационистское правительство Никола Пашиняна делает все, чтобы после ухода России вакуум заполнила бы Турция. Россия уходит и пытается оставить этот регион своим турецким и азербайджанским братьям, во-первых, потому что у них – совпадение интересов, во-вторых, потому, что русские

наивно надеются, что, если в один прекрасный день им удастся вернуться в этот регион, то отобрать Армению у Турции и Азербайджана будет значительно легче, чем у Запада. Армянский народ не согласен с такой постановкой вопроса, и западные страны не согласны, потому что точно так же, как российское влияние на Южном Кавказе не соответствует интересам западных стран, так же их интересам не соответствует турецкое пантюркистское влияние режима Эрдогана и построение здесь Зангезурского коридора, который будет обслуживать интересы Китая и способствовать китайской экономической экспансии...

Суверенитет народа означает, что он должен сам решать, кто его союзник, а кто его враг. И мы отныне как как суверенный народ, как возродившаяся суверенная Первая республика, будем сами решать, кто наш враг, кто наш союзник, кто наш друг, исходя из собственных национальных интересов, которые на данном историческом отрезке соответствуют интересам западных стран, США, Франции, интересам Ирана, Индии, Греции, Кипра... Это не означает, что мы являемся прозападной, проиранской, проиндийской политической силой, мы являемся проармянской политической силой...

Россия на протяжении многих веков вдавливалась в наши мозги, что есть некая многовековая дружба армянского и русского народа, что мы с Россией навеки, что Россия – наш вечный друг. История показывает ровно наоборот. Министр иностранных дел Российской империи Лобанов-Ростовский еще в 19 веке говорил, что нам нужна Армения без армян, еще во время Первой мировой войны граф Воронцов-Дашков и генерал Юденич докладывали царю о том, что им выгодно из интересов империи после захвата армянских территорий заселить их казачьим элементом, чтобы поменять демографический состав Армении, чтобы армяне не претендовали на суверенитет. А в большевистские времена мы видим много примеров тому, как Россия «дружила» с армянским народом. Это и позорный московский договор, совместная русско-турецкая агрессия 1920–1921-х годов, это решение Кавбюро Сталина, подарившего Карабах и Нахичеван Азербайджану, это и создание Азербайджана как русско-турецкого искусственного государства в Южном Кавказе, это и притеснение армянской интеллигенции в годы большевистской

А. А. Папян

В. Гаспарян

оккупации, это и операция «Кольцо» в постсоветские времена, это и апрельская война 2016 года, это и 44-дневная война 2020 года, которая является, по словам «маршала» Шойгу, прекрасной совместной русско-турецкой специальной операцией.

Вот конкретные исторические факты и примеры так называемой русско-армянской дружбы. Не было никакой дружбы. На самом деле была оккупация, была ассимиляция, было стремление к истреблению армян, в результате которых за годы двухсотлетнего русского «присутствия» ареал обитания армян на собственных исторических территориях сократился в 10 раз. Вот исторические факты...

Цивилизованный мир, который полон решимости помочь армянам, помочь Арцаху, сейчас смотрит на армянский народ и ждет его пробуждения, его решимости сказать, что он хочет стать частью цивилизованного мира. На нас сейчас смотрят и Франция, и Соединенные Штаты, и наши другие союзники европейские. Индия сейчас с большой надеждой смотрит на наш регион, потому что выступает за построение проекта «Север – Юг», который свяжет Индийский океан, регион Персидского залива с Европой. Для Индии это очень важно, Индия сейчас является главным союзником западных стран в противовес Китаю, и мы видим активность индийской дипломатии и в нашем регионе, и в регионе Средиземного моря. Тот же самый Иран, который неоднократно заявлял, что никакого Зангезурского коридора он не допустит и граница с Арменией – это красная черта для Ирана, с надеждой смотрит на пробуждающийся армянский народ. Восстанавливаются нормальные отношения между Ираном и США, а это все говорит о том, что западные страны сейчас уже приступили к построению проекта «Север – Юг». Остается только, чтобы это понял армянский народ и сказал свое слово.

**Гурген Мкртичевич
МУСИНЯНЦ**

В истории современной науки и техники одна из наиболее ярких страниц связана с авиацией. Удивителен путь, который человек практически в течение одной жизни прошел (или пролетел) от первых тихоходных и тихих самолетов в начале века, потрясавших воображение уже самим фактом полета, – до современных, поражающих возможностью и будничностью такого же полета, но громад, опережающих рев своих двигателей.

Самолеты всегда были в глазах современников вершиной технической красоты. Красоты, идущей от целесообразности, красоты, созданной умом и сердцем, мужеством и самоотверженностью многих замечательных людей (и немногих поколений). Оттого не ослабевал никогда интерес и к самолетам, и к их создателям.

Наш рассказ о ближайшем ученике и сподвижнике отца русской авиации Н. Е. Жуковского, одном из основателей головной научной организации отечественной авиационной науки – Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) – Гургене Мкртичевиче Мусинянце.

В истории авиационной науки и техники нашей страны есть одно удивительное обстоятельство. Небольшая, но выдающаяся группа ученых-авиаторов по всем основным направлениям –

теоретиков, экспериментаторов, конструкторов, в том числе Г. М. Мусинянц, – вышла из одного студенческого кружка. Этот кружок был создан в 1908 году при механическом отделении Императорского Московского технического училища (ИМТУ – впоследствии МВТУ) его профессором Н. Е. Жуковским. Рождение Воздухоплавательного кружка МВТУ (чья история, по образному определению академика Б. Н. Юрьева, – это история «нашей научной авиационной мысли и наших научных достижений») пришлось на пору, когда Россия только-только приходила в себя после трагических событий 1905 года, после поражения в войне с Японией. Дух обновления, дух утверждения России в новейшей технической области – воздухоплавании захватил студентов. Выдающийся педагог и великий ученый Н. Е. Жуковский к моменту зарождения кружка уже был близок к теоретическому решению задачи о полете человека, к обоснованию рациональных параметров самолета. В совсем еще молодых кружковцах Жуковский сумел увидеть, помочь развить и утвердить исключительность каждого из них, позволившую им стать уже при жизни Николая Егоровича продолжателями дела, которому он посвятил жизнь.

Венцом деятельности Жуковского стало поддержанное В. И. Лениным создание в 1918 году Центрального аэрогидродинамического института. Впервые в мировой практике и с самого начала организации ЦАГИ формировался как научно-исследовательский центр, призванный сочетать фундаментальные перспективные научные изыскания с ответственным оперативным решением повседневных практических задач самолетостроения и других отраслей техники. Члены воздухоплавательного кружка, они же сотрудники Аэродинамической лаборатории МВТУ – знаменитые впоследствии ученые и конструкторы А. А. Архангельский, В. П. Ветчинкин, Г. М. Мусинянц, Г. Х. Сабинин, Б. С. Стечкин, А. Н. Туполев, К. А. Ушаков, Б. Н. Юрьев, возглавляемые Н. Е. Жуковским и его соратником, выдающимся ученым-механиком С. А. Чаплыгиным, стали руководителями основных подразделений института. Выросшие в нем крупные ученые следующих поколений академики и члены-корреспонденты Академии наук И. Н. Векуа, В. В. Голубев, М. В. Келдыш, Н. Е. Кочин, М. А. Лаврентьев, Л. С. Лейбензон, М. Д. Миллионщиков,

А. И. Макаревский, А. И. Некрасов, В. Я. Нейланд, А. А. Никольский, Г. И. Петров, Н. А. Пилюгин, Ю. А. Рыжов, Л. И. Седов, Г. П. Свищев, Л. Н. Сретенский, Г. С. Бюшгенс, А. А. Дородницын, Д. Е. Охотимский, А. Ф. Селихов, В. В. Струминский, В. В. Сычев, Ф. И. Франкль, С. А. Христианович, В. А. Ярошевский возглавили впоследствии многие важные направления отечественной науки.

В ЦАГИ прошли школу замечательные авиаконструкторы. До 1936 года в его состав входил отдел опытных конструкций во главе с А. Н. Туполевым. Позже этот коллектив выделился в отдельное опытно-конструкторское бюро. В конце 20-х и в 30-е годы были созданы другие конструкторские бюро и группы: А. С. Яковлева, А. И. Путилова, С. П. Королева, В. М. Петлякова, П. О. Сухого, В. М. Мясищева, С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. И. Микояна, О. К. Антонова.

В ЦАГИ зарождались основы будущих конструкторских коллективов А. М. Черемухина, М. Л. Миля, И. П. Братухина, Н. И. Камова, специализировавшихся в области вертолетостроения. ЦАГИ стал тем необходимым звеном, которое связывает опытно-конструкторскую и научно-исследовательскую работу.

ЦАГИ – один из самых мощных в мире центров экспериментальных исследований. Еще при создании Аэродинамической лаборатории МВТУ и, конечно, при создании ЦАГИ Жуковский и его ученики сознавали исключительную важность получения опытных данных. Вопрос этот имел тогда принципиальное значение. Даже в наше время, когда неизменно усовершенствовались вычислительная техника и теоретическая аэродинамика, этот вопрос остается актуальным. Тогда же он имел жизненно важное значение. Выполнение главного предназначения ЦАГИ – научного обеспечения всех этапов проектирования, испытаний и эксплуатации практически каждого из отечественных самолетов, подготовка необходимых рекомендаций,

Г. М. Мусинянц, 1950-е годы

заклучений, прогноз перспектив развития – все это было просто немыслимо без достаточно большого объема экспериментальных исследований.

Г. М. Мусинянц, посвятивший совершенствованию этих исследований в ЦАГИ и в стране всю свою жизнь, писал (в 1933 году):

– Дело конструирования, проектирования и постройки самолета имеет одну особенность, сильно отличающую ее от других отраслей техники. Сущность этой особенности заключается в том, что самолет действует не на обычной для человека почве, а в воздухе, оторванно от всего того, что было добыто человеческой техникой и наукой, что было прикреплено к земле... Но в отличие от других отраслей техники, мы здесь не имеем возможности при движении самолета видеть непосредственно глазами, непосредственно измерять физическое явление, происходящее в воздухе, когда в нем летит самолет. Вот это качество воздуха, его малая осязаемость, его полная невидимость и являются основной чертой, определяющей методы, технику и историю развития дела конструирования, постройки и усовершенствования самолета...

Для возмещения недостатков человеческого умения рассчитывать явления, происходящие в воздухе, человек прибегает к опыту... И неслучайно то, что развитие самолетостроения, в особенности на его заре, пошло большими темпами только тогда, когда были разработаны методы постановки опытов в больших специальных аэродинамических лабораториях.

Не случайно также и то, что на одном из первых заседаний руководства ЦАГИ в январе 1919 года была учреждена особая коллегия экспериментаторов, в которую вошли К. А. Ушаков, Г. М. Мусинянц и которой было предписано все свободное от руководства текущими делами время тратить «исключительно на работы по оборудованию

лаборатории». Этому делу, этому наказу Мусинянц и Ушаков остались верными на всю жизнь. Вместе с Г. Х. Сабининым они стали создателями школы ЦАГИ в эксперименте. На долгие годы они пронесли свою дружбу, оставаясь в какие-то периоды в каких-то областях деятельности соперниками. Они много работали совместно, особенно вначале, и прекрасно дополняли друг друга. Ветераны ЦАГИ помнили их стоявшими рядом, нередко спорившими – экспансивного Константина Андреевича и сдержанного Гургена Мкртичевича. (Гугуш и Костик – так звали они друг друга в молодости, пока в их отношениях не наступил некоторый холодок.) В последние годы жизни они и жили рядом – в соседних подъездах одного большого дома на Бакунинской, но виделись реже, чем прежде, когда Мусинянцы жили в Армянском переулке.

К. А. Ушаков – сам выдающийся инженер и ученый, создавший первоклассные приборы, экспериментальные установки, уникальные вентиляторы, аэродинамические трубы, высоко ценил талант Г. М. Мусинянца. Вот что он писал в январе 1941 года в статье многотиражки «ЦАГИ», посвященной Г. М. Мусинянцу, ставшему в конце 1940 года лауреатом премии Н. Е. Жуковского:

– ...Два с лишним десятилетия Гурген Мкртичевич посвятил работе в области методики и техники аэродинамического эксперимента. Недаром товарищи по работе присвоили ему неофициальное звание «главного метролога ЦАГИ», недаром в аэродинамических лабораториях института нет ни одного сколько-нибудь значительного измерительного прибора, в создании которого не участвовал бы Гурген Мкртичевич. Большая эрудиция в вопросах физики, механики, метрологии и способность предвидения до мелочей условий работы и особенности задуманного прибора позволили Г. М. Мусинянцу стать одним из лучших специалистов по аэродинамическим весам, механизм которых по сложности и по величине взаимного влияния отдельных элементов надо поставить на первое место среди измерительных приборов.

Через 15 лет после этого в приветственном адресе ЦАГИ по случаю 70-летия Мусинянца наряду со многими другими добрыми (и торжественными, конечно) словами было сказано следующее.

– ...В день Вашего славного семидесятилетия, которое весь коллектив ЦАГИ расценивает как знаменательную дату

Гурген Мусинянц, студент ИМТУ

в жизни Института, от всей души поздравляем Вас, наш дорогой друг, товарищ и учитель, со славным творческим путем, пройденным Вами. Ваша благородная деятельность, начатая на заре авиации и имеющая своими истоками знаменитый «Воздухоплавательный кружок студентов МВТУ», на протяжении десятилетий тесно переплелась с жизнью ЦАГИ и выделяется золотой нитью на всем пути развития института. Рамки поздравительного адреса слишком тесны, чтобы вместить теплоту, любовь и наше глубочайшее уважение к Вам, ученику Н. Е. Жуковского, одному из основателей ЦАГИ, отдающему Институту свою творческую жизнь, все свои способности и силы. Тесны эти рамки и для того, чтобы перечислить все то, что Вы сделали для авиационной науки и советской авиации. Трудно найти в ЦАГИ аэродинамическую трубу, экспериментальный стенд или сложную измерительную систему, которые не носили бы в себе отпечатки Ваших мудрых идей...

Возвышенность слов этого приветственного адреса Гургену Мкртичевичу, приподнятость духа и стиля высказываний о нем не пропали и много лет спустя, когда его уже не стало. Не пропали они и сейчас. Те, кто его знал близко, не перестают восхищаться его инженерным талантом, увлеченностью делом, его принципиальностью и вместе с тем душевностью, добротой, юмором. У него была трудная жизнь, он потерял многих близких людей. Но, преодолевая невзгоды, он упорно продолжал восхождение от одной вершины к другой, все более высокой и сложной. Он продолжал путь, начатый на заре развития авиации, рядом со своим великим учителем Н. Е. Жуковским.

Наверное, будет сложно рассказать сразу обо всем. Поэтому ограничимся поначалу более или менее официальным описанием основных этапов работы Мусинянца. А затем взглянем на его жизненный путь с позиций близко знавших его людей, неравнодушных и к истории нашей авиации, и к памяти Г. М. Мусинянца как одного из создателей этой истории, человека поучительной судьбы.

Гурген Мусинянц пришел в МВТУ в 1913 году после окончания с серебряной медалью Ереванской классической гимназии. Его мать, Ашхен Ивановна, до замужества была учительницей русского языка. Отец, Мкртич Татевосович, был известным спе-

циалистом по виноделию, почти сорок лет он проработал на Шутовском винно-коньячном заводе в Ереване. Он был управляющим, а после октября 1917 года – заведующим производством завода. Семья жила на территории завода, и Гурген Мкртичевич позже шутливо говорил, что родился в коньячной бочке. С раннего детства Гургена влекло к технике. Он помогал отцу в его опытах и анализах, пропадал в аппаратных, мастерских, в котельной, на электростанции завода. В гимназии был замечательный учитель физики Федор Михайлович Ястребов. Он рано заметил способности парня и всячески поддерживал его увлечение механикой, электротехникой – во всяком случае уже начиная с 6 класса и до окончания гимназии хороший кабинет физики был в распоряжении Гургена, которому были доверены вторые ключи от кабинета. Выбор механического отделения МВТУ – одного из лучших инженерных вузов России – был, таким образом, неслучайным. Этого нельзя сказать с уверенностью о выборе специализации в области аэродинамики.

Несмотря на интерес широкой публики к чуду воздухоплавания, даже наблюдение его было доступно в то время лишь жителям немногих городов. В России их было не более 70. Ереван же был, в сущности, захолустным городком, переживавшим к тому же, как и народ Армении, один из самых трагических периодов истории своей страны.

Гурген Мусинянц «вошел» в аэродинамику в первые же дни пребывания в МВТУ. Вошел буквально, открыв из любопытства, 2 сентября 1913 года, дверь в помещение, из которого исходил незнакомый механический шум. То был шум (в те времена еще не очень сильный) работающей аэродинамической трубы.

Первым человеком, кого Гурген увидел в лаборатории, был Владимир Петрович Ветчинкин – тогда еще студент, а впоследствии знаменитый и очень разносторонний ученый: в области динамики полета, аэродинамического расчета, нормирования прочности, летных испытаний самолетов. В. П. Ветчинкин сразу привлек Гургена к живой работе – испытаниям воздушного винта на так называемом геликоптерном приборе. На следующий день Гурген вновь пришел в лабораторию продолжить порученную ему работу по регулировке и измерению числа оборотов винта. Хотя лаборатория была крайне бедной, плохо финансировалась

(и фактически «держалась» на общественной работе студентов – членов кружка Н. Е. Жуковского), хотя в МВТУ было множество других интересных специализаций и были прекрасные профессора, Мусинянц навсегда остался верен первому и единственному своему (и случая?) выбору – аэродинамической лаборатории.

Здесь необходимо отвлечься и отметить, что в разных рассказах о том, насколько твердым был выбор ИМТУ и авиации, есть некоторое противоречие.

В своей краткой автобиографии, написанной в 1943 году в Новосибирске, Гурген Мкртичевич сообщил определенно: «...Работы в физическом кабинете и жизнь во дворе большого завода предопределили мою дальнейшую деятельность и в связи с моим увлечением зарождавшейся тогда авиацией привели меня к решению поступать в Московское (бывшее Императорское) высшее техническое училище с определенной целью: попасть на работу в Аэродинамическую лабораторию профессора Н. Е. Жуковского». Из других рассказов, в частности дочерей Гургена Мкртичевича, известно, что он пытался поступить в Московский университет. Ему в этом было отказано.

О том, что дверь в аэродинамическую лабораторию Мусинянц открыл из любопытства, говорил К. Н. Суржин, человек близкий к нему и хорошо его знавший. К его слову о Гургене Мкртичевиче, произнесенному в дни его 60-летия, мы будем еще обращаться в дальнейшем. Мусинянц слышал это выступление, читал его текст в отпечатанном виде и имел возможность устранить возможные ошибки. В первом же семестре Мусинянц вступил в Воздухоплавательный кружок. Были продолжены работы с воздушным винтом. Результаты этой работы вошли в опубликованную в 1914 году статью Н. Е. Жуковского «Вихревая теория винта», на графике которой можно видеть подпись Г. Мусинянца.

В процессе работы на геликоптерном приборе Мусинянц основательно усовершенствовал динамометр для измерения тяги винта, предложенный в свое время В. П. Ветчинкиным. Ряд работ этого и последующего периодов был связан с исследованиями характеристик аэропланов и их двигателей, но все же деятельность Мусинянца по созданию все более совершенного и сложного экспериментального оборудования лабораторий становилась главной.

«Учеба» Г. Мусинянца в МВТУ была долгой. Формально он стал инженером (получил диплом) лишь в 1925 году. Дело тут не только в том, что помешала война. Дело в том, что занятия по учебному плану были у кружковцев на втором плане: студентов, окружавших Н. Е. Жуковского, целиком захватывала исследовательская работа. Хотя денег за нее не платили, студенты, увлекаемые Николаем Егоровичем, горячо брались за «настоящие дела», работая допоздна, а иногда и ночами. Старшие студенты разрабатывали новые теории, выступали с докладами на всероссийских съездах научных обществ, проектировали и строили своими руками планеры, другие летательные аппараты и летали на них, разрабатывали и строили аэродинамические трубы, лабораторное оборудование. Младшие студенты помогали им, проводили аэродинамические эксперименты, следили за исправностью приборов, убрали лабораторию, кололи дрова и топили печи... Для обсуждения общих насущных вопросов наиболее активные студенты нередко собирались на квартире Николая Егоровича.

По представлению Жуковского Совет училища разрешал студентам делать особые дипломные проекты. Их авторы – кружковцы были пионерами исследований на всех наиболее важных направлениях: в теории полета, в области прочности конструкций, в теории и практике эксперимента, в области конструирования самолетов и, что было не менее важно, – в области конструирования лабораторных установок.

Н. Е. Жуковский, которому уже было 70 лет, заботливо растил и будущих профессоров, педагогов. К примеру, тому же Мусинянцу он поручил руководство лабораторными занятиями и упражнениями по курсу аэродинамического расчета самолета на вновь созданной аэродинамической специальности МВТУ. Через год Мусинянц уже читал соответствующий курс лекций – своим же студентам. Гурген Мкртичевич позже писал: «Вспоминая Николая Егоровича, мы часто говорим о том, что ведь не было того, чтобы он как-то нарочито и обдуманно вовлекал нас в самую гущу научно-исследовательской, инженерной и педагогической работы или обучал нас наукам (не говоря о лекциях, конечно). Уж такова была манера его работы – общий дух; и мы учились этому духу, сами того не замечая, что нас учит он!»

Казалось бы, старому, в чем-то рассеянному человеку трудно было быть хорошим организатором. В том-то и чудо, что могучей организующей силой, соединившей и направившей талантливых, ищущих молодых людей, умных, умелых и одержимых, была обаятельнейшая личность Жуковского. Мусинянц вспоминал всегда об улыбке Николая Егоровича, которую все так любили и помнили. Для кружковцев Жуковский был не только строгим учителем, но и добрым, родным человеком. Сохранились трогательные воспоминания кружковцев о собраниях на квартире Жуковского в Мыльниковом переулке. Особую окраску этим собраниям придавало участие дочери Николая Егоровича Леночки, которую он безумно любил и в которую, кажется, были влюблены все кружковцы. Традиционные чаепития, сердечность отношений (отношений деда и внуков, по яркому определению профессора А. К. Мартынова) не мешали деловому характеру собраний.

Мусинянц писал, что если воздухоплавательный кружок «был прообразом, зерном, давшим первые ростки одному из первенцев советской науки – ЦАГИ», то собрания на квартире Жуковского, на которые был открыт доступ даже самым молодым кружковцам, собрания, на которых в дружеской обстановке «решались крупные и мелкие вопросы жизни лаборатории, также были прообразом – Коллегии ЦАГИ, управлявшей, под председательством Николая Егоровича, институтом в первые годы его существования». Именно в эту Коллегию – в секцию экспериментаторов (будучи еще студентом) вошел и Мусинянц.

На первом же году учебы Гурген участвует в полетах кружковцев на Ходынском поле и в ремонтных работах, которые требовались почти после каждого подлета или рулежки построенного кружковцами самолета, близкого по типу к Блерио XI. Гургена всегда интересовали разного рода моторы и в данном случае особенно – трехцилиндровый «Анзани».

Первые каникулы Гурген провел на родине, в Армении. Вместе с братом Татевосом, работавшим впоследствии с ним в ЦАГИ, он строит летающую модель самолета и испытывает ее. По свидетельству его брата, он был одним из первых армянских авиа-моделистов, причем у него были свои ученики и последователи в этом увлечении среди гимназистов и детей рабочих.

Вторым каникулам помешала мировая война. С ее началом руководимая Жуковским лаборатория широко и активно занялась оборонными исследованиями, прежде всего многочисленными продувками в аэродинамических трубах. Мусинянц выполнял, в частности, самостоятельные измерения аэродинамических и баллистических параметров, моментов инерции аэропланов бомб в 25, 15 и 13 пудов. Он изучил баллистические свойства трехдюймовой чугунобразитной гранаты и провел испытания увеличенных моделей «аэропланов стрел» – применив сбрасывание их с привязного аэростата.

За три года учебы, как писал Г. М. Мусинянц, он полностью освоился с основными видами эксперимента: «Первая моя работа по усовершенствованию измерительной аппаратуры заключалась в том, что для уничтожения параллакса на маятниковом динамометре системы В. П. Ветчинкина (к винтовому прибору) мной к самому маятнику приспособлен подвижной коллиматор (1915 год)».

Когда Жуковский возглавил краткие «теоретические курсы авиации», учрежденные при МВТУ Особым комитетом по усилению Воздушного Флота, имевшие целью подготовку высококвалифицированных летчиков, то инструктором по авиационным моторам был назначен Мусинянц. Между прочим, позже он стал также инструктором летчиков и по автомобилям; это увлечение – одно из немногих вне поглощавшей его целиком работы сохранилось у него на всю жизнь. До преклонного возраста он прекрасно водил автомобиль, который был всегда в идеальном техническом состоянии. (Первым автомобилем – «Фордом» – его премировали в 1933 году приказом по ЦАГИ.)

Летом 1916 года интенсивная исследовательская работа была прервана. Несмотря на обращение Жуковского в высокие инстанции, к Великому князю Александру Михайловичу с просьбой отсрочить предписанное студенту Г. Мусинянцу немедленное поступление в военное учебное заведение, его – самого молодого из кружковцев – призвали в армию. После окончания осенью 1916 года 4-й Московской военной школы его в чине прапорщика армейской пехоты распределили первоначально в эскадру воздушных кораблей «Илья Муромец». По просьбе Жуковского Мусинянца направили в один из воздухоплаватель-

ных отделов Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства в Петрограде в соответствии с ее обращением к профессору – для участия в постройке большой аэродинамической трубы по проекту его старшего товарища по кружку – Андрея Николаевича Туполева. Г. М. Мусинянцу было поручено наблюдение за изготовлением элементов этой трубы и вообще – участие в строительстве и оборудовании аэродинамической лаборатории. Поскольку соответствующий заказ на основное оборудование (корпус трубы и вентилятор) был размещен на Московском аэротехническом заводе, Мусинянца направили в Москву, с прикомандированием к Расчетно-испытательному бюро – РИБ. Оно было организовано к тому времени по инициативе Н. Е. Жуковского при Аэродинамической лаборатории МВТУ на Коровьем Броде и должно было стать зачатком будущего Авиационного исследовательского института.

Таким образом, Октябрьская революция застала Мусинянца в Москве среди друзей-кружковцев, которые вслед за Н. Е. Жуковским по его примеру, без колебаний стали на службу Стране Советов. В июле 1918 года Мусинянц, формально приписанный к Военному ведомству, был демобилизован и оформился на работу в РИБ, а также восстановился в МВТУ.

Именно РИБ после двух кратковременных, двухмесячных реорганизаций в полном составе вошло как основное ядро во вновь организованный 1 декабря 1918 года Центральный аэрогидродинамический институт. Одной из главных задач ЦАГИ стало создание совершенных аэродинамических труб как необходимого инструмента познания. В связи с этим вместе с А. А. Архангельским, будущим заместителем Генерального конструктора А. Н. Туполева, Мусинянц проводит начатые еще в РИБ исследования вновь построенной круглой полутораметровой аэродинамической трубы.

Здесь, по-видимому, уместно пояснить хотя бы кратко не очень хорошо известные широкой публике сущность и назначение аэродинамических труб – о них мы все чаще будем говорить в дальнейшем, их значение в развитии авиации трудно переоценить, с ними была связана вся жизнь Г. М. Мусинянца.

Гурген Мкртичевич, умевший говорить и писать очень просто, точно, образно, сам хорошо разъяснял тем, кто только начи-

нал знакомиться с экспериментальной аэродинамикой, ее основы: «Опыт в аэродинамической лаборатории ставится так, чтобы модель самолета, или некоторая его часть, прикреплялись в потоке воздуха в рабочей части аэродинамической трубы на специальном измерительном приборе. Явления в воздухе и силы, развивающиеся при этом, протекают почти одинаково, как в случае, когда некоторое тело, или самолет, или его модель летят в неподвижном воздухе, так и в случае, когда это тело стоит неподвижно в лаборатории, а на него набегают поток воздуха. Именно в силу этих свойств воздушного потока в аэродинамических лабораториях опыт ставится так, что модель неподвижно стоит в аэродинамической трубе, в рабочей ее части, и на эту модель набегают ровный поток со скоростью, которая находится во власти экспериментатора. Когда модель установлена в трубе и воздушному потоку дана необходимая скорость, на измерительных приборах замеряются все силы и факторы, необходимые для суждения о качествах будущего самолета».

Первая аэродинамическая труба в России, позволившая получить важные научные результаты, была построена еще в 1887 году К. Э. Циолковским. Н. Е. Жуковский, высоко оценивший эту работу Циолковского, построил свою первую, более совершенную аэродинамическую трубу в 1902 году – в МГУ. В 1904 году, за пять лет до создания больших аэродинамических лабораторий в Европе (профессора Прандтля в Германии и профессоров Эйфеля и Рато – во Франции), под руководством Н. Е. Жуковского (и на средства П. Д. Рябушинского) был построен и начал работу Кучинский аэродинамический институт. В 1909 году Н. Е. Жуковский возглавил работу лаборатории МВТУ. Годом позже началось строительство больших аэродинамических труб и лаборатории при Петербургском политехническом институте.

Есть несколько неожиданных аналогий, параллелей в развитии экспериментальной техники исследований в авиационной и атомной науке. Ускорители элементарных частиц – тоже своего рода трубы. Они имеют мало общего с аэродинамическими трубами по существу протекающих в них процессов. Но в наше время они – полный аналог по размерам, массе, стоимости, целям: те же сотни тысяч кубометров объема и сотни тысяч тонн массы, и те же сотни миллионов рублей, казалось бы, на ветер

брошенных, а фактически с умом вложенных средств. Ведь достигаемые результаты в характеристиках самолетов быстро окупают и самые большие затраты на самые дорогие исследования.

Очень похоже, в одно и то же время, но в разных городах, закладывались соответствующие отечественные школы экспериментальных исследований. Примерно в то же время, когда Г. М. Мусинянц и К. А. Ушаков учились в Москве в МВТУ, в Петербурге в столь же знаменитом политехническом институте учился (в 1914–1918 гг.) П. Л. Капица. Подобно тому, как талантом Н. Е. Жуковского был рожден ЦАГИ, в то же самое время, в 1918 году, в Петрограде усилиями А. Ф. Иоффе были созданы знаменитый Физико-технический институт и его школа. Как и ученики Н. Е. Жуковского, ученики А. Ф. Иоффе возглавили важнейшие направления исследований в разных областях.

Словосочетание «аэродинамическая труба», очевидно, жаргонное. В английском языке ему соответствует аналогичное Wind Tunnel – туннель с ветром. В МВТУ, как говорил А. К. Мартынов, остряки называли аэродинамиков не иначе как ветродуями. Ученик Мусинянца В. В. Белостоцкий вспоминал, как один журналист, получивший задание написать о Г. М. Мусинянце, был раздосадован тем, что не мог понять, как аэродинамическая труба может быть «плоской». Для специалиста это не требует особого пояснения: ясно, что речь идет о трубе, которая в той ее «рабочей части», где помещается модель, имеет прямоугольный контур в сечении. Если это сечение – круг, то труба называется круглой, если эллипс, то эллиптической. Это, конечно, – тоже условность, поскольку по длине трубы (она, кстати, может быть замкнутой или может иметь «открытую» рабочую часть и быть незамкнутой) сечения трубы – переменные.

Составной частью аэродинамических труб были и остаются измерительные устройства, в частности так называемые упрощенно «весы», позволяющие определять силы и моменты сил, действующие на закрепленную в потоке модель. Принципы, позволяющие использовать результаты измерений в трубе для суждения о характеристиках самолета в полете, основаны на подобии, аналогии рассматриваемых явлений.

Мир полон аналогий. Для их научного осмысления и практического использования развита даже специальная теория – тео-

рия подобия. Подобие явлений, происходящих при полете реального самолета в неподвижном воздухе и при обтекании модели, закрепленной на весах, набегающим потоком аэродинамической трубы, не может быть полным – вследствие многообразия факторов, характеризующих каждое из этих явлений. Но в зависимости от целей исследования условия моделирования могут быть реализованы так, чтобы наиболее важная сторона (или наиболее важные стороны) явления были воспроизведены. К сожалению, аэродинамические трубы – дорогой инструмент. Неслучайно они в известной степени служат мерилем научно-технического и экономического потенциала той или иной страны. Есть, конечно, и другие более дешевые по материальным затратам и иногда вполне эффективные принципы моделирования – например, моделирование колебаний конструкции самолета в полете – колебаниями электрического тока в некоторой цепи. Но в целом именно аэродинамические трубы (на создание и эксплуатацию которых нередко требуются многие миллионы долларов) на разных этапах развития авиации и космонавтики были необходимым элементом, обеспечивавшим требуемый темп прогресса.

Это, очевидно, определяет тот энтузиазм и целеустремленность, с которыми Г. М. Мусинянц занимался созданием аэродинамических труб как делом всей своей жизни. Вообще говоря, его деятельность, особенно после октября 1917 года и создания ЦАГИ, была весьма многообразной. Он был организатором строительства новых лабораторий. Он вложил много сил в совершенствование методики эксперимента. Он значительно уточнил аэродинамический расчет самолета. Был он и педагогом, воспитавшим многих ведущих экспериментаторов-аэродинамиков, прибористов, метрологов, военных инженеров. Об этих сторонах деятельности Мусинянца, о его работе в период Великой Отечественной войны можно (и должно) рассказать много интересного и поучительного.

Но была одна область работы, которая захватывала его особенно, которая была, очевидно, главной и которой в основном мы вынуждены ограничиться в нашем коротком рассказе о нем. Эта область – создание и усовершенствование основных экспериментальных установок ЦАГИ – аэродинамических труб и в первую очередь – их измерительных устройств. Профессор А. К. Мартынов,

имея в виду эту главную особенность дарования своего учителя, писал: «Гурген Мкртичевич был “человеком-однолюбом”. Весь свой талант и блестящую инженерную подготовку он посвятил делу создания приборов для проведения аэродинамического эксперимента. Он был большим мастером разработки схем приборов. Эти схемы были иногда очень сложными, но они всегда позволяли проводить измерения интересующих исследователя величин наиболее чисто и с наименьшими погрешностями».

Первой аэродинамической трубой, в которой Мусинянц усовершенствовал измерения, была плоская труба Расчетно-испытательного бюро – основная труба своего времени. Эта работа имела принципиальное значение, она касалась коренного улучшения характеристик весов, построенных по схеме самого Н. Е. Жуковского. В результате тщательного анализа условий работы весов были обнаружены некоторые их недостатки, приводившие к затруднению и затягиванию процесса измерений. На основе новой схемы, предложенной Г. М. Мусинянцем, им совместно с К. А. Ушаковым была проведена реконструкция весов, позволившая упростить измерения, повысить их точность и оперативность. Важная роль этой работы состояла в том, что она положила начало основательному изучению погрешностей эксперимента, изучению путей повышения надежности, ускорения исследований в других трубах.

Вслед за весами плоской трубы были реконструированы по той же схеме весы полутораметровой круглой трубы. Высоко оценил эту работу Н. Е. Жуковский. Обычной темой дипломных работ были проекты самолетов, например: у А. Н. Туполева – «Опыт разработки гидроплана по данным испытаний в аэродинамических трубах», у А. А. Архангельского – «Фарман 30», у В. А. Архангельского – «Ньюпор XXIII».

На заседании собрания механического отделения МВТУ, в 1921 году, профессор поставил вопрос о разрешении, в порядке исключения, выбрать в качестве темы дипломного проекта студента Мусинянца «Устройство аэродинамической лаборатории... с соответствующими измерительными приборами». Очевидно, что Мусинянц, особо дороживший заботой и вниманием Н. Е. Жуковского, воспринимал это не только как признание важности сделанного, но и как указание наиболее важного направ-

ления своей дальнейшей деятельности. С удвоенной энергией Мусинянц продолжил работу. Впервые он поставил и решил (будучи еще студентом) задачу о правильной координации осей весов относительно оси потока. Был предложен принятый затем в качестве обязательного способ введения поправки «на косизну» потока.

Мусинянц был пионером автоматизации процесса «весовых» измерений. Им впервые был разработан автоматический самопишущий динамометр весов, выполненный по оригинальной гидравлической схеме. Действующий макет динамометра был успешно испытан в плоской трубе в 1922 году и положил начало все более активной работе в этом направлении.

К этому времени Мусинянц стал помощником начальника лаборатории. При его участии и под его руководством были выполнены другие работы по реконструкции аэродинамической лаборатории. Средства для этой реконструкции Гурген Мкртичевич сам выхлопотал в Главном управлении военной промышленности.

Инженерный, научный и организаторский талант Мусинянца ярко проявился, когда стала очевидной (уже в двадцатые годы) в процессе реконструкции старой лаборатории необходимость замены старых аэродинамических труб МВТУ и создания (начиная с 1923 года) новой экспериментальной базы ЦАГИ в Москве, на улице Радио. Мусинянцу поручили тогда участвовать в общей компоновке новой лаборатории и в разработке ее основных объектов – аэродинамических труб.

В своих заметках к 15-летию Экспериментально-аэродинамического отдела (ЭАО) ЦАГИ ученый писал: «В 1918 году, в декабре, ко времени учреждения ЦАГИ, ЭАО ничем не отличался от бывшего воздухоплавательного кружка МВТУ как по своему составу основных работников, так и по оборудованию, которое было уже к этому времени устаревшим, мизерным и не соответствующим тем задачам, которые ставил перед собой ЦАГИ. Три маленьких несовершенных трубы почти без измерительных приборов, полтора десятка человек (учеников Н. Е. Жуковского), слабая электростанция, часто не дававшая энергии для работы труб, – вот что представляла из себя аэродинамическая лаборатория ЦАГИ в 1918 году».

Б. Н. Юрьев и Г. М. Мусинянц (в центре)
среди сотрудников

Сложность предпринятой коллективом ЦАГИ коренной реконструкции старой лаборатории и постройки новой аэродинамической трубы («НК») была связана с послевоенной разрухой в стране. Мусинянц активно участвует в работе по обоснованию необходимости реконструкции (и в изыскании требуемых средств) в Главном управлении военной промышленности. Вместе с К. К. Баулиным, К. А. Булкиным, К. А. Ушаковым, Б. Н. Юрьевым Г. М. Мусинянц разрабатывает аэродинамический проект и конструкцию новой аэродинамической трубы,

построенной к концу 1923 года на средства Научного комитета ВВС РККА и Аэродинамической лаборатории МВТУ.

Он осуществляет проектирование, обеспечивает строительство и ввод в действие отдельной электрической подстанции. Благодаря этому лаборатория ЦАГИ добивается очень важной для нее независимости в питании электроэнергией. Кроме того, применение специального электрического «агрегата системы Леонардо» позволило ему впервые обеспечить необходимую плавность регулировки оборотов компрессора трубы «НК». В этой специфической области Мусинянц быстро вырос в одного из ведущих специалистов ЦАГИ. Сильнее его в этом направлении был, пожалуй, лишь Г. Х. Сабинин. Важность этих работ Мусинянца несомненна, но все же основной круг его интересов был связан с созданием измерительных устройств новой трубы. Его требовательность к совершенству схемы и конструкции весов, его бескомпромиссность, его готовность без колебаний отбросить лучшее во имя еще лучшего – как бы далеко ни зашло проектирование – особенно проявятся позднее, но многие из этих черт его характера сказались уже в работе над весами трубы «НК».

В результате долгого, кропотливого анализа, нескольких пересмотров своих же и К. А. Ушакова решений, пересмотра уже готового рабочего проекта Мусинянцу удалось, наконец, найти столь простую и совершенную схему, что созданные по ней весы стали лучшими в ЦАГИ. Более того, выдающийся ученый-аэродинамик Л. Прандтль, посетивший ЦАГИ и увидевший эти весы в работе, поставил их по совершенству выше весов знаменитой Геттингенской лаборатории.

Впрочем, труба «НК» была лишь подготовительным этапом в большой, хорошо спланированной ЭАО и выполненной в 1923–1924 гг. работе по созданию стройной системы труб разного размера, с качественно новыми возможностями. Возглавлял эту работу начальник ЭАО, будущий академик, крупный и разносторонний ученый Б. Н. Юрьев. Г. М. Мусинянц был одним из энтузиастов этой работы, причем ему принадлежал ряд оригинальных технических решений. Прежде всего с его остроумным предложением связано изменение первоначального проекта и создание самой большой в то время в мире аэродинамической трубы Т-1 – Т-2 с двумя рабочими частями. Вначале в проекте предусматривалась одна круглая рабочая часть диаметром в три метра. Скорость потока в ней – более 100 метров в секунду – долгие годы была наибольшей в мире для труб такого размера. Мусинянц в процессе создания трубы внес основательное изменение в проект, не коснувшееся первой рабочей части (Т-1). Он предложил ввести в действие вторую рабочую часть той же трубы (Т-2) диаметром в 6 метров и использовать в качестве нее расположенный концентрически, соосно с первой рабочей частью – за ней по потоку – обратный канал трубы, имевшийся в первоначальном проекте. Реализация этой идеи коллективом ЭАО ЦАГИ позволила получить аэродинамическую трубу небывалых размеров и возможностей. Достаточно сказать, что в рабочей части Т-2 можно было испытывать винты и другие элементы самолета в натуру.

Труба была пущена в декабре 1925 года под личным руководством Мусинянца. Интересно воспоминание об этом профессора Д. В. Халезова, пришедшего в это время в ЦАГИ, именно в эту аэродинамическую трубу – после окончания МГУ: «Участие Гургена Мкртичевича в пуске и, наверное, в проектировании трубы

было определяющим. Сейчас не верится, что ему было тогда около 30 лет: он уже тогда был в моих глазах крупным ученым».

Между тем «учеба» Мусинянца в МВТУ только заканчивалась. Много позже Мусинянец напишет: «Работа в аэродинамической лаборатории превратилась для меня в основную школу, которая, естественно, нарушала ход моих занятий в Училище по нормальному учебному плану».

В конце 1925 года Мусинянец был освобожден, по его просьбе, от должности помощника начальника лаборатории и сосредоточился на развитии аэродинамического эксперимента в большой аэродинамической трубе, на обеспечении должного методического уровня исследований.

Мусинянец оканчивал МВТУ будучи уже зрелым специалистом. Темой дипломного проекта, защищенного в мае 1925 года, были выбраны весы первой рабочей части большой трубы Т-1 и винтовой прибор второй рабочей части Т-2. Как писал Г. М. Мусинянец, по тогдашним временам это была «величайшая» аэродинамическая труба в мире. Спроектированные весы были первыми в Союзе универсальными шестикомпонентными весами, построенными на использовании автоматических динамометров. В дипломном проекте было дано также оригинальное решение винтового прибора. На основе этого проекта были уточнены требования к рабочим частям трубы, разработаны и введены в действие четырехкомпонентные весы с наиболее прогрессивным ниточным подвесом моделей в первой рабочей части. По предложенной Мусинянцем схеме Электротехническим институтом был спроектирован специальный («спаренный») мотор, обеспечивший эффективную работу винтового прибора, также реализованного на основе идей, развитых в дипломном проекте. В течение ряда последующих лет в трубе Т-1 – Т-2 на разработанных Мусинянцем устройствах были выполнены практически все наиболее важные исследования ЦАГИ того времени по аэродинамике отечественных опытных самолетов – продувки моделей и натуральных элементов самолетов, их винтов.

Сохранился краткий отчет Г. М. Мусинянца о выполненных им работах в ЭАО за пять месяцев с 1 ноября 1925 г. по 1 апреля 1926 г. В это время основные усилия ЭАО были направлены на создание рабочего проекта четырехкомпонентных весов 1-й и

2-й рабочих частей большой трубы, их изготовление и сборку, на создание винтового прибора 2-й рабочей части большой трубы, проектирование 2-компонентных весов 2-й рабочей части трубы НК, разработку 6-компонентного геликоптерного прибора, создание ряда других приборов, а также силовых электрических установок в новой лаборатории.

Поражает активность Мусинянца. Он постоянно руководил названными работами вплоть до назначения основных размеров приборов и установок. Он же осуществлял связь с электротехническими исследовательскими организациями. За этот же период Мусинянцем был разработан ряд методов экспериментальных исследований, в том числе метрологического сопровождения – совместно с Главной палатой мер и весов, а также разработан стоящий совсем особняком графический метод аэродинамического расчета бипланной решетки.

Существует такое мнение, будто Г. М. Мусинянец не особо интересовался собственно исследованиями, собственно созданием самолетов и его заслуги здесь, мол, не столь велики как при создании экспериментального оборудования. Правильнее было бы сказать, что он этим интересовался и увлекался в той мере, в какой позволяли обстоятельства. Достаточно вспомнить, что в удостоверении Г. М. Мусинянца о его работе в Аэродинамической лаборатории с 1 сентября 1913 года по 18 мая 1916 года (за подписью Н. Е. Жуковского) говорится, что наряду с исследованиями бомб, гранат, воздухоплавательного двигателя он принимал участие в исследованиях винта системы Жуковского, в разнообразных исследованиях аэропланов в целом и их деталей и был весьма полезным работником в области военного воздухоплавания.

Осенью 1928 года, по завершении полного ввода в эксплуатацию новой аэродинамической лаборатории ЦАГИ в Москве, Мусинянца направляют в заграничную научную командировку для изучения оборудования и методов исследований. Он посещает передовые аэродинамические лаборатории Франции, Италии, работает некоторое время в Геттингенской лаборатории Л. Прандтля в Германии. В Геттингене окончательно сформировалась схема шестикомпонентных весов с ниточным подвесом моделей для проектировавшейся тогда трубы Т-5 ЦАГИ с открытой рабочей частью.

При вторичном посещении Геттингенской лаборатории в марте 1930 года Мусинянц заказывает там изготовление этих весов. Для той же трубы Т-5 он вместе со своими сотрудниками проектирует и вводит в действие прибор для исследования характеристик винтов.

Создание винтовых приборов (в 1932–1945 гг.) является еще одним (помимо весов) примером активного участия Мусинянца в создании сложных приборов. Д. В. Халезов, специализировавшийся в этих вопросах, отмечал, что Гурген Мкртичевич, не будучи специалистом по винтам, прекрасно разбирался и в винтах, и в винтовых приборах для их исследования.

По возвращении Г. М. Мусинянца из первой зарубежной командировки в 1929 году он был назначен заместителем начальника ЭАО. Фронт его работы, хорошо организованной и спланированной, сильно расширился. Особое внимание он уделил наряду с совершенствованием методики исследований всего отдела – планомерной подготовке кадров и целенаправленному планированию научно-исследовательских работ на основе и в рамках «действительно плановой дисциплины». По общему мнению, эта работа дала серьезные положительные результаты не только в отделе, но и во всем ЦАГИ. В ЦАГИ не было экспериментальных установок, измерительных устройств для трубных и летных испытаний самолетов и их моделей, создание которых – на высшем мировом уровне – было бы вне внимания и определяющего влияния Мусинянца. Было организовано уникальное производство приборов, возглавляемое конструкторами и рабочими высшей квалификации.

«Все это, – как писал Г. М. Мусинянц (в 1933 году), – является тем, что сильно поражает приезжающих из-за границы работников науки и специалистов и заставляет их признаваться, что таких возможностей ни в одной лаборатории мира не имеется...» Мусинянц добавлял: «Именно по этой причине, несмотря на то что современное оборудование ЭАО уже в некоторой части отстает от оборудования зарубежных лабораторий, преимущественно в области труб гигантских размеров, – можно уверенно утверждать, что нужды Воздушного флота, Красной армии и ведущих отраслей народного хозяйства будут обеспечены должными темпами и масштабами дальнейшего развития отдела...»

За большой личный вклад в эти достижения Мусинянц был награжден орденом Ленина и премирован автомобилем.

Критическое замечание о наметившемся некотором отставании было также очень важным. Дело в том, что к этому времени ЦАГИ, как писал Г. М. Мусинянц, «...уже достиг такого положения, что почти все опытные самолеты, строящиеся в нашем Союзе, получают свою аэродинамическую характеристику, свою внешнюю форму, свой “воздушный паспорт” в лабораториях ЭАО ЦАГИ». В предгрозовые 30-е годы это было не только честью, но и огромной ответственностью для ЦАГИ.

В эти годы с особой остротой встали извечные проблемы авиационного конструктора – связанные с необходимостью повышения скорости полета. Для боевых самолетов – это всегда вопрос жизни. В эти же годы успех в соревновании за скорость был особо значимым и измерялся десятками, а то и единицами километров в час. Вот почему достижение все более совершенных аэродинамических форм, обеспечение все более эффективной работы мотора, его винта – и как итог – увеличение скорости новых самолетов – потребовало создания качественно новых аэродинамических труб и прежде всего труб большого размера, в которых можно испытывать не только модели самолетов, но и сами самолеты – в натуру. Перед коллективом ЦАГИ встала задача небывалой сложности. Предстояло начать новое огромное строительство под Москвой, масштабы которого были вполне соизмеримы с масштабами строившегося примерно в то же время и столь же быстро Днепрогэса.

Как член специально организованного в мае 1935 года технического Совета ЭАО под председательством А. Э. Стерлина, в который вошли также Б. Н. Юрьев, К. А. Ушаков, Г. Х. Сабинин и другие, Г. М. Мусинянц участвовал в большой коллективной работе по обоснованию наиболее важных проектных решений и организации будущих лабораторий Нового ЦАГИ. Осенью 1935 года Совет труда и обороны страны утвердил ориентировочный план строительства, а месяц спустя в ЭАО ЦАГИ был готов первый вариант проектного задания на «блок больших аэродинамических труб» Нового ЦАГИ – самолетной и винтовой. Помимо этих труб (получивших обозначение Т-101 и Т-104), на новой территории предполагалось построить «малые» трубы Т-102 (как «модель» трубы Т-101) и Т-103.

Личные научные интересы Мусинянца были связаны в это время с разработкой измерительных систем будущих труб, а также их рабочих частей. Проект весов обеих больших труб (как всегда у Мусинянца – это итог тщательного, кропотливого анализа) был весьма совершенным. Однако было ясно, что качество этих весов можно повысить, используя, во-первых, имевшиеся за границей так называемые весовые головки – динамометры и, во-вторых, отказавшись от применения в рычагах весов, предусмотренных проектом шарикоподшипников и заменив их на освоенные за рубежом «призмные» шарниры, воспринимающие знакопеременную нагрузку.

В связи с необходимостью изучения оборудования передовых зарубежных лабораторий и заказа основных измерительных устройств 22 июня 1936 года по указанию А. Н. Туполева, бывшего тогда заместителем начальника Главного управления авиационной промышленности, Мусинянца командировали за границу.

Надо сказать, А. Н. Туполеву, стоявшему, по определению Мусинянца, «у самых истоков русской самобытной авиационной науки и техники», принадлежит исключительная роль в создании экспериментальной базы ЦАГИ. Эта его деятельность происходила на глазах и при непосредственном участии Г. М. Мусинянца. Вот что он писал в своих набросках «Воспоминаний о Туполеве А. Н.»:

«Андрей Николаевич был активным участником строительства планеров кружка. Андрей Николаевич – активный участник строительства самолета кружка. Андрей Николаевич спроектировал первые аэродинамические трубы кружка (круглую и плоскую) и руководил постройкой этих труб и их измерительных приборов.

Эти два начала – строительство летательных аппаратов, лабораторных установок и приборов для исследования аэродинамики летательных машин – весьма характерны для деятельности Андрея Николаевича. Развивая первое начало, Андрей Николаевич создал всем нам хорошо известную последовательность русских самолетов, гидросамолетов, глиссеров. Развивая второе начало, Андрей Николаевич создал еще целый ряд труб и затем, расширяя масштабы работы над созданием экспериментальной базы авиационной науки, явился одним из творцов и руководителей строительства целых лабораторий, институтов».

Возникает вопрос, почему за границу Туполев командировал именно Мусинянца? Ближайший помощник Мусинянца в то время В. В. Белостоцкий говорил по этому поводу: «Потому что никто лучше него не разбирался в сути задания. Мусинянец не был таким энциклопедистом, как Б. Н. Юрьев. Но он был весьма эрудированным инженером достаточно широкого профиля, понимал детально и в устройстве аэродинамических труб, и в постановке эксперимента, не говоря уже о приборном хозяйстве, где он был особенно основателен и не имел равных. Тот же Юрьев сам до конца мало что доводил. А Г. М. Мусинянец доводил до конца все, за что ни брался. Он был очень методичен и в этом превосходил теоретиков.

В ЦАГИ было распространено такое мнение, что в институте лишь два инженера с большой буквы: либо Мусинянец и Суржин, либо Суржин и Мусинянец. Говорили также: если надо получить быстрый ответ на вопрос – надо идти к Юрьеву, а если основательный – к Мусинянцу».

Перед командировкой Мусинянца в лучшие лаборатории мира в Германии, Франции и США ему была выдана «открытая лицензия» – доверенность за подписью А. Н. Туполева «быть распорядителем суммы в 50 000 рублей золотом, отпускаемых для обеспечения пуска объектов первой очереди новой аэродинамической лаборатории ЦАГИ». Помимо закупок и заказа оборудования для больших труб Т-101 и Т-104, для труб Т-102 и Т-103, а также Т-106 было необходимо приобрести приборы для летных испытаний и исследований вибраций самолетов. Была поставлена задача изучить также принятые за рубежом методы экспериментальных исследований.

В Германии Мусинянец разместил заказ на весы скоростной околосвуковой аэродинамической трубы Т-106, предварительно (еще в Москве) разработав эскизный проект ее рабочей части и весов: проектирование этой уникальной трубы в то время, по существу, еще не начиналось.

Надежду достаточно быстрого выполнения главного задания – усовершенствования своего проекта автоматических весов больших труб и приобретения основного измерительного оборудования, который его в чем-то все еще не удовлетворял, Мусинянец связывал с большим опытом специализированной

весоизмерительной фирмы «Тоledo» в США. Этой фирмой были построены весы лучших натуральных и скоростных труб Америки, в частности, сравнительно новой, завершенной в 1930 году большой (натурной) трубы НАСА в Лэнгли, которую Мусинянцу удалось посетить.

Когда Мусинянц разместил уже заказы фирмам в соответствии с предварительными планами в самом конце вполне успешной, казалось, командировки в США, он неожиданно нашел принципиально новое схемное решение, реализация которого могла позволить создать весы лучше самых совершенных американских и европейских весов. Окончательно убедившись в необходимости отказа от рычажной системы с использованием шариковых подшипников, Мусинянц срочно запросил из Москвы чертежи общего вида обоих весов. Отклонив заманчивые предложения о посещении знаменитых лабораторий в Калифорнии (вместе с делегацией советских авиационных работников, доставившей ему необходимые чертежи), Мусинянц засел за полное перепроектирование рычажной системы своих весов, намереваясь поначалу из-за недостатка времени сохранить принципиальные проектные решения, полученные в Москве. Поскольку заказы на остальное оборудование, в том числе динамометры, были уже размещены, главной целью стало размещение дополнительного заказа – на рычаги системы «Тоledo». Подавляя постоянно преследовавшее его желание улучшить также принципиальную схему московского варианта весов, Мусинянц успевает в отведенный срок командировки закончить все работы. В городе Тоledo он согласует с фирмой технические условия и спецификации к заказу, который как последнюю формальность перед отъездом домой следовало оформить в советском торговом представительстве – Амторге, в Нью-Йорке.

Казалось, можно было быть удовлетворенным: наши весы, по оценке Мусинянца, были не хуже и даже несколько лучше американских, из-за внесенных им усовершенствований в регулировку рычагов. Все другие задания также выполнены. Позади полгода напряженного труда, без друзей, без семьи, в чужой стране (хотя блестяще образованный, глубоко интеллигентный, знающий четыре европейских языка Мусинянц был окружен в США очень высоко ценившими его специалистами, особенно

на фирме «Тоledo»). Уже известна – и дома, в Москве тоже – дата выезда на Родину – в начале 1937 года.

Казалось бы... Но в эти последние спокойные дни в маленьком, тихом, одноэтажном заснеженном Тоledo произошло то, о чем впоследствии единодушно восторженно будут вспоминать самые разные люди в ЦАГИ. Об этом (со слов наших специалистов, посетивших фирму «Тоledo») рассказывал профессор А. К. Мартынов. Д. В. Халезов вспоминал, что, по рассказам товарищей, побывавших в Тоledo уже после возвращения Мусинянца домой, американцы сами говорили, что Мусинянц был выше их специалистов на голову, при этом Халезов добавлял: «Во многих отношениях это был выдающийся человек. Все свои дела он доводил до конца, “до железа”. А железо – до ума».

В Тоledo произошла одна из легендарных историй ЦАГИ. Там проявилось то, что одни назовут потом большевистским фанатизмом, другие – подлинным патриотизмом. Возможно, что проявилось и то и другое, плюс талант ученика Жуковского, а также трудолюбие и мудрость крестьянина из далекой Армении – хозяина и пленника сурового каменного поля. В эти дни в сознании Мусинянца не только не утихли, но вырвались на свободу теперь уже не сдерживаемые опасением не успеть выполнить задание – поиски совершенно новой принципиальной схемы весов, весов, которые безоговорочно были бы лучшими в мире. Задача в научном плане ставилась так смело, исчерпывающе, как никто ее до тех пор не ставил: обеспечить прямое измерение и регистрацию «чистых» аэродинамических сил и моментов в системе координат с началом, следящим при изменениях положения самолета за точкой, задаваемой и перемещаемой в его системе без перерыва в эксперименте и при автоматическом введении поправок на силы и моменты от сил тяжести подвижных масс самолета и частей весов.

Напряжение работы Мусинянца в эти дни можно себе представить – ведь были перебраны десятки возможных решений, каждое из которых – сложнейшее пространственное построение, которое Мусинянцу необходимо было видеть и все целиком, и в деталях.

Решение не находилось. Впрочем, было утешение: заказ, уже сделанный фирме, был вполне добротным. И вот однажды, во время отдыха, вечером на прогулке Мусинянц неожиданно

для себя «увидел» то, что так долго и безуспешно искал в «рабочее» время. Он нашел схему весов, значительно более совершенных, чем американские. Много позже видные инженеры и выдающиеся академики назовут эти весы шедевром. Пока же Мусинянц, очевидно, понимал, что найденное решение очень удачно, поэтому, полагая сделанный заказ фирме резервным, он ставит задачу срочно связаться с ЦАГИ, получить добро Наркомата на полное изменение проекта, здесь же, в Толедо, и, соответственно, получить разрешение на переоформление заказа. Но легко сказать – связаться. Это была одна из легендарных, почти детективных историй Мусинянца.

«Телеграммой в семьдесят слов он передал в Москву структуру основных элементов схемы весов. Слова в телеграмме не были словами русского языка. Каждое слово состояло из тринадцати букв английского алфавита, на которые было разделено слитно написанное содержание телеграммы, и представляло собой оплачиваемую единицу телеграфного текста. Тщательно продуманная лаконичность телеграммы, стремление затруднить прочтение ее посторонними лицами и забота об экономии валюты – все это очень колоритно характеризует отправителя телеграммы и лучше всяких слов обрисовывает свойства его натуры», – рассказывал ближайший помощник Мусинянца в дальнейшей работе над весами В. В. Белостоцкий. Он продолжал: «Телеграмма-головоломка была расшифрована К. А. Ушаковым и доложена на научно-техническом совете ЦАГИ. Ввиду несомненных и важных преимуществ схемы, предложенной Мусинянцем, НТС признал целесообразным принять эту схему и делать по ней новый проект весов».

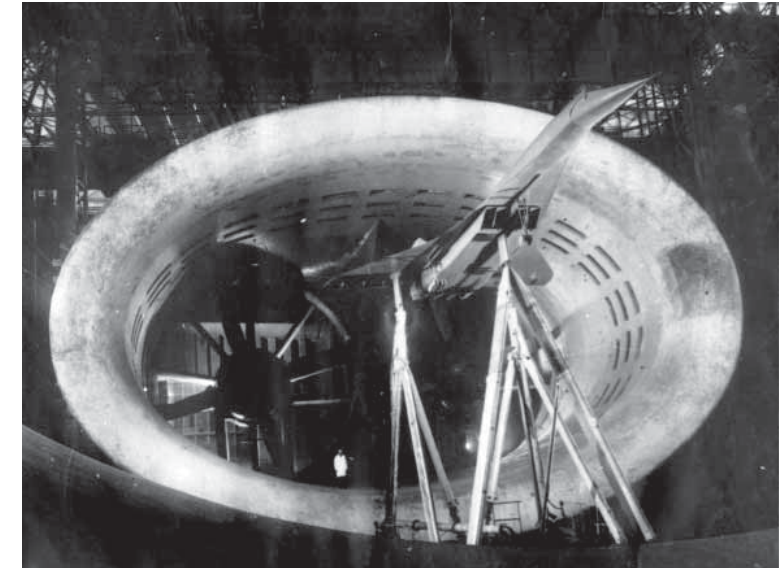
В удивительно короткий срок, работая буквально днем и ночью, с участием приданных ему в помощь по специально заключенному договору инженера и техника-чертежника фирмы, Мусинянц выполняет новый проект рычажной системы и автоматики весов. Присланным к этому времени из Москвы двум советским инженерам П. И. Экономову и М. С. Глазеру он поручает перепроверить основные проектные решения. Более того, он собственноручно с помощью выделенного фирмой столяра строит полноразмерный деревянный макет рычажной системы, состоящий из 73 рычагов.

Как вспоминала дочь Мусинянца, отец, конечно, рассказывал об американской эпопее: «...Все заказал... И ты, знаешь, дочка, вдруг меня осенило, и все стало на свои места!» «Призма» – вот главное слово, оставшееся в памяти дочери. И еще то, что мистер Браун, инженер, у которого отец бывал в семье, повторял: «О, это хитрый армянин!»

Все, кто хорошо знал лично Гургена Мкртичевича, с кем довелось говорить о нем, считают его наибольшим творческим достижением именно эту работу, выполненную в Америке. Но многие расходятся в отношении деталей происшедшего.

Как говорил В. В. Белостоцкий, Гурген Мкртичевич принадлежит к такой категории людей, чья жизнь прошла при постоянном «давай, давай!». И письменных следов о такой жизни осталось мало. К сожалению, пока что не удалось найти и саму телеграмму, посланную Мусинянцем из США. Сам Белостоцкий говорил мне: «Думаю, что в телеграмме Гурген Мкртичевич передал схему основного элемента весов – так называемой “упряжки”. На этот счет С. А. Довжик заметил: “Я эту телеграмму держал в руках и хорошо помню, что суть телеграммы состояла в рекомендации изменить принятые в первоначальном проекте параметры отдельных рычагов “рычажной” схемы, их положение и размеры. Кроме того, в телеграмме говорилось о необходимости замены шариковых подшипников на призменные опоры».

И. И. Слезингер характеризовал телеграмму так: «Гурген Мкртичевич создал схему весов и передал ее по телеграфу, с помощью кодов, не используя графическую информацию». Кажется, связывает все эти дополняющие друг друга (хоть и немного

Аэродинамическая труба
Т-101 ЦАГИ

отличные) представления рассказ В. Н. Овчинникова: «С телеграммой, считаю, случай уникальный. Когда пришла эта телеграмма из Америки, все повторяли: “Только Мусинянц мог придумать такое!” Я всегда ценил армянский ум и понимал Гургена Мкртичевича, когда он говаривал в минуту веселья: “Это получилось, потому что я армянин!” Телеграмму расшифровал при мне К. А. Ушаков. В ней все – ни убавить, ни прибавить. Надо было лишь догадаться, что Мусинянц использует шахматную нотацию для обозначения положения и размеров рычагов. И все стало ясно».

Предложенная и расшифрованная схема была тут же доложена К. А. Ушаковым на НТС. Предложение вызвало просто восторг. Надо не забывать, что принятие этого предложения означало остановку шедшего уже полным ходом производства в центральных мастерских некоторых элементов весов в соответствии со старым проектом. И вдруг – стоп всему! Нашлись такие радетели народного добра, которые потребовали «отстранить» Мусинянца. И сам Гурген Мкртичевич, как он рассказывал позже, хорошо понимал, какую брал на себя ответственность. Шел 1937 год. Война стучалась в наши двери. Решение НТС, на котором были А. Э. Стерлин, Г. Х. Сабинин, С. С. Сопман, А. К. Мартынов, без колебаний поддержало Мусинянца, работавшего в далекой Америке. Так или иначе, но из Москвы он получил разрешение наркомата: не останавливая хода выполнения фирмами старого заказа, разработать технический проект по новой схеме.

Получив подтверждение абсолютной правильности всех принятых в новом проекте решений и проинструктировав оставшегося в Толедо советского инженера, Мусинянц выезжает в Нью-Йорк, аннулирует старый заказ и оформляет новый – на рычажную систему и некоторые (исполнительные) элементы автоматики весов. Командная часть автоматики, спроектированная и изготовленная позже в ЦАГИ, сознательно не была включена в переданный фирме проект, чтобы не раскрывать принципиальную схему весов в целом.

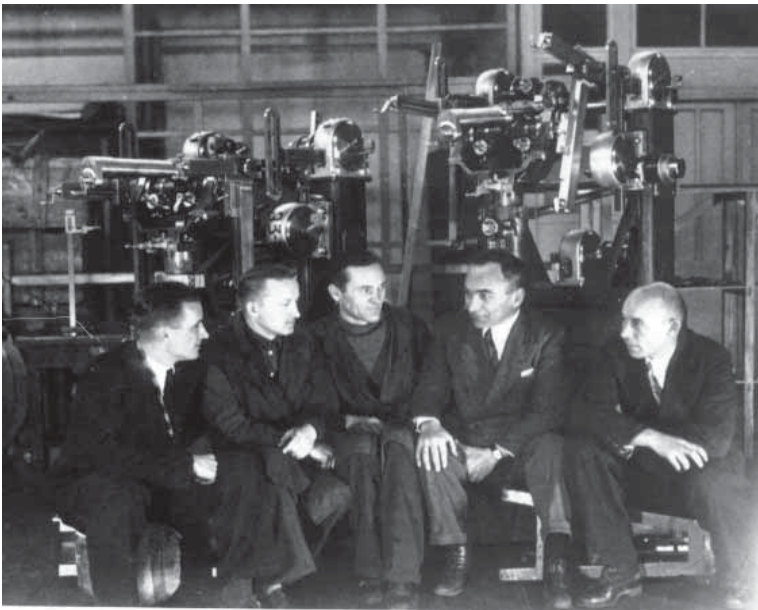
Закончив последние формальности и передав своим советским помощникам наблюдение за изготовлением заказа, Мусинянц пароходом отплывает в Европу. По пути домой, в Германии, он проверяет ход выполнения заказа для трубы Т-106 и 17 мая 1937 г. прибывает на родину.

31 мая 1937 года Г. М. Мусинянц сделал доклад о спроектированных им весах на научно-техническом Совете ЦАГИ. Фактически предложенные инженером весы поставили «гигантские трубы ЦАГИ на первое место в мире не только по их размерам, но и по совершенству весового оборудования». Так спустя многие годы напишет в своей автобиографии Мусинянц. Дав выполненной работе очень высокую оценку, НТС предложил Мусинянцу «изложить доклад письменно и защитить его в качестве докторской диссертации».

Об этом позже в соответствующем личном обращении со своей поддержкой в Высшую аттестационную комиссию писал профессор Г. Х. Сабинин. Сам прекрасный разносторонний ученый, известный специалист в области теории винта, теории и практики ветряных двигателей, один из активных создателей лабораторий ЦАГИ, Г. Х. Сабинин отмечал в письме в ВАК, что «последние» весы Г. М. Мусинянца «в корне меняют методы и содержание аэродинамического эксперимента и значительно сокращают время» его проведения, кроме того, «новая схема Г. М. Мусинянца существенно отразилась на схемах весов, проектируемых другими авторами».

Однако Г. М. Мусинянц увлечен продолжением начатой в Толедо работы. Было необходимо срочно выполнить не менее сложную часть – закончить проектирование и изготовление недостающих важнейших элементов (ведь в Толедо производилось лишь то сравнительно небольшое, что фирма делала лучше всех в мире). Главное, к чему Мусинянц начал сразу готовиться, – это монтаж, наладка и выверка весов натуральных труб.

Была создана группа инженеров, техников и механиков, которой предстояло работать с весами. С этой группой Мусинянц, которого вскоре утвердили в ученом звании профессора по специальности «аэродинамика», провел цикл занятий по теории весов. Возможности весов (прекрасно работающих уже три четверти века) удивляют и по сей день. Но они все же были весьма сложны. Они не кажутся простыми даже сегодня, когда трудно удивить сложностью, и уж, конечно, не были простыми в то время. Занятия помогли преодолеть все трудности и обеспечить долгую безупречную работу и весов, и соответствующих специалистов.

Г. М. Мусинянц среди сотрудников ЦАГИ,
1930-е гг.

сформулировал главную задачу: «развитие лаборатории в организацию, способную руководить промышленностью» – для удовлетворения насущных нужд страны. Последовательным проведением в жизнь этой установки Мусинянц внес свою лепту в становление ЦАГИ как головного института отечественной авиационной отрасли.

Прежде всего, заручившись поддержкой Сабинина, Мусинянц устранил многотемность в производственном плане, исходя из принципа: «Работы не по плану сотрудника – останавливать! Работа должна быть по силе или только несколько выше сил сотрудника». За работами, включенными в план, устанавливается строгий контроль с использованием новейших средств научной организации труда – НОТ (план-карты и т. п.). Важное практическое значение имела предпринятая по инициативе Гургена Мкртичевича статистическая обработка результатов заводских испытаний серийных самолетов и моторов для дальнейшего установления рациональных критериев точности аэродинамического расчета самолетов, а отсюда и точности аэродинамиче-

В этот период особенно ярко проявились по крайней мере две особенности Мусинянца как организатора. Первая – забота о кадрах. Вторая – забота о внедрении четкой плановой дисциплины и организации работ. ЭАО был важнейшей организационной частью в структуре ЦАГИ.

Начальником ЭАО в то время был старший товарищ Гургена Мкртичевича Г. Х. Сабинин. Гурген Мкртичевич взял на себя значительную долю работы и получил полную поддержку Григория Харламовича. Уже тогда Мусинянц

ского эксперимента. Первостепенное значение Мусинянц придавал внедрению в практику работы ЭАО методов научной оценки достоверности результатов исследований.

В связи с этим для молодых и не только молодых сотрудников ЭАО Гурген Мкртичевич регулярно читал лекции и проводил занятия по теории ошибок, по общим методам физического эксперимента, по аэродинамическому расчету самолета. Я говорил о Мусинянце со многими сотрудниками ЦАГИ, известными специалистами в области измерений, в области эксперимента. Буквально каждый вспоминал о большом личном внимании к нему Мусинянца и о большом добром его влиянии. Об этом говорил даже Борис Сергеевич Дубов, которого Гурген Мкртичевич жестко критиковал за что-то. К этому мы еще вернемся.

В марте 1938 года приказом по ЦАГИ Мусинянц был освобожден от всех обязанностей и назначен техническим руководителем работ по допроектированию и вводу в эксплуатацию весов труб Т-101 и Т-104.

5 мая 1938 года Г. М. Мусинянц в числе нескольких других сотрудников ЦАГИ (С. А. Довжик, Б. Я. Кузнецов, А. К. Мартынов, М. Н. Шульженко) был приглашен на заседание правительства. В обсуждении докладов о ходе нового строительства в ЦАГИ непосредственно участвовал И. В. Сталин. Он «высказал ряд соображений о параметрах строящихся объектов. Была создана комиссия из представителей ВВС, промышленности и ЦАГИ, которой было поручено окончательно утвердить параметры объектов и финансирование строительства».

Вместе с родными Г. М. Мусинянца –
в кабине управления Т-101,
2019 год

В. Н. Овчинникову из рассказов участников этого заседания запомнился такой эпизод. По ходу совещания нарком авиационной промышленности М. М. Каганович, видимо, чувствуя, что у членов правительства остается неясность, подал записку В. М. Молотову с просьбой дать слово профессору Мусинянцу. Способность Гургена Мкртичевича толково разъяснять достаточно сложные вещи Каганович ощутил на себе. Во время своих довольно частых наездов в ЦАГИ, наблюдая за ходом работ по наладке важнейшего объекта – весов Т-101, он заметил энергичного человека в грязной замасленной телогрейке.

«Ты кто?» – Каганович был прост, если не грубоват в обращении. Когда он узнал, что это профессор Мусинянц (а тот был уверен, что все надо пощупать своими руками), он возмутился: «Ты должен ходить здесь в белой шубе!» Гурген Мкртичевич объяснил, почему здесь рабочая одежда более подходит. Главное же, он рассказал (так, что это стало понятно Кагановичу) о назначении и особенностях основных элементов весов, ввода в действие которых с таким нетерпением все ждали. Говорят, Гурген Мкртичевич очень понравился Михаилу Моисеевичу.

Как видно, в некоторых деталях рассказ очевидца и молва несколько различны (Валентин Николаевич Овчинников поведал именно молву, цаговский фольклор, рожденные всеми «очевидцами»). Надо думать, в молве труднее проявить себя субъективности). И вот эта записка В. М. Молотову. Надо сказать, когда Гурген Мкртичевич был в настроении и в форме, он говорил прекрасно, бесподобно. Бывало, говорил и кисло, но, если все одно к одному, – оратор был редкостный. Молотов объявил: «Слово научному руководителю работ профессору Мусинянцу!» Гурген Мкртичевич ясно, просто и ярко объяснил, что к чему. Самолет летает на разных высотах, и в полете не все можно исследовать. Поэтому в трубе необходимо переменное давление. Да, эти трубы (речь шла об околозвуковой Т-106) дороги и сложны. Особенно дорого обходится увеличение скорости потока и увеличение размера трубы. Но без таких труб проектирование и доводка опытных самолетов будут еще более долгими и более дорогими. После этого выступления Сталин позвал Мусинянца к себе, посадил его между собой и Ворошиловым и стал расспрашивать подробнее. Эта встреча помогла Гургену Мкртичевичу относитель-

но спокойно продолжить работу. Старшие дочери рассказывали, что у отца тогда всегда был наготове натуральный мешочек с сухарями...

Об этом заседании и участии в нем Гургена Мкртичевича рассказывал С. А. Довжик. Состав приглашенных на заседание от ЦАГИ определялся ответственностью каждого из них за наиболее важные участки нового строительства в ЦАГИ. В частности, Мусинянц был ответственен за ввод весов Т-101. Труба уже была запущена. Были готовы и Як-1, и МиГ-1, но продувать их без весов не имело смысла. С. А. Довжик отвечал за ход работ по Т-106 и т. д. На заседании правительства, которое вел В. М. Молотов, присутствовал нарком авиационной промышленности, предшественник А. И. Шахурин – М. М. Каганович. После доклада о ходе строительства объектов начальника ЦАГИ М. Н. Шульженко о своих наблюдениях и впечатлениях рассказал бывавший на стройплощадке ЦАГИ К. Е. Ворошилов. Выслушав выступавших и подчеркнув, что дорог каждый день, страна перед войной, И. В. Сталин стал задавать вопросы. В частности, он спросил: «Почему в аэродинамической трубе (имелась в виду скоростная аэродинамическая труба Т-106) необходимо создавать давление?» С. А. Довжик ответил, что это нужно для учета влияния так называемого числа Re и улучшения характеристик самолетов. Сталин подходит вплотную, рассматривает и спрашивает: «Где обеспечивается безопасность пилота?» – «В лаборатории прочности!» (Строительство соответствующего корпуса шло хоть и не без сложностей, но достаточно энергично – он был сдан в 1940 году.) Сталин продолжал спрашивать: «Почему самолеты наши летают со скоростью 600 км/час, а в трубе скорость 250 км/час?» После паузы на этот вопрос ответил Гурген Мкртичевич: «Мы не можем требовать от страны таких мощностей... И без того новые трубы ЦАГИ требуют значительных затрат энергии. Увеличение скорости труб на 20% потребует повышения мощности более чем на 70%...» Сталин подошел к Гургену Мкртичевичу, посмотрел на него внимательно и сказал: «Ну, если профессор так считает, так, наверное, и есть».

Ссылаясь на очевидцев, В. В. Белостоцкий рассказывал об этом так. (Кстати, А. К. Мартынов, ознакомившись позже, по моей просьбе, с рассказом В. В. Белостоцкого, а также С. А. Довжика, не нашел в них ошибок чьей-либо памяти.)

– Когда Сталин спросил, как же так получается, что скорость в большой аэродинамической трубе меньше скорости самолета (в его глазах это было противоречие), Каганович нашелся быстро и заявил, что тут же будет исправлено. Вопрос-то был, конечно, более серьезным, и наступила пауза. Гурген Мкртичевич подымается тогда и говорит: «Мы не можем потребовать от страны таких больших жертв, какие были бы необходимы, чтобы обеспечить скорости больше, чем заданные». Гурген Мкртичевич не стал ссылаться на известный закон кубов, он сказал: «Если бы мы пожелали увеличить скорость потока вдвое, тогда потребуется мощность в 8 раз большая. А мы и так замахиваемся в своих потребностях на целый Днепрогэс, мы не вправе увеличивать скорость сверх предусмотренной проектом». Гурген Мкртичевич мог, конечно, промолчать. Время трудное, вопрос серьезный, уровень обсуждения – выше некуда. Но промолчать – подвести А. Н. Туполева. Душой всего нового строительства ЦАГИ был он. К нему Мусинянц относился с большим уважением, впрочем, оно у них было взаимным.

Кроме того, подчеркивал В. В. Белостоцкий, это было такое поколение, которое считало, что если ты берешься за дело, то ты лично за него отвечаешь. Это позже для любой ситуации была отработана техника личной безопасности.

С. А. Довжик полагал, что особой гражданской смелости в позиции Гургена Мкртичевича на заседании правительства не было, хотя и отмечал, что в это время ЦАГИ уже обезлюдел. На том заседании Мусинянц предложил ввести в комиссию военных, которую возглавил В. Я. Чубарь, некоего Душкина (сам Гурген Мкртичевич в комиссию эту не вошел, хотя и докладывал ей позже, как и начальник НИИ ВВС И. Ф. Петров, и многие другие). Сталин спросил тогда: «А кто этот Душкин?» Мусинянц ответил: «Парторг ЦК». Сталин спросил: «А разве он что-нибудь понимает в этом?» Мусинянц сказал, что он им хорошо помогает, и предложение было принято.

В это время Мусинянц уже попал в опалу в ЦАГИ. Рассказывают, что его помощник в Америке П. И. Экономов, ставший его начальником, окружил его мелочной опекой и придирками. Дочери Гургена Мкртичевича, человека, сдержанного с детьми в разговорах о работе, эту фамилию старались забыть.

Однажды, года за два-три до своей смерти, Мусинянц, вспоминая за обедом в институтской столовой ту пору, говорил, что от больших неприятностей его спас Кирилл Андреевич Колмаков. Он помогал ему в сборке весов, и, когда его спросили, справится ли он со сборкой один, Колмаков твердо ответил: «Без Гургена Мкртичевича – никак!» На какое-то время тучи над Мусинянцем развеялись. Тогда невинно пострадали многие честные и высокопрофессиональные специалисты. Тогда же временно лишился своего рабочего места и Мусинянц.

Дочь Гургена Мкртичевича вспоминала, что в их дворе «остались» только К. К. Баулин, К. А. Ушаков, С. С. Сопман и их отец: «Папа думал определенно, что его вскоре возьмут. Его брат Татевос в 1928 году вернулся в Ереван из эмиграции, а потом приехал в Москву, и папа устроил его в ЦАГИ. Брат был “слабым местом” отца... Скольким людям он так просто помогал! Когда евреев гоняли, все приходило к нам. Устраивал куда-то М. А. Тайца, помню. “Мне хочется этим людям сделать добро” – для папы не существовало никакой разницы в том, какой человек национальности. Да, бывало, отца увозили к Сталину и привозили от него. После 1937 года он опасался говорить об этом подробно. Раза два-три его возили. И после войны – тоже. Были какие-то деловые переговоры. Необязательно у Сталина, просто в Кремле. Папа многого нам не говорил. Сталина он не уважал, может быть, поэтому и не говорил...»

Оборудование уникальных механических весов Г. М. Мусинянца в аэродинамической трубе Т-101 ЦАГИ

В ноябре 1939 года Мусинянц возглавил комплексную бригаду, сформированную по приказу начальника ЦАГИ для монтажа и наладки весов труб Т-101 и Т-104. Сроки ввода больших труб были жесткими. Положение бригады осложнялось тем, что несколько задерживалась строительная часть работ. Члены бригады работали по 15–20 часов, а то и круглосуточно. Сутками не покидал лабораторию Гурген Мкртичевич.

Об этом трудном времени вспоминал В. В. Белостоцкий: «Вместе со всеми Гурген Мкртичевич делил невзгоды от недосыпания, от ночевки на диване не раздеваясь, но каждое утро находил вдохновляющие слова, внушающие бодрость и мобилизовавшие активность... Будучи широко эрудированным инженером и ученым, соединявшим в одном лице технолога и конструктора, метролога и экспериментатора, он с глубоким пониманием разрешал самые разнообразные вопросы. Благодаря его манере четко очерчивать задание, советоваться с исполнителями и охотно давать им разъяснения, вокруг него за короткое время сплотился дружный коллектив, объединенный интересной для каждого участника работой.

Для предварительной отладки был устроен стенд... Вместе со сборкой на стенде рычажной системы в другом помещении выверялись и доводились механизмы стоек весов. Опыт, извлеченный из стендового этапа, позволил собрать весы даже в авральной обстановке, с такой тщательностью, что дополнительной доводки на месте, предполагавшейся для уменьшения погрешностей, не потребовалось.

В итоге наладки и тарировки, проведенных на уровне основательно поставленной научной работы, были получены весьма высокие метрологические характеристики весов. Участники работы были обязаны Г. М. Мусинянцу тем, что она послужила для них прекрасной школой, обогатившей практическим опытом и пониманием, с какой строгостью нужно подходить к операциям и средствам определения этих характеристик».

За этими лаконичными насыщенными фразами масса преодоленных сложностей, в том числе «мелких», которые можно ощутить по ряду следующих примеров. В частности, для проверки тарировочных полутонных грузов были построены специальные весы с точностью измерений до $1/20\,000$; базовые линейные

расстояния между опорами весов, достигавшие 6 метров, выдерживались с точностью до 0,3 мм; положение начала координат системы основных неподвижных осей, располагавшегося где-то в воздухе в центре потока на высоте около 13 метров, следовало определить экспериментально и закоординировать относительно фундамента и рамы весов с точностью до 1–2 мм.

Очень-очень многое делалось впервые. Поражают масштабы и темпы сделанного. Поражает глубина принципов и техника решения возникших сложных задач, в том числе упомянутых только что – метрологических. Поражает, в конечном итоге, достигнутое качество: в течение десятилетий, а возможно, и поныне в своем классе приборов эти весы остаются непревзойденными.

После того как весы обеих натуральных труб Т-101 и Т-104 были приняты в феврале 1940 года комиссией Народного комиссариата авиационной промышленности, в них начались интенсивные исследования опытных и серийных, боевых самолетов.

В связи с этим уместно привести уже послевоенную оценку, данную наркомом авиационной промышленности А. И. Шахуриным: «Особо надо подчеркнуть заслуги Центрального аэрогидродинамического института, новый комплекс которого был сооружен к концу 1940 года. Крупнейший научно-исследовательский центр, где проверялась аэродинамика самолета, где самолеты испытывались на прочность, где проводились статические и другие испытания, был оснащен самым современным оборудованием, без которого немислимо было испытание создававшихся тогда самолетов. Исключительную ценность представляли лаборатории больших скоростей и огромная аэродинамическая труба, позволявшая “продувать” самолеты в натуре на дозвуковых и околозвуковых скоростях. Именно из этих труб, образно говоря, вылетела в 1940 году наша авиация, разгромившая фашистскую и завоевавшая в ходе войны полное господство в воздухе. А околозвуковая труба и соответствующие лаборатории

Г. М. Мусинянц,
конец 1930-х гг.

сыграли огромную роль и в развитии реактивной авиации в ходе войны и после ее окончания».

Более года, практически до самого начала Великой Отечественной войны, параллельно с отработкой методов экспериментальных исследований в натурных трубах Г. М. Мусинянц совместно с К. К. Колмаковым работал над созданием и вводом в действие недостававшей еще автоматики весов с копирующим механизмом, то есть над тем, что было задумано еще в Толедо.

Главный инженер ЦАГИ К. Н. Суржин, высоко оценивший всю работу по весам, особо выделял автоматику. «Все, кто видел этот шедевр счетно-решающего механизма, – говорил он, – могут гордиться за вклад ЦАГИ в советскую измерительную технику».

24 мая 1941 года весы заработали с автоматикой. Это был своеобразный венец огромной работы ЦАГИ и всего народа. В трудный для страны час уникальные потенциальные возможности натурных труб Союза стали реальностью.

Выдающийся вклад Г. М. Мусинянца в эту работу был высоко оценен. 30 сентября 1940 года он, как и некоторые главные конструкторы авиационных заводов (С. В. Ильюшин, А. С. Яковлев, Н. Н. Поликарпов, П. О. Сухой, А. А. Архангельский), и другие специалисты, был утвержден в ученой степени доктора технических наук. Степень кандидата наук без защиты была присуждена ему за два года до этого.

В декабре 1940 года ученого ожидала особенно дорогая награда. Создание весов было отмечено первой премией на только что учрежденном постановлением Совнаркома всесоюзном конкурсе, носящем имя учителя – Н. Е. Жуковского. О том, насколько эта оценка значительна, можно судить по следующему. Вторую и третью премии получили крупные ученые: академик С. А. Христианович и Г. Н. Абрамович – за основополагающие теоретические работы в области аэродинамики.

Требование к Гургену Мкртичевичу выставить работу на конкурс исходило от председателя жюри – выдающегося русского ученого, академика С. А. Чаплыгина. Надежда Матвеевна Семенова, многие годы работавшая директором Мемориального музея Н. Е. Жуковского, а тогда ближайший помощник С. А. Чаплыгина, рассказывала: «Сергей Алексеевич, которого, конечно, беспокоил уровень конкурса и радовало, что уже поступили

очень сильные работы (а общее число выдвинутых работ достигло 40!), попросил меня, притом очень настойчиво, переговорить с Г. М. Мусинянцем, – чтоб он подал свои весы. Сергей Алексеевич любил Гургена Мкртичевича и считал его одареннейшим человеком. Он восхищался его работой и – особенно – его необыкновенным пространственным видением. Мусинянц – сутулившийся, хмурый (мало кто знает, какая у него была трудная, полная испытаний жизнь) – отмахивался: “Не буду подавать, оформлять надо. А когда? Столько работы!” Кое-как уговорила его. После того как закончилось последнее заседание жюри, начальник ЦАГИ И. Ф. Петров, заместитель председателя жюри, пожурил меня за то, что я не записала блестящую речь Сергея Алексеевича Чаплыгина, с которой он выступил в самом конце заседания. К этому моменту, особенно после выступления Н. Е. Кочина, академика, защищавшего выполненное С. А. Христиановичем выдающееся исследование по теории профиля в скоростном потоке, предпочтение явно отдавалось теоретическим работам, они были действительно блестящие. В выступлении Чаплыгина, очень кратком и необычно эмоциональном, было столько восхищения сделанным Мусинянцем (“Подумайте только! Как он все это видит!”), что в конечном итоге против присуждения ему первой премии был подан лишь один голос...»

Профессор Я. М. Пархомовский говорил в связи с этим: «Чаплыгина как ученого-механика трудно поставить рядом с Жуковским, Кирпичевым, Тимошенко, а как инженера – вровень с А. Н. Крыловым. Чаплыгин занимал совершенно особое место в русской науке. Будучи в первую очередь крупным математиком, он не витал в абстрактном пространстве. Рачительный, бережливый хозяин, он, встав во главе ЦАГИ, быстро “прибрал к рукам” всех инженеров и механиков школы МВТУ и МГУ, направив каждого в свое дело. В ЦАГИ шли лучшие силы, и развитие исследований было мудрым. В период, когда не было денег, ЦАГИ благодаря Чаплыгину их получал и направлял на развитие базы. Благодаря разумному сочетанию ограниченных по объему экспериментальных исследований с исследованиями расчетными не было отставания, а в некоторых разделах науки мы даже опережали границу. Экспериментальные работы Чаплыгин ценил обычно выше теоретических. Прекрасный организатор, он

смотрел вперед. Важность для дальнейшего создания мощных аэродинамических труб, в частности важность сделанного Мусинянцем, была ему очевидна».

Через месяц после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., когда уже было принято решение о частичной эвакуации ЦАГИ в Казань и был уже организован там филиал, Г. М. Мусинянец получил задание наркомата авиационной промышленности: обеспечить подготовительные работы для сооружения на востоке Союза новой научно-исследовательской базы.

Остановившись на Новосибирске, Г. М. Мусинянец выступил с докладом на пленуме обкома партии. При поддержке обкома за будущим строительством закрепляется участок и ставится задача создать в перспективе постоянный институт. Именно так Мусинянец предлагал сформулировать постановление Государственного комитета обороны по возвращении на несколько дней в Москву. В конце августа 1941 года в ЦАГИ было демонтировано и отправлено в Новосибирск оборудование новейших, только что введенных в эксплуатацию труб Т-103, Т-104, Т-101, Т-106.

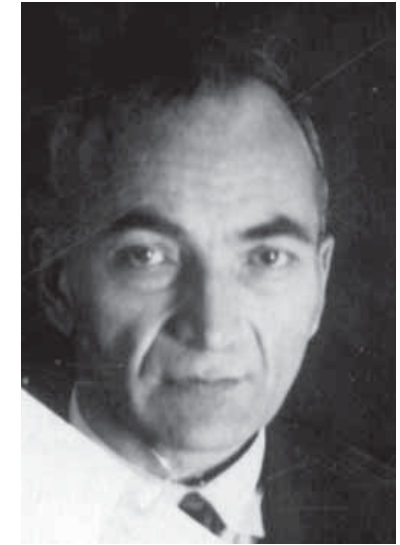
По воспоминаниям дочери Гургена Мкртичевича, отец сначала летал в Новосибирск «на разведку» – вместе с С. А. Довжиком. Летали они туда на каком-то немецком самолете, и их чуть не сбили... Еще помнилось ей, что в Омске, в 1941 году, туполевцы, которые сидели там, знали, когда пройдет цаговский эшелон, и встречали его: «В их числе был А. Э. Стерлин, отец его уважал как глубоко порядочного человека. Встречал нас также Соколов. Моя мама и жена Соколова были сестрами, их отец был греком по национальности. Мама работала в ГВФ машинисткой».

Вместе с С. А. Чаплыгиным и другими цаговцами Г. М. Мусинянец участвует в организации работ по строительству, наладке и вводу в эксплуатацию оборудования филиала ЦАГИ, выросшего впоследствии в широко известный ныне Сибирский научный институт авиации – СибНИА. В конце 1941 года С. А. Чаплыгин сообщал наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину: «В Новосибирском филиале ЦАГИ находится около 500 сотрудников ЦАГИ, в их числе 60–70 ведущих ученых; установлена связь с авиазаводами Востока для участия в доводке и совершенствовании серийных и опытных самолетов; строятся современные аэродинамическая и прочностная лаборатории...»

В этом труднейшем деле большую роль сыграла поддержка обкома партии, полное взаимопонимание, уважение и дружба С. А. Чаплыгина и секретаря обкома М. В. Кулагина. Н. М. Семенова, жившая вместе с семьей С. А. Чаплыгина, в одной комнате с его дочерью, рассказывала, как, бывало, поздним вечером к ним приезжал чаевничать и задерживался надолго Кулагин: под обаяние Сергея Алексеевича подпасть было легко. Когда того требовали обстоятельства, деликатнейший Сергей Алексеевич, бывало, звонил Кулагину и «требовал», как просили цаговцы, в том числе иной раз и Мусинянец, немедленной помощи обкома: «Милый Михаил Васильевич, любезнейший, прошу Вас помочь нам в том-то и том-то...» А кончив разговор, поворачивался к нам: «Ну, как я его?!»

В январе 1942 года стало возможным начать (в соответствии с решением ГКО) восстановление работы в ЦАГИ больших труб, а позднее и трубы Т-106. Тщательно законсервированное оборудование этих труб было возвращено из Новосибирска, где было продолжено строительство малой трубы.

К сожалению, ее ввода в строй не увидел Сергей Алексеевич Чаплыгин – 8 октября 1942 года его не стало. Это была огромная потеря для страны. Научный авторитет Чаплыгина был соизмерим разве что с авторитетом Жуковского. Первым среди ученых он стал Героем Социалистического Труда. Из-под его крыла – блестящего теоретика и прекрасного организатора – вышла большая группа первоклассных ученых. И сейчас как высшую похвалу можно услышать от старожилов ЦАГИ, возможно и не совсем верное, но впечатляющее: «Перед Чаплыгиным навтыяжку ходил даже Туполев, и даже когда был в высшей силе». В действительности Чаплыгина все, и Андрей Николаевич Туполев особенно, уважали и чтили. Глубоко уважал Сергея Алексеевича Мусинянец, рядом с которым и в дружбе с которым Чаплыгин прожил свои последние дни. Боль общей утраты Мусинянец выразил в написанном им в Новосибирске некрологе.

Г. М. Мусинянец,
1940-е годы

Возвратившись из эвакуации в 1943 году (семья его вернулась в 1944-м), Г. М. Мусинянц возглавил исследования по совершенствованию методики эксперимента в заработавших на полную мощность натурных трубах. За работы, связанные с проектированием и созданием весов натурных труб, обеспечивших важнейшие оборонные исследования, Г. М. Мусинянц был удостоен в 1944 году Государственной премии. Некоторое время он замещает главного инженера ЦАГИ, а затем руководит проектированием измерительных устройств новых экспериментальных установок ЦАГИ.

Во время войны, будучи еще в Новосибирске, параллельно со своей основной работой Мусинянц выполнил два необычных для себя исследования, характеризующих его как инженера универсального, остро ощущающего потребности практики. Прежде всего он разработал оригинальные стрелковые приборы. Кроме того, досконально изучив особенности сравнительно новой системы самолетов того времени – гидравлической системы уборки шасси, Мусинянц разработал четкие рекомендации проектировщикам, производственникам, монтажникам и эксплуатационникам таких весьма сложных систем.

Работа по стрелковым приборам была особенно оригинальной: был предложен своего рода тренажер, позволявший обучать воинов стрельбе без затрат боевых патронов. Впрочем, несмотря на поддержку этой работы обкомом партии и заинтересованность военных, не удалось в трудное время наладить производство и широкое использование таких приборов.

Исследования по гидросистеме имели особенно большое практическое значение. На одном из заводов в Сибири из-за неполадок в этой системе не принимали готовые самолеты. Мусинянц вместе с другими специалистами взялся за налаживание приемки. Он разобрался во всех тонкостях специфического оборудования и добился усовершенствований, обеспечивших налаживание ритмичной работы серийного авиационного завода. Мусинянц не любил писать работ – его научным «выходом», «лицом» всегда было отлично действующее оборудование. Но работу о гидросистеме шасси, необходимую в разгар войны широкому кругу специалистов, работу, поражающую даже сейчас тщательностью и исчерпывающей ясностью рекомендаций, он

опубликовал в начале 1942 года в авторитетном научном журнале, доступном и в КБ, и на заводах, и в военных частях.

Во время войны Гурген Мкртичевич был награжден рядом орденов. После войны, в 1946 году, за выдающиеся заслуги перед государством в области технических наук он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

Это была одна из последних столь высоких государственных оценок сделанного Г. М. Мусинянцем. Хотя ему предстояло жить и трудиться еще более 20 лет, столь по-разному оцениваемых разными людьми: и как медленный естественный закат, и как мощный прорыв к новому...

Надо думать, подобные высокие награды, общественное признание, не говоря уже о главном – о самой работе и, конечно, о детях, служили первым утешением Гургена Мкртичевича в его трудной житейской судьбе. Когда заходит речь о масштабах личности этого человека, редко кто вспоминает, какая у него была личная жизнь, каков был его «тыл». Обычно на разные чаши весов кладут: на одну – меру таланта, способностей, а на другую – меру сделанного, достигнутого. Возможно, это и правильно, если кому-то нужна формальная оценка, табель о рангах. Но на какую же чашу весов положить то обстоятельство, что в жизни этого человека было всего лишь несколько лет, когда сердце его могло успокоиться от боли очередной потери в жизни. Когда он умер (после второго, как считали, инфаркта), вскрытие показало, что у этого человека, никогда не жаловавшегося на свое здоровье вплоть до старости, было много инфарктов...

Уже в молодые годы Мусинянц потерял самых близких людей. В 1924 году на шестом году счастливой семейной жизни Гургена Мкртичевича и его молодой красивой жены Елизаветы Гавриловны произошла первая беда. Умер долгожданный первенец – сын, в чудесном двухлетнем возрасте. Прошло всего два года, и при родах умерла сама Елизавета Гавриловна. Гурген Мкртичевич любил ее очень. После смерти сына он с трудом сберег ее, увезя надолго в Армению, подальше от тяжелых воспоминаний. И все же не уберег... Она оставила мужу двух грудных детей, дочерей-близнецов, Каринэ и Маргариту.

Гургену Мкртичевичу трудно пришлось одному с воспитанием детей. Детей он любил необыкновенно. Он строго следил за

изменением веса девочек, считая, как вспоминал Аполлинарий Константинович Мартынов, именно это достаточно надежным и первым показателем их здоровья. Как рассказывал Аполлинарий Константинович, у Гургена Мкртичевича на видном месте была теоретическая кривая оптимального изменения веса ребенка в зависимости от возраста. На эту кривую Гурген Мкртичевич регулярно наносил свои «экспериментальные» точки и успокаивался лишь при допустимом их расхождении.

Кара – Мара (так любовно звали детей друзья отца) были очень красивы и необыкновенно похожи. По этому поводу ходили полушутливые-полусерьезные разговоры, будто и сам Гурген Мкртичевич различает девочек, лишь положив руку им на голову и ощутив еле заметную разницу в их форме. Дочери рассказывали мне, что это, конечно, легенды. Отец, выходявший их без матери, мог различать сестер, что называется, закрыв глаза. Звал он их просто: «Дочка!» И если откликнулась не та, кто ему была нужна, он говорил: «Я не тебя звал!»

В 1931 году, когда девочкам было уже по 5 лет, Гурген Мкртичевич женился вторично, но в том же году развелся из-за «расхождений по вопросам воспитания детей». В 1932 году Гурген Мкртичевич связал свою жизнь с Анной Александровной Эндека. От нее, столь же им любимой и столь же красивой, как и первая, покойная жена (кстати, по профессии обе они были машинистками), родились дочь Марина, в 1933 году, и сын Томас – в 1939 году. Сына Гурген Мкртичевич ждал особенно. Друзья в ЦАГИ знали о решимости Мусинянцев не останавливаться на достигнутом, пока судьба не пошлет им сына. В войну, в Новосибирске, большой семье Мусинянцев пришлось особенно трудно. Помимо четверых детей с ними была еще младшая сестра Гургена Мкртичевича – Нина, приехавшая на учебу в Московскую консерваторию. Поначалу жили в бараке. Первый год был самым голодным. Даже детей посылали помочь колхозу. Но картошка, розданная как спасительное вознаграждение, оказалась мороженой. Позже, когда картофель стали сажать сами – на выделенном участке, стало полегче. Уже вернувшись в Москву, домой, узнали, что семье Мусинянцев был положен паек, но он куда-то «уплывал».

Отца в Новосибирске дети почти не видели. В связи с заданием наркомата Мусинянц часто бывал в обкоме, много сил и

времени требовал авиационный завод с его проблемами, а также общественная работа – в президиуме Комитета ученых г. Новосибирска. В то время в Новосибирске были также Г. Х. Сабинин и В. П. Ветчинкин. Дочери рассказывали, что отец всегда, и позже особенно часто, называл себя домашним животным. В тяжелое военное время друг к другу особо не хаживали. К тому же с Ветчинкиным отец разошелся по работе довольно рано: он не мог понять, как такой большой ученый мог верить в бога. Но с Сабининым был дружен всегда и к нему заглядывал. Столь же близок он был, пожалуй, лишь с С. А. Чаплыгиным.

Гурген Мкртичевич был необыкновенно отзывчив к чужой беде. Он был всегда в заботах о ком-либо, и для него было неважно – о ком. Дочери вспоминали, как однажды в дождь, в грязь по колено, до глубокой ночи отец метался с ошпарившейся девочкой на руках, пытаясь помочь ей в спящем городе. Ее отец был соседом, редко просыхавшим от пьянства, шофером. Но в трудную минуту Гурген Мкртичевич помогал и профессору, и любому другому человеку.

Опорой Гургену Мкртичевичу в самое трудное время была Анна Александровна. Она, как вспоминали дети, очень любила его, а он носил ее на руках. О ее красоте и красоте двух ее сестер цаговцы говорили восторженно. И вот после долгой тяжелой болезни в 1946 году не стало и ее. Отчаяние, как признавался Гурген Мкртичевич детям много позднее, было крайнее. Но оставались на его руках четверо детей, младшему из которых было лишь шесть лет, и это заставило Гургена Мкртичевича медленно-медленно начать новую жизнь.

Дети и работа, ЦАГИ и семья – вот что дало ему новые силы. Семья была дружная, добрая. Дети росли аккуратными, ухоженными. В доме было чисто, светло, скромно. Скромность была во всем – и в одежде, и в еде, и в обстановке. Скромность была в облике и существе Гургена Мкртичевича...

Дети хорошо учились. Собственно, ради их учебы в московских вузах семья не переезжала в Подмоскovie, поближе к основному комплексу ЦАГИ, куда на работу в течение многих лет ежедневно ездил Гурген Мкртичевич – либо на своем автомобиле (который был одним из немногих, давних его увлечений), либо на пригородном поезде. Дочери Гургена Мкртичевича окончили институт

иностранных языков (сначала Карина и Маргарита, они стали преподавателями вузов, а позже – Марина, она стала переводчицей). Сын Томас, особенно любимый отцом и сестрами, окончил МАИ и стал инженером-электронщиком. Отец не противился выбору сына, но подчеркивал: «Электроника без механики никуда не пойдет».

Когда боль потерь стала утихать, когда появился внук Миша – сынишка Томаса (теперь он стал общим любимцем), на семью свалилось новое горе. Погибла в горах, в Карпатах, жена Томаса...

«Томас рано женился, – вспоминала его сестра. – Он ушел из дома, поселился отдельно, и мы долгие годы жили вместе с папой, больным человеком, выбитым из колеи».

Лишь самые близкие друзья, знавшие, чего стоила Гургену Мкртичевичу его неизменная сдержанность, в редкую минуту могли услышать от него слова горького переживания: «Какой-то рок над женщинами нашей семьи...»

Однажды одному старому товарищу он признался: «Иду к вам... внешне все хорошо, улыбаюсь, здороваюсь, а внутри?.. Выть хочется...»

Человек невысокого роста, коренастый, Гурген Мкртичевич стал, кажется, еще ниже, еще ниже опустились его плечи, его большая, могучая голова. Он стал еще более сдержан, замкнут, чем прежде. Но не уменьшилась никак, скорее прибавилась, его доброта, желание и готовность понять другого и помочь.

А помогать было кому. Гурген Мкртичевич был старшим сыном в семье. Лишившийся отца в 1929 году, он всегда трогательно заботился о матери. Она жила с дочерью в Ереване, как писал Гурген Мкртичевич, «на заводской квартире, представленной ей постановлением Совнаркома Армении в пожизненное пользование за заслуги отца». Он бывал у нее, а она бывала у него – в Москве. Гурген Мкртичевич был опорой также и младшему брату Татевосу, работавшему с ним в ЦАГИ, и сестрам, у которых в жизни всегда, кажется, были свои сложности. Единственным человеком среди родных, кто был старше Гургена Мкртичевича и кто готов был помочь ему в трудную минуту, был его дядя Степан. Он также окончил МВТУ, жил в Москве. И хотя встречались они довольно редко, их связывало глубокое уважение друг к другу, без нежностей, славословий, но сердечное, искреннее. Он опекал детей, когда Гурген Мкртичевич был в Америке, когда было трудно.

Самыми верными друзьями и советчиками у Гургена Мкртичевича были старшие дочери, они всегда жили вместе с ним и не разлучались друг с другом. Когда у них спросили, не был ли одинок отец, особенно в последние годы своей жизни, как считали многие, они отвечали без тени сомнения: «Ему не нужно было дополнительное общение. У него было множество интересов и забот. Он многое любил в жизни и необыкновенно много работал. И дома. И в старости тоже – допоздна, до глубокой ночи. В 2–3 часа ночи можно было проснуться и увидеть его сидящим за письменным столом на самом краешке стула, а за спиной, как всегда, – расположившуюся со всеми удобствами пригревшуюся любимую кошку Балерину, покой и неприкосновенность которой в этот момент для Гургена Мкртичевича были, кажется, превыше всего: “Ну, куда я ее дену?”».

Гурген Мкртичевич очень любил читать. Любил языки. С удовольствием читал словари, а в Новосибирске, в войну, вместе с Анной Александровной придумал их хитроумную «доработку», облегчавшую поиск нужных слов. Французский и немецкий языки он изучал в гимназии. Углубление немецкого было продолжено во время командировок в Германию. К тому времени немецкий он знал уже почти как русский (кстати, русский знал в совершенстве; его речь, выступления были образцом строгости, лаконичности, логики, а порой и изящества). Рассказывают, что его общение с немецкими коллегами было настолько насыщенным конкретным научным содержанием, полезным для обеих сторон, что и по прошествии нескольких лет при повторных встречах законспектированная с немецкой аккуратностью суть бесед помогала вернуться вновь и вновь к деталям любого обсуждавшегося вопроса. Между прочим, и сам Гурген Мкртичевич с давних пор взял за правило делать краткие записи существа каждого мало-мальски важного технического обсуждения.

Этот опыт и потом сослужил добрую службу его ученикам, которые бережно сохраняли множество исписанных аккуратной рукой Гургена Мкртичевича листков с его доскональным разбором отчетов, статей, предложений.

Гурген Мкртичевич особенно любил английский язык, его он изучил перед поездкой в США. Читал английскую литературу всегда. Любил Пристли, Моэма. Знал латынь и помнил

латинскую грамматику. В какой-то момент заинтересовался испанским... Для него отдыхом было чтение самых разных словарей, сравнение самых разных языков. К примеру, он находил, что по своей системе латынь похожа на армянский язык...

Что касается всего армянского в его жизни – это особая тема.

Гурген Мкртичевич был прекрасным музыкантом. Его музыкальное образование с детства и его способности к музыке были настолько значительны, что долгое время технике не отдавалось предпочтения перед музыкой как целью дальнейшего, высшего образования. Он играл на самых разных инструментах – на фортепиано, виолончели, гитаре – на всем, что попадало под руку. Как говорили дочери, у него был тончайший, наихудожественный свист. Он знал очень много армянских мелодий. Прекрасно знал и любил европейскую классику, сам играл всего Шопена. Он был строгим судьей в музыке. Его сестра Нина была замужем за выдающимся виолончелистом Даниилом Шафраном, но как-то Гурген Мкртичевич не вытерпел и увел дочерей с первого и единственного совместного концерта С. Рихтера и Д. Шафрана: «Ансамбля нет, пойдете домой!»

Гурген Мкртичевич любил романсы, цыганскую музыку. Но все же особенно близка ему была, иногда до слез, армянская народная музыка. В доме было много грампластинок – и народной музыки тоже. Он любил концерты ансамбля народной песни и пляски Татула Алтуняна и сам играл армянские мелодии – даже на монохорде... А когда дома собирались родные – брат Татевос, дядя, сестры, отец брал в руки аккордеон и начинались армянские пляски. А как он любил дудук!

Гурген Мкртичевич очень редко говорил по-армянски – разве что с братом Татевосом и с наезжавшими иногда родственниками. Побывав на 70-летию матери среди родных в Ереване, Гурген Мкртичевич с радостью отметил, что его армянский оставался достаточно хорошим, хотя он чувствовал какую-то разницу с современным армянским языком.

Дочери рассказывали, что Гурген Мкртичевич был непривередлив в еде. Но ему нравилось хотя бы по форме сохранить традиции, усвоенные с детства. Если не было лаваша, то он старался закатать сыр в хлеб. Журил дочь, когда она у молодой редиски отрезала зеленый хвостик: «Эта зелень – самое вкусное в редиске!»

Академик С. А. Христианович, заразительно смеясь, рассказывал мне, как Гурген Мкртичевич, помимо многого другого, учил его двум вещам: как жарить барана и как правильно пить коньяк. Бараном проверить «технологическую цепочку» было сложно: нужен был как минимум сам баран, его надо было кормить привязанным на лугу (и не поить какое-то время!). Нужен был особый казан и т. д. А вот остальные рекомендации проверялись легко и оказались весьма полезными. В выпивке Гурген Мкртичевич предпочитал водку, особенно в последние годы, после смерти второй жены. Дома сохранилась его серебряная чарочка, без которой обычно не обходился ужин в домашнем кругу. Да и в ЦАГИ, в пору, когда в столовой, в ее буфете свободно продавались спиртные напитки, можно было видеть на обеденном столе Мусинянца рюмку водки. Сын известного в Армении винодела любил и армянское вино. Он шутливо говорил, что всем хорошим в себе обязан тому, что в детстве никогда не пил воду, а только – хорошее вино.

По свидетельству многих знавших его людей в ЦАГИ, Гурген Мкртичевич бывал необыкновенно оживлен в веселье, прост, естественен, остроумен. В молодости – особенно – он был редкостным выдумщиком, заводилой и блестящим тамадой. В молодые годы, когда к детям приходила молодежь, он всегда присоединялся к ней – все его очень любили. Он мастерски копировал знаменитостей, любил цирк, а в нем – дрессированных медведей и... фокусы (он старался понять и мог объяснить почти любой фокус).

– У нас всегда был полный набор рашпилей, микрометров, других инструментов, – рассказывала дочь Карина. – У папы не было другой разрядки, кроме как с автомобилем. Один раз ездили за ландышами и раза два – слушать соловьев. Вот и весь прок от машины для нас. В воскресенье он отдыхал от нее или лежал под ней. Радио увлекался в молодости. До рождения Марины папа сам сделал приемник. Тогда это было поветрие, даже увлечение. Гораздо большее хобби – книги. Про зверей. К примеру, Даррела любил. Английское радио слушал запросто. Немецкую, французскую книгу переводил – любую. Даже итальянскую (пользуясь латынью). Языки давались ему легко. Способности к языкам у него были необыкновенные. У папы не было времени интересоваться чем-либо более основательно. Он все ночи

работал. После его смерти к нам приходили просить что-то соседи, уверенные в нашем достатке: «Ваш отец целые ночи работал!»

Между тем именно на тот послевоенный период, когда Гургену Мкртичевичу было особенно трудно – одному с четырьмя детьми, – пришлось осложнение, а позднее и коренное изменение в направлении его работы. По мнению многих из тех, кто был свидетелем взлета его творческой активности в 20–30-е годы, тогда в конце 40-х началось естественное ее угасание. Приведем схожее мнение на этот счет разных людей, столь же авторитетных, сколь и уважительных в отношении к Гургену Мкртичевичу. Каждое из них представляется ошибочным, поверхностным. Но все они характерны. Пожалуй, характерны тем, что забывается душевное состояние в то время столь эмоционального и легко ранимого человека, как Гурген Мкртичевич. Забывается атмосфера, окружавшая его тогда, и при всем к нему искреннем уважении недооценивается его сила духа и жизнестойкость.

В послевоенные годы Мусинянц принимал самое активное участие в новом, коренном усовершенствовании аэродинамического экспериментального оборудования ЦАГИ. Как известно, на рубеже двух половин XX века произошел резкий рост скоростей полета самолетов в связи с созданием достаточно надежных, мощных реактивных двигателей и изобретением стреловидного крыла. На этот же период пришлось бурное развитие вычислительной техники и численных методов расчета. Качественное революционное изменение облика летательных аппаратов было подготовлено наукой еще до начала 50-х годов. Большая роль принадлежала при этом экспериментальным исследованиям в скоростной аэродинамической трубе Т-106, столь своевременно построенной. Дальнейший прогресс, преодоление «звукового» и «теплого» барьеров летательных аппаратов требовали фундаментальной научной подготовки и, как следствие, требовали создания необходимых для этого уникальных сверхзвуковых аэродинамических труб.

И в этой работе, о которой много говорить не приходится, также трудно переоценить значение труда Гургена Мкртичевича. Сложность и объем работ были, как всегда, таковы, что времени и сил Мусинянца хватало в основном лишь на обсуждение наиболее важных элементов проектов и измерительных схем, на

консультации ведущих специалистов – в большинстве своем им же воспитанных. К нему шли все, и все получали исчерпывающую доброжелательную оценку сделанного, а в случае затруднения – эффективную помощь. Руководителем работ по сверхзвуковым трубам был С. А. Христианович. У Г. М. Мусинянца, принимавшего участие в обсуждении и принятии всех важнейших решений, было прекрасное взаимопонимание с ним. Мусинянц, как вспоминали дочери, глубоко уважал Христиановича: «Блестящий математик, – говорил он и добавлял: – Дорогу надо давать молодым!»

Христианович иногда подтрунивал над дотошностью Мусинянца во всем, что касалось точности, метрологической строгости измерений. Но он понимал, конечно, что это – неоценимое положительное качество Гургена Мкртичевича. Оно всегда было достаточно сильно в учениках Мусинянца: и в создателях измерительных устройств, и в экспериментаторах. К сожалению, как замечают многие, сейчас в учениках учеников Мусинянца это качество несколько растеряно. Он же сам в этом отношении был предельно строг и к себе, и к другим. Будучи одним из ведущих ученых-метрологов СССР, Г. М. Мусинянц в одно время руководил научно-техническим советом Министерства авиационной промышленности по созданию приборов и измерительной техники. В течение многих лет, особенно в конце жизни, он регулярно читал курсы лекций для широкого круга специалистов по теории измерений и ошибок, по основам метрологии.

Это малоизвестно, но Сергей Алексеевич Христианович, вернувшись в Москву после организации Сибирского отделения Академии наук СССР, талантливо возглавлял в течение длительного времени научное руководство головным институтом Госстандарта – Всесоюзным научно-исследовательским институтом физико-технических измерений – ВНИИФТРИ имени Д. И. Менделеева. Школа Мусинянца, по его словам, сыграла решающую роль в его становлении как руководителя работ в области метрологии и качества.

Г. М. Мусинянц увлеченно продолжал работать над вопросами автоматизации измерений. Его ученик И. И. Слезингер рассказывал, что примерно в 1947 году у Мусинянца сформировалось очень интересное предложение по автоматизации обработки

результатов испытаний в аэродинамических трубах, которое неоднократно обсуждалось у руководства ЦАГИ. «Вспоминаю такое совещание у С. А. Христиановича, когда Гурген Мкртичевич на огромной доске по памяти рисовал поразительную по своей сложности и объему схему. Это была удивительно оригинальная схема со множеством электромеханических устройств».

В связи с активным наступлением в дальнейшем все более совершенной электроники, позволявшей решать те же задачи проще и эффективнее, в целом схема не была реализована. Но сама постановка задачи об автоматизации и ее решение доступными в то время средствами – впечатляли.

Г. М. Мусинянц был также одним из энтузиастов разработки электрических весов, основанных на принципе тензометрии. Это прогрессивное направление измерений стало в дальнейшем определяющим. Вслед за трубой Т-106 были построены новые, сверхзвуковые аэродинамические трубы ЦАГИ, и их значение в становлении аэродинамики больших скоростей, в развитии реактивной и ракетной техники трудно переоценить.

У руля исследований по аэродинамике больших скоростей начиная с 1937 года стал будущий академик С. А. Христианович. Вот что рассказывал он о довоенном периоде своей работы в ЦАГИ, подчеркнув прежде всего самое благодарное чувство к Гургену Мкртичевичу.

– Гурген Мкртичевич – мой учитель. По образованию я математик, занимался гидравликой. Работал в Ленинграде. Поскольку между явлениями, которыми я интересовался, и аэродинамикой больших скоростей есть математическая аналогия, академик Н. Е. Кочин пригласил меня на работу в ЦАГИ. Начальник ЦАГИ И. Ф. Петров знал, что я ничего не понимаю в эксперименте и никогда не руководил людьми. Назначив меня начальником важнейшей, перспективной лаборатории, он дал мне в помощь прекрасного заместителя – Гургена Мкртичевича. Он был главным инженером нашей лаборатории, вдумчивым экспериментатором и вообще очень опытным человеком. До этого он совершил настоящий научный подвиг в Америке, создав там уникальные элементы весов в Т-101 и Т-104. Во вновь созданную лабораторию я пригласил будущего академика А. А. Дородницына, Л. А. Симоню, А. А. Никольского, других видных теоретиков. Но все мы

ничего не смыслили в эксперименте. А надо было пускать и налаживать Т-106. Труба еще не была готова. Шла сварка корпуса, изготовление весов, оптической и другой аппаратуры. В процессе этой работы все мы шаг за шагом с помощью Гургена Мкртичевича учились новому делу, все мы прошли у него столь недостававшую нам школу экспериментирования. Он пользовался особым уважением и особенно – среди экспериментаторов.

В полном согласии и взаимопонимании мы с ним проработали в одной лаборатории до войны. В самом ее начале, уже после того как только-только прокрутили вал трубы Т-106, трубу демонтировали, основную часть оборудования отправили в Новосибирск. Меня же эвакуировали в Казань, но уже в январе было принято решение о возвращении оборудования и людей в Москву. Я вернулся тут же, а Гурген Мкртичевич задержался. Приехал он с «пенсионным настроением». Что-то у него разладилось. Уже были развернуты работы по Т-106, а он оказался в стороне. Мы его звали, уговаривали продолжить работу. Он помогал нам эпизодически, но в лабораторию уже не вернулся. Возможно, дело было в том, что темпы работы были уже другие, была другая техника, шло наступление оптики, электроники. А жаль. Работа по Т-106 опередила аналогичные работы на Западе и позволила многое в аэродинамике больших скоростей узнать раньше других в мире.

Эта работа была высоко оценена: 16 государственных премий получено в одной нашей лаборатории. У меня тогда уже было пять орденов Ленина... Наша лаборатория была последней вспышкой активной деятельности Гургена Мкртичевича. Но я подчеркиваю: и ЦАГИ, и я лично – все мы ему обязаны. Он был признанным метрологом. Он учил нас: «Научное учреждение не может считать себя научным, если не имеет точного эксперимента». Я и сейчас так думаю. Г. М. Мусинянц очень многое сделал в авиации. Он, собственно, один из тех, кто внес неоценимый вклад в победу в войне. И он один из тех, кто многое сделал в становлении реактивной авиации...

Среди учеников Гургена Мкртичевича, о которых говорил Христианович, выделялись И. И. Слицингер и В. Н. Овчинников.

– К чести Гургена Мкртичевича, – говорил академик, – он оставил после себя сильную группу специалистов в нашей

лаборатории. Хотя проектированием новых уникальных сверхзвуковых аэродинамических труб (главным образом систем измерения в них) он непосредственно, прямо не занимался, но помогал нам как опытный, тонко чувствующий дело руководитель и специалист-профессионал...

Овчинников вспоминал, как впервые встретился в деле с Гургеном Мкртичевичем. В 1935 году, после пяти лет своей работы в ЦАГИ в области промышленной аэродинамики, он был направлен в бюро технического проектирования нового ЦАГИ. Возглавлял его Б. Я. Кузнецов, а его заместителем был как раз Гурген Мкртичевич. Тогда уже Овчинникова поразили широкий кругозор Мусинянца. Он цепко схватывал любой вопрос, даже если он не был «по его направлению». На совещаниях не любил говорить «с бухты-барахты». Если говорил, то говорил основательно. Вообще, уже тогда предстал редким в ЦАГИ деятелем, каких были единицы. И главное, что сумел передать своим ученикам Гурген Мкртичевич, было связано с заложенными им впервые основами высокой метрологической культуры проектирования, изготовления и эксплуатации весовых и иных измерительных устройств.

В Мусинянце всегда, даже в молодые годы, была тяга к двум целям. Первая большая цель – бескорыстное служение делу, определенному самим Жуковским, – делу создания измерительной техники аэродинамического эксперимента, делу, далеко не всегда наиболее интересному, перспективному или благодарному среди множества других дел, которые сопровождают создание современного самолета. Слов нет, в меру необходимости он участвовал и в самих исследованиях. Но, как правило, ограничивал подобную работу в той мере, какая диктовалась главной задачей – совершенствования измерительной техники. Вторая большая цель – столь же бескорыстное, самоотверженное учительство.

Официальный послужной список у педагога Мусинянца – весьма скромный... Но истинное учительство, особенно в последние годы, стало, пожалуй, доминантой его жизни. Его не интересовали личные публикации, ему и в голову не приходило участвовать в оформлении авторских свидетельств на изобретения (а помогать по существу работы, делиться идеями он считал своей прямой обязанностью). Не один раз он отказывался от офици-

альных предложений о выдвижении его кандидатуры на выборы в Академию наук.

В частности, его сын Томас рассказывал сестрам, что, когда отцу предложили баллотироваться в Академию наук, он, зная, что выставлена также кандидатура замечательного конструктора-ракетчика П. Д. Грушина, отказался от такой чести. Дочери рассказывали также: «После войны папу хотели сделать академиком – в Новосибирске. При этом надо было вступить в партию. Отец отвечал: “Нет! Я всю жизнь работал честно и честнее работать не буду. Вступить в партию, перед тем как получить новое назначение, – это уже не дело. И вообще, все мое дело – в ЦАГИ”».

Мусинянец не был ни оппозиционером, ни радетелем социалистического строя. Как-то году в 1950-м в стенной газете была напечатана статья, в которой отмечалось, что профессор Мусинянец и уборщица лаборатории не охвачены общественной работой. Это его задело...

С А. Н. Туполевым и другими
коллегами в музее Н. Е. Жуковского

Гурген Мкртичевич Мусинянец

Он получал лестные предложения еще в Америке. Были и у нас, после войны уже, предложения, связанные с переходом на новую работу – к М. В. Келдышу, который, уйдя из ЦАГИ, возглавил к тому времени космические исследования. Но выполнив по личной просьбе Келдыша и совместно с его сотрудниками важную разработку, связанную с моделированием невесомости в земных условиях, Мусинянц, при всем уважении к Мстиславу Всеволодовичу, и в мыслях не держал оставить «своих» в ЦАГИ и перейти к Келдышу.

– К нам, – вспоминала дочь, – М. В. Келдыш приходил году в 1959-м. Это было до Гагарина. Говорят, тогда Мстислав Всеволодович сказал кому-то: «Нам не обойтись без этого хитрого армянина». Как объяснял позже Томас, работа, которую отец успешно выполнил, была связана с созданием искусственной невесомости на тренажере.

Когда полетел Гагарин, папа не спал всю ночь. «Ты смотри, до чего дошел человеческий разум», – восхищался он. Я спрашивала: «Ну и что, полетел?» Он продолжал: «Если бы знал Леонардо, если бы знал Жуковский! Ты ничего не понимаешь!»

Папа ходил праздничный. Спутник выходил смотреть на балкон. При его сухости какой-то, занятости, дичайшей замкнутости в последнее время он загорался: «Это мог сделать только гармонически развитый человек!» Труд он ценил, труд!

Даже в последние годы, когда стало совсем трудно ездить на работу из Москвы, а А. Н. Туполев звал работать к себе (и это совсем рядом с домом!), Мусинянц не порывал связи с ЦАГИ в Жуковском. Он стал чаще работать в музее Жуковского в Москве, на улице Радио.

– Когда папа умер, – вспоминала Карина, – Андрей Николаевич Туполев сам был в горе, у него умерла жена Юлия Константиновна. Он только просил передать: «Пусть девочки на меня не обижаются». К папе Туполев относился очень хорошо. И папа – к нему. Он говорил: «Толковый мужик». Это была высокая (для отца) оценка. Папа всегда видел в Андрее Николаевиче старшего. И Туполев спрашивал: «Как это ты, Мусинянц, додумался до этого? Надо иметь чугунный зад!» Ведь папа не вставал из-за стола, пока не сделает. Может целую ночь просидеть. Так он себя и износил.

Отец ко всему подходил основательно. Как-то его пригласили поучаствовать в философском семинаре с докладом по истории эксперимента. Он работал очень долго. Написал – начиная от царя Гороха: Ленин, Аристотель... Когда он добился завершенности, это была толстенная, колоссальная работа. Крупный философ, посмотрев работу, сказал ему: «Вы же написали самый настоящий философский труд. Я бы его издал...» Папа ответил тогда: «Мне самому было интересно...»

Туполев звал отца к себе без конца (ведь это тут же, рядом): «Ты по сердцу всегда найдешь у нас работу». Папа и в голове этого не держал: «Я начал в ЦАГИ и продолжу в ЦАГИ. Ему надо одну-две задачи разрешить. Так я могу и по телефону помочь...»

Переход куда-либо из ЦАГИ, даже к Туполеву, которого очень любил, даже к Келдышу, которого очень уважал, он ощущал как предательство. Ведь у него постоянно на устах был Н. Е. Жуковский: «Я должен принадлежать институту... Вот уйду на пенсию – буду писать книгу для молодых». Папа очень серьезно относился к воспитанию молодой смены.

Мусинянц оставался верным ЦАГИ. Здесь и только здесь, до последнего дня, он неустанно, без остановки шел к своим целям, своей, раз и навсегда выбранной дорогой. Это подвижничество, эта верность идее, эта человеческая каждодневная доброта, которая могла сравниться лишь с его же строгостью во всем, что касалось не только точности исследований, но и чести, порядочности, – все это в конечном итоге стало, пожалуй, столь же глубоким, столь долгое время чистым, незамутненным источником памяти о Гургене Мкртичевиче, как и его конкретные разработки. Прежде всего это легендарные довоенные весы, трубы, приборы. Но это также современные тензометрические измерительные средства. Вот о них-то кратко поведаем в продолжение нашего рассказа о заключительном, малоизвестном этапе жизни Г. М. Мусинянца.

В последние годы жизни Гургена Мкртичевича в его научных и инженерных интересах произошло резкое и знаменательное изменение. В 1960 году ему предложили возглавить научное руководство вновь созданным приборным отделением ЦАГИ. Главной задачей отделения было определено развитие приборов (для исследований аэродинамики и прочности конструкций

летательных аппаратов), основанных на принципе тензометрии. Использование этого принципа долгое время было невозможно из-за отсутствия надежного и простого тензорезистора. В 50–60-х годах, когда в этом отношении были получены обнадеживающие результаты, стала очевидной перспективность использования именно этого принципа для необходимого ускорения развития нескольких важнейших направлений техники. В первую очередь – для исследования прочности авиационных конструкций, а также для исследования «суммарных» (весовых) и «распределенных» аэродинамических характеристик самолетов на их моделях в аэродинамических трубах.

Один из талантливых и любимых учеников Мусинянца, заслуженный изобретатель РСФСР Н. П. Левицкий, работавший в приборном подразделении ЦАГИ со дня его основания в 1944 году, рассказывал, что к тому времени, когда Гурген Мкртичевич стал научным руководителем отделения, рядом сотрудников отделения – авторитетных специалистов нового направления – были созданы уже и тензорезисторы, и принципиально новые «электрические» тензометрические весы для аэродинамических труб.

– Гурген Мкртичевич, научные интересы которого лежали совсем в другой области (он блестяще проявил себя как конструктор широкого профиля), в это время имел смутное представление о достоинствах и недостатках работ, да и всего нового направления в целом. Он прекрасно осознавал это и не скрывал этого. В исключительно короткий срок он стал на голову выше всех нас. И помог ему в этом весь его огромный опыт предыдущей работы, особенно по механическим весам, которые всегда оставались его первой и самой большой любовью. Помогли энциклопедические инженерные познания, редкостная целеустремленность и сосредоточенность, ответственность, строжайшая требовательность к себе и ко всем сотрудникам во всем, что касалось четкости, аккуратности, метрологической чистоты, точности измерений. Говоря честно, во многих этих вопросах, в теории погрешностей мы до его прихода в отделение просто «плавали». В короткий срок Гурген Мкртичевич навел в этом деле необходимый порядок. Он начал читать регулярно курсы лекций по теории ошибок и метрологии. Он не жалел

времени и на свою индивидуальную работу с ответственными исполнителями. Многие из его прямых учеников в отделении стали виднейшими специалистами в теории и практике измерений напряжений в конструкции, измерений распределения давления на аэродинамических поверхностях.

Все его ученики, не сговариваясь, с легкой грустью вспоминая, как их гонял Гурген Мкртичевич, как по несколько раз заставлял – всегда с полнейшим обоснованием, исчерпывающими, скрупулезными указаниями переделывать опыты, приборы, переписывать отчеты, – все они не без гордости утверждали: нас научил работать Мусинянц, мы прошли его школу, и он создал Школу.

– Говорить о нем можно только в восторженных словах, – делился Г. Д. Ташкинов спустя более 15 лет после смерти Гургена Мкртичевича. – Он – прямой продолжатель дела Жуковского, который (чуть ли не самолично) поручил ему развитие методов и приборного обеспечения экспериментальных исследований в аэродинамике.

Григорий Данилович вспоминал об исключительной скромности Гургена Мкртичевича. Он был несомненным научным лидером лаборатории и ЦАГИ в области измерений, но категорически отказался от предложенного ему начальником ЦАГИ А. И. Макаревским баллотирования в Академию наук. Начальник лаборатории В. В. Кедров на одном из научно-технических советов, когда лаборатория уже разрослась, также поставил вопрос об этом и предложил выдвинуть на выборы в Академию наук кандидатуру Мусинянца. Гурген Мкртичевич встал и сказал: «Прошу не делать этого. Так как я понимаю, к чему обязывает такое звание – с одной стороны и какие требования к кандидату – с другой».

Сколь бы ни были велики заслуги Мусинянца – инженера и ученого, он оставил по себе необыкновенную память как человек. Никогда не забуду, как Гурген Мкртичевич ездил на своей машине по территории института. В его время народу в ЦАГИ было много, а машин на территории – мало. Некоторые сотрудники ЦАГИ, особенно в утренние и вечерние часы, предпочитали идти широкой автомобильной дорогой, а не тротуарами. Так он ехал медленнее иного пешехода, тихо, скромно, буквально

Г. М. Мусинянц в музее Н. Е. Жуковского,
1960-е годы

объезжая каждого и словно извиняясь за то, что не идет рядом со всеми. Вообще, уважение к своим товарищам, к знакомым (и тем более незнакомым людям, обратившимся к нему, а он был цаговской легендой, живым «учеником Жуковского» и прямым продолжателем его дела) – было доминантой его характера, его личности...

Сестры Маргарита и Карина Мусинянц рассказывали мне в сентябре 1987 г.:

– Первый инфаркт у папы был в 1966 году, 10 апреля, а второй – в 1967 году. Это было чудо, что он поправился после первого. Вообще-то он за собой не следил, и даже тогда, когда был болен. После первого инфаркта папе помог устроиться в больницу А. Н. Туполев, а в санаторий его устраивал уже М. В. Келдыш.

Дочери вспоминали, что покойный министр авиационной промышленности П. В. Дементьев как-то говорил их отцу (а они встречались нередко): «С Вашими организаторскими способностями Вам бы быть моим заместителем или сидеть на моем месте». А Мусинянц отвечал: «Я еле отдышался, отделался от начальствования в ЭАО, чтоб заняться любимым делом. Кроме меня, возможно, никто не решит какую-то задачу. А я должен посылать кого-то на картошку, а кого-то на стройку...»

В энциклопедическом словаре «XX век. Авиационное строительство в лицах» Мусинянцу посвящено совсем немного строк: «В 1925 году окончил МВТУ. С 1918 года работал в ЦАГИ, где руководил рядом научных подразделений. Создал весы для аэродинамических труб ЦАГИ, приборы для аэродинамических испытаний самолетов».

Вот и вся недолга... Перечисленные награды: ордена Ленина, Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медали, две Сталинские премии, титул заслуженного деятеля науки и техники – лишь подчеркивают сухость тех строк в характеристике человека удивительно сердечного, внимательного к людям, человека уникального инженерного таланта, подвижника, ценившего дело в себе, но никак не себя в деле, ставшем смыслом его жизни.

Помню, наш разговор с Г. Д. Ташкиновым о Г. М. Мусинянце с исключительным вниманием и заинтересованностью слушала находившаяся в комнате Григория Даниловича незнакомая мне немолодая миловидная женщина. Она не проронила ни единого слова, благодарная Григорию Даниловичу, как было явно заметно и как я понял чуть позже, за теплые и глубокие слова о человеке, которого она, может быть, в еще большей мере, чем Ташкинов, уважала и даже, было похоже, боготворила.

– Лера Лобанова, Валерия Валентиновна Лобанова, – так она представилась, решившись догнать меня уже перед самым выходом из корпуса приборного отделения, заговорив торопливо как о чрезвычайно важном лично для себя и необходимом: – Вы себе не представляете, каким чудесным человеком был Гурген Никитич (мы его и так звали). Прошло почти двадцать лет, как он ушел, но не перестаешь сознавать, какого светлого человека подарила нам жизнь. Подобного ему мы не знали в прошлом и никогда не узнаем в будущем. Как же будет хорошо и справедливо, если Вы напишете о нем и поклонитесь за всех нас, а это очень многие – те, кого он согревал, наставлял, любил...

**Александр Георгиевич
ПОПОВЬЯН**

Познакомились мы с Александром Георгиевичем Поповьяном более чем случайно. В 1964 году оба поступили в аспирантуру МФТИ. В Долгопрудном, где располагалась «штаб-квартира» Физтеха, мы не бывали. Лишь однажды нас, аспирантов разных факультетов, из разных городов, человек 150–200, собрали зачем-то на общее собрание. После собрания всех его участников строго пригласили на субботник. Мы друг друга не знали, но, работая рядом лопатами, разговорились. Он сказал вдруг, что во мне есть что-то восточное. Тут же выяснилось, что он – тоже армянин; это было неожиданно, поскольку у него была, как мне показалось, вполне европейская внешность. Он сказал, что давно живет в России, да и родился не в Армении. Я закивал: «Сам уже десять лет как в Москве... И родился в узбекской глубинке». Он сильно удивился: «Не может быть, и я из Узбекистана!» Я сказал, что родом из малоизвестного городка в Ферганской долине – Коканда. Он остолбенел: «И я – кокандский!»

Он был заметно старше меня и сказал, что очень давно уехал из Коканда и никого там не помнит. Я сказал, что, давно уехав на учебу в Москву и осев здесь, тоже мало кого знаю среди кокандцев... Помолчав, он заметил, что в Коканде помнит, пожалуй, лишь одну семью – своего крестного отца. Я даже не стал расспрашивать, кто бы это мог быть. Но он стал объяс-

нять, где жил его крестный отец, да так подробно и ясно, что задел за живое: «Идешь от вокзала широкой, мощенной булыжником дорогой, поворачиваешь в первую же узкую улицу налево и вскоре на следующем перекрестке по правую руку видишь добротный дом и... большие ворота...» Я остановился: «А какого цвета ворота?» «Темно-красного!» – последовал ответ. «А где и кем работал Ваш крестный?» – напрягся я. «Рядом с ювелирным магазином, он был фajn-механиком, ремонтником пишущих машин, арифмометров и прочей сложной техники... Это, наверное, – единственный человек в Коканде, который теперь меня узнает», – добавил он глухо. «Нет, не узнает!» – твердо сказал я. «Почему?» – удивился он. «Потому что мы его похоронили два месяца назад!» Он смотрел на меня ошарашенный, а я сказал: «Это мой отец!..»

После этой удивительной встречи с Сашей Поповьяном, так звали этого человека, мы разъехались. Он в свою Коломну, а я – в Жуковский. В Коломне, как Саша успел рассказать, он работал конструктором на тепловозостроительном заводе...

В первый же свой отпуск, в Коканде, в том самом доме с «красными воротами», я рассказал об этой невероятной встрече своей маме. Она сразу вспомнила Сашу и его маму, известного в Коканде в свое время музыкального педагога, как говорили, выпускницу петербургской консерватории. Она уехала из Коканда после войны вместе с единственным сыном и своей мамой...

А вот какой интересный документ своей бабушки откопала в домашнем архиве отца дочь Саши, Светлана, написавшая небольшую, но замечательную книгу «О моем отце». Это заявление ее бабушки, мамы отца, Софии Александровны Поповьян, в местное отделение профсоюза работников искусства – Рабис после того, как ее сняли с учета во время очередной чистки.

До переезда с мужем из России в Туркестан в 1921 году София училась в Харьковской консерватории, жила и работала в Мелитополе. По приезде в Коканд она работала музыкантом в театре Полторацкого, Армянском клубе, кинотеатре «Марс» (с 1931 по 1935 год).

Вот текст этого заявления:

«28 декабря 1929 г. мне было объявлено, что я снята с учета по следующим основаниям: 1) что я материально обеспечена,

Софья Александровна
Кушнерянц (Поповьянц)

и 2) что я не представила документов, выявляющих мое социальное положение.

По пункту первому я имею заявить, что средства к жизни я зарабатываю исключительно своим личным трудом и других нетрудовых источников дохода не имею. В Коканде я проживаю уже 7 лет, и мое материальное и социальное положение должно быть профсоюзу хорошо известно.

При производстве проверки состоящих на учете я представила свидетельство от июня 1913 года за № 146 об окончании мною Мелитопольской женской гимназии, из которого видно, что я – дочь мещанина.

Кроме того, я представила документы о своем музыкальном образовании. К своему крайнему удивлению, я услышала от лица, руководившего проверкой, весьма странное утверждение, что мещане – это все равно что дворяне, что в консерваторию мог попадать только “чуждый элемент” в виде дворян и т. п.

Полагаю, что означенное утверждение лица, руководившего проверкой, должно быть отнесено на счет его личной неосведомленности. Ибо при применении выводов, например к чистке союза “Рабис” в Москве, пришлось бы исключить из него Собинова, Нежданову и целый ряд других блестящих артистов и музыкантов, получивших высшее художественное образование.

Как уже указано выше, я живу 7 лет в Коканде и все это время я зарабатывала средства к жизни уроками музыки, так что социальный облик мой ясен – я человек труда. Другого какого-либо дохода от дома или иного имущества я не имею. Отец мой, уже давно умерший, был мещанин города Мелитополя и служил в течение долгого ряда лет в частном предприятии. Для того чтобы представить справку об этом из гор. Мелитополя, мне

нужен срок не менее месяца, так как придется доставать ее путем письменных сношений. Если она необходима, то я прошу предоставить мне срок на ее получение.

Считаю необходимым обратить внимание на то, что даже при чистке партийных организаций, где социальная проверка должна производиться особенно строго, согласно указаниям т. Ярославского, не предавалось решающего значения тому, кто был родителем данного лица и чем они занимались.

Центральный вопрос чистки должен состоять, конечно, в том, что из себя представляет само лицо, подвергающееся чистке, в отношении своей деятельности, отношения к советской власти и своей квалификации.

Все вышеизложенное я прошу принять во внимание при решении вопроса обо мне и о результатах меня уведомить».

Это заявление, несомненно, было бы интересно прочесть моим покойным родителям, но оно интересно и мне самому. Хотя бы тем, что в 1930-е годы в узбекском Коканде, наряду с армянской церковью, о чем я знал, был, оказывается, еще и Армянский клуб. Их я не застал, но видел в городском сквере памятник борцам с басмачами, среди которых было много армян. В постсоветское время убрали и этот армянский след в истории края. Более того, ныне вспоминают борцов с басмачами как врагов...

Прошло года три после нашей встречи с Поповьяном в Долгопрудном. Вдруг совершенно неожиданно встречаю Сашу... на территории нашего Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ. Оказалось, что он с семьей переехал... в Жуковский и пришел работать... в ЦАГИ. У нас обоих естественно сложились совершенно особые отношения – как у родных людей. Я знал, что у него прекрасная семья, растут две замечательные дочери, знал многое о его работе. И при этом не было никакой уверенности, что не произошла какая-то ошибка в нашем столь случайном «родстве». Прошло еще года два,

А. Г. Поповьян –
послевоенное фото

погостить ко мне в Жуковский приехала моя мама. Я пригласил к нам Сашу, ничего не сказав ей. Как только Саша вошел, мама сразу запричитала: «Ой-ой! Это Саша!» Они не виделись лет 30...

В ЦАГИ мы работали в разных отделениях и занимались различными направлениями исследований. Но я знал, что Поповьян, работавший сначала конструктором, а затем начальником сектора в конструкторском бюро отделения № 1 ЦАГИ, стал специалистом высочайшей квалификации в области разработки сложных экспериментальных установок, защитив в 1975 году кандидатскую диссертацию. Он многое рассказывал мне о своих длительных зарубежных командировках, в частности в Южную Корею, Югославию... Я знал, что он был очень востребован и у нас. В ЦАГИ им были разработаны и введены в эксплуатацию вакуумная аэродинамическая труба, стенд для аэродинамических исследований воздухозаборников и реактивных сопел самолетов с вертикальным взлетом и посадкой, гиперзвуковая аэродинамическая труба с газопламенным подогревом рабочей среды, соосный винтовентиляторный прибор ВВП...

В детстве Саша Поповьян проявлял немалые способности в музыке, но еще больше его тянуло к «железу», к технике. В 1943 году, после окончания с золотой медалью средней школы, Саша поступил на авиационный факультет Индустриального института в Ташкенте. В феврале 1944 года ему исполняется 18 лет, а в октябре 1944-го весь его курс добровольно уходит на фронт. Возвратятся с фронта только трое.

Войну он начал на территории Польши и прошел до Берлина. Командиры сразу обратили внимание на смышленного рядового. Он знал немецкий язык и был мастером на все руки. Немцы, отступая, побросали много ценной техники. Он мог восстановить все, что попадало под руку. Этот его талант оказался особенно востребованным после войны, поскольку его дивизия оставалась в разрушенной Германии до 1949 года. Его опекал сам командир дивизии, который по-отечески полюбил и оценил талантливую парня, содержавшего в идеальном порядке большое техническое хозяйство.

Дочь Саши Светлана вспоминала: «Отец не любил говорить о войне. У него было два ранения. И он как-то признался: “Ранение было счастьем. Потому что это была отсрочка смерти...”»

Человек исключительной скромности, Александр Георгиевич говорил, что «застал войну в самом конце и помаршировал с трехлинейкой где-то вдали от военных действий»... Но орден Отечественной войны, которым (помимо медалей) он был награжден, давался за пролитую кровь...

Дочь писала: «Вернувшись с войны в сентябре 1950 года, он решает, что не будет восстанавливаться в Ташкентский политехнический институт, а поедет учиться в Москву. Конечно, он понимает, что поступать будет трудно – за эти шесть лет школьная программа была основательно подзабыта. И тогда он снова поступает в 10-й класс (!), оканчивает его и – невероятно – снова получает золотую медаль! Так у него оказалось сразу два аттестата и две золотые медали об окончании средней школы».

Несмотря на то что Саша мечтал заниматься авиацией, он поступает в Москве на факультет энергомашиностроения Московского энергетического института. МЭИ оказался предпочтительнее, потому что здесь давали общежитие. «К счастью, – говорила, улыбаясь, Светлана, – в МЭИ папа встретил маму... Они прожили душа в душу ровно 55 лет...»

После окончания МЭИ Поповьян получил распределение на Коломенский тепловозостроительный завод им. Куйбышева, и в 1957 году они с молодой женой Лорой Айзенберг, выпускницей того же МЭИ, приехали жить в Коломну. Сохранился выпуск заводской газеты «Куйбышевец»: «С дипломом инженера, полученным в МЭИ, пришел на наш завод три года назад Александр Георгиевич Поповьян. Три года – срок небольшой, но молодой

С друзьями – в послевоенной Германии

А. Г. Поповьян.
1957 г.

специалист сумел за это время многое сделать в области создания новых машин. Тов. Поповьян принимал участие в разработке конструкции нового турбокомпрессора. Способного трудолюбивого инженера назначили руководителем конструкторской группы. Сейчас группа тов. Поповьяна занята доводкой нового турбокомпрессора».

Дочь писала: «Но работа на тепловозостроительном заводе не была пределом мечтаний отца, он обладал гораздо большим потенциалом. Ему очень хотелось работать в авиации, причем заниматься не столько производством и чисто прикладными вещами, но в большей степени – исследованиями и разработками, созданием чего-то действительно нового, поскольку у него всегда было много собственных идей.

По счастью, неподалеку от Коломны оказался Жуковский, а в Жуковском – Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). Лучшего шанса воплотить мечты невозможно было и представить. В те годы ЦАГИ был действительно мощным авиационным научно-исследовательским центром, причем не только в масштабах СССР, но и по мировым меркам.

В ЦАГИ отец пришел в 1963 году. Начал работать конструктором, затем стал начальником сектора в КБ отделения НИО-1. Отец был одним из ведущих специалистов по разработке сложного экспериментального оборудования, причем ему удавалось успешно сочетать конструкторскую и научно-исследовательскую работу. Под его руководством и при непосредственном его участии были спроектированы экспериментальные комплексы и многочисленные модели для исследований аэродинамики двигательных установок летательных аппаратов».

Лора Абрамовна сделала все, чтобы муж мог полностью отдаться любимому делу. И он стал высшим профессионалом в своей работе. Его не привлекали «простые» проекты – он брался за самые сложные. Издавна слабым местом нашей авиации было создание эффективных двигателей, этой вершины инженерной

мысли, опирающейся на большую науку и многосложную стендовую базу. Пиком творческих достижений и инженерной смелости Александра Георгиевича Поповьяна стало создание одного из таких многообещающих стендов – соосного винтовентиляторного прибора ЦАГИ. На разработку этого поистине уникального устройства Александр Георгиевич потратил много сил, энергии и здоровья. Было немало непонимания, многие в ЦАГИ не поддерживали его. Его «били» за этот проект и по партийной линии – постоянно. К сожалению, далеко не всегда понимали, как говорили его сотрудники, что то, за что брался Поповьян, это, как правило, насущная необходимость для страны. Но благодаря активной и безоговорочной поддержке начальника ЦАГИ Г. П. Свищева удалось закончить самую сложную работу, замечательный прибор был создан. Оставалось оснастить его измерительными системами. Но в связи с «перестройкой» финансирование прекратилось...

В течение двух лет, с 1998 года, А. Г. Поповьян весьма успешно работал в Корее по приглашению Корейского института авиационных исследований в Тэджоне. По возвращении из Кореи с 2003 по 2011 год А. Г. Поповьян работал в Центральном институте авиационного моторостроения им. П. И. Баранова – ЦИАМ, занимающемся комплексными научными исследованиями и разработками в области авиадвигателестроения, в частности фундаментальными и прикладными исследованиями совместно с авиационными ОКБ по созданию, доводке и сертификации новых двигателей.

Как рассказывали сотрудники ЦИАМ, их сотрудничество с Александром Георгиевичем началось с объявленного фирмой General Electric международного конкурса на создание стенда для исследования акустических, аэродинамических и прочностных характеристик биротативного вентилятора. Начальник отделения ЦИАМ В. И. Мелешин обратился к А. Г. Поповьяну, работавшему в то время еще в ЦАГИ, с предложением сформировать предварительное техническое решение поставленной задачи. Познакомились они за десять лет до этого, в Париже, где оба участвовали в работе международной конференции.

Один из молодых сотрудников Поповьяна в ЦИАМ рассказывал: «Представители фирмы GE, заслушав сообщение Поповьяна, поняли, что этот человек может решить поставленную задачу.

**Винтовентиляторный прибор
в аэродинамической трубе ЦАГИ**

Наверное, он был единственным в нашей стране специалистом, который представлял, как можно выполнить сложнейшее задание. Александр Георгиевич был не только главным конструктором установки. Он был главным вдохновителем необходимых при проектировании расчетных исследований и основным локомотивом всей этой работы. Рядом с ним начинали творчески и с высокой ответственностью ра-

ботать все соисполнители. Причем многие видели, что окружающие не могли угнаться за ним – не было равных ему и среди наших специалистов, и зарубежных (вне критики были разве что профессионалы фирмы GE).

К этому уместно добавить то, что говорили об Александре Георгиевиче и сотрудники ЦАГИ. Он был идеальным руководителем. Глубина, работоспособность, требовательность органично сочетались в нем с сердечностью, заботой, участием... Он умел ценить хорошую работу и искренне восхищаться ею.

Циамовцы же продолжали: «В 2006 году стенд “закрутился” с первой же попытки. До первой поломки он проработал около 60 часов. Поломка произошла из-за того, что “пережали” биротативный подшипник валопровода... Всего подобных подшипников в весьма сложном устройстве (оно включает редуктор, модель, турбину, камеру сгорания...) более 60. Это устройство уже дало конкретные результаты. Его испытания, необходимые для совершенствования перспективных двухконтурных турбореактивных двигателей (ТРДД), проводятся в нашем научно-

исследовательском центре в Тураеве. То, что американский заказчик планировал, он получил... Работа с американцами переросла потом в европейский проект совместно с DLR, SNECMA и другими партнерами».

Замечательно сказал о Поповьяне ближайший его сотрудник в ЦИАМ Андрей Тикунов: «Свою работу в ЦИАМ Александр Георгиевич начал в 2002 году по предложению начальника отделения ЦИАМ Милешина Виктора Ивановича. Отделение это занимается созданием научно-технического задела в области компрессоростроения. Также в отделении занимаются проектированием реальных компрессоров различных схем и предназначений, испытанием компрессоров.

В. И. Милешин познакомился с Александром Георгиевичем в 90-х в Париже на научно-технической конференции, где Александр Георгиевич делал доклад о создании модели самолета с турбовинтовыми двигателями с целью исследования интерференции силовой установки и планера. На тот момент этот опыт был едва ли не первый в мировой практике. Лично у меня эта работа среди других работ Александра Георгиевича до сих пор вызывает наибольшее восхищение.

Так вот, Александру Георгиевичу было предложено оформить техническое предложение на создание установки (стенда) по исследованию акустики в обеих полусферах, аэродинамики и прочности модели в масштабе 1/5 биротативного вентилятора американской фирмы General Electric. Александр Георгиевич откликнулся на уговоры Милешина В. И. и подготовил эскиз стенда для подобного рода испытаний, который, как я думаю, выдал в нем для GE специалиста требуемого высокого уровня.

Надо заметить, что у Александра Георгиевича был опыт создания в ЦАГИ в 80-х годах винтовентиляторного прибора, предназначенного для исследования биротативного вентилятора, что, без сомнения, помогло ему в сжатые сроки подготовить эскиз возможной реализации технического задания. Его колоссальный научно-технический опыт и знания позволили ему предложить способ исполнения проекта, убедивший фирму № 1 в мире (по моим и не только моим представлениям) в области авиационного двигателестроения в целесообразности ее

сотрудничества с ЦИАМ и с Александром Георгиевичем как техническим руководителем проекта со стороны России.

Работа по созданию стенда в ЦИАМ началась для Александра Георгиевича с пустого места, с пустых полок. Не было коллектива, компьютеров. Под этот проект пришлось искать специалистов (правильнее сказать, их пришлось воспитывать Александру Георгиевичу). Сколько времени он потратил на обучение, сейчас и не сосчитать. Это было непросто. Более того, можно сказать, что это была своего рода авантюра.

Однако, как мне казалось, эти трудности были несущественными для Александра Георгиевича. Помимо его очевидного таланта инженера и организатора, в нем легко обнаруживалась техническая смелость и творческая решительность. В нем чувствовалась другая эпоха. Эпоха, в которой люди не ставили на первое место деньги, но делали дело и не шли на соглашение с их совестью. Без сомнения, он был среди лучших представителей этой эпохи. Он не боялся браться за сложное во всех отношениях дело с такими скромными начальными обстоятельствами – ни коллектива, ни производства.

Для всех нас Александр Георгиевич – учитель и пример. Человек из другого времени, другой страны. Талантливый, интеллигентный, упорный, добрый, отзывчивый и ответственный. Редко люди обладают всеми этими качествами одновременно. Я второго такого человека не знаю. Как специалисту в этой области (речь идет о создании стендов для подобного рода исследований) ему не было равных в институте, а может, и в промышленности. Я бы лично побоялся браться за такие сложные проекты, какими он руководил в ЦАГИ и ЦИАМ. Но ему это было по силам и по душе, и он не боялся сложностей. Видимо, он любил их преодолевать».

Закончив столь значимую работу в ЦИАМ, Александр Георгиевич, не терявший все эти годы связи с родным ЦАГИ, планировал вернуться к продолжению доводки своего винтовентиляторного прибора. В частности, он планировал разработать недостающий важный элемент этой уникальной установки – «вращающиеся» весы... Хотя сердце начало подводить ученого все чаще и все труднее было отсрочить печальный конец, он до последнего дня жил работой...

Александр Георгиевич был поистине инженером божьей милостью. Замечательный человек и талантливый патентовед ЦАГИ Тамара Ивановна Прохорова, многие годы знавшая Александра Георгиевича по совместной работе, во время прощания с ним тихо шепнула мне на ухо: «Он был гением...» «Даже так?!» – спросил я. И она уверенно закивала головой...

Александр Георгиевич был на редкость гармоничным человеком, человеком многих добрых качеств. Зная себе цену, он не страдал гордыней. Легко говорил о своих ошибках. Никогда не рвался быть большим начальником... Глубоко образованный профессионал, он не переставал учиться, осваивая новые области знания, осваивая новые компьютерные программы...

Он был человеком твердых принципов, немногословным и вместе с тем обаятельным, теплым, солнечным, с незабываемой, неповторимой, сдержанной улыбкой... А. Г. Поповьян, как и Г. М. Мусинянц, был одним из замечательных ученых-армян ЦАГИ.

Другой мой товарищ, с которым я близко познакомился в ЦАГИ, доктор технических наук Акоп Айрапетович Казарян, удостоенный Указом Президента Российской Федерации звания «Заслуженный изобретатель РФ», также поражает кругом научных интересов и достижений. После окончания в 1956 году Ереванского энергетического техникума он пришел на работу в филиал ВНИИ электромеханики г. Еревана, где вплоть до 1963 года, будучи исполняющим обязанности инженера, участвовал в разработке серии силовых трехфазных масляных трансформаторов.

В 1963 году без отрыва от производства он окончил Ереванский политехнический институт, работая в филиале ВНИИ легкой и текстильной промышленности. Здесь он занимался автоматизацией технологических процессов текстильного производства.

В 1966 году Казарян поступил в аспирантуру НИИ приборостроения им. В. В. Тихомирова в г. Жуковском и в 1969 году защитил кандидатскую диссертацию. Его работа в НИИП была связана, в частности, с исследованием работоспособности радиоэлектронной аппаратуры наземного и воздушного базирования под воздействием таких поражающих факторов, как поток нейтронов, гамма-излучений, возникающих при ядерном взрыве.

Вернувшись в Ереван и работая с 1975 по 1980 год в НИИ радиофизических измерений, он разработал, в частности, эффективный способ измерения параметров фазированных антенных решеток с помощью неподвижного зонда.

С 1980 по 1982 год в филиале НИИ атомных электростанций г. Еревана Казарян занимался диагностикой реактора, в том числе измерением параметров его вибраций.

С 1983 года А. А. Казарян – старший научный сотрудник Центрального аэрогидродинамического института им. проф. Н. Е. Жуковского. Здесь под его научным руководством развивалось новое научное направление, связанное с разработкой и внедрением методов бездренажного измерения распределения давления на поверхности изделия с помощью тонкопленочных емкостных чувствительных элементов. Им была предложена эффективная методика совмещения измерения давления с измерением температуры теплового потока и весовыми измерениями. В 1995 году Казарян защитил докторскую диссертацию в Московском лесотехническом университете (на кафедре Главного конструктора академика С. П. Королева) по теме, связанной с разработкой конструкции и технологией применения датчиков динамических нагрузок на основе полимеров. С 1987 года впервые в отечественной авиационной технике и энергетике стали находить весьма широкое применение тонкопленочные датчики заслуженного изобретателя РФ А. А. Казаряна, автора более 180 трудов по различным направлениям науки и техники.

В отличие от многих из соотечественников в ЦАГИ, Акоп сохранил тесную связь с родными в Армении и о напряженной ситуации там знал не понаслышке. Он рассказывал:

– Самая большая азербайджанская диаспора в Армении была в Амасийском районе близ города Ленинакана. Азербайджанцы жили на плодородной земле и жили лучше, чем армяне. Армяне никогда не обижали азербайджанцев, которым было стыдно и страшно из-за зверств их соотечественников во время армянских погромов в Азербайджане. Азербайджанцы советовались со своими близкими соседями-армянами, что им делать и как им быть. Армяне их успокаивали: «Это временное явление, как кончатся “бзики Горбачева”, все закончится и будет хорошо...» Но время шло, обстановка накалялась все более и более.

От стыда и от страха из-за злодеяний их соотечественников на Родине ночью некоторые азербайджанцы покинули свои дома в Армении. Оставшиеся публично, по мере возможности, собрали свои вещи. Им помогали, как могли, и успокаивали армяне. Трудно было с домашними животными – помогали и с этим. Свои двери азербайджанцы закрыли на замок и уехали. Их провожали армянские ребята. Дома остались в целостности и сохранности.

А как из Арцаха и с территории Азербайджана выехали армяне? Это известно всему миру: через грабеж и резню. Один пример. В ЦАГИ работал специалист по прочности, армянин, родом из Кировабада. Он рассказывал о том, что видел в те страшные дни своими глазами: азербайджанские дети играют в футбол. В качестве мяча используют отрезанную голову армянского мальчика...

Необходимо воздать должное другим нашим соотечественникам, сотрудникам ЦАГИ разных лет, внесшим значительный вклад в авиационную и ракетно-космическую науку и технику. Это специалист в области газовой динамики и двигателестроения Геворк Тигранович Саядян, специалист в области регистрации быстротекущих процессов, кинорежиссер и кинооператор Вараздат Сукиасович Крмоян, ученый в области газовой динамики и проектирования гиперзвуковых летательных аппаратов Гарри Грантович Нерсесов, специалист в области гиперзвуковой аэродинамики, ставший региональным директором Thales Alenia Space в России, участником создания более 35 космических аппаратов, Ашот Виллиевич Бакунц, специалист в области аэродинамики дозвуковых, сверхзвуковых и гиперзвуковых летательных аппаратов Мурад Абрамович Брутян, ученые в области аналитической механики, прикладной математики и их инженерных приложений Александр Паруйрович Сейранян, Юрий Артемович Арутюнов, специалист в области измерительной техники, предназначенной для решения проблем аэродинамики летательных аппаратов, Ваган Самвелович Манвелян, специалист в области газовой динамики и двигателестроения Валерий Григорьевич Кехваянц....

**Академик
С. А. ХРИСТИАНОВИЧ
и «его» армяне**

Когда в страстную пятницу, 28 апреля 2000 года, не стало Сергея Алексеевича Христиановича, в одном из некрологов написали: «Умер гений».

Несомненно, даже слово «талант» – очень громкое, настораживающее и обязывающее. Что уж говорить об определении «гений», предполагающем высшую степень таланта, высшую степень одаренности.

В актовом зале института теоретической и прикладной механики в Академгородке Сибирского отделения Российской академии наук портрет создателя института Сергея Алексеевича Христиановича органично, по праву соседствует с портретами великих механиков: М. В. Ломоносова, О. Рейнольдса, Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина, Т. Кармана, Л. Прандтля.

Столь же естественно и здесь, и во многих других научных центрах, где работал академик Христианович, его и сейчас, по прошествии многих лет, называют гением. Обычно со временем оценки и самых крупных ученых несколько тускнеют, восторженные слова сменяются более сдержанными. С оценкой Христиановича этого не происходит. Людей не перестают восхищать масштаб личности, сила и глубина ума, прозорливость ученого, ответственность гражданина и истинного патриота.

Те, кому довелось и доведется узнать и понять сделанное в науке и технике Христиановичем, согласятся с тем, что он –

достояние мировое и на долгие времена. Ученый-универсал, механик, математик, гидролог, энергетик, метролог, эколог, он, более всего ценивший в себе инженера, достиг высших, основополагающих результатов в каждой из областей своей работы: в скоростной авиации и ракетной технике, в создании и испытании ядерного оружия, в теориях пластичности, фильтрации и связанных с ними горном деле, добыче и транспортировке угля, нефти и газа, в защите от наводнений и проблеме водных ресурсов, в развитии высокоэффективной и перспективной энергетики, в совершенствовании методов физического и математического моделирования природных, гидрофизических и атмосферных явлений, в повышении метрологического уровня научных разработок и инженерных проектов, в обеспечении высокого качества отечественной продукции.

**П. М. Геруни и С. А. Христианович
дают интервью**

АКАДЕМИК С. А. ХРИСТИАНОВИЧ И «ЕГО» АРМЯНЕ

Человек, добровольно взваливший на себя личную ответственность за многие важнейшие проекты, рекомендации и решения нередко государственного масштаба, Сергей Алексеевич был воистину генератором революционных научных идей, которые энергично развивали его многочисленные ученики и последователи. Одновременно он умел поддержать наиболее перспективные из «чужих» идей.

Мало того, Сергей Алексеевич Христианович был замечательным строителем – в прямом и переносном смысле этого слова. Он создавал и строил лучшие лаборатории, институты, научные центры страны. При его прямом участии была сформирована и развивалась знаменитая сегодня на весь мир система образования – система Физтеха (Московского физико-технического института). Блестящий педагог и воспитатель, академик безошибочно находил и ставил во главе наиболее важных, перспективных направлений развития механики и ее технических приложений лучших своих учеников, лучших инженеров производства.

Еще во времена, когда у него было «всего» два ордена Ленина и одна Сталинская премия, в характеристике МГУ его место в отечественной науке было достойно определено словами: «выдающийся советский ученый, механик». Впереди было множество великих и малых дел, еще четыре ордена Ленина и еще две Сталинские премии. Но сам он в автобиографии 1984 года написал об этом вскользь: «Имею правительственные награды. В 1969 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда». Какими словами охарактеризовать такого человека сегодня?!

Христианович – не только легендарная личность, но вместе с тем человек абсолютной душевной чистоты, строгости и сердечности, надежности и доброты. Он вырос и сформировался как ученый в окружении выдающихся умов своего времени, но не вознесся. Он сохранил умение и талант чувствовать и понимать любого человека – свойства характера, заложенные во многом сиротским, беспризорным детством.

Мне посчастливилось близко знать Сергея Алексеевича, а через него косвенно – двух замечательных людей армянского происхождения Париса Мисаковича Геруни и Александра

Владимировича Гличева. О них я написал в книге «Академик С. А. Христианович». Но прежде чем привести написанное там и касающееся лишь нескольких эпизодов их научной жизни, ознакомлю с более общей их биографией, основанной на информации, приведенной в фундаментальной книге А. Е. Саркисяна «Армяне – военные ученые, конструкторы, производственники и испытатели XX века».

Лауреат государственных премий Армении и СССР в области радиолокации, доктор технических наук, генеральный директор – научный руководитель и главный конструктор НИИ радиотехнических измерений, член Международного научного радиосоюза, профессор Парис Мисакович Геруни родился 17 декабря 1933 г. в Ереване.

Будучи дипломником радиотехнического факультета Московского энергетического института, Геруни разработал новый прибор для измерения комплексных сопротивлений на сверхвысоких частотах и участвовал в создании специальных бортовых антенн первого советского искусственного спутника Земли в ОКБ МЭИ, возглавляемом академиком А. Ф. Богомоловым.

Несмотря на настойчивые предложения остаться работать в Москве, он вернулся в Армению и начал работать в Бюраканской астрофизической обсерватории АН Армении радиоинженером, младшим научным сотрудником, начальником отдельного радиофизического конструкторского бюро, образованного академиком В. А. Амбарцумяном (он, кстати, был однокашником в Ленинградском университете с будущими академиками С. А. Христиановичем, С. Л. Соболевым и Л. В. Канторовичем). Целью КБ была реализация выдвинутой П. М. Геруни идеи создания большого радиотелескопа (большой двухзеркальной антенны) нового типа.

В 1960 года П. М. Геруни был переведен во вновь организованный Институт радиофизики и электроники АН Армении в качестве заведующего созданным на базе КБ отделом сверхвысоких частот и заместителем директора по науке...

В связи с отсутствием в АН Армении достаточных средств для создания нового большого радиотелескопа по инициативе В. А. Амбарцумяна на базе отдела СВЧ ИРФЭ в марте 1968 г.

Парис Мисакович Геруни

в Ереване был образован во главе с П. М. Геруни Армянский отдел радиофизических измерений (АОРИ) Всесоюзного НИИ физико-технических и радиотехнических измерений (ВНИИФТРИ), научным руководителем которого в то время был академик С. А. Христианович.

Вопрос создания всесоюзного НИИ в Ереване (что было нужно, чтобы построить большую антенну) был очень сложным.

Создание института потребовало у Геруни полтора года мытарств в Москве, пока бюрократический аппарат союзного правительства (лишь после писем из ВПК – Военно-промышленной комиссии при Совете министров СССР) вынес соответствующее постановление. В письме ВПК говорилось, что по приведенным выше важнейшим вопросам АОРИ в настоящее время является единственной в стране организацией, обладающей потенциалом для их решения. В письме была также высказана просьба оказать институту всяческое содействие в том, чтобы реорганизовать его во Всесоюзный научно-исследовательский институт радиоизмерений – ВНИИРИ.

В 1982 году во ВНИИРИ приехал начальник и главный конструктор НПО «Салют», где создавалась космическая станция «Мир», Д. А. Полухин с просьбой создать для них специальный измерительный комплекс. П. М. Геруни с сожалением ответил, что план забит работами по постановлению правительства на 5 лет вперед. Полухин сказал, что не уедет, пока не примут у него заказ. И Геруни вынужден был принять заказ, хотя «переработать» план было в то время так же недопустимо, как и невыполнить его. Полухин, имея около 20 000 работников, не верил, что ВНИИРИ создает такую сложную и современную аппаратуру при численности в 850 человек. Когда же он увидел на Арагаце строительство большой антенны с комплексом сооружений и узнал, что все делается силами 40 строительных рабочих института, он восторженно воскликнул: «Не может быть этого!»

В 1985 году работа института по созданию новых радиоголографических методов измерения полей и автоматической аппаратуры была представлена на Государственную премию. Председатель секции радиоэлектроники Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР академик В. А. Котельников (который не раз бывал во ВНИИРИ) спросил тогда у Геруни: «Я понимаю, когда советский ученый первым в мире выдвигает новую идею и первым разрабатывает теорию. Но, скажите, как вам удалось не только быть первым в теории, но более 15 лет удерживать разрыв с Америкой и по создаваемой аппаратуре?» «Потому, – ответил Геруни, – что в нашем институте цикл разработка – изготовление – сборка – наладка – испытание – сдача занимает лишь 1,5–2 года (в отличие от 8–10 лет в среднем на других предприятиях). Так что наша аппаратура обновляется (появляются новые модели) каждые два года».

Что же сделано в области техники Парисом Геруни? В 1970-х годах он создал новое научно-техническое направление «Метрология антенн». Он со своим коллективом построил первый в мире радиооптический телескоп, большая антенна

**Парис Мисакович Геруни
и его радиооптический телескоп**

которого с неподвижным сферическим главным зеркалом являлась среди всех больших антенн мира наиболее точной, коротковолновой, остронаправленной, малозумящей, дешевой. Он создал первые в СССР антенны субмиллиметрового диапазона и радиотелескопы РТ-6, РТ-8, РТ-18, РТ-18А, работающие в сантиметровом, дециметровом и метровом диапазонах, комплекс аппаратуры ОСА-18 для аттестации летающих лабораторий в режиме реального полета, предназначенных для измерения параметров крупнейших антенных систем стратегического назначения. Эта работа была удостоена Государственной премии Армении за 1985 г.

С опережением мирового уровня П. М. Геруни построил более 45 типов автоматических комплексов стационарной и мобильной аппаратуры для измерения параметров наземных и бортовых антенн РЛС различного назначения. Эта работа была удостоена Государственной премии СССР в области радиолокации за 1986 г.

Ученый разработал серию новых высокоточных приборов: генераторов, фазометров, приемников, работающих на сверхвысоких частотах и микроволнах, в результате чего повысилась точность работы измерительных систем и радиолокаторов, системы прецизионных автоматических следящих систем для наведения антенн на цель и ее сопровождения. Паруйром Мисаковичем была оказана большая помощь в разработке методологии измерений и оснащении десятков предприятий и метрологических центров в стране, в частности Метрологического центра МО. Так, за работу по аттестации полигонов с помощью измерительного комплекса, созданного во ВНИИРИ, сотрудники МЦ МО в 1988 г. получили Государственную премию СССР. В институте созданы комплексы для испытаний РЛС с фазированными антенными решетками, в том числе для ЗРК С-300, а также многофункциональный космический бортовой тренажер для обучения пилотированию в условиях невесомости...

О своей большой антенне Геруни впервые доложил за рубежом в 1989 г., на большой международной конференции по антеннам в Англии. Через несколько месяцев после конференции Геруни получил письмо из Англии, в котором сообщалось,

что по решению исполнительного комитета он награжден почетным призом (дипломом и премией) IEE-URSI за лучшую работу в области антенн – «Первый радиооптический телескоп», доложенную на конференции ICAR-89.

В последние годы своей жизни П. М. Геруни занимался также и древнейшей историей науки в Армении. В 1994–1997 гг. он организовал четыре научные экспедиции в Сисиан, где исследовал древнейшую каменную обсерваторию Карениш (или Караундж), как он ее называл по аналогии с названиями подобных памятников древности в Европе и Египте. По полученным им данным, с учетом изменения положений звезд вследствие прецессии земной оси, Карениш уже действовал в 4000 г. до н. э., то есть на 2000 лет раньше Стоунхенджей в Англии и Ирландии, Калениша в Шотландии, Карнака во Франции и Карениша в Египте. Тогда же был разработан в Армении наиболее древний точный солнечный календарь, с началом года 21 марта, который был реформирован армянским царем (кесарем) Гайком в 2492 г. до н. э., когда начался Бун Айоц Томар (Новый армянский стиль), а начало года (1 навасарда) приходится на 11 августа. Карениш был одновременно храмом Солнца и университетом, где развивались философские понятия о Вселенной, космосе, звездах, боге. Для всего этого необходимы были письмо, математика и длительная стабильная государственность.

А вот что я писал о П. М. Геруни в книге о С. А. Христиановиче, ссылаясь на воспоминания

П. М. Геруни, Т. Н. Аткарская, С. А. Христианович, А. М. Трохан в Эчмиадзине

своего хорошего знакомого – одного из ярких сподвижников академика во ВНИИФТРИ, профессора Александра Марковича Трохана. Он рассказывал с восторгом:

– Парис Мисакович Геруни создал тогда уникальный радиотелескоп в горах Армении. Вначале он возглавлял небольшую исследовательскую лабораторию, которая стала отделом ВНИИФТРИ, затем, по мере развития работ, – его филиалом, а в дальнейшем – Всесоюзным институтом радиофизических измерений. Христианович сильно помог Геруни в трудном становлении этого направления исследований в науке.

Александр Маркович продолжал:

– Геруни – наш с Сергеем Алексеевичем очень хороший друг. Мы многократно бывали у него в гостях и чем могли помогали. Его же травили, по существу. С президентом Академии наук Армении В. А. Амбарцумяном у Геруни были нормальные отношения. Мешали мелкие сошки... Мы часто говорили с Геруни о жизни. Титаническим, египетским трудом под его руководством был создан уникальный телескоп. Причем я его спрашиваю: «Вот соседняя-то гора – она же лучше для этой цели годится?!» Он ответил: «Да, конечно! Никакого сравнения нет вот с этой горой. Эта плоха и тем, и тем, и тем – по сравнению с той. Но! Но на вершине той горы есть несколько древних могил. Я не мог нарушить покой тех людей...»

Вот Вам моральные принципы Геруни, который во имя дела мог при случае пришить кого угодно. Но переступить через святое не мог. Как же он уважал Сергея Алексеевича! Боже мой! Сергей Алексеевич ему помог необыкновенно. Когда Геруни оформлял свой институт, он сидел в Госкомитете по науке и технике в Москве – полтора года! И Сергей Алексеевич, конечно, очень здорово ему помог, за что Геруни всегда был ему очень благодарен...

Сегодня (книга об академике Христиановиче была написана в 2008 году – Г. А.) Парис Геруни – ученый с мировым именем, Герой Социалистического Труда, генеральный директор НИИ радиофизики, академик – сооружает в сорока километрах от Еревана, на территории научного центра НИИР, на высоте 1750 метров над уровнем моря на склоне горы Арагац гигантскую солнечную электростанцию «Арев», базирующуюся на совер-

шенно новом принципе. Можно с основанием говорить о еще одном фундаментальном ответвлении плодоносящего «древа Христиановича». Ведь во многом благодаря Христиановичу Парису Геруни удалось не только создать его знаменитый ныне НИИР, но и накопить уникальный опыт в проектировании и строительстве больших и очень точных зеркал. Здесь же была изобретена, спроектирована и построена уникальная по своим размерам, точности и чувствительности антенна. Главное ее предназначение – исследования Вселенной, поиски внеземных цивилизаций и осуществление сверхдальней связи с космическими кораблями, а также решение задач в военных целях. С помощью радиооптического телескопа с уникальной сверхдальней антенной с диаметром главного зеркала 54 метра на третий день после введения ее в строй в 1988 году радиофизикам Армении во главе с Геруни удалось зафиксировать редчайшее явление – вспышку сверхновой звезды в созвездии Близнецов...

Мне кажется уместным дополнить этот рассказ свидетельствами другого очевидца, жены Сергея Алексеевича – Татьяны Николаевны Аткарской. Она рассказывала мне, что лет за десять до того, а может быть, и ранее, Сергей Алексеевич вместе с Геруни и другими армянскими коллегами участвовал в поиске наилучшего места для установки его знаменитой впоследствии антенны. У ВНИИФТРИ было тогда несколько филиалов и в том числе филиал в Ереване – по антеннам, на горе Арагац.

П. М. Геруни, С. А. Христианович,
Т. Н. Аткарская, А. М. Трохан

П. М. Геруни
с моделью телескопа

Сергей Алексеевич вспоминал, что сначала, естественно, определили подходящую зону для антенны по карте, а потом уже искали ее «по месту». Ни дорог, ничего не было. «Поисковиков» очень хорошо встречали в окрестных селах. У Сергея Алексеевича осталось незабываемое впечатление от поездок в Армению. Не меньше запомнился и его доклад в базирующемся институте и городе.

– Геруни за нас очень беспокоился, – рассказывала Татьяна Николаевна. – Он устроил нас не в гостинице, а в какой-то резиденции. Но даже там у нас произвели подобие обыска. Очень корректно все это было сделано, но все же пришли несколько человек и спросили, есть ли у нас оружие. В Армении после нескольких громких и очень обидных для республики происшествий на русских смотрели как на недругов. Каждый вечер шел нескончаемый митинг на центральной площади. И мы с Сергеем Алексеевичем ходили туда. Митинг был спокойным, тихим, несмотря на то что народ собирался горячий и решительный. Все было спокойно и достойно.

В тот день в резиденцию эту с утра приехал Геруни и сказал: «Вы знаете, у нас институт закрыт! Забастовка!» Сергей Алексеевич предложил: «Все равно поехали, я обещал выступить, на всякий случай поедем». Они приехали, а зал – полон. Подошел сотрудник и сказал: «Сергей Алексеевич, мы Вас очень уважаем. Мы бастуем, ни один человек не пошел в свою лабораторию, в свой отдел, мы пришли только на Ваш доклад из уважения к Вам. После этого мы все разойдемся, институт снова будет пустым». Сергей Алексеевич был просто тронут и необыкновенным вниманием к докладу, и самой небывалой обстановкой.

Сохранилось признательные письма Париса Мисаковича Геруни академику Христиановичу:

«Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

В 1968 году Вы взяли нас под свое крыло: был образован Армянский отдел радиофизических измерений (АОРИ) ВНИИФТРИ... В 1971 году АОРИ был реорганизован во ВНИИРИ (институт радиофизических измерений).

Нами был разработан новый метод измерений полей – в ближней зоне источников (антенн) на принципах голографии. Вами он был принят с большим одобрением (я докладывал на Вашем семинаре во ВНИИФТРИ). Сейчас метод получил широкое распространение по всей стране и за рубежом. К настоящему времени мы создали более 40 автоматических комплексов аппаратуры, действующих по этому методу и опережающих мировой уровень по всем основным параметрам. Ими оснащены все ведущие предприятия машиностроительных министерств. За эту работу мы были удостоены Госпремии СССР за 1986 год.

За 16 лет институтом созданы 10 Государственных эталонов СССР в области антенных и СВЧ фазовых измерений, не имеющих зарубежных аналогов. Они представляют собой также автоматические комплексы аппаратуры, включающие передатчики, приемники, автоматику, механизмы и т. д.

Но самое главное – мы завершили строительство большой антенны – все своими силами! Диаметр ее главного полусферического зеркала равен 54 м. Диаметр подвижного корректирующего зеркала – 5 м. Вместо части контргруза малого зеркала (вес – 15 т) установили соосно с радиолучом крупный оптический телескоп диаметром 2,6 м. Таким образом, это первый в мире радиооптический телескоп (РОТ). Он уникален в мировом плане по основным параметрам: наивысшей точностью поверхностей зеркал (благодаря неподвижности главного зеркала), наименьшей стоимостью (раз в 20 – опять-таки благодаря неподвижности главного зеркала). И еще одна уникальность – разработана, спроектирована, изготовлена, построена и смонтирована силами только одного нашего института и его опытного завода (в создании машин такого размера в СССР или в США участвуют десятки и сотни организаций).

Антенна впервые заработала в июне 1965 года по однозеркальной схеме на волне 20 см. В октябре 1986 года работали

уже по полной двухзеркальной схеме на волне 8 мм. Сейчас завершаются юстировочные и настроечные работы, монтаж пяти основных пультов управления (РОТ управляется 26 сервосистемами). Пущен вычислительно-управляющий комплекс в составе двух больших ЭВМ, работает вторичный эталон частоты и времени и ряд других систем. Таким образом, РОТ – самый сложный современный комплекс.

Я должен поблагодарить за то, что Вы тогда, в 1968 году дали добро на все это, сумев увидеть перспективу и поверив в наши потенциальные возможности».

В другом письме, 1988 года, – уже к Сергею Алексеевичу и Татьяне Николаевне, Геруни сожалел, что не состоялась встреча старых друзей еще студенческой ленинградской университетской поры: «Я рассказал В. А. Амбарцумяну о Вашем приезде. Он был очень рад и очень сожалел, что его не было в Ереване (он был в Москве, затем в Новосибирске) и вы не могли встретиться. Значит, в следующий раз!..»

Должен заметить, что от двух наших уважаемых мною соотечественников, один из которых работал с П. М. Геруни плотно, слышал наряду с восторженными также и весьма критические отзывы о нем. Но С. А. Христианович известен исключи-

тельной пронизательностью...

А вот что я писал в той же книге «Академик С. А. Христианович» о другом сподвижнике Сергея Алексеевича во Всесоюзном научно-исследовательском институте физико-технических и радиотехнических измерений – ВНИИФТРИ Александре Владимировиче Гличеве. Тогда я близко познакомился с этим выдающимся специалистом в области метрологии, ничего не зная о его армянских корнях. О них я узнал следующее из книги А. Е. Саркисяна «Армяне – военные ученые, конструкторы, производственники и испытатели XX века».

20 сентября 1923 года в станице Нижне-Гниловской Ростовской области родился будущий академик, доктор экономических

наук, президент Академии проблем качества России, профессор Александр Владимирович Гличев. Мать, урожденная Константинова Елена Яковлевна, дочь русского священника в городе Краснодаре. Отец, Владимир Рубенович Гличев, родился в Краснодаре. Сам ученый писал, что его дед – Рубен Маркович – носил фамилию Гличьян и по мужской линии он имел армянское происхождение.

С мая 1941 года по август 1943-го А. В. Гличев служил в Красной армии, участвовал в Великой Отечественной войне в качестве разведчика. В боях под Сталинградом был тяжело ранен, после чего как инвалид был демобилизован из рядов армии. А. В. Гличев окончил следующие учебные заведения: в мае 1941 г. – Центральный аэроклуб им. В. П. Чкалова, в апреле 1942 г. – Молотовскую школу пилотов Красной армии, в марте 1950 г. – Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, получил квалификацию инженера-экономиста по организации и планированию авиационной промышленности. В МАИ Александр Владимирович стал в 1964 г. доктором экономических наук.

В 1966 году Гличев был приглашен на работу в систему Госстандарта СССР, где в течение 20 лет возглавлял Всесоюзный научно-исследовательский институт стандартизации. А. В. Гличевым лично или под его руководством был разработан ряд подходов к решению важнейших проблем в области повышения эффективности авиационного производства и летательных аппаратов как гражданского, так и военного назначения, экономической оценки надежности технических систем, стандартизации, построения и широкого внедрения комплексных систем управления качеством, технико-экономической природы категории качества. Александр Владимирович Гличев был одним из основателей новой научной дисциплины – квалиметрии, получившей международное признание и широкое применение в различных областях научной и инженерной деятельности.

Об актуальности проблем, выдвинутых и решенных А. В. Гличевым, свидетельствует тот факт, что в Вооруженных силах России была поставлена задача установления оптимальной номенклатуры вооружения и военной техники (ВВТ)

Александр Владимирович
Гличев

АЛЕКСАНДР ГЛИЧЕВ
первый президент Академии проблем качества

с целью максимального сокращения количества образцов одинакового функционального назначения и повышения боеготовности и боеспособности войск... На Западе давно поняли, что унификация и стандартизация – дело весьма серьезное, и поэтому уделяют этой проблеме самое пристальное внимание.

В течение 15 лет А. В. Гличев представлял СССР в Европейской организации по качеству (КОКК), избирался ее вице-президентом и президентом. Александр Вла-

димирович Гличев был инициатором создания в 1993 г. Академии проблем качества, он был избран ее первым президентом.

По роду своей деятельности ему довелось сотрудничать с выдающимися отечественными, а также зарубежными учеными. Среди них: В. В. Бойцов, О. К. Антонов, С. В. Ильюшин, С. А. Христианович, Д. Барель (Франция), Ф. Мазинг (Германия), А. Фейтенбаум (США), О. Исикава (Япония).

Основательный интерес упоминавшегося в этом ряду ученых Сергея Алексеевича Христиановича к метрологии был заложен еще в ЦАГИ. Но трудно было представить, что для него, глубокого теоретика, эта специфическая область науки окажется столь важной и плодотворной в дальнейшем, когда, вернувшись в Москву из Сибири, где он был одним из основных создателей Сибирского отделения Академии наук СССР, он оказался во ВНИИФТРИ.

Вот что я писал в книге о С. А. Христиановиче, рассказывая в главе «Качество работы – качество жизни», о взаимодействии академика с Госстандартом и Госкомитетом по науке и технике:

«Без преувеличения можно сказать, что одной из наиболее важных проблем отечественного народного хозяйства на протяжении десятилетий была (и остается) проблема качества, а следовательно, конкуренции его продукции на своем

и международном рынках. Казалось бы, проблема эта отстояла далеко от основных научных интересов Сергея Алексеевича Христиановича в механике, но, как выясняется, его волновала и эта проблема. Причем, как всегда при решении крупных задач в разных направлениях, рядом с ним, в одной команде, оказывались молодые, умные, энергичные и ответственные люди.

Александр Владимирович Гличев, рассказывавший об этом направлении работ Христиановича, окончил инженерно-экономический факультет МАИ в 1950 году. Был оставлен там в аспирантуре, по окончании которой защитил кандидатскую диссертацию. Еще работая преподавателем в МАИ, войдя в коллектив специалистов нескольких направлений института, он сумел решить ряд междисциплинарных технико-экономических задач. Решения эти составили основу его докторской диссертации. Работа коллектива существенно помогла ОКБ С. В. Ильюшина, О. К. Антонова, М. Л. Миля в комплексном анализе актуальных проблем, связанных с проектированием, производством и эксплуатацией авиационной техники. Об этих работах и созданной весьма эффективной методологии обеспечения высокого качества продукции узнал начальник НИАТ (и профессор МАИ) Василий Васильевич Бойцов, активно поддерживавший новаторское направление научно-практических исследований. Еще до войны, в 30 лет, он стал директором авиационного завода, а после войны – заместителем министра авиационной промышленности. С 1947 по 1963 год он возглавлял НИАТ, а затем, вплоть до 1984 года, – Госстандарт СССР. Именно у Бойцова, по его приглашению, Александр Владимирович Гличев проработал с 1966 по 1986 год – сначала в качестве заместителя директора по науке, а затем и директора ВНИИС – Всесоюзного научно-исследовательского института стандартизации. После смерти Василия Васильевича Бойцова Гличев ушел из Госстандарта, разойдясь во взглядах

А. В. Гличев

с новым руководством по принципиальным вопросам в области проблемы качества и методологии ее решения. После этого несколько лет ему пришлось поработать в отраслевом институте стандартизации приборостроения. Гличев впервые услышал о Христиановиче, когда еще учился в МАИ. Уже находясь в системе Госстандарта, Александр Владимирович узнал, что академик Христианович работает во ВНИИФТРИ в качестве научного руководителя, тогда же они познакомились лично.

Как вспоминал Александр Владимирович, Христианович оказался человеком не только глубоким, но и широко эрудированным. Это и свело их в конкретной совместной работе по проблеме качества. Тогда, в начале 1960-х годов, правительство приняло решение о создании межотраслевого научно-технического совета (МНТС) по надежности и качеству. Курировал это направление Центральный комитет партии, придавалось ему большое значение. В этом совете собрались интересные люди, и возглавил его, став первым председателем, академик Аксель Иванович Берг. МНТС, как помнилось Гличеву, был создан в 1962 году. И когда Аксель Иванович скончался, правительство, по представлению Академии наук, предложило Сергею Алексеевичу Христиановичу стать председателем этого совета. Он возглавил его, а от Госкомитета стандартов заместителем к нему назначили Гличева. Так началась их совместная работа.

Александр Владимирович говорил: «В общем-то, это была «непрофильная» для Сергея Алексеевича работа, у него были другие интересные дела в Академии...» Но мне-то было известно, со слов самого Сергея Алексеевича, что еще с цаговской поры он к вопросам метрологии и качества научной продукции относился как к важнейшим. Работу в совете Христианович выполнял на общественных началах, но, несмотря на всю его загруженность в Академии наук, многообразие интересов, он много времени уделял и этому направлению.

«У него был очень интересный опыт, – говорил Александр Владимирович. – Он прекрасно обобщал серьезные вещи и очень просто их выражал. Вот такой эпизод. Мы разработали систему управления качеством, разработали впервые в мире и провели во Львове эксперимент (москвичи отказались прово-

дить, а во Львове пять предприятий во главе с обкомом партии взялись за это дело). Мы там с ними хорошо поработали и очень гордились этим делом, потому что оно оказалось перспективным. Сергей Алексеевич, ознакомившись с этой работой, сказал нам: «Ребята, вы зря упиваетесь, вы сделали революцию, но гордитесь не тем, чем следовало бы. Вы говорите о комплексном учете всех факторов, влияющих на качество, но, и это главное, вы внесли стандартизацию в эту практику и тем самым создали устойчивую систему, которая, понимаете, будет работать, если она хорошо спроектирована и запущена в производство, – в любой отрасли».

В этом он оказался прозорливым. На основе наших разработок, нашего опыта международная организация по стандартизации (ISO), которую с 1977 по 1979 год возглавлял В. В. Бойцов, создала серию стандартов ISO под номером 9000. И сейчас этим пользуется весь мир. Это было очень важное, принципиальное, практическое достижение, базировавшееся на прочной научной основе, на которую указал Сергей Алексеевич. Он принимал участие в создании элементов этой системы. Но он курировал также проблему в целом как председатель МНТС: заслушивал наши доклады на совете, часто бывал у нас в институте. Мы с ним участвовали в конференции во Львове, которую проводил ЦК партии по этому опыту. Это была работа стратегического характера. Сергей Алексеевич сделал доклад, мы подготовили выставку, и он все время нам помогал. В нем не было и тени сановности. Это был очень своеобразный ученый, скромность которого была на редкость органичной. Это даже не назовешь скромностью, это что-то другое, более возвышенное – естественное для его человеческой природы».

Вот еще один эпизод, который запомнился Гличеву и «вооружил» его на всю жизнь. На очередном заседании МНТС рассматривали возможности влияния различных явлений на качество продукции в государственном масштабе, в масштабе всей экономики страны. Высказывали разные мнения. Христианович запаздывал, и Гличев начал вести заседание без него. В разгар дискуссии пришел Сергей Алексеевич, сел в стороне, председательствовать отказался и стал внимательно слушать выступавших. Один из работников Госстандарта

высказал “простую” мысль: надо с помощью ЦК и правительства подумать об организации в стране небольшой безработицы – “это, мол, создаст конкурентную среду...” Академик тут же задал вопрос: “Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что такое безработица?” Получив невнятный ответ, он продолжил, все более распаляясь: “Безработные – это самые несчастные люди на земле. Вы не представляете, какое благо сделала советская власть, когда дала каждому право на работу. Каждый имеет это право! Как Вам не стыдно, Вы – работник государственного аппарата и вместо того, чтобы давать какие-то взвешенные, реализуемые предложения, хотите поставить сотни тысяч, миллионы людей в несчастное положение! Где Ваше партийное, государственное отношение?”

– Сергей Алексеевич Христианович не был ученым-эгоистом, – говорил Гличев, – он был гражданином, понимавшим человеческую сущность. Он ценил рабочих: мы с ним часто бывали на заводах, он очень внимательно слушал их. Он никогда не говорил о себе что-либо громкое. Мы сотрудничали с конца 60-х до конца 80-х годов. И он постоянно нам помогал во всем, что было связано с качеством и надежностью. Мы готовили по этому вопросу постановления ЦК, его секретариата, правительства, и он всегда вносил много существенных дополнений и поправок в нашу работу.

– Насколько я знаю, когда началась история с перестройкой, Сергей Алексеевич отнесся к происходившему с тревогой. Как он воспринял эти перемены? – спросил я Гличева.

– Е. К. Лигачев (второй человек в партии после М. С. Горбачева) был знаком ему по Новосибирску. Христианович считал необходимым использовать это. Он предложил написать записку в Политбюро по вопросам развертывания комплексных работ в обеспечение улучшения качества отечественной продукции. Мы с ним, а также Евгением Ивановичем Шемякиным, втроем написали у него дома несколько вариантов предложений. Несколько раз Сергей Алексеевич пытался заинтересовать в них высшее руководство страны, но безрезультатно: у Лигачева были свои трудности, и все эти усилия, даже с использованием авторитета выдающегося академика, не работали. А дальше все пошло наперекосяк. Вот такая история.

– А как вы это письмо в ЦК писали, тут вам что-то запомнилось? Оно же должно быть лаконичным, наверное?

– Вы знаете, мы написали, наверное, страницы четыре текста: вначале – задачи, а потом – предложения по их решению.

– Скажите, пожалуйста, наверное, Христианович был близок и с В. В. Бойцовым также?

– Да, конечно, Бойцов его очень ценил и пригласил работать в институт, потом, я думаю, что не без его рекомендации Сергей Алексеевич возглавил МНТС. Они были дружны, их связывали хорошие деловые отношения.

– Вы 20 лет были рядом, командировки, частое общение, что в человеческом плане вспоминается о Сергее Алексеевиче? Говорят, что в быту он был очень скромным и непритязательным?

– Это правда. Надо сказать, ни по вопросам размещения, питания, ни по вопросам организации работы с предприятиями никогда никаких претензий он никому не выдвигал. Если что-то было не так, он понимал, что люди хотят сделать лучше, но что-то не получается. Мы с ним, конечно, – не ровня, но во всех делах, во всех командировках это был старший товарищ по моей профессии.

– И вся эта работа “по качеству” выполнялась исключительно на общественных началах?

– Да, все – на общественных началах, без копейки денег.

– А кто был еще в вашем кругу таких подвижников и лидеров движения за качество?

– Например, Яков Михайлович Сорин – из авиационной промышленности. Очень интересный, разумный человек, энергичный чрезвычайно. Он будоражил общественность, и очень многих людей, малоизвестных или совсем неизвестных, он втянул в проблему обеспечения надежности. У него был в Политехническом музее такой, как мы его называли, кабинет надежности. Там собирался “клуб” людей, которые занимались надежностью.

– Получается так, что все это движение за качество логически обоснованно имело авиационную окраску?

– Не совсем. Так получилось, что авиационщики это дело возглавили.

– Но именно в авиационной промышленности комплексный подход (проектирование, конструкторская и технологическая подготовка, запуск в производство, испытания, эксплуатация и все другие стадии жизненного цикла летательного аппарата) являются необходимостью при создании конкурентоспособной техники...

– Да, мы эту связь описали и были безумно довольны. Потом мы сказали: чтобы система была устойчивой, давайте внедрять ее на базе заводских стандартов. И вот именно это Сергей Алексеевич отметил как крупное достижение. “Остальное, – говорил он, – какой порядок проектирования, изготовления, испытаний – это все люди знают и без вас...”

В последние годы жизни Христиановича они с Гличевым почти не виделись. Александр Владимирович активно занялся работой по созданию академии проблем качества. Это – общественная организация, которая с самого начала ее работы не ставила и сейчас не ставит коммерческих целей. Сергею Алексеевичу идея создания такой академии не понравилась. Он говорил Гличеву, что это пустая трата времени, и советовал создать лучше некое консультационное бюро и возглавить его работу. Гличев же, наоборот, стремился к организации, к объединению людей, которые работают в этой области, потому что, по его словам, “народ начал разбегаться и остались беспризорными очень квалифицированные люди”. Сергей Алексеевич бывал категоричен в своих решениях, однако, когда академия качества сложилась, он принял ее хоть и без восторгов, но как данность...»

Эдуард Ваганович ЕЛЯН

Среди героев этой книги, одинаково дорогих моему сердцу высоких профессионалов, есть несколько, кого я вправе назвать своими друзьями. Это Эдуард Елян, Гурген Карапетян, Михаил Минасбекян...

В опытно-конструкторском бюро Андрея Николаевича Туполева работало созвездие выдающихся летчиков-испытателей. В лучшие времена на Жуковской лётно-испытательной и доводочной базе ОКБ (ЖЛИИДБ) в лётных испытаниях участвовали десятки летчиков. Каждый был и есть – талантливая личность, за плечами каждого – долгий, насыщенный большой работой и опасностью путь в испытатели. Но кто-то из «равных» должен был стать старшим летчиком, кому-то доверили первым поднять опытную машину. Это неизбежно «выборочное» возвышение – особое испытание для всех.

Один из самых известных летчиков-испытателей в нашей стране и в мире, несомненно, Герой Советского Союза Эдуард Ваганович Елян. Заслуженный летчик-испытатель СССР, он выполнил немало масштабных испытательных работ не только в ОКБ Туполева, но также в Лётно-исследовательском институте – ЛИИ, ОКБ П. О. Сухого, А. И. Микояна. Его имя вошло в мировую историю в тот непогожий предновогодний день 31 декабря 1968 года, когда он во главе небольшого экипажа впервые поднял в воздух первый в мире сверхзвуковой пассажирский

самолет, легендарный Ту-144. Этот полет стал завершающим этапом новаторской работы великого множества НИИ, КБ, заводов, специалистов десятков направлений, сотен тысяч ученых, инженеров, техников, рабочих – всей страны. На вершину огромной пирамиды создателей и испытателей истинного чуда авиационной техники, которое вряд ли удастся повторить в ближайшие десятилетия, был вознесен один человек, первый пилот и командир экипажа. Генеральному конструктору, мудрейшему Андрею Николаевичу Туполеву, было из кого выбирать. Он назвал одно имя: Эдуард Елян. Ни восхождение на эту вершину, ни спуск с нее не были простыми для летчика.

Родился Эдуард Ваганович в 1926 году в Баку. В 1944 году он окончил военную авиационную школу первоначального обучения летчиков, в 1948 году – Борисоглебское военное авиационное училище летчиков и в 1953 году – Школу летчиков-испытателей.

В августе 2006 года, когда Эдуарду Вагановичу Еляну исполнилось 80 лет, я воспользовался замечательным поводом сказать ему добрые слова, опубликовав в газете «Советская Россия» следующий очерк «Высота Еяна».

«Глядя на этого седовласого красивого человека, полного житейской и профессиональной мудрости, организованности и ответственности, человека, пережившего немало катастроф и потерь, не перестаешь удивляться его истинно молодой неутомимой энергии. Он хорошо помнит (и ценит) прошлое, но полнокровно живет настоящим и будущим – своей семьей, своих друзей, сподвижников, своих самолетов, своей страны.

Мать Эдуарда Вагановича Еяна Александра Федоровна – родом из Старой Руссы, а отец – Ваган Сергеевич – из Зангезура, из Гориса, в Армении.

Ваган Сергеевич, как уже говорилось, всю войну проработал на Крайнем Севере – заместителем у А. П. Завенягина. Будущий заместитель председателя Совета министров СССР, Авраамий Павлович Завенягин с 1938 года возглавлял строительство в труднейших условиях (и в основном – усилиями заключенных) громадного комплекса сооружений Норильского горно-обогатительного комбината, который сыграл важную роль в победе над Гитлером, да и ныне – это одно из главных богатств страны. Ваган Сергеевич как мог помогал не только ему, но и вверенным ему заключенным.

В 1941 году Эдик Елян попытался вместе с товарищем пойти на фронт, но «воинов» сняли на первой же станции с поезда, который вез их к дядьке Эдика, воевавшему на Украине... Другой его дядя, будущий генерал Герой Социалистического Труда и лауреат четырех Государственных премий, Амо Сергеевич Елян вошел в большую историю

Самолет МиГ-19

страны: в войну он командовал крупнейшим артиллерийским заводом в Горьком. Менее известна, но также важна его работа с С. Л. Берией – в области создания ракет, – в частности, крылатых снарядов «Комета». Затем он стал главным механиком в институте академика-ядерщика А. И. Алиханова. Они оба – и А. И. Алиханов, и А. С. Елян – похоронены на Новодевичьем кладбище...

Жизнь показывает, что важнейшее значение в становлении многих выдающихся испытателей имеет инструкторский опыт. Так было и у Еяна. Борисоглебское военное училище летчиков он окончил с отличием в 1948 году и до 1951 года работал там инструктором. Уже тогда его заметил приезжавший в училище начальник Школы летчиков-испытателей Министерства авиационной промышленности (ШЛИ МАП) генерал М. В. Котельников. Елян хотел попасть в первый набор в Школу, но у него был еще мал налет. Этот недочет Эдуард Елян устранил быстро: ему как инструктору почти ежедневно приходилось летать с раннего утра с десяткой курсантов своей группы, а после обеда – с десяткой курсантов другой группы. Несколько инструкторов тогда забрали в Корею – для обучения китайских летчиков. Генерал Котельников сам приложил усилия, чтобы Елян попал во второй набор ШЛИ, где он был, кажется, самым молодым лейтенантом. Среди преподавателей Школы своего набора, в 1951 году, Елян особо выделял Михаила Михайловича Громова. Выдающийся летчик-испытатель и спортсмен, он

был тогда начальником управления летной службы Министерства авиационной промышленности, возглавлял мандатную комиссию Школы и читал там курс психологии. Запомнилось, что в этих лекциях сквозила любовь... к лошадям. И психология наездника необъезженной лошади обследовалась лектором, профессором, крупным специалистом в области науки о летных испытаниях и эргономики, порой столь же внимательно, как и психология летчика-испытателя.

Свою испытательную работу Елян начинал в Летно-исследовательском институте имени М. М. Громова и выполнил там несколько важных работ. Они были связаны с заглоханием двигателей самолетов-истребителей МиГ-15 и МиГ-19 при стрельбе реактивными снарядами и из обычных пушек. Он участвовал в испытаниях, связанных с обеспечением прочности тех же самолетов с подвесными баками. Важные результаты были получены им в испытаниях жидкостных ракетных двигателей – ЖРД на фронтовом бомбардировщике Ил-28 и в испытаниях, направленных на выявление причин катастроф трех самолетов Ан-2. Он был дублером у своего старшего товарища, дважды Героя Советского Союза Султана Амет-Хана при испытаниях уникального сверхзвукового самолета П. В. Цыбина НМ-1. Слетать ему не удалось, помешала командировка на полигон во Владимировку. Но его назначение на эту работу говорит само за себя. Он был также дублером в испытаниях опытного самолета ОКБ А. И. Микояна Е-50 с ЖРД...

После пяти лет работы в ЛИИ, начиная с 1958 года, Эдуард Ваганович два года испытывал самолеты-истребители в ОКБ П. О. Сухого, в частности сдал на государственные испытания самолет С-1 и испытал машину П-1. У Еяна сложились отличные отношения со старшим летчиком фирмы Сухого В. С. Ильюшиным (об этом мне тепло говорил и Владимир Сергеевич). Несмотря на молодость, Елян к тому времени был уже весьма опытен, попадал в поучительные летные ситуации и мог самостоятельно оценить, что для него важно, а что – не очень. Эта самостоятельность вызывала активное неприятие только что пришедшего в КБ Сухого, списанного с летной работы Героя Советского Союза военного летчика-испытателя В. Н. Махалина. Елян вопреки его отрицательному взгляду при каждом удобном случае

Среди летчиков-испытателей,
награжденных званием Героя Советского Союза

тренировался в «бездвигательной» посадке. Это помогло ему после большой работы во Владимировке посадить так две машины Сухого – в обоих случаях двигатель совсем не отключался, а работал на малом газу.

В первый раз оказалось так, что управлять двигателем было просто нельзя. А во второй раз после взлета и разгона на самолете Т-3 за облаками начался сильнейший помпаж, летчик успел быстро, в течение нескольких секунд, убрать двигатель на малый газ (Елян хорошо знал, что двигатель А. М. Люльки горел очень быстро), и это было важно. После этого двигатель летчик уже не трогал, снизился, увидел за облаками аэродром в Чкаловской и сел там. Ясно, что на самолете с треугольным крылом и малым аэродинамическим качеством это было труднее обычного, тем более что аэродромная полоса оказалась на ремонте, о чем летчик не знал. Машина осталась целой, но Махалин не прекращал своих придинок. Это вынудило молодого летчика вернуться в ЛИИ.

Летом 1960 года, через полгода после гибели экипажа Ю. Т. Алашеева на уникальной опытной машине – сверхзвуковом бомбардировщике Ту-22, Еляна пригласили в ОКБ Туполева для продолжения испытаний этой выдающейся впоследствии машины. К этому времени Елян окончил Московский авиационный институт. Формально он еще не ушел с фирмы Сухого, но летал уже в ЛИИ. Вот туда-то по поручению начальника Жуковской летно-испытательной и доводочной базы (ЖЛИИДБ) М. Н. Корнеева за ним в ЛИИ приезжали старейшие летчики-испытатели фирмы А. П. Якимов и И. М. Сухомлин с предложением перейти в КБ Туполева. М. Н. Корнеев и его заместитель Д. С. Зосим встретили молодого летчика перед входом в центральное здание базы. Прогуливаясь в лесочке, после общих распросов о здоровье, о делах, о желании работать в КБ, Михаил Никифорович Корнеев сказал Елян то, что запомнилось надолго: «У нас к Вам одна просьба: пожалуйста, не ввязывайтесь в коалиции в нашем коллективе. У нас – клубок неприязней в отношениях молодых со старыми. Есть проблемы. Ваша задача – Ту-22!»

Машина Ту-22 была неустойчива на некоторых режимах полета (в частности, на малых скоростях с выпущенными закрылками), и на ней было много дефектов, связанных с неустойчивостью. Нередки были разрушения фюзеляжа. Ломались машины из-за потери устойчивости в продольном движении (вследствие так называемой “раскачки” по тангажу).

После чрезвычайных происшествий, которые произошли у Ю. Т. Алашеева и В. Ф. Ковалева, “старые” летчики не рвались летать на Ту-22, они были заняты на тяжелых дозвуковых машинах Ту-95 и Ту-114. Главное же, – им не хотелось, как признавались они сами, “совать голову в пасть зверя”. Первым после аварийной посадки – с тяжелейшими последствиями – экипажа Ковалева полетел Елян. Причем это был первый полет в его летной карьере на Ту-22.

– До сих пор помню, – рассказывал бывший начальник ЖЛИИДБ М. В. Ульянов, – как мы его “грузили” в самолет, еще не седого в ту пору... Кресло выпускалось из кабины вниз, летчика усаживали в него, снаряжали, пристегивали и лебедкой, вручную поднимали. Потом ручную лебедку на машине заменили на электрическую...

На первом вылете Еляна на 22-й присутствовал Андрей Николаевич Туполев. Он участвовал также в разборе полета и особенно интересовался вопросами продольного управления. Кто-то раскачивал машину на взлете – этого у Еляна не было. Машина показалась ему мощной, строгой, но подвластной летчику.

В первые годы в КБ Туполева Елян был занят в основном именно Ту-22, ему пришлось решать самые разные задачи. Например, в Калининградском полку (там, как и в Саках, базировался полк морской авиации) на 22-х все время рвались тормозные парашюты, и машины выкатывались за полосу. Елян полетел туда и разобрался, что причиной происшествий стала чрезмерно большая скорость захода на посадку. Очень много работы по 22-й было связано у летчика с казанским заводом, который он курировал. На Ту-22 Елян выполнил первый полет на максимальную дальность: до Новосибирска и обратно летели более пяти часов.

Однажды, в 1963 году, в одном из полетов Еляна на Ту-22 отказал указатель скорости. И летчик, сам того не подозревая, превысил ограничения по скорости. Самолет в облаках попал в зону реверса элеронов: при отклонении штурвала вправо самолет начинал крениться влево. Кроме того, наступала обратная реакция на дачу ноги. Высота была не более 1500 м, но Елян успел понять, в чем дело. Он не дал “развиться” событиям, убрал форсаж, увеличил вертикальную скорость, затормозился и потихонечку привел машину на аэродром... “Могла быть труба”, – вспоминал он годы спустя.

По доводке самолета **Самолет Ту-22**

Ту-22 многое сделал летчик-испытатель В. П. Борисов. Экипаж Еляна, в который входили также штурман Н. И. Толмачев и бортрадист Б. И. Кутаков, выполнил особенно большую и важную работу на самолете-ракетоносце Ту-22К, с боевыми ракетами Х-22. При первом пуске ракеты на полигоне во Владимировке у них вместо отцепки

ракеты сработал механизм слива окислителя – азотной кислоты, одного из компонентов топлива ракеты. Самолет вдруг весь покрылся желтым облаком, которое постепенно рассеялось. Летчик не потерял самообладания и смог привести машину на аэродром. Ее пришлось отмывать от этой самой кислоты всю ночь – всем, чем могли, но машину спасли.

У Ельяна, которого всегда отличали естественность и коммуникабельность, было полное взаимопонимание со смежниками и Главным конструктором системы ракетного вооружения Х-22 В. М. Шабановым, впоследствии генерал-полковником заместителем министра обороны Д. Ф. Устинова по вооружению. Елян, как всегда, дотошно разбирался в работе всех систем сложнейшего комплекса, с тем, как действовать в самых непредвиденных обстоятельствах. По программе испытаний был выполнен огромный объем работ. Заново по этому самолету надо было проделать все, начиная от исследования взлетно-посадочных характеристик, характеристик устойчивости, управляемости, других особенностей аэродинамики, прочности.

– И это естественно, – рассказывал Ульянов, – ведь Х-22 – это шеститонная ракета на внешней подвеске! И вот Елян все это сделал “без шума и пыли”. Он ухитрился провести эти испытания так, что никто не знал о них. Спокойно, методично. Его вполне можно считать прародителем Х-22. Елян, я считаю, для нашей фирмы – эпоха! Приходилось слышать, что он порой был чрезмерно резок. Это не так: воспитанный человек, Ваганович никогда не позволил себе ни единого грубого слова ни о ком.

Елян, будучи старшим летчиком, нашел хорошее взаимопонимание с Ульяновым как руководителем летно-испытательного комплекса.

– Он был думающим руководителем и летчиком-инженером экстра-класса, – говорил Ульянов. – Обеспечивая текущие испытания, он постоянно заботился о дне завтрашнем. Соблюдение технологической дисциплины – прямой путь к повышению безопасности полетов, и Елян жестко требовал исполнения установленных правил. Многих это раздражало. Эдуард Ваганович не признавал уравниловки, но никогда не старался забрать себе самые денежные программы испытательных полетов. Эдуард Ваганович считал необходимыми структурные и технологические

преобразования в летных испытаниях, которые существенно помогали организации испытательных работ на Базе.

Елян вводил в строй первых летчиков Дальней авиации на Ту-22. Происходило это на аэродроме ЛИИ в Жуковском. Тогда из министерства прислали трех опытных летчиков, которых предстояло подготовить в качестве инструкторов. Выпустив их, Елян курировал потом несколько полков Ту-22 Дальней авиации. Годы спустя, работая уже у микояновцев по тематике палубной авиации, Елян не раз встречал своих подопечных из военных, некоторые из них занимали уже самые высокие посты, вплоть до министерского...

Вместе с А. Д. Калиной, Н. Н. Харитоновым, В. П. Борисовым, Б. И. Веремеем, Е. А. Горюновым, А. С. Мелешко и другими туполевскими летчиками-испытателями разных поколений, вместе с ведущими инженерами по этой машине и другими специалистами Э. В. Елян многое сделал для становления самолета Ту-22, открывавшего дорогу еще более совершенным, в чем-то уникальным ракетноносцам Ту-22М, Ту-160... Работал большой коллектив, и работа шла по многим направлениям.

Одно из наиболее памятных воспоминаний было связано у Эдуарда Вагановича с испытаниями модернизированного пассажирского самолета Ту-104Е. На самолете добавили топливные баки в крыле и увеличили дальность полета на 700 км. Получилась очень перспективная машина, хотя возникли сложности с перекompенсацией элеронов...

Елян много сделал по испытаниям пассажирского самолета Ту-134 (вместе с А. Д. Калиной, С. Т. Агаповым, Б. И. Веремеем). Особенно активно он участвовал в наиболее сложных программах полетов на больших углах атаки. В одном из полетов по этой программе Ельяна с его другом Борисом Веремеем начался пожар в отсеке фюзеляжа, где было установлено экспериментальное оборудование – “этажерки” записывающей аппаратуры. Веремею удалось потушить пожар. Задание прекратили.

Э. В. Елян

Веремей был похож на негра, у него были обожжены руки, пострадала одежда, но в целом все закончилось благополучно – Елян посадил машину.

Еляна с Веремеем связывала крепкая мужская дружба. Б. И. Веремей говорил мне, что убежденно считал Эдуарда Вагановича “наиболее прогрессивным руководителем, заботившимся о перспективе и очень серьезно относившимся к молодежи”. Они горой стояли друг за друга и были при этом чисты как перед собой, так и перед товарищами. Они знали цену друг другу как летчики, как личности. Елян рассказывал:

– Я участвовал на начальном этапе макета сверхзвукового тяжелого ракетноносца Ту-160. Летать я на этой машине не собирался, и я на это дело с самого начала планировал Бориса Веремея. Но сам какое-то время поработал там хорошо. Ведь была проблема с отдыхом экипажа в длительном полете, с расположением пультов. А особая сложность возникла с креслом пилотов. Было очень мало места, и я предложил подвесить спинки кресла за верхние точки – с тем, чтобы кресло могло поворачиваться и отходить назад. Тогда у летчиков появлялась бы возможность спокойно занимать кресло и выходить из него. Я хотел закрепить назначение Веремея, потому спешил с представлением его

к званию Героя Советского Союза. К Алексею Андреевичу Туполеву по этому поводу я подходил дважды. Первый раз – неудачно, переждал какое-то время, повторил заход, а он сказал: “Тебе с третьего раза дали Героя? И дали после того, как полетал на 144-й! Вот пусть Веремей полетает на 160-й – тогда и поговорим”...

Э. В. Елян за штурвалом сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144

Однажды, сознательно сгущая краски, я заметил ведущему инженеру Базы А. К. Яшукову:

– Кто-то о Еляне говорит, что он – великий летчик, а кто-то – что летать не умел...

Инженер возмутился:

– Раз так говорят, значит, действительно, – великий летчик! Точно! Елян мне демонстрировал взлет на Ту-134: “Вот, смотри, Толя! Смотри, сейчас она будет летать сама!” Он убирает со штурвала руки, с педалей убирает ноги, триммер накрутил и – по газам! – машина достигла скорости отрыва, подняла нос и взлетела! Без рук, без ног взлетела! Ваганыч самолет Ту-134 знал в совершенстве...

Еляну также довелось много поработать по основному пассажирскому самолету страны Ту-154 – наряду с Ю. В. Суховым, В. П. Борисовым... Этой машиной он активно занимался, работая с болгарскими и румынскими летчиками... Однажды Елян сел на 154-й в Новосибирске с невыпущенным шасси – и справился с машиной, сохранив ее...

Когда в ОКБ Туполева замаячила тема сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144, не менее важными были работы по двум другим новым, сложным проектам – сверхзвукового бомбардировщика с крылом изменяемой геометрии Ту-22М и пассажирского Ту-154. На них были ориентированы летчики-испытатели В. П. Борисов, Н. И. Горяйнов и Ю. В. Сухов. Не прекращались работы по другим заданиям: М. В. Козлов с А. Д. Бессоновым завершали испытания сверхзвукового перехватчика Ту-28, Е. А. Горюнов с И. К. Ведерниковым испытывали дальний противолодочный самолет Ту-142... В первую группу летчиков-испытателей самолета Ту-144 вошли Бессонов, Борисов, Елян, Козлов, Ведерников. Так, говорят, планировал А. Н. Туполев. Вскоре командиром экипажа 144-й он выберет отнюдь не самого титулованного и принимаемого всеми, но достаточно опытного и надежного – Э. В. Еяна.

Однажды я спросил Эдуарда Вагановича, почему из большого коллектива, может быть, и более именитых летчиков, на 144-ю выбрали именно его. Он ответил:

– Я думаю, это произошло так. По работе с Ту-22 я был близок с главным конструктором Д. С. Марковым. С его участием, не

Самолет Ту-144

помню уж, как это было, я сблизился также с бригадой, которая начинала создавать самолет Ту-144, в частности с главным конструктором машины В. И. Близнюком. Заместитель генерального конструктора Алексей Андреевич Туполев года за два-три до первого вылета уже говорил мне, чтобы я “занимался этой машиной”. Это был короткий разговор, он сказал: “При возможности – подъезжай!”

Когда проект стал вырисовываться, наши контакты стали все более частыми. Вообще-то, летчики наши из Жуковского в КБ ездили неохотно, не любили этого, прямо скажу. Мне, когда я стал начальником летной службы, далеко не всегда удавалось послать их в КБ. Потому что: едешь туда, можешь потерять полет. Генеральный конструктор Андрей Николаевич Туполев со мной о назначении в первый экипаж испытателей никогда не говорил. Пока мы с известным ученым ЛИИ и летчиком-испытателем Н. В. Адамовичем работали на макете, никто не знал, кто же будет поднимать машину. И у меня не было разговора на эту тему – ни с кем! Когда такое назначение состоялось, меня не спрашивали! Тогда уже определилось – без меня! – что другому кандидату, Коле Горяйнову, из-за его некоторых проблем машину не доверят. Когда я дал согласие быть первым, я спросил Мишу Козлова, согласен ли он быть вторым. Он согласился. Он тогда занимался 28-й машиной, был очень занят и на макете 144-й не бывал. С Андреем Николаевичем я встретился только тогда, когда он приехал на первый вылет. До этого я иногда общался только

с Алексеем Андреевичем Туполевым. Кроме Миши, согласие работать на 144-й дал еще Сережа Агапов. Мы полетали на “аналоге”, оценили эту машину, построенную на базе истребителя МиГ-21. Кстати, она, как оказалось, очень была схожа со 144-й на дозвуковой скорости. На сверхзвуке у 144-й не было “раскачки”, которая была на “аналоге”, не имевшем демпферов...

В Сергее Тимофеевиче Агапове Елян ценил природный талант летчика, прямоту и честность человека широкой русской души. Агапов был известен резкостью суждений о ком угодно, в том числе и об Эдуарде Вагановиче. Но он говорил о нем отдавая должное: “Летал Ваганыч хорошо. Может быть, главной его чертой была пунктуальность. Он очень хорошо готовился к полетам, досконально, тщательно. У него не было такого таланта, чтобы сразу схватить все на лету. Он всего добился своим усердием и упорством...”

Уважительно и тепло как о сильном летчике-испытателе и глубоком инженере говорил об Эдуарде Вагановиче известный ученый ЛИИ и летчик-испытатель Николай Владимирович Адамович. Он рассказывал о его совместной с Ельяном работе по

А. Н. Туполев и Э. В. Елян

Эдуард Ваганович Елян

эргономике 144-й. Тогда Елян надолго, казалось, навсегда, исчез из московской жизни, переехав в Ростов, и далеко не все его товарищи вспоминали его так же добро. А с Еляном мы говорили о той же их совместной работе – когда Адамович уже ушел из жизни. Во взаимных, совершенно независимых оценках каждого из них было столько личной скромности и уважения друг к другу, что вспоминаю об этом как о редком примере подлинной интеллигентности.

– Мы с Адамовичем, – рассказывал Эдуард Ваганович, – работали по этой программе на самой ранней стадии. Адамович – великий был человек. Считай, что кабина – это его работа! Делали многое мы вместе, но идея, идеология – были его! Я ему помогал. Кабина наша была проще, чем у англо-французского “Конкорда”, – благодаря Адамовичу, благодаря ближайшему туполевскому сподвижнику Л. Л. Керберу, который смело пошел на наши предложения.

Елян несколько лет просидел в ОКБ, занимаясь 144-й, – задолго до того, как стали выбирать командира на первую опытную машину. Он много работал с конструкторами, особенно

со специалистами по управлению самолетом. На макете самолета и стендах они корректировали положение кнопок, тумблеров, форму пультов управления кабины, уточняли параметры различных систем. Те, кто хорошо знает это, говорят, что Еяна можно считать не только первым летчиком самолета Ту-144, но и полнокровным создателем этой машины!

Э. В. Елян и Г. А. Амирьянц
у самолета Ту-144

Эдуард Ваганович всегда восхищался 144-й и ее летными характеристиками, однако никогда не выделял особо какие-либо детали первого испытательного полета машины. Но те, кто встречал экипаж после того исторического полета, отметили совершенно непередаваемые удовлетворение и одухотворенность командира экипажа. Ведь это был первый, вполне удачный итог огромной работы. Естественно, Елян очень переживал впоследствии, что 144-я оказалась единственной машиной, получившей сертификат летной годности и не пошедшей на пассажирские перевозки. Но от него мало что зависело. Он был уверен, что, если бы был жив Андрей Николаевич Туполев, все было бы иначе, но это – особая тема. У страны не хватило экономической мощи и общей организованности, чтобы из чисто политической программы сделать коммерчески выгодную. Создавая Ту-144, мы научились решать сложнейшие научно-технологические проблемы в авиации. (Этот опыт позволил и ЦАГИ, и ОКБ Туполева продолжать работу в этом направлении и в последующие годы; в частности, туполевцы работали над проектом административного сверхзвукового самолета Ту-444.) Но, создавая Ту-144, мы не смогли соразмерить требовавшиеся при этом усилия с насущной необходимостью улучшить быт и самочувствие людей страны социализма, поправить плохие дороги, “поднять” безнадежно отставшее сельское хозяйство, ужать непомерно раздутую оборонку...

Самолет Ту-144 залетал только много лет спустя, в 1996 году. Но, главным образом, уже не для нас. Самолет, простоявший на приколе много лет, понадобился американскому агентству по аэронавтике и космическим исследованиям – NASA для изучения перспектив создания в США сверхзвукового пассажирского самолета второго поколения – СПС-2.

Большое практическое значение приобрела другая совместная творческая работа Адамовича и Еяна. Когда наши самолеты стали активно продавать за рубеж, выяснилось, что имевшиеся руководства по летной эксплуатации – РЛЭ использовать в полете практически невозможно. В них было все, однако оперативно найти нужное было крайне затруднительно. Елян и Адамович составили инструкцию для летного экипажа – ИЛЭ, удобную для использования в полете, и ввели раздел “особые случаи”.

М. В. Козлов, В. Н. Бендеров, Э. В. Елян, Ю. Т. Селиверстов

Структура и качество наших ИЛЭ стали соответствовать международным требованиям.

В 1975 году, после катастрофы Ту-144 с экипажем М. В. Козлова на парижском авиасалоне 1973 года, Елян с Горюновым показывали в том же Ле-Бурже свою программу демонстрационных полетов на Ту-144, после чего зашли на посадку. Перед самой полосой, метров за триста до нее, они вдруг увидели поднимающуюся с полосы большую стаю голубей! Подошли к торцу полосы, и все переднее стекло кабины оказалось залепленным кровью и крыльями птиц. Сажать и рулить Елян мог, лишь наблюдая через форточки. Зарулив, Елян немедленно поехал к руководителю полетов.

– Это был рыжий француз, похожий на трафаретного эсэсовца. Это была та же сволочь, которая заводила меня в 1971 году на посадку, путая лево с право. Я посадил его в машину, и мы поехали осмотреть место на полосе, где увидели насыпанные зерна и побитых белых откормленных голубей размером с курицу! Очевидно, кому-то надо было еще что-то натворить! Кто-то упорно

преследовал цель, чтобы второй раз случилось неладное: двигатель разрушился бы или что похуже... Я, в свое время, во Владимирке, на МиГе-19, на взлете влетел в стаю воробьев. Так я не знал, как мне сесть! Не видно ничего! Все остекление залито кровью, перьями. Кое-как с помощью “земли” зашел и еле сел...

Эдуард Ваганович, вспоминая разные обстоятельства летных испытаний 144-й, в том числе и самые драматические, говорил неизменно о высоких профессиональных качествах инженеров В. Н. Бендера и Ю. Т. Селиверстова. Они оба как члены экипажа участвовали в испытаниях Ту-144 начиная с первого вылета. Елян ходатайствовал перед Д. Ф. Устиновым о присвоении им звания Героя Советского Союза. В том, что касалось любых происшествий со 144-й, тем более катастроф, особенно второй, Эдуард Ваганович никогда не снимал ответственности с себя, даже если она была явно косвенной.

– В пожаре 144-й в сдаточном полете я виню себя, – говорил мне Елян. – Виноват, потому что не воспитал бортинженера, который мог распознать опасность. В. Н. Бендера воспитал, и он нас выручал. А другого – не воспитал.

Эдуард Ваганович имел в виду, в первых, аварийную посадку в Варшаве, когда большую утечку топлива (вследствие разрыва топливопровода) экипаж обнаружил. Тогда Елян, как рассказывал мне Ю. Т. Селиверстов, хладнокровно посадил машину.

Во-вторых, Эдуард Ваганович имел в виду аварийную посадку на Ту-144 под Егорьевском.

Э. В. Елян, Ю. Т. Селиверстов, Г. А. Амирьянц, 2010-е годы

Э. В. Елян

Тогда подобную же утечку топлива инженеры не заметили, и при запуске вспомогательной силовой установки возник сильнейший пожар. Первый пилот летчик-испытатель ГосНИИ ГА В. Д. Попов и Э. В. Елян, сдававший ему усовершенствованную машину Ту-144Д, сажали ее, охваченную пламенем, не теряя ни на мгновение контроля над ситуацией и выдержки. Машину при посадке на поле спасти было невозможно; к несчастью, тогда погибли бортинженеры О. А. Николаев и В. Л. Венедиктов.

О пожаре и аварийной посадке на Ту-144 Попов рассказывал мне так:

– Мы с Еляном выполняли полет во вторник 23 мая 1978 года. Взлетели, подлетаем к Егорьевску, ничего не подозревая. А в это время на земле уже видели, что за нашим самолетом тянется шлейф пламени примерно такой же длины, что и самолет. Показания приборов, в том числе и горевшая лампочка “пожар двигателя” – сначала одного, а потом второго, – особого беспокойства у нас не вызывали. Такое уже бывало нередко, и мы оперативно включали соответствующие системы пожаротушения. Мы начали спокойно разворачиваться для возвращения на свой аэродром, и в это время в кабину повалил черный дым. Позже выяснилось, что из баков вылилось около 10 тонн топлива и оно загорелось в отсеке, где не было датчиков пожара. Дым в кабину все прибывал. Не было уже видно приборной доски. Я показал налево и сказал: “Будем садиться на эту поляну!” Впереди под нами находилась деревня, а за ней, перед той поляной – лес. Стало быть, сесть надо за лесом, дотянув до поляны. Взял я на себя штурвал, резко уменьшил вертикальную скорость. Деревья, словно гигантские барабанные палочки, стучали по самолету, пока мы не вылетели из этого леса. Дали команду инженерам переместиться в хвост самолета как наиболее безопасное место. После “посадки” я, как и Елян, выскочил через форточку и вишу! Тишина. Небо голубое, вода синяя, трава зеленая, дым черный. Машина горела,

но не взорвалась. Я вишу вниз головой и думаю, что же я вишу? Бежать надо! Уперся ногами в борт и сумел оторвать шланг скафандра, связанный с креслом (потом уже на фирме человек десять никак не могли разорвать этот самый шланг)...

Мне довелось слышать запись переговоров на борту. Трудно было разобрать голоса. Но ясно слышно, что Елян, к которому сидевший на левом, командирском кресле Попов обращался как к командиру, увидев в дополнение к речевому информатору также мигающую лампочку сигнализатора пожара, сразу принял решение возвращаться на собственный аэродром. Для этого надо было разворачиваться на 180°. Попов, подбадриваемый Еляном, начал разворот с глубоким креном влево. Елян, находившийся на постоянной связи с членами экипажа и с командно-диспетчерским пунктом (КДП), попросил разрешение на посадку с ходу и попросил приготовить на аэродроме противопожарные средства. Одновременно он пытался узнать у инженеров, на каком двигателе продолжается полет, после того как поступили сообщения о пожарах трех двигателей. Примерно через две минуты после запуска вспомогательной силовой установки (ВСУ) он дал команду “закрыть кондиционирование” – очевидно, в кабину стал уже поступать дым...

Сообщения членов экипажа (об использовании средств пожаротушения, об отключении двигателей, об отключении генераторов, о положении самолета относительно приводов аэродрома, характер обмена информацией с КДП) свидетельствуют об абсолютном спокойствии на борту. Даже в такой ситуации, когда в любую секунду машина могла взорваться, Елян не позволил себе обойтись без слова “пожалуйста”! Никакой паники на борту не было, все (и летчики, и инженеры, и штурман, и руководитель полетов на КДП) хладнокровно работали... Вот поразительный пример высшего профессионализма и мужества. И еще: и правый, и левый пилоты после той катастрофы всегда отдавали должное друг другу в той критической ситуации...

Среди туполевских летчиков всегда выделял Эдуарда Вагановича Ельяна штурман-испытатель В. С. Паспортников. Они были близкими друзьями – как и их семьи. Владимир Степанович рассказывал:

А. А. Туполев (в центре)
и Э. В. Елян (слева)

– С Эдиком мы нередко летали в одном экипаже. Летал он изумительно. Если кто-то и говорит что-то иное – это неправда! Почему к нему отношение многих неровное? Да потому, что у него очень твердый, строгий характер. Он не терпел разболтанности – ни малейшей! Если даже требования его были честны и справедливы, далеко не всем это нравилось. Потому многие его недолюбливали, тем более –

ровесники. Эдика Еяна очень уважал Андрей Николаевич Туполев. А он-то разбирался в людях. У них были очень простые человеческие отношения...

Летчик-испытатель и писатель Виталий Баскаков говорил:

– В Еяне было что-то гениальное. Когда я летал, я это не понимал так, как понимаю сейчас. Все, кто в нашей службе мнили о себе великое, не могли и близко сравниться с Эдуардом Вагановичем. Он мог создать и поддержать дух, и фирма была при нем на высоте. Елян ушел, и все исчезло. Все сразу разобшились, и летной службы не стало. Он находился на гораздо более высоком уровне видения и понимания широкого спектра проблем летных испытаний, нежели его товарищи. Его видение в значительной степени выходило за пределы летной службы. Если судить по его вкладу в решение проблем фирмы и авиации в целом и по его уровню компетентности, Елян – это фигура в масштабе страны. Елян был выше суеты, амбиций, эмоций, выше личного и частного. Им руководили общие интересы, интересы общего дела.

Наш коллектив по уровню своей сплоченности был похож на нашу страну в начальные годы перестройки, когда общество оказалось полностью разобщенным. Держать в руках такой коллектив было очень сложным делом. Еяну это удавалось: он ви-

дел ситуацию с уровня генерального конструктора и мог брать на себя решения, касавшиеся многих... Елян был мудр, отдельные его высказывания и напутствия работают во мне до сих пор. Единственное, о чем я сожалею, общаться с таким глубоким, светлым человеком довелось немного. Я думаю, что его “уничтожили” только потому, что он был настолько выше остальных, что эту высоту мало кто мог понять.

Наверное, слово “уничтожили” слишком сильное. Елян, потеряв взаимопонимание с товарищами-туполевцами, перешел работать на фирму Микояна. Достиг там новых высот, в новом деле летных испытаний. А когда, годы спустя, после разлуки оказывался в кругу туполевцев, то попадал в объятия тех, кто сохранил искреннее уважение к нему. Столь же радостными при встрече были бывшие летчики-испытатели микояновской фирмы: начальник лётно-испытательного центра ЛИИ А. Н. Квочур и шеф-пилот ОКБ А. С. Яковлева Р. П. Таскаев. Оба были благодарны Еяну за помощь, которую он оказал им при освоении работы по морской тематике, на авианесущем корабле. О той работе, потребовавшей и от него глубокого проникновения в совершенно новое для нас дело, с большим удовлетворением вспоминал и сам Эдуард Ваганович.

Видя Эдуарда Вагановича Еяна в бурной жизни, слушая его рассказы о былом, рассказы столь же глубокие, столь же умные и остроумные, сколь и скромные, невольно ловил себя на нескольких мыслях. Перед тобой, конечно же, уникальный человек – глубокий, обаятельный, внимательный. Когда в мае 2006 года не стало одного из лучших туполевских летчиков-испытателей Сергея Тимофеевича Агапова, Елян примчался на своем автомобиле из Ростова в Жуковский, чтобы вместе с немногими уцелевшими друзьями проводить в последний путь общего любимца.

Эдуард Ваганович всегда жил заботами о других: родных, близких, друзьях. Перед тобой был не былинный богатырь, скорее человек хрупкого физического сложения, но это была – глыба духа. Эдуард Ваганович Елян – летчик, который вошел в мировую авиационную историю, человек исключительных заслуг перед своей страной, перед своим народом – и не только перед ними. Но при всем при том он был на редкость простым и доступным. Такие герои, люди особого мужества и особой силы,

высокой культуры, глубоких знаний, преданности общественным ценностям – истинные герои, и народ, как бы ни пудрили ему мозги тем, что сегодня нет настоящих героев, знает, что они есть и что их нельзя путать с дутыми звездами, каких немало на нынешнем небосклоне».

У нас в гостях – родной человек

**Константин Иванович
МАЛХАСЯН**

Константин Иванович Малхасян – это легендарный советский авиационный штурман. Родился он в 1917 году в Ереване. В 1929 году стал чемпионом Армении по авиамodelьному спорту. После окончания в 1937 году школы летчиков-инструкторов Осоавиахима работал штурманом-радистом в ГВФ. В январе-декабре 1944-го он – начальник связи флагманского корабля командующего авиацией дальнего действия Главного маршала авиации А. Е. Голованова. В качестве второго штурмана на самолете DC-3 он участвовал в доставке советской делегации во главе с И. В. Сталиным на Тегеранскую конференцию. В 1946–1953 гг. он – флаг-штурман корабля командующего Дальней авиацией. В 1953–1966 гг. в качестве штурмана-испытателя ОКБ А. Н. Туполева он участвовал в испытаниях боевых самолетов Ту-4, Ту-16, Ту-95, Ту-98, Ту-128 и пассажирских самолетов Ту-104, Ту-114, Ту-124, Ту-134. В 1966–1996 гг., по возвращении на Родину, он – заместитель начальника – флаг-штурман Управления Гражданской авиации Армении. В 1990-х годах участвовал в боевых действиях в Нагорном Карабахе.

Он воевал еще в Китае, потом – в Финскую и Отечественную войны. После окончания Великой Отечественной войны Малхасян, работая в ОКБ Туполева, участвовал в установлении 25 мировых авиационных рекордов. Он был представлен

А. Н. Туполевым к званию Героя Советского Союза за первый подъем, испытания и внедрение в боевые части ракетного сверхзвукового комплекса Ту-128. В то время считалось, что Героем может быть только летчик. Малхасяну дали тогда боевой орден Красного Знамени в дополнение к его 10 боевым орденам и 20 медалям. Его несколько раз представляли к званию Героя и потом...

Однажды заслуженный летчик-испытатель СССР Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай сказал мне:

– Я встречался и был дружен со многими вашими земляками. Я знал Сергея Ивановича Агаджанова – директора крупнейшего горьковского авиационного завода, знал генерала Вартаана Никитовича Сагинова, с ним контакт был в основном при испытаниях Ту-4, с шеф-пилотом фирмы Миля Рафаилом Ивановичем Капрэляном мы были просто близкими друзьями, про Константина Константиновича Арцеулова я написал книжку, которую собираются переводить на армянский язык, Костю Мкртчяна знал – мыслящий был человек. Но даже среди них на особом месте – Костя Малхасян, он был сначала бортрадистом, а потом стал отличным штурманом...

Марку Лазаревичу Галлаю вторил известный штурман-испытатель туполевского ОКБ В. С. Паспортников:

– Костя Малхасян – бывший радист. Когда на Ту-4 радиокompас перенесли на место штурмана, он перешел на место штурмана. У Кости был особый характер. Он был необыкновенно дотошлив, пунктуален. Он справлялся вполне со своими обязанностями...

Константин Иванович происходил из интеллигентной семьи. Его отец, Иван Амбарцумович, выпускник Тартусского университета, был юристом, а мать, Ольга Рафаэловна, происходившая из потомственных дворян, была учительницей музыки. Константин родился в Москве в 1916 году, а в 1917-м семья переехала в Эривань. Отец воевал в 1918 году против турок при Сардарапате и умер в 1919 году от тифа.

Впервые Костя Малхасян увидел самолет в 6–7 лет. Это произошло во дворе русского православного храма в Ереване на выставке самолетов Первой мировой войны. Впечатление от «Фармана» и «Блерио» было непередаваемым. Костя увлекся авиамоделизмом, в конце 20-х годов был одним из первых чемпионов Армении в этом виде спорта, а начиная с 1930-го подлетывал на

планере, который запускался с помощью резинового амортизатора и... верблюда; в 1934 году он был одним из первых участников чемпионата Армении по планерному спорту.

Параллельно Малхасян стал посещать кружок радиолюбителей. Вскоре он собрал свою первую коротковолновую передающую станцию и получил официальное разрешение устанавливать радиосвязь с любым радиолюбителем мира. Позывные его передатчика узнали во многих странах. Успехи его в радиоделе были столь значительны, что в 1933 году энергичному и смышленому юноше доверили возглавить службу связи нового ереванского аэропорта «Южный».

Константин не оставлял мечту стать летчиком и вскоре выполнил свой первый самостоятельный полет – как и его близкий друг Сергей Бурназян, которого он помнил всю жизнь: Сергей в войну сбил 25 самолетов противника, стал Героем Советского Союза и погиб на земле, в поезде, попавшем под бомбежку, при возвращении из отпуска...

В 1937 году после завершения двухлетней учебы в школе летчиков-инструкторов Малхасян переехал в Москву и стал летать на линиях Москва – Ашхабад и Москва – Ташкент на гражданском, пассажирском варианте самолета ТБ-3.

В 1937 году он принял участие в боевых действиях в Китае. В течение года он летал, в частности, на самолете, специально оборудованном для высотных полетов в горной местности, из СССР в Китай, в Урумчи. В одном из полетов в районе озера Иссык-Куль самолет, пилотируемый опытным командиром А. И. Игнатовым, попал в сложные метеорологические условия, обледенел и посыпался с высоты около 6000 метров с отказавшим оборудованием. На высоте около 3000 метров машина врезалась в склон горного хребта и разрушилась. Невероятно, но никто не погиб. Тяжелораненых, но живых членов экипажа спасли чудом оказавшиеся рядом (и на лошадях) советские пограничники.

Полеты в Китай на другом уже самолете продолжились, тяжелых аварий не было, но вынужденные посадки случались. Малхасян летал вторым пилотом, а потом увлекся штурманским делом. Через год работы в Китае, в конце 1938 года, он окончил курсы штурманов при Главном управлении ГВФ, и его

К. И. Малхасян (справа сверху)
среди коллег во главе с маршалом А.Е. Головановым (в центре)

направили в Московское управление ГВФ, где он встретил войну с Финляндией.

Воевал он на военно-транспортном самолете DC-3, который использовался для целей разведки (в основном – ночной), а также для снабжения наших войск с воздуха. Не раз они садились на территории противника, на замерзшие озера, вывозили таким образом раненых и снабжали продуктами и боеприпасами наших танкистов, застрявших в глубоких снегах.

Однажды с Малхасяном и его экипажем произошел необычный случай. На бреющем полете на высоте 10–15 метров взорвался котел парового отопления кабины, она заполнилась сплошным паром: не стало видно ни приборов, ни земли. От неминуемой катастрофы спасло то, что пилоту удалось набрать высоту и «сбросить пар» через выбитый взрывом люк...

Старший лейтенант Малхасян воевал в Финляндии под началом будущего Главного маршала авиации А. Е. Голованова (правда, в то время еще не в его экипаже) и получил по окончании войны свою первую и особенно памятную награду «За боевые заслуги».

Беликую Отечественную войну старший лейтенант Малхасян начал в особом полку дальних бомбардировщиков. Этот вновь сформированный 212-й отдельный дальнебомбардировочный полк возглавил подполковник А. Е. Голованов. Первоклассный летчик ГВФ, он до работы в «Аэрофлоте» служил в пограничных войсках и командовал крупным соединением. В 1933 году он окончил летную школу при ЦАГИ, в «Аэрофлоте» летал командиром отряда, руководил территориальным управлением ГВФ, а затем участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и, как уже говорилось, – на Карельском перешейке. Начальником связи 212-го полка был назначен один из лучших радистов Советского Союза старший инженер Н. А. Байкузов. Первоклассный специалист по дальней связи и радионавигации, он отлично выполнял в самых сложных полетах обязанности радиста и штурмана. Это имело особое значение. Ведь полку была поставлена задача в кратчайший срок добиться, чтобы экипажи были способны днем и ночью, в любых погодных условиях наносить бомбовые удары по глубокому тылу противника. Главное же: накопленный опыт полетов в сложных метеоусловиях с использованием радиотехнических средств самолетовождения предстояло оперативно передавать в другие части дальнебомбардировочной авиации, поскольку соединения ВВС в ту пору в трудных погодных условиях не летали. Такова была главная задача, которую поставил перед новым полком и его командиром А. Е. Головановым лично И. В. Сталин.

Открытый и прямой человек, Голованов прекрасно разбирался в людях, безошибочно определяя их способности и деловые качества. Наверное, неслучайно в экипаж DC-3, в ту пору командира полка Голованова, вошли лучшие: Михаил Вагапов, Константин Малхасян, Константин Тамплон.

В книге своих воспоминаний один из ближайших сподвижников Голованова в военную пору полковник Н. Г. Богданов писал: «Мы дружили с Костей Малхасяном. Плечистый красавец, горячий, как большинство кавказских людей, он всегда был в гуще споров. Прекрасный радист, он мало в чем уступал своему учителю Байкузову. Впоследствии он стал выдающимся штурманом-испытателем, ему было присвоено почетное звание заслуженного штурмана-испытателя СССР».

Богданов вспоминал один из бытовых эпизодов. В самую последнюю минуту перед своим боевым вылетом он обнаружил вдруг, что забыл надеть реглан. Бежать за ним в лагерь не оставалось времени, но, к счастью, рядом оказался Костя Малхасян, предложивший другу свой реглан.

– Реглан его был мне велик, – вспоминал Богданов, – он сам помог мне одеться, удобнее заправить широкие полы, которые и после заправки несуразно торчали из-под лямок парашюта. Когда я, забравшись на крыло самолета, сел в кабину, Костя пошутил: «Николай, ты похож на горного орла, распластавшего крылья» – и закончил серьезно и тепло: «Ну, ни пуха ни пера!»

После боевого вылета рукава и полы реглана летчика во многих местах оказались пробитыми пулями, только плечи и спина, прикрытые в полете броневой спинкой сиденья, остались целыми. Летчик чувствовал себя неловко – как возвращать Косте его любимое кожаное пальто в таком виде. Конечно, летчик волновался напрасно.

– Больше всех, – рассказывал он, – рад был моему возвращению Костя Малхасян. Про реглан он равнодушно сказал, что он может теперь пригодиться для истории. По случаю моего «воскрешения» Костя налил нам по чарке спирта...

В 1942 году генерал-майор авиации Голованов возглавил авиацию дальнего действия страны, и вплоть до окончания войны рядом с ним в одном экипаже воевал Константин Малхасян.

Малхасян выполнял самые различные боевые задания – на самолетах DC-3, ДБ-3Ф (Ил-4), Б-25 (в 1942 году он участвовал в перегонке этих американских самолетов, поступавших к нам по ленд-лизу, на фронт с Аляски и из Ирана).

Однажды мотор его самолета отказал, при вынужденной посадке самолет, особенно его носовая часть и кабина, получил серьезные повреждения. Экипаж спасло давнее увлечение Малхасяна, каким оставалось радиолюбительство. Пять суток в тридцатиградусный мороз, без еды экипаж не имел связи с внешним миром, пока Малхасяну не удалось починить радиостанцию.

Его долгая жизнь обросла легендами. Рассказывают (возможно, ту же самую историю, но несколько иначе) о том, как он починил рацию... Будто бы это был пассажирский рейс и летел он в Китай... В то время как пассажиры сдирали и сжигали

обивку кресел, чтобы согреться, Малхасян, не общаясь ни с кем, долго возился с рацией, починил ее и, связавшись с командованием, сообщил, где они находились...

Малхасян многие годы летал штурманом в экипаже А. Е. Голованова. В 1944 году майор Малхасян был уже флагштурманом командующего дальней авиацией Главного маршала авиации А. Е. Голованова. Их экипажу доверяли перелеты самых важных «пассажиров»: маршалов Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, маршала Югославии И. Б. Тито. Именно этот экипаж участвовал в доставке правительственной делегации во главе с И. В. Сталиным на Тегеранскую конференцию 1943 года.

Человек на редкость скромный, Малхасян предпочитал о своих былых заслугах особо не распространяться. Он был человеком самодостаточным и, как говорил знаменитый туполевский бортрадист К. А. Щербаков, не «артельским». Щербаков вместе с Малхасяном и В. Ф. Ковалевым в качестве командира экипажа поднимал впервые самолет Ту-98. Испытания важной машины, предшественницы сверхзвукового перехватчика Ту-128, были очень напряженными: достаточно сказать, что в 48 испытательных полетах потребовалось сменить 48 турбореактивных двигателей А. М. Люльки – настолько они были не доведенными. Несмотря на повседневное общение, Щербаков не знал о полетах Малхасяна в составе экипажа Главного маршала авиации. Даже летавший с Константином Ивановичем в Америку ветеран заслуженный летчик-испытатель СССР И. К. Вединер не знал о полетах Малхасяна по особо важным заданиям, в частности и в Тегеран в 1943-м. О том, как это было, мне рассказывал, со слов Константина Ивановича, его брат, известный московский хирург, академик АМН, профессор Арнольд Арамович Адамян.

Самолет DC-3

Экипаж их самолета Дуглас DC-3 получил задание – лететь в Баку. Не было при этом никакой подготовки и ничего не говорилось о цели этого полета. По прилете в Баку тут же они получили приказ перелететь на другой аэродром. Перелетели в какое-то пустынное место. Малхасян как штурман еще в воздухе обратил внимание на то, что недалеко проходит железнодорожная ветка. И от нее к этому аэродрому ведет асфальтированная дорога. Был дан приказ – самолет не покидать. Весь экипаж сидел на своих местах и ожидал, чем все это закончится. Подошел небольшой поезд, состоявший из двух-трех вагонов. Остановился. И вскоре оттуда подъехал к аэродрому автомобиль ЗиС-101. Вокруг были военные, и при приближении машины генералы забегали по полю, как мальчики. Один из них со свитой вошел в самолет. Как потом понял Малхасян, это был генерал КГБ. Довольно поверхностно обшарили весь самолет, не особо заглядывая во все щелочки. Войдя в кабину пилотов, генерал спросил, кто штурман. Малхасян представился, и генерал, вручив ему конверт, сказал: «Вскрыть после того, как наберете высоту! С пассажиром – не беседовать!» С этими словами он вышел, а к этому времени к самолету подъехал ЗиС-101. Сверху из кабины самолета Малхасян увидел, что из машины выходит Иосиф Виссарионович – не узнать его было невозможно. Первая мысль, которая промелькнула у штурмана, как он вспоминал, была крамольной: наверное, решил «драпануть!» Дела наши на фронте тогда были не очень хороши. Но тут же штурман отбросил эту мысль, настолько уверенно и достойно шел к самолету вождь. Поднявшись в самолет, Сталин поздоровался с экипажем. Несмотря на запрет, члены экипажа ответили: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Он был со свитой, они ушли в свой салон, никакого общения больше не было.

Взлетели, после набора высоты Малхасян вскрыл конверт и прочел: место назначения – Тегеран. Их сопровождало шесть истребителей. По прибытии в Тегеран летчиков отвели в какой-то громадный зал. За стеклянной стеной они увидели, как английские летчики в рубашках с короткими рукавами и в лакированных туфлях весело общались между собой. А наши летчики в жуткую жару были одеты совсем не по погоде – почти в унтах и в рабочей теплой одежде, в которых летали и на Север! Нашему экипажу выдали вскоре английскую форму без погон, в которой они провели все время пребывания в Тегеране. Была пущена

«утка», что Сталин на том же самолете вернется домой. Самолет усиленно охранялся. Экипаж был рядом и не покидал аэродром. Но это была сознательная дезориентировка противника: Сталин уехал из Тегерана поездом. После этого экипаж улетел из Тегерана и приземлился в Ереване.

Арнольд Арамович вспоминал:

– Константин Иванович приехал к нам домой. Он очень любил пошутить, любил рассказывать анекдоты, веселые истории. Так вот, прилетев из Тегерана, он прикинулся больным и пришел к маме-стоматологу на прием домой. Мама в страхе от незнакомца сказала: «Приходите в поликлинику – я дома не принимаю...» (Хотя в годы войны она позволяла себе это, чтобы кормить семью, – с людьми знакомыми.) Диалог этот продолжался, пока Костя не заулыбался. В тот его приезд я впервые увидел необычный иранский рис, он привез нам его полмешка. Бабушка быстро приготовила плов. Константин Иванович пробыл у нас всего несколько часов и улетел...

– У нас, – продолжал Арнольд Арамович, – двойное родство: его отец и моя мама – двоюродные брат и сестра, то есть мы – троюродные братья. По отцовской линии родство более отдаленное, но мы – в родственной связи с дважды Героем Советского Союза Нельсоном Степаняном. Двоюродная сестра Константина Ивановича – скрипачка с мировым именем Анаит Цицикян... Среди его родных – инженеры, врачи, глубокие интеллигенты. Костя рос без отца, парень-сорвиголова, он не был домоседом, но с шантрапой не связывался, рос самостоятельным и впитал внутреннюю культуру своего семейного окружения.

Командиром экипажа DC-3 был полковник В. Г. Грачев, а К. И. Малхасян был в этом экипаже вторым штурманом. С 1944 по 1955 год он был уже флаг-штурманом командующего дальней авиацией Главного маршала авиации А. Е. Голованова.

В моей книге о выдающемся летчике-испытателе туполевского ОКБ М. А. Нюхтикове есть такие строки: «Во многих испытательных полетах, в одном экипаже, рядом с Нюхтиковым работал штурман-испытатель К. И. Малхасян. С Малхасянами Нюхтиковы жили в одном доме в Жуковском. Так что Михаил Александрович и Константин Иванович Малхасян частенько вместе ходили на работу.

К. И. Малхасян,
1990-е годы

– Он был очень хороший штурман, никогда не блуждал и абсолютно точно вел по карте, – говорил Нюхтиков. – Летали мы и на Ту-95, и на Ту-114, и на Ту-104 – на всех наших машинах. И человек он был интересный. Мы дружили. С ним было о чем поговорить, потому что у него тоже было что вспомнить. Почему-то в памяти всплывает его рассказ о том, как взрослые однажды – раз и навсегда – отучили их, ереванских пацанов одного из домов, от хулиганства и шкоды. В своем собственном доме они били лампочки, мусорили, шумели на крыше. На этой самой крыше – месте постоянных сборов – взрослые однажды, закрыв все выходы, хорошенько отвалтузили «своих» и «чужих» оболтусов – без разбору, но с объяснением причины...

Я как-то спросил у А. П. Якимова, бывшего в свое время шеф-пилотом фирмы Туполева:

– А кто же у вас самые-самые сильные штурманы. Самые толковые, спокойные, хладнокровные, умелые? Или летчик сам дол-

жен быть хорошим штурманом?

– Ну, так это всегда так было. И должно быть! С ходу и не скажешь, кто самый-самый. Был у нас старшим штурманом Михаил Андреевич Жила – бывший военный штурман. Суетливый такой, шумливый человек, но как штурман – выдержанный, толковый, знал свое дело... Сикачев – отличный штурман. Силенко – слабоватый. Не проявлял высокомерия или еще чего-то недоброго. Паспортников – это отменный штурман. Спокойный, грамотный. Штурман всех статей! Гавриленко. Он погиб с Алашеевым. Хороший штурман... Костя Малхасян – штурман, с которым мы летали в Америку. Этот – тихий, как говорят, спокойный, в драки не влазил...

Когда я рассказал об этих оценках старейшему штурману-испытателю туполевцев Наталье Борисовне Морской, она согласилась с ними, но добавила:

– Костя Малхасян был не сильным штурманом. Он был сильнейшим среди всех наших штурманов. У нас говорили в зависимости от ситуации: «Самый умный среди армян – это Костя Малхасян» или: «Самый храбрый среди армян – это Костя Малхасян». И притом при его опыте, знаниях и умении он был очень скромным: достаточно сказать, что то, что главным штурманом у нас при нем был М. А. Жила, это Костю абсолютно не трогало, он был самодостаточен, и его авторитет был бесспорным...

Весьма опытным штурманом из «Аэрофлота» (уже с налетом в 10 тысяч часов), по направлению великого М. М. Громова, бывшего тогда начальником управления летной службы Министерства авиационной промышленности, Н. Б. Морская прибыла на испытательную базу ОКБ А. Н. Туполева в Жуковском. Наталья Борисовна вместе с матерью несколько лет прожила в гостинице «Дружба» Жуковской летно-испытательной и доводочной базы ОКБ – ЖЛИиДБ. Она, несомненно, уникальное явление: штурман-испытатель боевой авиационной техники – женщина, испытывавшая стратегические комплексы Ту-95 и Ту-96! Такого не бывало! Работа и жизнь в очень непростом мужском коллективе, занятом сложнейшим и важнейшим делом создания «сдерживающего» стратегического щита страны (да и гаранта длительного мира на земле, как показали последние десятилетия), были чрезвычайно напряженными. Она, профессионал, лучше других видела всегда особый штурманский талант, колоссальный опыт и заслуги Малхасяна, которых нет и в помине даже у иных современных штурманов-испытателей, пусть и Героев. Мало того, она добавляла:

– Костя был и очень порядочным, скромным, интеллигентным человеком: я не видела его выпившим, он был человеком широких интересов, у него была замечательная жена, Офик, с которой я долго переписывалась, когда Малхасяны переехали в Армению... Семья Малхасянов, жившая по соседству, стала родной для меня, я часто бывала у них (практически – только у них): здесь было интересно, тепло и сердечно...

А. П. Якимов годы проработал рядом с Малхасяном и прекрасно знал, что, помимо комплекса перехватчика Ту-128, штурман принял самое активное участие в не менее важной работе по первым испытаниям других самолетов: стратегического бомбардировщика Ту-4, «Бычка», Ту-104. Якимов вспоминал:

– Чуть ли не маршал Голованов оказал Малхасяну содействие в переходе на испытательную работу в ОКБ Туполева. Как-то Голованов в разговоре со мной спросил: «Ну, как там мой посланец?» Дело свое Костя Малхасян знал. На Ту-114 я сделал с ним первый вылет в 1957 году, и два года (!) мы доводили машину. Экипаж слаженный, толковый. И технический состав, и инженерный. Два года – прежде чем вышли в свет – с перелетом в США руководителя страны Н. С. Хрущева. Работа длительная... Штурманом у нас был Константин Малхасян. Костя и мужик хороший, и штурман отменный, что было весьма важно в тех полетах...

В отличие от полета со Сталиным в Тегеран, о полете с Хрущевым в Америку экипаж Ту-114 был заранее предупрежден. Самолет специально готовили, и обстановка на борту была гораздо более вольная: экипаж мог общаться с руководителем страны.

В 1959 году состоялся первый зарубежный визит самолета Ту-114, пилотируемого их экипажем, – полет в Албанию, в Тирану. Н. С. Хрущев прилетал туда с государственным визитом на Ту-104. И там показывал новейший самолет Ту-114 Энверу Ходже. Оттуда экипаж во главе с А. П. Якимовым полетел в Будапешт (уже без Н. С. Хрущева), а оттуда, возвратившись ненадолго домой, направился на авиасалон, в Париж, где самолет Ту-114 представлял А. Н. Туполев. После этого экипажу поступила команда: немедленно перелететь в Жуковский и подготовить самолет к полету в Нью-Йорк – с заместителем председателя Совета министров СССР Ф. Р. Козловым. Сменили двигатели, провели профилактику, сделали контрольные полеты, налетали 25 часов и полетели (двумя самолетами) в Вашингтон.

В сентябре 1959 года на тех же двух машинах в США была доставлена еще более высокая делегация в рамках государственного визита. На первой машине (с Н. С. Хрущевым и его свитой) летчиками были А. П. Якимов и М. А. Нюхтиков, кроме них в экипаж входили летчики МГА К. П. Сапелкин и Н. М. Шапкин. Первым штурманом был К. И. Малхасян, а вторым – Н. Д. Солянов. Ведущим инженером был А. М. Тер-Акопян. На второй (запасной) машине командиром был И. М. Сухомлин, вторым – М. В. Козлов, а другими летчиками – А. Д. Калина и Я. И. Верников. Обе машины с некоторым интервалом взлетали с Внуковского аэродрома.

На второй день по возвращении из США первая машина вместе с Н. С. Хрущевым на борту вылетела в КНР. Экипаж (летчики, штурман, бортинженер, механики) был тем же самым.

Во всех этих полетах главным штурманом был Малхасян. Не обходилось и без напряженности. Другой шеф-пилот ОКБ Туполева Э. В. Елян рассказывал:

– Коля Майоров вспоминал, что, когда они летели с Хрущевым в Америку, у них над океаном кончилась связь дальняя – ни с Америкой, ни с Москвой. Андрей Николаевич Туполев радиожурналом хлестал Кольку по роже. Генеральный страшно нервничал: Хрущев на борту, Америка уже рядом, рядом летают истребители, а связи нет. Лишь через час примерно связь восстановилась...

Изнервничался и штурман К. И. Малхасян. Он вдруг обнаружил на экране локатора острова, до которых, по его расчетам, было километров 700!

– Если бы не просветы, – рассказывал он, – я бы с ума, наверное, сошел. Оказалось, с Гренландии выбросило в океан огромное ледяное поле – такого же размера, как и острова, до которых был еще час полета...

Пацаном Костя Малхасян пытался «сбежать» в Америку. Зайцем он добрался до Тбилиси, там его сняли с поезда и вернули в Ереван. Когда его допрашивали, куда он собрался бежать и зачем, он ответил: «Я видел фильм, как в Америке убивают бизонов, – я хотел увидеть это своими глазами». После возвращения из США он приезжал в Ереван, и любимая тетушка сказала ему: «Сбылась наконец мечта твоего детства...»

Малхасяна по-доброму вспоминали все знавшие его. Э. В. Елян говорил о нем:

К. И. Малхасян на Севере

– Очень порядочный человек, красивый, заслуженный. Мы с ним много летали – он настоящий профессионал. Однажды, уходя в отпуск, Алексей Петрович Якимов поручил мне выполнить испытания самолета Ту-104Е. Он обратил особое внимание на то, что надо быть предельно осторожным: самолет имел дополнительные баки, позволявшие значительно увеличить дальность его полета; главное же – возможны были сложности управления, связанные с перекомпенсацией элеронов. Вторым пилотом у меня был молодой летчик-испытатель Толя Липко, а штурманом – Костя Малхасян (он сидел внизу, впереди нас). Взлетели, убрали шасси, убрали закрылки. По мере увеличения скорости я, помня предупреждение Петровича, все время следил за усилиями на штурвале. На скорости около 400 км/час я почувствовал, что даже с помощью Толи справиться с возросшими усилиями невозможно. Затормозившись, я сказал, что будем разворачиваться и садиться. Снизил скорость до 380 км/час, выпустил закрылки немного, а Толя спрашивает: «Можно я поуправляю?» Я с Толей не летал особо, он только перешел к нам из ОКБ В. М. Мясищева, добросердечный парень, но как летчик мне незнакомый. Я говорю ему, отдавая управление: «Только поосторожнее!» Отдаю и вижу, что снизу Костя подает мне какие-то знаки. Я пытаюсь понять, что означают его жесты. И в это время вижу, что земля пошла «кувырком». Машина вдруг встала под углом градусов 90, носом вниз. Толя – совершенно бледный, белый даже, скорость возросла уже до 420 км/час! Машину потянуло вниз, а высота и без того была не более 400 метров. Я тут же дал левую ногу и кричу: «Ногу!» Мы вдвоем, давя на левую педаль, смогли «вытащить» машину на высоте около 100 метров, развернулись, приходим обратно, сели. Малхасян, оказывается, предчувствовал, что Толя мог грубо ошибиться, и сказал мне укоризненно: «Ты виноват в том, что не подстраховал Липко. Я тебе показывал жестом, зачем, мол, отдал управление...»

Как штурман Малхасян работал безукоризненно, это был профессионал высокого класса – неслучайно он всю войну пролетал в экипаже маршала Голованова. Он был самобытен во многом. В застолье не позволял себе лишнего и был убежден, что знает секрет долголетия: один лимон в день – вместе со шкуркой...

Елян увторил выдающийся туполевский летчик-испытатель Василий Петрович Борисов: как первого среди штурманов-испы-

тателей он вспомнил как раз Константина Ивановича Малхасяна, с которым летал на Ту-128 и на Ту-114: «Он был в нашем экипаже как папа. Хотя разница в возрасте у нас была не очень большая – он с 1916 года, а я – с 29-го. Толковый, надежный, рассудительный специалист...»

Хороший штурман не имеет цены в экипаже. Малхасян был особенно ценен тем еще, что воспитывал, не прикладывая к тому, казалось, особых усилий, достойную смену...

– В штурманском деле, – вспоминал, к примеру, Н. Ф. Майоров, – я многое перенял у Константина Малхасяна. Он же был у нас флаг-штурманом. Я был вторым штурманом. Оба возили важные делегации в Америку на Ту-114...

По окончании испытательной работы в Жуковском Малхасян переехал в Ереван. В Жуковском он оставил память о себе не только как отличный штурман. Его друзья-летчики в Жуковском, которые прежде предпочитали водку, вошли во вкус и стали пить хороший коньяк. И потом в шутку, конечно, стали поругивать его: карманы опустошились!

В Армении после развала СССР он получал мизерную пенсию. Пенсия была настолько мала, что он был не в состоянии оплатить телефон, и его отключили. Родные помогали ему как могли, он был благодарен и благодарен: никогда не давал повода усомниться в своем оптимизме, и даже будучи уже глубоким стариком, старался шутить, как и прежде. Его и в Армении пытались представить к званию Героя. Там ответили примерно так: «Вы воевали за Советский Союз. Мы за него не в ответе». Друзья (и в самое последнее время) пытались обращаться также к туполевцам, но безрезультатно... Несправедливо, обидно, но, может быть, дороже самых высоких званий осталось доброе воспоминание простых людей о редкостном человеке...

Туполевы:

В. Н. Бендеров, Э. В. Елян, К. И. Малхасян

**Амик Аветович
ЕНГИБАРЯН**

Об Амике Аветовиче Енгибаряне я впервые услышал от Елизаветы Аветовны Шахатуни, главного специалиста по прочности ОКБ О. К. Антонова в Киеве. Однажды, будучи относительно молодым инженером, я поделился с ней своим желанием написать о вкладе наших соотечественников в развитие авиации. Поначалу она отнеслась к моей затее (и к моему списку героев будущей книги) без особого интереса. Но когда при ее очередном приезде из Киева в Жуковский, через год, я вернулся к своей просьбе поделиться на этот счет своими соображениями, она сказала мне только следующее:

– Я дополню Ваш список двумя фамилиями: это Амик Аветович Енгибарян, он работал раньше у Туполева, потом выделился и стал основой нынешнего Всесоюзного (ныне Всероссийского) научно-исследовательского института автоматики. Второй – приборист Сурен Тевосович Астабатьян, он работал в ЦАГИ у Г. М. Мусинянца. Оба они большие умельцы, все делали своими руками. Енгибарян – мой дядя. Амик Аветович привел меня в авиацию, много мне рассказывал о ней и увез из Еревана (я там родилась) в Москву. МАИ я окончила в 1935 г. – в первом выпуске.

Я спросил тогда Елизавету Аветовну, знала ли она Ахназарову Зою Аветовну, мою тетю, также окончившую один из первых выпусков МАИ вместе со своим будущим мужем Вартаном. Она ответила:

– Не знаю, наверное, они окончили институт позже...

Я заметил:

– Хочу, чтоб никто не канул в Лету...

Она скептически отозвалась:

– Все канет... Потом, земляков-авиаторов не так уж и много...

– Нет, немало, – возразил я. – Вы видели книгу «Развитие авиационной науки и техники в СССР» – там много армянских имен...

– Нет, не видела. Это особенность малых народов – кичиться своими достижениями.

– Как раз я озабочен другим, – заметил я. – Как сказал академик В. А. Амбарцумян, «наступило время испытания нашего народа благополучием». Народ должен не кичиться, а работать и гордиться своими тружениками. И деятели должны найти свое место.

– Да, я бываю нередко в Армении. Очень многим можно гордиться, но многое мне не нравится... Желаю успеха в вашем деле...

К сожалению, Елизавета Аветовна не увидела моей книги о Мудрецах нашего народа, и не только об авиаторах. Но она вместе со своей дочерью (и дочерью О. К. Антонова) Анной Олеговной Антоновой имела возможность познакомиться с моими книгами о летчиках-испытателях. Они даже дали весьма лестную оценку одной из них:

– Книга «Летчики-испытатели. Сергей Анохин со товарищи» доставила нам большую радость. Сергей Николаевич Анохин хорошо знаком по рассказам О. К. Антонова, по встречам с ним, по опубликованным воспоминаниям. Однако из этой книги мы узнали много нового о жизни С. Н. Анохина и других летчиков-испытателей. Книга пропитана глубоким уважением и любовью автора к этим людям. Она ценна также тем, что написана профессионалом в авиации – крупным ученым, прекрасно разбирающимся в существе того, о чем пишет.

Я надеюсь, не разочаровал бы Елизавету Аветовну и настоящей (в какой-то мере обещанной ей) книгой. Это наш вклад в святое – чтобы не канули в Лету наши истинные герои: и не только авиаторы, но и художники, писатели, музыканты, ученые, изобретатели, дипломаты, положившие свои жизни на самоотверженное служение не столько себе, своим семьям, сколько людям, своему народу... Именно они могут пробудить хоть

какую-то часть погрязших в самообольщении, успокоенности, сытости, тепле и богатстве, отстраненности от нависших над нашим народом и страной экзистенциальных угроз, усостыть хоть какую-то часть моральных и физических дезертиров с поля боя, не прекращающегося много веков. Это наше предупреждение соотечественникам: проявляя равнодушие к нашей борьбе за исконно наше место под солнцем, оставленное нам нашими предками, мы, даже вполне благополучные сегодня, заботимся не только о благополучии следующих поколений армян, наших детей, их внуков и их детей, но и об их выживании и утверждении как «особой» нации... Оно невозможно вне родной земли. Ее мы обязаны защищать всеми доступными нам средствами. Это – основной призыв нашей книги... Что касается «особости». Этим кичатся многие наши соотечественники, ничего не сделавшие для общего нашего блага, как недалекие люди кичатся собой, своим богатством, властью, связями... Но я говорю об объективной, очевидной «особости» армян и Армении, очевидной доброму, непредвзятому, благодарному и благородному взгляду людей зрячих. Такому, какой обнаруживается, к примеру, в царском «Своде статистических данных о населении Закавказского края» 1893 года, в котором армяне, имея в виду их этническое происхождение, указаны как «особое поколение»...

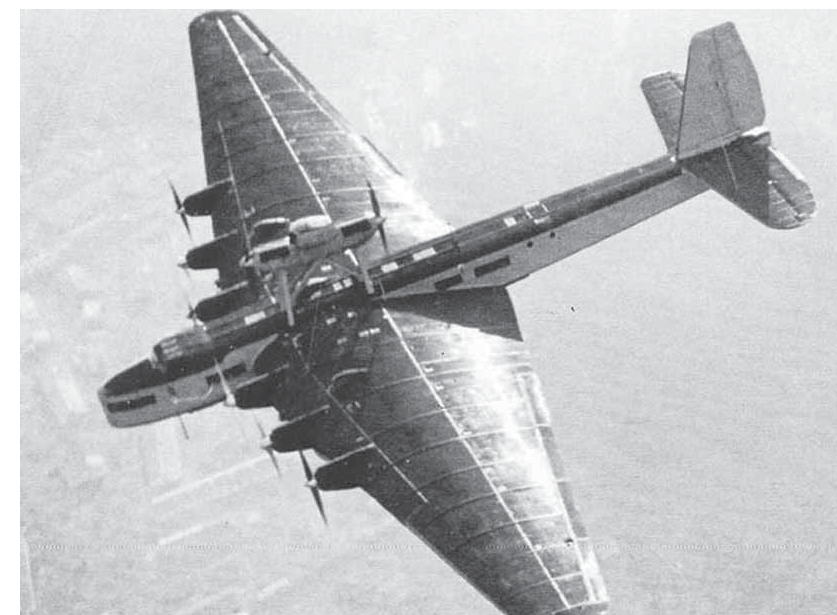
Другом планерной юности Анохиных был мой старший товарищ – замечательный инженер, авиаконструктор Павел Альбертович Ивенсен. И от него я узнал немного о Енгибаряне – в частности то, что с ним, как и с С. П. Королевым, в туполевской шараге сидел талантливый специалист по электрооборудованию самолетов, сотрудник ОКБ А. Н. Туполева Амик Енгибарян. Ничего особого сверх этого он о нем не рассказывал. А вот другой мой знакомый, инженер того же ОКБ А. Н. Туполева Максимилиан Борисович Саукке, о том же периоде вспоминал нечто гнусное. Он рассказывал мне то, о чем написал позже в своей книге «Неизвестный Туполев». Будто бы арестованный в 1937 году начальник отдела по оборудованию самолетов ЦАГИ А. А. Енгибарян был вынужден кое-что «вспомнить» на допросах, в частности о его отце – Борисе Саукке. 10 декабря 1937 года на допросе следователь задал ему вопрос: «Когда и при каких обстоятельствах вам стали известны названные лица как участники вашей

антисоветской организации?» И Енгибарян якобы ответил: «Всех этих лиц как участников организации я узнал лично в процессе проведения вредительских актов и во время получения вредительских установок от Туполева в моем присутствии...»

В нашей беседе с Максимилианом Борисовичем я высказал известное: следствия в 30-е годы велись так, что заключенные готовы были подписаться под любым обвинением. Человек мягкий и интеллигентный, М. Б. Саукке не согласился с этим, продолжая неожиданно настойчиво, а главное, публично выражать смертельную обиду именно на Енгибаряна. Хотя в своей книге он, возможно, откликаясь на мои доводы, привел все разъясняющие слова Туполева, который в заявлении от 30 января 1940 г. писал: «...Все сказанное в подписанных мною протоколах допросов в действительности ничему не соответствует и является полнейшим вымыслом... Я никакой антисоветской организации не создавал, никаких антисоветских настроений не имел, никогда никакого вредительства не вел. Ни об одном человеке из указанных в подписанных мною протоколах я ничего антисоветского не знал. Ни о какой антисоветской организации я также ничего не знал».

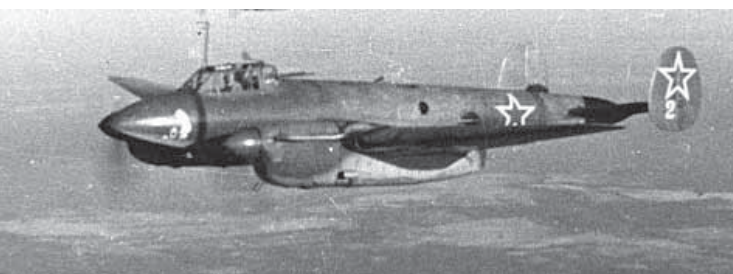
Далее Андрей Николаевич Туполев сообщил о том, что протоколы были им подписаны в результате применявшихся к нему «извращенных методов следствия»... Но в книге М. Б. Саукке, изданной тиражом в 5000 экземпляров, сохранились недобрые отрывки из «протоколов допроса» А. А. Енгибаряна. Поэтому справедливости ради приведем короткое

Самолет АНТ-20 «Максим Горький»

описание жизни и исключительных заслуг замечательного человека перед страной.

После окончания Эриванской классической гимназии (в 1917 г.) и затем МВТУ имени Н. Э. Баумана (в 1923-м) Енгибарян пришел на работу в ЦАГИ. В начале 30-х годов конструктор авиационного электрооборудования, хорошо владевший иностранными языками, Енгибарян в составе группы инженеров ЦАГИ был направлен в командировку в Германию, Англию, а затем в США. По возвращении он активно включается в разработку электрооборудования на всех самолетах, создаваемых в ЦАГИ под руководством А. Н. Туполева. Это и знаменитые гражданские самолеты АНТ-4 «Страна Советов», АНТ-14 «Правда» и бомбардировщик ТБ-5. За создание электрооборудования (в частности, прогрессивной электродистанционной системы управления) восьмимоторного гиганта АНТ-20 «Максим Горький» Енгибарян был удостоен ордена «Знак Почета».

Самолет Ту-2

В 1937 году он возглавил отдел Первого Главного управления Народного комиссариата оборонной промышленности. В том же году Амик Аветович был арестован по обвинению во «вредительской» работе и «подготовке диверсионного акта с экипажем самолета Лева-

невского» и осужден на десять лет. После почти трех лет работы в туполевской шарашке, по ходатайству НКВД СССР, он был амнистирован, досрочно освобожден и с февраля 1941 года поступил на работу на завод № 266, где в конце года стал начальником отдела, главным конструктором.

Вскоре по заданию правительства завод начал выпуск, в частности для оснащения самолета Пе-2, малогабаритных электромеханизмов дистанционного управления триммерами, шасси, тормозными щитками, автоматом пикирования, коммутационной аппаратуры и электромоторов, разработанных под руководством А. А. Енгибаряна. В 1942 году ОКБ А. А. Енгибаряна разработало новую систему автоматики управления оружием.

В дальнейшем под руководством главного конструктора завода по самолетному электрооборудованию А. А. Енгибаряна на заводе был налажен также выпуск гражданской продукции.

После окончания Великой Отечественной войны в августе 1945 года был создан Государственный союзный (опытный) завод № 25 НКАП с опытным конструкторским бюро. Первым директором и главным конструктором завода был назначен Амик Аветович Енгибарян.

Дочь Енгибаряна Елена Амиковна вспоминала:

– При отце предприятие работало как часы, потому что он был фактически един в трех лицах: и директор, и главный конструктор, да и, можно сказать, главный инженер... Схема совершенно четкая и великолепно отлаженная – разрабатывается какая-либо конструкция, опытный образец всесторонне испытывается, если все прошло удачно – запускается в серию. И так далее: сконструировали, испытали, поставили в серийное производство. Никаких внутренних и внешних согласований. И никакой ненужной беготни по заводской территории, поскольку все распоряжения от отца к начальникам подразделений передавались по селекторной связи. Я отлично помню разветвленную селекторную установку в его кабинете (отец в шутку называл ее «пианино»), которую видела, побывав однажды у него на работе. Заработная плата на заводе была очень хорошая, плюс постоянные премии...

Ничто не предвещало беды. Но необычайно жарким летом 1948 года Амик Аветович скоропостижно скончался от сердечного приступа, не дожив и до 48 лет. Дочь Енгибаряна вспоминала:

– ...23 июня было ответственное совещание в Министерстве авиационной промышленности, потом – еще несколько непосредственно на заводе, предстоят очередные выезды на испытательный ракетно-артиллерийский полигон под Ногинском. Последнее совещание закончилось уже за полночь. И тут Амику Аветовичу стало плохо прямо в кабинете. Вызвали скорую, наступило временное облегчение, а потом неожиданно – резкий приступ боли и... конец. Все произошло в считанные минуты.

Елена Амиковна предполагала, что к такой неожиданной смерти привело, помимо жары, колоссальное нервное напряжение, связанное с тем, что на Енгибаряна из-за начавшейся

антисемитской кампании постоянно давили, требуя, чтобы он уволил с завода всех лиц еврейской национальности. Амик Аветович отказывался это делать.

После ухода из жизни А. А. Енгибаряна именно завод № 25 был выбран как наиболее готовый для решения задачи особой важности – для разработки и испытаний в системе Министерства среднего машиностроения атомного оружия. Тогда, стремясь ускорить разработку новой автоматики системы инициирования ядерного взрыва, главный конструктор знаменитого впоследствии КБ-11 Ю. Б. Харитон настоял на поиске организации, способной в кратчайшие сроки взять на себя проблему создания опытной партии новой автоматики подрыва. Выбор пал на детище А. А. Енгибаряна.

Патриарх советского атомного проекта, Ю. Б. Харитон вспоминал:

– ...В моей памяти прочно держится разговор с председателем СМ СССР Г. М. Маленковым о необходимости передачи в наше министерство из Министерства авиационной промышленности опытного завода № 25, так как это позволит существенно ускорить совершенствование нашего ядерного оружия...

Так было положено начало созданию важнейшего для будущей обороны страны Всероссийского научно-исследовательского института автоматики им. Н. Л. Духова.

Сергей Петрович АВАКИМОВ

Будущий начальник Летно-испытательного комплекса Жуковской летно-испытательной и доводочной базы (ЖЛИиДБ) ОКБ А. Н. Туполева Сергей Петрович Авакимов родился в 1945 году в г. Чкалове, в семье военного летчика и санитарки военного госпиталя. Его отец, фронтовик летчик-штурмовик Петр Багратович Авакимов, в начале 1946 года демобилизовался из армии, и семья переехала на его родину, в Тбилиси, где он стал работать летчиком гражданской авиации. Любимым занятием детворы была беготня по летному полю аэродрома и близкое знакомство с прилетающими и улетающими самолетами. Все этих пацанов знали, никто их не «гонял» – тогда многие из ребят «заразились небом», как говорил о таких летных фанатах М. М. Громов. В 10-м классе Сергей поступил в Тбилисский аэроклуб и летом 1962 года совершил свой первый в жизни самостоятельный полет на планере КАИ-12 «Приморец»; занимался он и парашютными прыжками.

Поступив в МАИ, перво-наперво он также попытался поступить в аэроклуб, но безуспешно, потому что, как оказалось, перерос на целый год возрастное ограничение в 18 лет. Помог ему Михаил Васильевич Водопьянов – известный полярный летчик, один из первых Героев Советского Союза, с которым юноша познакомился через друга своего отца. Водопьянов обратился

к руководству ДОСААФ, поехал вместе с Авакимовым (при всех своих регалиях) в аэроклуб, и все разрешилось за 2 часа – студент МАИ был принят в курсанты. Летом 1965 года Сергей выполнил первый самостоятельный полет уже на самолете – Як-18А.

По окончании МАИ ему необыкновенно повезло. Он получил распределение в столь желанное (чуть ли не с детства, когда увидел показанное отцом чудо – реактивный пассажирский самолет Ту-104) ОКБ А. Н. Туполева. Попал он в подразделение систем управления в бригаду силовых приводов, здесь прошел преддипломную практику и написал дипломный проект. Здесь же, с первых шагов работы на знаменитой фирме ему довелось узнать людей выдающихся. Он рассказывал:

– По технологической части проекта меня консультировал главный технолог Семен Абрамович Вигдорчик. Перед защитой диплома он спросил, как мне нравится будущая работа. Я честно ответил, что, будучи летчиком-спортсменом, хотел бы работать на аэродроме, на летных испытаниях и потому – не в восторге от перспективы проектировать редукторы и трансмиссии, за которыми не видел самолета. Он предложил мне продолжить разговор после защиты диплома. Тогда он представил меня заместителю генерального конструктора Исааку Борисовичу Иосиловичу, курировавшему опытное производство и испытания. Встреча закончилась одобрением моего перевода в Жуковскую летно-испытательную и доводочную базу ОКБ А. Н. Туполева. Лазарь Маркович Роднянский – руководитель подразделения, куда я был распределен, и друг детства моего тестя, подписывая перевод, спросил меня: «Парень, а не сошел ли ты с ума? Ты будешь ежедневно ездить из Филей (где мы жили тогда) в Жуковский?» Я ответил, что это неудобство – мелочь по сравнению с возможностью работать на испытаниях...

В ЖЛИиДБ Авакимов попал в бригаду высотного оборудования, которой руководил Георгий Васильевич Немытов, и стал заниматься системой кондиционирования сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144, только начавшего летные испытания. Тогда же он впервые встретился с ведущим летчиком-испытателем ОКБ А. Н. Туполева Эдуардом Вагановичем Еляном, в правилах которого было постоянное общение с инженерами,

участвовавшими в испытаниях самолета. Пройдут годы, и они станут близкими друзьями, которых связывала не только важная работа, но истинное родство душ и общечеловеческая дружба.

– Первый разговор получился долгим, – вспоминал Сергей Петрович. – Командир интересовался не только результатами анализа материалов испытаний СКВ (системы кондиционирования воздуха), но и личностью молодого инженера. Была задана куча вопросов: о моих интересах, целях и планах на профессиональное будущее, о семье, о родителях. Итогом разговора было заключение: «Тебе нужно готовиться к участию в испытаниях в качестве ведущего инженера-испытателя. Я посодействую этому». Уже через 2 года я выполнил свой первый испытательный полет в качестве помощника ведущего инженера в экипаже Э. В. Еляна на самолете Ту-144. Правда, до этого полета была еще одна страница биографии: я поступил в Школу летчиков-испытателей на штурманское отделение, опять же при содействии Э. В. Еляна. Но там проучился недолго: возник конфликт с медициной – меня признали негодным к летному обучению на штурмана, но – годным без ограничений к летной работе инженером...

В последовавшей в дальнейшем интереснейшей деятельности Авакимова в качестве ведущего инженера по летным испытаниям у него были замечательные наставники – выдающиеся инженеры-испытатели Владимир Николаевич Бендеров – руководитель программы испытаний Ту-144, а также Борис Александрович Первухин.

– Считаю Владимира Николаевича Бендерова великой личностью, – говорил Сергей Петрович. – Прекрасный инженер, смелый, напористый... Сам он работал день и ночь, и от нас ждал того же, хотя никогда не заставлял никого, а естественно создавал такую обстановку, когда иначе работать было нельзя. Трудились, не считаясь со временем, и нам это нравилось. Благодарен судьбе за то, что она свела меня с ним достаточно близко, он меня многому научил – и своим отношением к делу, и любовью к нашей профессии. Он был авантюристом – в самом хорошем смысле этого слова. Кто-то сказал, что он был суетливым. Суетливый летчик – это плохо, но суетливый инженер?! Чем это плохо? Я – его ученик и как ведущий инженер. Впрочем, с ним не летал, но на автомобиле с ним ездил. У него было плоховатое зрение, особенно

в темное время, к тому же он был дальтоником. Но ездил – посумасшедшему... Это – его характер, напористый, энергичный...

С Борисом Александровичем Первухиным Авакимов начал в качестве его помощника в испытаниях первого серийного самолета Ту-144 № 77102. К горькому сожалению, В. Н. Бендеров и Б. А. Первухин погибли на этой машине при выполнении демонстрационного полета на Парижском авиасалоне 3 июня 1973 года. После этого руководителем испытаний сверхзвуковых пассажирских самолетов стал Виталий Михайлович Кулеш.

– Он, – говорил Сергей Петрович, – преподавал мне пример ответственного, профессионального отношения к испытательной работе, пример глубокого и подробного знания техники, умения досконально анализировать проблемы, в ней возникающие, пример качественной разработки программ, методик летных испытаний и конкретных заданий на каждый полет – всего того, что должен знать и уметь ведущий инженер-испытатель.

После катастрофы самолета Ту-144 в Ле-Бурже Авакимов уже самостоятельно вел самолет Ту-144 № 77103 («тройку»). В 1974 году он провел испытания пилотажно-навигационного комплекса самолета. Он вложил много труда в весьма сложную и ответственную подготовку к эксплуатации этого сверхзвукового самолета экипажей «Аэрофлота» (Воронина, Кузнецова, Смержока). Авакимов совместно с коллегой Виктором Геновым возглавил разработку программы учебно-летной подготовки летного состава «Аэрофлота».

После парижской катастрофы в 1974 году были выполнены два рейса – для прессы в основном, для демонстрации того, что самолет Ту-144 – жив. Один рейс по маршруту Москва – Мурманск – Киев – Москва. Тогда впервые фамилия Авакимова появилась в большой прессе. Известный журналист «Комсомолки» Василий Михайлович Песков был у них на борту и опубликовал большую статью...

В том же 1974 году состоялся другой интересный полет для прессы, по маршруту Москва – Баку – Ташкент – Баку – Москва. Командиром экипажа был летчик-испытатель ОКБ И. К. Ведерников и вторым у него был летчик-испытатель ГосНИИГА В. Д. Попов. Шеф-пилот ОКБ Э. В. Елян, также участвовавший в этом «действе», находился в пассажирском салоне. С. П. Авакимов вспоминал:

– Мы садимся в Баку, трап подкатывают, мы открываем двери, и как только Елян оказался на трапе, внизу в толпе встречавших раздался возглас: «Да здравствует Елян!» Они знали, что Елян – их земляк, бакинец. Его стащили с этого трапа и начали качать. Это было, естественно, до трагических событий в Баку, Сумгаите... Очень торжественно нас там приняли в 1974 году.

Встречал нас начальник Управления Гражданской авиации Азербайджана. В ресторан какой-то отвезли. Там торжественная была процедура, хотя и не на «официальном» уровне. Потом нас отвезли в гостиницу шикарную в центре города. Еяна куда-то утащили. На следующий день мы слетали, уже без Эдуарда Вагановича, в Ташкент, затем вернулись в Баку и вместе с ним улетели в Москву. (Между прочим, в Ташкенте нас встречали уже на правительственном уровне. И во Фрунзе мы как-то садились, там была встреча на уровне руководства Компартии. Нас, во главе с Э. В. Еляном, принимал тогда первый секретарь ЦК партии Киргизии Усубалиев. Ну, а в Баку в этом отношении было скромнее...)

В составе экипажа под командованием летчика-испытателя ОКБ Ивана Корнеевича Ведерникова в конце 1975 года С. П. Авакимов участвовал на самолете Ту-144 № 77106 в первом регулярном рейсе с грузом в Алма-Ату. После этого начались сначала грузовые перевозки, а потом – и пассажирские...

Ему повезло. Три «его», Авакимова, исторические машины Ту-144 оказались в различных музеях. На самолете Ту-144 № 77106 туполевцы выполнили необычную работу по изучению космической радиации в Заполярье (над Баренцевым морем) и на юге (над Каракумами). Позже этот самолет перелетел на аэродром при Центральном музее ВВС в Монино и встал там на «вечную стоянку». Сегодня Сергей Петрович вместе с удивительными, бескорыстными энтузиастами-волонтерами опекает этот уникальный экспонат музея.

Авакимов участвовал в подготовке другого самолета, Ту-144 № 77110, к пассажирским перевозкам. А в 1977–1978 годах он, по решению генерального конструктора А. А. Туполева («для надежности»), участвовал в упомянутых выше полетах по маршруту Москва – Алма-Ата с пассажирами. Этот самолет сейчас находится в ульяновском музее гражданской авиации.

С. П. Авакимов на рабочем месте

В 1978 году появилась перспективная модификация самолета Ту-144Д (с усовершенствованными двигателями – П. А. Колесова), который мог дойти без посадки до Хабаровска. Этот самолет потерпел катастрофу под Егорьевском. Ведущим инженером по машине был Виталий Михайлович Кулеш, и тогда погибли два инженера – Олег Николаев и Вячеслав Венедиктов. А на следующем самолете этой модификации Ту-144Д № 77112 летающим ведущим инженером (в 1979–1981 годах) был уже Авакимов. Контроль за строившимся в Воронеже самолетом был строжайшим. На этой машине с экипажем во главе с Сергеем Тимофеевичем Агаповым были достигнуты максимальная дальность полета в 7050 км, максимальное время полета на сверхзвуковом режиме – 3 часа

16 минут и выполнен беспосадочный перелет Москва – Хабаровск за 3 часа 21 минуту. Этот самолет находится в музее техники в г. Зинсхайме, ФРГ.

– Считаю Агапова величайшим летчиком, – говорил Сергей Петрович. – Было немало таких ситуаций, когда, будь другой командир, все могло кончиться плохо...

– Например? – спросил я.

– Например, 5 марта 1979 года мы неожиданно для себя «повторили» историю с разрывом топливопровода, отчего сгорела предыдущая машина, под Егорьевском. Мы вовремя распознали это в полете и благополучно сели...

– В лужу керосина, кажется?

– Да, привезли дефект на землю, это дорогого стоило, как всегда... Бывали у нас пожары, – к счастью, ложные. Напряжение можно представить: работает сигнализация «Пожар!», двигатели отключаются, падаешь вниз... И только через 5–7 минут узнаешь, что пожара в действительности нет. Так вот, и в такой обстановке Агапов умел сохранять спокойствие и рабочее состояние всех членов экипажа. Кстати, случилось это, когда наверху захотели показать, что и мы что-то умеем. За несколько дней до предстоявшего тогда полета президента Франции Жискара д'Эстена в Японию на «Конкорде» с промежуточной посадкой в Новосибирске мы получили задание выполнить беспосадочный полет в Хабаровск на Ту-144Д. Вот тогда над сургутскими болотами у нас произошла такая неприятность, и Сергей Тимофеевич с первых же минут работал поразительно спокойно и хладнокровно...

Об этой драматической истории, потребовавшей такого же мужества и сосредоточенности всех членов экипажа, стоит рассказать подробнее. Как-то я спросил Сережу о страшных случаях в его испытательской практике. Он ответил:

– Страшно было один раз, когда пожар у нас начался на Ту-144 Д. Дело в том, что все ситуации, в которых мне довелось побывать, были скоротечные. Тогда не успевал испугаться. Дело сделал и забыл. А вот когда этот пожар «начался», тут была напряженка, пока мы не сели...

Только появился этот самолет 112-й, который что-то мог показать по дальности полета, тот который сейчас стоит в Германии. Ну, и полетели мы в Хабаровск. Пересекли Обь, прошло

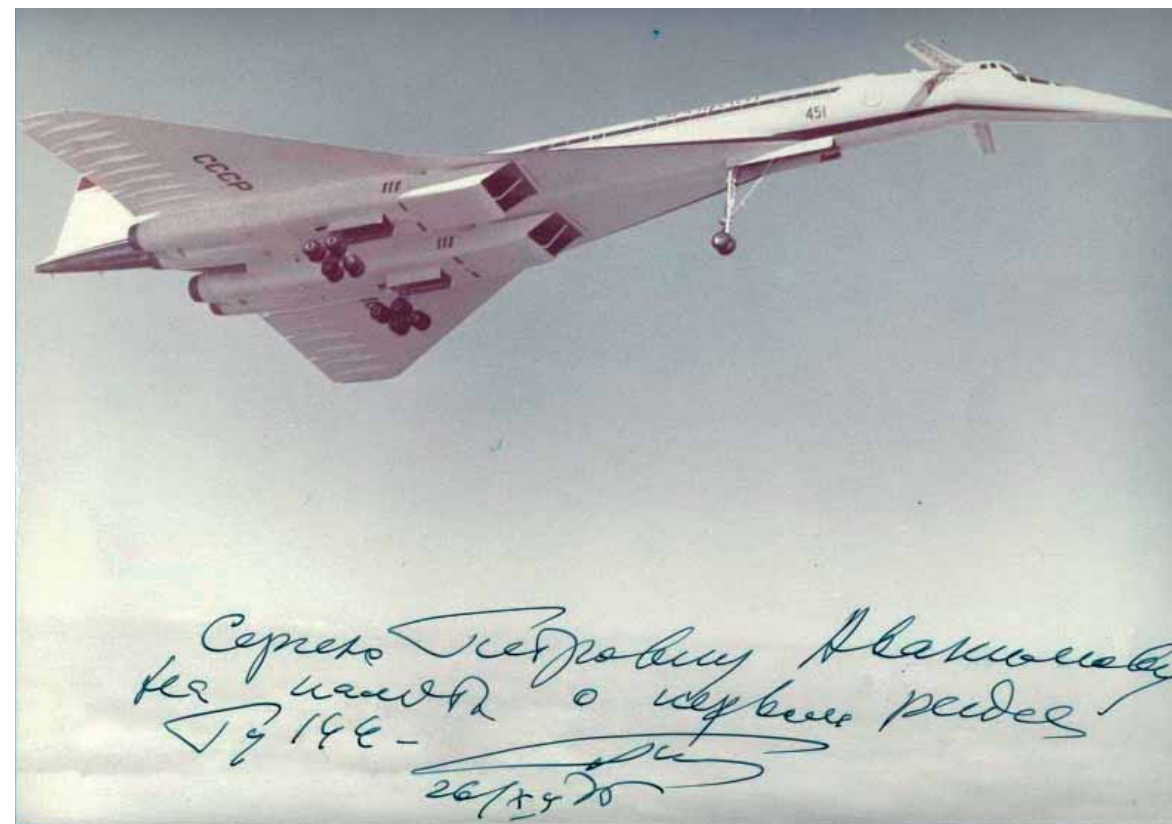
примерно полтора часа после взлета. Мы уже на марше, высота 17 тысяч. И вдруг – сигнализация: «Пожар третьего двигателя!» Естественно, двигатель выключается. Пожар не гаснет. Первую очередь, вторую, третью очередь пожаротушения применили. Пожар не гаснет. Мы колом идем вниз к земле. Вот это очень такая грустная была ситуация. Потому что все уже сделали, больше сделать ничего не можем. Пожар продолжается. А про пожар мы уже знаем по опыту посадки Еяна с Поповым под Егорьевском на такой же машине: самолет горит 6 минут. Дальше он начинает уже рассыпаться. А нам до земли в режиме аварийного, экстренного снижения минут 15 надо. То есть все понятно, мы до земли не долетаем.

– И это в голове кружится?

– Конечно, оно сидит. Вот тут, конечно, грустно стало. В голове застряла мысль: вот сейчас дети на даче спят и ничего не знают. Время полпятого утра по московскому времени. Мы часа в три взлетели ночью. Они ничего не знают. У меня всегда вера такая, что меня ЭТО не коснется никогда. И тут подумал: вот она и подобралась все-таки, зараза. Вот такое грустное, очень грустное было состояние. Не знаю, что это – страх, сожаление. Не знаю, как это назвать. То, что жизнь кончается, я четко понял. Но минуты три проходит, ничего не отваливается, все работает, кроме того, что эта красная лампочка сигнала о пожаре продолжает мигать. А все остальное нормально. Только двигателя одного нет, потому что его выключили. Ну, и начали чирикать потихонечку: «Ребята, вроде и не горим?» Вот такая вот история была. Эмоционально, пожалуй, самое неприятное.

– Но какой же молодец был командир – Сережа Агапов!

– Вот он вел себя как надо! За этот полет я ему особенно благодарен, и вера у меня в него еще более укрепилась. Я и раньше к нему хорошо относился. У нас с ним было взаимное какое-то доверие. Когда проблемы какие-то возникали, он часто в воздухе со мной советовался. И в этом полете тоже. Он первым делом в экипаже создал атмосферу. Когда это все уже проморгалось, он лениво, таким спокойным голосом нараспев спрашивает бортиженера Соломатина: «Витя, чего там у тебя?» У Вити там оказывается, не у нас, а у Вити! Витя быстренько скороговоркой: «Да, пожар в двигателе». Тимофеич, растягивая слова, говорит:

«Ну, гаси». «Да, я уже все: вторую, третью очередь – все израсходовал. Не гаснет!» На что Тимофеич спокойно говорит: «Ну, хорошо». Тоже так медленно, нараспев.

– Обдумывал в эти мгновения ситуацию, по-видимому...

– Да. И тут в башке мысль такая: «Горим – хорошо!» Чего хорошего! Но командир сказал: хорошо! И дальше экипаж не паникует, экипаж работает после этого. Мы потом просматривали запись, ни одного слова не было сказано – громкого. Самое громкое, это ответ Вити Соломатина о пожаре третьего двигателя! Все! Громче не было ничего сказано. И дальше командир обращается к штурману: «Виталь, куда летим-то?» Выяснилось, что нам в Новосибирск удобнее было бы уходить, хотя он чуть дальше, чем Омск. «Под нами сургутские болота, сядем где-нибудь...» Все очень просто! А пока – Новосибирск. Все это быстро происходит...

Потом мы вдруг потеряли бортэлектрика Володю Фетисова. Он был здесь в кабине, а тут куда-то исчез. Потом приходит в кабину. Что он сделал. У него, как у хорошего хозяина, всегда

запчасти на борту были, в том числе была фара запасная. А в иллюминаторы на самолете смотреть без толку – ничего не увидишь, обзора никакого. Тем более если на двигатели посмотреть из задних иллюминаторов, вообще ничего не видно. Так он взял эту фару, разбил ее, внутри там кривое зеркало. Он вставил его в иллюминатор как в перископ и сумел осмотреть сопла двигателей. Пришел оттуда из хвоста самолета и говорит: «Мужики, не горим мы, по-моему, потому что ничего там нет. Только фреон вылетел, который пожарная система выпустила. Фреон вылетел облаком, и дыма нет никакого, и огня нет...»

Ну, так все успокоились, долетели до Новосибирска на трех двигателях.

– А что осмотр показал?

– Осмотр показал очень интересную вещь. Причем до посадки все тот же электрик Володя Фетисов высказал предположение, которое потом подтвердилось. Провода от температурных датчиков в зонах двигателей сходятся на одной клеммной колодке. Эта клеммная колодка защищена резиновой заглушкой. Перед полетом электрик, осматривая подкапотное пространство, обнаружил, что эта резиновая клеммная заглушка сорвалась, надо ее заменить. На складе он не нашел того сорта, который нужно: там должна была быть розовая, а была только черная. Посоветовавшись с начальником своим и получив его одобрение, он поставил эту черную заглушку. Но оказалось, что розовая резина термостойкая, а черная не термостойкая. А температура под капотом 400 градусов! Пока они летели, резиновая заглушка обуглилась и замкнула всю эту колодку. И в итоге закономерно пошел ложный сигнал о пожаре. Когда они сели, зарулили, тут же Фетисов открыл капот и убедился, что предположения его оказались верны: вместо резины он увидел уголь...

Сергей Петрович рассказал о другом случае. На том самолете, который погиб в Париже, они взлетали с воронежского завода (после некоей «показухи»). Полоса там небольшая, всего 2,5 км, и на взлете командир экипажа Михаил Васильевич Козлов немного ошибся: самолет был легкий, а он почему-то решил взлетать на полной тяге, хотя по заданию надо было несколько задрессировать двигатели. Погода была неплохой, но начиная с высоты около 700 м была сплошная облачность.

– Взлетели крутовато, – вспоминал Сергей Петрович, – так что, войдя в облака, Козлов немного «потерял пространственную ориентацию», и мы «завалились». Резко начали падать, и он решил, что приборы «обманывают»... Первой его попыткой было «тащить штурвал на себя». А в это время, как выяснилось потом по записям, угол крена достигал 90 градусов – мы падали боком, на крыло. В этой ситуации Агапов, будучи на правом кресле, вторым пилотом, отнял у командира управление и сделал все, что надо в таких случаях: убрал крен и стал выводить самолет из снижения. Все стало на место, и приборы почему-то тут же заработали... За спиной Сергея Тимофеевича экипаж чувствовал себя защищенным... С ним можно было лететь куда угодно, когда угодно и на чем угодно...

Столь же приятно было услышать, что говорил мне о своем члене экипажа командир, С. Т. Агапов:

– Сергей Авакимов – очень хороший ведущий инженер, спокойный, выдержанный, грамотный. Ни тени паники

С. П. Авакимов (второй слева) среди коллег

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АВАКИМОВ

в сложной ситуации. Мне он нравился. Неслучайно стал начальником Летно-испытательного комплекса после М. В. Ульянова...

Много обещавшая при «старике», Андрее Николаевиче Туполеве, тема Ту-144 бесславно закончилась. Это – особая, обидная история, по сути – о беде его сына, замечательного авиаконструктора Алексея Андреевича Туполева, о недостаточной его гражданской смелости и ответственности как преемника его великого отца на посту генерального конструктора. Алексей Андреевич испугался произошедшей накануне катастрофы самолета под Егорьевском и находился под тяжелым «прессом» негативного отношения к Ту-144 со стороны всесильного в ту пору министра гражданской авиации Б. П. Бугаева. Во всяком случае, это прямо проявилось в чисто производственном общении А. А. Туполева с С. П. Авакимовым непосредственно перед предстоявшим и отмененным генеральным конструктором рейсом Ту-144 в Алма-Ату, когда пассажиры были уже на борту самолета. Авакимов, летавший на первых рейсах в Алма-Ату в качестве опытного инженера на борту, пытался за несколько часов до вылета успокоить генерального конструктора, обратившись к нему с сомнениями относительно безопасности полетов – особенно после недавней катастрофы. Авакимов пытался убедить его в надежности самолета и в случайном стечении обстоятельств случившейся трагедии под Егорьевском. Но Алексей Андреевич, панически боявшийся (это можно понять!) последствий возможной катастрофы самолета с пассажирами, в последний момент отменил предстоящий рейс и тем самым поставил крест вообще на эксплуатации самолета Ту-144 с пассажирами.

Осмелости члена экипажа испытателей и, в частности, летящего ведущего инженера Сергей Петрович как-то сказал мне:

– Бесстрашных людей не бывает. Но одни от страха цепенеют, а другие – мобилизуются и находят в критической ситуации такие решения, какие за нужный отрезок времени невозможно найти «на диване». Смелый человек поражает именно скоростью и качеством мышления – особенно это касается инженера. А человек трусливый оказывается парализованным в своих поисках выхода из опасности и не в состоянии подсказать что-либо командиру, который, зная системы самолета не столь хорошо как инженер, вправе рассчитывать на него.

Об известном отсутствии технической смелости у Алексея Андреевича Туполева мне рассказывал начальник ЛИКа М. В. Ульянов. Однажды на салоне в Ле-Бурже, сидя «за рюмкой чая» в кабине самолета Ту-154, генеральный озабоченно сказал Ульянову: «Сколько же мы понастроили этих машин, Ту-154! Ведь они будут падать... вместе с пассажирами!..» И это при том, что отец Алексея Андреевича, Андрей Николаевич Туполев, человек, битый жизнью, прошедший через арест 1937 года, аварии и катастрофы ряда своих исторических самолетов (таких, как гигант «Максим Горький» – с пассажирами на борту, Ту-2, Ту-95), понимая неизбежность тяжелых потерь, был тем не менее гораздо смелее сына и был всегда озабочен другим – сделать все возможное для обеспечения высокой надежности, конкурентоспособности и боевой эффективности столь нужных стране своих самолетов.

Кстати, после закрытия темы Ту-144 Авакимов выполнил весь комплекс испытаний, связанных с другой, особенно важной в то время и востребованной «лошадкой Аэрофлота», модернизированной машиной Ту-154М. Тогда М. В. Ульянов, ставший начальником ЛИКа, передал ему руководство бригадой Ту-154.

За создание самолета Ту-154М С. П. Авакимов был удостоен ордена «Дружбы народов». Вручая ему награду на заседании НТС, А. А. Туполев сказал ему, улыбаясь: «Это тебе за развитие дружбы с Сирией и Китаем!» Дело в том, что в «Аэрофлоте» какое-то

Награжденные в Кремле

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АВАКИМОВ

Самолет Ту-144 ЛЛ

время этот самолет не принимали – из-за того, что он не был сертифицирован. А его нельзя было сертифицировать, потому что создавался он на базе Ту-154, спроектированного еще до появления «Норм летной годности». В итоге первые серийные машины были поставлены в Сирию, Китай, Болгарию. Там их с удовольствием взяли. Потом их взял охотно и «Аэрофлот».

Большая и важнейшая новаторская работа по машине, основанной на Ту-154, в которой принял участие и С. П. Авакимов, была связана с разработкой и испытаниями самолета Ту-155 под криогенное топливо. Ту-155 был первым и единственным в мире самолетом, использовавшим в качестве перспективного топлива жидкий водород и сжиженный природный газ. Самолет во многом создавался в соответствии с мудрым принципом Андрея Николаевича Туполева: «Дадим заказчику не то, что он хочет, а то, что ему нужно!»

Первый полет самолета Ту-155, один двигатель которого (НК-88) работал на водороде, выполнил 15 апреля 1988 года экипаж во главе с летчиком-испытателем В. А. Севанькаевым. Следующим этапом разработки проекта самолета Ту-155 стало его переоборудование на гораздо менее дорогое и более удобное в эксплуатации топливо – сжиженный природный газ – СПГ. По сравнению с керосином он обладает на 15% большей теплотворной способностью. Хранить СПГ в жидком виде заметно проще

(при температуре около -160°C). Первый испытательный полет самолета Ту-155, двигатель которого (НК-89) работал на сжиженном газе, был совершен тем же экипажем 18 января 1989 года. Всего на Ту-155 было совершено 70 полетов. При этом было установлено 14 мировых рекордов.

Исключительно велики заслуги в успехе программы самолета Ту-155 его главного конструктора Владимира Александровича Андреева. Роль С. П. Авакимова в этой большой коллективной работе туполевцев заключалась в техническом руководстве программой наземных и летных испытаний и участии в ряде полетов, включая демонстрацию самолета в Чехословакии (в 1989 г.), на Всемирных газовых конгрессах в Ницце (1989 г.) и Берлине (1991 г.), на авиационном салоне в Ганновере (1990 г.). Наградой за эту важную работу послужил орден «За личное мужество», который ему вручил в Кремле Б. Н. Ельцин.

О ведущем летчике-испытателе этой исторической программы Владимире Андреевиче Севанькаеве Авакимов говорил:

– Это, конечно, не Агапов, но летчик, безусловно, хороший. Я с ним был дружен. Конечно, знаю разные суждения о нем. Но должен сказать, что каждый из летчиков – это командир! При том не только в воздухе, но и на земле. Я отношусь к этому как к неизбежному. Вот Борисов Василий Петрович – очень простой человек в обиходе, человек «без ложной скромности», как он сам про себя прямо говорил, но летчиком-то он был великим! Когда два командира сталкиваются, что уж тут ждать? К сожалению, среди летчиков желание выяснить, кто из них «самое самого», почти неизбежно. К этому надо относиться как к данности. Это не должно быть поводом для умаления достоинства каждого...

Потом, когда рухнул Советский Союз, Авакимов с 1992 года, в течение 5 лет, был начальником Летно-испытательного комплекса ЛИК ЖЛИиДБ. Это было время начала развала отечественного авиапрома. В разы снизилось государственное финансирование тогда уже акционерного общества «АНТК им. А. Н. Туполева». На туполевской фирме «революция» сменялась «революцией», и каждый новый лидер менял старые команды. Так, в 1997 году исчезла должность, которую занимал Авакимов, и с тех пор он, по его словам, «большими делами»

не занимался. Впрочем, в качестве ответственного за подготовку и проведение летных испытаний он принимал активное участие (с весны 1994 года) в весьма важной работе в интересах США по контракту с NASA по сверхзвуковой летающей лаборатории на базе Ту-144. Начиная эту особенно интересную американским партнерам программу главный конструктор А. Л. Пухов, он ее и возглавил. Подготовили программы испытаний, обсуждали их на регулярных «сессиях» с американцами, приезжавшими на Базу, согласовывая параметры около трех десятков полетов, которые надо было выполнить. Планировалось сделать 33 полета, но комплексируя, удалось выполнить всю намеченную программу в 28 полетах.

Авакимов побывал вместе с командиром экипажа Сергеем Борисовым в центре NASA на авиабазе «Эдвардс» в Калифорнии – там также обсуждали программу, и наш летчик полетал там... Полеты по программе в Жуковском начались в 1996 году – потребовалась длительная подготовка самолета Ту-144 ЛЛ: двигатели взяли с самолета Ту-160, «подогнали» их под «144-ю», несколько изменились при этом характеристики самолета... Нужна была тяга (неважно – с форсажем или без него), и нужную тягу получили. Для относительно молодого летчика Сергея Борисова это был совершенно новый самолет, он никогда на нем не летал, а для опытного второго пилота Бориса Веремея, легендарного летчика, впервые поднимавшего уникальную и поныне боевую машину Ту-160, самолет Ту-144 был хорошо знаком.

– Веремей, на мой взгляд, – настоящий Герой, – говорил Сергей Петрович. – Я с ним много летал еще в молодости, на 144-й. Это мужественный человек. Очень спокойный в полете. У него была интересная техника пилотирования: он был резковат, даже несколько грубоват в движениях. Когда он так «дергал» самолет, я иногда к нему обращался: «Борис Иванович, ты ее так не таскай! Ну, зачем же так?» Он отвечал: «Сережа! Мы ее не ломаем, мы ее испытываем!» Известна история, как он «падал» на Ту-22М, без обоих двигателей, как он запустил их на высоте 150 метров! И в мыслях у него не было даже – выбрасывать экипаж... Что и говорить, крепкий мужик, достойный, Герой настоящий... У нас Звезда бывает иногда «За выслугу лет». Он – Герой настоящий. Как и С. Т. Агапов, как и В. П. Борисов...

Сегодня четвертый «его», Авакимова, самолет – летающая лаборатория Ту-144ЛЛ № 77114, на котором была проведена исследовательская работа совместно с NASA, стоит на постаменте в г. Жуковском.

Денег, полученных за «американскую» программу, было явно недостаточно для содержания всей ЖЛИиДБ и ЛИКа. Созрело решение: в условиях распада «Аэрофлота» на десятки не вполне дееспособных компаний и разрушения логистики снабжения Севера и Дальнего Востока страны создать собственную авиакомпанию на базе имевшихся пассажирских самолетов и технического комплекса ОКБ А. Н. Туполева, с использованием своего летного и технического состава. С группой единомышленников Сергей Петрович Авакимов сделал это, предложив свои востребованные услуги в области авиационных перевозок. Тем самым им удалось на какое-то время сохранить кадры Базы и ЛИКа.

Нашим общим с Сережей Авакимовым дорогим старшим другом был Эдуард Ваганович Елян. Мало того что он был выдающимся летчиком-испытателем, мужественным, находчивым, умным и умелым, сделавшим немало добрых дел в ЛИИ, в ОКБ П. О. Сухого, А. И. Микояна и особенно в ОКБ А. Н. Туполева. Он был еще и замечательным человеком в обычной жизни. Он был свойским, родным человеком и в наших семьях: в моей, с любившей его необыкновенно, как брата, моей женой Ириной Анастасовной, и в семье Сергея Авакимова, в которой к нему так же относилась его супруга Леночка. Но если я знал Ваганыха лишь в последние десять лет его жизни и в основном вне работы, то Сережа Авакимов знал его в горячем, повседневном деле. И давно.

Как-то я заметил Сереже Авакимову:

– Ваганых был на удивление терпелив, скромен и общителен с любыми людьми. Он ценил мастерство и знания личностей в любой сфере. Казалось, он входил в контакт мгновенно.

Сережа загорелся:

– Я помню, как он с моими родителями познакомился. Молодой я еще совсем был. С нашей базы в Тбилиси летел самолет. То ли на завод, то ли еще какие-то дела были чисто служебные. Я узнал, что на этом самолете летит известный наш инженер Борис Николаевич Гроздов. Мы были уже знакомы как земляки – он тоже тбилисец. Мои родители очень любили московский

черный хлеб. Я быстренько сбегал в столовую, купил буханку этого черного хлеба, отдаю Гроздову и говорю: «Борис Николаевич, пожалуйста, вот телефон, позвоните моим родителям – они подъедут». Он забрал посылку со словами: «Конечно, конечно, с удовольствием передам». И вот, звонит он моим родителям, родители приезжают в дом в центре города, где жили его две сестры. Родители приезжают туда за этой буханкой хлеба. И попадают на какое-то застолье. Они знакомятся там со всеми – и в их числе с Елян. Как оказалось, Ваганыч был командиром экипажа самолета, который привез в Тбилиси эту команду. Ментально завязалось у них самое теплое общение. Мама моя рассказывала, что Эдуард Ваганович с первых минут общения и на всю оставшуюся жизнь оставил впечатление своего человека, которого знала, казалось, тысячу лет. И вот буквально до конца жизни они сохранили такие взаимные симпатии...

Сергей Петрович Авакимов – сам удивительный человек. Мало кто так любит и знает историю авиации – с раннего детства! Благо у него был всегда замечательный пример отца-летчика. Мало кто так знает, понимает и, главное, умеет в этой сложнейшей профессии, как он. И мало кто столь благодарен жизни, столь радуется ей, столь щедро делится своим богатым инженерным и жизненным опытом. Кажется, Ф. Г. Раневская говорила,

что доброта еще более важна, чем талант. Это о таких благодарных людях, как он...

Сережа Авакимов признательно говорил:

– Эдуард Ваганович Елян – это моя путеводная звезда. Он меня вел! Он был для меня родным отцом на Базе. Для меня – это совершенно особый человек, которому я очень многим обязан в том, чего достиг. Ему и В. Н. Бендерову. С Елян я летал немного, но свой

первый испытательный полет сделал именно с ним (и Агаповым в качестве второго пилота) – на экспериментальной 144-й. Что касается конфликта Еяна с А. Д. Бессоновым и компанией, о чем говорится в вашей книге «Летчики-испытатели. Туполевцы», я не пытался докопаться до сути. Думаю, она – в конфликте великих людей. Хотя, если быть откровенным, Анатолий Дмитриевич был очень злобным, очень желчным человеком... и хорошим летчиком...

– Что, по твоему мнению, произошло в Париже? – спросил я Сергея Авакимова о печально известной катастрофе Ту-144 во время демонстрационного полета в Ле-Бурже.

– Там все – очевидно. Точка зрения ведущего специалиста ОКБ по системам управления В. М. Разумихина, которая приведена в вашей книге, конечно, правильная. Сработала рулевая машинка. И почему она сработала – понятно: потому что включена была «управляемость». Там вопрос в другом: почему она оказалась включенной? Ведь эта история началась за полгода до катастрофы. Этот самолет проходил какие-то очередные доработки, в декабре его выкатили на поле в Жуковском, был вечер, я помню, и нам надо было сделать рулежку. Командир экипажа М. В. Козлов опробовал двигатели, систему управления и вдруг говорит: «Ребята, что-то у меня рули идут не туда» – и показал, в чем дело. Ведущий инженер Борис Первухин посмотрел и сказал: «Погоди, погоди, вроде как “управляемость” работает!» А у нас стоял экспериментальный пульт передаточных чисел (в автопилот он «вмешивался», меняя передаточные числа автопилота), и на нем же были выключатели этих режимов – «управляемости». Он говорит: «Слушай, “управляемость” почему-то включена». Он ее выключил, и все встало на место. Управление осталось на «чистой механике» – без вмешательства автопилота в продольном канале. Дабы этого не происходило в будущем, приняли решение эту систему отключить. Для этого расстыковали штепсельные разъемы, оставив все остальное (пульт и тумблеры) – в прежнем виде.

А потом, в мае, перед самым Парижем (это мы уже потом, после катастрофы стали просматривать осциллографические записи и обратили внимание – на это никто не смотрел – что, оказывается, эти сигналы вдруг снова «задышали»). Но так как этот тумблер в кабине всегда был выключен, и Борис Первухин – я летал с ним помощником и видел это – держал его под контролем:

Началось с детского рисунка

он всегда снимал с пульта крышку в полете, чтобы держать этот тумблер перед глазами. Он понимал, что при включении этого тумблера управление работало «наперекосяк». Кстати говоря, в том печальном полете этот пульт был тоже открыт. И даже когда обломки привезли в Жуковский, я видел этот пульт, и выключатель был включен. Там – два выключателя: один был нужен им, и они, похоже, включили его сознательно для того, чтобы маневрировать поэнергичнее, а второй – включен либо ошибочно, либо несанкционированно. На мой взгляд, больно много народу было в кабине, и, думаю, что просто кто-то штанами зацепил этот тумблер. Потому что сознательно его включить – не могли.

– Ведущий специалист ОКБ по системам управления В. М. Разумихин говорил мне, что если кто и мог это сделать, то только В. Н. Бендеров. И то, мол, по незнанию. Можно ли такой грех на душу брать? – спросил я Авакимова.

– Нет, нельзя! Прежде всего все знали, что электрически это было отключено. Поэтому тумблер можно было дергать сколько угодно.

– Но тот же Разумихин говорил, что на заводе по ошибке подсоединили эти кабели.

– Правильно! Подсоединили. Но экипаж-то об этом не знал! Так что какой смысл был дергать тумблер, который отключен. Думаю, что дело в толпе, которая была в кабине...

– Разумихин предполагал, что поскольку Первухин был в салоне, а Бендеров – в кабине, только он и мог включить...

– Думаю, что Бендеров никогда такой глупости не допустил бы. Для чего нужен был «перекресток» – понятно (для отработки руля поворота – в крене, и этот режим, предназначенный для повышения маневренности самолета, был проверен в полете). А пробовать чего-то в продольном канале?! Ну мы все-таки авиаторы! Я считаю, что сознательно включить этот тумблер было невозможно!..

Не столь громкой, но не менее обидной была вторая катастрофа самолета Ту-144. Причины ее были более ясны, и тем не менее я спросил такого опытного, глубокого и объективного специалиста, как С. П. Авакимов:

– А что произошло под Егорьевском? Командир экипажа летчик-испытатель ГосНИИ Гражданской авиации, принимавшего самолет, В. Д. Попов весьма критически выставляет Э. В. Еяна,

сдававшего этот самолет и потому сидевшего на правом кресле второго пилота. Он, в свою очередь, как и начальник Базы М. В. Ульянов, видит вину ведущего инженера В. М. Кулеша.

– Очень легко обвинять потом... когда все становится ясно. Потом всегда все умнее становятся... Я оказался в той же ситуации, что и Кулеш, – один к одному – меньше чем через год. Но мы-то были уже умные, наученные вот тем горьким опытом. Когда мы увидели расхождение стрелок в показаниях приборов расхода и остатка топлива, я сразу заорал! А если бы это случилось у меня впервые, не знаю, стал ли бы я орать! Потому что перед этим у нас был опыт полетов на предыдущей модификации, и вот там этот самый расходомер, которому Кулеш не поверил, работал плохо! И ему перестали верить. А здесь он был очень точным. Поэтому тому расхождению Кулеш не придал значения. Он был очень хорошим ведущим инженером, и он решил, что раз есть разница в показаниях расходомера и топливомера, значит, расходомер в очередной раз врет. Так что очень легко судить, когда все знаешь. Я не склонен никого винить. У нас, конечно, опасная работа, она требует высокой квалификации, осторожности. Каждый испытатель должен запрещать себе делать то, чего он не понимает. Это все так, но тем не менее: авиации уже 100 лет, испытатели всегда на переднем крае, и многие из них погибли на рабочем посту. Почему? Не потому, что они были плохими летчиками, операторами, специалистами. Человеку свойственно совершать ошибки – потому что он столкнулся с новым, непознанным. Потом, после него, эти ошибки уже совершать не будут. Конечно, нельзя оправдывать всех подряд, но в нашем деле ошибки случались и будут случаться...

– Правильно считают, что никогда не надо говорить о вине испытателей, надо говорить об их возможной ошибке, упущении, оплошности... – заметил я.

– Да! Вина – это очень жесткое слово, намек на что-то сознательное. В той же катастрофе под Егорьевском – почему надо спрашивать с В. М. Кулеша, а не с бортинженера? Там были два бортинженера, и не слабые... У них на приборной доске были оба этих прибора... На мой взгляд, в той катастрофе сказалась ошибка чисто техническая, сказанся недостаток конструкции, который был устранен потом. А мы ищем людей виноватых...

С. П. Авакимов, Г. А. Амирьянц, Э. В. Елян

– Попов, по его собственному рассказу, – настоящий герой, хладнокровно сажавший горящую машину, а Елян будто бы растерялся... – напомнил я.

– Из того, что известно мне, этого вовсе не следует, – отозвался Сергей Петрович. – Знаю, что Елян повысил голос только при обращении к бортинженеру, настойчиво требуя разобраться в ситуации... Это нормально... Никакой паники на борту не было, работали...

Агапов – это самородок какой-то. Елян, скажем, по инженерному мог объяснить все проблемы. У Агапова был свой «датчик». Он, казалось, не мог бы так толково, ясным техническим языком объяснить, что происходит с машиной, но среагировать вовремя, выйти из критического положения – это была его стихия.

– Ваганых у тебя стоит совершенно особняком?

– Наверное. Такого инженерного мышления, как у него, я, пожалуй, больше ни у одного летчика не видел. Я посмотрел его летные книжки и обалдел от одного факта: у него налет общий (с курсантским вместе) составлял всего 4 тысячи часов. И при этом он был таким мастером. В критических ситуациях я с ним не бывал. Я видел, как Агапов вытаскивал самолет из критической ситуации. И видел, как Ведерников вгонял самолет в критическую ситуацию. Довелось мне полетать с В. П. Борисовым. Тот – истинный ювелир! У него погрешностей не было: «Сколько скажешь, столько и сделаем!» Была история, когда у них на Ту-144 произошел полный отказ автопилота на высоте где-то 9–10 км при дозвуковой скорости полета. Раскачать этот (в принципе неустойчивый в таком состоянии самолет) ничего не стоило без демпферов. И когда произошел этот отказ, Борисов аккуратно, так, чтобы вообще и намеков на раскачку не было, снизился до высоты 5 тысяч, где поплотнее уже машина сидит в воздухе. Вышел в горизонт, и тогда начались его консультации с ведущим инженером В. М. Кулешом: «Виталий, что делаем?» Вот так двенадцать включений они проделали не дыша. Система подключилась, и только после этого они сели... Это Борисов.

Особая личность – Б. И. Веремей. На 144-й мы с ним летаем. Режимы у нас были очень строгие: скорость нужно было выдерживать и высоту полета строго над полосой. Делаем мы несколько проходов, и вдруг навстречу нам взлетает какой-то Ил-18. Он идет в лоб к нам навстречу. Я обращаюсь к командиру: «Борь, а не пора ли куда-нибудь отвалить в сторонку?!» Он спокойно отвечает: «Сережа, нам нельзя, мы с тобой на режиме. Вот пусть он отворачивает». У меня, может быть, от страха глаза велики. Но он... был спокоен...

Мне были всегда важны субъективные, но прямые и честные оценки туполевским испытателям, свои коллегам по весьма ответственной и опасной работе, которые по прочтении моей книги «Летчики-испытатели. Туполеовцы» дал их «боевой» товарищ С. П. Авакимов. Вот некоторые из них:

– Я М. В. Ульянова не люблю – по многим причинам. Он в этой книге – ведущая фигура, и все, что он говорит, – правильно, он хороший инженер, он правильно видел все эти проблемы.

Но у Ульянова, со всей его «пролетарской ненавистью», проявилось неправильное, несправедливое отношение к ведущему инженеру по летным испытаниям Борису Первухину как человеку «голубоватой» крови. Боря имел возможности работать не здесь. В те времена многие стремились работать где-нибудь во Внешторге. Боря жил авиацией. Имея очень высоких родственников, он начал с завода в Филях, с мастера. Живя в Москве, он каждый день ездил на работу в Жуковский. Ульянов зря плачется Эдуарду Вагановичу Еляну – он сам участник разрушения нашей фирмы...

Понравилось то, что написано о Б. И. Веремее. Нормально – о С. Т. Агапове: настоящий Герой, честный, хороший человек. Считаю себя его другом. Выпивал – ну и что! Веремей тоже выпивал. Но это был Летчик! Наш нелетающий и весьма требовательный начальник Н. В. Лашкевич тоже выпивал, но это был душевный человек, к которому тянулись... Старейшего летчика-испытателя Ивана Корнеевича Ведерникова, с ним мы особенно сблизились во время полетов на Ту-144 в Алма-Ату, очень уважаю и считаю его своим старшим другом. Хотя между Ведерниковым и Агаповым согласия нет... Я по-новому открыл для себя Виталия Баскакова и зауважал его. Летчик он действительно не особенный, но до чего же мудрые вещи он говорит... В. П. Яблочко, я считаю, – один из великих летающих ведущих инженеров по летным испытаниям. Он, В. М. Кулеш, М. В. Панкевич...

От выдающихся туполевских летчиков-испытателей Эдуарда Вагановича Еяна, Бориса Ивановича Веремея, Сергея Тимофеевича Агапова, и не только от них, знаю: в ряду выдающихся летающих ведущих инженеров по летным испытаниям стоит, несомненно, Сергей Петрович Авакимов.

**Владимир Николаевич,
Валерий Владимирович
БЕНДЕРОВЫ**

Владимир Николаевич
Бендеров

После моего выступления на митинге в Жуковском, посвященном открытию памятной доски Герою Советского Союза И. К. Ведерникову, ко мне подошел главный конструктор ОКБ А. Н. Туполева Валерий Владимирович Бендеров, поблагодарил за теплые слова о выдающемся летчике-испытателе ОКБ и, улыбаясь, сказал, что, следуя моему примеру, он пишет сейчас книгу об их конструкторском бюро. Для меня это было неожиданно. Во-первых, я получил в свое время не вполне одобрительный отзыв о том, что написал в моей книге «Летчики-испытатели. Туполевцы» о его отце, выдающемся ведущем инженере по летным испытаниям ОКБ Владимире Николаевиче Бендерове.

Правда, это было чисто «женское» недовольство – дочери В. Н. Бендерова... Но люди, хорошо знавшие В. Н. Бендерова, в частности его друг и командир их экипажа первого опытного самолета Ту-144 Э. В. Елян, другие туполевцы: М. В. Ульянов, С. Т. Агапов, И. К. Ведерников, В. П. Борисов – наоборот, высказывали всегда удовлетворение тем, что я написал не лакированный, а настоящий, добрый портрет замечательного инженера – со всеми его чертами и разными воспоминаниями о нем.

И вот – такие слова Валерия Владимировича о моем примере. Но только получив через какое-то время в подарок его книгу,

замечательную, смелую, глубокую книгу «Лишние» – о критическом состоянии дел в ОКБ А. Н. Туполева и авиационной отрасли страны последних десятилетий, – я понял, что примером ему, скорее всего, послужила не моя книга о туполевцах, а моя давняя статья в журнале «Наука и жизнь», 2006 года, под названием «Не казаться, но быть великой авиационной державой». В ней я уже тогда прямо и громко сказал о разрушительных процессах в важнейшей отрасли страны...

Но прежде чем об этом, несколько слов вообще о Бендеро-вых, – в дополнение к тому доброму, что сказано о них в нашей книге Э. В. Еляном, С. П. Авакимовым... Вспоминаю в связи с этим давнюю свою встречу в гостеприимном доме выдающегося туполевского летчика-испытателя В. П. Борисова. Тогда впервые и неожиданно для себя я узнал от Василия Петровича и его милейшей жены об армянском происхождении глубоко ими уважаемого Владимира Николаевича Бендерова, о его отце – знаменитом астраханском враче-армянине.

Вспоминаю и другую историю. Летчик-испытатель Герой Советского Союза еще с войны, Яков Ильич Верников рассказывал мне, не без юмора, хотя был уже тяжело больным, прикованным к постели старым человеком, что генералом стал (в 1971 году) только благодаря энергичному и аргументированному обращению одного из руководителей Жуковской лётно-испытательной и доводочной базы ОКБ А. Н. Туполева – ЖЛИиДБ Владимира Николаевича Бендерова к Андрею Николаевичу Туполеву... Бендеров как-то пожаловался Туполеву, будучи у него на даче, что допущена явная несправедливость по отношению к Верникову, который замечательно проявил себя на испытательной работе в ЛИИ, в ОКБ С. В. Ильюшина и в ОКБ А. С. Яковлева. Верников после войны не был удостоен давно заслуженных им наград.

– Что же можем мы сделать? – спросил Туполев, который также знал Верникова с лучшей стороны.

– Ну, хотя бы звание генерала дать, он ведь с войны – полковник!

– А может, и тебе надо генерала дать? – рассмеялся Туполев. – Ты ведь тоже – военный!

Туполев тут же попросил у своих домашних телефон и позвонил кому-то из своих очень высоких друзей в Генштабе:

– Слушай, у меня тут два чудака хотят стать генералами! Как бы это ускорить?

Вскоре будущие генералы – Верников и Бендеров – были в Генштабе с нужными бумагами, и вскоре оба обрели генеральские погоны.

Конечно, Яков Ильич мог что-то позабыть или приукрасить эту историю, как он это мог. Но можно понять Валерия Владимировича:

– И так уже всю жизнь прожил с ложным обвинением отца в громкой катастрофе самолета Ту-144 в Ле-Бурже, а тут еще «чудак»... – в устах самого Туполева!

Экипаж первой опытной
машины Ту-144

Но Валерий Владимирович явно не чувствует, что Яков Ильич рассказывал об этой истории (а она опубликована) с большим уважением и глубокой благодарностью к Владимиру Николаевичу Бендерову. Поэтому Валерий Владимирович счел необходимым уточнить:

– Байка про генерала не соответствует действительности. На счет Верникова Бендеров действительно ходатайствовал перед Туполевым. Что касается Бендерова, то он по отношению к Туполеву находился на две ступени ниже по воинскому званию. (Туполев был генерал-полковником,

начальник базы Благовещенский – генерал-лейтенантом, а Бендеров был заместителем Благовещенского и начальником отдельного большого структурного подразделения – летно-экспериментальной станции. Так что должность-то у отца была генеральская.) Но этот вопрос решался не по одинаковой процедуре с Верниковым. Может, так в конце концов совпало, что они одним приказом получили, но, по-моему, Бендеров генерала получил чуть ли не за подписью Брежнева. Так говорил отец. По словам отца, представление на него подписал Туполев. А отвозил это представление, как мне помнится по словам отца, начальник отдела кадров. Отец был любимцем Туполева, и чтобы Туполев назвал его чудачком, просто в голове это не укладывается.

А по мне, это – как раз признак особого уважения и доверия острого на язык генерального конструктора Туполева к своему замечательному специалисту, заслуженно пользовавшемуся в его ОКБ общей симпатией.

Об этом я писал в своих книгах о туполевцах, и ниже приведены некоторые отрывки из них.

В связи с трагедией в Ле-Бурже, пожалуй, большая часть обвинений (обвинений надуманных, бездоказательных) легла на Владимира Николаевича Бендерова. Очевидно, что в подобных обстоятельствах, как и при авариях и катастрофах в летных испытаниях, обвинять можно, только имея на то абсолютные доказательства. И даже при этом следует сохранять такт и уважение к памяти людей, внесших большой вклад в развитие отечественной авиации. Одним из таких людей был В. Н. Бендеров, много и плодотворно проработавший в ОКБ А. Н. Туполева. Он, в частности, входил в экипаж знаменитого самолета Ту-104, поднятого впервые в июне 1955 года летчиком-испытателем ОКБ Ю. Т. Алашеевым (вторым пилотом был Б. М. Тимошок, штурманом – П. Н. Руднев, ведущим инженером – В. Н. Бендеров, бортмехаником – И. Д. Иванов). Тогда самолет этот стал технической сенсацией, своего рода авиационным «спутником».

– Хорошую работу выполнил Алашеев по Ту-104, – говорил выдающийся ветеран-летчик-испытатель А. П. Якимов. – Ведущим инженером по этой машине был В. Н. Бендеров, с которым они были дружны. Это была маленькая голубка, хорошо сработанная.

Алексей Петрович Якимов вспоминал, что назначение Алашеева командиром экипажа первой опытной машины Ту-104 было связано именно с В. Н. Бендеровым.

– Володя Бендеров был душевным человеком, – говорил Якимов. – Он был молод, опыта летных испытаний у него поначалу не было, но он пытливым всем интересовался, ко всему присматривался и в КБ, и на базе, учился у всех, у кого было чему учиться. Однажды я позволил себе рыкнуть на него за какое-то упущение, так он не обиделся, а сделал правильный вывод. И вырос в авторитетного специалиста, от которого многое на базе зависело...

Трудно переоценить вклад Владимира Николаевича в полном цикле летных испытаний самолетов: Ту-104, Ту-107, Ту-110, Ту-95 (включая уникальные испытания на больших углах атаки – вплоть до режима сваливания), Ту-124, Ту-22...

Другой выдающийся летчик-испытатель Иван Корнеевич Ведерников говорил об исключительной роли, которую Владимир Николаевич сыграл в испытаниях исторической машины Ту-144:

– Бендеров сначала продвигал на Ту-144 Н. И. Горяйнова. Николай Иосифовича послали в связи с этим даже

Самолет Ту-104

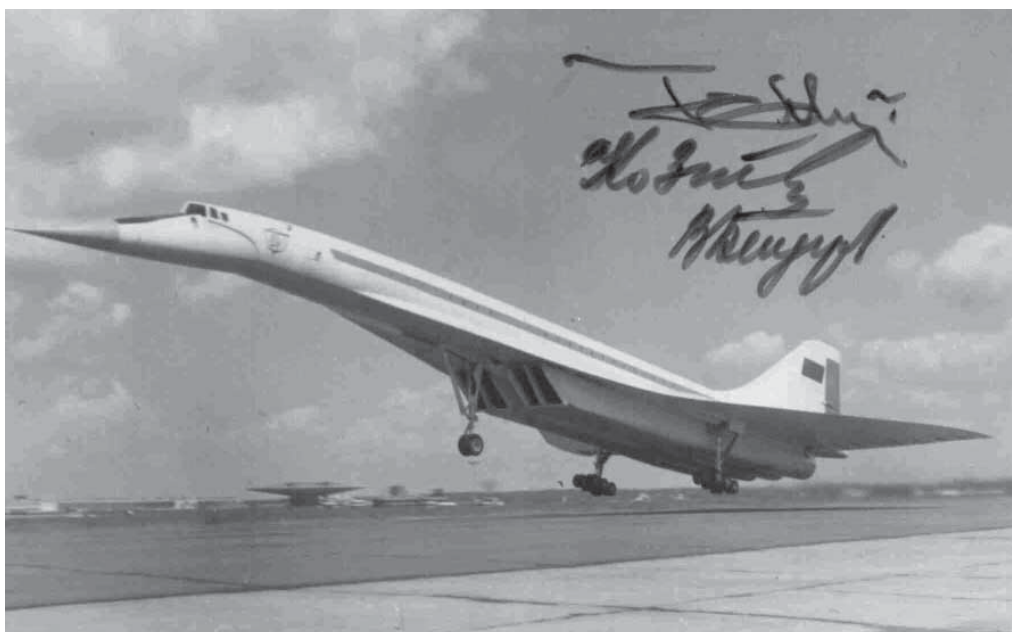
А. А. Туполев беседует с экипажем Ту-144

в госпиталь – ЦНИАГ: в свое время его «списали со сверхзвука», теперь же надо было восстановить ему разрешение летать на сверхзвуковой скорости. Горяйнов поднимал сверхзвуковую «пятидесятку» – М-50 Мясищева, и его кандидатура была вроде бы естественной: он как бы продолжал начатое на М-50. Но характер (или болезнь) вновь подвели Горяйнова. И остановились на Еляне. Вторым Елян назвал Козлова. Он в это время уже получил звание Героя – за работу по Ту-128. Козлов не принимал особого участия в работе макетной комиссии. Но это был очень грамотный, осторожный и въедливый летчик. Он не уступал Елянну как летчик, но и не превосходил его, как видится кому-то.

Известно, что В. Н. Бендеров входил также в экипаж этой революционной пассажирской машины – сверхзвукового Ту-144. Командир экипажа Эдуард Ваганович, вспоминая разные обстоятельства летных испытаний Ту-144, в том числе и самые драматические, говорил неизменно о высоких профессиональных качествах В. Н. Бендерова и Ю. Т. Селиверстова. Они оба как инженеры – члены экипажа участвовали в испытаниях Ту-144 начиная с первого вылета. Елян ходатайствовал перед Д. Ф. Устиновым о присвоении им звания Героя Советского Союза...

Автографы Э. В. Еяна, М. В. Козлова, В. Н. Бендерова

В том, что касалось любых происшествий с Ту-144, тем более катастроф, особенно второй, Эдуард Ваганович никогда не снимал с себя ответственности, даже если она была явно косвенной.

– В пожаре Ту-144 я виню себя, – говорил мне Елян. – Виноват, потому что не воспитал бортинженера, который мог распознать опасность. Бендерова воспитал, и он нас выручал. А этого – не воспитал.

Именно Бендеров в свое время при возвращении из Берлина после демонстрационных полетов самолета Ту-144 обнаружил чрезмерный расход топлива и в считанные секунды разобрался, что оно утекает. Аварийная посадка в Варшаве позволила спасти экипаж и сохранить машину. После того полета экипаж поехал на дачу к Андрею Николаевичу Туполеву. «Старик» расцеловал Бендерова, прослезился, поблагодарил и подарил ему красивую вазу...

Между тем и поныне нередко катастрофу в Ле-Бурже связывают именно с В. Н. Бендеровым, что не только бездоказательно, но и жестоко, несправедливо и бестактно в отношении памяти достойного человека. Четко об этом сказал в разговоре со мной летчик-испытатель В. П. Борисов, справедливо заметивший главное: «Версия с камерой, якобы уроненной В. Н. Бендеровым, устраивает всех живых. Особенно – номенклатуру...»

И я в своих публикациях, и специалисты ОКБ (прежде всего по системе управления самолета), думается, окончательно сняли с Владимира Николаевича необоснованные обвинения в его причастности к на шумевшей катастрофе самолета Ту-144 в Ле-Бурже. Но и поныне можно слышать иногда надуманное утверждение (официальной версии), что катастрофа эта произошла из-за того, что во время маневра самолета у земли в демонстрационном полете на знаменитом аэрошоу из рук генерала Бендерова, находившегося между летчиками, якобы выпала кинокамера, которая будто бы заклинила управление самолетом, и он врезался в землю. Можно понять семью выдающегося человека, на которого (погибшего!) брошена такая тень в угоду чисто политических соображений. И сын не устает доказывать:

– Перед Бендеровым находился штурман Баженов, и он заслонял Бендерovu обзор. Так что Бендеров снимать не мог (на это указывало положение тел после катастрофы в кабине). Ниша штурвальной колонки закрыта кожухом, и камера в эту нишу попасть

не могла. При переходе самолета в пикирование все непривязанное прижимается к потолку, а не падает на пол кабины. В ЖЛИиДБ есть заключение о том, что камера не мешала пилотированию.

Но широко известно, что летчик-испытатель ЛИИ Петр Иванович Казьмин утверждал, и это опубликовано, что во время испытаний в ЛИИ, которые были ему поручены сразу после громкой катастрофы, камера заклинивала управление Ту-144. Как известно также то, что переводчик на авиасалоне Юрий Вадимович Синявский какое-то время считал себя, по его словам, «соучастником катастрофы», поскольку именно он передавал экипажу ту самую камеру, пока не узнал истинную причину катастрофы. Так что можно (и должно) понять сына, неустанно защищающего доброе имя своего выдающегося отца. Ведь истинной причиной

катастрофы был установленный и доказанный специалистами отказ системы управления. На это указывают многие, вполне убедительные публикации, в том числе – мои.

Однажды, давно уже, Александр Валентинович Глушко, сын покойного главного конструктора ракетной техники академика В. П. Глушко, работавший над книгой о космонавтах, спросил меня, знаю ли я, что В. Н. Бендеров входил в отряд космонавтов. Для меня

это было полной неожиданностью. А. В. Глушко передал мне подробное «досье» В. Н. Бендерова. И человек, о котором, к моему сожалению, пусть редко, но можно было услышать и не самые уважительные слова его коллег, предстал в новом свете. Я слышал много доброго о семье Бендеровых. Знал, что отец его, Н. И. Бендеров, был известным астраханским врачом, успешно борющимся с чумой и холерой. Но не знал, к примеру, что брат, Николай, был капитаном сборной СССР по волейболу, сестры Вера и Генриэтта – писателями и журналистами, сестра Елена – народным судьей... В числе документов находилась приведенная ниже с минимальными редакторскими правками характеристика В. Н. Бендерова. Она была приложена к его рапорту от 12 февраля 1964 года на имя Главкома ВВС главного маршала авиации К. А. Вершинина с просьбой «зачислить его летчиком-космонавтом». Эти документы сопровождалась также письменной рекомендацией А. Н. Туполева. Привожу эту характеристику почти полностью, поскольку она позволяет не только существенно уточнить представление о конкретном человеке, но и помогает понять суть еще одной испытательской летной профессии – летающего ведущего инженера.

Служебная характеристика на начальника Летно-экспериментальной станции ОКБ-156 старшего ведущего инженера по летным испытаниям самолетов, инженера-полковника В. Н. Бендерова:

«Год рождения 1924, русский, член КПСС с 1956 г. Образование высшее, в 1950 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского. В Советской армии с 1943 г. С 1950 по 1953 год работал в ГК НИИ ВВС. В 1953 году по специальному постановлению Совета министров СССР направлен на работу в нашу организацию, где и работает по настоящее время. За время работы в нашей организации успешно и в короткие сроки провел в качестве ведущего инженера большое количество летных испытаний опытных и модифицированных самолетов, участвуя при этом во всех испытательных полетах. Кроме того, проводил ряд летных исследований, в том

В. Н. Бендеров

Э. В. Елян (второй справа) и В. Н. Бендеров (третий слева) с коллегами

числе выполненные впервые в мире исследования поведения тяжелого самолета на режимах сваливания. В период с 1953 г. по настоящее время им проведены следующие основные работы:

1954 г. – полеты по испытанию опытного двигателя;

1955 г. – первый вылет и заводские испытания первого турбовинтового опытного стратегического бомбардировщика;

1955 г. – первый вылет и полная программа заводских и совместных испытаний Ту-104;

1956 г. – окончание совместных испытаний Ту-104. Полеты по испытанию системы заправки в воздухе на самолете Ту-16;

1957 г. – первый вылет и совместные испытания самолета Ту-104А;

1957 г. – первый вылет и заводские испытания опытного самолета Ту-107;

1958 г. – участвовал в полетах при испытаниях тяжелого самолета на больших углах атаки вплоть до сваливания – испытания проведены впервые в мире;

1958 г. – заводские и совместные испытания самолета Ту-104Б;

1959 г. – первый вылет и заводские испытания опытного экземпляра самолета Ту-104Е;

1959 г. – участие в подготовке самолета ТУ-114 к полетам по маршруту Москва – Нью-Йорк – Москва, Москва – Вашингтон – Москва;

Самолет Ту-114

1960–1962 гг. – первый вылет и заводские испытания самолета Ту-124;

1961 г. – подготовка и руководство по проведению воздушного парада;

1961–1964 гг. – руководство по испытанию новейшей авиационной техники и участие в полетах при испытаниях самолетов;

1963 г. – первый вылет и участие в первых полетах на самолете Ту-134.

Тов. Бендеров участвовал в первом вылете на 8 опытных самолетах. В вышеперечисленных полетах участвовал как ведущий инженер и работал на рабочих местах летчика, штурмана-оператора и бортинженера.

Отличается большим трудолюбием, работоспособностью, энергией и настойчивостью. В полетах решителен и смел. Быстро принимает необходимые решения в сложной обстановке. Летать любит. Является квалифицированным инженером и дисциплинированным, требовательным офицером. Технику любит и глубоко знает.

Принимает активное участие в общественной жизни. Является членом партийного бюро. Не пьет и не курит. С товарищами по работе дружен. К подчиненным чуток. Пользуется заслуженным авторитетом в коллективе.

Физически развит хорошо. Всегда подтянут и аккуратен. Обладает высокими моральными качествами. Политически развит.

С 1960 года работает в должности начальника Лётно-экспериментальной станции нашего ОКБ, одновременно участвует в испытательных полетах в качестве ведущего инженера. И на этой работе т. Бендеров В. Н. проявил большие организаторские способности и знания при испытаниях новейшей авиационной техники.

За успешные испытания новой авиационной техники награжден орденом «Знак Почета», значком «Отличник соцсоревнования ГКАТ» и имеет ряд благодарностей от генерального конструктора и министра.

Награжден пятью золотыми медалями за участие в установлении двадцати двух мировых рекордов по самолетному спорту.

В. Н. Бендеров

Неоднократно командировался за границу при первых полетах самолета Ту-114 в Англию и другие страны, а также при полете с Н. С. Хрущевым на борту.

Инженера-полковника БЕНДЕРОВА Владимира Николаевича рекомендуем для зачисления летчиком-космонавтом».

Начальник ЖЛИиДБ А. С. Благовещенский не только подписал эту характеристику, но и обратился (совместно с секретарем парткома и профкома) лично к руководителю подготовки космонавтов Н. П. Каманину. 9 февраля 1964 года Каманин записал в своем дневнике: «Звонил мой однокашник, генерал-лейтенант Благовещенский А. С. Он просил принять и рассмотреть как кандидата в космонавты инженера-полковника Бендерова В. Н., работающего летчиком-испытателем ОКБ А. Н. Туполева. Дал согласие принять».

Как видно, Каманин ошибочно посчитал Бендерова летчиком. Тем не менее он был принят в отряд космонавтов ЦПК в конце мая 1964 года. Однако уже в начале июля того же года его подготовка к полету на космическом корабле «Восход» была прекращена. Причинами были неудовлетворительные медицинские показания, а также большой рост и габариты кандидата.

Бендеров, очевидно, прилагал усилия продолжить подготовку к космическому полету, но безрезультатно. В дневнике генерала Каманина от 6 февраля 1965 года есть запись: «Звонил Андрей Николаевич Туполев. Старик вторично хлопчет за Бендерова. Бендерову уже под 40. Я сказал Андрею Николаевичу, что в ближайшие годы старше 30 лет в космонавты брать не будем».

Валерий Владимирович уточнял: «В отряд космонавтов Туполев направлял Бендерова не просто так. Ему нужен был тренированный человек, адаптированный к высотным и скоростным полетам на Ту-144. Так он готовил летающего руководителя, способного спокойно и взвешенно принимать грамотные решения

в любых условиях предстоявших, весьма сложных и ответственных испытаний Ту-144. Об этом Туполев договаривался с отцом и, возможно, с Каманиным».

А вот что известно из официальных источников. В. Н. Бендеров готовился к выполнению космического полета по определенной целевой программе – на первом многоместном корабле «Восход». Организации, непосредственно занимавшиеся реализацией пилотируемой программы, начали в 1964 году отборы собственных кандидатов на космический полет. От министерства авиационной промышленности из трех кандидатов к подготовке был допущен один – инженер-испытатель В. Бендеров. Мандатная комиссия утвердила группу кандидатов для подготовки в ЦПК к полету на корабле «Восход», в которую вошли: К. Феоктистов (ОКБ-1), Б. Егоров (ИМБП), Г. Катус (АН СССР), В. Бендеров (ОКБ А. Туполева), В. Лазарев (НИИ-7 ВВС), Б. Поляков (ИМБП) и А. Сорокин (ЦПК ВВС). Несмотря на строгий медицинский отбор, В. Бендеров и Б. Поляков через месяц были отстранены от подготовки по состоянию здоровья и вернулись к своей прежней работе.

Добрых, возвышенных слов о Владимире Николаевиче Бендерове знавших его людей не счесть. Мы уже приводили в этой книге благодарные слова о Владимире Николаевиче его замечательного ученика, летающего ведущего инженера ОКБ А. Н. Туполева С. П. Авакимова. А вот что Сергей Петрович сказал о его сыне: «Также с большим уважением я отношусь к Бендерову-младшему! Безупречный Специалист, надежный Товарищ, Скромняга и настоящий Гражданин!»

Владимир Николаевич был добрым примером своим детям. Валерий Владимирович говорил:

– Отец не чурался никаких сложных испытаний, и летный состав его за это ценил. Никогда он не приходил домой «вовремя». Всегда задерживался на работе до ночи. Субботы тоже все работал. С семьей проводил иногда воскресные дни. Он любил принимать гостей, любил кататься на коньках и горных лыжах, а летом – играть в теннис. За двадцать лет, которые он проработал на фирме Туполева, как помнится, он отдыхал всего четырежды, да и то только дней по 10: в Архангельском (под Москвой), в Сочи, в Цахкадзоре и в Болгарии.

В. Н. Бендеров и Э. В. Елян на авиасалоне

Один из авторитетных руководителей ЖЛИиДБ М. В. Ульянов говорил:

– Владимир Николаевич Бендеров был мягким, добрым человеком. Он старался всем сделать добро. Но в подборе работников у него случались значительные ошибки...

Мне неизвестно, насколько это справедливо. Вместе с тем я знаю об исключительном уважении, которое проявлял Ульянов не только к Владимиру Николаевичу, но и к его сыну В. В. Бендеру – Валерке, как он называл его нередко дружески, считая его одним из самых квалифицированных и эффективных руководителей КБ последнего времени, по сути – совестью КБ. Особенно он укрепился в этом убеждении, прочитав книгу В. В. Бендерова «Лишние». Ульянов хорошо знал уже упоминавшуюся мою давнюю статью «Не казаться, но быть великой авиационной державой». И, прочитав «Лишние», позвонил мне, увидев, как он выразился, «связь времен», и сказал, что Валерий Бендеров прислал ему для передачи мне его книгу с дарственной надписью. Я давно призывал Михаила Владимировича Ульянова как глубокого, информированного и ответственного руководителя

на фирме Туполева написать о происходящей с ней «вселенской» беде, о ее истоках, причинах, «действующих лицах», о чем он весьма откровенно говорил мне кулуарно. Но безуспешно, хотя рукопись книги своих, явно «сглаженных» воспоминаний он подготовил и, кажется, при нашем безденежье нашел издателя. Единственное, что заметил мне М. В. Ульянов, говоря о книге В. В. Бендерова, что общее в ней и моей статье – это глас одиноко вопиющих в пустыне.

Справедливости ради должен заметить, что в моей статье нет, естественно, столь подробного и глубокого диагноза серьезной, смертельной даже болезни, и ее достоинство состоит в том, что опубликована она была тогда, когда эта болезнь была еще в зачаточном состоянии. Потом стали появляться другие озабоченные выступления людей гораздо более авторитетных, например генерального конструктора Г. В. Новожилова. Но даже они остались без внимания власть предержащих и способных что-то изменить к лучшему.

Столь глубокий государственный анализ проблемы, какой дал в своей книге В. В. Бендеров, был основан на конкретных, впечатляющих фактах. Для этого недостаточно было иметь большую гражданскую смелость истинного и активного патриота, веру и надежду на понимание. Такой основательный анализ был бы невозможен без впечатляющего инженерного и организаторского опыта работы В. В. Бендерова. Вот его послужной список.

Он окончил в 1969 году Московский авиационный институт. С 1969 по 1996 год служил в вооруженных силах, в конце службы был членом Научно-технического комитета Военно-воздушных сил. Полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, он имеет более 100 публикаций в отечественных и международных изданиях, автор 10 изобретений. В последующем его жизнь как потомственного туполевца была связана с ОКБ А. Н. Туполева. С 1996 по 2010 год В. В. Бендеров работал заместителем руководителя ОКБ по военной тематике. С 2010 по 2012 год он – главный специалист ОКБ. В течение семи лет, с 2012 по 2019 год, он – главный конструктор. С 2019 года работает в родном ОКБ ведущим инженером-конструктором. Директор программы – главный конструктор

многофункционального летно-моделирующего комплекса (ЛМК-214), вице-президент ОАО «Туполев».

В связи с присвоением ему звания «Заслуженный конструктор РФ» В. В. Бендеров получил поздравление от ПАО «Туполев». В нем, в частности, говорится: «Валерий Владимирович Бендеров является автором ряда изобретений, опубликованных научных трудов, в должности вице-президента компании “Туполев” руководил работами по перевооружению дальней и стратегической авиации России на новое высокоточное оружие, по модернизации комплексов дальней авиации. Руководил работами по заключению контракта с ВМС Индии на продление сроков службы и ремонт противолодочных самолетов Ту-142МЭ».

Как бы ни были значительны эти достижения конструктора В. В. Бендерова, заметным событием его жизни (да и жизни отрасли) стала его книга «Лишние». Ничего, кроме крупных неприятностей после опубликования этой честной, глубокой книги – и не только на работе, где он занимал серьезный пост, но и вообще в повседневной жизни, – В. В. Бендеров ждать не мог. Не мог, потому как прямо, но вполне аргументированно определил вину многих и многих руководителей как в стране, так и в КБ, в отрасли – за произошедший развал авиационной отрасли страны в последние десятилетия. Отрасли, созданной всей страной ценой огромных материальных, социальных жертв всего советского народа, усилиями лучших его умов и рук. Автор книги не назвал конкретных имен, их много, они узнаваемы. Он, по сути единственный на фирме, не считавшим возможным (сам перед собой, перед своей совестью) спокойно, равнодушно молчать, видя, как эти люди: кто преднамеренно, злонамеренно, а кто по недоразумению, недомыслию – разрушают некогда могучее, имевшее мировое признание конструкторское бюро – основу авиационной отрасли страны, основу ее стратегической безопасности и самодостаточного развития ее народного хозяйства, социального благополучия народа.

В насыщенном, ярком вступлении к книге другой потомственный туполевец, известный ученый, доктор технических наук, академик АВН А. А. Пухов написал такие слова о В. В. Бендерове: «Он не понаслышке знает, какими путями от крупносе-

рийных передовых авиационных технологий во многих оборонных областях наша страна пришла в состояние штучного производства воздушных судов гражданского, а теперь уже и военного назначения. Наиболее трагична судьба дальней авиации РФ, с которой исторически начинался расцвет авиации...

В новых усилиях по развитию дальней авиации РФ на всех организационных уровнях важно знать и понимать новейшую историю. Важно не только не повторять ошибок и пройденных тупиковых схем, но и не создавать условий для заинтересованных сообществ в ослаблении наших национальных возможностей и завоеваний. В этой книге показано, какими огромными усилиями конкретных людей в условиях отсутствия поддержки со стороны заказывающих органов удалось удержать дальнюю авиацию от полного уничтожения. Как пришлось преодолевать дилетантизм и безответственность часто меняющегося руководства. Автор книги не исключает и открытого предательства – от мелких жуликов и до органов управления авиации, и даже до самых верхних кругов в руководстве страны. Это очень смелое изложение событий...»

С конкретными фактами в руках, с неопровержимой логикой автор раскрывает истоки ухудшения состояния еще вчера выдающейся фирмы, механизм ее последовательной управляемой деградации. При этом им критически, хладнокровно, шаг за шагом рассмотрено влияние как внешних факторов, так и внутренних проблем. Вроде как книга посвящена проблеме одного ОКБ. Но какого! Трудно переоценить значение ОКБ А. Н. Туполева в развитии пассажирского авиационного транспорта огромной страны, в работе его народно-хозяйственного организма. Тем более невозможно переоценить его роль в создании оборонной техники, начиная от самолетов дальней авиации – как основы стратегической триады, направленной на обеспечение глобального мира на земле, заканчивая транспортными и патрульными самолетами, беспилотной техникой.

Валерий Владимирович Бендеров

Вот что, к примеру, написал в своей книге В. В. Бендеров, словно повторяя высказанную мною еще в 2006 году в упоминавшейся статье озабоченность неоправданным отказом от готового уже, сертифицированного и вполне успешного самолета Ту-334 и началом проектирования взамен его аналогичного по назначению регионального самолета «Сухой Суперджет»:

«Поставив точку в конце повествования, перечитав рукопись, окончательно убедился в искусственном развале отрасли, который, на мой взгляд, продолжается до сих пор. Отечественные гражданские самолеты почти исчезли с российского рынка. А единственный созданный за время после распада СССР отечественный серийный “Суперджет-100” на самом деле не исправляет ситуацию, а только усугубляет ее. Появление этой довольно “сырой” разработки перешло дорогу уже запущенному в серию 100-местному Ту-334, а также разработанному до стадии макета 50-местному Ту-324 и доведенному до передачи документации в производство 75-местному Ту-414. Тем самым на целых десять лет российский рынок был открыт для заполнения зарубежными самолетами...

В. В. Бендеров

Сегодня ясно, что страна совершила страшную, катастрофическую ошибку, поставив на руководство авиационной и других наукоемких отраслей народного хозяйства дилетантов. В результате в России отечественные самолеты заменяются на зарубежные, и эта ситуация продолжает развиваться».

«Мне кажется, – написал В. В. Бендеров в заключение, – что нашу авиацию еще можно спасти, если сместить этих горе-руководителей со своих должностей, заменив их на специалистов».

Что заставило человека, занимавшего серьезный пост, сказать (в одиночку, имея «сомнительные» корни «понаехавшего») такое непростительное суждение, что явно не понравится власть предержащим? Думаю, ответ единственный: уважение к самому себе, не слепому, не глухому, не тупому, наконец, не

**А. Н. Туполев и А. А. Туполев
с членами экипажа Ту-144
после первого вылета**

трусливому, высказать свое личное несогласие с теми, кто внаглую рушит дело твоей жизни, жизни твоих учителей, коллег, твоих родителей...

Это ли не подлинный патриотизм?

Кстати, мне было приятно прочесть уточнение Валерия Владимировича в отношении «сомнительных» корней: «Армянские корни не сомнительные, а благородные, ввиду древности армянской цивилизации и культуры. А остальные как хотят: могут себя сами превозносить или критиковать. Но армяне – благородная нация».

А вот что Валерий Владимирович сказал о своей книге «Лишние», прочитав черновой вариант этого очерка: «На эту книгу меня сподвигло в первую очередь то, что я до предела натерпелся от наглой несправедливости руководства ОАК, Министерства, различного уровня управленцев от Минобороны, что молчать просто не мог. Не имел права. Достали! Мне в глаза говорили слова о ненужности фирмы Туполева. И никакие воззвания к патриотизму не помогали. Только наглые ухмылки. То есть понимали, что делали. Некоторые до сих пор работают и благоденствуют, и их не расстреляли».

Можно увидеть и некоторую параллель в отношении руководства России к развалу одной из ключевых отраслей страны с развалом за последние десятилетия отношений с давним, и одним из немногих, христианских партнеров России в стратегически важном для нее регионе Южного Кавказа – Арменией. В обоих случаях мы говорим власть предержащим: «Мы видим ваши ошибки: допущенные по незнанию, а то и злонамеренно, и связанные с ними угрозы прежде всего для России. Говорим об этом громко и с болью, уверенные в том, что рано или поздно опасность потерять Армению станет очевидной и нынешним руководителям России, строго “опекающим” все жизненно важные структуры Армении как свои собственные, говорящим сегодня уверенно: “Куда она денется?” Нынешним руководителям России теперь очевидны последствия развала промышленности авиационной». Завтрашним – будут ясны последствия недальновидной политики на Южном Кавказе.

Анри Зурабович НАСКИДЯНЦ

Заслуженный летчик-испытатель РФ Анри Зурабович Наскидянц, работая в Жуковской летно-испытательной и доводочной базе ПАО «Туполев», 2 февраля 2020 года поднял в небо важнейший современный самолет России – модернизированный стратегический ракетоносец Ту-160М. Выбор летчика на эту сверхответственную работу говорит сам за себя.

Родился Анри в Тбилиси в 1960 году, в семье инженера-химика, специалиста в химико-технологической отрасли. В 1962 году отца перевели в Минск. Здесь Анри окончил среднюю школу и в 1978 году поступил в Черниговское высшее авиационное училище летчиков.

Выбор авиации, как это нередко бывает, был предопределен у него незабываемыми детскими впечатлениями. Мальчишкой он увидел самолеты, пролетавшие на большие учения, и это перевернуло в нем все!

– Попасть в летчики я мечтал всю свою жизнь, – говорил он. – Во время масштабных учений над моим домом пролетели самолеты. Это произвело на меня такое ошеломительное впечатление, что с тех пор я без авиации вообще не представляю свою жизнь. До сих пор я не могу понять, почему я полюбил авиацию так, что это стало моей жизнью. Мне на пенсию скоро (может, и не очень

скоро), но я не могу представить, как мне жить дальше, если эта жизнь не будет связана с авиацией...

После окончания училища Наскидянец был направлен на службу в боевой полк, в Карши, в Туркестанский военный округ. Шла война в Афганистане. Он летал там на истребителе МиГ-23, а затем на истребителе-бомбардировщике Су-24. В 1987 году, набрав значительный боевой опыт, он поступил (а это было всегда пределом мечтаний любого боевого, сильного летчика!) на учебу и испытательную работу: в Центр подготовки летчиков-испытателей (ЦПЛИ) и Государственный лётно-испытательный центр (ГЛИЦ) Военно-воздушных сил в Ахтубинске.

В течение пяти лет работы военным летчиком-испытателем Анри Зурабович испытывал в основном истребители, это были МиГ-29, Су-27, МиГ-31. Ему поручались и особо сложные испытания – на штурмовик самолетов Су-17 М4, МиГ-21... Памятных событий накопилось тогда немало.

– В частности, – рассказывал он, – однажды случился отказ управления на взлете на Су-24... На МиГ-29 однажды я «вытащил» машину с перегрузкой 11,5, молод еще был... Проводили тогда научно-исследовательскую работу по сверхманевренности. Случилось две катастрофы по этой машине. У ребят, которые погибли, была цифровая система управления, а у меня – аналоговая. Цифровая система не позволяла превысить ограничение по

перегрузке, и ребята на этом погибли...

Я не мог не спросить летчика о совершенно уникальном самолете МиГ-31. Созданный полвека тому назад, он остается суперсовременным и поныне непревзойденным в мире. Мне приятно вспомнить, что совсем молодым инженером я получил свою первую награду – медаль «За трудовую до-

блесть» в Кремле именно за самолет МиГ-25, на основе которого позже был создан МиГ-31.

– Какое у вас впечатление о МиГ-31? – спросил я летчика.

– Исключительно яркое впечатление. Это самолет очень хороший, насколько я знаю его модификации. Летал я и на МиГ-25, и на МиГ-31. МиГ-31 может очень много по сравнению с МиГ-25. МиГ-25 – это чистый перехватчик. Был также вариант разведчика-бомбардировщика. Но МиГ-31 – это уже совершенно другая машина, она умеет очень-очень много чего.

Наскидянец, по понятным причинам, не стал разъяснять, что именно. Но надо сказать об этом шедевре авиастроения, что самолет МиГ-31 – это, по сути, не модификация, а совершенно другая машина, лишь внешне очень похожая на МиГ-25. Существенные отличия связаны с конструкцией силового набора, шасси, с новыми уникальными двигателями Д-30Ф, с новыми навигационными и прицельными комплексами, радиолокационной станцией, наконец, с экипажем из двух человек. Самолет имел вдвое больше ракетного вооружения и имел шестиствольную пушку... Сейчас этот самолет наводит особый ужас на противника как носитель гиперзвуковой ракеты «Кинжал»...

Помимо маневренных самолетов, Наскидянец испытывал также и тяжелые. Однажды на самолете Ил-96-400 с максимальным посадочным весом 220 тонн они попали в весьма сложную ситуацию: на посадке у них не выпустились до конца закрылки. Наскидянец понял это по тому, что при штурвале, взятом полностью на себя, машина стала падать с большой вертикальной скоростью. Пока разбирались, в чем было дело, слава богу, хватило на это времени, пока переставили стабилизатор, выскочили на высоте метров на 90 – вместо 600!

– А как же вышли из столь серьезного положения? – спросил я летчика.

Анри Зурабович ответил:

– Я вручную выпустил тормоза. Мы уменьшили рост вертикальной скорости снижения машины, а также скорректировали кабрирующий момент, обусловленный закрылками. Машина подняла нос так, что побоялись, что она сорвется, но вытащили... Не знаю, честно, до сих пор не могу понять, что произошло, видимо, господь бог мне что-то подсказал...

Самолет МиГ-31

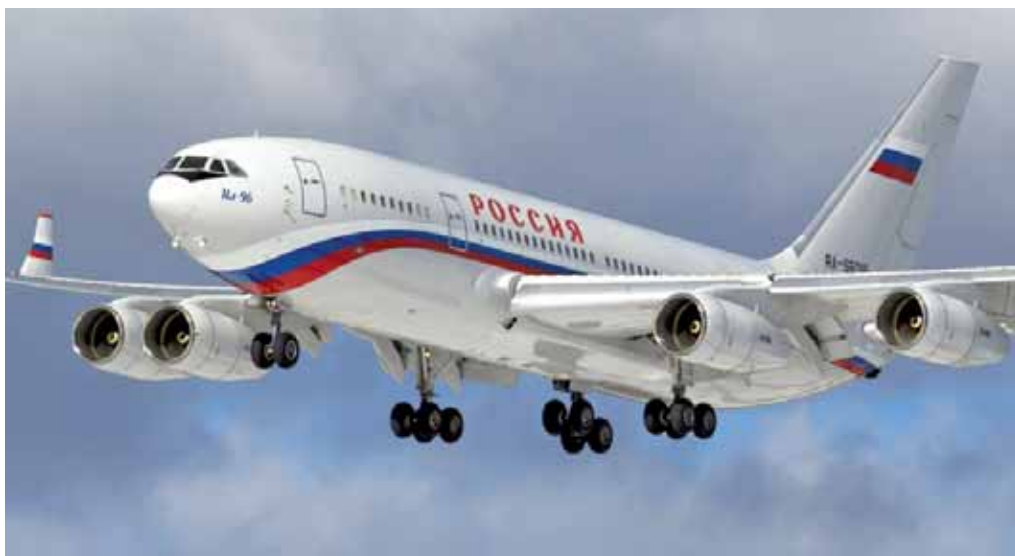

Столь разной испытательной работы, на столь разных машинах у военного летчика-испытателя Наскидянца в тот «золотой период» развития советской авиации было предостаточно. Но с развалом Советского Союза единственная возможность продолжения сколько-нибудь интенсивной испытательной работы на какое-то время оказалась связанной с туполевской фирмой, куда он был направлен в 1997 году. Тогда впервые он встретился в деле с выдающимся летчиком-испытателем Борисом Ивановичем Веремеем, который первым поднял в небо легендарный ныне ракетоносец Ту-160 – самый крупный и мощный в истории военной авиации сверхзвуковой самолет с изменяемой в полете геометрией крыла. Наскидянец и представить тогда не мог, что 32 года спустя ему доверят впервые поднять в воздух глубокую модернизацию этого самолета – Ту-160М.

Но в то время, когда Наскидянец только пришел на фирму Туполева, в трудном положении оказалась и она.

– Через какое-то время, – вспоминал Анри Зурабович, – Веремей направил меня на минский авиаремонтный завод, там я работал по машинам Ту-134 и Ту-154. А после минского завода я уже попал на испытательную работу на Воронежском авиационном заводе.

Самолет Ил-96

Здесь ему предстояла интенсивная испытательная работа по самолетам Ил-86, Ил-96, Ан-148.

– Машина Ил-96, по-моему, замечательная машина, – заметил я летчику. – Как вы объясняете, что ей перекрыли дорогу дальнейшую?

– Машина действительно прекрасная, – загорелся Анри Зурабович. – Прежде всего – по аэродинамическим характеристикам. Но двигатели ее ПС-90А оказались весьма слабыми. Я летал на самолете Ил-96-300 и особенно много – на «грузовике» Ил-96-400. Я на нем летал и тогда, когда самолет этот был оснащен более мощными двигателями фирмы «Пратт-Уитни». Тогда при максимальном весе машины 270 тонн вес коммерческого груза достигал 90 тонн. А когда двигатели «Пратт-Уитни» забрали, максимальный вес машины снизился до 250–260 тонн... Как известно, высокая температура воздуха в жарких странах очень сильно влияет на взлетные характеристики самолета, на требуемую длину разбега, на безопасную высоту при подъеме в районе аэродрома. К примеру, когда мы взлетали в Гонконге, там условия были такие, что приходилось это делать рано утром, когда температура воздуха была еще относительно низкой. Так что и на этой машине я просил, чтобы мне загружали 90 тонн; при более задней центровке мы взлетали и нормально летали.

Самолет Ту-204

– Это были коммерческие перевозки, вам и этим приходилось заниматься?

– Да, это были чисто коммерческие перевозки... Машиной этой владело наше государство, и поэтому надо было ее как-то спасать. Иначе она не выжила бы, ее просто выбросили бы. А машина очень хорошая. Прежде всего, повторяю, у нее хорошая аэродинамика крыльев. Вообще, и туполевские крылья, и ильюшинские – замечательные! Мои любимые машины – это Ил-76 и Ил-86. А Ту-214 – это просто классика! Я поражаюсь, почему все так забылось вообще. Вот вчера я летал на Ту-214 – замечательная машина! Я не хочу говорить про «Боинги» и «Эйрбасы». Они меня не интересуют. Расскажу вам об одном случае. Лечу как-то на Ан-148, я на этой машине пролетал много и седых волос заработал немало.

...У машины замечательный суперкритический профиль крыла, оно имеет стреловидность 30 градусов. Итак, лечу я на ней с полным экипажем и полным салоном пассажиров, поднявшись на высоту около 12 тысяч. Поднялся я на такую высоту, превышая рекомендации, – потому что надо было избежать грозу впереди. Я попросил диспетчера дать мне эшелон соответствующий. Диспетчер спрашивает меня: «Ты что туда залезешь?» Я говорю: «Да!» – «А какая у тебя машина?» – «Ан-148!» – «И что, он туда залезет? Эйрбасы туда не залазят!» Я говорю: «А он туда залезет!» И я прошел на этой высоте – 11 600 м. Это очень большая высота для этой машины. Антоновцы – это наш советский авиапром, отличная аэродинамика...

– Это достижения, совместные с ЦАГИ...

– Да, да, конечно! Плюс к тому двигатели Д-36.

Мы продолжили беседу.

– На вашем счету совершенно удивительные машины, – заметил я летчику. – А на Ту-22М3 вам не приходилось летать? Это тоже одна из выдающихся современных машин – со старой, советской еще историей?

– Нет. На этой машине меня однажды лишь «покатали». Мне было интересно понять, что же это за такая супермашина! И МиГ-25, и Як-38, и МиГ-23... – каждая машина имеет свой характер, и порой очень тяжелый, сложный характер. Например, МиГ-25 – машина – «суперракета», но, когда МиГ-25 нос поднимает

на посадке, там вообще не видно ничего... Я вам скажу, все самолеты красивые. Мне даже их не хватает – все больше и больше. Когда человек становится испытателем, то, чтобы осваивать новые машины, ему не нужны «провозные» полеты – с инструктором... У меня такое было, я сел в самолет новый, ночью, помню, главное для меня было: на разбеге оторваться от земли и... потом – на посадке очень аккуратно действовать...

Между прочим, недавно прочел в интернете то, о чем мне Анри Зурабович не рассказывал, но поведал о том его однополчанин-техник Александр Мулявко, служивший с ним в узбекском Ханабаде. Он вспоминал о встрече однополчан в 2019 году в Подмоскowie.

– Сидели, под рюмочку чая службу вспоминали. И вот какой случай тогда рассказал заслуженный летчик-испытатель России Анри Зурабович Наскидянец, в тот день он, кстати, ни капли не выпил. Летел он как-то раз командиром экипажа (на каком-то большом транспортном самолете) то ли из Кубы, то ли из Венесуэлы. Погода норма, видимость, как говорится, миллион на миллион. И тут ни с того ни с сего появляется дымка, потом облака, и вдруг такие тучи поперли, нереально свинцово-черные. А на бортовом компьютере никакой засветки нет.

Дальше постараюсь максимально точно передать рассказ Наскидянца: «Совершенно неожиданно впереди открывается здоровенное жерло, как у вулкана. Только не горизонтально оно располагается, а вертикально, перед нами. И мы влетаем в это жерло. Сверху, снизу, по бокам тучи клубятся, мы летим, как в трубе. А впереди свет, и не ослепительный, но такой матово-багровый, как закат. И реально этот свет притягивает, мы на него летим. Вдруг замечаем – свет этот как будто вниз пошел. Труба, по которой летим, тоже изогнулась вниз, уперлась в океан. Свет уже внизу, все так же притягательно мерцает, и вдруг возникает огромное желание – немедленно отдать штурвал от себя. В этот момент слышу голос правого летчика в наушниках, мол, ну что ты тянешь, давай двигай штурвал от себя! Я аж головой затряс. Как рывкнул на правака: “А ну-ка, газку побольше движкам и штурвал на себя!” Минут через 10 все нормально заработало, небо посветлело, тучки разошлись. И мы дальше уже шли без приключений и спокойно вернулись домой...»

Такую вот историю рассказал нам тогда Анри Зурабович. Добавлю только, что произошли эти события в месте непростом. А именно – в районе так называемого Бермудского треугольника...

Приятно было прочесть там же следующий комментарий: «Анри Наскидянец – очень талантливый летчик-испытатель. Я его хорошо помню по 1-му Управлению 929 ГЛИЦ. И к испытательной работе в ОКБ им. А. Н. Туполева он пришел далеко не простым путем».

В нашей беседе Наскидянец уточнял, что летели они на самолете Ан-124 «Руслан». И второе: они, испугавшись, не стали продолжать движение навстречу тайфуну (это был именно тайфун), а повернули обратно и пошли на север, обходя его. Я продолжил расспросы Анри Зурабовича:

– А на Ту-334 вам не довелось полетать?

– Не довелось, к сожалению.

– Обе эти «старые» машины: и Ту-334, и Ан-148, по мнению многих объективных специалистов, заметно лучше современного «Суперджета», который создавался фирмой, никогда не занимавшейся пассажирскими самолетами. Я об этом писал еще в 2006 году в своей статье в журнале «Наука и жизнь», озаглавленной «Не казаться, но быть великой авиационной державой».

Самолет Ан-124

А. З. Наскидянец

Но по необъективным причинам именно «Суперджет», создававшийся с нуля, пришел на смену этим испытанным и сертифицированным самолетам.

– В своей стране я эту борьбу не понимаю, – отозвался Анри Зурабович. – Честно говорю. В своей стране я не понимаю борьбу. Борьба может быть с другими странами, но не в своей стране.

– Об этом с болью и весьма глубоким анализом наших упущений в развитии авиационной отрасли, об управляемом развале дальней авиации страны и ее главного разработчика – ОКБ А. Н. Туполева написал в своей книге с многозначительным названием «Лишние» бывший заместитель руководителя туполевской фирмы в лихие послесоветские годы Валерий Бендеров. Вы читали, конечно, эту книгу? – спросил я летчика, уверенный в его ответе.

– Конечно. Он мне подарил ее.

– И какое у вас ощущение?

– Вообще, очень тяжелое ощущение. Он – молодец, затронул такие болевые точки...

– И смело, и мудро затронул.

– Да, – согласился Наскидянец. – Честно скажу, именно смело и мудро. А чего бояться-то. Мы, по-моему, уже допрыгались, вообще, надо работать конкретно и ничего не бояться. У нас сейчас такая жизнь, мы на Украине идем в атаку. У меня сын сейчас оканчивает 5-й курс. Не хочу, чтобы он на войну попал. А кто будет защищать, я сам бы пошел. Не хочу сказать, что я старый, я еще могу боевые моменты создавать...

Надо заметить, что, прежде чем вернуться на туполевскую фирму, Наскидянец, приобретя столь большой опыт работы на самых разных машинах, получил весьма лестное предложение. Он рассказывал:

– Меня направили летчиком в президентский отряд, там работал погибший в 2021 году в испытательном полете на военно-транспортном самолете Ил-112В мой товарищ летчик-испытатель Николай Дмитриевич Куимов. В президентский отряд я не захотел попасть, и мне предложили тогда, в 2013 году, вернуться на туполевскую фирму. И вот я с тех пор работаю здесь.

– Как бы ни были значительны другие ваши достижения, наибольшим, наверное, является первый подъем в воздух глубоко модернизированного самолета Ту-160М?

– Да. Потому что у каждого летчика-испытателя есть стремление – поднять хотя бы одну опытную машину. Вот я ее и поднял. У меня – 40 освоенных типов летательных аппаратов: истребители, бомбардировщики, вертолеты. Я должен был работать на уникальном сверхзвуковом самолете вертикального взлета-посадки Як-141, но помешал развал Союза. Поэтому я скажу честно: я очень рад своей судьбе, тому, что у меня вот так все сложилось, а не иначе. Потому что я вообще полетал на всем, что у нас летает...

– Сам выбор именно вас на Ту-160М говорит о многом.

– Может быть. Мне просто, наверное, повезло.

– Почему повезло?! Очевидно, произошло это – по достоинству, по заслугам? Поднять опытную машину, которая на предстоящие десятилетия должна составить одну из основ стратегической триады в обороне страны, могли доверить лишь самому надежному и умелому летчику-испытателю...

– Да, вы понимаете, видимо, не люди порой выбирают, а ситуация какая-то. И я в общем-то не такой уже и мальчик, и, види-

мо, ситуация подвигает на это дело. Я тоже думаю, что оказался достойным этой машины.

– Конечно, сказался, очевидно, такой гигантский по нынешним временам (и безаварийный, насколько я понимаю) опыт летной и испытательной работы. Столь разнообразные машины, это просто удивительно в наше время.

– Я горд, что попал на эту машину, это моя машина, и я думаю, что должен ее довести до совершенства.

– А в чем вы видите отличие (в пределах возможного, конечно) Ту-160М от исходной машины?

– Я вам, конечно, секрета особого не открою, она мощнее, чем исходная машина Ту-160.

– За счет чего?

– За счет ее вооружения. Не буду ничего больше рассказывать. Машина сделана с запасом по прочностным характеристикам, она многое выдержит...

К сказанному (и недосказанному) Анри Зурабовичем стоит добавить общеизвестное. Для машины этой, рассчитанной на десятилетия будущей жизни, разработаны новые вычислительные и бортовые системы, средства контроля и навигации, комплекс радиоэлектронной борьбы, система управления вооружением, системы противовоздушной обороны, защиты от помех. Все это значительно повышает общую эффективность авиационного комплекса Ту-160М.

Я спросил Анри Зурабовича:

– Вы побывали во всех школах: и военного летчика-испытателя, и заводского, и КБ. В чем специфика работы каждого из этих направлений?

– Специфика? Я вам скажу так. Вот если ты гражданский летчик, особенно сейчас, то тебе тяжело бороться с военной приемкой. Сложно в соотношении: того, что они хотят, и того, что мы можем. (Я не стал перебивать Наскидянца, но сейчас напомним шутливо-серьезное высказывание на этот счет мудрого и смелого Андрея Николаевича Туполева: «Дадим нашему заказчику не то, что он хочет, а то, что ему надо!») Может быть, военные требуют слишком многого, а мы не можем этого сделать. Пока, сейчас. Не мне вам говорить, все наши машины (и не только наши) имеют определенные ограничения. Но они постоянно

совершенствуются, модифицируются, и в процессе жизни мы можем достичь поставленных целей...

– В чем все же специфика военного летчика-испытателя?

– Военный летчик-испытатель – это приемка, это летчик, который должен принимать то, что потребовали военные. Я сажусь как военный испытатель в самолет и говорю: «Почему самолет не садится так, почему он не летает так, почему у него маневренность такая, затяжная?» И так далее. То есть военный летчик-испытатель требует выполнения конкретных тактико-технических требований, заданных Министерству авиационной промышленности. И если они не выполнены, то военный заказчик просит объясниться, почему это произошло. Так что, я думаю, военный летчик-испытатель – это больше эксперт.

У Наскидянца, заставшего самый конец «золотого века» советской авиации, были замечательные предшественники, в том числе и наши соотечественники. С одним из руководителей Государственного летно-испытательного центра генералом Степаном Анастасовичем Микояном он познакомился в Ахтубинске, еще будучи там рядовым летчиком-испытателем. Запомнил встречу с летчиком-испытателем Летно-исследовательского института Валентином Вазгеновичем Назаряном. Тогда, при первой встрече Назарян спросил его: «А на чем ты, сынок, летаешь?» Бдительный Анри ответил под общий хохот присутствовавших: «На самолетах!» Эдуарда Вагановича Ельяна Наскидянец встретил один раз в ЦАГИ. Особого общения не было, он видел, как Елян разговаривал с кем-то из сотрудников. Наскидянец вспоминал: «Вижу человека, который поднимал мой любимый красивейший самолет Ту-144! Я с Борисом Ивановичем Веремеем гонял двигатели этой машины – только и всего. Но когда ставили памятник в Жуковском самолету Ту-144, я вместе с шеф-пилотом ОКБ А. Н. Туполева В. А. Минашкиным на Ту-95 пролетал над торжественной церемонией».

Самое светлое, благодарное воспоминание Наскидянца сохранил о Б. И. Веремее, с которым ему посчастливилось работать особенно плотно:

– Борис Иванович – это человек, казавшийся с первого взгляда нелюдимым, смурным даже. Но когда с ним пообщаешься, опять-таки, не мне вам это говорить... Вот вы послушаете

Самолет Ту-134

Георга Отса, и вы поймете, кто такой Борис Иванович. Он для меня по сути – отец. Но я не хочу сказать, что он относился ко мне нежно. Нет! Как летчик к летчику. Он меня и порол, и матом крыл за какие-то прегрешения. Но я и сейчас, когда его нет в жизни, помню его и люблю.

Много Наскидянец работал с туполевцами А. А. Артюхиным, В. А. Севанькаевым. С Владимиром Андреевичем Севанькаевым Наскидянец летал, в частности, на Ту-134 и знал его особенно хорошо. Запомнилось, как однажды на площади Громова он подошел к Анри Зурабовичу и вдруг почему-то горячо попросил у него прощения: «Анрюша, мой золотой, прости меня за все! Я где-то тебя обидел, чувствую это!»

– Я был просто шокирован, – вспоминал Наскидянец. – Потому что это человек тоже – уровня моего отца. И я не помнил никаких обид. Больше я его не видел. Но вот осталось такое грустное воспоминание...

Меньше Анри Зурабович знал других выдающихся туполевских летчиков-испытателей: Сергея Тимофеевича Агапова, Василия Петровича Борисова, но о каждом он сохранил доброе, светлое воспоминание.

Самолет Ту-160

Для меня Наскидянц, несомненно, в ряду самых выдающихся из действующих сегодня летчиков-испытателей. А среди всех известных мне испытателей, редко говорящих о романтизме своей суровой профессии, его особо отличает непроходящая с годами громкая радость за этот подарок судьбы.

Я как-то спросил Анри Зурабовича:

– Чем вы гордитесь сам перед собой? Не перед кем-то, а сам перед собой?

– Тем, что я летчик. Вот это самая моя большая гордость.

– Да не просто летчик. Летчик-испытатель – это вершина летного ратного труда, доступная единицам...

– Ну, не мне судить об этом. Я же очень горжусь тем, что в моей жизни исполнилось мое самое заветное профессиональное желание. Бог дал мне возможность летать. Этим его подарком я дорожу и горжусь.

Анри Зурабович не скрывает еще одну свою гордость. Он говорит:

– Я рад тому, что отношусь к армянскому народу. Мама у меня русская, а отец – армянин, и я рад тому, что у меня в крови две такие нации. Я ни в коем случае не разделяю эти две нации.

**Альфред Мартиросович
ДАВТЯН**

В ряду выдающихся армян – сотрудников А. Н. Туполева достойное место занимает Альфред Мартиросович Давтян. Вот что сообщает об одном из ведущих специалистов ОКБ по прочности летательных аппаратов энциклопедический словарь «XX Век. Авиационное строительство России в лицах».

Авиационный инженер, прочностист-расчетчик, экспериментатор.

Родился в Ереване, Армения, в 1909 г. Окончил Ереванский политехнический институт в 1932 г. С 1935 года работал в ЦАГИ, в ОКБ заводов № 84, 89, 240, 134 старшим инженером, начальником бригады.

С 1949 года – в ОКБ А. Н. Туполева, начальник бригады прочности беспилотных летательных аппаратов, помощник А. А. Туполева по выбору силовой схемы сверхзвуковой и гиперзвуковой беспилотной техники. А. М. Давтян – уникальный специалист в области расчета и эксперимента по повышению ресурса конструкции, в том числе в условиях тепловых напряжений.

В семье Альфреда Мартиросовича сохранилась его фотография – мальчика с авиационной моделью, о котором местные газеты писали, что в 14 лет он установил мировой рекорд дальности полета схематической модели с резиновым мотором.

Юный рекордсмен

Хороший мой товарищ в комплексе прочности ЦАГИ М. П. Тепеницын начинал свою работу после окончания МФТИ как раз в ОКБ Туполева в отделе Альфреда Мартиросовича. Так он восхищался им не только как специалистом в области прочности, но также тем, что он в молодости был инструктором по авиационному и планерному спорту.

В ОКБ Туполева Давтян был одним из ближайших сотрудников легендарного Алексея Михайловича Черемухина. Старейший специалист ЦАГИ, Алексей Михайлович был летчиком в Первую мировую войну. В 1932 году он установил феноменальный рекорд высоты полета вертолета ЦАГИ. Но особенно значимой была его работа в качестве руководителя комплекса расчетно-экспериментальных работ по прочности самолетных конструкций в ОКБ А. Н. Туполева.

В приветственном адресе, посвященном 50-летию А. М. Давтяна, подписанном А. Н. Туполевым и его коллегами, были такие строки: «Коллектив опытного конструкторского бюро, руководимого академиком Андреем Николаевичем Туполевым, горячо поздравляет Вас в день вашего юбилея и от всего сердца желает вам крепкого здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов в вашей трудовой деятельности».

Работая четверть века в авиационной промышленности и пройдя путь от рядового инженера до начальника бригады прочности, вы все это время свой талант инженера и руководителя отдаете делу развития советской авиационной техники. Громадный опыт и наличие исследовательского таланта сделали вас большим мастером прочностного эксперимента. Непрерывно совершенствуя технику расчета, используя передовые методы, Вы приняли самое непосредственное участие в создании ряда конструкций стреловидных крыльев для самолетов, ныне

известных во всем мире. Правительство не раз отмечало ваш самоотверженный труд высокими наградами. Ваша энергия и работоспособность, требовательность к себе и внимательное отношение к коллективу являются образцом для всех нас, работающих с вами на протяжении многих лет. Еще раз от всей души желаем вам здоровья, счастья, долгих лет жизни и дальнейших производственных успехов».

Не случайно с образованием в ОКБ А. Н. Туполева в конце 1950-х годов специального отдела «К» отдел прочности в нем возглавил А. М. Давтян. Именно в этот отдел в 1958 году был переведен М. П. Тепеницын, где он возглавил группу крыла (по программе сверхзвукового БПЛА проекта 121 «Ястреб»). Помимо работ в обеспечение прочности разрабатывавшихся в отделе «К» беспилотных летательных аппаратов, не менее важными в дальнейшем стали также усилия всех новых

А. М. Давтян

А. А. Черемухин
и А. М. Давтян
(сидят в центре)
среди коллег

АЛЬФРЕД МАРТИРОСОВИЧ ДАВТЯН

бригад отдела А. М. Давтяна в обеспечении прочности сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144. Важной и сложной спецификой этих работ была необходимость учета весьма значительного нагрева конструкции создававшихся в отделе «К» летательных аппаратов.

Будущий коллега А. М. Давтяна – главный прочнист ОКБ А. Н. Туполева В. П. Шунаев писал: «С образованием в ОКБ специального отдела “К” ОКБ в миниатюре для разработки беспилотной техники, а точнее школы для воспитаний будущего генерального конструктора А. А. Туполева, в ОКБ появился еще один отдел прочности в подразделении “К”. Руководил отделом А. М. Давтян. В отделе были и бригады собственно расчетов на

прочность, и бригада аэроупругости. Отдел располагал весьма квалифицированными и опытными специалистами... Каждый из отделов прочности – и основного КБ, и отдела “К” – занимался своими делами, но методические вопросы прочности часто обсуждались вместе».

Альфреда Мартыросовича Давтяна связывала тесная производственная и человеческая дружба со специалистами ЦАГИ. Вот что было написано в их приветственном адресе по случаю 60-летия А. М. Давтяна, к которому «приложил руку» М. П. Тепеницын:

Портрет А. Н. Туполева
с дарственной надписью

«Коллектив сотрудников комплекса лабораторий прочности Центрального аэрогидродинамического института имени профессора Жуковского от всего сердца поздравляет Вас с днем шестидесятилетия и желает Вам хорошего здоровья, счастья и успехов в труде. 45 лет Вашей жизни отданы служению отечественной авиации. Вами пройден большой путь от инструктора по авиационному и планерному спорту до руководителя большого инженерного коллектива, решающего вопросы, связанные с прочностью конструкций летательных аппаратов. Ваш самоотверженный, плодотворный труд за все годы работы в ЦАГИ, а затем в конструкторском бюро генерального конструктора Андрея Николаевича Туполева неоднократно отмечался правительственными наградами.

Наш коллектив ценит и уважает вас как крупного специалиста, отзывчивого и принципиального человека. Успешное выполнение многих наших совместных работ во многом зависит от вашей большой энергии и увлеченности, которые для нас служат примером беззаветного служения любимому делу. Примите наши сердечные приветствия и пожелания вам хорошего здоровья, личного счастья и долгих лет трудовой жизни».

Альфред Мартыросович, рано покинувший родной край, был с ним тесно связан все время работы в Москве. Сын его, Андрей Альфредович, вспоминал:

– Отец регулярно отсылал своей матери 50 рублей, тогда это была большая сумма. Родные из Армении, его мама и сестра, часто гостили у нас дома. Мы были соседями по даче и дружили с семьей штурмана ОКБ Константина Ивановича Малхасяна. Отец хорошо знал и глубоко уважал обоих Туполевых. Однажды он подарил Андрею Николаевичу бутылку армянского коньяка. Так Туполев отшутился: «Ты меня балуешь!» Отец был особенно близок с Алексеем Михайловичем Черемухиным...

Отец был очень увлеченным человеком. О работе он не рассказывал: она была закрыта. Чем он мне, мальчишке, запомнился: он приходил домой и дома много работал с логарифмической линейкой, проводя какие-то расчеты. Он отдавался весь делу... Его не стало в 65 лет...

Вот еще одна яркая жизнь, прожитая вдали от родины малой – в самоотверженном служении Родине большой. Малая-то родина помнит всех своих сынов. А помнит ли Родина большая?!

Фридрих Александрович КОЧАРЯН

Фридрих Александрович Кочарян поступил на работу в ОКБ Туполева в 1960 году, тогда же, когда я пришел в ЦАГИ. Оба мы окончили МАИ, но Фридрих за пять лет до меня, и он был распределен поначалу в Сибирский научно-исследовательский институт авиации им. С. А. Чаплыгина (СибНИА) в Новосибирск. Это было удивительно успешное время, особенно для ОКБ Туполева. После хрущевской анафемы авиации (и одновременно его чрезмерных дифирамбов ракетной технике) страна начала восстанавливать нормальное отношение к авиационной отрасли. В ОКБ Туполева началась сверхинтенсивная работа по трем новейшим типам самолетов второго поколения реактивной авиации – Ту-154, Ту-22М и Ту-144, взлетевших в 1968 году. Еще до этого, в 1961 году, впервые взлетел другой исторический самолет – тяжелый истребитель-перехватчик Ту-128.

Тогда чрезвычайно остро встала проблема усталостной прочности самолетов и определения безопасного ресурса эксплуатации самолетного парка.

Заместитель начальника отдела прочности ОКБ Туполева Алексей Петрович Ганнушкин, человек большого ума и проницательности, обратил внимание на молодого инженера СибНИА. Вот что писал в своих воспоминаниях «Времена прочности ОКБ Туполева» главный прочнист фирмы нового тысячелетия Валерий

Павлович Шунаев: «...А. П. Ганнушкин, человек неукротимой энергии и замечательный организатор, заприметив в новосибирском СибНИА шустрого и быстрого умом армянина – Ф. А. Кочаряна, “перетаскивает” его в Москву, устраивает в отдел прочности ОКБ, добивается, чтобы ему выделили жилплощадь – комнату в г. Жуковском. Так началась жизнь в нашем ОКБ Ф. А. Кочаряна...»

В отделе прочности молодой инженер занялся разработкой программ испытаний на усталость. На основе результатов летных измерений, которые предстояло организовать, надо было получить представление о спектрах нагружения основных агрегатов. «По-настоящему дело это только начиналось, – писал В. П. Шунаев, – и фактически Кочарян стал одним из его организаторов в авиапромышленности, в гражданской и военной авиации. В ОКБ Кочарян не только разрабатывал программы, но и сопровождал их выполнение в лабораториях. Этой работой он занимался вместе со своей небольшой группой».

В 1967 году отдел прочности был преобразован в подразделение с двумя секторами – сектором статической прочности и сектором динамической прочности. В секторе динамической прочности (во главе с А. П. Ганнушкиным) Кочарян возглавил бригаду ресурса.

В 1972 году под Харьковом произошла большая трагедия – катастрофа самолета Ан-10 разработки ОКБ О. К. Антонова с пассажирами на борту. Для расследования причин этой громкой катастрофы была создана Государственная комиссия под председательством заместителя председателя Совмина СССР, председателя Военно-промышленной комиссии (ВПК) Л. В. Смирнова. В качестве эксперта авиапромышленности от ОКБ А. Н. Туполева в комиссию был включен Ф. А. Кочарян. Работа в этой комиссии укрепила Кочаряна в осознании особой ответственности прочниста за свои профессиональные действия. Для специалистов по прочности ОКБ О. К. Антонова эта катастрофа обернулась тяжелыми личными потрясениями, для некоторых – с фатальными последствиями: от реальных сроков тюремного заключения их спасла амнистия по случаю 50-летия СССР. Столь же угрожающим было положение специалистов в области усталостной прочности ведущего центра авиационной науки в стране – Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ.

«Еще раньше, в 1970 году, – писал В. П. Шунаев, – заместителем начальника ЦАГИ, руководителем работ по тематике прочности института и, вообще говоря, отрасли назначается А. Ф. Селихов. С этого момента начинается коренная перестройка работ по обеспечению ресурсов самолетов при проектировании и по обеспечению безопасности в эксплуатации. Работы идут на уровне разработки новых редакций Норм, новых концепций обеспечения безопасности. Разрабатываются новые нормативные Положения, новые методики расчета, испытаний. В результате была создана новая, надежнейшая система обеспечения прочности самолета. В разработке этой системы принимали участие ведущие специалисты нашего ОКБ и, конечно, Кочарян. А. Ф. Селихов – глубоко образованный, широко эрудированный ученый и практик, с великолепной памятью, огромной работоспособности, был очень непростым человеком, весьма избирательным в выборе сподвижников, помощников. Наблюдая общение Селихова и Кочаряна, я бы сказал, что Кочарян безусловно пользовался симпатиями Андрея Федоровича».

К этим словам можно добавить мое личное наблюдение. Андрей Федорович Селихов, которого мне довелось знать весьма близко, возглавлял «всю науку о прочности» в ЦАГИ и в отрасли. Но особо значимой его заслугой был коренной переворот в системе обеспечения заданного ресурса конструкции самолетов. В этом важнейшем направлении он создал замечательную команду единомышленников, энергичных, мудрых, сверхответственных. И Фридрих Александрович был одной из ярких личностей в этой команде интеллектуалов, пользовавшейся общим глубоким уважением.

После гибели в 1974 году А. П. Ганнушкина подразделения прочности ОКБ возглавил В. В. Сулименков, а его близкий товарищ Ф. А. Кочарян стал во главе отдела нагрузок и ресурса.

Учитывая огромную важность и большую сложность проблем с обеспечением ресурса самолетов Ту-154 и Ту-22М, Сулименков и Кочарян договорились поделить важнейшие участки работ – Сулименков сосредоточил свое внимание на проблемах Ту-154, а Кочарян – на работах по Ту-22М.

По результатам анализа конструкций, испытаний и расчетов совместно со специалистами ОКБ Кочаряном было принято

Ф. А. Кочарян (справа) среди коллег

весьма важное и ответственное решение: включить в Регламент работы по неразрушающему – вихретоковому контролю тщательное наблюдение именно за теми местами конструкции, где трещины могли появиться (и впоследствии появились) в эксплуатации. Главный инженер Дальней авиации ВВС страны с этим не был согласен. Он настаивал на том, что «в период эксплуатации самолетов вплоть до заданных ресурсов до списания никаких работ по неразрушающему контролю проводиться не должно».

Фридрих Александрович был необыкновенно собран и аккуратен в жизни. Шунаев говорил: «Надо сказать и об аккуратности в мышлении. Об умении самые сложные ситуации разложить на простые составляющие, положить их рядом так же – без зазора и по очереди рассматривать каждую».

У Фридриха был хороший русский язык: и устный, и письменный, что особенно важно для работы с регламентными документами. «Уходя от него, – говорил В. П. Шунаев, – с его правками, я каждый раз завистливо думал: “Ведь он – армянин, а ты – русский. И он учит тебя русскому языку!”»

Самолет Ту-22МЗ сегодня общепризнан как выдающееся явление в авиастроении. Но на пути к нему пришлось проделать огромную работу. Когда произошла катастрофа (с усталост-

Самолет Ту-22М1

ным разрушением крыла) на предшественнике этого самолета – Ту-22М1, на долю Кочаряна пришлось немало переживаний.

Работа аварийных комиссий в таких катастрофах, в которых налицо противостояние заинтересованных сторон: промышленности (это серийный завод, его военная приемка и ОКБ), а также эксплуатант (это – Дальняя авиация и авиация ВВС ВМФ), – всегда напряжена до предела.

«В этом противостоянии, – как писал о разбирательстве причин случившегося В. П. Шунаев, – ОКБ, блюдя интересы всей промышленности, не подводя завод и заказчиков заводов, не может привести в свое оправдание характеристику всего того, что произошло с введением бюллетеня в действие. Такой возможности был лишен и Кочарян, для него лично это было обидно вдвойне – он выявил необходимость определенных мероприятий, добился их включения в текст Заключения, и без его участия фактически были переформулированы выводы Заключения. Он не мог ничего сказать в защиту себя и своих специалистов.

...В эти дни Кочарян испытывает сильнейшие психологические и нервные нагрузки. Конечно, на помощь пришли все в ОКБ и в ЦАГИ. Но он с его фантастической аккуратностью в работе, требовательностью к себе к результатам своей работы и работе

своего коллектива, он, сделавший все, что требовалось сделать для обеспечения безопасности и, самое главное, было вполне выполнимо и обеспечивало эту безопасность, он оказался крайним, хочешь не хочешь – виноватым в происшедшем событии.

Случился инфаркт, который не был им замечен при его моторности».

Особые переживания выпали на долю Кочаряна в связи с бесчеловечными погромами в Азербайджане, в Сумгаите, Баку, с событиями 1989 года в Карабахе.

«В связи с Карабахом, – вспоминал В. П. Шунаев, – об Армении мы разговаривали очень много, об истории, обычаях, даже религии. И при этом – никакого национализма. Фридрих прожил большую часть жизни в России, в Москве, но все, что имело отношение к Армении, было для него свято. Отсюда – переживания за происходящее в Армении.

Первые страсти по катастрофе улеглись, расследование продолжалось. Ф. А. Кочарян берет два месяца отпуска, из числа неотгулянных, очередных. Недели за две до окончания отпусков он едет в Армению, встречается с родными и друзьями. Берет билет в Москву. При посадке в рейсовый самолет на Москву он скончался...

Приняв его дела, продолжая тяжбу по катастрофе, мне пришлось много размышлять о судьбе Фридриха Александровича. То, что произошло, – это несправедливо. Всю жизнь копить в себе знания, воспитывать дисциплину, создавать самую надежную в мире систему обеспечения безопасности эксплуатации (поверьте, это – не пустые слова) и пасть жертвой людского невежества...»

Для меня это была большая личная потеря. Мы не были особенно близки, но я знал, что на туполевской фирме, богатой на талантливых армян, я мог всегда порадоваться встрече со строгим, но улыбчивым, мудрым и добрым соотечественником – Фридрихом Кочаряном. С его уходом образовавшаяся пустота осталась незаполненной...

Арсик Арамовна и Арам Назарович РАФАЭЛЯНЦЫ

Арам Николаевич Рафаэлянц

Мое особенно плотное общение с хорошо известным у нас в ЦАГИ ведущим специалистом по аэродинамике ОКБ А. Н. Туполева Арсик Арамовной Рафаэлянц началось лишь в последние годы, когда я начал писать книгу о заместителе начальника ЦАГИ по аэродинамике и динамике полета академике Г. С. Бюшгенсе. Я позвонил ей и спросил:

– Арсик Арамовна, я так понимаю, Вы были правой рукой главного туполевского аэродинамика Георгия Алексеевича Черемухина, который тесно взаимодействовал, как и Вы, с ЦАГИ и, конечно, с Георгием Сергеевичем Бюшгенсом. Что Вы можете рассказать об этом?

– О Черемухине я могу рассказать все, а вот о Бюшгенсе ничего толкового не могу сказать. У меня особых впечатлений нет. Я его видела, естественно, но с ним общался в основном Черемухин, я же была на вторых ролях.

– Наверное, Вы больше общались с основным помощником Бюшгенса и главным специалистом ЦАГИ по теме аэродинамики сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144 Васильевым Леонидом Евгеньевичем?

– С Леонидом Евгеньевичем, конечно, я общалась вплотную. Если кто-то будет писать книгу о Леониде Евгеньевиче, какие-то слова о нем я могу сказать. Могу отметить чисто по-женски: он

Арсик Арамовна
Рафаэлянц

любил меня как товарища по работе. Леонид Евгеньевич – замечательный человек. Я поняла это, когда мы особенно часто стали общаться в последние годы его жизни. Он уже ослеп тогда, и мы с ним разговаривали по телефону чуть ли не ежедневно.

– Я Леонида Евгеньевича тоже хорошо знал, и я с ним особенно часто общался, когда он стал катастрофически терять зрение. Мы с ним были довольно близки. Для меня давно он был Леня. Я с ним познакомился еще в 60-е годы, когда он занимался близкой мне областью аэродинамики – эффективностью органов управления.

– А я с ним общалась лишь в последнее время – по Ту-144.

– Кстати, Леонид Евгеньевич считал Бюшгенса в каком-то смысле ретроградом, копировщиком зарубежного опыта...

– Этого я не знаю. Не могу сказать. Когда мы проектировали самолет Ту-144, большей частью с ним общался Черемухин. У Васильева, насколько я могла судить, были иногда хорошие технические предложения, а иногда и не очень. Леонид Евгеньевич, надо сказать, внес большой вклад в самолет Ту-144. У них с Черемухиным была в этом отношении такая, взаимная конкуренция, будем так говорить. Тут можно что-то вспомнить, а может, и не нужно. Я, повторяю, особенно часто общалась с ним в период, когда он был уже слепой. Я, как мне кажется, повлияла на него в чем-то положительно, потому что он сомневался, нужен ли ему аппарат для слабовидящих. Он не хотел приобретать этот аппарат, но, как мне кажется, именно я как-то посодействовала тому, чтобы он этот аппарат стал использовать после того, как я купила его. И в результате он был доволен им. Он написал интересные воспоминания. Вообще, насчет Леонида Евгеньевича я готова разговаривать, готова говорить о нем хорошие слова. В последние годы его жизни я была уже на пенсии, так что наши телефонные разговоры с ним бывали очень длительными. Я уже не знаю, откуда мы находили такой общий язык, но мы с ним очень много разговаривали.

– И не только о технике, наверное?

– Да... А Вы пишете только о Бюшгенсе?

– Нет. Я написал книги об академиках Христиановиче, Дородницыне, главу книги об академике Чаплыгине – в той же серии «Выдающиеся ученые-механики ЦАГИ», которую я задумал и начал реализовывать при поддержке Георгия Сергеевича Бюшгенса. А в основном я писал и пишу о летчиках-испытателях.

– О летчиках-испытателях я мало что могу сказать. Хотя, когда я работала в ЛИИ, я имела дело с летчиком-испытателем В. Ф. Ковалевым. Вы такого не знаете?

– Как же! Знаю, конечно.

– Ковалев летал на машине, по которой я делала диссертацию, но не доделала, потому что отец мой умер, мне надо было переезжать в Москву жить... Ковалев был замечательный летчик и замечательный человек. Мы проводили уникальное исследование, по-моему, никто не делал этого, кроме нас: мы фотографировали скачки уплотнения на стреловидном крыле МиГ-17.

А. Н. Рафаэлянц с супругой

Арсик Арамовна и Арам Назарович РАФАЭЛЯНЦЫ

Этими работами занимался известный специалист ЦАГИ, а потом ЛИИ по летным испытаниям Владимир Леонтьевич Александров.

– А вам не попадалась моя книга «Летчики-испытатели. Туполевы»? В ней рассказано и о Владимире Федоровиче Ковалеве... Я написал в ней, в частности, о соотечественниках: Еляне, Бендеровых, Малхасяне, Авакимове...

– Еляна я знала, но знала очень мало. У меня есть фотография, на которой он с Туполевым Андреем Николаевичем и еще с кем-то...

Арсик Арамовна, знаю это от специалистов-аэродинамиков ЦАГИ, скромничает. Вот что сказал о ней, прочитав этот очерк о Рафаэлянцах, ее коллега по ОКБ А. Н. Туполева, один из героев нашей книги Сергей Петрович Авакимов:

– В свойственной ей манере человека дела Арсик Арамовна больше говорила, конечно, не о себе, а о тех, с кем ей пришлось работать. Но через это, как в зеркале, видна она сама. Она поскромничала (а возможно, и позабыла), заявив, что была далека от летных испытаний. Лично я занимался с ней исследованием пограничного слоя на Ту-144 № 77102, на чем мы и познакомились. На самолете были установлены экспериментальные приемники воздушного давления – «гребенки», воспринимавшие обтекающий поток на различных расстояниях от борта. Арсик Арамовна активно участвовала в расшифровке полетных записей и анализе результатов.

С гораздо большим желанием, чем о себе, Арсик Арамовна рассказывала о своем отце, известном авиаконструкторе. Я спросил ее:

– Я знаю работу вашего отца по турболету. И немного знаю о его конструкторской работе до создания турболета. Я написал об этом в своей первой книге серии «Летчики-испытатели». А что вы можете сказать о нем в дополнение к тому, что можно прочесть в общедоступной литературе, в интернете? Он же был замечательным авиаконструктором, по-моему, недооцененным.

– Я могу переслать вам по почте то, что я написала на сайте о моих родителях...

Ниже телеграфно представлено то, что я узнал от Арсик Арамовны о вехах многотрудного жизненного пути ее отца.

Арам Назарович Рафаэлянц родился в 1897 года в Тифлисе в семье бежавших от геноцида армян из Западной Армении (Османской империи). В 1918 году он и двое его братьев стали круглыми сиротами: во время эпидемии сыпного тифа умер отец, а за ним через месяц и мать.

Дочь писала: «Семья была бедная. В семье было три сына, образование могли дать только младшему сыну, Араму. Арам учился сначала в Обществе попечения о детях, в одноклассном городском училище, окончил Тифлисское Николаевское 3-е высшее начальное училище в 1915 г., обучение в котором соответствовало четырем классам мужской гимназии Министерства народного просвещения...

Учась в последних классах училища, Арам вечерами работал помощником шофера у частного владельца, потом в гараже Красного креста. Увлечен техникой, заинтересовался самолетами. После потери родителей поступил на работу в 4-й Кавказский авиаотряд. Сначала был плотником, потом помощником шофера, мотористом. Началась Гражданская война, которая привела к обострению межнациональных отношений, и его, как всех армян, уволили с работы. Он устраивается в «Авиапарк» (завод в Тбилиси), где производилась сборка самолетов, слесарем-сборщиком и мотористом».

А вот что сообщал о жизни Рафаэлянца в то время фонд «Хайазг»: «Общаясь с рабочими и солдатами мастерских, он впервые познакомился с большевиками. Уже в феврале 1917 года он активно выступал против меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, разоблачал их антинародную политику. В 1918 году меньшевистское правительство Грузии за революционную деятельность арестовало и выселило в Армению многих большевиков, в том числе и Рафаэлянца. Рафаэлянц после долгих мытарств поступил в Армянский авиационный отряд (бывший 3-й Кавказский авиаотряд), который в это время бездействовал из-за отсутствия авиабензина. 3 декабря 1920 года Рафаэлянц и Гулян, объединив всех авиаторов Эривани и Карса в один отряд, добровольно вступили в состав Красной армии. В Армении в 1920 г. устанавливается советская власть. Ревком Армении назначил Гуляна командиром авиаотряда, а Рафаэлянца его комиссаром. В декабре 1920 году Арам Назарович вступил в ряды партии большевиков».

А. Н. Рафаэлянц (в центре)
у авиетки РАФ-1

А. Н. Рафаэлянц
и Я. М. Садовский
у самолета РАФ-2

В 1921 году Рафаэлянц был назначен военкомом авиации Советской Социалистической Республики Армения. Он участвует в возвращении ценностей Эчмиадзина, которые удалось сохранить в России во время гражданской войны на Кавказе. В сентябре 1922 года по решению ЦК КП Армении А. Н. Рафаэлянц был командирован на учебу на инженерном факультете организованного в 1920 г. Института инженеров Красного Воздушного Флота, преобразованного в том же году в Академию Воздушного Флота имени Н. Е. Жуковского. Уже через три года с помощью Военно-научного общества Рафаэлянц построил на заводе «Авиахим» спроектированную им легкую авиетку. 8 сентября 1925 года летчик П. А. Вержбицкий поднял этот самолет в воздух в присутствии начальника Военно-Воздушных Сил РККА П. И. Баранова. Баранов поздравил Рафаэлянца с успешным испытанием и предложил назвать самолет именем его конструктора – РАФ-1. Этот самолет успешно участвовал в III Всесоюзных планерных соревнованиях в Коктебеле. А на международных соревнованиях легких спортивных самолетов в Германии РАФ-1 не уступал по своим летно-техническим данным лучшим авиеткам.

Арсик Арамовна и Арам Назарович РАФАЭЛЯНЦЫ

К пятому курсу Рафаэлянц создал двухместный самолет РАФ-2, испытанный летчиком Я. М. Садовским. Вместе с ним в качестве пассажира Рафаэлянц совершил в 1927 г. на этом самолете продолжительные перелеты по Советскому Союзу и Европе.

В 1927 году после окончания с отличием Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского военный инженер-механик воздушного флота А. Н. Рафаэлянц был направлен в распоряжение наркомата авиационной промышленности. Он работал на заводах № 1, 25, 39 инженером-конструктором, а затем заместителем начальника Центрального конструкторского бюро по вооружению. Параллельно он спроектировал аппараты оригинальных схем: самолет-автомобиль, а также «летающий танк».

В 1928 году инженер-конструктор А. Н. Рафаэлянц сконструировал самолеты РАФ-3 и РАФ-4. Газета «Правда» от 29 апреля 1928 г. писала: «В лице Рафаэлянца мы имеем одного из растущих талантливых молодых авиаконструкторов, который вносит очень многое в авиаконструкторское дело и в авиационную науку».

В 1931 году летчик Б. Л. Бухгольц поднял в воздух первый в нашей стране самолет-«лимузин». Это была модификация весьма успешного самолета Н. Н. Поликарпова – разведчика Р-5. Кабина стрелка была превращена в пассажирскую, и обе кабины закрывались единым целлулоидным фонарем.

В 1931 году Арам Назарович опубликовал труд «Исследование прокатки нержавеющей стали “Энержав-6”», направленный на существенное улучшение технологии производства самолетов.

Самолет У-2 «Лимузин»

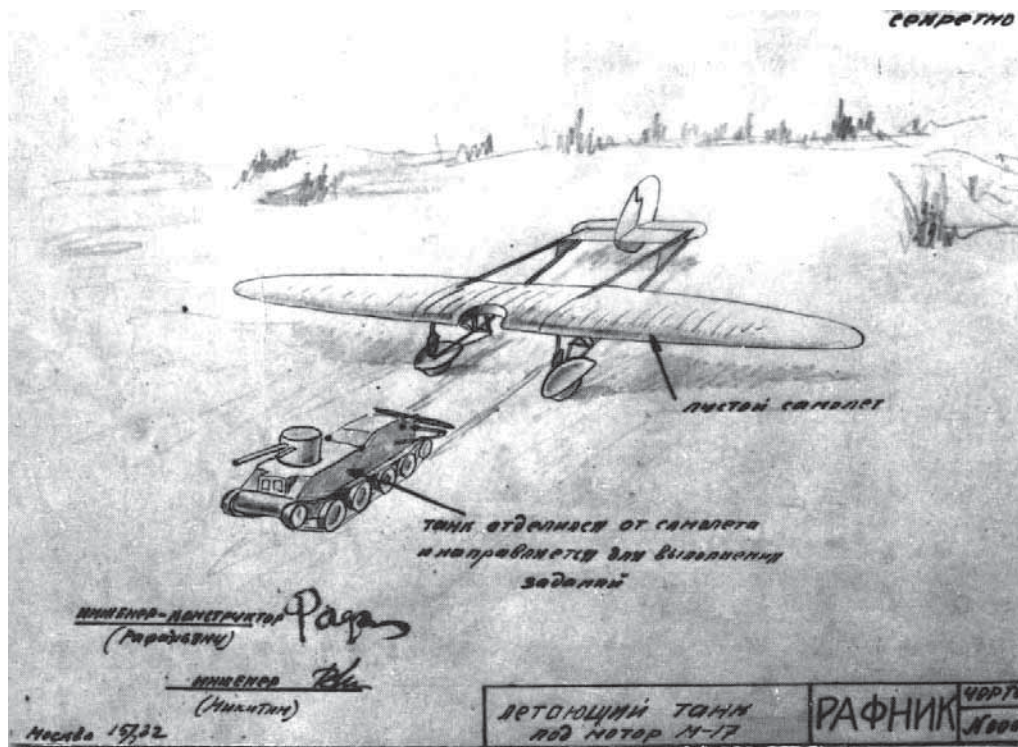
В 1931 году прошел испытания пассажирский самолет РАФ-7. На его первых полетах присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В 1933 году А. Н. Рафаэлянц, став заместителем начальника Научно-исследовательского института Гражданского воздушного флота по опытному самолетостроению и главным конструктором Самолетостроительного конструкторского бюро, спроектировал на основе боевого самолета Р-5, существенно модифицировав его, пассажирскую машину для четырех человек – ПР-5. Машина, впервые поднятая в 1934 году летчиком-испытателем Ю. И. Пионтковским, обеспечивала весьма комфортные условия для пассажиров и летчика в условиях Крайнего Севера. Успешные испытания самолета в Арктике выполнил в 1935 г. известный полярный летчик В. С. Молоков.

Когда в том же году А. Н. Рафаэлянца неожиданно для него назначили главным инженером авиаремонтных мастерских Гражданского воздушного флота в Быкове, он вместе с назначенным по его просьбе одновременно с ним директором И. Я. Елькиным за два года превратили кустарные мастерские в современный завод № 241. Это были предвоенные годы, когда Народный комиссариат авиационной промышленности (НКАП) уделял основное внимание боевой технике. Тогда завод стал не только ремонтировать, но также строить самолеты для Гражданского воздушного флота: У-2, Р-5 «лимузин», ПР-5. Построенные заводом почти 200 самолетов ПР-5 многие годы эксплуатировались на линиях «Аэрофлота».

Самолет РАФ-11

«Летающий танк» А. Н. Рафаэлянца

В 1937–1940 годах на заводе № 241 по проектам А. Н. Рафаэлянца были построены пассажирские самолеты: четырехместный ПР-12, шестиместный РАФ-11. Во время войны завод, эвакуированный в Тюмень, стал выпускать десятиместные десантные планеры, приспособив для этого крытый продуктовый рынок.

В феврале 1943 года Рафаэлянца назначили главным инженером завода № 462 (в Москве), который занимался ремонтом самолетов, поврежденных в боях. Уже через три месяца его направили уполномоченным НКАП по ремонту материальной части во 2-ю Воздушную армию, находившуюся в районе Курска, где готовилось крупное сражение. На прифронтовые аэродромы срочно были высланы бригады ремонтников, предназначенные, в частности, для сверхсрочного ремонта истребителей Як-9: у этих самолетов, имевших смешанную конструкцию, обнаружился существенный дефект – растрескивание обшивки и срывы полотна.

Известно, что эта острая проблема обсуждалась на жестком совещании у И. В. Сталина при участии конструктора самолета,

заместителя наркома авиационной промышленности А. С. Яковлева и другого заместителя наркома авиационной промышленности – по производству П. В. Дементьева. Поставленная задача по оперативному и качественному ремонту аварийной техники была успешно решена.

Четыре года, вплоть до 1948-го, Рафаэлянец занимал руководящие должности на заводах Министерства авиационной промышленности и Гражданского воздушного флота. С 1948 по 1960 год он возглавлял вновь организованное в Летно-исследовательском институте имени М. М. Громова подразделение, состоявшее из Конструкторского бюро и центральных мастерских. В 1955 году, будучи начальником КБ ЛИИ, Арам Назарович предложил создать аппарат для изучения актуальной проблемы исследования вертикального взлета и посадки самолета (ВВП). В 1956 году экспериментальный аппарат ВВП, так называемый «Турболет», был построен в мастерских ЛИИ, и в 1958 г. он был продемонстрирован на воздушном параде в Тушине летчиком-испытателем Ю. А. Гарнаевым, впервые его поднявшим.

В тот послевоенный период в Летно-исследовательском институте работал перешедший туда из ЦАГИ замечательный ученый-аэродинамик Иван Васильевич Остославский. Он писал: «С Арамом Назаровичем я познакомился и работал в начале 30-х годов в Центральном конструкторском бюро завода опытного самолетостроения. Мы проектировали самолеты самых разных назначений, тяжелые бомбардировщики, морские самолеты, легкие и тяжелые штурмовики, разведчики и гражданские самолеты. Арам Назарович был ведущим конструктором. Он был руководителем-новатором, в нем кипела энергия и чувство нового. Мы у него учились многому. Затем мы вместе работали в конструкторском отделе ЦАГИ. Он возглавлял большой и сильный коллектив. Тут выявились незаурядные организаторские способности А. Н. Рафаэлянца – умение ставить перед инженерами и конструкторами актуальные задачи и помогать им в решении

А. Н. Рафаэлянец

этих задач. После определенного перерыва мы опять встретились в конце 40-х годов. Я пригласил его в научно-исследовательский институт в качестве главного конструктора... Он с большой охотой принял это предложение. Арам Назарович руководил практической и теоретической стороной целого ряда новых исследований. Под его руководством были спроектированы высокоскоростные летающие модели самолетов, позволившие заглянуть в тайны сверхзвукового полета. Им был создан бескрылый взлетающий с места реактивный самолет, который внес революцию в авиационном конструкторском деле. Он был человеком сочетания таланта, энергии и незаурядных организаторских способностей. Он воспитал целую плеяду прекрасных инженеров и авиаконструкторов».

Перспективность самолетов вертикального взлета стала очевидной годы спустя (и особенно сегодня, когда самым дорогим и востребованным боевым самолетом ВВС стал самолет ВВП США F-35). Но тогда, в конце 1950-х, это направление развития техники начало пробуксовывать в нашей стране. И ее основной инициатор, начальник Конструкторского бюро ЛИИ А. Н. Рафаэлянц, озабоченный непониманием важности проблемы, не убоившись гнева своего начальства, обратился 30 мая 1959 г. с докладной запиской к председателю Государственного комитета по авиационной технике П. В. Дементьеву.

Вот несколько сокращенный текст этого документа: «Проблема вертикального взлета и посадки самолетов стала разрешимой только в настоящее время, когда появились мощные реактивные двигатели, тяга которых в ряде случаев превышает вес самолета истребительной авиации. Поэтому взлет с места и посадка являются заманчивой идеей, преимущество которой заключается в возможности взлета и посадки самолетов с небольших площадок – размер площадки самого самолета, что исключает постройку больших аэродромов с бетонными полосами протяженностью в несколько километров. Отсюда вытекают и все остальные преимущества вертикально взлетающих самолетов, как то: возможность взлета и посадки в любой местности и профиля, с кораблей, возможность рассредоточения авиации на больших площадях и т. д. В настоящее время во всех странах ученые и инженеры работают над созданием самолетов такого вида.

В Летно-исследовательском институте с 1955 г. проводилась работа по исследованию устойчивости и управляемости вертикально взлетающих самолетов. В 1956 году в институте было закончено в производстве и проводились испытания вертикально взлетающего стенда и успешно закончили в начале 1958 г. Указанный стенд в дальнейшем в печати называли “Турболет”. В июне 1958 года “Турболет” участвовал в авиационном параде в Тушине.

Дальнейшим и последним этапом является исследование вертикально взлетающих самолетов на переходных режимах; т. е. во время их перехода после вертикального взлета к горизонтальному полету и обратно к вертикальной посадке, для чего необходимо продолжить экспериментальные работы.

Турболет

**А. Н. Рафаэлянц (справа)
с создателями и
испытателями турболета**

Арсик Арамовна и Арам Назарович РАФАЭЛЯНЦЫ

Проектирование и исследование экспериментального вертикально взлетающего самолета или аппарата, подобного построенному стенду, наиболее квалифицированно может быть выполнено в Летно-исследовательском институте...

Несмотря на разработанные в конструкторском бюро института нескольких эскизных проектов вертикально взлетающих самолетов, руководство института до сих пор не нашло возможным продолжить данную работу.

Данное письмо написано 7–8 месяцев тому назад. Прошу Вас рассмотреть выдвинутый мной вопрос и о Вашем решении сообщить мне или вызвать для личного доклада.

Рафаэлянц. 30 мая 1959 г.»

Меньше чем через год многообещающая работа А. Н. Рафаэлянца по теме самолета ВВП (совместно с учеными ЛИИ А. И. Квашниным, В. Н. Матвеевым...) прервала смерть Арама Назаровича. Похоронен он на Новодевичьем кладбище. В те печальные дни весны 1960 года прославленный авиаконструктор академик А. Н. Туполев сказал: «Мы потеряли прекрасной души человека, талантливого авиаконструктора, организатора и руководителя ряда научных организаций и авиационной промышленности. Он мог бы сделать еще многое. Его научная мысль, подхваченная плеядой советских авиаконструкторов, продолжает жить и развиваться. Жизнь и деятельность талантливого авиаконструктора, коммуниста, хорошего организатора и руководителя авиапромышленности и прекрасного человека подлежит подражанию».

Работа ЛИИ по созданию самолетов вертикального взлета и посадки была продолжена в ОКБ имени Яковлева с ЛИИ, ЦАГИ и другими организациями страны. Были построены весьма успешные самолеты ВВП: Як-36, Як-38, Як-141.

Авиаконструктор В. М. МЯСИЩЕВ и «его» армяне

В конце своей жизни выдающийся авиаконструктор В. М. Мясичев шутиливо говорил: «Знаете, что я заметил? Раньше первым моим заместителем был Г. Н. Назаров – армянин, теперь А. Д. Тохунц – тоже армянин. Жена у меня – армянка. Дочь – наполовину армянка. Иногда мне кажется, что я тоже – наполовину армянин».

Неслучайно Мясичевы были в добрых отношениях с Арамом Хачатуряном, Мартиросом Сарьяном, Артемом Микояном. Так же, впрочем, как с Сергеем Прокофьевым, Дмитрием Шостаковичем, Виссарионом Шебалиным, другими деятелями отечественной культуры и науки. Владимир Михайлович был глубоко интеллигентным человеком. Говорят, он мог читать литературу (наверное, в основном техническую) на восьми языках. Но он был знатоком и ценителем русской классики...

Владимир Михайлович в том своем шутиливом «признании» рассказал, конечно, не обо всех «своих» армянах. Он мог сказать по крайней мере о еще четырех своих замечательных инженерах: Н. Г. Нурове, М. К. Мишетьяне, Г. А. Севьяне, В. А. Ширинянце.

**Николай Георгиевич
Нуров**

Надо заметить при этом: вполне возможно, что Владимир Михайлович не знал (или забыл), что, пожалуй, первым из ряда замечательных конструкторов-армян, тесно и весьма эффективно взаимодействовавших с его ОКБ, был Николай Георгиевич Нуров (истинная его фамилия – тифлисского армянина – Нурьянц). Начиная Нуров свою работу в авиации в 1929 году, после окончания с золотой медалью Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Тогда он сразу стал начальником бригады в Опытном конструкторском бюро, возглавляемом главным конструктором А. И. Путиловым. В 1931 году был построен созданный в ОКБ самолет «Сталь-2». Принципиально важной особенностью этого самолета было использование для соединения листов стали точечной и роликовой контактной сварки. Эта технология опережала свое время. В серийном производстве было выпущено (к 1935 году) 111 самолетов «Сталь-2» и 79 самолетов «Сталь-3» (к 1936 году).

Прогрессивная технология нашла десятилетия спустя использование: во-первых, в создании после войны так называемых конструктивно-подобных упругодинамически-подобных моделей для исследований проблем аэроупругости (в ОКБ В. М. Мяснищева) и еще более широкое и значимое применение в создании сверхзвуковых самолетов перехватчиков МиГ-25 и МиГ-31 (ОКБ А. И. Микояна).

В 1934 году авиаконструкторы Н. Г. Нуров и С. А. Элибекян построили оригинальный свободонесущий низкоплан с трехместной закрытой кабиной, отмеченный второй премией на всесоюзном конкурсе. В 1936–1937 годах Нуров был командирован в США. По возвращении он работал в ОКБ А. Н. Туполева, занимаясь внедрением самолетов в серийное производство. В 1938 году был репрессирован и в числе многих арестованных работал в ЦКБ-29, занимаясь самолетами Пе-2 и Ту-2. В качестве заместителя главного конструктора В. М. Мяснищева Нуров многое сделал для создания дальнего высотного двухмоторного бомбардировщика ДВБ-102. Новаторский самолет имел герметичную кабину, шасси с носовым колесом, дистанционное управление стрелковыми установками. В 1943 году по возвращении ОКБ из Омска в Подмосковье, во Владыкино, под руководством заместителя главного конструктора Н. Г. Нурова были продолжены и успешно заверше-

ны летные испытания и доводка ДВБ-102. Тогда Николай Георгиевич был освобожден из заключения досрочно.

С 1946 по 1950 год он работал в ОКБ А. С. Яковлева над реактивными истребителями. В 1950 году Н. Г. Нуров был вновь арестован и четыре года проработал в заключении совместно с главным конструктором Д. Л. Томашевичем над созданием ракетной техники.

В 1954 году Нуров возглавил бригаду общих видов в ОКБ Н. И. Камова. Большой вклад он внес в создание вертолетов соосной схемы Ка-15, Ка-18, Ка-25, Ка-26, винтокрыла Ка-22. Нетрудно видеть, что Нуров был уникален как конструктор, уникален тем, что оставил значительный след в создании всех типов летательных аппаратов: легких и тяжелых, спортивных, пассажирских самолетов, реактивных истребителей, вертолетов...

Близкий мой родственник и старший товарищ, выпускник МАИ, Михаил Карапетович Мишетьян работал в КБ Мяснищева с первых дней его организации в Филях. М. К. Мишетьян был дружен с необычным человеком – Галустом Александровичем Севьяном. Севьян рассказывал ему, что вместе с В. М. Мяснищевым был у Сталина и многое сделал при организации нового ОКБ в Филях.

Севьян был личностью незаурядной. Еще будучи студентом МАИ, он проявил себя как талантливый организатор. Впервые это обнаружилось, когда перед войной началась кампания помощи молодежи Испании. Потом он сыграл большую роль при эвакуации МАИ в Алма-Ату. Еще студентом он был уполномочен стать директором «института на колесах». Говорят, именно Галуст Александрович буквально подобрал в какой-то глубинке прозябавшего там будущего академика М. Д. Миллионщикова. Так же, по пути в Алма-Ату, он взял с собой будущего академика

Г. А. Севьян
и М. К. Мишетьян

И. Ф. Образцова, который чуть ли не буквально пас где-то коров. В годы войны Севьян им очень помог. Говорили, эта святая троица многие годы, уже после войны, была очень дружна. Севьян продолжал работать в МАИ и, очевидно, имея почему-то выход на самое высокое руководство страны, сумел оказаться полезным и для Мясищева...

В авторитетного лидера студентов старшекурсника Севьяна в Алма-Ате была влюблена (как и другие девчонки) студентка МАИ, в будущем наша коллега по работе в ЦАГИ, Ольга Буданцева, но о столь большой его роли она не знала.

Мясищев встречался со Сталиным раз десять. Рассказы о таких встречах его ближайший сподвижник последних лет А. Д. Тохунц не раз слышал. Тогда их КБ располагалось в подмосковном Жуковском. Мясищев приглашал своего заместителя ехать после работы домой, в Москву в своем просторном ЗИМе. Тохунц обычно в такой ситуации своего шофера отпускал. А приезжая домой, записывал наиболее интересные рассказы Владимира Михайловича. Первая, самая интересная встреча с вождем состоялась в 1952 году.

Мясищеву тогда позвонил помощник Сталина Поскребышев:

– Владимир Михайлович, Вас приглашает к себе товарищ Сталин – по поводу создания стратегического бомбардировщика с турбореактивными двигателями...

Тогда турбореактивными двигателями (ТРД) очень широко занимался профессор академии Жуковского П. К. Казанджан. Тохунц знал профессора и был дружен с его сыновьями, вместе с которыми работал. Профессор активно доказывал, что ТРД хорош только для истребителей, поскольку большие расходы топлива не позволяли использовать его на тяжелых бомбардировщиках. Мясищев рассказывал, что тем не менее он в это время разрабатывал проект подобного самолета с ТРД совместно с одним студентом.

Очевидец этих событий М. К. Мишетьян рассказывал:

– Во вновь образованном КБ в Филях все работали с невиданным энтузиазмом. Помимо молодежи, в новом КБ было еще немало старых сотрудников Владимира Михайловича, они, как правило, руководили бригадами... В том, что касалось конструкции, Мясищев в детали не вникал. Но наиболее важные конструктив-

**Георгий Николаевич
Назаров -
правая рука
В.М. Мясищева
в ОКБ-23**

**Самолет М-50
в сопровождении
истребителей
на воздушном
параде**

ные решения он внимательно анализировал и сам, приходя в соответствующие конструкторские бригады, в том числе и в нашу. Он сидел и за моим рабочим столом...

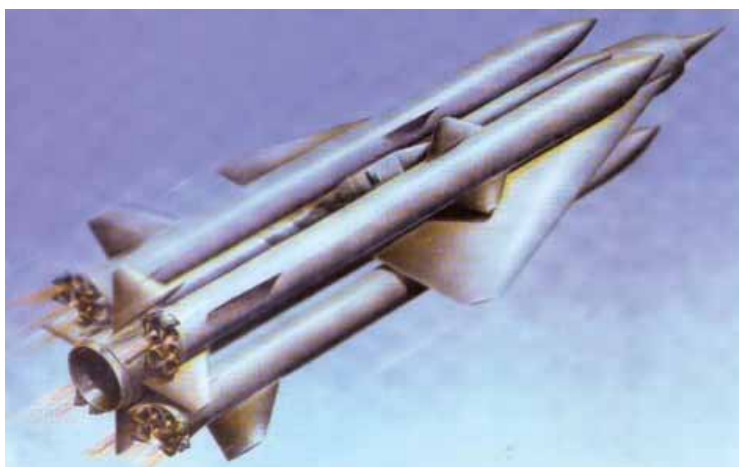
Не раз приходилось убеждаться, что об одних и тех же событиях разные свидетели, даже, казалось бы, самые «надежные», рассказывают по-разному. К наиболее объективной картине можно приблизиться, если постараться учесть разные мнения и суждения. Как известно, ЦАГИ сыграл значительную положительную роль в создании тяжелых реактивных самолетов В. М. Мясищева и в первую очередь самолета М-4. В. М. Мясищев и его первый заместитель Г. Н. Назаров выступили с докладом о проекте стратегического самолета с ТРД на научно-техническом совете ЦАГИ. Проект был одобрен в целом, и в дальнейшем в процессе проектно-конструкторских работ и летных испытаний самолета специалисты ЦАГИ во главе с А. И. Макаревским, С. А. Христиановичем, В. В. Струминским, Г. С. Бюшгенсом принимали самое активное участие. Всем было очевидно, что обеспечение заданной дальности полета требовало не только совершенных турбореактивных двигателей, но также исключительно высоких аэродинамических качеств и весовой отдачи конструкции.

Так вот, особенно большую роль в разработке и обосновании проекта будущего самолета М-4, а в дальнейшем – и в организации нового ОКБ сыграл сотрудник кафедры Мясищева в МАИ, а затем – первый заместитель и ближайший сподвижник генерального конструктора лауреат Ленинской премии Георгий Николаевич Назаров. Специалист в области прочности дирижаблей, он начинал в ОКБ С. А. Кочеригина, а продолжил работу в Омске – заместителем главного конструктора Д. Л. Томашевича. Влившись в ОКБ Мясищева, Назаров работал рядом с ним и в Казани, и в Москве – и во Владыкине, и в МАИ, и в Филях. Именно по инициативе Г. Н. Назарова был разработан и реализован план параметрических исследований характеристик будущего самолета М-4, предпринятый МАИ в тесном взаимодействии с ЦАГИ. Проект Мясищева и Назарова, как уже говорилось, прежде всего получил одобрение ученых ЦАГИ во главе с С. А. Христиановичем, В. В. Струминским, Г. С. Бюшгенсом, А. И. Макаревским. Столь же велика роль в работах над проектами Мясищева Льва Ивановича Балабуха и Валентина Александровича Федотова – людей, поражавших не только широтой и глубиной специальных знаний, но и замечательными человеческими качествами.

Армянин по происхождению, Георгий Николаевич Назаров, как и Н. Г. Нуров, родился в Тифлисе (Тбилиси), только тринадцатью годами позже, в 1908 году. Помимо самолетов 110 и «Пегас»

Д. Л. Томашевича, самолета Пе-2И В. М. Петлякова, стратегического бомбардировщика ЗМ В. М. Мясищева, значителен вклад Г. Н. Назарова в создание еще двух уникальных летательных аппаратов ОКБ В. М. Мясищева. Во-первых, это крылатая ракета

Крылатая ракета «Буран»

стратегического назначения «Буран», созданная в середине 1950-х годов, и, во-вторых, сверхзвуковой бомбардировщик М-50, первый полет которого состоялся в конце 1959 года.

Когда КБ уже упоминавшегося авиаконструктора-новатора П. В. Цыбина влилось в ОКБ В. М. Мясищева, генеральный отнесся к новобранцам очень внимательно. М. К. Мишетьян рассказывал:

– Наш отдел занимался еще машиной Цыбина. Когда его перевели в нашу организацию, все его службы сохранились, кроме службы по силовым установкам. Поэтому и эту работу передали в нашу бригаду. Там тоже ситуация была похожа на нашу – с машиной М-50. Настоящие двигатели (Соловьева), которые должны были стоять на машине, также не были еще готовы, взамен надо было ставить двигатели от МиГа. Мы сделали и воздухозаборник, и прочее... Цыбинский самолет был очень интересным, оригинальным. С очень плотной «структурой» была скомпонована вся эта машина: палец некуда протиснуть!.. А воздухозаборник для двигателей поручено было спроектировать двигателям – Соловьеву. Дело для них непривычное. И воздухозаборник оказался перетяжеленным чуть ли не на 300 кг!

Для того чтобы подогнать Соловьева, Мишетьяна отправили в Молотов (бывшую и будущую Пермь) – с задачей снять килограммов 250! Коллектив оказался очень благожелательный. Машина была рассчитана на число $M=2.4$. Пришлось вникать в массу деталей, в том числе связанных с тепловым нагревом. Совместно удалось снизить вес воздухозаборника не менее чем на 150 кг. Но по возвращении в Москву Мишетьян узнал, что их фирма передана Челомею. Цыбинская машина была уже на вылете. Ее собирались передать на летные испытания. Неизвестно, куда ее дели. Как и нашу М-52, которая выглядела значительно лучше «пятидесятки» – М-50. Хотя бы в музей отдали... У М-52 горизонтальное оперение подняли, предусмотрели перекачку топлива.

Мишетьян начинал с проектирования хвостовой части самолета, участвовал в некоторых работах по крылу... Мотогондолы ему пришлось спроектировать не только для М-50 и М-52, но также для цыбинской машины: и под микояновские двигатели, и под соловьевские... Все это было выполнено в металле. Но вскоре превратилось в металлолом. Не хватило ума сохранить что-то хотя бы для музея...

Привлечение ОКБ-23 к работе по созданию, при активном участии ЦАГИ, стратегической сверхзвуковой крылатой ракеты «Буран» (изделие «40») в 1953 году говорит само за себя. Параллельно аналогичным проектом более легкой стратегической сверхзвуковой крылатой ракеты «Буря» занималось другое, и очень сильное ОКБ – С. А. Лавочкина. Инициатива создания этих крылатых ракет и научное сопровождение сложного комплекса работ исходили от академиков М. В. Келдыша (в НИИ-1) и С. А. Христиановича (в ЦАГИ). Ракетные двигатели стартовой ступени «Бурана» создавало ОКБ В. П. Глушко, а прямоточные воздушно-реактивные двигатели маршевой ступени (с треугольным крылом малого удлинения) – ОКБ М. М. Бондарюка. Систему управления и астронавигации разрабатывало ОКБ Р. Г. Чачикяна.

Одной из наиболее сложных проблем был нагрев конструкции. Это обусловило необходимость использования в конструкции маршевой ступени необычных в то время материалов, в частности титана, нержавеющей стали, освоения новых технологий. Корпус ракеты был выполнен из тонкостенной нержавеющей стали с помощью точечной и роликовой сварки. Треугольные крылья «Бурана» были выполнены из титана – задолго до того, как он стал применяться на других наших летательных аппаратах. Качественно новой была проблема вертикального старта «связки», а также длительного полета маршевой ступени со сверхзвуковой скоростью на высоте около 20 км. Руководство разработкой проекта изделия «40» в качестве главного конструктора В. М. Мясищев поручил своему первому заместителю Г. Н. Назарову. Было изготовлено два опытных экземпляра ракеты, подготовлен стартовый комплекс. Но весьма успешные (и дорогие) работы по крылатым ракетам «Буран» и «Буря» в 1957 году были закрыты. В качестве более перспективной системы были определены баллистические ракеты стратегического назначения...

А вот что сегодня можно узнать из социальных сетей о главном конструкторе ОКБ В. М. Мясищева (в 1976–1981 годах) Арвиде Драстаматовиче Тохунце. Родился он в 1935 году в Армении. Окончил Чкаловскую школу в Ереване и в 1959 году МАИ по специальности инженер-механик по самолетостроению. В 1959–1967 годах он работал в ОКБ А. Н. Туполева. В 1967–1981 годах на Экспериментальном машиностроительном заводе (ОКБ В. М. Мяси-

щева) он был последовательно: начальником отдела аэродинамики, с 1972 года – заместителем главного конструктора, с 1976 года – главным конструктором. С 1981 года он перешел на работу в Ракетно-космическую корпорацию «Энергия» им. С. П. Королева.

А. Д. Тохунц был руководителем и непосредственным участником создания высотного самолета-перехватчика М-17, а также самолета-транспортчика ракетных блоков и орбитального корабля ракетно-космической системы «Энергия-Буран» ЗМТ.

Вот еще один последователь и ближайший сотрудник последнего периода жизни Владимира Михайловича – Арвид Драстаматович Тохунц. Работая в ОКБ Туполева, он в 1964 году защитил кандидатскую диссертацию на тему, связанную со снижением аэродинамического сопротивления самолетов путем ламинаризации пограничного слоя. В дальнейшем Тохунц занимался проблемами ламинаризации пограничного слоя на входе в воздухозаборники самолета Ту-144. Эти исследования высоко оценил первый заместитель начальника ЦАГИ в то время академик В. В. Струминский.

В 1968 году в ЦАГИ собралась представительная научно-техническая конференция. Владимир Михайлович Мясищев в это время работал уже на ЭМЗ; он тогда увлекся ламинаризацией пограничного слоя – на самолете ЗМ сделали даже ламинарный носок, и генеральный конструктор сам приехал на конференцию в ЦАГИ – в генеральской форме...

На конференции выступил В. В. Струминский, с подробным объяснением того, что дает ламинаризация. После его выступления Алексей Андреевич Туполев спросил его:

– Владимир Васильевич, мы никак не можем получить от ЦАГИ рекомендации: каково должно быть расстояние между щелями? Каковы должны быть размеры щелей? Как их располагать, где располагать камеры с воздухом?..

Арвид Драстаматович
Тохунц

Струминский показал на Тохунца и сказал Туполеву:

– Алексей Андреевич, рядом с Вами сидит человек, Ваш сотрудник, который даст Вам все рекомендации. Если Вы хотите, чтобы там была моя подпись, то я попрошу его написать эти рекомендации, а я их подпишу.

В перерыве к Тохунцу подошел Владимир Михайлович и сказал:

– Разрешите представиться: генеральный конструктор Владимир Михайлович Мясищев. Вам Владимир Васильевич дал такую лестную характеристику, что Вы очень меня заинтересовали. Я бы хотел Вас пригласить к себе на работу. Вы сейчас какую должность занимаете?

– Я начальник бригады.

– Я приглашаю Вас в качестве начальника отдела. А как у Вас с бытовыми условиями?

– Мне обещают квартиру, но, к сожалению, пока это дело не движется.

– Я Вам в Жуковском дам четырехкомнатную квартиру в ближайшее время.

– Я в Жуковском не очень бы хотел...

– В Москве не будет труда обменять ее, здесь масса летчиков... Вы подумайте, я не настаиваю... Вот Вам моя визитка...

(И действительно, потом Тохунц обменял жуковскую четырехкомнатную квартиру, не поселяясь в ней, на двухкомнатную квартиру на Таганке. А потом Владимир Михайлович помог переехать из этой квартиры – в четырехкомнатную в той же Москве.)

Когда Алексей Андреевич Туполев узнал о том, что Тохунц дал согласие Владимиру Михайловичу Мясищеву о переходе на его фирму, он сказал:

– Слушай, ну куда ты идешь! Это же кошмар! Ты страшно пожалеешь. Но знай, как только ты захочешь возвратиться назад, звони мне – никаких вопросов. Ты там не продержишься больше трех месяцев...

Действительно, когда Тохунц приехал на ЭМЗ, новая фирма Мясищева только-только становилась на ноги: единственное, что у нее было, – ангар бывшей лётно-испытательной и доводочной базы ЛИИДБ ОКБ-23!

– Ничего не было, – вспоминал Тохунц. – Макетный цех – как какой-то хлев! Но через год у нас уже были большие перемены: прекрасный модельно-макетный цех, а в подвале бывшей котельной – аэродинамическая лаборатория с дозвуковой трубой ($M \sim 0,15$), с диаметром рабочей части 1,5 м для отработки местной аэродинамики самолета. Генерал был великий строитель! Но еще более великим генерал был Человеком! К коллегам, вне зависимости от возраста и ранга, он всегда обращался предельно уважительно, только по имени-отчеству. Никакого запанибратства или, как он любил выражаться, «похлопывания по голенищу». Его кабинет всегда был открыт для сотрудников не только по сугубо техническим, но и по бытовым вопросам. Он был неизменно доброжелателен к окружающим и стремился помогать им в трудные минуты. Владимир Михайлович приложил огромные усилия, чтобы я получил в Москве хорошую квартиру. На новоселье приехал с супругой, Еленой Александровной, которая подарила нам чеканку с изображением баранов, шампуров и т. п. На обороте она собственноручно написала сочиненные ею стихи.

В канун каждого праздника Владимир Михайлович поздравлял технических работников, включая уборщиц, дарил им сувениры. По праздникам Владимир Михайлович собирал ближайших помощников с женами у себя дома. Он завел традицию в майские праздники приглашать сослуживцев с семьями к себе на дачу, где радушно угощал их домашней снедью и собственными настойками. Душой компании была Елена Александровна. Она расспрашивала каждого о его проблемах, жизненных трудностях и многим помогала. Сам Владимир Михайлович был примерным семьянином, внимательным и заботливым.

Отличительной чертой Владимира Михайловича была душевная чистоплотность, неумение и нежелание перекладывать вину с себя на других. Брать огонь на себя – было одним из пунктов его кодекса чести. При разного рода ЧП – авиация без этого немыслима, – вышестоящие инстанции предлагали Владимиру Михайловичу назвать фамилии виновных. «Накажите меня, а своим я сам воздам по заслугам», – отвечал Владимир Михайлович. Для подчиненных брать огонь на себя означало проявлять самостоятельность, отстаивать свою точку зрения, не боясь навлечь на себя гнев начальника.

Сам Владимир Михайлович всячески стимулировал творческие поиски сотрудников. Он был демократичен и не требовал безоговорочного подчинения при решении технических вопросов. С ним можно было спорить, не соглашаться, аргументированно отстаивать свою точку зрения. «Молодец, – говорил Владимир Михайлович, – сопротивляется. Вообще, можно опираться лишь на то, что оказывает сопротивление».

Его внимание к людям, к их заботам, к чувствам, их защищенности давало удивительные результаты – люди в большинстве своем начинали работать «как для себя», а недруги Владимира Михайловича из Минавиапрома, которых было немало, не переставали удивляться, в чем секрет немыслимой трудоспособности мясищевских коллективов, царящему в них духу творчества и устремленности в будущее.

Одной из наиболее успешных разработок небольшого коллектива ЭМЗ, выполненных под руководством Мясищева, явился проект межконтинентального стратегического бомбардировщика (проект М-18). Самолет нормальной схемы имел поворотное крыло большого удлинения, позволяющее изменять его стреловидность от $\sim 0^\circ$ на посадке до $\sim 60^\circ$ на больших сверхзвуковых скоростях. Это обеспечивало выполнение тактико-технических требований на всех режимах полета: от посадки до преодоления системы ПВО при подлете к цели. Проектные работы сопровождались предварительными исследованиями ключевых проблем. В частности, исследования напряженно-деформированного состояния зоны поворотного узла крыльев проводилось совместно с СибНИИА на оригинальной модели из органического стекла. В конструкции самолета предполагалось широкое использование композиционных материалов, титана, стали, жаропрочного алюминия. Были проведены испытания моделей в аэродинамических трубах ЦАГИ и НИИ теоретической и прикладной механики Сибирского отделения АН СССР.

В 1972 году проводился конкурс на разработку стратегического межконтинентального самолета между тремя фирмами: КБ Туполева, КБ Сухого и КБ Мясищева. А. Д. Тохунц вспоминал интересные детали этого конкурса, благодаря которому в конечном итоге стало возможно, во многом, создание самолета Ту-160.

– Конкурс проходил в два этапа. На первом этапе КБ Сухого предъявило на конкурс проект самолета Т-4МС (Т-4 с поворотными концами консолей крыла), Туполев выступил с компоновкой практически Ту-144 (т. е. со схемой с крылом неизменяемой геометрии), КБ Мясищева предложило компоновочную схему с крылом изменяемой геометрии. Сторонники изменяемой геометрии крыла (КБ Сухого и КБ Мясищева) утверждали, что подобная схема: существенно расширяет тактические возможности самолета, позволяя преодолевать систему ПВО как на больших, так и на сверхмалых высотах; значительно увеличивает дальность полета; обеспечивает хорошие взлетно-посадочные характеристики.

Основной довод сторонников неизменяемой геометрии состоял в том, что вес узла поворота достаточно тонкого крыла большого удлинения сведет на нет все преимущества изменяемой геометрии. Сегодня это утверждение кажется смешным, но полвека назад, когда опыт создания подобных конструкций отсутствовал, оно казалось заслуживающим внимания. В итоге по результатам дискуссии было принято решение еще раз внимательно все проанализировать при подготовке ко второму этапу.

Когда, придя на следующий этап конкурса, я стал разглядывать развешанные на стенах плакаты участников, то поразился проекту КБ Туполева, который практически полностью походил на наш проект: то же крыло изменяемой геометрии, те же толщины, удлинение и т. п. Потрясенный увиденным, я подошел к начальнику второго отделения ЦАГИ В. Г. Микеладзе (прекрасному человеку, с которым меня связывали дружеские отношения еще по общим знакомым в Тбилиси) и, не сдерживая своих эмоций, сказал:

– Виталий Георгиевич! Вы же все наши данные продувок выдали Туполеву?!

Он невозмутимо, по-партийному (Микеладзе долгое время был парторгом ЦАГИ), сказал:

– Слушай, ты рассуждаешь не как коммунист! Что значит – ваши, наши! Это в Америке у разных фирм свои аэродинамические трубы. А у нас – только в ЦАГИ! Мы рекомендации по вашим продувкам даем Туполеву, по его продувкам – вам!..

В результате «конкурса», несмотря на то что препирательства между КБ А. Н. Туполева и КБ П. О. Сухого продолжились, по

сути, был выбран вариант, предложенный мясищевцами. Однако дальнейшую работу над проектом и создание самолета поручили КБ А. Н. Туполева. Резюме было простым: «...КБ П. О. Сухого в настоящее время занято разработкой перспективного фронтового истребителя и вторую тему оно потянуть не сможет. У КБ В. М. Мясищева отсутствуют необходимые производственные мощности для создания подобного самолета».

Как рассказывал Тохунц, Мясищев воспринял, казалось бы, обидное для него решение по конкурсу как-то очень просто.

– Мы едем с Владимиром Михайловичем в машине, я сижу на заднем сиденье и слушаю, как он спокойно, даже удовлетворенно говорит о передаче наших проектных решений туполевцам. Слушаю и думаю: «Черт, что он так радуется? Ведь мы победили в конкурсе. А остались ни с чем!»

Генерал ко мне поворачивается и говорит:

– Чего молчите? Наверное, думаете: боже, чему он радуется?

– Ну что Вы, Владимир Михайлович! Как я могу!

– Нет! Я Вам хочу разъяснить, чтобы Вы немного успокоились. Петр Васильевич Дементьев разумно сказал, что у нас, ЭМЗ, мощности такой, чтобы самолет этот сделать, нет. Поэтому он попросил меня, чтобы я благосклонно отнесся к тому, чтобы мы всю документацию передали Туполеву. А за это Петр Васильевич построит нам два корпуса в Жуковском. Это Вас устраивает?

Дементьев свое обещание выполнил. Построили жилой дом для сотрудников фирмы Мясищева. На месте вишневого сада построили большой лабораторно-производственный корпус.

Через несколько лет КБ Туполева создало самолет по этой теме – выдающийся ракетоносец Ту-160, повторяющий во многом американский В-1, но со значительно большим взлетным весом (взлетный вес В-1 – 216 т, Ту-160 – 270 т).

Что характерно, при создании другого самолета – М-17, в зрелые уже годы конструктора, Владимир Михайлович, как и в годы молодые, охотно вникал в наиболее важные конкретные особенности конструкции. Тохунц вспоминал такую историю. Как-то вечером, часов около 9, к нему в кабинет зашел Владимир Михайлович и «возмутился»: «Слушайте! У Вас молодая жена! А вы еще тут сидите! Вы явно не справляетесь с работой!.. – улыбнувшись, он продолжил: – Давайте спустимся в макетный цех!»

Самолет М-17

На самолете М-17 главный прочнист ОКБ В. А. Федотов разработал схему крепления крыла типа ферменного. Были уже выпущены рабочие чертежи, переданы на завод в Кумертау. В макетном цеху Владимир Михайлович вдруг сказал:

– Я подумал, такое крепление не годится! Машина высотная... Я считаю, здесь должен быть контурный стык!

Тохунц осторожно напомнил:

– Но был уже скандал: мы задерживаем производство, чертежи отправлены на завод.

– Чудак! Речь идет о качестве, надежности конструкции, а Вы рассуждаете как почтальон, когда, куда, что направили... Все-таки стык надо делать контурным!

На следующее утро у Федотова случилась чуть ли не истерика. Но Владимир Михайлович настоял, хотя директор завода А. С. Палатников поднял большой шум. Тем не менее был выпущен комплект чертежей на контурный стык. Федотов потом не раз говорил, что это было абсолютно правильное решение...

После катастрофы самолета М-17 и ухода из ЭМЗ Тохунца, принявшего на себя весь удар за случившееся, пригласил к себе

на работу В. П. Глушко в «НПО Энергия». Позже Тохунц с основанием скажет в связи с этим:

– В жизни мне повезло на встречи с выдающимися людьми. Моими руководителями в разное время были выдающиеся конструкторы авиационной и ракетной техники: А. Н. Туполев, В. М. Мясищев, В. П. Глушко. Наиболее близко я работал с генеральным конструктором Владимиром Михайловичем Мясищевым – человеком колоссальной технической интуиции, конструктором-новатором, самолеты которого намного опережали свое время, а идеи и сегодня принадлежат будущему.

(Между прочим, Мария Владимировна Мясищева говорила мне, что любимым учеником отца был А. Д. Тохунц.)

Тохунц вспоминал об одном из заседаний в «НПО «Энергия», на котором присутствовали два министра П. В. Дементьев и С. А. Афанасьев.

– Валентин Петрович Глушко, как всегда, вел такие заседания, будучи человеком с непререкаемым авторитетом, в которого очень верил главный куратор «оборонки» Д. Ф. Устинов. Это помогло Глушко, преодолевая стену недоверия и сомнений, создать для ракеты «Энергия» уникальный кислородно-керосиновый ЖРД, намного опередивший свое время. Министр Афанасьев, говоря о новациях в проекте ракеты «Энергия», сказал, обращаясь к Дементьеву:

– Петр Васильевич, мы решили применить новую технологию при создании ракеты «Энергия». У нас теперь будет не так, как раньше, – все за бугор да за бугор! Мы сначала все отработаем на наземных стендах! А потом сделаем ракету!

Дементьев нахмурился:

– Ты только что пришел к этому! А мы с Владимиром Михайловичем Мясищевым тридцать лет тому назад так делали.

В машине Владимир Михайлович, комментируя этот эпизод, скажет Тохунцу:

– Действительно, при создании самолета 3М мы начинали со стендовой отработки самолетных систем и первые самолетные чертежи, сданные заводу, были на стенды. Это показалось подозрительным директору завода, и он сказал Дементьеву, что Мясищев, мол, обманывает ЦК и не строит самолета. Дементьев тогда, 30 лет тому назад, объявил мне выговор...

О катастрофе М-17 Тохунц говорил:

– Строительство М-17 на предприятии, выпускавшем до этого только вертолеты, шло медленно, с большим количеством ошибок и переделок. Кроме того, 14 октября 1978 г. В. М. Мясищев скоропостижно скончался. Началась организационная неразбериха, так как долгое время ЭМЗ оставался без руководителя, да еще приближался день рождения генсека Л. И. Брежнева, которому «следовало сделать подарок». На этом фоне, хотя самолет был еще «сырой» и стояла пасмурная погода с частыми снегопадами, было принято не согласованное ни с главным конструктором, ни с руководством МАП решение 24.12.1978 поднять машину в воздух. Наложившиеся друг на друга события привели к трагедии – самолет при проведении пробежек разбился. Тогдашний министр авиационной промышленности Василий Александрович Казаков вызвал меня и сказал: «Ты уж извини, но у нас принято так: кто-то где-то проштрафился, а бьют голову. Поэтому, если я технолога какого-нибудь подставляю, этого не поймут. Придется тебе взять огонь на себя. Я постараюсь, чтобы это было с минимальными для тебя потерями: оставляю тебе персональную машину, удостоверение, через год все восстановим, а пока будешь заместителем главного конструктора Г. Е. Лозино-Лозинского. Теперь же поезжай на Лубянку, там тебя ждут, ищут вредителей. Не бойся, тебе ничего не будет, ты при пробежках был в Москве. Но от твоих показаний зависит судьба многих людей. Если попросят написать, будь краток, как на кладбище: родился тогда-то и т. п. Я уже дал команду Г. П. Свищеву, чтобы он подготовил техническую справку». Через полгода В. А. Казакова не стало, так что свое обещание все восстановить он не смог.

Переживая случившееся, я более всего боялся, что меня могут исключить из партии или занести выговор в учетную карточку. Я позвонил заведующему оборонным отделом ЦК КПСС Ивану Дмитриевичу Сербину, представился и попросил принять меня. Позже я узнал, что В. А. Казаков тоже ему звонил. Встреча была короткой. Наиболее запомнившиеся слова Сербина: «Я должен сказать, что у нас, членов ЦК, голова болит от этих интеллигентов, которые не могут кулаком по столу стукнуть! Из-за этого такие директора заводов, как А. С. Палатников, и своевольничают! Поднимают машины – без всяких разрешений! Это все ваша

интеллигентность! Между прочим, и Владимир Михайлович (а я слышал, Вы были его любимым учеником) – тоже был интеллигентом! Обязательно, когда придете домой, прочтите статью В. И. Ленина об интеллигенции. Я надеюсь, у Вас имеется полное собрание сочинений В. И. Ленина».

Когда я уходил, уже забыв, зачем приходил, Сербин мне сказал: «Да, я звонил Перфильеву, первому секретарю Жуковского горкома партии, и предупредил: “Никаких выговоров с занесением!” Вам просто объявят строгий выговор. Потом снимут. На горкоме Вы сидите и ничего не говорите, молчите”.

Получилось совсем по-отечески как со стороны В. А. Казакова, так и И. Д. Сербина.

В 60-х годах прошлого века, когда пилотируемая космонавтика делала первые шаги, во всех развитых странах мира начали проводиться поисковые и проектно-конструкторские работы по созданию многообразных транспортных космических систем МТКС.

Среди многочисленных коллективов, принявших участие в работах по данной программе, был и коллектив ЭМЗ, возглавляемый В. М. Мясичевым. Работами по космической тематике в ОКБ-23 начали заниматься с конца 50-х годов. Владимир Михайлович очень интересовался этим направлением. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные подборки материалов, которые он лично вел и систематизировал. «Гиперзвук. Применение водорода, прямоточные двигатели и т. п.» – написано его рукой на вырезках из журналов, которые складывались им в соответствующие папки.

В 1974 году в рамках темы «Холод» на ЭМЗ были начаты работы сразу по нескольким направлениям, работы проводились под шифром тема «19» и предусматривали:

- создание летающей лаборатории (на базе самолета ЗМ) с силовой установкой (АЛ-21Ф-3) на жидководородном топливе,
- проектно-конструкторские работы по созданию одноступенчатого воздушно-космического самолета (ВКС) с ядерной двигательной установкой.

При непосредственном руководстве генерального конструктора В. М. Мясичева работы по теме «19» возглавил его заместитель А. Д. Тохунц, который вспоминал о работах того периода:

– Первоначально Владимир Михайлович отнесся к идее ВКС скептически. Ход его рассуждений был прост. Вес конструкции обычной ракеты, как известно, составляет всего несколько процентов от стартового веса (примерно 7–8%), в то время как вес конструкции самолета, даже хорошего в весовом отношении (Владимир Михайлович приводил в качестве примера сверхзвуковой стратегический бомбардировщик ВВС США «Хаслер»), составляет примерно 30% от взлетного веса (и это без учета теплозащиты, ЖРД...).

Возникает естественный вопрос: какой же эффективностью должна обладать силовая установка этого ВКС, чтобы вывести такую тяжелую конструкцию в космос? На поиски ответа на этот вопрос ушло примерно полгода.

По результатам предварительной проработки проекта ВКС Владимиру Михайловичу был представлен солидный отчет, который он изучал около месяца, никак его не комментируя.

И вот однажды утром, помнится, это было в начале весны, Владимир Михайлович вызвал меня и спросил как о чем-то совершенно обыденном: «А где же план-график работ по ВКС?»

Стало ясно – наши доказательства генеральным приняты и надо срочно начинать работу.

Для развертывания работ была задействована обширная кооперация НИИ и ОКБ. Комбинированную двигательную установку ВКС, которая должна была работать на всех режимах полета, от взлета до выхода на орбиту разрабатывало КБ выдающегося конструктора авиационных и ракетных двигателей Николая Дмитриевича Кузнецова. В. М. Мясичев и Н. Д. Кузнецов активно пропагандировали концепцию ВКС, используя встречи с руководителями государственных органов власти, крупными учеными и конструкторами. Часто на этих встречах присутствовал и А. Д. Тохунц. Он вспоминал:

– Однажды мы поехали к заместителю председателя Военно-промышленной комиссии при Совете министров СССР Н. С. Строеву. Николай Сергеевич начал встречу с того, что спросил Владимира Михайловича, как он отнесся бы к предложению возглавить НПО «Молния». В. М. Мясичев высказался отрицательно, сказав, что считает проект «Энергия-Буран» запоздалым (американцы к тому времени уже проводили летные испытания орбитального

корабля «Энтерпрайз»), кроме того, по его мнению, сложна организационная структура реализации проекта.

На вопрос Строева: «Владимир Михайлович, а что же Вы предлагаете?» он ответил: «А я предлагаю одноступенчатый воздушно-космический самолет. Он будет создан намного позже, позже, чем «Буран», через 10–15 лет. Но потом мы будем впереди на последующие 30 лет! Любая научно-техническая проблема – это змея, извивается, но в руки не дается. И хватать ее надо за голову, а не за хвост! Мы же сегодня проблему создания многообразной транспортной космической системы – МТКС берем за хвост. Американцы уже провели летные испытания орбитального корабля, а мы – только-только приступили к бумаге (т. е. оказались в хвосте). Зачем нам это надо?»

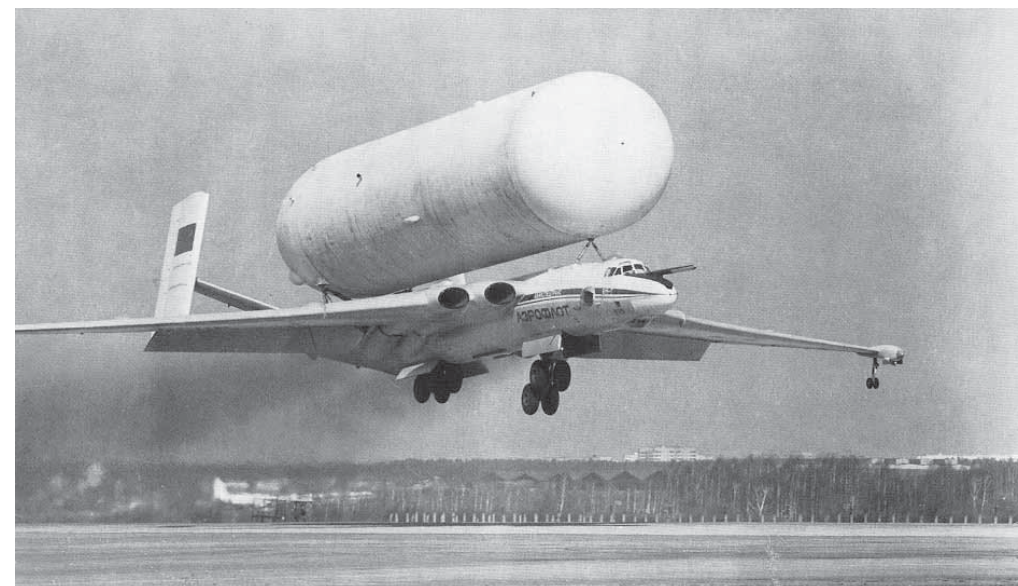
Строев осторожно возражал: «Да, Владимир Михайлович, но здесь ядерная установка! Я проект М-19 знаю... Впрочем, оставьте Ваши материалы, мы подумаем».

Мы поблагодарили Николая Сергеевича, сели в машину и поехали в Жуковский. Я всю дорогу сижу, молчу, думаю: «Боже мой, что же он отказался от «Молнии»?!» Владимир Михайлович, чувствуя переполняющие меня чувства, повернулся и сказал потрясающие слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Молодой человек! В критические минуты жизни никогда не кривите душой!»

Он говорил о себе, о своем отказе. Он, очевидно, решил, что для него в том разговоре со Строевым наступила именно такая критическая минута. Душой согласиться на гораздо более высокую, чем прежде, должность, которая была ему не очень понятна, он не мог... И он оказался, в общем-то, прав, конечно. С «Бураном» ничего не получилось...

Вспоминал А. Д. Тохунц:

– Между тем президент Академии наук СССР А. П. Александров, когда В. М. Мясичев и я были у него на совещании, рассказывал тогда о том, как ядерные технологии страдают от диктата нефтяных монополий: «Если бы они нас не давили, у нас уже после войны появились бы ядерные двигатели и ядерные самолеты. Но они все время нагнетают, мол, опасно, опасно! Жить, вообще-то, опасно! А что, электричество не опасно? Ну, сунь в розетку два пальца! А сейчас все пользуются электричеством. Что, водород не опасен? Но его же используют широко...»

Самолет транспортной системы
ЗМ-Т (ВМ-Т «Атлант»)

Поразительно, но техническая смелость не покидала В. М. Мясичева до самого конца его напряженной творческой жизни. Достаточно вспомнить эпопею создания на базе бомбардировщика ЗМ транспортной системы ЗМ-Т (или ВМ-Т «Атлант»).

Доктор технических наук, профессор Валерий Павлович Бурдаков, в прошлом один из ведущих специалистов НПО «Энергия» по созданию целостной системы номенклатуры транспортируемых блоков ракеты «Энергия» и орбитального корабля «Буран» на космодром Байконур, вспоминал:

– До сих пор помнится во всех деталях трудный разговор, который нам, сотрудникам НПО «Энергия» – Кузнецову Н. Ф. и мне, пришлось в 1976 году вести с прославленным конструктором самолетов В. М. Мясичевым. В его рабочем кабинете с тремя окнами – вечно ревущее взлетное поле Летно-исследовательского института. Голос у Владимира Михайловича тихий – не всегда за шумом самолетов разберешь, о чем он говорит. На помощь то и дело приходит правая рука генерального конструктора, его заместитель и главный конструктор А. Д. Тохунц.

Речь идет о неслыханном. Объединение предложило транспортировать элементы только что спроектированной

гигантской ракеты (она тогда еще не носила звучного названия «Энергия») на «спине», то есть на фюзеляже самолета ЗМ... Наша задача заключалась в том, чтобы получить подпись В. М. Мясищева на так называемой «габаритке» – схематическом чертеже этого крупного груза. По прошлому опыту мы знали, если профессор В. М. Мясищев загорелся идеей, то в инженерном варианте она будет решена безукоризненно.

В конечном счете подпись была получена, заказ успешно выполнен, а по сути дела, создание нового транспортного самолета ЗМ-Т, в память о В. М. Мясищеве названном ВМ-Т, открыло дорогу в космос новому сверхтяжелому носителю «Энергия».

Всего было выполнено 150 подобных полетов. Владимира Михайловича тогда уже не было. Он ушел из жизни в 1978 году. Но без энтузиазма Владимира Михайловича не было бы и самолета ЗМ-Т. А если бы не было самолета ЗМ-Т, то, как полагают многие, было бы невозможным создание МТКС «Энергия-Буран». А. Д. Тохунц неоднократно подчеркивал, что в условиях нашей бюрократии создание самолета ЗМ-Т в необычайно короткие сроки было бы невозможным без решительной поддержки В. П. Глушко. Об этом очень образно написал в своей книге «Путь к “Энергии”» профессор вице-президент РКК «Энергия» В. М. Филин. Тохунц рассказывал мне:

– Уже Владимира Михайловича не было, когда идеей транспортировки на самолете загорелся В. П. Глушко. Первые отчеты на «Энергию» подписал я. К нам приехал Садовский с Бурдаковым и увидели модель ЗМ-Т с 40-метровой «бандурой» сверху. Это была Бункинская лазерная установка. Мы тогда занимались ею тоже, и она по габаритам была как раз как этот бак. Они пошли доложили Глушко, и Валентин Петрович запросил наши отчеты. Владимир Михайлович мне говорит: «Я такой отчет подписать не могу. Петр Васильевич меня убьет...» Я предложил: «Владимир Михайлович, разрешите мне! Что он со мной сделает? Он скажет: «Армянин, молодой, горячий, дурак!...» Так и сделали, я первый отчет подписал.

Когда Глушко получил этот отчет, он загорелся желанием не строить там крупные блоки, а доставлять их самолетом. Это описано в книге Филина «Путь к “Энергии”».

Когда Дементьев узнал, он пришел в страшную ярость. Позвонил Лозинскому. В тот же день вечером Лозинский позвонил мне и сообщил: «Нас вызвал Петр Васильевич – сказал, что собственными руками задушит в своем кабинете того, кто решил Глушко выручать! Вы не волнуйтесь – я буду рядом с Вами».

Жене я говорю: «Меня, наверное, завтра снимут». Я позвонил Глушко и рассказал о звонке Лозинского: «Завтра меня вызывает Дементьев и сказал, что собственными руками задушит в своем кабинете того, кто предложил “Энергии” эту систему». – «Серьезно? Не волнуйтесь! Идите спокойно!»

Я приезжаю в министерство, бледный, ночь не спал. Меня сочувственно встречает Силаев. Лозинский куражится. Приглашают нас в кабинет Дементьева. Он встает из-за стола. Маленького роста, лысый, голова красная, как у палача...

– Только что позвонил Дмитрий Федорович Устинов и от имени Центрального комитета нашей партии выразил лично мне благодарность за то, что мы нашли решение по созданию «Бурана»! А я ничего не знаю! Ты, блядь (Лозинскому), до каких пор будешь безобразничать?! Кто это предложил?

Лозинский потерял дар речи. Ведь собирались душить кого-то, а тут вдруг такой оборот. Руками Лозинский (с отвисшей челюстью) показывает на меня.

– А ты тоже хорош, гусь, – обращается Дементьев ко мне уже, – немедленно поезжай и привези мне отчет, который послали Валентину Петровичу. Ну, представляете, Центральный комитет партии!..

Выйдя от Дементьева, я позвонил от секретаря Глушко. Он удивленно спросил: «Как? Вы еще живы?» Очевидно, он позвонил Устинову...

Я, конечно, привез отчет. Дементьев премировал меня месячным окладом.

6 декабря 1982 года на самолете ЗМ-Т впервые был перевезен огромный ракетный бак. ЗМ-Т обеспечил перевозку с заводоизготовителей на Байконур элементов ракеты-носителя «Энергия» и орбитального корабля «Буран», решив задачу исключительной важности для судьбы всего проекта. Доставка на Байконур второй ступени ракеты «Энергия» предусматривала, к примеру, сначала доставку водородного бака, а затем кислородного

вместе с каркасами межбакового и хвостового отсеков. За два полета центральный блок полностью доставлялся самолетом ЗМ-Т на Байконур. Для решения подобных задач в Жуковском, в Куйбышеве и на Байконуре были построены специальные подъемно-транспортные установки, способные поднимать и укладывать на самолет необычные, гигантские по габаритам и весу грузы.

Мало кто знал Мясищева – земного человека так близко, как Тохунц. Он рассказывал:

– Я любил Владимира Михайловича как отца. Он был очень внимателен. Когда я получал квартиру, в ней не было телефона. Только благодаря его усилиям провели мне воздушную линию, и нашим телефоном в крайних обстоятельствах стали пользоваться многие жильцы в нашем доме. У меня была двухкомнатная квартира на Таганке. Однажды мы были у него на даче в гостях. Каждое 7 ноября и каждый Первомай, как уже говорилось, у себя на Николиной Горе он собирал своих заместителей с женами. Там бывали В. К. Карраск, Я. Б. Нодельман, В. А. Федотов и другие близкие ему сотрудники. Владимир Михайлович как хлебосольный хозяин никого не забывал, ко всем подойдет, всех угостит... Сам он делал отличные настойки... Моя жена проговорила Елене Александровне, что у нас двухкомнатная квартира на Таганке не очень удобная, со смежными комнатами, правда, – на троих, это потом нас стало четверо. Видно, Елена Александровна сказала об этом Владимиру Михайловичу. Когда мы выпили слегка, он подходит ко мне и говорит: «Слушайте, почему Вы мне не сказали, что у Вас ужасные условия бытовые?» Я замялся от неожиданности: «Владимир Михайлович, я не люблю просить – особенно за себя!» Он поправил: «Вы просите не за себя, а за свою семью! Для Вас я бы ничего не сделал. А вот для вашей семьи постараюсь кое-что сделать!»

После этого Мясищев добился выделения семье Тохунца четырехкомнатной квартиры. Но райсовет возражал – мало жильцов. Владимир Михайлович сказал однажды: «Завтра приезжайте ко мне, поедem вместе в райсовет». На следующий день Тохунц помог генералу надеть тяжеленный китель с наградами, и они поехали в райсовет. У председателя было много народу. Мясищев сказал секретарю: «Доложите, пожалуйста, – генеральный конструктор Мясищев!» Через мгновение после доклада секретаря

из кабинета выскочил возбужденный начальник: «Владимир Михайлович, какими судьбами, что Вас привело к нам? Я служил в части в Энгельсе, которая летала на ваших самолетах!» Мясищев объяснил суть просьбы и получил немедленное заверение председателя, что тот сам постарается в ближайшее время решить проблему. Что и было сделано оперативно.

Вот такой был человек. Его обожали все сотрудники. Неудивительно, что он умел зажечь людей. Не знаю ни одного из тех, кто с ним работал, кто отозвался бы о нем плохо...

– На «Энергии», – продолжал Тохунц, – вся авиационная часть после Павла Владимировича Цыбина попала ко мне. Все транспортировки... Этим всем я руководил. Вплоть до того, что главный конструктор по многократной транспортной космической системе – МТКС в целом и по ракете Борис Иванович Губанов как-то меня вызвал и говорит: «Давай так. На оперативном совещании я объявляю, что все авиационные вопросы, все многократные системы, все, что на горбу самолета, ты будешь за меня подписывать как главный конструктор!»

Он так и объявил: «Все, что имеет крылья и имеет какое-то отношение к авиации, подписывает товарищ Тохунц. Я обратил внимание на то, что Валентин Петрович Глушко страшно любит обсуждать с ним авиационные вопросы. Ракетные он все хорошо знает, они ему противны. Так что, видя, как он с Тохунцем сидит часами над техническим заданием по Ан-225, я понял правильность своего решения. А когда к нему приходят двигателисты, он их шпыняет и выгоняет. А у меня нет столько времени с Валентином Петровичем сидеть часами. Вот я и поручаю товарищу Тохунцу – это направление».

А. Д. Тохунц и Г. А. Амирьянц

– Вы и с Елизаветой Аветовной Шахатуни встречались по 225-й? – спросил я как-то Тохунца.

– Да, конечно, – ответил он и продолжил: – Владимир Михайлович надеялся, что проект М-19 станет его лебединой песнью. Он ездил в Министерство обороны. Глушко Валентин Петрович его поддерживал. Он с большим интересом отнесся к этому проекту. Четыре часа сидел, рассматривал его. Потом Глушко мне рассказывал, что проект хороший, но... ядерная установка!..

Однажды, будучи начальником ЦАГИ, Владимир Михайлович пригласил к себе новоиспеченных начальников вновь созданных им научных отделений комплекса прочности ЦАГИ и спросил их: «Как вы думаете, что главное в вашей деятельности?» Не дожидаясь их ответа, этот немолодой степенный человек изящных манер, успевший получить в ЦАГИ очевидно поспешные и быстро забытые потом титулы «барин», «артист», легко вскочил вдруг на стул, поднес руку ко лбу и, внимательно осматривая «горизонт» впереди, слева и справа от себя, сказал: «Вы должны видеть перспективу!»

В этом был весь Владимир Михайлович. Где бы он ни работал, чем бы он ни занимался, он умел видеть перспективу. Эта рекомендация согласуется с его известным девизом: «Конструктор должен постоянно глядеть вперед, а иногда и немного по сторонам!»

Вот так и Арвид Драстаматович Тохунц. Последнее его увлечение – морской старт тяжелых ракет...

Валерий Андреевич Ширинянц

«Армянскую линию» В. М. Мясичева достойно продолжает сегодня Валерий Андреевич Ширинянц – почетный авиастроитель, академик Академии наук авиации и воздухоплавания России. В 1998 году он был назначен на должность первого заместителя генерального конструктора – начальника ОКБ Экспериментального машиностроительного завода – ЭМЗ имени В. М. Мясичева. Прошло уже двадцать лет, как не стало Владимира Михайловича Мясичева, но Ширинянц был удостоен такой чести, какую в свое время заслужили другие выдающиеся его соотечественники: Нуров, Назаров, Тохунц.

Выпускник МВТУ им. Н. Э. Баумана 1968 года, Ширинянц начал свою работу на вновь организованном за два года до того В. М. Мясичевым ЭМЗ. В МВТУ Ширинянц поступил после окончания с золотой медалью школы в небольшом узбекском городе Сырдарье, в котором родился в 1946 г. В МВТУ он специализировался на кафедре конструкции и прочности летательных аппаратов, которую в свое время возглавлял выдающийся ученый – главный прочнист ОКБ В. М. Мясичева Л. И. Балабух. Так что неудивительно, что за короткий срок работы на ЭМЗ талантливый инженер прошел путь от начальника бригады, начальника отделения, начальника проектно-конструкторского комплекса конструкции, прочности и технологичности летательных аппаратов до первого заместителя генерального конструктора – начальника ОКБ. С 2007 года он – главный конструктор по конструкции и прочности летательных аппаратов.

В.А.Ширинянц в тесном взаимодействии с головным научным центром авиационной отрасли ЦАГИ разработал эффективные

Воздушно-космический самолет
«Буран» в испытательном полете

Самолеты ЭМЗ имени В. М. Мясищева
З-МТ, «Гжель», М-55

методы оптимального проектирования конструкций, которые нашли широкое применение при создании важнейших элементов практически всех изделий авиационно-космической техники, спроектированных на ЭМЗ: в частности, крыла и оперения дозвукового высотного самолета М-55, оперения уникальной по своей технической смелости авиационной транспортной системы ЗМ-Т, герметичной кабины воздушно-космического корабля «Буран», крыла и оперения легкого пассажирского самолета М-101Т «Гжель» и других перспективных проектов. Каждая из этих работ, как всегда на «фирме Мясищева», была новым, смелым словом в авиации.

К чести руководства ЭМЗ, оно сумело сохранить свое ОКБ, носящее имя В. М. Мясищева, в пору, когда в начале 90-х годов резко сократилось бюджетное финансирование отрасли и рушились прославленные ОКБ. Тогда нужно было находить дополнительные заказы – в том числе в других отраслях промышленности. Значительную роль сыграл в этом В. А. Ширинянц. Под его руководством ведущие специалисты ЭМЗ и Всероссийского института авиационных материалов – ВИАМ предложили специалистам Мосметростроя разработать конструкторскую документацию и изготовить элементы оригинального высокоэффективного освещения ряда станций строившейся тогда Люблинской линии метро с использованием авиационных материалов и технологий.

После успешного выполнения этих работ в 1997 году специалисты ЭМЗ, возглавляемые В. А. Ширинянцем, согласились с необычным, важным и ответственным предложением: разработать и изготовить оригинальные элементы конструкции

из композиционных материалов для детектора Большого адронного коллайдера (БАК), строящегося в Европейском центре ядерных исследований (CERN, Женева). В CERN много лет ведутся фундаментальные исследования в области физики элементарных частиц, основной целью которых является экспериментальное подтверждение стандартной модели происхождения Вселенной (Теории большого взрыва).

В работах CERN принимает участие примерно 10 000 ученых и специалистов из 100 стран, в том числе из России. Составной частью БАК является детектор CMS, предназначенный для регистрации элементарных частиц, образующихся при столкновении протонов на скорости, близкой к скорости света. В состав детектора входит свыше 15 000 кристаллов, каждый из которых должен размещаться в физически инертном отсеке минимальной массы. Основными участниками проекта были лаборатория им. Резерфорда (RAL Англия), Институт ядерных исследований (ИЯИ РАН, г. Троицк) и ЭМЗ им. В. М. Мясищева. Специалисты RAL нашли, что оптимальным будет размещение кристаллов по 25 штук в контейнерах из углепластика, получивших название «альвеола». Требования к альвеолам были исключительно жесткими. В результате совместной деятельности специалистов ЭМЗ им. В. М. Мясищева и ИЯИ РАН был выбран материал, разработана конструкция и технология изготовления альвеол.

После успешного испытания в 1999–2006 годах было изготовлено более 600 альвеол, смонтированных на детекторе для эксперимента CMS. Эти работы были отмечены золотым знаком CERN, а ЭМЗ получил статус ассоциированного члена CERN. Наградой В. А. Ширинянцу и его коллегам в ЭМЗ как членам большой

Братья Ширинянцы

международной команды специалистов стало то, что в 2012 году на Большом адронном коллайдере был зарегистрирован Бозон Хиггса («частица Бога»).

Свою фамилию прославил младший брат Валерия Андреевича – Александр Андреевич Ширинянц. Будущий заслуженный профессор МГУ заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ родился, как и его старший брат, в том же городе Сырдарье, в семье учителя и врача. В 1978 году после окончания (опять-таки!) с золотой медалью школы Александр поступил на философский факультет МГУ. Сегодня А. А. Ширинянц, один из виднейших специалистов по истории политических учений России, опубликовал около 450 книг и статей, посвященных истории русской социально-политической мысли XIX – начала XX в.

**Рубен Григорьевич
ЧАЧИКЯН**

Среди летчиков-испытателей встречаются выдающиеся люди, ставшие к тому же большими учеными или авиационными конструкторами. Гораздо реже случается обратное: когда ученый или конструктор становится летчиком-испытателем. Таким редким исключением представляется заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Государственной премии СССР профессор Рубен Григорьевич Чачикян. Хотя назвать его летчиком-испытателем, как следует из приведенной ниже истории, можно и с полным основанием, и в то же время весьма условно. Историю эту рассказал известный военный летчик Эндель Карлович Пусэп. Но прежде несколько курьезных слов о нем самом.

Генерал Сергей Савельевич Сугак однажды в беседе со мной подтвердил реальность одного малоизвестного и удивительного эпизода, о котором мне рассказывал его боевой товарищ летчик Дальней авиации Алексей Иванович Сукоркин. Произошел он с экипажем Энделя Карловича Пусэпа. Его четырехмоторный бомбардировщик Пе-8 подбили при возвращении с задания, и командир передал в штаб, что машина горит и экипаж покидает ее. Прошло какое-то время, приземлившийся на парашютах экипаж сумел пробраться через линию фронта (сплошной линии фронта тогда не было, сделать это было относительно несложно). Когда экипаж добрался до своего аэродрома, командир дивизии

В. И. Лебедев вызвал инженера дивизии С. И. Анурова и приказал: «Свози экипаж на стоянку и покажи им самолет!» Приехали на стоянку – у Пусэпа глаза полезли на лоб: перед ним был его Пе-8, который они покинули в безнадежном состоянии, – живой и невредимый! Как рассказали Пусэпу и его товарищам, через некоторое время после их сообщения в штаб дивизии АДД о пожаре и покидании горящего самолета туда же позвонил командующий ПВО генерал Климов. Он сообщил, что в их расположении приземлился исправный Пе-8, а экипажа в нем – нет! (Любопытное и характерное расхождение в незначительных деталях: по словам Сукоркина, самолет приземлился в калининских торфяных болотах, а по воспоминаниям Сугака – в мелколесье недалеко от Загорска...)

Сергей Иванович Ануров знал Пе-8 идеально (именно он обеспечивал всестороннюю подготовку к ставшему потом знаменитым перелету в США машины Э. К. Пусэпа Пе-8 № 37 с В. М. Молотовым на борту). Но его знаний не потребовалось: машина была в полном порядке, ее быстро перегнали на родной аэродром. Потом она долго еще была в боевом строю. В книге своих воспоминаний Пусэп этот случай не описал, но в одной из газетных публикаций рассказал о нем. По всей видимости, он перед покиданием включил автопилот, самолет, «справившись» с пожаром, если он был, продолжил полет заданным курсом, снижаясь, пока хватало топлива...

Подобные случаи бывали и с другими летчиками, и в не столь уж отдаленные времена. Славы им они, наверное, не добавили... Был, в частности, случай, когда самолёт Як-38 сел после того, как пилот самолета катапультировался. Самолет Ил-28 также однажды сел, когда его экипаж катапультировался. Самолет перед этим находился в ремонте. В одном из полетов после ремонта вдруг экипаж сообщил, что самолет в продольном управлении не управляется. Дали команду катапультироваться. «Беспилотный» самолет после этого благополучно сел...

Казалось бы, эта история имеет мало общего с биографией нашего героя, первопроходца в создании управляемой беспилотной авиационной техники Рубена Григорьевича Чачикяна. Но это не так. Прежде чем привести подтверждающие это отрывки из книги воспоминаний Энделя Карловича Пусэпа, – несколько слов о пути Рубена Григорьевича в авиацию.

Родился он в 1910 году в Тифлисе. После окончания в 1930 г. Ленинградского машиностроительного института и до войны работал в Ленинграде, в Особом конструкторском бюро. В 1939 году Чачикян разработал весьма сложную, оригинальную и надежную систему автоматического управления с электрогидравлическим автопилотом, обеспечивавшим автоматические взлет и посадку самолетов-бомбардировщиков ТБ-1, ТБ-3 и СБ.

Как отмечалось в акте по испытаниям, «впервые в СССР разрешена проблема создания самолета тяжелого типа, полностью выполняющего полет от взлета до посадки включительно без экипажа». По сути, это был беспилотник, не имевший на тот момент аналогов в мире. Причем Р. Г. Чачикян принимал личное участие в весьма сложных и опасных летных испытаниях в качестве умелого инженера-летчика-испытателя. Его налет в этом качестве составил за 7 лет испытаний 1400 часов!

Вот что рассказал об этом в своей книге воспоминаний Эндель Карлович Пусэп, принимавший в этой работе активное участие.

Самолет СБ

«...У гигантского ТБ-3, к которому я направился, никого не видно. Когда я дошел до него, на лестнице, приставленной к открытому входному люку, показались чьи-то ноги. Секунду-другую спустя, увидев его черные кудри и смуглое лицо, я догадался, что попал куда надо и к кому надо.

Это был Чачикян Рубен Григорьевич, душа и руководитель испытаний этого самолетающего корабля.

Майор Федоров сообщил:

– Товарищ Чачикян введет вас в курс дела. Да ничего особенного тут и нет. Самолет и моторы в порядке. Сейчас их заведут, сами убедитесь.

– Ну что ж, до свидания, – протянул Чачикян Федорову руку.

– Поднимемся, – пригласил меня Чачикян, когда один из моторов уже заработал.

ТБ-3 – громадный корабль с просторной кабиной летчиков... Пока борттехник Виктор Мосеев прогревал моторы, конструктор прочитал мне длинную лекцию по теории. Честно говоря, я никогда не увлекался радиотехникой и знал только, что приемник может принимать передачи на разных волнах...

Чачикян сидел на месте второго пилота. Когда каждый из моторов был проверен на полных оборотах, он сказал:

– Первый полет совершим вместе, чтобы ознакомиться с самолетом, – и, наклонившись вниз, прокричал что-то борттехнику. Тот согласно кивнул. И не успел я еще слова вымолвить, как с удивлением увидел, что тормозные колодки отодвинулись от гигантских колес и самолет покатился.

Чачикян заметил мое удивление.

– Все в порядке, – крикнул он мне в самое ухо, – нас ведут на старт по радио из командного пункта.

Корабль, как норовистый конь, вдруг резко надал ходу... В начале

взлетной полосы машина остановилась (правда, я не удержался и немного помог этому, нажав на тормоза)...

Начало взлета, на мой взгляд, не сулило ничего хорошего. Казалось, что за штурвалом находится человек, очень слабо разбирающийся в технике пилотирования, но все же, стискивая зубы, отчаянно старающийся подчинить непослушный летательный аппарат своей воле...

Наконец, когда самолет уже набрал значительную скорость, его хвост подбросило вверх так резко и намного, что у меня под сердцем похолодело – сейчас винты начнут крошить бетон взлетной полосы... Моя рука сама по себе потянулась к спасительной красной ручке.

В тот же миг ладонь Чачикяна успокаивающе легла на мою руку и одновременно фюзеляж самолета сам принял нормальное положение. Еще миг... и мы уже в воздухе.

Признаюсь честно: по моему лбу струился горячий пот, ибо в течение всего взлета я мысленно всеми силами старался помочь радиотехнике укротить взбесившийся самолет...

В воздухе самолет вел себя значительно спокойнее и хорошо набирал высоту... Перед разворотом самолет резко и неожиданно опустил нос, накренившись одновременно значительно больше, чем требовалось... Когда мы потеряли скольжением метров пятьдесят-шестьдесят высоты, я снова схватился за красную ручку. И опять на мою руку легла успокаивающая ладонь Чачикяна. Хвала небесам! Опасный крен самолета начал уменьшаться... С грехом пополам были совершены второй, третий и, наконец, четвертый развороты, которые мало чем отличались от первого. Корабль вышел на посадочную прямую, но так далеко от аэродрома, что его бетонная полоса едва виднелась впереди на горизонте.

Мои нервы были напряжены до предела. А еще предстояло совершить посадку. И я принял твердое решение: если в ходе посадки снова начнутся “цирковые” номера, немедленно выключу радиоуправление. Не хватало еще снести на посадке шасси и наш четырехмоторный гигант плюхнется фюзеляжем на бетон!

Моторы теперь работали ровно, спокойно и, что еще удивительнее, все параметры полета держались в пределах нормы:

Р. Г. Чачикян
после парашютного прыжка

скорость, прямолинейность движения к началу бетонки, строго горизонтальное положение широченнейших крыльев... Но на всякий случай я положил правую руку на красную ручку, левую – на штурвал.

На этот раз Чачикян только улыбнулся.

Незадолго до начала посадочной полосы я почувствовал, что штурвал потихоньку двигается на меня. Одновременно моторы сбавили обороты до малых. У самой земли хвост самолета опускался без моего участия именно так, как это было нужно. Бетон все ближе, ближе, и еле заметный толчок дал знать, что колеса корабля коснулись бетона и теперь плавно катятся по нему.

Посадка получилась просто великолепной!

– Ну, как вам понравилась посадка? – с хитринкой в глазах кричал мне Чачикян, когда, уже развернувшись на 180 градусов, корабль, мягко покачиваясь с крыла на крыло, катился по бетонной дорожке к месту стоянки. В ответ я поднял большие пальцы обеих рук...

Перед следующим полетом конструктор Чачикян сказал, что на этот раз он с Мосеевым останется на земле, а я отправлюсь в воздух один.

– И снова повторятся все эти виляния влево-вправо и все остальные штучки? – спросил я хмуро.

– Надеюсь, что в гораздо меньшей степени, – улыбнулся Чачикян и пояснил, что на этот раз у пульта управления будет он сам.

– А к вам просьба: только в самом крайнем случае, если вам и самолету будет угрожать реальная опасность, воспользуйтесь аварийным выключателем...

Чачикян с Мосеевым спустились на землю и дружески помахали мне. Пришлось подождать, пока они доберутся до командного пункта. Когда моторы сами по себе начали прибавлять и убавлять обороты, я понял, что они дошли. Я освободил тормоза, и корабль начал новый взлет.

К чести Чачикяна, следует сказать, что на этот раз взлет протекал гораздо спокойнее, почти нормально. Со своим детищем он ладил куда лучше, чем кто бы то ни был. Под его управлением корабль уже не походил на норовистого скакуна, и у меня даже не возникало желания схватиться за красную ручку.

Сделав несколько кругов над аэродромом, корабль аккуратно приземлился и направился к краю летного поля, к месту своей обычной стоянки. Для первого дня впечатлений у меня набралось более чем достаточно.

После этой сложной, весьма смелой и вполне успешной работы, возглавленной Чачикяном и его коллегами – учеными и конструкторами, не последовало продолжения в использовании военными грозного оружия. Хотя работа эта изначально выполнялась по инициативе М. Н. Тухачевского. И хотя по крайней мере две попытки использования в реальных боевых действиях Великой Отечественной войны беспилотных тяжелых бомбардировщиков, предназначавшихся для бомбардировки неприступных целей противника, закончились неудачами, никак не связанными с надежной работой их систем, как и систем самолета, управлявших ими дистанционно...

В составе 81-й дивизии тяжелых бомбардировщиков была создана Особая группа, в задачу которой входила подготовка к боевому применению двух самолетов ТБ-3, их тогда называли

Самолет ТБ-3

ТМС ТБ-3 (ТМС – телемеханический самолет). Особая группа получила боевое задание: торпедировать занятый врагом мост через Волгу у города Калинина. Это задание волею случая осталось невыполненным: во время подготовки самолета ТМС ТБ-3 к боевому вылету на одном из моторов вспыхнул пожар. Инженерам Казакову, Мосееву и Чачикяну удалось укутать горящий мотор ватными чехлами и спасти самолет-торпеду от неминуемого взрыва.

Новое боевое задание Особой группе было дано почти два месяца спустя. Целью на этот раз стали железнодорожные составы с вражескими войсками и военной техникой на железнодорожном узле города Вязьмы. Вслед за самолетом-торпедой поднялся командный самолет ДБ-3. При приближении к цели по команде командира Тягунина бортинженер Мосеев открывает нижний люк. Первым прыгает Мосеев, за ним – Чачикян и последним, как положено, командир корабля капитан Тягунин.

Вскоре вражеские зенитчики обнаружили самолеты и открыли по ним интенсивный огонь. Бортстрелок командного самолета отвечает огнем пулемета. Начиненный взрывчаткой, ТМС ТБ-3 спокойно движется по курсу среди разрывов зенитных снарядов. Однако при необходимом приближении к цели самолет-торпеда, не слушая команды “на пикирование!” с командного ДБ-3, продолжил вдруг горизонтальный полет, уходя от цели... Обнаружилось потом, что бортстрелок командного самолета случайно перебил пулеметным огнем свою передающую антенну и никакие радиокomанды с этого момента больше проходить не могли.

Второй самолет-торпеда был тем же составом Особой группы подготовлен к бомбардировке нефтяных промыслов в Плоешти и снаряжен пятитонной бомбой. Но случилось так, что рядом с ним из-за отказа мотора упал и взорвался взлетавший другой бомбардировщик. Подорванным оказался и самолет-торпеда ТМС ТБ-3...

После войны, в 1945–1951 гг., Р. Г. Чачикян, работая в Ленинграде на военном заводе № 224, руководил созданием и испытаниями автоматических навигационных систем и систем управления воздушной стрельбой. В 1951 году он возглавил организацию Государственного специального ОКБ, в которой до 1955 года работал главным конструктором.

После этого Чачикян участвовал в работе исключительного, можно сказать, стратегического значения. Я знал о ней из бесед с одним из инициаторов создания крылатой ракеты стратегического назначения «Буря» академиком С. А. Христиановичем. Об этой работе мне весьма подробно рассказывал другой крупный ученый ЦАГИ – специалист в области динамики и систем управления летательных аппаратов Александр Иванович Курьянов.

Христианович исходил из того, что разрабатываемый им беспилотный крылатый аппарат дальнего действия должен запускаться по той же схеме, что и баллистические ракеты С. П. Королева. Христианович обратился к нему и нашел взаимопонимание. Христианович был очень крупным ученым, с большим кругозором и видением. Он нашел в этом проекте союзника в лице академика М. В. Келдыша. И они совместно написали в правительство письмо о возможности создания таких перспективных аппаратов. Заслуга Христиановича, а также Келдыша в немедленном развертывании этих работ была очень большой. Правительство быстро среагировало и выделило два мощных КБ – С. А. Лавочкина и В. М. Мясищева – на разработку двух крылатых ракет стратегического назначения “Буря” и “Буран”.

“Буря” представляла собой двухступенчатую крылатую ракету, способную доставить боевую часть массой 2350 кг на расстояние 8500 км. После вертикального старта с помощью жидкостных ракетных ускорителей в качестве первой ступени полет собственно крылатой ракеты как второй ступени с тонким треугольным крылом малого удлинения осуществлялся с помощью сверхзвукового прямоточного воздушно-реактивного двигателя РД-012У конструкции М. М. Бондарюка. СПВРД был одной из важнейших новаторских разработок, без которых было немыслимо достижение столь большой дальности полета при полете

Крылатая ракета «Буран»

со скоростью, соответствующей $M=3,2$, при плавном наборе высоты (по мере выработки топлива) до 25,5 км.

Другой столь же важной и весьма сложной разработкой, обеспечивавшей требуемую точность поражения цели, было создание надежной навигационной системы управления ракетой. Поддержание заданного курса осуществлялось с помощью гироскопической навигационной системы с астрокоррекцией от звездных датчиков, размещавшихся в охлаждаемом отсеке на верхней части фюзеляжа.

На заключительном этапе испытаний была достигнута требуемая дальность полета «Бури». Однако тогда же была создана и также успешно прошла испытания межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, созданная под руководством С. П. Королева. Ей и было отдано предпочтение при запуске в серийное производство ракетного стратегического оружия. Но значение той давней уже, пионерской «крылатой» работы остается важным и сегодня.

Пройдет несколько лет, и Рубен Григорьевич Чачикян будет назначен главным конструктором знаменитого впоследствии ОКБ «Восход». Вот что писал журнал «Крылья Родины» в статье, посвященной 70-летию фирмы: «Удерживая намеченную высоту. ОАО «Аэроприбор-Восход» – 70 лет в мире аэрометрии».

В 1959 году в ОКБ был назначен главным конструктором известный к тому времени конструктор и ученый Рубен Григорьевич Чачикян. С его именем связано развитие и расширение тематики предприятия в направлении создания бортовых аэрометрических систем, комплексов, систем повышения безопасности полетов и интегрированных средств отображения информации.

Рубен Григорьевич Чачикян удачно сочетал в себе качества ученого и производственника, много сделал для становления и развития предприятия. Заслуженный деятель науки и техники, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии, Рубен Григорьевич разработал в 1939 году оригинальную систему для автоматического взлета и посадки самолетов ТБ-3 и СБ, а во время боевых действий лично участвовал в первом боевом применении самолета ТБ-3, который управлялся по радиоканалу.

В должности главного конструктора МПКБ «Восход» (а именно так стало называться предприятие с 1966 года) Р. Г. Чачикян

проработал до 1986 года. Под его руководством начатые в 1940-е годы работы по созданию пилотажных механических приборов были продолжены. ОКБ приступило к разработке электронных приборов, способных выполнять свои функции как при нормальной работе систем электроснабжения, так и в аварийном режиме.

Также был проведен большой объем исследовательских конструкторских работ, направленных на расширение диапазона и повышение точности измерения, поиск оптимальных по эргономике форм представления информации экипажу и создано многообразие приборов измерения барометрической высоты, вертикальной скорости, приборной и истинной скорости, указателей числа M .

Под руководством Р. Г. Чачикяна были созданы системы парашютной автоматики, обеспечившие приземление первого космонавта планеты Ю. А. Гагарина и других космонавтов, а также барокомандные устройства обеспечения приземления всех наших космических кораблей. Им были созданы автоматы для систем катапультирования всех боевых самолетов СССР.

Спускаемый аппарат «Восток»
Ю. А. Гагарина

Тогда же были созданы первые в Советском Союзе аналоговые системы воздушных сигналов и информационные комплексы высотно-скоростных параметров.

Рубен Григорьевич внес значительный вклад в разработку аппаратуры и научно-методического обеспечения полетов по сокращенным интервалам вертикального эшелонирования в воздушном пространстве, в создание систем предупреждения об опасном сближении с землей.

Рубен Григорьевич Чачикян – кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, трех орденов Трудового Красного Знамени, автор более 150 научных трудов и изобретений».

Сегодня, когда роль беспилотников и, в частности, крылатых ракет возросла неимоверно, мы с благодарностью вспоминаем не только научные заслуги первопроходца в их создании, но также операторское мастерство и мужество летчика, их испытывавшего, – Рубена Григорьевича Чачикяна.

Норайр Вагинакович КАЗАРЯН

Заслуженный летчик-испытатель СССР полковник Норайр Вагинакович Казарян родился в 1932 году в Ереване. После окончания в 1953 году Ейского военноморского авиационного училища по 1960 год он служил в частях военно-морской авиации Черноморского флота. После ухода в запас в 1960 году и недолгой работы в аэропорту Внуково диспетчером по центровке самолетов Казарян связал свою оставшуюся жизнь с Государственным Краснознаменным научно-испытательным институтом ВВС (ГК НИИ ВВС). Здесь в 1962 году он стал летчиком-испытателем в Управлении испытаний комплексов перехвата и затем – в Службе летных испытаний истребительной авиации.

Вскоре он стал признанным специалистом в сложнейшем разделе летных испытаний, в частности истребителей МиГ-23, МиГ-25, Су-15, Су-17, Як-28, а также других самолетов на штопор, в сложнейших летных испытаниях и исследованиях на больших углах атаки.

В НИИ ВВС Н. В. Казарян был подлинным летчиком-универсалом. Он провел многие испытания самолетов почти всех классов. Испытывая поначалу истребители в основном, он затем много летал в испытаниях на тяжелых машинах, а также на спортивных самолетах, планерах. Охотно и успешно он испытывал также вертолеты. Именно вследствие его универсальной

подготовки он был назначен в свое время ведущим летчиком по испытаниям перспективного самолета вертикального взлета и посадки Як-36. Правда, этой работе помешала забравшая его полностью большая и ответственная работа по испытаниям перспективного истребителя МиГ-25. К подобной универсальности стремились далеко не все летчики-испытатели в НИИ ВВС. Например, особую специфику и сложность представляли испытания спортивных самолетов в перевернутом полете, при которых значительны отрицательные перегрузки. При испытаниях самолетов Як-50 и Як-52 на прочность Казарян создавал предписанные программой перегрузки, равные минус 6 (порог смерти, по медицинским данным, наступает при перегрузке минус 7). При столь высоких отрицательных перегрузках лопаются сосуды глаз, красными становятся не только глаза, но красными точками от разрыва микрососудов покрываются лицо и тело.

Н. В. Казарян рассказывал мне об одном своем витке штопора на Ил-76. Он вместе с другими испытателями в НИИ ВВС выполнял программу исследований, вызванную к жизни войной в Афганистане. Была поставлена задача выработать рекомендации для экипажей транспортных самолетов по уменьшению до минимума времени снижения самолетов с большой высоты и в пределах границ аэродрома. Программа этих исследований называлась «воронка». На долю Казаряна выпал Ил-76. Был выполнен ряд подготовительных полетов на разных режимах, близких к сваливанию. В одном из полетов было задание: тормозиться с полностью выпущенной механизацией, с креном в 30°, в горизонтальном полете – вплоть до сваливания в правом развороте на высоте 5000 м.

Казарян удивился заданию и переспросил ведущих: «Надо ли держать угол крена 30° неизменным, ведь самолет стремится либо уменьшить его, либо увеличить?» Было подтверждено: держать ровно 30°! Причем только штурвалом, а ноги держать – в нейтрале!

Казарян рассказывал:

– А там получилось как? Чем меньше скорость полета, тем больше самолет стремится выйти из крена. Я парировал, парировал, и в момент срыва элероны у меня оказались отклоненными против вращения. Мгновенно машину забросило с угла атаки 14°

Н. В. Казарян (в центре в первом ряду)
среди коллег ГК НИИ ВВС

на 20°. Задрался нос, и вся эта машина пошла вращаться вправо. Я тут же дал левую ногу, штурвал – от себя за нейтральное положение. Машина опустила нос, сделала полный виток и остановилась. Теперь стало опасным то, что механизация выпущена, а для нее ограничение по скорости было 280 км/ч. Чтобы не поломать закрылки, их надо убрать, а убрать – значит надо увеличить угол атаки. Снова можно попасть на закритический угол. Словом, потребовались четкие сбалансированные действия экипажа. Этот случай, который некоторые специалисты определяют как сваливание, – из числа редких. Задолго до этого были случаи заброса по углу атаки – подхвата на Ан-24 у Ф. И. Бурцева и переворота на спину – на Ту-104 у В. А. Комарова, штопора на Ту-154.

В ЦАГИ кто-то мрачно, но самокритично заметил: «Ошибки плохих ученых исправляет хороший летчик». Ошибки летчика исправлять некому. Конечно, невозможно в наземных условиях воспроизвести особенности реального полета. Как считал военный летчик-испытатель Н. В. Казарян, как раз-таки по штопору в рекомендациях ЦАГИ (и не только) было допущено немало

ошибок. Например, у машины П. О. Сухого Су-7Б получилось после доработок так, что она лишь перестала неожиданно, без предупреждения тряской сваливаться в штопор. ЦАГИ не предвидел неустойчивость по перегрузке опытного экземпляра самолета МиГ-19 (СМ-2) и Ту-104, не указал на неустойчивость на взлетных режимах истребителя Як-27, необоснованно отрицал преимущества «аналога» пассажирского самолета Ту-144 – бесхвостого варианта самолета МиГ-21, не предостерег от вращения самолета МиГ-25 из-за «утыкания» одной из половин дифференциального стабилизатора. Летчик заметил, что цепочка событий обычно такова: вначале происходят аварии и катастрофы, потом доходят до причин, и только затем ученые создают теорию.

Несколько интересных и ответственных работ в НИИ ВВС Казарян провел в свое время вместе со своим другом Вадимом Ивановичем Петровым. Он потом в течение многих лет возглавлял Управление летной службы Министерства авиационной промышленности, то есть руководил постановкой летных испытаний в Летно-исследовательском институте – ЛИИ, в опытных конструкторских бюро – ОКБ, на заводах. Казарян был категорически не согласен с теми гражданскими летчиками-испытателями, которые чуть что начинают стонать, что Петров со своими инспекторами, также в основном выходцами из ВВС, наводят в летных испытаниях в промышленности воинские порядки и лишают их свободы и творчества.

– Петров не потерпит распушенности, – говорил Казарян. – А в нашем деле порядок – это очень важно. Пожалуй, столь же, – как инициатива и самостоятельность, которые он не может не ценить, пройдя большую школу собственных летных испытаний в НИИ ВВС. В течение ряда лет мы вместе проводили в полном объеме испытания этапного и весьма сложного самолета МиГ-25. При этом исследовались все системы комплекса МиГ-25, сам самолет, его двигатели, ракетное вооружение, станции, оборудование и т. д. Вспоминается другая наша работа, в которой именно творчество было, наверное, главным элементом. На базе самолета-истребителя Су-9 была сделана машина, имевшая острые кромки крыла и стабилизатора. Машина получилась на удивление хорошей. Начинать эти испытания Э. П. Княгиничев в ЛИИ, а мы продолжили их с Петровым в качестве летчиков облета...

В историю летных испытаний как весьма яркое событие вошел так называемый «случай Казаряна». Косвенно он был связан с одной из первых моих работ как молодого инженера в ЦАГИ, посвященных исследованию реверса элеронов. Мы обнаружили, что на новейшем самолете-перехватчике МиГ-25 следует ожидать существенное снижение эффективности и даже «обращение действия» (реверс) элеронов как органа управления самолетом по крену при больших скоростях полета. Обусловлено это было известным неблагоприятным влиянием сжимаемости воздуха при сверхзвуковых скоростях полета, а также упругими деформациями конструкции относительно тонкого крыла. Это следовало из расчетов и результатов испытаний упругоподобных моделей в аэродинамических трубах ЦАГИ. Поначалу в качестве основной меры, направленной на повышение эффективности поперечного управления, рассматривалось усиление крыла. Однако исследования и ряд происшествий показали, что при этом мог потребоваться неприемлемо большой рост массы силовой конструкции.

Одно из первых опасных происшествий на этом самолете случилось с летчиком-испытателем НИИ ВВС Н. В. Казаряном. «Случай Казаряна» был связан с исследованиями боевого применения самолета МиГ-25. Казаряну предстояло проверить на высоте 20 километров эффективность атаки с задней полусферы крылатой ракеты-мишени (при догоне ее) на скорости, соответствующей числу $M=2,6$. МиГ-25 был вооружен двумя ракетами с тепловыми головками самонаведения. Когда летчик приблизился к цели так, что увидел ее и невооруженным глазом, и по прицелу, сработали все системы и загорелись сигнальные лампы «Пуск разрешен». Потом неожиданно одна из этих лампочек погасла. Летчик решил подойти к цели поближе, пустить одну ракету, надеясь, что будет разрешен все же и пуск второй. Он рассказывал:

– Только я пустил одну ракету, она ушла, а машина при этом стала быстро «вспухать», приподнялся ее нос, она стала разворачиваться. Я дал полностью ногу, пытаюсь парировать движение, но это не помогло: я оказался в положении носом вниз и головой тоже несколько вниз. На такой скорости можно выключить форсаж, но нельзя переводить работу двигателя с максимального

Самолет МиГ-25

режима на малый газ. Я тем не менее перевел на малый газ, потому что машина пошла вниз и стала разгоняться. Скорость нарастала быстро: 1200, 1250, 1300 км/ч, но машина не слушалась ни ноги, ни ручки. Ощущение было неприятное, ведь ничего не могу сделать. Мелькнула мысль: «Пора бы прыгать. Вот-вот машина развалится от скоростного напора». Но подумал тут же: «Лесников катапультировался на большой скорости, и ему голову оторвало». Решил – надо терпеть. И выдержка спасла: при подходе к высоте 10–11 км скорость стала падать из-за увеличения плотности воздуха, машина начала слушаться рулей.

Когда стали разбираться в причинах происшествия, выяснили, что при одностороннем пуске ракет машина получает сильный импульс момента крена, который невозможно парировать элеронами из-за их недостаточной эффективности. В первое время рекомендация на этот случай была такой: если машину начнет вращать вокруг продольной оси, надо дать ей перевернуться в исходное положение, чтобы она не разгонялась, а тормозилась. Потом уже было принято кардинальное решение – добавили к элерону дифференциально отклоняемый стабилизатор. Причем на случай, когда ракета сходила односторонне, было

предусмотрено автоматическое парирование отклонением одной из половинок стабилизатора. После этого Казарян сделал множество полетов и выполнил пуски ракет (в том числе односторонние) на высотах от 300 метров до 20 километров. Он же демонстрировал новое качество машины маршалу авиации Е. Я. Савицкому, командующему авиацией ПВО (им стал после гибели А. Л. Кадомцева А. Е. Боровых) и другим военачальникам. По завершении большого комплекса исследований сам летчик стал шутить, что с «эффектом Казаряна» отныне покончено.

Когда из-за недостаточной эффективности элеронов на околозвуковой скорости погиб военный летчик-испытатель И. И. Лесников и когда подоспел «случай Казаряна», стало ясно, что нужны кардинальные решения.

Из альтернативных вариантов решения возникшей проблемы генеральный конструктор А. И. Микоян выбрал тот, по которому в дальнейшем пошли многие конструкторы: в дополнение к элеронам подключались дифференциально отклоняемые консоли стабилизатора.

О том, что вынудило поставить на МиГ-25 дифференциальный стабилизатор, рассказывал Н. В. Казарян. Во время полетов для определения вероятностных характеристик системы наведения и перехвата он столкнулся с такой особенностью. При выполнении разворотов минимального радиуса оптимальный угол крена составлял примерно 55° , при этом, как выяснилось, машина очень боялась скольжения. Казарян выполнял подряд десятков полетов на перехват при скорости полета, соответствующей числу $M=2$. Когда летчик отрывался от приборов, чтобы посмотреть в тубус наведения, то практически независимо от него машина выходила из крена и начинала поворачиваться, переходя через нулевой угол крена, даже в противоположном направлении. Причина такого поведения машины не была вполне ясной. Летчик, по-видимому, непроизвольно отклонял руль направления, а эффективность элеронов оказывалась недостаточной, чтобы быстро парировать нежелательное изменение накренения машины.

Так впервые столкнулись с необходимостью повышения эффективности поперечного управления самолета МиГ-25. Впрочем, еще раньше, как уже говорилось, на стадии проектирования, было обнаружено сначала теоретически, расчетом, а потом

экспериментально, на упругоподобной модели крыла в аэродинамической трубе, что при околозвуковых скоростях полета на малых высотах эффективность элеронов также недостаточна из-за неблагоприятных деформаций крыла. Какое-то время, повторяясь, надеялись обойти эту сложность путем повышения жесткости крыла, хотя видели, что требовалось слишком значительное увеличение веса конструкции. Но когда из-за недостаточной эффективности элеронов на околозвуковой скорости погиб военный летчик-испытатель И. И. Лесников и когда подоспел еще один случай – Казаряна, стало ясно, что нужны кардинальные решения.

Казалось, найдено самое надежное решение – во всяком случае объективно более предпочтительное, чем другое серьезно обсуждавшееся предложение – об использовании дополнительных, выносных элеронов. Это заманчивое, но принципиально новое и недостаточно обследованное тогда предложение ЦАГИ – выносные элероны, устанавливаемые на штангах на конце (и впереди) крыла – поддерживали многие в ОКБ, прежде всего – заместитель генерального конструктора Михаил Иосифович Гуревич.

Но генеральный конструктор Артем Иванович Микоян, открыто высказавшись об опасении иметь слишком много новшеств на революционной по сути машине, остановился на известном и проверенном решении – использовании для поперечного управления самолетом дифференциально отклоняемого стабилизатора. Однако, чтобы обеспечить действительную надежность и эффективную работу дифференциально отклоняемого стабилизатора, надо было пройти через несколько катастроф. Они происходили на малой высоте, при весьма большом скоростном напоре и протекали единообразно: самолет независимо от летчика непредсказуемо начинал вращаться относительно своей продольной оси. Так случилось при подготовке к параду в Кубинке, так случилось в строевой части при имитации атаки, так случилось при летных испытаниях. Катастрофа военного летчика А. Т. Майстренко произошла в его полете на большой высоте над Кара-Богазголом. Другая столь же неясная катастрофа на таком же МиГ-25 произошла с А. В. Кузнецовым, он катапультировался, но неудачно. Предполагали, что в самолет попала птица....

И только когда погиб летчик-испытатель ЛИИ О. В. Гудков в Раменском, после анализа записей все вставало на свои места. Казарян вспоминал, что в ГК НИИ ВВС тогда уже знали о случаях заклинивания управления. При перехвате цели было отмечено, что на время «закусывало» управление, а потом «отпускало». Но объяснения этому никто не дал, как и не придали нужного значения. О картине гибели Олега Гудкова Н. В. Казарян, побывавший на месте его гибели, в Раменском, рассказывал мне:

– Это была страшная картина. Олег катапультировался поздно, причем в таком положении, что выстреливало его практически в стенку. Разлетелось в разные стороны великое множество деталей от самолета. Поразительно, что не пострадал ни один человек. А ведь на платформе недалеко стояли две полных электрички, совсем рядом было 6-этажное здание фабрики, где работали люди, рядом, прямо по курсу самолета, – школа. Недалеко от места падения находился магазин, на его лестнице обычно толпилось множество людей. Случилось так, что генератор пробил навес, но в самый разгар людского движения, в эту секунду никто не входил и не выходил из магазина. Единственно, кто пострадал в момент гибели Олега, – собака. Проезжала рядом милицейская машина. Диском взорвавшегося двигателя самолета прошло крышу, поцарапало нос милиционеру и попало в голову собаке.

Степан Анастасович Микоян так же, как и его друг Н. В. Казарян, рассказывал позже, что к моменту гибели Гудкова они у себя в ГК НИИ ВВС высказывали уже довольно уверенное предположение, что причиной загадочных катастроф является недостаточная мощность бустеров, то есть приводов консолей стабилизатора. С этим явлением – нехваткой располагаемой мощности бустеров при значительных шарнирных моментах симметрично отклоняемых половин стабилизатора они столкнулись еще раньше на самолете МиГ-19, а потом на Су-7 и МиГ-21. Но для этих самолетов такой дефект не был опасным вследствие их устойчивости по скорости. Обычно в горизонтальном полете с большой скоростью, если не хватало рулей, самолет уходил вверх и неизбежно тормозился, так что шарнирные моменты стабилизатора становились в конце концов преодолимыми для приводов, самолету возвращалась управляемость по тангажу.

Здесь же, с дифференциально отклоняемым стабилизатором самолета МиГ-25, происходило другое. При некотором сочетании параметров потока: высоты, скорости, перегрузки, угловой скорости вращения – одна из половин стабилизатора «запиралась» и не отклонялась (из-за больших шарнирных моментов и недостаточной мощности привода), а вторая, которой не препятствовали аэродинамические силы, – отклонялась чрезмерно. В результате асимметрии самолет начинал вращаться, и тем сильнее, чем больше летчик пытался парировать крен. С. А. Микоян рассказывал, что поначалу такому объяснению явления особой веры не было. Ни в ОКБ, ни среди летчиков авиационной промышленности. В частности, не поверил этому и О. В. Гудков, как вспоминал высоко его ценивший С. А. Микоян. И только после того рокового стечения обстоятельств, которое привело к гибели и опытного Гудкова, дефект машины стал несомненным. Изменили положение оси вращения стабилизатора, и все проблемы, связанные с чрезмерными шарнирными моментами стабилизатора МиГ-25, остались в прошлом.

В память Казаряна врезались драматичные события вокруг испытаний на штопор самолета МиГ-23 с крылом изменяемой в полете стреловидности. Главный конструктор самолета МиГ-23 Г. А. Седов говорил:

– Мы у себя в КБ А. И. Микояна обычно проводим первые полеты на штопор, а затем более подробные исследования проводит Летно-исследовательский институт – ЛИИ. Но наши летчики, особенно Федотов в свое время, очень дорожили возможностью проводить исследования по штопору у себя.

За несколько часов до полета Федотова выполнение того же самого задания на МиГ-23 было поручено летчику-испытателю ГК НИИ ВВС Н. В. Казаряну. Ни на стреловидности 45°, ни на 72° известный, пятый способ не помог выводу самолета из штопора. Более того, не помог противоштопорный парашют. И уже на высоте 6000 м летчик применил последнее средство – противоштопорные ракеты. Федотов полетел, чтобы доказать военному летчику, что машину можно вывести и без использования ракет. Однако закончилось все катапультированием Федотова. Казарян, привлеченный Г. А. Седовым к работе аварийной комиссии, рассказывал позже:

Самолеты МиГ-23

– Согласно всем данным и прежде всего записям «черного ящика», в критической ситуации Саша Федотов действовал точно так же, как я, только с запаздыванием на несколько сот метров. Это привело к тому, что в конечном итоге ему не хватило высоты, чтобы вывести машину в горизонтальный полет и запустить двигатель. Он покинул самолет на высоте около 800 м.

Интересно суждение по этому поводу ведущего специалиста ЛИИ Н. Г. Щитаева:

– Даже самого опытного и талантливого летчика импровизация в полете при испытаниях на штопор не спасает. Так было, в частности, у Федотова. Когда полетел Казарян и у него машина не выходила из штопора – понадобились для этого ракеты. Мы посмотрели полученные материалы и сделали заключение, что летать больше нельзя. Федотов же полетел, чтоб доказать обратное.

Н. В. Казарян рассказывал, что по первым продувкам ЦАГИ самолет МиГ-23 не имел проблем с выводом из штопора. На практике оказалось, что это не так. И причина оказалась в том, что на «штопорной» модели ЦАГИ не было малюсенькой, так называемой пионовской антенны. Она-то все и портила.

Норайр Вагинакович, печально улыбаясь, вспоминал об извинениях, которые принес ему за своих товарищей Г. А. Седов в связи с аварией на МиГ-23, произошедшей у А. В. Федотова после того, как он, Казарян, вывел эту машину из штопора, применив как последнее средство противоштопорные ракеты.

– Когда должен был полететь на МиГ-23 Федотов, я в Жуковский не приезжал, позвонил на летную станцию ОКБ: «Как там дела?» Мне говорят иносказательно: «Нормально, водитель вышел из кабины». Я говорю: «Ничего себе нормально!» Федотов катапультировался. Я приезжаю в Жуковский, у меня прошла команда не летать пока больше на штопор... Приехал на летную станцию и Седов Григорий Александрович. Он выходит ко мне из своей «Волги» и говорит: «Все согласовано, главком дал команду... К Вам просьба, если вы не возражаете, остаться для расследования этой аварии». – «Конечно, мне интересно, что получилось, обязательно останусь».

Мы с ним вошли в зал, где собрались уже члены комиссии. Седов обратился к присутствующим: «Вот товарищ Казарян согласился принять участие в разборе аварийного происшествия. Но прежде чем начать, вы меня извините, Норайр Вагинакович, от своего имени лично и от имени фирмы я приношу Вам извинения за то, что нечистоплотные люди успели донести до главкома и пожаловаться на вас. Раз Вы согласились, то давайте будем работать и помогать друг другу в расследовании причин происшедшего».

Через какое-то время собралась комиссия. Присутствовали там также летчики-испытатели ЛИИ Слава Лойчиков, Леня Рыбиков, Сан Саныч Щербаков, я и Саша Федотов. Инженеры были, естественно. Сан Саныч Щербаков на боевом самолете МиГ-23 не летал, но рассказал, что на спарке летал и выводил ее из штопора, как и я, лишь при помощи ракет... Когда мне дали слово, я описал, как было у меня. Виновник аварии Федотов пришел в форме генерала и сел в углу. Маршал авиации, будто не узнав его, спросил: «А это что за генерал сидит?» Ему «разъясняют»: «Товарищ маршал, это же Федотов!» И вот слово дают Федотову. Он встает и говорит: «Товарищи, вы поймите мое положение, мое состояние. Вы можете не поверить, но поймите меня правильно: МиГ-23 – отличный самолет...» Маршал взорвался: «Пошел вон отсюда!»

И вот он так в генеральской форме и ушел. И после этого он три недели со мной не разговаривал. Будто бы не понимая, что виноват в происшедшем он, а не я. Что он не прислушался к моим предостережениям. Более того, хотел меня во всем очернить...

– Петр Максимович Остапенко, – заметил я, – иногда критически отзывался о Федотове.

– Я слышал это от него самого, – сказал Норайр Вагинакович. – Кстати, наши товарищи многие тоже не знают Федотова. Я говорю: «Ребята, вы с ним не общались, не знаете, а я знаю его грехи...» И его гибель на МиГ-31 показательна. Мало того что по своей вине он сам погиб, он еще и человека убил, бедного штурмана. Прежде всего человеком надо быть...

– Ильюшин в этом отношении не был похож на него?

– Володя Ильюшин – это замечательный человек, чутко прислушивавшийся к мнению военных испытателей. Я убедился в этом, когда проводил у них испытания самолета Су-17 с крылом с изменяемой стреловидности...

Норайр Вагинакович Казарян, конечно же, переживал за временную размолвку с выдающимся «гражданским» летчиком-испытателем Александром Васильевичем Федотовым и после этого нашего разговора не раз говорил о нем самое доброе. Он был очевидцем трагедии, которая случилась 4 апреля 1984 года с экипажем самолета МиГ-31 А. В. Федотова и штурмана В. С. Зайцева. Казарян рассказывал:

– Я выполнял в тот день полет в ЛИИ на самолете-заправщике Ил-78. Я шел за Федотовым, и он упал у меня на глазах. Это был не первый его полет в тот день. Помнится, я говорил своему правому летчику: «Пока мы делаем один полет, Саша Федотов слетал уже несколько раз». Я был в десяти-пятнадцати километрах от полосы, шел на нее посадочным курсом. Выпустил уже шасси, механизацию. Мы слышали по радиообмену, что Федотов взлетел, как обычно, сразу отвернул, чтобы уйти в зону, и мы перестали его слышать. Когда у него что-то случилось, он вернулся на тот канал, на котором мы вновь стали его слышать. И мы увидели его возвращающимся на аэродром, идущим на посадку впереди нас. Но вместо посадки он, к нашему удивлению, стал делать проход – не снижаясь (возможно, хотел, чтобы его осмотрели). Потом он резко стал выполнять вираж, разворачиваться. И тут же мы

Самолет Ил-78

услышали с земли по радию: «Катапультируйся! Катапультируйся!» После этого увидели взрыв. По указанию руководителя полетов я отвернул вправо, на короткую полосу. Но продолжал наблюдать за тем, что происходит внизу, – с надеждой искал парашют и не находил. Сел на короткую полосу. Потом уже кто-то из микояновских летчиков подошел и спросил, не видел ли вспышку в воздухе. Я ответил: «Нет, не видел. Один раз видел – при ударе машины о землю...»

Я спросил Норика:

– Кто-то утверждал, что самолет Федотова взорвался в воздухе.

– Нет, он взорвался от удара о землю. Я тебе говорю, я шел на посадку, а он вдруг спрашивает: «Обеспечьте посадку!» Я думаю, сейчас он сядет, а я за ним. Он не садится, пошел круг делать, потом очень резко начал разворачиваться и стал падать. Раздались крики: «Катапультируйся, катапультируйся!» Спрашивает меня земля: «Парашюты были?» Я говорю: «Нет». Отвернул и сел на короткую полосу.

– Известный специалист утверждает, что двигатель этого самолета имеет дефект давний. У него все время разваливался центральный подшипник. Вот он разорвался, после этого турбина пошла вразнос, и взорвался он якобы в воздухе.

– Чушь самая настоящая. На моих глазах все произошло. Я же говорю, от удара о землю!

– Федотов еще проходил над аэродромом, чтобы посмотрели с земли, откуда течет топливо. А ничего не текло.

– Ну да, ему отвечают: «Нет никакого следа!»

– И ты не видел никакого следа?

– Нет, ничего.

– То есть он был с полными баками?

– С полными баками.

– Скажи, а чувствует ли летчик, что машина у него с полными баками? Кто-то говорит о том, что при отсутствии показаний датчика угла атаки – не чувствует.

– Да нет, полные баки летчик чувствует. Есть понятие «самолет тяжелый» или «нетяжелый». Это даже непонятно, каким чувством, но чувствуешь, что машина полна.

– А ты не заметил, что проходит время, лет 10–15, когда уходят очевидцы, уже их нет никого, и вот начинают возникать новые версии.

– Уже себя утверждают.

– Да-да, кому это нужно...

Однажды я спросил Нораира Вагинаковича Казаряна, а был ли у него когда-нибудь пожар. Он ответил:

– Нет, слава богу, не было. Впрочем, на МиГ-25 на первых порах у нас практически в каждом полете – мы уже к этому привыкли, – случались ложные пожары. Каждый раз женский голос системы оповещения сообщал нам, что у нас пожар левого или правого двигателя. И каждый раз оказывалось, что это ложное срабатывание. Единственный раз на моей памяти пожар на МиГ-25 случился у генерал-лейтенанта А. Л. Кадомцева. Я как раз выпускал его на этой машине в Ахтубинске. И он погиб в моей каске и в моем летном костюме. Я его сам усадил в кабину перед тем полетом, и он полетел. Я его перед этим уговаривал не лететь на этой сырой еще, недоведенной машине. Он же возразил: «Артем Иванович Микоян разрешил мне полететь. Ты мне покажи, что

Г. Р. Карапетян, Н. В. Казарян, Г. А. Амирьянц

и как. У меня скоро будет совещание по этой новой важнейшей машине. Как же это так, чтобы командующий авиацией ПВО не был с ней знаком!» Человек он был толковый и очень хороший, да и летчиком был хорошим. Я ему говорю: «Но один полет ничего не даст». Однако он настоял. Только взлетел, прибегает инженер и говорит: «Слушай, Кадомцев горит! Пожар двигателя!» Ведь столь серьезное оповещение передается не только летчику, но и идет в эфир. Я успокаиваю инженера: «Передай руководителю, что все нормально, это бывает». Тут же ответили: «Нет, горит на самом деле!» Кадомцев тревожно сообщил: «Женщина говорит, что у меня пожар, пожар!» Ему передали указание: развернуться и возвращаться на «точку». Но когда мы все увидели, что возвращающаяся машина горит, словно электрон, летчику передали команду: «Отверните вправо и катапультируйтесь!» С этого момента до момента падения машины прошло около 4 минут. И никакого ответа от летчика не последовало. Это случилось перед майскими праздниками в 1969 году.

Сын Артема Ивановича Микояна Ованес говорил мне, что причиной раннего ухода отца из жизни послужили две катастро-

фы: Ю. А. Гагарина и А. Л. Кадомцева. После особенно жесткого разбирательства на самом верху причин гибели командующего авиацией ПВО СССР А. Л. Кадомцева у Артема Ивановича произошел обширный инфаркт...

Н. В. Казарян рассказывал об опасности своей профессии:

– Гибнут многие. Вот у меня есть фотография, сделанная после похорон нашего летчика Виктора Михайловича Андреева. Он погиб в 1962 году в Новосибирске. Он перед тем провел государственные испытания Су-11, а в Новосибирске облетывал первую серийную машину. Он летел в сторону города, и на высоте 4000 м у него остановился двигатель. Представляешь его положение? Он начинает отворачивать, уходит в сторону, запускает двигатель, а он – глохнет. Вновь запускает – вновь глохнет. Ему дали команду: «Катапультируйся!» Но он отвечает: «Не могу – подо мной химзавод!» На этом заводе делали порох. Он это знал. За счет скорости он перетянул через завод. За ним была небольшая площадка. Он сильно ударился хвостовой частью фюзеляжа, подойдя к земле на малой скорости. Летчик пробил своими ногами пол в кабине. Сломал руку, ребра. Около часа он жил, пока его везли в больницу. Скончался по дороге. Ему присвоили потом звание Героя. Так вот, хоронили мы его в ноябре 1962 года и сфотографировались на память. Были с нами тогда Ю. А. Гагарин, П. Р. Попович. Недавно я увидел вновь эту фотографию и поразился – погибло не менее трети наших испытателей, провожавших тогда своего товарища.

У многих в памяти необыкновенное спасение летчика-испытателя ОКБ А. И. Микояна Авиарда Гавриловича Фастовца. Вот что рассказал об этой аварии Н. В. Казарян:

– Кто-то говорил, что Авиард катапультировался одновременно с началом разрушения машины. Это и так, и не так. Понимаешь, когда он создал максимальную перегрузку, у него что-то треснуло. Чутье, собачий нюх подсказали ему: все, готов! Он тут же катапультировался, и машина почти одновременно с тем стала разваливаться. Случай, конечно же, уникальный.

По словам начальника управления летной службы МАП Олега Ивановича Белостоцкого, Фастовец сам говорил ему, что «ушел» (то есть катапультировался) после того, как спала перегрузка – крыло-то отвалилось! – увидел летящие впереди

красные предметы – это были имитаторы ракет. То же говорил Э. В. Елян, работавший совместно с Авиардом Гавриловичем. Перестав летать, Фастовец продолжал работать в своем ОКБ. Занимался корабельной тематикой, был на корабле одним из руководителей полетов. В командировке, в Крыму, ему стало плохо. Его привезли в Москву – у него оказался инсульт в тяжелой форме. И его не стало...

А вот версия Н. В. Казаряна о причине гибели летчика-испытателя ОКБ А. И. Микояна Михаила Комарова:

– Он уснул. Ему вместо кислорода по ошибке заправили азот! Не знаю уж, каким способом. Засыпал он медленно. Об этом можно судить по замедлявшемуся разговору, по заторможенным действиям, по вялости. Такие случаи, когда летчики засыпали в полете, были и прежде. Это установлено однозначно, поскольку однажды было определенно выявлено, что прекратилась подача в маску летчика кислорода. Так случилось в Горьком: в полете на самолете МиГ-25 у летчика военной приемки проявились и явно замедляющиеся действия, и все более вялая речь, и в конце концов полная потеря контроля летчиком, после чего машина ушла вниз и разрушилась от скоростного напора. На МиГ-25 кислородный кран расположен не в кабине, а вне ее, в нише шасси. Этот кран оказался перекрытым. На земле перед взлетом летчик не мог понять это, потому что только с определенной высоты он дышит чистым кислородом, а на малой высоте – смесью воздуха и кислорода. Летчик поднялся на большую высоту и, не чувствуя кислородного голодания, постепенно уснул. Пошел вертикально вниз на полном форсаже, и самолет разрушился под действием скоростного напора...

Можно многое услышать и узнать о том, как порой охраняют «честь», а стало быть, и секреты фирмы ее сотрудники. Например, секреты от того же ЦАГИ, который является не только помощником, но в каких-то ситуациях судьей, от которого зависит судьба проекта, а значит, и связанных с ним людей. Понять это можно, трудно оправдать. Еще труднее, когда такие секреты (то есть дефекты машины) летчик фирмы скрывает от летчика-заказчика, в частности НИИ ВВС. Н. В. Казарян рассказывал о таком случае.

Самолет Як-30

Он летал как-то в Жуковском на фирме Яковлева – проводил сравнительные испытания Як-30 с чешским L-39. Уже заходя на посадку, вдруг услышал по рации: «Остановились двигатели, обеспечьте посадку на полосу!» Это позади Казаряна шел на вынужденную посадку самолет Як-28. Руководитель полетов тут же дал указание Казаряну садиться на последний километр полосы. Казарян прибавил газу и выполнил посадку. Як-28 также благополучно сел, в последний момент летчику удалось запустить двигатель. Казарян все это слышал по радиообмену. Ему и его товарищам в НИИ ВВС предстояла большая работа по этому самолету, поэтому, естественно, в летной комнате он спросил у летчика, что у него произошло. Тот ответил: «Да ничего – все нормально!» «Ну как же нормально? Ты же докладывал, что двигатели остановились?» – возмутился Казарян. «Да нет, ничего не случилось, все нормально!» – ответил, смущаясь, летчик.

– А ведь и на этой фирме, – говорил Казарян, – были прекрасные люди. Например, Валя Волков. Жаль, погиб – прекрасный был человек и летчик. Он всегда говорил всю правду кому бы то ни было.

Насколько многообразны системы самолета, настолько многочисленны опасные ситуации, поджидающие летчика-испытателя. Но бывают и курьезные случаи. Однажды Н. В. Казаряну было дано задание проверить антиобледенительную систему. По программе, помимо других операций, он должен был нажать на высоте 5000 м кнопку впрыска спирта на наружную

Самолет МиГ-21

поверхность лобового стекла. Высота не имела принципиального значения, может быть, поэтому летчик вспомнил об этом задании, идя уже на посадку на своем МиГ-21. Летчик успел снять маску, выпустил шасси, и тут-то на третьем развороте вспомнил про кнопку антиобледенительной системы. Тут же нажал ее. И быстро почувствовал: весь спирт оказался в кабине! Летчик вспоминал: «Чувствую – задыхаюсь. Успел прокричать: “На третьем! Обеспечьте посадку!” Схватил маску, надел ее. И кратчайшим путем пошел к полосе. Потом, естественно, разобрались, в чем было дело. Но вот, случается и такое.

Я понимал, что задаю Норику не вполне корректный вопрос, и тем не менее задал его:

– Вот мы определенно говорим о гражданских летчиках-испытателях: номер 1 – Громов, затем – Анохин и после них уже: Федотов, Ильюшин, Гудков... Скажи, кто у вас номер один по твоему мнению личному?

– Понимаешь, ведь у нас структура несколько иная: у нас кто начальник, тот и хороший. Если ты обратил внимание, все Герои у нас – в первую очередь начальники. Начальник же он не потому, что он хороший, а потому что он – сволочь где-то. Где-то кому-

то задницу вылизал, и вот его сделали начальником. Когда заканчивается важная работа, кого-то надо награждать. А кого награждать? Естественно, начальство...

– А для меня не обязательно самый хороший летчик – это Герой, – заметил я. – Я знаю, что среди наших летчиков-испытателей гражданских, не раз слышал об этом, очень добрые отзывы о тебе. Теперь скажи, кого ты сам среди своих летчиков-испытателей выделяешь в первую голову?

– У нас работал прекрасный летчик-испытатель Плюшкин. Это был и летчик отличный, и человек прекрасный, грамотный... Но он немного поддавал и на этом сгорел. Вот почему не дали ему звезду Героя. Плюшкин Володя, умер он давно.

– А какие у него работы значимые?

– Значимых работ у него много. И штопоры, и самовращение. Это крайние работы, весомые. Двигательные работы. Он сдился без двигателя на

Баскунчак на самолете. Правда, самолет после этого выбросили, потому что после дождей вода была в этом соленом озере, ну и, естественно, на этом самолете летать нельзя было. Много сложных и опасных работ у него было! Что обидно: такие люди ушли, не получив даже звания заслуженного летчика-испытателя, ничего не получив абсолютно. Потому что пил...

– А кто еще есть, которые, по твоему мнению, заслуживают самого доброго слова, а в число заслуженных не попали?

Н. В. Казарян и Г. А. Амирьянц

– Комов. Прекрасный летчик. За всю летную работу даже медали ему не дали. А сделал много. Он летал на «Руслане» Ан-124. И заслуженного ему не дали. Сейчас с ходу трудно выделить кого-то, много было наших, которые ушли с летной работы и остались не заслуженными, не награжденными.

– Таких много и среди гражданских, но ты знаешь, с другой стороны, гражданские всегда думали, что военных награждали гораздо чаще.

– Нет, ну что ты!

– Вот, например, Волк как-то спросил Дементьева, министра: «Петр Васильевич, но как же так, военным часто дают награды, а наши летчики погибают и на подушку нечего положить, даже медальку». А тот говорит: «А за что вам давать награды, вы же делаете свою работу?»

– Как-то, помню, Вадим Петров выполнял «двигательный» полет, с выключением и с запуском двигателя. И у него не запустился двигатель, так он сел без двигателя на грунтовую полосу. Но все обошлось нормально. Написали представление его на орден. И приходит ответ: «Надо летать, а не ордена просить!» Это завистливые твари, которые сидели в штабах и любой ценой запрещали, чтоб не давали «лишний раз» награды. Я написал в ЦК письмо на имя Брежнева, задав вопрос, почему гражданских летчиков-испытателей награждают каждую пятилетку, а военных забывают. Я не говорю о конкретном самолете, за конкретный самолет всегда давали. А тут каждую пятилетку за успешно выполненную работу давали ордена, даже звание Героя давали. Это письмо я сдал на Старой площади. А мне говорят: «Вы звоните завтра туда-то, послезавтра по такому-то телефону и проследите». Я звоню, мне говорят: «Письмо пошло туда, письмо пошло туда...» А потом я полетел в Ахтубинск, у меня там работы были по МиГ-25. И когда вернулся, узнал, что письмо мое, сделав бюрократический круг, попало к Главкому ВВС Кутахову, а он остался недоволен: «Что просите? Летать надо!» А про Кутахова рассказывали, все хохотали. Ему принесли материал какой-то. А он возмутился: «Я кто для вас? Мальчик, что ли, что такое пишете?» Слово «элевон» он зачеркивает и пишет: «элэрон». Он даже не знал, что есть элевон. Вот кто нами командовал...

Одной из самых ярких личностей среди испытателей последних десятилетий был Игорь Петрович Волк. Я спросил Норика:

– А как ты Игоря Волка оцениваешь? И что ты знаешь о его пути в испытатели, в космонавты?

– Игорь Волк как летчик очень способный. Когда мы начали общаться, он был под крылышком Олега Гудкова. И потом сам встал на ноги и стал быстро набирать опыт. Понимаешь, он любил летать. Он же на этих тяжелых машинах летал, а потом перешел на истребители. Он летал на чем угодно. Помню, мы в нарды играли в Коктебеле. Так некоторые летчики говорили: «Если там полет нестоящий, 20 рублей всего, я летать не буду. Найдите кого-нибудь вторым летчиком, я лучше в нарды поиграю». А Игорь летал на любое задание, потому что с любого полета что-то накапливал. Я помню, как я выполнял полеты со сброшенными фонарями. В ЛИИ тоже начали летать, но вскоре прекратили полеты: «А там холодно, мы не можем...» Я говорю: «Я полечу, кто со мной будет вторым?» Вот Игорь: «Я хочу, можно я полечу?» Полетели. «Только имей в виду, – предупредил я, – после 600 никакого разговора, будем по управлению договариваться, а то ничего не услышишь, ни ты, ни я. И еще: одевайся, чтобы у тебя открытых мест не было, а то сгоришь».

– Как же, там холодно? – удивился он.

– Какой к хрену холодно, – говорю, – я залезал на МиГ-25 на большой Мах на большой высоте, между перчатками и рукой открылась маленькая щель, так я чуть ожога руки не получил...

Полетели мы с Игорем (когда другие отказались летать программу «из-за холода»). Прилетели. Я спрашиваю его: «Как, тебе холодно было?» – «Да ты что!»

– Это вы на какой машине?

Самолет МиГ-23

- На МиГ-23.
- На МиГ-23 тоже такая температура высокая?
- А какая разница? Температура от двигателя, да еще на больших скоростях на поверхности самолета температура торможения доходит до трехсот градусов.
- Я понимаю, что это на МиГ-25. Но МиГ-23 летает на относительно меньшей скорости.
- Две тысячи триста пятьдесят – на максимальной скорости. Ну, там пусть будет не 300 градусов, а 250. Разве это мало?
- Конечно, конечно. И это что, с открытым фонарем?
- Да. Так положено
- Норик, и какое впечатление от полета на такой гигантской скорости без фонарей? Какое ощущение? Что ты чувствовал?
- А чего чувствовал. В принципе, ничего такого нет. Где-то на 10 тысяч срабатывает вся система, надувается костюм, и уже ты под давлением дышишь...
- А шум?
- А что шум-то? Какая разница: что с фонарем, что без фонаря. Практически нет особой разницы.
- Ну, тем более что большой сверхзвук, может, это сказывается...

Норик знал себе цену, и всегда был не удовлетворен достигнутым. Он принял участие в первом наборе отряда космонавтов СССР. Хотя при прохождении медицинской комиссии в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале по медицинским показаниям в барокамере он был отстранен от дальнейшей подготовки. К счастью, это не помешало успешному продолжению его испытательной работы.

Теплая дружба связывала Казаряна со Степаном Анастасовичем Микояном. Оба были выдающимися испытателями, высшими профессионалами. Но занимали разное положение в ГК НИИ ВВС. Степан Анастасович был одним из руководителей института, а Нораир Вагинакович – «рядовым». Впрочем, не совсем рядовым. С 1985 по 1987 год он возглавлял Службу безопасности полетов ГК НИИ ВВС. При непосредственном участии Н. В. Казаряна проводились государственные испытания около 150 типов самолетов различных классов и их модификаций, в том числе: Ан-28, МиГ-23МС, МиГ-25П, Як-28, Як-52, Як-55, Ил-76М, МиГ-21,

Н. В. Казарян на своем 80-лети

Ил-78, Ан-32, Ан-72, Ан-74, Ми-8ТЗ, Су-7У, Су-9У, Су-17, Су-15УПС, а также таких ракет, как К-40 и К-55.

Фамилия «мешала» Казаряну не только в ГК НИИ ВВС. Она мешала ему попасть на самую престижную среди испытателей «фирму Микояна», хотя Артем Иванович хорошо знал и ценил талант летчика-испытателя Казаряна.

За комплекс работ по самолету МиГ-25 Н. В. Казарян был представлен к званию Героя Советского Союза. Затея была безнадежной. Это было время расцвета эпохи Брежнева. А коммунист с 1954 года, Н. В. Казарян тогда уже позволял себе в ответ на предложение замполита законспектировать работу Леонида Ильича открыто признаться: «Я это дерьмо не только конспектировать не буду, но и в руки не возьму!» Бывали у этого честного, но горячего человека и другие ситуации, когда резкость его закрывала ему дорогу к официальным званиям и наградам.

Я отчетливо видел всю несправедливость того, что летчик с таким опытом и такими заслугами не стал Героем Советского Союза. (В то время, когда столь не уважаемый им Леонид Ильич Брежнев был четырежды Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда.)

Скончался Нораир Вагинакович Казарян 27 января 2016 года и был похоронен вдали от «малой» родины – в деревне Леонихе Щелковского района Московской области.

**Лев Михайлович
КАРАХАН**

Служба дипломатов сродни работе разведчиков. Свыше двух десятков современных послов России за рубежом – армяне. Да и министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров, как известно, – Калантарян. Все они на виду, и не мне о них рассказывать. Тем более что они, как правило, стараются не проявлять публично своего происхождения, потому, надо полагать, что это, по их мнению, может навредить их карьере. Но об одном из них, о котором я слышал много доброго и малоизвестного от знавших его близко людей, я расскажу.

Мне посчастливилось хорошо знать замечательных советских авиаторов, супругов Сергея Анохина и Маргариту Раценскую, близко общавшихся с выдающимся советским дипломатом Л. М. Караханом на пике его дипломатической деятельности. Об этом я написал в своей книге «Летчики-испытатели. Сергей Анохин со товарищи».

В апреле 1934 года молодого в ту пору летчика-спортсмена (а в будущем выдающегося летчика-испытателя и космонавта, готовившегося к полету на Луну) Сергея Анохина и его жену планеристку Маргариту Раценскую командировали в Турцию. Примерно в то же время, чуть ранее в Высшей летной планерной школе СССР осваивали полеты на планерах и парашютные прыжки турецкие планеристы, в числе которых была прием-

ная дочь президента Турции Мустафы Кемала Ататюрка – Сабиха Гекчен. Вскоре Ататюрк обратился к советскому руководству с просьбой направить в Турцию квалифицированных инструкторов – для организации в составе общества «Турецкая птица» подготовки турецких планеристов.

С первых же шагов своей работы и жизни в незнакомой стране молодые авиаторы получили ощутимую поддержку советского посла в этой стране Льва Михайловича Карахана. Об этом человеке сдержанная на оценки Маргарита Карловна говорила, что называется, взалхлеб: «Это был обаятельнейший человек, интеллигент, любимец всего посольства и его турецкого окружения». У Карахана, умудренного человека и опытного дипломата, сложились прекрасные личные отношения с президентом Кемалем Ататюрком (хотя посол хорошо знал о кровавой роли Ататюрка в геноциде армян). Это во многом способствовало установлению дружеских отношений СССР и Турции в то время. Бурный рост интереса к планеризму, к авиации в нашей стране привлек внимание Ататюрка, и Карахан, получив добро властей, обратился с просьбой командировать в Турцию лучших инструкторов. Выбор пал на Сергея Анохина и Михаила Романова.

Вспоминая необыкновенные красоты в Турции, Маргарита Карловна, когда ее великого мужа не было уже в живых, рассказывала мне, в частности: «Одна мечеть Айя-София чего стоит!» На мое сожаление о том, что когда-то это был христианский храм, она горестно заметила: «Ну, что делать? Перед моим приездом в Турцию там вырезали христиан – целую армянскую деревню. И это несмотря на крепкую дружбу Ататюрка с послом СССР – армянином Л. М. Караханом. Рассказывая нам об этом, сами турки, словно оправдываясь, говорили, что сделали это якобы курды. За ними, по утверждению турок, была слава дикого и жестокого народа...»

Анохины и их коллеги приехали в Турцию не на пустое место: там уже торговал роскошными немецкими планерами низенький блондин-немец, с которым они вскоре познакомились. Наши привезли туда планеры Б. Н. Шереметева и В. К. Грибовского, в частности Г-9. Они в чем-то уступали немецким – особенно в отделке. Но за русскими стоял Ататюрк. Точнее сказать, как считала Раценская, за русскими стояла необыкновенная дружба

Л. М. Карахан

Ататюрка и Карахана. Президент запросто и часто приезжал в наше посольство – поиграть в теннис с Караханом, побеседовать, а то и выпить рюмочку-другую русской водочки, которую он любил. Дружба Ататюрка и Карахана, очевидно, предопределила тесные связи Осо-авиахима и «Турецкой птицы».

Лучшая ученица Анохина Сабиха была любимой, приемной дочерью президента Ататюрка. Она была крохотной по комплекции, но это не помешало ей добиться в дальнейшем больших успехов, стать военным летчиком и совершить перелеты за пределы Турции. «В аэроклубе царила атмосфера взаимного доверия и дружбы, – писал Анохин. – И заводиной этих взаимоотношений была Са-

биха, поражавшая нас с Романовым своим рвением, своей любовью к авиации, своей великолепной выдержкой и дисциплинированностью. Именно эти качества позволили ей довольно быстро освоить пилотажное искусство, стать отличным летчиком».

Помимо Сабихи, летала (у Михаила Романова в качестве инструктора) еще одна приемная дочь президента – они были детьми его погибших фронтовых друзей. Позже Маргарита Карловна имела возможность узнать, что Сабиха Гекчен лишилась своих родителей-армян во время резни 1915 года. Она стала национальным героем Турции как первая женщина – военный пилот в стране, управлявшая и истребителями, и бомбардировщиками на авиабазе Эскишехир. В ее честь назван ныне аэропорт в Стамбуле.

Ясно, что в Турции были люди, которым столь тесные связи страны с вечным врагом – Россией могли не понравиться... Маргарита Карловна не уставала повторять, что многим они были обязаны в Турции Карахану. Наш посол абсолютно доверял чете Анохиных и разрешал им во всем действовать по своему усмотрению... Многое переменилось, когда Карахана отозвали в Москву. Вскоре в посольстве стало известно – от шифровальщиков, – что его расстреляли. Ему было 48 лет... После исчезновения Карахана был прислан новый посол. «Он был хорошим человеком. Но с его приходом все в посольстве переменилось, нарушилась вся жизнь,

все кончилось. Ататюрк к нам больше не ездил. Дружбы уже не было», – вспоминала Маргарита Карловна.

Жизненный путь выпускника Томского университета Леона Карахана, члена РСДРП (меньшевика в 1904-м и большевика с 1913-го), впечатляет. В дни Октябрьского переворота Карахан, будучи членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, случайно встречается в Смольном со знакомым американским журналистом Джоном Ридом, который пытается понять, что происходит в России и каким видится ему будущее страны. Этот эпизод отражен в знаменитой его книге «10 дней, которые потрясли мир»:

«Карахан отвечает с ходу, не задумываясь: гибкая организация, чуткая к народной воле, выражаемой Советами, предоставляющая величайшую свободу местной инициативе. Теперь Временное правительство точно так же связывает местную демократию, как это делалось при царе... В новом обществе инициатива будет исходить снизу. Формы правления будут установлены в соответствии с уставом Российской социал-демократической рабочей партии. Парламентом будет новый ЦИК, ответственный перед Всероссийским съездом Советов, который должен будет созываться очень часто...»

Сподвижник В. И. Ленина, Карахан с ноября 1917 года был секретарем советской делегации на мирных

Г. В. Чичерин и Л. М. Карахан

Л. М. Карахан

переговорах в Брест-Литовске, а уже с марта 1918 года (в возрасте 29 лет!) – заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР. В марте 1918 года он подписал Брестский мир, а в мае 1920 был представителем России при заключении Московского договора с Грузией. С мая 1921 года по октябрь 1922 года он, пользовавшийся особым доверием В. И. Ленина, был послом РСФСР в Польше, а с сентября 1923 года по август 1926 года работал в Китае, где 20 января 1925 года подписал советско-японский договор об основных принципах взаимоотношений. Издававшаяся в Харбине газета «Новости жизни» писала в то время: «Исторические заслуги Л. М. Карахана перед СССР пополняются блестящими страницами его дипломатических работ и переговоров с Японией. За этот мир с нашими великими соседями история отметит на своих страницах блестящую роль дипломатического ума и такт Л. М. Карахана».

В 1934 году Лев Михайлович был назначен послом СССР в Турции. Британский дипломат Роберт Гамильтон Брюс Локхарт писал, как однажды в июле 1935 года в Лондоне, по звонку советского посла И. М. Майского, он встретился со своим «старым приятелем» Караханом: «...Его женой оказалась не та женщина, которую я знал в Москве. Это была Марина Семенова, знаменитая балерина, которая, как говорил мне Алексей Толстой, танцевала лучше самой Анны Павловой... Карахан, советский посол в Турции, изменился мало. Его волосы слегка поседели, но выглядел он по-прежнему хорошо. Я сделал ему комплимент по этому поводу, и он с гордостью пояснил, что хорошую форму ему помогает поддерживать игра в теннис с работниками Британского посольства. Восторженно относясь к теннису, Карахан все же удивил меня, сказав, что специально приехал в Лондон на Уимблдонский турнир».

3 мая 1937 года Карахана отозвали в Москву, и он был арестован по обвинению в участии в заговоре с целью свержения советской власти. 20 сентября 1937 года он был приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

У него были хорошие семьи, хорошие жены и до Семеновой, но она, жившая с ним с 1930 года, сохранила о нем особенно добрую, трогательную память. Ученица основательницы балетной школы Мариинского театра Агриппины Яковлевны Вагановой,

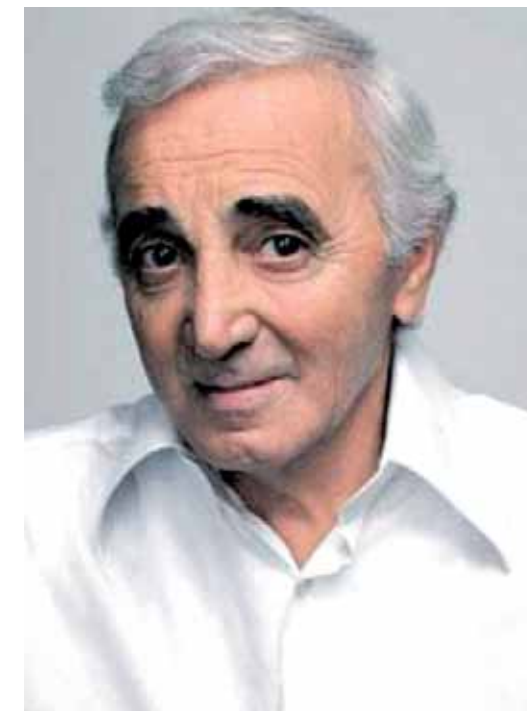
Марина Семенова, в свою очередь, стала наставницей таких выдающихся балерин, как Майя Плисецкая, Нина Тимофеева, Марина Кондратьева, Нина Ананишвили, Наталья Бессмертнова, Светлана Адырхаева, Людмила Семеняка, Наталия Касаткина, Надежда Павлова...

И в этом еще одна, пусть косвенная, пусть забытая заслуга Льва Михайловича Карахана.

Нелишне закончить этот очерк словами Шарля Азнавура: «Мои корни глубоко упрятаны в землю, которая ускользает от меня. Да и где она на самом деле, эта земля?.. Я – по-прежнему остаюсь кочевником, эмигрантом, сыном апатридов, который принял другую страну, ее культуру и язык, не имея в ней настоящего прошлого. Меня зовут Азнавур, и до сих пор у меня не было повода об этом сожалеть... Никогда не скрывайте свою национальную принадлежность ради карьеры или чего-то еще. Я столько раз говорил: “Я – армянин!” Нельзя забывать о том, что в вас течет армянская кровь, не торгуйте ею ради выгоды».

Каждый из нас, предпринимая что-то, должен подумать не о себе, а о том, как это отзовется на всем армянстве. Можно подумать, что эти слова обращены к таким приметным россиянам (с армянской кровью), как Сергей Лавров, Андраник Мигранян, Сергей Кургиян, Маргарита Симоньян, Тигран Кеосаян, Филипп Киркоров, Карен Шахназаров, Геворг Мирзаян и другие... (Вот кому подал пример Государственный секретарь США Э. Блинкен, с первых дней демонстративно вставший буквально рядом со своим народом в войне против палестинцев в 2023 году. Хотя Израиль оказался в этом военном конфликте отнюдь небезгрешным.) Нет. К нашим, похоже, обращаться нет смысла. Наши слова обращены к людям независимым, незашоренным и равнодушным к судьбам своего крохотного Отечества с пятитысячелетней историей, своего крохотного и тем не менее великого народа. Они обращены к людям свободным,

Шарль Азнавур

Советская делегация в Бресте.

Стоят справа Л. М. Карахан и Л. Д. Троцкий

смелым, ответственным, честным перед самими собой, к людям дальновидным, думающим не только о себе и своих близких, не только о живущих сейчас, и не только в России... Он обращен к тем, кто говорит, что не потерпит того, что его держат за дураков, за слепых и глухих при анализе недружественной, мягко сказать, политики России в отношении Армении в последние как минимум сто лет, за немых в выражении своего неприятия подобных отношений двух христианских народов. Но, главное, подобные слова обращены не вовне, а внутрь нас, к себе, к каждому соотечественнику с призывом не ждать милости от кого-то, а трудиться самим неустанно, неуклонно повышать уровень системы образования, не уставая учиться и совершенствоваться, в частности на примерах собственных мудрецов, которым у нас несть числа. Без этого невозможно эффективное развитие и науки, и обороны, и производства, и культуры, и медицины, и физкультуры – словом, полнокровной, достойной, наполненной уверенностью в завтрашнем дне жизни. Жизни, от которой не бегут, а к которой стремились бы как в отцовский, материнский дом и старики, и дети Армении – со всех континентов.

**Самвел Григорьевич
КОЧАРЯНЦ**

Разработчик первых советских атомных и термоядерных боеприпасов, главный конструктор Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ), дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат трех Сталинских премий и Государственной премии Самвел Григорьевич Кочарянц родился в том же небольшом городке в Армении Нор-Баязет, что и А. И. Бурназян.

Хорошо знавшая Бурназяна по детским годам уже упоминавшаяся моя добрая знакомая Назик Георгиевна, очевидно, знала по тем же годам и Самвела Кочарянца. Но о нем она никогда мне не говорила ничего. И это объяснимо: ведь о том, что он стал столь выдающимся человеком, она знать и не могла. Потому что у нас в стране С. Г. Кочарянц был, пожалуй, одной из наиболее закрытых личностей. На что уж секретными были ставшие в последние годы самыми знаменитыми «три К»: Курчатов, Королев, Келдыш. Но лишь сейчас, когда Кочарянц вот уже 30 лет как в ином мире, его коллеги по праву добавляют к трем великим – в качестве равноценного им и все еще малоизвестного – четвертого «К» – Кочарянца.

После окончания школы в родном городке Самвел Кочарянц, шестой, предпоследний ребенок в большой бедной семье выход-

В лаборатории МЭИ

работал в эвакуации в Казахстане. Результаты выполненных в эти годы исследований были опубликованы в двух книгах, посвященных магнитным измерениям и ферродинамическим приборам. С мая по август 1945 года по специальному заданию, связанному с немецким ядерным проектом, Кочарянц работал в Берлине. По возвращении из заграничной командировки он возглавил кафедру электроприборостроения МЭИ.

В июне 1945 года в США был готов план атомного нападения на СССР. Он предусматривал нанесение 20 ударов по 20 городам страны. Страшная угроза для страны была реальной.

В сентябре 1947 года после беседы с заведующим оборонным отделом ЦК партии Кочарянц был оперативно направлен в неизвестный ему город Саров в северной части Мордовской АССР на границе с Горьковской областью, в зоне муромских лесов, на сверхсекретный объект, получивший в дальнейшем название КБ-11 («Арзамас-16») – для стратегически важной в ту пору разгара холодной войны сверхсрочной работы по созданию первой отечественной атомной бомбы РДС-1.

Саров представлял собой изначально, как говорил академик Р. И. Ильяев, «ветхий рабочий поселок среди непроходимых лесов и болот». Это место для большого строительства было выбрано в начале 1946 года, в частности профессором и будущим научным руководителем Российского федерального ядерно-

цев из Арцаха (с рано умершим отцом семейства), поехал учиться в Москву. В 1932 году он окончил рабфак, в 1937 году Московский энергетический институт, а затем и его аспирантуру. С 1941 года, после защиты кандидатской диссертации, в течение трех лет Кочарянц как сотрудник кафедры теоретической электротехники МЭИ вместе с другими сотрудниками МЭИ

го центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики Ю. Б. Харитонов, а также заместителем министра транспортного машиностроения и будущим первым директором РФЯЦ-ВНИИЭФ П. М. Зерновым. Ю. Б. Харитон был назначен тогда первым заместителем начальника строившегося центра. А заместителем по финансам и материально-техническому снабжению был назначен Х. А. Костаньян.

Строительство сверхсекретного объекта на особо режимной территории около 100 квадратных километров было поручено Министерству внутренних дел.

С этим закрытым и поныне городом, превращенным трудом многих ученых, инженеров, рабочих в уникальный научный центр, затем неразрывно были связаны 46 лет напряженной в высшей степени и ответственной трудовой жизни С. Г. Кочарянца.

В КБ-11 он был назначен начальником научно-конструкторского отдела, а в апреле 1952 года начальником отделения, разрабатывавшего системы автоматики для авиационных бомб.

4 июня 1948 года П. М. Зернов писал главному куратору работ Л. П. Берии: «Внутри зоны объекта находится до 2000 освобожденных из лагеря строительства № 880 МВД СССР. Размещены они в жилом

Майор Самвел Кочарянц с сослуживцами

Ю. Б. Харитон (в центре) и С. Г. Кочарянц (за ним) с коллегами

поселке объекта. В последнее время имели место кражи и убийства. Обокрали квартиру одного из начальников конструкторского отдела т. Кочарянца...»

В 1952 году Кочарянц возглавил как самостоятельную структуру отделение автоматики в реорганизованном КБ-11. В 1959 году после создания второго конструкторского бюро КБ-2 ВНИИЭФ Кочарянц был назначен его главным конструктором. Вскоре он существенно расширил круг исследований в КБ-2, связанных с баллистикой, другими проблемами механики, микромеханики, оптики, оптико-волоконной техники...

Параллельно с работой во ВНИИЭФ, в течение семи лет, начиная с 1966 года, Кочарянц возглавлял также научное руководство созданным по его инициативе Горьковским филиалом КБ по конструированию и усовершенствованию радиотехнических приборов, в частности высокоточных радиодатчиков (в будущем НИИС).

Свою первую Сталинскую премию Кочарянц получил в 1949 году – за разработку систем инициирования заряда из взрывчатых веществ и конструкции систем автоматического зажигания для первой советской атомной бомбы РДС-1. Параллельно с разработкой ее заряда были развернуты работы по созданию корпуса атомной бомбы и размещению в нем спецавтоматики.

Испытания первого советского атомного заряда 29 августа 1949 года положило конец нависшей над миром угрозы атомной монополии США.

Второй Сталинской премии С. Г. Кочарянц был удостоен два года спустя, в 1951 году – за оперативное и эффективное продолжение важнейших работ по созданию атомного оружия. Тогда вместе с сотрудниками ЦАГИ он принимал участие в аэродинамической отработке первой атомной бомбы, в частности в летных испытаниях бомбы РДС-1 на авиационном полигоне в Багерово, после чего она была передана в серийное производство.

При разработке усовершенствованных атомных бомб РДС-2 коллективом под руководством С. Г. Кочарянца был значительно уменьшен вес и улучшена конструкция надежных приборов и узлов системы автоматики. Для РДС-3 был разработан усовершенствованный блок автоматики с рядом принципиально новых устройств. С. Г. Кочарянц принял личное участие в испытаниях атомных бомб на Семипалатинском полигоне в 1951 году. Еще че-

рез два года, в августе 1953-го, после успешных испытаний на Семипалатинском полигоне первой советской водородной бомбы Кочарянц стал лауреатом Сталинской премии в третий раз.

Для разрабатывавшейся с 1948 года физиками-теоретиками КБ-11 однокаскадной водородной бомбы РДС-6с под руководством С. Г. Кочарянца были разработаны система автоматики, новый корпус бомбы и контрольно-стендовая аппаратура наземной проверки.

22 ноября 1955 года под руководством С. Г. Кочарянца были проведены испытания первой советской двухстадийной термоядерной бомбы РДС-37, сброшенной с бомбардировщика Ту-16А. По итогам испытаний С. Г. Кочарянц в 1956 году был награжден четвертым орденом Ленина.

В течение восьми лет, с 1956 по 1964 год, под руководством С. Г. Кочарянца была разработана конструкторская документация более чем 200 экспериментальных авиабомб. Важное значение имели теоретические и экспериментальные исследования (в аэродинамических трубах, на авиабомбах-«лабораториях», а также на наземной трассе с ракетной тележкой), направленные на совершенствование аэродинамических и баллистических характеристик головных частей ракет и ядерных боеприпасов.

Когда разработка ядерных бомб была передана из КБ-11 во вновь образованный в 1955 году ядерный центр – НИИ-1011 (Челябинск-70, а ныне – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики – ВНИИТФ), КБ-11 стал заниматься головными частями ракет.

В 1959 году на базе КБ-11 было организовано два конструкторских бюро: главный конструктор КБ-1 Е. А. Негин возглавил разработку термоядерных зарядов, а главный конструктор КБ-2 С. Г. Кочарянц возглавил разработку ядерных боеприпасов. Научным руководителем ВНИИЭФ остался Ю. Б. Харитон.

За 40 лет под руководством С. Г. Кочарянца в КБ-2 ВНИИЭФ сформировалась его школа проектирования, отработки и сопровождения на всех этапах их жизненного цикла ядерных боеприпасов для всех родов войск.

Разработки КБ-2 РФЯЦ-ВНИИЭФ являются основой боевого оснащения стратегических ядерных сил России. В КБ-2 ВНИИЭФ была разработана головная часть первой межконтинентальной

Пусковая шахта ракетного стратегического комплекса

баллистической ракеты Р-7 конструкции С. П. Королева. За эту работу С. Г. Кочарянц в 1961 году был удостоен Ленинской премии.

За участие в создании модернизированной ракеты Р-7А увеличенной дальности полета (с 8000 до 10 000 км), с новой головной частью, с более мощным зарядом уменьшенной массы и габаритов С. Г. Кочарянцу в 1962 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Возглавляемые С. Г. Кочарянцем работы в КБ-2 велись не только по оснащению ракетных войск стратегического назначения (в частности, унифицированной головной частью для ракет С. П. Королева и М. К. Янгеля Р-9А, Р-16, Р-36), но также по ракет-

ным комплексам оперативного и тактического назначения. В КБ-2 ВНИИЭФ было разработано два типа ядерных боеприпасов для ракет системы противоракетной обороны и три типа боеприпасов для систем противовоздушной обороны.

Для ракет среднего и малого радиуса действия под руководством С. Г. Кочарянца были созданы головные части ряда ракетных комплексов.

За разработку системы автоматики для трех боевых блоков мобильного ракетного комплекса «Пионер» в 1984 году С. Г. Кочарянц был удостоен звания дважды Героя Социалистического Труда и шестого ордена Ленина.

Главный конструктор РФЯЦ-ВНИИЭФ лауреат Ленинской премии Юрий Иванович Файков писал:

«С. Г. Кочарянц был яркой неординарной личностью, пользовался повсеместно колоссальным авторитетом как внутри коллектива института, так и во внешних организациях военно-промышленного комплекса. Решительность и однозначность в принятии решений были широко известной чертой характера С. Г. Кочарянца <...>

Будучи убежденным в безграничных способностях своих подчиненных, главный конструктор с азартом брался за решение новой научно-технической проблемы, даже если от нее отказывались остальные предприятия отрасли <...>

1 января 1990 года С. Г. Кочарянц по собственному желанию оставил обязанности главного конструктора ВНИИЭФ, но до последних дней жизни продолжал работать главным научным сотрудником».

На родине, в Армении, Самвел Григорьевич бывал очень редко. Осенью 1985 года он был личным гостем глубоко им почитаемого верховного главы Армянской апостольской церкви, католикоса всех армян Вазгена Первого. Об этой встрече знал лишь очень узкий круг людей.

Совсем ненадолго, в сопровождении внушительной охраны С. Г. Кочарянц приезжал на родину в 1957 году. Тогда в бывшем Нор-Баязете (сейчас это Гавар) торжественно был открыт его бюст – дважды Героя Социалистического Труда.

Сверхзакрытый человек, С. Г. Кочарянц дал единственное интервью, за считанные месяцы до своей кончины в 1992 г., – известному писателю и авторитетному журналисту Владимиру Губареву.

Он писал вскоре после смерти ученого: «Не стало одного из самых “сверхсекретных” людей XX века – Самвела Григорьевича Кочарянца. Эту фамилию слышали физики и ракетчики, высшие руководители государства и сотрудники ЦРУ, но мало кто знал, где он живет, о чем думает, где бывает. В его паспорте значилось, что он житель Москвы, но адрес дома был фиктивный, ни улицы, ни дома реально не существовало. Правда, в паспорте стояла специальная отметка, и в каждом отделении милиции хозяину паспорта надлежало оказывать полное содействие и высочайшее уважение. <...>

Титаны покидают нас неожиданно и, к сожалению, неприметно. Казалось бы, вся Россия и вся Армения должны скорбеть, что не стало с нами Самвела Григорьевича Кочарянца, выдающегося конструктора XX века, однако лишь немногие знают, что “самый

С. Г. Кочарянц

С. Г. Кочарянц с коллегами

секретный” в минувшие полвека человек ушел из жизни на 85-м году. У меня нет сомнений, что пройдет совсем немного времени – и его биографию будут изучать наши дети и внуки, его именем назовут улицы и школы, им будут гордиться студенты Московского энергетического института, который когда-то знал профессора Кочарянца, заведующего кафедрой».

Ничего подобного, к горькому сожалению, не происходит. В России последних десятилетий главные герои – это богачи, артисты, деятели шоу-бизнеса. К тому же – давно уже и далеко не все россияне могут увидеть или признать (даже очевидные) заслуги «инородцев».

И неважно, что это люди масштаба полководца А. В. Суворова, художника И. К. Айвазовского, государственника-реформатора М. Т. Лорис-Меликова или режиссера-новатора Е. Б. Вахтангова, военачальников И. Х. Баграмяна, С. А. Худякова, А. Х. Бабаджаняна, адмирала Флота СССР И. С. Исакова, директоров крупнейших оборонных заводов, серьезно влиявших на ход Великой

Отечественной войны, директоров крупнейших оборонных заводов А. С. Еляна и С. И. Агаджанова – с их выдающимся вкладом в Победу, ученых С. Г. Кочарянца, К. И. Щелкина, создавших ядерный щит, спасший страну в пору холодной войны, ученого Ю. Ц. Оганесяна, при жизни которого его именем назван химический элемент таблицы Менделеева, А. И. Микояна, создавшего непревзойденные боевые самолеты, композитора А. И. Хачатуряна, шахматиста Т. В. Петросяна, легкоатлета И. А. Тер-Ованесяна, кинорежиссера С. И. Параджанова, прославивших СССР в мире культуры, спорта... Беспамятство, неблагодарность к памяти людей, столь много сделавших для твоей страны и для мира, – этому нет оправдания среди цивилизованных людей.

А Армения? Армения, которая подарила миру столько ярких ученых, конструкторов, воинов, композиторов, художников – вообще деятелей науки, техники, не научилась воздавать должное своим выдающимся сыновьям и дочерям. Не научилась изучать их жизнь – с тем, чтобы на их примере создавать благоприятные системные условия для эффективного продолжения их выдающихся дел новыми поколениями, объединенными общей целью – процветания родной страны.

Подвижный ракетный комплекс
«Пионер»

**Артур Асланович
МКРТЧЯН**

Как уже говорилось, карабахское боевое освободительное движение в конце 80-х – начале 90-х годов возглавил человек сугубо мирной профессии, истинный, действенный патриот, не очень опытный, но мудрый самоотверженный политик, ученый-историк Артур Асланович Мкртчян.

Родился он в 1959 году в селе Ухтадзор Гадрутского района Нагорно-Карабахской автономной области.

В 1981 году после окончания исторического факультета Ереванского государственного университета он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Вернувшись в родные края, работая директором Гадрутского краеведческого музея, в 1988 году защитил диссертацию, став кандидатом исторических наук. В Гадруте Артур Мкртчян возглавил карабахское движение. Он и его сторонники являлись одними из основателей независимой Нагорно-Карабахской Республики, а также руководителями самообороны. Член партии «Дашнакцутюн», с января 1992-го он был председателем Верховного совета НКР. Инициатор и герой карабахского движения, Артур Мкртчян погиб 14 апреля 1992 года в Степанакерте при невыясненных до сих пор обстоятельствах.

Я знал об Артуре Мкртчяне главным образом от моей жены, Ирины Анастасовны Амирьянц. Будучи научным сотрудником

Института этнографии Академии наук СССР и заведую аспирантурой института, она исключительно высоко отзывалась об Артуре – как о молодом талантливом ученом-историке. Общаясь с ним каждодневно в институте, она с материнской гордостью и теплотой говорила о его замечательных человеческих качествах: открытости, дружелюбии, принципиальности, глубине, чистоте... И я видел, как много она для него значила, как и для его друзей-аспирантов из Армении. Всех их она опекала с материнской теплотой. И я знал, что в этом не было ничего от национальной ограниченности. Ее роль, внешне не особо заметная, была столь значительна внутренне, что естественным будет рассказать об Ирине Анастасовне чуть подробнее.

Ира всегда была интернационалистом в лучшем смысле этого понятия, причем с детства, с юности. Профессионал-арабист, она родилась в Армении, училась в школе и в университете в Узбекистане, работала в Москве. Она была естественным, генетическим интернационалистом, как и подавляющее большинство армян, разбросанных по всему миру и знающих цену притеснениям по национальному и религиозному признакам. Она искренне (равно приближенно) радовалась успехам аспирантов и сотрудников Института этнографии самых разных национальностей и готова была всегда прийти на помощь любому нуждавшемуся в ней – и в быту, и в научных исследованиях. Когда ее не стало, ее родные и близкие узнали о ней много доброго и светлого из социальных сетей. Вот лишь несколько из множества слов людей самых разных.

Анна Сирина: «11 февраля 2022 года не стало нашей дорогой аспирантской “мамы” Ирины Анастасовны Амирьянц. Мне как бывшей аспирантке ИЭА РАН посчастливилось общаться с этой замечательной женщиной – красивой, мудрой и доброй, принципиальной и честной, искренней и открытой, всегда готовой помочь...»

**Ирина Анастасовна
Амирьянц**

Ахмет Ярлыкапов: «Ушла из жизни Ирина Анастасовна Амирьянц, бывшая долгое время заведующей аспирантурой ИЭА РАН. Заведовала она ею и при мне. Помню, как она возилась буквально с каждым из нас... Второй такой Ирины Анастасовны точно не будет, нам в наши аспирантские годы сильно повезло...»

Моника Банаева: «Помню Ирину Анастасовну как очень внимательного, чуткого, трепетного человека, она относилась ко всем аспирантам по-матерински, знала проблемы каждого и старалась всегда помочь...»

Профессор Госуниверситета Тиба, Япония, Ацуси Есида: «...Я был аспирантом из Японии, учившимся в аспирантуре ИЭА в 90-е годы. Тогда у нас, иностранцев, было много сложностей и в жизни в Москве, и в учебе в Институте. Ирина Анастасовна всегда была готова оказать помощь нам. Для нас она – мать Института, совесть Института и доброта. Я был в гостях у вас в 2016 или 2017 г. вместе с Анной Сириной и Абдулгамидом. Провели очень хорошее время».

Константин Банников: «...Если бы не Ирина Анастасовна Амирьянц, то, скорее всего, не случилось бы у меня ни кандидатской, ни докторской... А скольким еще аспирантам, докторантам, стажерам была жизненно необходима ее помощь!.. Помимо своих основных служебных обязанностей, она выполняла крайне важную функцию – функцию посредника между средой обитания здравого смысла РАН и средой абсурда “рановских” бюрократических подсистем».

Академик Валерий Тишков, директор ИЭА РАН в 90-е годы: «Ирина Анастасовна. Терпимая, достойная и ответственная...»

Действительно, она была мамой всех аспирантов, независимо от их национальности. И вообще она была добрым человеком – с голодного, холодного детства. Она рано потеряла отца, вернувшегося с фронта израненным, в День Победы – 9 мая 1945 года. Вместе с мамой, старшей сестрой и младшим братом хлебнула горя. Но не озлобилась. Школьницей в Ташкенте по пути в школу приходила ежедневно к решетчатым воротам огромной стройки оперного театра, на которой работали изможденные пленные японцы, чтобы поделиться с ними своим школьным завтраком. При поступлении в университет при огромном конкурсе ей пришлось, имея золотую медаль, писать сочинение.

Так она помогла исправить кучу ошибок незнакомой «конкурентке», случайной соседке по аудитории – азербайджанке Парлак. Обе поступили и стали лучшими подругами на всю оставшуюся жизнь. Ира, как и я, очень по-доброму относилась к моему молодому коллеге по работе азербайджанцу Октаю Мамедову, и он неизменно отвечал нам благодарным добром. Подругами Иры, помимо Парлак, рано ушедшей из жизни, были узбечка, татарка, русская, еврейка...

Но Ира была армянкой. Востоковед, главный редактор главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (в 1964–1967 годах), старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, она как ученый исследовала в основном историю и этнографию арабов, в частности арабов Ирака, среднеазиатских арабов. Но профессионально она занималась также научным исследованием жизни, истории, культуры, традиций армян – Средней Азии, Москвы, Арцаха. Примером для нее и в науке, и в жизни был ее дядя – известный советский ученый, литературовед, фольклорист, востоковед, академик АН АрмССР Карапет Агабекович Мелик-Оганджян. С 1937 по 1944 год он был репрессирован, находился в заключении, но остался светлым, позитивным человеком.

Многое доброе в Ире было заложено детством. Приведу короткий отрывок об этом из моей недавно вышедшей книги «Прогулки по крылу».

Жила-была темноволосая девочка с большими глазами, наполненными слезами. Только что закончилась война. Отец вернулся домой, в Армению, израненным, чтобы умереть в радостный для всех день – 9 мая 1945 года. Мать, убитая горем, с тремя детьми на руках подалась в более теплую и сытную, казалось, Среднюю Азию, в Узбекистан, давно уже, еще после турецкой резни, ставший родным домом для сотен тысяч беженцев из этих краев. Дед девочки осел здесь еще до революции, стал богатым купцом на юге Российской империи, немало сделавшим для превращения захолустного городка в Ферганской долине в процветающий, наполовину европейский город, с прекрасно оборудованными школами, банками, телеграфом, армянской церковью... Пришла революция, и в одну ночь басмачи порушили

благополучие, созданное годами труда. Слава богу, семья, заранее предупрежденная о предстоявшем погроме благодарными за добро и ставшими родными соседями-узбеками, сумела уехать в более спокойный Ташкент. Купец первой гильдии, которого принимал русский царь и лучшие европейские дома, стал вскоре таким же бедняком, каких рядом было великое множество. Но он не потерялся: мудрый человек, он сохранил не только достоинство, но и благодарность судьбе за то, что дети и внуки остались живы, получили образование и жили – кто рядом, а кто далеко – скромной трудовой мирной жизнью. И вот – война, вот одна из его дочерей с детьми, потерявшими отца, возвратилась в отчий дом... Сказать, что и здесь, в некогда райском уголке, в войну и первые послевоенные годы было трудно, – ничего не сказать: жили голодно, одевались в тряпье, хоть и не все.

Любимицей деда стала говорунья – наша девочка... Однажды ее учительница, которая не очень любила бедных и очень почитала богатых, способных что-то поднести, объявила малышам, что к Новому году надо приготовить наряды для елки. Ласковую, плохо говорившую по-русски девочку с грустными глазами опекала, воспитывала и подкармливала в отсутствие много работавшей матери одинокая русская соседка тетя Стэлла, у которой на фронте погиб единственный сын. Увидев «свою» девочку, прибежавшую из школы зареванной, она выпытала, в чем дело: «Все будут в нарядах, а я...» – «Не плачь! Будет тебе самое нарядное платье – Снегурочки!» И действительно, за ночь тетя Стэлла, такая родная, такая строгая и ласковая одновременно, сшила неизвестно из чего королевское платьице. В школу девочку провожал весь двор, и она летела – вместе с платьем на бережно вытянутой руке.

«Ну какая же ты Снегурочка?» – насмешливо спросила её учительница, обращаясь скорее к классу, нежели к ней. «Можно тогда я буду снежинкой?» – сгорая от стыда, сжалась в ожидании девочка. Учительница рассмеялась, и девочка пулей вылетела из притихшего класса. Слезы на ее лице то ли высохли, то ли замерзли, когда она вошла в свой большой дружный двор. Тетя Стэлла первой увидела свою поникшую девочку с платьем в руке без варежки. Добрейшая, деликатная тетя Стэлла учинила в школе такой скандал, от которого тряслись каменные стены.

Отомстила учительница нескоро, но жестко и жестоко. К другому празднику – Первомаю – она подготовила утренник, посвященный дружбе народов. Опять были разные костюмы и много стихов: Тараса Шевченко, Алишера Навои, Джамбула... Тетя Стэлла гордо называла свою девочку артисткой (за то, что она так любила лицедейство и благодарных дворовых зрителей), потому со всей энергией взялась за новый и необычный костюм... Учительница сказала девочке: «Ты будешь чукчей», и та обрадованно согласилась. Тетя Стэлла превзошла себя, и в назначенный, очень жаркий, день на сцене школьного праздника в валенках, шубке и ушанке появилась настоящая красавица-чукча. Стояла жуткая жара. «Чукча», обливаясь потом, декламировала стихи о радостном детстве, а учительница вместе с душным залом... заливалась смехом.... Бедная тетя Стэлла, еще не раз бывало, что она страдала больше своей столь чуткой и ранимой девочки. Но время шло. Девочка подрастала, одна в классе получила золотую медаль, стала ученым-востоковедом и всегда заботилась о своей второй маме, пока не вышла замуж за московского ученого, вынужденно оставив на время и маму, и тетю Стэллу... Вскоре тетя Стэлла умерла...

А теперь – другая, похожая и совсем иная история – о черноволосом мальчике, том самом ученом, за которого вышла замуж наша девочка... Надо же было так случиться, что родился наш мальчик в том самом узбекском городке Коканде, где жил когда-то дед девочки. Родился мальчик в скромной семье. Его отец, простой слесарь, научился грамоте только на фронте, чтобы писать письма домой. Когда началась война, в некогда благополучном городке все изменилось, стало очень голодно и холодно. Отец ушел на фронт, двадцатипятилетняя мать осталась с четырьмя малыми детьми на руках. К замечательным соседям, издавна и необыкновенно дружно жившим на небольшой улочке со звонким названием Полярная, – узбекам, татарам, русским, армянам, добавились эвакуированные, в основном евреи, вынужденные покинуть родные места на Украине и в Белоруссии... Жили действительно по-братски: делились, уважали традиции, культуру, язык, религии друг друга, как уважали появившихся позже «спецпереселенцев» – греков, крымских татар... Кто, как не дети, чувствующие и малейшую несправедливость,

обиду, видели, что в любом соседском дворе не делалось разницы между своими детьми и чужими. Почти все жили впроголодь. Когда кто-то из ребят выходил на улицу с корочкой хлеба, натертой чесноком и посыпанной крупной солью, налетали все: «Дай мало! Дай мало!» По неписаному кодексу чести себе оставлялась малая часть, остальное раздавалось друзьям – товарищам и подружкам. Почти у всех отцы были на фронте, и у матерей главной была одна забота: как накормить детей.

Настоящее братство было не только у людей разных национальностей. Чистая, ровная дружба была у мальчишек с девочками. Потребовалось, впрочем, совсем немного времени, и наш мальчик ощутил, что в девочках, особенно в одной, с которой недавно мог и подраться, есть что-то непередаваемое... Как же хотелось обратить на себя ее внимание! У мальчика не было брюк, в которых даже в жаркое-жаркое лето ходили взрослые. Однажды, откопав в чулане огромные отцовские охотничьи ватные брюки (других не нашлось), сумев их как-то надеть, закатав брючины, мальчик гордо вышел на улицу. Казалось, он был неотразим. Но взрослые почему-то хохотали, а та, ради которой он нарядился, на улицу так и не вышла...

У мальчика была своя «вторая» мама, добрая, милая соседская тетя Шура. Она была русской, а ее муж – армянин; пожилого, его не взяли на фронт, и он заведовал продовольственным складом. Они жили мирно, сытно, но у них не было детей. Мальчик стал как бы их ребенком. Он учился во вторую смену, и перед уходом в школу тетя Шура старалась хорошо накормить его. В летнюю жару это происходило обычно в прохладном сарае... Для аппетита, потерянного худющим мальчиком во время голодухи, тетя Шура перед едой давала ему обязательную рюмочку самогона. В школу он шел через старое узбекское кладбище. По дороге напевал песенку, а приходя в школу, на уроках благополучно засыпал. Тетя Шура, бывало, спрашивала его: «А ты будешь кормить меня, когда я стану старенькой?» «Конечно, – отвечал мальчик. – Только не в сарае!..»

Тетя Стэлла успела увидеть хоть какое-то добро от своей взрослой уже девочки, которую любила, как и прежде. А тетя Шура, как и ее муж, умерла рано. Став взрослым, мальчик, которого не покидало чувство вины перед ними, захотел найти

их могилы в некогда родных краях. В некогда – потому что когда ослабли узы дружбы при Горбачеве и тем более когда Узбекистан обрел независимость при Ельцине, первое, что постарались сделать местные «поводыри» (но не народ), – это по возможности быстрее избавиться от инородцев и от людей, которые говорят по-русски. Многоликие города, в которых когда-то, совсем еще недавно, было полно людей разных национальностей, людей взаимообогащавших друг друга, людей, знавших цену русскому языку, русской литературе, русским учебникам в школах и вузах, – сегодня все более и более становятся одноцветными и чисто узбекскими. Умные и наиболее дальновидные узбеки давно поняли, какая это беда, но корни «русского присутствия» порублены и отравлены – надолго. (Актер Александр Абдулов, выросший в Фергане, побывал там незадолго до своей смерти и назвал некогда родной город чужим – это горькое и точное слово.)

Старое «русское» кладбище, на котором, возможно, была похоронена тетя Шура, оказалось почти в центре города, и власти решили закрыть его, разбив на его месте сквер с фонтаном. Кто-то, но далеко не все, имел возможность перенести прах родных и их памятники на новое, голое и каменистое кладбище за городом. После объявленного срока бульдозеры привели освободившуюся «площадь» в порядок, и теперь на дорожках, уложенных бетонными плитками, резвятся дети одной национальности, наверное, и не подозревающие того, что под ногами покоится прах тех, кто когда-то принес в бедный, отсталый край первые плоды просвещения...

Наверное, можно было поступить иначе. Коллега Ирины Анастасовны по Институту этнографии РАН азербайджанка Марина Керимова (племянница одного из основателей советской космической программы генерала К. А.-А. Керимова) написала большой научный труд по истории этнографии и подарила его Ире. Я ей благодарен за другой ценный подарок – книгу воспоминаний генерала. Нас связывала многолетняя, органичная дружба... Примеры подобной дружбы, каких немало, могли бы послужить просветлению сознания и высказываний о соседях таких неблагодарных политических деятелей, как И. Г. Алиев, Г. Д. Джемаль...

*Дорогой
Ирине
Анастасовне с
любовью и
глубочайшей признательностью
М. Керимова*

Геннадий Ашотович
с женой Ириной Анастасовной

Как-то по телевидению выступал популярный писатель-юморист, без ложной скромности представлявшийся «дежурным по стране». В предвкушении очередной порции аплодисментов за удачную шутку он сказал примерно так: «Стоило разомкнуть объятия, как страна наша развалилась...» Развал могучей страны – никак не повод для шуток. При ее распаде разделенными оказались не только живые, но и мертвые. Мудрый памятник жертвам трагедии, которую мог предотвратить, но не предотвратил Горбачев, памятник жертвам «духовного Чернобыля», установлен на армянском кладбище Москвы. Он называется памятник покинутым могилам... Вот к этому памятнику и ходят седовласые Ирина Анастасовна и Геннадий Ашотович Амирьянцы, о которых эта история, – чтобы помянуть своих родных, свою тетю Стэллу и свою тетю Шуру.

Значителен был вклад Ирины Анастасовны Амирьянц в фундаментальный труд ее старшей и ближайшей подруги, выдающегося ученого-арменоведа Аллы Ервандовны

Тер-Саркисянц «Армяне Нагорного Карабаха». Это всегда отмечала и Алла Ервандовна.

Об Алле Ервандовне Тер-Саркисянц также надо благодарно сказать особо. Она родилась в 1937 году в Москве. После окончания исторического факультета МГУ в 1959 году и до конца своей жизни (в 2019 году) она работала в Институте этнологии и антропологии РАН. Специализируясь в области арменистики, она опубликовала ряд фундаментальных монографий: «Армяне. История и этнокультурные традиции» (1998); «История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX века» (2005); «Армяне Нагорного Карабаха. История. Культура. Традиции» (2015); «Армяне России и сопредельных стран» (2019).

В почти тысячестраничном фолианте о Нагорном Карабахе, изданном в Москве в издательстве «Русская панорама», лишь список источников и литературы составил 55 страниц! Это ли не свидетельство не только глубины исследования доктора исторических наук А. Е. Тер-Саркисянц, но также еще одно свидетельство уходящей вглубь веков истории армян Арцаха. Тех самых армян, которых в Азербайджане ждала жалкая судьба, с чем не могли смириться истинные патриоты. Алла Ервандовна и Ирина Анастасовна, регулярно участвовавшие в научных командировках в Арцах, были для молодых патриотов примером служения своему народу по мере своих сил. При этом они были образцом уважительного отношения ко всем народам.

Среди «бумаг» Ирины Анастасовны Амирьянц уже после ее ухода из жизни я нашел ряд интересных документов периода перед распадом Советского Союза, касавшихся положения в Армении и главным образом в Арцахе. Они с очевидностью свидетельствовали о том, что взрывоопасное состояние общества в условиях открывшейся «гласности» с неотвратимостью вело к разворачиванию карабахского движения за объединение с матерью-Родиной Арменией – «Миацум».

Алла Ервандовна
Тер-Саркисянц

Особенно интересной была «Записка в ЦК КПСС о Нагорно-Карабахской автономной области». Мне неизвестно, кем она была написана и кому направлена, тем более что слова об адресате этой записки оказались зачеркнутыми. Но приведенный ниже текст записки представляется мне объективным свидетельством (и моим личным убеждением в том) явного неблагополучия в национальной политике в СССР:

«Вот уже почти семьдесят лет вопрос о Нагорном Карабахе тревожит всю армянскую и азербайджанскую общественность. Он неоднократно ставился для обсуждения перед ЦК КПСС и Верховным Советом СССР, однако всякий раз в прошлом можно было слышать демагогические доводы о том, что якобы, если мы посправедливому решим вопрос армянской земли, названной в Конституции СССР Нагорно-Карабахской автономной областью, то тем самым, глядишь, создадим нежелательный прецедент: в стране, мол, имеются и другие нерешенные территориальные споры.

Дело в том, что в нашей стране просто нет другого такого примера, другого аналога: рядом с Армянской Советской Социалистической Республикой находятся два армянских автономных деления: Нахичеванская АССР и Нагорно-Карабахская автономная область. Находятся административно в другой республике, вызывая тем самым на протяжении десятилетий скрытые и открытые распри между двумя соседними народами. Надо отдать должное и трудовому азербайджанскому народу, который сознает, что из-за нарушения исторической справедливости на глазах нынешнего поколения ломаются вековые традиции дружбы между двумя народами.

А о том, что действительно нарушена историческая справедливость, знают не только сами ученые-историки, но и народы, которые никогда ничего не забывают. Народы наши хорошо знают, что Арцах-Хачен-Карабах и Нахиджеван-Нахчаван – это две армянские области, с древнейших времен известные в истории своей заметной ролью в политической и культурной жизни Армении. Знаменитый греческий историк-географ Страбон (I в. до н. э. – I в. н. э.), описывая страну Великую Армению, в которой, по его свидетельству, все население говорило на армянском языке, эти области показывает как глубинные. По свидетельству Страбона, Карабах (древнее название Орхистина, Арцах, Хачен)

всегда выставлал самую боеспособную конницу среди всех областей Великой Армении.

Иосиф Флавий (вторая половина I в. н. э.) считается первым географом, который попытался лингвистически объяснить топоним Нахиджеван-Нахчаван: армяне свою эту область и одноименный город считают первым пристанищем Ноя («Нах» по-армянски означает «первый», «прежде», а «Иджеван» – «пристанище», «стоянка». Во всем средневековье эти области сохранили свою этническую и культурную целостность, а Карабах – еще и политическую самостоятельность. Достаточно сказать, что в V веке, после потери централизованного государства Армении, в Карабахе было создано армянское царство со своими полноценными государственными институтами. Сохранилась «Каноническая Конституция», принятая первым венценосцем этого царства Вачаганом Благочестивым. Наследники Вачагана свято хранили национальные и государственные традиции. Неслучайно, что в X веке Византийский двор в своем регистре государственных образований, с которыми имел регулярную письменную связь, одно из почетных мест отдавал «Князю Хачена, Армения» (Константин Порфиродатный. «О церемониях Византийского двора», кн. II, гл. 48 «Армения»). А в самое мрачное для Армении время, после сельджукских разорений, в годы татаро-монгольского владычества, персидский историк свидетельствовал, что «Хачен – область труднодоступная среди гор и лесов, там живут армяне и имеют своего царя, которого называют таговор». (Миклухо-Маклай Н. Д. «Географическое сочинение XIII в.» на персидском языке, Ленинград, 1954, стр. 204.)

В Карабахе боевой дух, политическая и этническая самостоятельность были сохранены и в последующих веках. Знаменательно, что именно здесь и в соседнем Сюнике-Зангезуре выстояли и выжили последние осколки древней армянской государственности в виде меликств – провинциальных княжеств. Эти меликства начиная с XVI–XVII вв. вели освободительную борьбу против Турецкой и Персидской деспотий. Именно здесь возникла и в дальнейшем стала всеармянской русская ориентация. Еще в XII веке Григор Тутеворди своим соотечественникам дал наказ: никогда не отчаиваться и для духовной помощи обращаться «к величественной церкви русской» (журнал «Арапат», 1983, стр. 349).

В Карабахе возник и претворился в жизнь план регулярных сношений армянского народа с Русским двором. Первое письмо, отправленное царю Алексею Михайловичу с просьбой покровительствовать всему армянскому народу, было написано в Карабахе, в знаменитом Гандзасарском монастыре, патриархом Петросом Гишеци. Именно в Гандзасаре собирались мелики и духовные отцы Армении и наметили программу освободительной борьбы. Это в ответ на их неоднократные просьбы о помощи и покровительстве Петр I написал: "...Понеже мы одной веры Армянский народ в особливую Нашу Императорскую милость и протекцию приняли". Ноября 10 дня 1724 г. Петр. ("Сношения Петра Великого с Армянским народом". Санкт-Петербург, 1898, стр. 1).

В шестидесятых годах XVIII века, пользуясь временными междоусобными распрями армянских меликов в Карабахе, кочевники племени Сарынджалы во главе с их вождем Панахом обосновались в древней армянской крепости Шуши. Панах представлял Персидскую деспотию, титуловался даже ханом. А в восьмидесятых годах ханом-наместником Персии в Шуши был назначен Ибрагим – сын Панаха.

6 апреля 1783 года князь Григорий Потемкин дал следующее письменное распоряжение командиру Южно-российских войск генералу И. С. Потемкину: "Шушинского хана Ибрагима свергнуть должно, ибо после сего Карабаха составит армянскую независимую кроме России никому область. Вы тут употребите все старание, чтоб новая сия область устроилась наивыгоднейшим образом для народа. Через сие и прочие сильные армянские провинции или последуют их примеру, или небольшим числом приходить будут в Карабах». ("Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия". Ереван, 1947, стр. 236, документ № 22).

Создание армянского (христианского) государства с центром в Карабахе являлось одной из главных целей в южных стратегических планах России. Об этом свидетельствует и доклад Гр. Потемкина императрице Екатерине II от 19 мая 1783 года: "Не имея еще повеления Вашего императорского величества, я дал резолюцию генералу-поручику Потемкину об Ибрагим-хане Шушинском, сближающую его к повиновению. Тут предложит рассмотрению, чтоб при удобном случае область его, которая

составлена из народов армянских, дать в правление национальному и через то возобновить в Азии христианское государство, сходственно высочайшим вашего императорского величества обещаниями, данным через меня армянским меликам». (Там же, документ № 24).

Карабахское войско героически воевало вместе с русскими, освободившими Кавказ и Закавказье. Генералы Мадатов, Бебутов и многие другие, выходцы из Карабаха, прославились в совместных битвах. Русское командование всегда относилось к Карабахскому войску с выраженным уважением как к отборному войсковому соединению. С одним из карабахских полков встретился на пути в Эрзрум А. С. Пушкин на русско-турецком фронте. Турки оказывали ожесточенное сопротивление. В бой бросились отчаянные соединения, и "через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осьмью турецкими знаменами... Осман-паша, начальствовавший (турецкой) конницей, едва успел спастись" (А. С. Пушкин, ПСС. Т. 4. М., 1954, стр. 375).

После присоединения Восточной Армении к России политический, культурный, а впоследствии и революционный центр Армении еще больше укрепился в Карабахе. До революции в Карабахе проживало 96 процентов армян. В центре области Шуши находились армянские школы, семинарии, театры. Многие шушинцы были в составе Бакинской коммуны. Шуши дал выдающихся революционеров-ленинцев. 30 ноября 1920 года, как только поступило сообщение о провозглашении советской власти в Армении, естественно встал вопрос о судьбе исторических армянских областей. И тотчас же состоялось совместное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК Аз. КП(б), присутствовали Орджоникидзе, Стасова, Нариманов, Каминский, Саркис, Егоров, Гусейнов, Касумов, Караев, Серебровский, на котором было принято постановление поручить Нариманову составить декларацию о том, что между Советским Азербайджаном и Советской Арменией больше не существует пограничных споров, что Зангезур и Нахичеван отходят к Армении, а Нагорному Карабаху предоставляется полное право самоопределения. (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 2, л. 506-51).

1 декабря 1920 года на торжественном заседании Бакинского совета, посвященном установлению советской власти

в Армении, Н. Нариманов провозгласил эту же декларацию, в которой говорилось, что “отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов – армян и мусульман; территории Зангезурского и Нахичеванского уездов являются нераздельной частью Советской Армении, а трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения...” (“Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти в Армении”, сб. документов, Ереван, 1957, стр. 21).

Однако, как выяснилось впоследствии, об этом решении было заранее информировано турецкое командование, находящееся в южном Закавказье. Не случайно именно 30 ноября, то есть в день совместного заседания ЦК Аз. КП(б), турецкие оккупационные части начали разгром в Нахичеванском уезде. Чрезвычайный уполномоченный Советской России в Армении Б. Легран телеграфировал в тот день в Москву: “Воспользовавшись временным отводом наших частей из Нахичеванского округа и отъездом Азербайджанского комиссара Велибекова из Нахичевана, представитель турккомандования в Нахичеване Бейсах Бей ... провозгласил себя временным комиссаром до прибытия такового из Турции, захватил своими отрядами пограничные с Арменией пункты до Норашена включительно”. (ЦПА ИМЛ, 64, оп. 2, ед. хр. П. 1. 281).

Вмешательство Турции во внутренние дела Советской России обуславливалось антирусской политикой западных держав. В договоре, например, между Россией и Турцией, подписанном 16 марта 1921 года, несмотря на то что в самом начале были провозглашены “принципы братства наций и права народов на самоопределение”, по настоятельному требованию турецкой стороны Нахичеванский уезд был отторгнут от одной советской республики – Армении и передан другой советской республике – Азербайджану. (Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1952, стр. 598/599).

Правда, ни Азербайджан, ни Турция не имели непосредственной границы с Нахичеванской автономной республикой. Тогда же, по настоянию западных держав, придавших этому региону большое стратегическое значение, Турция приобрела у Ирана 17-километровую узкую полосу приграничной террито-

рии, уступив ему взамен на Востоке в три раза большие земли. (См. современные географические карты.)

Казалось, хотя бы Нагорный Карабах останется в составе Советской Армении, у которой не было почти ни пяди плодородной земли: двадцать девять тысяч каменистых и солончаковых пустырей, расположенных высоко в горах (средняя высота республики 1800 метров). Таким тяжелым положением Армянской ССР были обеспокоены большевики. И 3 июня 1921 года Кавбюро (Орджоникидзе, Махарадзе, Нариманов, Мясникян и др.) поручило правительству Армянской ССР указать в своей декларации о придании Нагорного Карабаха Армении (ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, ед. хр. 1, л. 77). В соответствии с этим Постановлением 12 июня было подписано заявление о том, что “на основании соглашения с Азербайджанской ССР Нагорный Карабах составляет неотъемлемую часть ССР Армении”. (“Хорурдаин Айастан”, 19 июня 1921 г., “Бакинский рабочий” от 22 июня 1921 г.).

С. Орджоникидзе поручил чрезвычайному уполномоченному Армянской ССР в Нагорном Карабахе А. Мравяну и предревкома А. Караеву выехать из Тбилиси в Карабах и оформить передачу Карабахской армянской области Армянской ССР. Однако на этот раз дело не было доведено до конца.

Да и не мог решить этот вопрос А. Караев, который еще накануне писал своим доверенным лицам: “...В богатых войсками известных вам местах с целью ослабления армян убейте одного русского воина и обвините в этом армян. Знаете, что сделают русские?! Не оставляйте ни одного порядочного человека, ни богатства, чтобы это проклятое племя не могло подняться на ноги!” (ЦПА ИМЛ, ф. 64, опись I. д. 10, д. 8).

Турция считала, что через договор с Россией ей удалось отторгнуть Нахичеван, а вот что касается Нагорного Карабаха, занимавшего важное стратегическое положение в исламском мире, тут надо руководству Азербайджана пойти на любые ухищрения, чтобы область эту не отдавать ее законным хозяевам. И руководство Азербайджана отказалось выполнить партийно-правительственное решение, ссылаясь на то, что Нагорный Карабах якобы “тяготеет к Азербайджану”. Узнав об этом, Киров и Орджоникидзе дали из Тифлиса в Баку телеграмму, в которой подчеркивалось, что “ни одно армянское село не должно быть

присоединено к Азербайджану” (ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 18, ед. хр. 229, л. 1-2).

Было решено вопрос о Нагорном Карабахе перенести в Москву в ЦК РКП(б) (ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, ед. хр. 1, л. П7-П8). Однако на следующий день, 5 июня 1921 года, И. Сталин добивается того, чтобы вопрос о Карабахе не перенести в Москву, и на заседании Кавбюро принимает волевое решение, явно противоречащее сути и смыслу ленинской национальной политики: “Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Аз. ССР, предоставив ему широкую областную автономию...” (ЦПА ИМЛ ф. 64, оп. 2, ед. хр. 1, л. 121).

Естественно, впоследствии уже невозможно было справедливо решить вопрос Карабаха из-за Сталина. Тысячи и тысячи армян были репрессированы только потому, что они осмеливались заявлять, что самый факт нахождения армянской автономной области не в составе Армянской Социалистической Республики – явное нарушение ленинской национальной политики.

Несмотря на репрессии, вопрос Карабаха ставился всегда, особенно если учесть, что руководители Азербайджана создавали невыносимые условия для жизни в этой области. Им удалось довольно быстро выселить почти все армянское население из Нахичеванской АССР, где сейчас осталось всего два процента (из семидесяти) армян.

И теперь упорно и упрямо взялись за настоящий геноцид в древней Армянской области. С этой целью в каждом населенном пункте Нагорного Карабаха заселяют азербайджанские семьи, в которые регулярно заглядывают странствующие муллы, которые призывают именем Аллаха рожать как можно больше детей.

В 1966 году в Москву было отправлено послание армянского населения. 45 тысяч человек, подписавших послание, просили восстановить историческую справедливость и присоединить историческую армянскую область к Армянской ССР.

Проблема Карабаха обостряется с каждым годом. 80 процентов армянского населения не имеет даже возможности смотреть передачи армянского телевидения. Нет даже, как это было на заре советской власти, уполномоченного от Советской Арме-

нии в Армянской автономной области. Даже художественную литературу и учебники, которые на армянском языке печатаются только в Армении, невозможно прямым путем доставлять в Нагорный Карабах, где имеется более 180 армянских школ. Закрыли армянский педагогический институт в Баку и перевели в столицу Нагорного Карабаха Степанакерт, но при этом открыли там азербайджанский факультет, который сегодня уже превалирует над армянским. Практически невозможно на государственном уровне ереванским выпускникам вузов, выходцам из Карабаха, вернуться к себе на родину, потому что в плановом порядке всех специалистов для Нагорного Карабаха распределяет только и только Баку.

Нельзя не сказать и о том, что проблема Карабаха, о которой хорошо знают за рубежом, особенно в трехмиллионной армянской диаспоре, продолжает дискредитировать нашу национальную политику. О ней написаны сотни статей, брошюр, книг. Канадская газета “Горизон” опубликовала поименно список имен двадцати одного карабахца – Героев Советского Союза, двадцать из которых являются армянами. Бейрутская газета “Зартонк” опубликовала список карабахских маршалов, генералов, академиков армянского происхождения. Лос-Анджелесская “Аспарез” опубликовала статью, в которой подчеркивалось, что если Советский Союз не хочет по-справедливому решить такой чисто внутренний вопрос как карабахский, то разве можно поверить, что он по-справедливому может решить внешние национальные вопросы.

В адрес XXVII съезда КПСС поступило письмо, которое подписали десятки тысяч человек. В 1977 году, когда обсуждался проект Конституции СССР, в Москву было отправлено такое количество писем о Карабахе, что Президиум Совета министров СССР вынужден был в сборнике “Примечания и замечания трудящихся” поместить специальную запись: “Вследствие ряда исторических обстоятельств несколько десятилетий назад Нагорный Карабах искусственно был присоединен к Азербайджану. При этом не были учтены исторические прошлое, его национальный состав, экономические интересы, желание народа. Прошли десятилетия, а вопрос Карабаха продолжает склоняться, вызывать беспокойство и моменты недоброжелательности между двумя

соседними народами... Надо присоединить Карабах (Арцах по-армянски) к Армянской ССР. Тогда все станет на свои законные места". (Президиум Совета министров СССР, протокол заседания № 61 от 23 ноября 1977 года.)

Часто можно слышать о том, что справедливому решению вопроса армянских исторических областей мешает вышеназванный договор "между Россией и Турцией" (от 21 марта 1921 года), в котором оговариваются якобы территориальные споры в пользу Азербайджана. Опустим то, что Турция, по идее, ничего общего не должна иметь с Азербайджаном. Поговорим о самом договоре, который СССР, верный своим принципам, всегда строго соблюдает. В нем действительно говорится о Нахичеване, однако стоит заглянуть в текст договора, чтобы убедиться, что ни в одной из его статей не упоминается ни единым словом Карабах.

Таким образом, решение вопроса о Нагорном Карабахе не имеет никакой связи с Турцией, которая на территории исторической Армении, принадлежащей еще недавно России (Эрзурум, Арарат, Карс, Ардаган и др.), сегодня установила десятки американских военных баз. Решение, по-справедливому, вопроса о судьбе армянской области необходимо также и азербайджанскому народу. Ведь сама овестьвленная несправедливость наносит вред дружбе обоих народов. По сути дела, произошло закрепление национализма времен мусаватистов. А великий Ленин строго предупреждал: "Никакого закрепления национализма пролетариат поддержать не может... Мы хотим добровольного союза наций – такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой..."»

Как видим, в концентрированной, спокойной и убедительной форме, очень важной и сегодня, дана отповедь всем тем, кто неосознанно, по незнанию, но, главным образом, – также тем, кто это делает сознательно, фальсифицируя историю, провозглашает, что Карабах – это Азербайджан. На какие только уловки не идут фальсификаторы в Азербайджане и их временные друзья, чтобы затмить правду, чтобы присвоить себе чужие достижения, чужие добрые и славные имена.

Это особенно широко и особенно нагло делается в наши дни в Азербайджане. При этом со спокойной совестью даже люди с учеными званиями, настойчиво продвигающие миф о неармян-

ских, но неких «албанских корнях» Карабаха, закрывают глаза на научно доказанные факты, на факты, о которых говорят и пишут не только армянские ученые.

Среди документов Ирины Анастасовны Амирьянц я нашел, к примеру, письмо академику АН Арм. ССР Б. Н. Аракеляну, академику АН Арм. ССР Г. Х. Саркисяну, члену-корреспонденту АН Арм. ССР С. С. Аревшатыану от заместителя директора Института истории СССР АН СССР А. Н. Сахарова. Это – один из немногих, редких, официальных откликов на многочисленные обращения к власти предержащим, особенно после смерти Сталина, как основного руководителя, из-за которого произошла очевидная несправедливость. И это – отклик на обращение армянских ученых к последнему советскому руководителю М. С. Горбачеву, на совести которого (в значительной мере вследствие его пассивности и бездействия) стали трагические события не только в Сумгаите и Баку, не только в Карабахе, но в конечном итоге – в Советском Союзе.

Известный политик и специалист-ученый в области межнациональных отношений, коллега А. Е. Тер-Саркисянц и И. А. Амирьянц по Институту этнографии АН СССР, Галина Старовойтова считала: «У Горбачева нет моральных ориентиров, чаще всего он делает ошибки не по какому-то злему умыслу, а потому, что он искренне не знает, что хорошо и что плохо». Но есть и такие суждения, что Горбачев злонамеренно знал, что делал. Об этом свидетельствует весьма теплый прием, оказанный в Турции бывшему руководителю СССР во время его визита в Турцию.

Советский физик и общественный деятель Андрей Дмитриевич Сахаров в марте 1988 года направил М. С. Горбачеву открытое письмо, в котором призывал решить карабахский вопрос и защитить армянское население Арцаха: «Я решил обратиться к Вам по двум наиболее острым в настоящее время национальным вопросам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении. В каждом из этих случаев речь идет об исправлении несправедливости в отношении к одному из народов нашей страны. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 г. В настоящее время примерно 75% населения составляют армяне, остальные – курды, русские, азербайджанцы.

В 1923 году доля армян была еще выше – до 90%. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. <...> В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля на сессии областного Совета депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, СССР о передаче области в состав Армянской ССР. <...> Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органов советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам. Одновременно появились сообщения в прессе и по телевидению, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими, и заранее как бы предопределялся негативный ответ».

Создавая видимость своей объективности, Горбачев направил текст обращения к нему упомянутых выше армянских ученых в Институт истории СССР. И вот – реакция на это обращение одного из руководителей Института в следующем письме от 23 июня 1987 года:

«Институту истории СССР АН СССР поручено высказать мнение относительно Вашего письма тов. М. С. Горбачеву по поводу книги Ф. Д. Мамедовой “Политическая история и историческая география Кавказской Албании” (Баку. 1986), которая защищена ею как докторская диссертация в апреле с. г. в Баку.

Ф. Мамедова в вышеупомянутой книге поставила своей задачей изучить все аспекты средневековой истории Кавказской Албании, однако цель и средства ее достижения пришли в определенное противоречие, так как автор берется за сюжеты, которые знает весьма поверхностно.

Прежде всего ею не учтены достаточно хорошо изученные факты, позволяющие подавляющему большинству советских востоковедов (К. В. Тревер, С. Т. Еремян, А. П. Новосельцев и др.) утверждать, что единой албанской народности не существовало. Часть населения правобережья уже по крайней мере к V в. была арменизирована, другая же часть говорила, как показано в книге А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина “Пути развития феодализма” (М., 1972), на разных языках. Название “албанцы” было собирательным для этого населения. Потомки некото-

рых албанских племен левобережья: удины, хиналукцы и др. до сих пор живут в Азербайджане и Грузии. В книге трех видных советских историков отмечается, что инфильтрация тюркского этнического элемента в Закавказье была до XI в. незначительна.

Со времени образования албанского марзпанства в V в. термин “албанцы” становится не этнонимом, а политонимом, обозначая жителя этого марзпанства, подчиняющегося юрисдикции албанской церкви.

Игнорирование этих известных специалистам фактов заставляет Ф. Мамедову распространять заключения, сделанные ею для левобережья р. Куры, на правобережье, что приводит ее к досадным ошибкам. Алфавит, который изобрел Месроп Маштоц для албанцев (до 428 г.), очевидно, предназначался для какого-то одного из албанских племен. Однако никаких письменных памятников на албанском языке до нас не дошло (хотя из источников известно, что они были). А культурная среда правобережья р. Куры XI–XII вв. была армянской, и произведения, выходившие из этой среды, были написаны на армянском языке. Само понятие “Албания” становится историко-географическим.

Но вместо этих реальных фактов в книге Ф. Мамедовой появляется мифическая Кавказская Албания (XI–XIII вв.) с ее культурой. В действительности эта культура была не албанской, а армянской и носителями ее были армяне правобережья р. Куры. Поэтому столь нелепой выглядит попытка вписать в “албанскую” культуру крупнейшего деятеля армянской культуры, писателя, богослова и юриста Мхитара Гоша, автора “Судебника”, равно как и его учеников. Один из видных армянских историографов автор “Истории Армении” Киракос Гандзакечи, как и другие представители армянской культуры XI–XIII вв., также совершенно неоправданно именуется Ф. Мамедовой “албанцами”. Разумеется, армяне не являлись в XI–XIII вв. единственными обитателями западной части Азербайджанской ССР. Там жили и другие потомки “албанцев”, которые именно с XI в. начали тюркизироваться и являются предками азербайджанцев. Но, к сожалению, литературных памятников эта часть жителей Арана не оставила.

В книге Ф. Мамедовой немало и других ошибок: она отрывает Нахчаван и Гохтн от Васпуракана и передает эти гавары Сюнику, сам же Сюник отрывает от Армении и передает Албании.

Анализ многочисленных источников, а также специальной литературы показывает, однако, что Сюник-Сисакан – девятая провинция раннесредневековой Армении, согласно “Ашхарацуй-цу” (“Армянской географии VII в.”), имела армянское население. От Корюна (армянский автор середины V в.) до Степаноса Орбеляна (XIII в.) источники полны сведений об армянском этносе Сюника.

Уроженцами Сюника были знаменитые армянские богословы и философы (среди них ученик создателя армянского алфавита Месропа Маштоца Анания-толкователь), поэты и музыканты (например, Степанос Сюнеци, чьи гимны исполнялись в армянских храмах), историки (Петрос Сюнеци – ученик “отца армянской историографии” Мовсеса Хоренаци) и др. Армянские ученые, переводчики, богословы учились в школах Сюника. В XIII–XV вв. в Сюнике действовали знаменитые армянские средневековые университеты в Гладзоре и Татеве.

Стремление Ф. Мамедовой неправомерно трактовать культурное наследие армянского народа, конструирование несуществующей албанской культуры XI–XIII вв. заставляет весьма

Музей университета,
основанного в 1282 г. в Гладзоре

критически оценить ее книгу, которая не способствует взаимному пониманию между историками и общественностью двух закавказских республик – Армении и Азербайджана.

Заместитель директора Института истории СССР АН СССР А. Н. Сахаров».

К горькому сожалению, варварство в Азербайджане коснулось не только людей – жителей Сумгаита, Баку. Так же, как это происходило еще в Османской Турции, так же все делается сейчас, чтобы забыть эти зверства. Варварство это и дикость с такой же неприкрытой жестокостью проявились в отношении многочисленных материальных памятников армянской культуры, церковных сооружений. А это скрыть уже гораздо сложнее, поскольку «культурный геноцид» происходил при нескончаемых протестах армянских патриотов. И эти протесты, жестко пресекавшиеся в сталинские времена, к горькому сожалению, оставались без должного внимания в последующие годы – как власть предрежащих, так и деятелей культуры, священнослужителей метрополии. Вот еще один документ, относящийся к 1980-м годам, – «Справка о состоянии историко-архитектурных памятников Нагорного Карабаха». В ней, в частности, говорится следующее:

«Прошло более 12 лет с тех пор, как была написана справка по данному вопросу и вручена Нагорно-Карабахскому обкому партии.

За это время в жизни страны, в частности в деле охраны и реставрации памятников, произошли огромные сдвиги. Однако в крайне неутешительном состоянии находятся памятники истории и архитектуры, которые в течение тысячелетий создавал армянский народ героическим трудом. Как и прежде, подавляющая часть этих памятников не включена в списки охраняемых, утвержденных правительством Азербайджанской ССР.

Современное плачевное состояние памятников автономной области доказывает, что здесь преследуется цель уничтожения армянской культуры.

В начале 1960-х годов с лица земли были стерты несколько тысяч полуразрушенных каменных сооружений (церквей, светских зданий) в армянской части города Шуши, несмотря на то что имелось решение директивных органов о реставрации этой части города. А то, что невозможно было разрушить в 60-е годы

с помощью бульдозеров, было разрушено в 70-х с помощью мощных машин и взрывчатки. Были разрушены церкви Мегрицоц, Агулискоц и русская церковь, монастырь Анапат. В XIX веке камни этих памятников использовались для ремонта зданий в азербайджанской части города.

Находящаяся в армянской части города Шуши другая церковь (Зеленая) превращена в павильон минеральных вод. В результате перестроек помещение данной церкви разделено стеной, разрушены ступеньки западного входа. Встроенные ступеньки северного входа обусловили разрушение центрального окна. Кроме того, на амвоне установлены большие металлические баки, из которых льется минеральная вода и затопляет кельи и мавзолей рядом с амвоном. И тем не менее Зеленая церковь – единственный армянский памятник, который “реставрировался” и “охраняется”.

Варварство испытал на себе великолепный памятник архитектуры Нагорного Карабаха Газанчецоц. В 40-х годах данная церковь использовалась как склад зерна, в 50-е годы были разрушены перекрытия храма и купол. Затем были разрушены тесаные камни облицовки боковых стен. Не ограничившись этим, варвары разрушили уникальные надгробные памятники, а крест колокольни превратили в мишень для стрельбы. Многочисленные жалобы относительно судьбы церкви Газанчецоц не дали никакого результата. В 70-х годах варварство достигло своего апогея. Внутри церкви под колоннами были сожжены отработанные автопокрышки, вставлялись взрывчатки под стены, делались надписи – писались имена варваров, были стерты барельефы и исторические надписи, разрушены детали орнамента. Совершенно ясно, что специально разрушалось великолепное архитектурное сооружение...

В городе Шуши осуществляется “программа” уничтожения древних армянских кладбищ. Разрушены кладбища в северной части города, где находились уникальные надгробия, подлинные произведения искусства. На этих кладбищах покоился прах русских воинов... Разрушено кладбище около Ереванских ворот города Шуши. Вблизи реального училища чудом уцелел маленький квартал армянской части города со своими общественными, жилыми сооружениями. Здесь чувствуется прежнее обаяние

Шуши, но совсем не чувствуется желания сохранить все прекрасное, так как этот квартал попал в “план застройки”...

В городе Шуши имеются две крайности – то, что является азербайджанским, сохраняется, реставрируется, пропагандируется, а то, что принадлежит армянской культуре, игнорируется и разрушается.

Азербайджанские сооружения Шуши объявлены историко-архитектурным заповедником, для охраны которого выделено свыше 20 штатных единиц и выделяются необходимые средства. Это все представляется как сердобольное отношение к Нагорно-Карабахской автономной области – НКАО и ее памятникам.

В Шушинском районе, в селах Бердадзор, Карагшлаг, Иншен, Киров, Большие и Малые Хельханы, Ханагтала, Ехцахох, Каринтак и в окрестностях десятки памятников не только не охраняются, но и не зарегистрированы. Они постепенно разрушаются и гибнут. К несчастью, некоторые из этих памятников теряют первозданную форму. Недалеко от Шуши на древних рудниках Нехи (Исаака) надписи разрушены вдребезги. За последние годы этот исторический памятник основательно видоизменен. Вместо арки сохранилось лишь стрелообразное сооружение.

В этом маленьком городке Шуши не считаются с затратами на реставрацию азербайджанских памятников, тогда как армянская культура нещадно уничтожается.

При упоминании памятников армянской культуры в других районах автономной области – Мардакертском, Мартунинском, Гадрутском и Аскеранском – неизменно приходится употреблять слова: разрушен, взорван. Кроме того, в Тохе разрушаются три церкви этого древнего села. Одна из них Анапат (XVIII в.) наполовину заполнена навозом. Другая – церковь св. Степаноса (XIII в.), в камнях которой имеются 50 хачкаров, превратилась в отхожее место. Третья – св. Ованеса (XIII–XVIII вв.) постепенно разрушается.

Разрушены и продолжают разрушаться памятники Баназура, Аракюли, Тахоты, Хохосеры, Тамдзоры. В еще худшем состоянии находятся памятники Мардакертского района. В самом центре княжества Хачен в древних поселениях Дарбаснер, Аватованк, Вачах взорваны церкви XIII века, разрушены в окрестностях почти все хачкары и надгробные камни (IX–XIV вв.).

В аналогичном состоянии находятся памятники села Атерк, в деревнях Матурблур, Сарашен, Аканаберд, Мтнадзор, Гленберды, Астхаблур, Мсесванки.

Полностью разрушены церкви св. Пшан (или Пап) (Атерк, XIII в.), кладбище Мгдушин (Атерк XII в.). В Атерке есть жилые дома, при строительстве которых использовались хачкары, надгробные камни, плиты с историческими надписями.

Настоящая программа уничтожения армянских памятников осуществляется в Кельбаджарском и Лачинском районах Азербайджанской ССР. Приведем два примера.

В историческом административном центре (ныне пос. Истису) до 1960-х годов сохранились три церкви и один монастырь. Эти памятники, то есть церковь св. Саркиса (1279 г.), св. Григора (1274 г.) и монастырь Гетамечи (1301 г.), полностью разрушены.

Разрушены десятки хачкаров, имеющих большую ценность, о которых русский ученый Е. Пчелина писала, что они представляют большой научный интерес и историческую ценность как средневековые памятники армянской культуры.

В Лачинском районе разрушена церковь села Арар, разрушено кладбище и свыше десяти хачкаров. В долине Хертера разрушен монастырь Чаректаш села Чаректаш. В поселении Хирамайр разрушен монастырь Тирамайр. Разрушена церковь в селе Кчиворт. Разрушена часовня в селе Дмброн. Разрушен монастырь Мсес в лесном массиве. Разрушен дворец мелика (князя) Агама в селе Мецшен. Разрушены позднесредневековые дворцовые сооружения меликов Исраилянов в селе Усапат. Разрушена летняя резиденция царя Вачагана – Агвен, расположенная между селами Бадахшем и Талышем. Названные выше памятники относятся к V, VI, IX, XIII, XVIII вв.

В настоящее время разрушаются монастыри: Егиш Аракян в Тонашене; Ериц Манканц; Орека в селе Талыш; Амина Пркич в Зараохе; Карми в Агуасе; Хтраванк; Анапат Киганы; Св. Акопаванк в Колатаке; Кошик Анапаты. Данные монастыри относятся к V, VI, IX, XIII, XVIII вв. Разрушается крепость Джраберд. Просто невозможно описать словами то, что произошло в древнейших и знаменитых селах Аскеранского района. Разрушены монастыри в селах Чанахчи и Караглух. Перевернуто вверх дном кладбище XIII в. Разрушено много хачкаров. Надругались над

национальными кладбищами, где покоится прах руководителей освободительных движений и видных религиозных деятелей.

В страшном состоянии находятся монастырь Хораванк вблизи сел Бадра и Балыджа, церкви Дарпасут, Охтыехцы, Пркичаехцы, монастырь Теринаатах, крепость Порт. Полностью разрушен монастырь Болурхан.

Разрушены также следующие историко-архитектурные памятники: церковь Примашен в Сариншене XIII века; церковь в Шушикенде; собор св. Григориса (надписи на фасаде уничтожены) в Ерере; монастырь меликов Пашаянов в Цоватехе; Красный монастырь Трех младенцев в Маласе; церковь в Схторашене; церковь Анапат хондык, или Евандац, XVII в.; церковь Тагавард.

Комплекс Амарас в Мартунинском районе (IV в.) превратили в конюшню. Даже Гандзасар – вершина армянской архитектуры – не остался без разрушений. Большой урон памятнику нанесли варвары-кладоискатели.

В последние годы делаются попытки реставрировать Гандзасарский храм. Однако из выполненных работ видно, что реставрация происходит неприемлемым для армянской школы архитектуры методом. Пока не начаты реставрационные работы самого монастыря, надо непременно остановить их, так как они выполняются архитекторами, совершенно незнакомыми с армянской архитектурой. В противном случае мы можем потерять эту жемчужину армянской архитектуры.

О Нагорном Карабахе и, в частности, о Шуши в Баку опубликованы статьи, альбомы, карты, календари, которые с удивительным упорством проявляют слепоту и глухоту в отношении армянских и русских архитектурных памятников. В 1976 году Академия наук Азербайджанской ССР издала книгу

Арцах. Монастырь Гандзасар (XIII век)

“Архитектура Карабаха” А. Авалова. Бросается в глаза односторонний подход автора, который хочет видеть только азербайджанские памятники. Автор упорно игнорирует армянские памятники, как будто в Шуши и Карабахе таковых вообще нет».

К этой «Справке о состоянии историко-архитектурных памятников Нагорного Карабаха» приложен список разрушенных (с 1930 по 1980 год) армянских исторических памятников в Нахичеванской АССР за последние 40–50 лет. Он содержит 28 армянских церквей.

Конечно же, истинные ученые видят всю гнусность происходящего. Коллега Ирины Анастасовны Амирьянц – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук **Виктор Шнирельман** давно уже задавал **риторический вопрос**: «Ну зачем же приписывать господствующим в Азербайджане взгляды “мировой науке”?» Он писал, в частности: «14 декабря 2005 года президент Ильхам Алиев в речи по случаю 60-летия Национальной Академии наук Азербайджана призвал азербайджанских ученых включиться в программу обоснования перед мировым сообществом отсутствия исторических прав карабахских армян на Нагорный Карабах. Алиев обещал субсидировать объединение усилий азербайджанских специалистов в разработке и пропаганде его тезиса о том, что “армяне пришли в Нагорный Карабах – неотъемлемую часть Азербайджана – как гости” и поэтому “абсолютно не вправе утверждать, что Нагорный Карабах в прошлом принадлежал им”.

Очевидно, ученые с воодушевлением откликнулись на этот призыв и ответили президенту новыми впечатляющими “открытиями”. Поэтому 14 октября 2010 г. он уже уверенно заявил, что “нынешняя Армения, территория, именуемая на карте Республикой Армения, – это исконно азербайджанская земля. Это истина. Конечно, Зангезур, Иреванское ханство – это наши земли!.. Наши дети должны знать все это, должны знать, что нынешняя Армения располагается на исконных азербайджанских землях”.

Для того чтобы эта исконность выглядела убедительнее, в Азербайджане систематически стираются все следы армянской культуры. В особенности это касается Нахичевани. В 2003–2006 гг. там полностью было уничтожено средневековое кладбище в Старой Джуге (азер. Джульфа), включая уникальные

хачкары. А на севере Азербайджана сносили аварские кладбища, на лезгинских изменяли имена усопших на надгробных памятниках, прибавляя к ним тюркские окончания. Там также убирали памятники видным деятелям аварской истории (включая имама Шамиля, в 2000 г.) и заменяли их памятниками Н. Нариманову и Гейдару Алиеву». **Это объективное свидетельство независимого российского ученого, высокого профессионала – ничто для Ильхама Алиева и его окружения.**

С раннего моего детства, протекавшего в Узбекистане, ставшем родным для многих тысяч вынужденно покинувших Родину карабахцев, я видел, как не иссякал поток прибывавших туда армян из Нагорного Карабаха. Это была земля наших предков, о которой родители наши вспоминали всегда с восторгом (как о благодатнейшем крае) и одновременно со слезами на глазах (потому что край этот оказался под тяжелой пятой Азербайджана, стремившегося всегда всеми правдами и неправдами изгнать армян с родных мест: в Нахичеване это вполне удалось, но Карабах тихо сопротивлялся). Нам, детям, не говорилось особо, чтобы уберечь нас в советское время, о трагедии нашего народа. Но родители регулярно помогали родным в Карабахе материально. Регулярно мы слышали негромкие печальные разговоры взрослых о таких потерянных местах нашей Родины, как Карс, Ардаган, Эрзерум, Арарат, Нахичеван, как слышали воспоминания с гордостью о таких легендарных героях, как Андраник, Дро, Нжде...

О многом коротко, деликатно, внятно сказано также в следующих отрывках еще одной справки среди документов Ирины Анастасовны Амирьянц: «Политическое и социально-экономическое положение Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР»:

«Благодаря проведению КПСС и Советским государством ленинской национальной политики, Нагорно-Карабахская автономная область достигла определенных успехов в социально-экономическом развитии. Однако на протяжении всего периода пребывания армянского Нагорного Карабаха (НКАО) в составе Азербайджанской ССР в политической и социально-экономической жизни края находили проявления националистические тенденции, что обусловлено развитием данных тенденций в республике в целом.

По существу, происходило нарушение национального равновесия в отношении коренного армянского населения Нагорного Карабаха, что проявлялось: в создании невыносимых условий жизни армянского народа и вытеснении его с вековых очагов; в сдерживании социально-экономического развития края; в фальсификации истории, разрушениях и надругательствах над памятниками армянской культуры...

Находясь в непосредственной близости от Армянской ССР, армянское население Нагорного Карабаха не имеет возможности принимать программы армянского телевидения по «техническим причинам», выдуманным в Баку. Даже литература из Армянской ССР поступает в НКАО не непосредственно, а через столицу Азербайджанской ССР. Единственная автодорога (А-817), связывающая непосредственно Армянскую ССР с НКАО на участке Забух – Шуша (Аз. ССР), находится в аварийном состоянии. Под видом превращения Степанакерта в региональный центр юго-западной части республики происходит заселение города азербайджанскими кадрами без какой-либо на то хозяйственной необходимости. Армянская молодежь, получая образование в вузах, техникумах и ПТУ Армянской ССР, не имеет возможности вернуться и трудоустроиться в родном крае – Нагорном Карабахе – в силу националистических отклонений в кадровой политике.

За период 1951–1982 гг. на долю Нагорного Карабаха пришлось лишь примерно 1% от общего объема государственных капиталовложений, осуществляемых в Азербайджанской ССР. Объем капвложений на среднегодовую численность населения в Азербайджане в целом более чем вдвое выше, чем в НКАО.

Нагорно-Карабахская АО – единственная национально-территориально-административная единица, где в перечне национальностей коренным населением указана не та национальность, по признаку которой образована автономия (то есть армяне), а азербайджанцы.

Принадлежностью азербайджанской культуры объявляются великолепные памятники армянской культуры в Нагорном Карабахе – Гандзасар и Амарас, а также уникальные творения – хачкары (крест-камни). Доводы азербайджанских ученых не раз высмеивались советскими учеными, но это их не смущает, фальсификации продолжаются.

Азербайджанскими объявляются выдающиеся армянские средневековые авторы – Мовсес Каланкатуаци, Мхитар Гош, Саак Партев и другие...

За период 1970–1979 гг. из Азербайджана выехало около 52 тыс. русских, 52 тыс. армян, 6 тыс. евреев и т. д.

Тем не менее около 500 тыс. армян – выходцев из Нагорного Карабаха, проживающих в гостеприимной Средней Азии, в городах Арм. ССР, областях и краях РСФСР, в Баку и Сумгаите, не порывают связей с землей своих предков, ездят туда как паломники, увозя с собой горсть родной земли и новые вести о продолжающейся трагедии этого замечательного края».

Совершенно очевидно, что с этими документами «из бумаг Ирины Анастасовны Амирянц» (неизвестного мне авторства) имел дело и Артур Мкртчян.

Ирина Анастасовна и Алла Ервандовна нередко говорили с гордостью о твердом карабахском, патриотическом характере Артура Мкртчяна и с болью – о его переживаниях за судьбы родного Арцаха. Я видел Артура у нас дома лишь один раз. Вместе с другими аспирантами Института этнографии он был у нас в гостях, в подмосковном Жуковском, перед его возвращением на родину.

Вспоминаю, между прочим, как, поднимая очередной тост, я сказал молодым людям, которых мы воспринимали как надежду Армении, искренне и радостно улыбаясь: «Ребята, Ирина Анастасовна вас любит, кажется, больше, чем меня!» Услышав это, наша малышка-дочка Олечка тихо и жалобно прошептала, прижавшись к матери: «Мама, не люби их больше папы...»

Арцах. Монастырь Амарас.

Основан первым католикосом Армении в IV веке

Артур Асланович
Мкртчян

Это был замечательный вечер, встреча родных по духу людей. Трудно было увидеть тогда в моем земляке-гадрутце, в хрупком физически, немногословном интеллектуале, скромно не выделявшемся среди товарищей Артуре Мкртчяне того человека – глыбу духа, целеустремленного, высокоорганизованного, самоотверженного патриота, сумевшего поднять вскоре свой народ на борьбу за будущее родного Арцаха, оказавшегося в цепких объятиях Азербайджана.

Мы на годы потеряли связь с Артуром (после его тревожного ночного телефонного звонка Ирине Анастасовне о начале их выступления). Лишь иногда мы получали весточки о нем. О том, в частности, что он как инициатор и руководитель освободительного движения в Арцахе стал ни много ни мало – во главе самоопределившейся Нагорно-Карабахской республики – НКР. Народ Арцаха реализовал тогда даже не право нации на самоопределение. Он восстановил справедливость: ведь Арцах никогда не входил в Азербайджан по международному праву. Самое печальное (и можно представить переживания по этому поводу Артура Мкртчяна): создание НКР произошло не благодаря, а вопреки Родине-матери Армении. К сожалению, уже тогда народ Арцаха столкнулся с отсутствием ясно и громко высказанной поддержки Армении. Как известно, Армения, находившаяся под прессом российского руководства, давно сделавшего свой выбор в пользу нефтеносного Азербайджана, не признала Нагорно-Карабахскую республику. Можно представить сложность проблемы, решенной Артуром Мкртчяном, ставшим в сложной политической и военной борьбе личностью национального масштаба.

А. А. Мкртчян (в центре) с коллегами

Подробности его поистине подвижнической деятельности стали нам известны годы спустя, когда мы с Ириной Анастасовной прочли глубокий очерк об Артуре талантливого человека, который, очевидно, хорошо его знал в последние годы, месяцы и дни его жизни, Марины Григорян. Вот выдержки из ее яркого очерка.

«Мне посчастливилось увидеть Артура Мкртчяна в стенах армянского парламента – невысокого молодого человека с застенчивым взглядом из-под очков, облик которого так не вязался со словом «власть», но зато точно и беспощадно знаменовал собой время – время истинных патриотов, безоглядно и бескомпромиссно вставших за армянский Арцах, время романтиков, плодами борьбы которых зачастую пользуются негодяи, время интеллигентов, вышедших из стен научных кабинетов к реалиям национальной жизни, и героев, защитивших и освободивших армянскую землю и вернувших народу маленький, но драгоценный кусочек потерянной родины. Артур Мкртчян

действительно сполна символизировал поколение и национально-освободительную борьбу конца 80-х – начала 90-х.

Весь его путь – от первого митинга в Гадруте 12 февраля 1988 г. до избрания президентом – был стремительным и ошеломляющим. Вместе с тем его приход к власти логично и закономерно укладывался в армяно-карабахские реалии того времени, а посему был глубоко символичен. Ибо во главе новорожденной республики встал молодой национал-радикал, олицетворявший дух национально-освободительного движения в его самых лучших, высоких и светлых проявлениях образца 1988–1990 гг. Избрание Артура Мкртчяна ознаменовало собой конец номенклатурной политики Степанакерта и начало формирования первых партизанских отрядов в оккупированных Азербайджаном районах Арцаха: главным императивом времени была вооруженная самооборона, все остальное вело к неминуемой потере армянского Арцаха. Его неопытность и неискушенность в политике, в самое пекло которой он был брошен судьбой, сполна искупались природным умом, абсолютной порядочностью и верностью целям и идеям Движения.

Цветы к могиле
героя

Сегодня, в наше циничное время, эти слова и понятия кажутся анахронизмом, а тогда все это было естественно в людях, истинным лидером которых стал Артур Мкртчян. И остался, возможно, единственным романтиком и единственным рыцарем, пришедшим во власть и не испорченным ею. Дело тут не в том, что не хватило времени, – дело в корнях, в сути, в человеческой породе, давно и, кажется, напрочь ушедших из политики и власти. Именно поэтому смело можно сказать, что избрание Артура лидером Карабаха в то сложное время символизировало глубинный смысл карабахской идеи, ее чистоту и простоту, что сродни святости. Это был тот редкий случай

в политике, когда за избранным руководителем стояла не политическая сила, а народ, который верил ему. Много ли было с тех пор у нас таких лидеров?

Мкртчян пытался войти в непосредственный диалог с миром, минуя власти Армении, и многое действительно успел сделать в этом направлении. Но... так катастрофически не хватало времени: ему было отпущено всего 3 месяца и 8 дней. Удалось лишь заложить основы, главной из которых стал принцип невмешательства во внутренние дела Армении, дабы не дать использовать карабахский фактор в грязных политических играх. Это удалось тогда и удавалось еще несколько лет после этого, пока криминализация власти не захлестнула Армению, а вместе с ней и Карабах.

Артур Мкртчян – первый президент свободного Арцаха – был из когорты людей и политиков, которых сегодня остро не хватает и Армении, и Арцаху, да и всему миру. Людей, чья жизнь проносится так стремительно, что кажется, она была лишь дорогой вверх – к звездам. Наверное, так оно и есть. И хочется верить, что звезда Артура и сегодня все так же освещает путь Арцаху тем немеркнущим светом, что горел в нем при жизни и теперь струится с неба – на родную землю, которой он отдал все 33 (возраст Христа) своих коротких года».

Глубокий, талантливый очерк об Артуре Мкртчяне, ушедшем из жизни при таких же неясных, странных обстоятельствах, как и ряд других истинных бойцов-патриотов Армении, сражавшихся за правду, справедливость, будущее своего народа, – это и добрая память о его наставниках, сподвижниках...

Трудно, живя вдали от Родины, судить о ее современных лидерах. Но из социальных сетей нередко можно слышать самые негативные оценки, вплоть до предательства, как светских, так и духовных современных поводырей.

Кстати, весьма деликатная, но назревшая тема для нашей книги – роль армянской апостольской церкви в современной истории и жизни армянства.

Неслучайно турки и их братья-азербайджанцы столь целеустремленно разрушают армянские храмы на завоеванных ими

армянских землях. Тем самым они надеются убедить мир в том, что здесь армян никогда не было, что они здесь – «пришлые»... Тем самым они надеются также лишить армян чуть ли не главного их оружия – духовного! Того самого оружия, которое наряду с письменностью позволило сохранить армян, из века в век подвергавшихся опустошительным нашествиям, как единую нацию.

Армянские церкви, как правило, относительно небольшие, скромные по убранству, строились нередко в труднодоступных для варваров местах, но их было великое множество. Некоторые из них уникальны, как уникален армянский язык. Древние храмы (среди них есть и архитектурные шедевры) поражают и сейчас. И не только армян...

У меня есть хороший товарищ, один из основателей и руководителей Международного авиационно-космического салона – МАКС в городе Жуковском, Николай Александрович Занегин. На редкость разносторонний человек, он, с юных лет интересуясь восточной философией и культурой, в зрелом возрасте стал их весьма глубоким знатоком и ценителем. Этому в особой мере способствовала встреча и близкое знакомство с великим Святославом Николаевичем Рерихом, ставшим поистине его духовным отцом. Человек, открытый миру и свету, Занегин общался со многими выдающимися личностями, деятелями науки, техники, культуры.

В 2024 году он впервые посетил Армению и по возвращении сказал мне: «Я побывал в 44 странах. Ничего подобного я не видел нигде...» В том, что услышал от него в разъяснение этих высоких слов, я уловил отзвуки самых светлых мыслей об Армении Рокуэлла Кента, Тонино Гуэрры, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Осипа Мандельштама, Василия Гроссмана, Андрея Битова... Дюжина снятых Николаем Занегиным с любовью и душевным трепетом талантливых фотографий Армении приведена ниже. Человек, тонко чувствующий красоту природы, он неслучайно предпочел снимать... храмы, а в храмах – не только их внешнюю красоту, но и внутреннюю, нередко аскетическую, но наполненную глубокими смыслами духовную атмосферу.

Я, не будучи особо знакомым с этой ролью, высказал как-то свое личное непонимание некоторой отстраненности нашей церкви, как мне виделось. Об этом я сказал в стенах армянской

апостольской церкви в Москве, во время презентации моей книги «Мудрецы на чаше весов». На ней присутствовал молодой священнослужитель. Он встретил эти слова вполне спокойно, как и практически все присутствовавшие. Но эти весьма мягкие слова моего личного непонимания, возможно, связанного с недостаточной моей информированностью, вызвали яростную «отповедь» одной из участниц встречи, которую, впрочем, несколько осадили другие присутствовавшие.

А совсем недавно, в августе 2023 года, я услышал беседу корреспондента Национального демократического полюса – НДП с участником НДП, глубоко верующим россиянином, принявшим в 2018 году также гражданство Армении, Хачатуром Епремяном. Послушав эту беседу с незнакомым мне мудрым человеком, я убедился, к сожалению, в том, что был недалек от истины. Причем должен заметить, что наиболее резкие из наблевших оценок Х. Епремяна я не привожу.

Корреспондент спросил:

– Представители нашей армянской апостольской церкви отделились от дел государственных. Как вы думаете, в чем причина?

– Роль церкви во все времена была одной из основных в судьбоносных решениях, в которых принимали участие наши святые отцы. Во всех государствах и во все времена роль церкви была важнейшей. Наш враг понял, что, уничтожив или исказив церковь, он может решить свои многие проблемы – и те, которые не может решить на поле боя.

– Известны высказывания о том, что многие представители духовенства в свое время были завербованы советской службой КГБ. Разве секрет, что многие представители и верховные чины духовенства имеют связи со спецслужбами – как в советское время, так и сейчас?

– Это уже – далеко не секрет, но об этом вслух не говорят. На каждом уровне люди об этом знают, но вслух не говорят. Я, наверное, скажу сейчас что-то во вред себе, но я должен это сказать. Даже уважаемый католикос Вазген I, мною очень уважаемый, даже он... Ну, мы знаем, мы жили в те времена, когда без КГБ никакие такие назначения в верхах не происходили. Но католикос Вазген умел вести политику, находя золотую середину:

Эчмиадзинский
кафедральный собор (IV в.)

чтобы не пострадали и духовная жизнь Армении, и Армения как государство. Теперешний католикос Гарегин II ведет церковь на уничтожение. Факты, можно сказать, налицо. Я живу в Москве и могу сказать, например, о его брате Езрасе, главе Российской епархии армянской церкви, у которого нет ни национальной принадлежности, ни родины, ни вероисповедания. Вы не ослышались: он

смеется над христианами, над верующими.

– Как вы думаете, а то, что сейчас наше общество в Армении, население страны в таком упадническом настроении и никак не может встать на ноги и сделать необходимое действие, в этом тоже «заслуга церкви» есть?

– Только церкви, я бы сказал! В основном это – именно «заслуга церкви» в данный момент. Был бы у нас поводыр, он собрал бы своих чад. Кто слышал в последний раз обращение католикоса к народу? Кто услышал его слова? Наш народ при живом отце не имеет отца.

– Еще в досоветские времена гонений пример Хримяна Айрика и других наших святых отцов был очень воодушевляющим, и реакция была соответствующей. Мы, армяне, имели свое национальное достоинство, потому что наши духовные отцы не прогибались под мощными российскими монархами. Что случилось с нашей церковью, с этим институтом? Куда пропали эти великие наши армянские духовные отцы?

– Гонения были во все времена. Но масштабы были не такими, как сейчас... Наши враги поняли, куда надо бить, чтобы расшатать армянский народ и его сущность, – по церкви, по вере!

Католикос устраивает всех наших врагов, государственных и духовных врагов, – всех поголовно! Эти силы потратят миллиарды, но Гарегина II оставят на месте... Армяне, живущие в Москве, – это своего рода пленные. Там страх на каждом шагу. Я знаю, что когда я поеду из Москвы, то, будучи здоровым, могу умереть от «сердечной недостаточности». Вдруг вы можете услышать, что я, будучи христианином, наложил на себя руки. И это может случиться с каждым, кто что-нибудь скажет не так, как хотелось бы властям. И это и меня тоже ждет, и каждого.

– Недавно прошла новость, что глава армянской епархии в Иерусалиме собрался сдать земли в аренду под какой-то бизнес. Что делает армянская церковь за пределами Армении?

– Все, что касается святой земли в Иерусалиме, касается каждого армянина. Но даже по такому поводу, по такому важному вопросу, кто хоть раз услышал мнение католикоса?! Если католикос молчит, что можно ожидать от народа?! Тем более от народа, который находится в таком шоковом состоянии и не приходит в себя. Я хотел бы спросить, почему наши католикосы: константинопольский, иерусалимский и киликийский – не общаются между собой?! Если наши святые отцы, которые призывают нас любить друг друга, не могут поделить что-то между собой, какая может быть любовь? И что может делать в этом случае народ? Растеряны, смотрим наверх, что скажут отцы наши? А отцов у нас нет. При живом отце мы – сироты... Я – чадо армянской апостольской церкви – от рождения своего до самой своей смерти. У меня другой дороги нет, и я не хочу иметь другую... Католикос всех армян... получает наслаждение от своих деяний, и он собрал вокруг себя таких же. Он сделал их такими! Начинайте кидать в меня камни за то, что я переживаю за свою церковь, чьим чадом я останусь на всю жизнь. Но такова наша горькая правда... Что делать простому рядовому христианину, который видит эти проблемы: молчать или высказаться? Мы знаем, что убийство может проститься, а безразличие – нет! Вспомним, кто первым в рай попал? Тот, который не имел даже возможности покаяться, он просто не был безразличным. То, что я говорю, это похоже на то, что я сам себе даю пощечину. Я говорю о себе, о моих недостатках... Я знаю много прекрасных христиан-армян в Москве, которые сейчас ушли

в русскую православную церковь. Я для себя решил, что высказаться нужно! Иначе мы – соучастники этого вранья.

– Немножко отвлечемся от религиозной тематики. Вас очень часто можно видеть во время шествия и на митингах Национального демократического полюса. Что вы можете сказать, каково ваше ощущение рядового участника данных митингов спустя столько месяцев уличной борьбы? Ради чего, допустим, вы бросаете все свои дела и прилетаете из Москвы в Ереван для участия в митингах и шествиях?

– Я не случайно стал сторонником Полюса. Я изучал каждого лидера Полюса. Чистейшей души люди, для которых Родина – это не пустой звук. Они не просто, они как свечи сгорают – ради Родины. Жаль, что не ценят их по достоинству. Впрочем, появляется ощущение, что народ начинает просыпаться. Люди (и в моем окружении), которые совсем недавно были ярыми сторонниками действующей власти, сейчас уже кардинально изменили свое мнение. С трудом они поняли в конце концов истинное. Но я другое хочу сказать. У нас тысяча проблем, тысяча важных проблем, которые нужно решать сиюсекундно – даже очередность трудно их определить. У нас времени нет. Время играет против нас. Враг наш отбирает у нас сейчас это время. Я боюсь, когда весь народ поймет истину, тогда уже не будет возможности что-то изменить в лучшую сторону. Но есть очевидный для меня просвет. Я более чем уверен, что своей цели Полюс добьется. Правду, справедливость и свет, которые несет Полюс, утаить нельзя...

Этот незнакомый мне мудрый человек Хачатур Епремян затронул еще одну болезненную для меня тему. В свое время, передавая книгу «Мудрецы на чаше весов» министру иностранных дел России С. В. Лаврову, а также директору департамента информации и печати МИД РФ М. В. Захаровой, в короткой беседе с ней я затронул, неожиданно для себя, один вроде бы как случайный вопрос. Дело в том, что в ожидании Марии Владимировны я пролистал лежавший в комнате приемов МИДа журнал «Международная жизнь». По следам одной из публикаций я заметил ей: «Мне кажется очень естественной православная связка Россия – Греция – Армения». Ключевое слово было: Греция. Мария Владимировна, до того охотно обсуждавшая другие темы, стала холодной и словно не слышала этой реплики. Я понял, что пересту-

пил грань дозволенного. Даже в дни жаркого лета 2023-го, когда Эрдоган демонстративно отвернулся от России в сторону Запада, когда бушевали жуткие пожары в Турции и Греции, российские СМИ с удовлетворением говорили о помощи в их тушении – единственно Турции (словно не было такой беды у единокровного народа православной Греции, да и у нас самих – сгоревшими тогда же лесами в Сибири и в центральной России). В другой раз, не так уж давно, резанула слух чуть ли не восторженная информация российских СМИ об очередной годовщине превращения Айя-Софии (некогда Софийского собора) в действующую мечеть... И вот словно проливающий свет на эти события – неожиданный поворот в беседе корреспондента с Хачатуром Епремяном. Он сказал:

– В Армении многие представляют Россию в розовом свете. Но один мой знакомый, наполовину русский, наполовину украинец, открыл мне глаза на такую вещь. Обратите внимание на то, как относится Россия к славянским православным странам, какой является Молдова (в которой для турецкой диаспоры было создано Приднестровье), как она отнеслась к православной Грузии, как она относится к православной Украине, как она под лупой держит православную Армению. В мою голову не входит понимание, что делает Россия. Продав и предав Армению сегодняшнюю, Россия продает и предаст свою страну завтра. И это – слова россиян, с которыми я общаюсь в Москве. Я удивляюсь, что в Армении этого не хотят понять. Не знаю, что происходит, почему армяне искусственно создают себе миф, закрывая глаза на факты, и живут этим мифом... Я более чем уверен, победа будет за Национальным демократическим полюсом. По одной простой причине – правда за ним.

Уважаемый мой христианский народ, наши трудности наполняют особым смыслом нашу жизнь. Наш народ проходил через трудности во все времена. У каждого народа есть своя миссия на этой земле. Миссия нашего народа словно божеская – создать и раздать людям. Уважаемые мои братья, мы – сыновья рая. Весь мир говорит, что рай находится в Армении, на Армянском нагорье. Будучи сыновьями рая, мы уходим и ищем рай там, где его нет. Возвращайтесь, возвращайтесь на Родину, в этот райский уголок. Не зря весь мир так смотрит на эту землю.

Отсюда и нападение на Армению со всех сторон. Возвращайтесь, поверьте, вы здесь нужны. Земля должна не забывать вас, сыновья должны остаться на своей земле!

Возвращение сынов на Родину – это насущная необходимость, о которой мы говорили уже не раз. Во многом возвращение таких героев, как Артур Мкртчян, на свою малую родину предопределило начало справедливой борьбы Арцаха за свое самоопределение и воссоединение в конце концов с родиной большой – Арменией. К горькому сожалению, для Артура Мкртчяна это закончилось его гибелью. Но борьба продолжается и сегодня. Буквально сегодня, в феврале 2024 года, я прочел в интернете чьи-то идущие от признательного сердца слова: «В феврале 1988 года началось карабахское движение, которое стало трудным, но одновременно выдающимся началом независимости Армении и Арцаха. Карабахское движение – это символ пробуждения народа, который пережил геноцид, пережил всякую несправедливость с точки зрения морального и юридического права. Борьба за историческую справедливость и этническую безопасность на своей земле закончилась безусловной победой армянского народа и его государства. Пусть пройдет хоть тысяча лет, но мы будем помнить этот подвиг!»

Тогдашние трагические для армян события, которые допустило (если не попустительствовало им) советское руководство, проницательные люди называли социальным Чернобылем. Они же считают и сегодня, что с этого начался развал Советского Союза. А с развала Союза началось глобальное противостояние России с Западом, кардинально изменившее мир. Так крошечный Арцах стал геополитической проблемой первостепенного значения.

И в начале этого процесса стоял скромный неугомонный парень, ставший национальным героем Арцаха. Ни один из постсоветских руководителей Армении не оставил своими помыслами и делами столь же чистый и добрый след. Сегодня, когда во главе Армении стоит человек, которого в одно время называли ставленником Сороса, а теперь – слугой трех господ, трудно ждать не только такого же масштаба деятельности, но даже элементарной самостоятельности, в политической, экономической, оборонной, социальной жизни Армении. Невольно вспоминаются слова

Наполеона I: «Дабы погубить Отечество, достаточно даже одного негодяя: тому в истории было немало примеров». Однако ничто не вечно. Арцах дал и, надеемся, еще даст и истинных патриотов, и бесстрашных, самоотверженных, мудрых героев. Ведь у них святая цель – отстоять родную землю и веру, защитить от варварского разрушения свои храмы и могилы предков.

Артур Асланович МКРТЧЯН

**Александр Ервандович
ПОГОСОВ**

Кажется, нет таких областей, и экзотических в том числе, в которых не проявили бы себя наши соотечественники, даже попав туда случайно и даже играя в них далеко не главную роль.

Известна старая мудрость: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты!» Она приходит на ум, когда вспоминаешь о «широко известном в узких кругах» полярнике Александре Ервандовиче Погосове. Прежде чем поведать о нем коротко то, что мне известно от его родных и из интернета, я расскажу о его замечательном друге юности Василии Васильевиче Решетникове, от которого, своего замечательного старшего товарища, я впервые услышал о нем основательное. Казалось бы, они были людьми совершенно разного калибра, но Василий Васильевич до последних своих дней сохранял о друге самые теплые воспоминания.

Совсем недавно, 20 марта 2023 года, по всем основным средствам массовой информации страны прозвучало печальное сообщение о том, что на 104-м году из жизни ушел заслуженный военный летчик СССР генерал-полковник авиации Василий Васильевич Решетников. В войну он был командиром эскадрильи, а в конце ее – заместителем командира 19-го гвардейского авиационного полка дальнего действия. В сентябре 1942 года на Ил-4 он бомбил Берлин, а в 1943-м, в неполных 24 года, он был удостоен звания Героя Советского Союза. За всю войну он выполнил бо-

А. Е. Погосов

лее трехсот (!) боевых вылетов на тяжелых бомбардировщиках. После Великой Отечественной войны, в разгар войны холодной, он командовал Дальней авиацией (1969–1980), пять лет, с 1981 по 1986 год, был заместителем Главнокомандующего ВВС СССР.

Мне особенно больно говорить сегодня об этой истинно национальной нашей потере, потому что я лично лишился неповторимого старшего товарища, не только выдающегося военного летчика, глубокого профессионала, ответственного гражданина, но, самое удивительное, – богатой художественной натуры, глубокого, тонкого писателя, мастерски владевшего богатейшим литературным русским словом, книги которого замечательны не только яркой авиационной линией, но также общечеловеческим, гуманитарным наполнением.

Наш последний, телефонный разговор с Василием Васильевичем состоялся недели за две до его ухода из жизни. Самочувствие его было вполне хорошим, голос бодрым. Единственно, он

по-прежнему жаловался на резкое ухудшение зрения. Читать он мог только с помощью мощного электронного увеличительно-го приспособления. Так, в том нашем последнем разговоре он вспомнил (в какой уже раз!) именно друга юности, комсомольского вожака, коменданта ледового аэродрома в лагере челюскинцев Сашку Погосова. Познакомился он с ним через своего любимого дядю, участника челюскинской эпопеи, молодого в ту пору художника Федора Решетникова. Со слов дяди Василий Васильевич знал об исключительных заслугах Саши Погосова в успешной эвакуации попавших в беду челюскинцев, в первую очередь больных, женщин и детей, за что семь летчиков страны были удостоены впервые звания Героев Советского Союза.

Федор Павлович Решетников – один из самых известных советских художников. Глядя на его широко известные картины: «Прибыл на каникулы», «Опять двойка», – понимаешь то, что хотел сказать Василий Васильевич: Федор Решетников, имевший

очень точное психологическое зрение, безупречный художественный вкус и владевший в совершенстве технологией живописи, «создавал не портреты – фотографии, а портреты – картины с характером и судьбой человека».

Федор был художником – активным бойцом. Его, сына, внука и правнука иконописцев, приверженца Репина, Нестерова, Поленова, привлекали также работы столь непохожих на них Аристарха Лентулова, Роберта Фалька, Эрнста Неизвестного. Федор был женат на дочери знаменитого русского художника И. И. Бродского Лидии. Ценителями его творчества и его друзьями были великолепные художники Г. Г. Нисский, А. М. Грицай, замечательные поэты М. А. Светлов, А. Т. Твардовский... И вот у такого выдающегося человека близким другом был, как писал Василий Васильевич, «комендант ледового аэродрома Саша Погосов – Федин друг, через годы ставший моим».

А. Е. Погосов

Именно на Сашу Василий Васильевич надеялся, стремясь узнать тщательно скрываемую дядей тайну о его первой возлюбленной: «Не привез ли он, как и многие его друзья-челюскинцы, свою Екатерину из Владивостока?»

Позже я спросил у Саши Погосова, что он знает о Кате.

«А, Катюша?!» – широко улыбнулся Саша и, отвлекшись чем-то другим, ничего о ней не сказал. Уж свою-то Галю-журналистку Саша точно привез из Владивостока, хотя в Москве его встречала первая жена. Не спрашивал я о Кате и позже. То ли в этом молчании была запрятана какая-то тайна и из дружеской солидарности Саша не хотел посвящать в нее Фединых родственников, то ли просто забыл о встрече. Но, судя по его первому восклицанию, он знал о ней всё».

Василия Решетникова и Александра Погосова с самого начала не связывала дружба служебная, их, молодых, жизнерадостных ребят, связала дружба бытовая, повседневная. Улыбаясь, Василий Васильевич вспоминал между прочим, что после войны весьма популярным значным местом в Москве был «Коктейль-холл». Попастъ туда было сложно, хотя его называли между собой приземленно – котельной. «Сходи в котельную! – посоветовали как-то молодому Герою, вернувшемуся с фронта, Василию Решетникову, познакомившемуся с молодой дамой. – Только заходи с черного хода. Стучи и, когда выйдет привратник, скажи, что ты – Герой Советского Союза!» В компании у черного хода собралось несколько пар... Открывает привратник: будущий Главком Дальней авиацией В. В. Решетников показал ему орденскую книжку, рассказал, кто он и что хочет провести в зал компанию. «Покажи Звезду!» Решетников показал. «Сейчас вызову директора!»

– Вышел директор, – рассказывал Василий Васильевич, – с огромным орденом Красного Знамени – времен Гражданской войны (он раза в полтора больше орденов Красного Знамени, которые были позже). Директор сказал: «Я вас могу пропустить – с вашей дамой...» Тогда другой товарищ из нашей компании показывает ему мандат депутата Верховного Совета. Конечно, его он любезно пропустил – с его дамой. Как и пропустил челюскинца Сашу Погосова. Остался из нашей компании один Михаил Аркадьевич Светлов. Он спросил: «А вы знаете такую песню

“Каховка, Каховка, родная винтовка”?» – «Конечно знаю!» – «Так это я написал!» – «Что вы говорите!...»

Во время нашей столь памятной, последней встречи у него на даче в Монине Василий Васильевич между прочим, возбужденно рассказывал о рядовой вроде бы (не без проколов) деятельности Саши Погосова во время войны, когда он стал штурманом полярной авиации и многое сделал для поставок в СССР боевых грузов через северные полярные порты. И главное, с улыбкой, его воспоминание о Сашке Погосове на этот раз было связано как раз о послевоенных веселых их дружеских встречах и застольях. Затронул он и женскую линию в жизни друга. Мы простились с Василием Васильевичем на оптимистичной ноте, вполне буднично – собираясь, казалось, жить вечно. И вот словно гром среди ясного неба – печальное сообщение по всем каналам Центрального телевидения: об уходе из жизни, как было объявлено, «последнего из оставшихся в живых летчиков, участвовавших в бомбардировках Берлина во время Великой Отечественной войны». Конечно, не это было главным в Василии Васильевиче Решетникове! Страна наша потеряла замечательного, неповторимого сына.

Невольно задаешься вопросом, какими же качествами надо было обладать Александру Ервандовичу Погосову, чтобы стать другом столь разных и столь выдающихся людей?

Коротко расскажу то, что узнал о нем из разных источников, в частности, из его опубликованных воспоминаний, а также от его племянника, одного из героев нашей книги Сергея Петровича Авакимова.

Родился Александр Погосов в 1908 году в Лорийском уезде Армении. До 1928 года он жил в Тифлисе. Здесь учился в вузе и работал одновременно на строительстве землекоп. Затем с товарищем уехал в Ленинград. Пришлось им там нелегко. Ночевали либо у случайных знакомых, либо на набережной. Иногда им, как он рассказывал, перепадала работа – грузчиками... Потом он освоил специальность чертежника. Его интересовала профессия механика, он был уже принят в институт, когда ушел в армию – танкистом. Он писал: «Вообще, за свою недолгую жизнь я переменил много всяких специальностей: работал и пожарником, и строителем, был однажды три дня учителем русского языка в одном греческом селе...»

Волею судеб он оказался одной из колоритных личностей одной из знаменитых историй СССР во второй половине 1930-х годов.

Однажды Саша, давно уже загоревшийся желанием поработать в Арктике, отслужив в армии, узнал, что Арктический институт подбирает механиков на полярные станции. Тогда правительством была поставлена задача: доказать возможность прохода через Северный морской путь обычных судов. В 1933 году на воду был спущен «усиленный для навигации во льдах» пароход, будущий «Челюскин».

Заявлений для работы в экспедиции уже имелось 400, а требовалось лишь 22 механика. Пройдя три комиссии – мандатную, техническую и медицинскую, – Погосов оказался принятым. После окончания двухмесячных курсов по радиотехнике его назначили радистом на остров Врангеля.

2 августа 1933 года «Челюскин», взяв на борт 112 человек, вышел из Мурманска во Владивосток. Командиром парохода был капитан В. И. Воронин, начальником научной экспедиции О. Ю. Шмидт. При входе в Восточно-Сибирское море ледовая обстановка резко ухудшилась, и вскоре судно оказалось зажатым льдами. «Челюскин» стал дрейфовать вместе со льдом. Катастрофа «Челюскина», зажатого и все более сжимаемого льдами в Чукотском море, произошла 13 февраля 1934 года. Корабль начал тонуть в 13 часов 30 минут. На нем к моменту катастрофы находилось 105 человек, из них лишь небольшое количество опытных полярников, остальные – новички.

А. Е. Погосов вспоминал:

– Будучи дневальным, закончив укладывать посуду в буфет, наскоро надев валенки и тужурку, сошел с «Челюскина» на лед... Судно затрещало по всем швам, и трап подо мною стало поджимать к борту. Корабль вздрагивал и дрожал. На корме бегали люди – готовили продукты к выгрузке на лед.

Красноармеец
А. Е. Погосов

А. Е. Погосов

...По спардеку бегал капитан Воронин, отдававший приказания о выгрузке... Примерно час я работал на льду вместе с Васей Грозовым, Дурасовым и Лесковым. Просто удивительно, с какой одинаковой легкостью взваливали мы на плечи ящики со спичками, папиросами, консервами и пяти-шестипудовые мешки с сахаром, мукой и другими продуктами...

Я вспомнил, что на судне остались винтовки, которые хранились у меня. Их надо было спасти. Я бросился наверх, на корабль, и спустился в твиндек. Там пока еще было сухо, но все трещало кругом, лопались переборки. Казалось, что происходит страшное землетрясение. Сперва я отобрал все пристрелянные винтовки, вынес их наверх, сбежал с ними на лед и уложил в шлюпку. Потом бросился во второй раз в твиндек. Схватил в охапку оставшиеся винтовки, свой рюкзак и чемодан, вынес их наверх. Свои вещи бросил в кучу личных вещей, которые находились еще на корме. Винтовки снес на лед.

Меня позвал бортмеханик самолета Бабушкина Жора Валавин: «Нужно спускать самолет на лед, а то будет поздно. Скоро придут люди помогать, но его нужно пока развязать».

На минутку я спустился в машинное отделение, чтобы взять оставшееся там масло для самолета. В машинном плескалась вода. Левый котел, который стоял под парами, и средний котел сдвинулись с места. Паропроводные трубы сорвало. Из них вышел весь пар. Я побежал на бак. Нос судна уже заметно опустился в воду. Борт возвышался над льдом не больше чем на 1,25 метра. Вместе с Жорой Валавиным мы развязали самолет, который был привязан на палубе. К нам на помощь подоспело человек двенадцать. Стали поворачивать самолет. Нос судна опускался все ниже и ниже... Работали лихорадочно, чувствуя приближение гибели судна. Воронин и Шмидт стояли на судне рядом и руководили выгрузкой, спокойно отдавая распоряжения. Почти все уже на льду. На корме оставалась небольшая группа, человек

двенадцать-тринадцать, до последней команды капитана: «Все на лед!» В этот момент я был на самом конце кормы. Ее вздыбило вверх. «Челюскин» стремительно уходил вниз. Услышав команду Владимира Ивановича, я прыгнул с высоты на лед. Отбежав шагов пятнадцать-двадцать, я обернулся. Погружались в воду капитанская и рулевая рубки, которые срезало как ножом. Когда начала погружаться труба, я обратил внимание на то, что на корме еще оставалось пять-шесть человек: Шмидт, Воронин, Могилович, Паршинский и еще кто-то – я в пурге не мог различить. Помню хорошо, как Отто Юльевич сполз по валившемуся трапу и как прыгнул капитан, который чуть не был придавлен свалившимся бревном...

Вскоре Погосов со своими товарищами стал вылавливать на месте крушения всплывшие бочки, бревна и прочее добро для последующего строительства лагеря и обустройства жилья. Эвакуация прошла быстро и четко за 2 часа 20 минут, удалось выгрузить несколько тонн продовольствия, снаряжения, топлива и различных вещей, необходимых для выживания.

Только утром 14 февраля, после сооружения достаточно высокой антенны, радисту Э. Т. Кренкелю удалось передать на Большую землю, в Уэлен, радиogramму Шмидта в Правительство с докладом о гибели «Челюскина».

Одной из главных ближайших задач стал поиск подходящей площадки для сооружения ледового аэродрома: спасти челюскинцев могла только авиация. За организацию жизни в новых условиях взялись комсомольцы, возглавляемые своим бюро, в которое входил и Саша Погосов. Заработали многочисленные кружки «по интересам»: Погосову поручили, в частности, организацию стрелкового кружка.

Полярник А. Е. Погосов

Пока в лагере челюскинцев шло строительство, в трех милях к востоку была найдена чудом уцелевшая площадка вполне достаточных размеров: 600 на 150 метров. На ней необходимо было постоянно проводить «ремонтные» работы, поскольку «аэродром» этот постоянно разрушали подвижки льда. Эти работы возглавил назначенный комендантом аэродрома «Сандро» – Погосов.

Регулярно, днем и ночью он и его товарищи, дежурившие в палатке на аэродроме, обходили его, изучая трещины – старые и новые. Каждое утро они сигнализировали в лагерь о готовности принять самолеты или вызывали помощников для ремонтных работ.

21 февраля пришло сообщение, что самолет АНТ-4 Ляпидевского вылетел с рассветом из Уэлена в лагерь... Было еще 28 неудачных попыток достичь лагеря. Только 5 марта Ляпидевский сел на льдину... В этот день первые 12 челюскинцев были вывезены на материк: все женщины и дети. Всего было выполнено 24 рейса авиаторов. 13 апреля 1934 года летчики Каманин, Водопьянов и Молоков прилетели за последними челюскинцами. Александр Погосов подтолкнул сперва примерзшую лыжами ко льду машину Каманина, потом – Водопьянова и, наконец, нанеся кувалдой пару ударов по лыжам самолета Молокова, на ходу вскочил в него. Как шутил он сам: «Последними по льдине все-таки мои ноги прошли!»

Так была завершена операция по спасению челюскинцев в Арктике. Вся страна следила за героической эпопеей, ставшей большим политическим событием.

У Александра Погосова появились новые возможности для выбора дальнейшего жизненного пути. Он остался верен Арктике. Окончил училище и стал штурманом полярной авиации...

Надо признать, что Василий Васильевич в беседе со мной несколько скептически отозвался о работе Погосова – именно в качестве штурмана. Но, судя по тому, что мне стало известно об этом из других источников, это несправедливо. Известно, в частности, что Погосов выполнил большую работу по составлению подробной карты дельты реки Лены с многочисленными ее рукавами. Как только началась война, штурман Погосов оказался при штабе И. Д. Папанина, руководившего в период Великой Отечественной войны Главсевморпутем и

А. Е. Погосов и И. Д. Папанин

бывшего в это время Уполномоченным Государственного комитета обороны по перевозкам на Белом море. Работал Погосов «на два фронта»: в качестве штурмана самолетов СБ и По-2 он летал на ледовые разведки в Белом море и, кроме того, принимал грузы с союзных караванов, которые необходимо было провести через льды – как в Архангельск, так и в Мурманск. Значение этой работы, как и вообще значение бесперебойных поставок союзников через северные «ворота» страны, трудно переоценить.

Василий Васильевич с улыбкой рассказывал мне, что некоторые полярники привезли с собой из чукотской полярной экспедиции новых жен при живых «прежних». Так случилось и с Сашей Погосовым... Этот брак не был продолжительным. Лишь со своей третьей женой, Антониной Викторовной, он прожил счастливо более 40 лет. Доктор биологических наук, она работала в Институте им. Вишневского, занимаясь научными

Портрет и дружеский шарж
А. Е. Погосова работы
Ф. П. Решетникова

исследованиями в области трансплантации органов. У них родились две замечательные дочери – Карина и Марианна.

Вот такая простая история: «южанина», ставшего полярником, сыгравшего не последнюю роль в челюскинской эпопее и ставшего другом поистине выдающихся людей.

**Кирилл Иванович
ЩЕЛКИН (МЕТАКСЯН)**

Первый научный руководитель и главный конструктор советского центра разработки ядерного оружия на Урале (Челябинске-70) трижды Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских и Ленинской премий Кирилл Иванович Щелкин (Киракос Ованесович Метаксян) родился в мае 1911 года в Тифлисе и крещен в армянской церкви. Мать ученого – Вера Алексеевна Жикюлина, а отец – Иван Ефимович Щелкин: так записано в официальных документах, в действительности же его звали Ованес Епремович Метаксян.

В 1924 году из-за своей болезни туберкулезом Иван Ефимович с семьей переехал из Смоленской области, где они жили в это время, в Крым, в некогда историческое место Крымского ханства – Карасубазар (ныне это город Белогорск). С 1924 по 1928 год Кирилл Щелкин учился в Карасубазаре. В 1932 году после окончания физико-технического факультета Крымского государственного педагогического института был направлен на работу в Ленинград, в только что организованный будущим академиком и Нобелевским лауреатом Н. Н. Семеновым Институт химической физики АН СССР, где впервые повстречался с Игорем Курчатовым, с которым его свяжет в дальнейшем тесная дружба.

Между прочим, за 9 лет до этого там же, в Симферополе, окончил физико-математический факультет того же высшего учебного заведения, которое тогда называлось Таврическим

К. И. Щелкин (второй справа в третьем ряду)
По окончании института. 1932 г.

К. И. Щелкин.
1938 г.

университетом, Игорь Курчатов. По словам академика В. И. Вернадского, тогда Таврический университет «представлял собой одну из самых сильных научных школ в стране». Сильная профессура была также у преобразованного из него педагогического института.

В 1938 году Кирилл Щелкин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную исследованиям детонации в газовых смесях.

С началом войны он добровольцем ушел на фронт и, воюя во взводе артиллерийской разведки стрелковой дивизии, участвовал в боях под Смоленском, затем под Серпуховом, Клином, Солнечногорском. Когда в январе 1942 года немцев отбросили от Москвы, его, как и многих других перспективных специалистов, отозвали с фронта и направили в Казань для продолжения научной

работы в эвакуированном туда Институте химфизики. 12 ноября 1946 года он защитил докторскую диссертацию на тему «Быстрое горение и спиновая детонация». Его научными оппонентами на защите были выдающиеся ученые Л. Д. Ландау, Б. С. Стечкин и С. А. Христианович. На защите присутствовал И. В. Курчатов.

После блестящей защиты президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов предложил К. И. Щелкину работать заместителем Петра Леонидовича Капицы, директора созданного им Института физических проблем. Но Щелкин предпочел участие в возглавленном его товарищем Игорем Курчатовым атомном проекте.

К тому времени в небольшом городке Сарове в Горьковской области, в котором Щелкин проработал 9 лет с 1946 года, начиналось создание будущего первого ядерно-оружейного центра страны – КБ-11 (Арзамас-16), в настоящее время это – Российский Федеральный ядерный центр (РФЯЦ) – ВНИИ экспериментальной физики. В Сарове К. И. Щелкин возглавил работы по физическим исследованиям и газодинамической отработке первых советских ядерных зарядов и стал с лета 1948 года первым заместителем главного конструктора и научного руководителя центра, прославленного впоследствии ученого Ю. Б. Харитона.

Ранним утром 29 августа 1949 года Кирилл Иванович Щелкин стал тем самым человеком, кто, обеспечив подъем первой советской атомной бомбы на башню Семипалатинского полигона, лично установил в ней первый детонатор. И именно К. И. Щелкин нажал кнопку запуска систем, после чего прогремел взрыв первой в истории СССР атомной бомбы РДС-1 («Реактивный двигатель Сталина»).

Вот как рассказывал об этом эпизоде академик Ю. Б. Харитон:

– ...Ночь перед испытанием, уже заряд подведен к башне, установлен в клетку подъемника, и те, кто должен был участвовать непосредственно в заключительном снаряжении, – Кирилл Иванович Щелкин и еще два-три человека, – уже отправились

К. И. Щелкин.
1941 г.

наверх по лестнице, а Павел Михайлович Зернов (директор Конструкторского бюро № 11 – Г. А.) и говорит: «Нет, я наше детище не могу оставить!» И пошел в эту самую клетку: это был не лифт, а просто открытая клетка, в которой была закреплена бомба. Вошел туда, встал на швеллер и поехал вместе с «детищем» наверх.

В 5 часов утра все, за исключением К. И. Щелкина, С. Н. Матвеева, Г. П. Ломинского, А. П. Завенягина, А. С. Александрова и П. М. Зернова, покинули башню. С испытательного поля был эвакуирован весь личный состав, кроме офицеров охраны МГБ. Осмотр изделия, снаряжение его капсулями-детонаторами, подключение к подрывной схеме и повторный осмотр заняли около часа и были закончены к 6 часам. О ходе этих операций П. М. Зернов по прямому проводу докладывал Курчатову, находившемуся на командном пункте.

Ю. Б. Харитон, Н. М. Шверник, К. И. Щелкин.
1949 г.

Через 20 минут после взрыва к центру опытного поля отправились два танка, оборудованные дозиметрическими приборами. Защита от радиации людей, находившихся в них, была обеспечена специальными свинцовыми листами. Помимо экипажа, в танках находились работники служб безопасности.

(Мы уже рассказывали об этом танковом рейде в самое пекло взрыва в очерке о А. И. Бурназяне. Это, возможно, случайное совпадение, что именно два армянских специалиста оказались в самом центре событий, имевших стратегическое значение для судеб мира на предстоявшие по крайней мере три четверти века. Но оно и закономерно, поскольку, как я думаю, отражает особенности национального характера, национального самощущения, социальной психологии армянина. В какой-то степени эти особенности отражены и обобщены в словах – напутствии соотечественникам (в их числе своей дочери) академика С. С. Григоряна:

«Поступить в хорошие (не модные, а хорошие профессионально) вузы и стать первоклассными специалистами, чтобы потом ими гордились все, в том числе армяне, чтобы у них были достойная жизнь и самоуважение, армянские дети не имеют права учиться посредственно или, не дай Бог, плохо. Армянский ребенок должен быть, конечно, отличником в школе и далее – в вузе.

Я моей дочке Сусанночке в раннем ее детстве говорил: “Запомни, дочь, во всем (в учебе, в образе действий, в отношениях с людьми) ты должна быть минимум на голову выше других. Только тогда с тобой, армянкой, будут считаться в этом трудном и объективно плохо устроенном мире людей”. Она все так и делала и делает, всегда и поныне. Она – молодец, я ею горжусь!»)

Между прочим, через два дня после взрыва, первого сентября, П. М. Зернов и К. И. Щелкин отправились в центр испытательного поля в составе второго, автомобильного уже экипажа. Вместе с ними в машине находились два фотографа воинской части и дозиметрист. Радиоактивность уже значительно снизилась и составляла 180 рентген в час. Находясь на месте взрыва в течение 15 минут, группа зафиксировала грандиозность разрушений.

Как видно, почти никому не известный и поныне трижды Герой Социалистического Труда Кирилл Иванович Щелкин был одним из основных «действующих лиц» тех исторических событий, пожалуй, вторым после всемирно известного ныне, также трижды Героя Социалистического Труда, академика Ю. Б. Харитона. Это нашло подтверждение в **постановлении Совета министров СССР № 627-258 1946 г., в котором устанавливалась некая «табель о рангах» на тот момент, в частности, через награды наиболее заслуженным специалистам. Постановлением предписывалось:**

«60. Харитона Юлия Борисовича, член-корр. АН СССР, главного конструктора атомной бомбы:

– представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда,

– премировать суммой в 1 000 000 руб. и автомобилем ЗИС-110.

Присвоить член-корр. АН СССР Харитону Ю. Б. звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Построить за счет государства и передать в собственность член-корр. АН СССР Харитона Ю. Б. дом-особняк и дачу с обстановкой.

Установить член-корр. АН СССР Харитону Ю. Б. двойной оклад жалованья на все время его работы в данной области.

Предоставить член-корр. АН СССР Харитону Ю. Б. право на обучение своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства, право (пожизненно для себя, жены и до совершеннолетия для детей) на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР.

61. Зернова Павла Михайловича, инженера, кандидата технических наук, начальника Конструкторского бюро 11, представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

62. Щелкина Кирилла Ивановича, профессора, доктора физико-математических наук, за-

местителя главного конструктора КБ-11; Алферова Владимира Ивановича, инженера, заместителя главного конструктора; Зельдовича Якова Борисовича, член-корр. АН СССР; Флерова Георгия Николаевича, кандидата физико-математических наук <...> представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

Духова Николая Леонидовича, инженера, заместителя главного конструктора, Героя Социалистического Труда представить к награждению второй медалью «Серп и молот».

Премировать:

Щелкина К. И. суммой 250 000 руб.

Духова Н. Л. суммой 150 000 руб.

Алферова В. И. суммой 150 000 руб.

Зельдовича Я. Б. суммой 150 000 руб.

Построить за счет государства и передать в собственность Щелкина К. И., Духова Н. Л., Алферова В. И., Зельдовича Я. Б. дачу каждому.

Премировать Щелкина К. И., Духова Н. Л., Алферова В. И., Зельдовича Я. Б. автомашиной «Победа» каждого.

Присвоить Щелкину К. И., Духову Н. Л., Алферову В. И., Зельдовичу Я. Б. звание лауреат Сталинской премии первой степени.

Предоставить Щелкину К. И., Духову Н. Л., Алферову В. И., Зельдовичу Я. Б. право на обучение своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства, право (пожизненно для себя, жены и до совершеннолетия для детей) на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР».

В марте 1954-го, после того как в СССР, на Семипалатинском полигоне, испытали первую водородную бомбу (изделие РДС-6), правительство «в целях усиления работ по разработке новых типов атомного и водородного оружия» приняло решение о создании в стране второго ядерно-оружейного центра. Министерству среднего

Макет первой советской термоядерной бомбы. 1958 г.

машиностроения было поручено организовать с этой целью (как некоего полезного конкурента Арзамаса-16) НИИ-1011 в поселке Сунгуль на берегу одноименного озера в Каслинском районе Челябинской области. Здесь, в помещении бывшего санатория, с 1946 года работала Лаборатория «Б», ученые и специалисты которой, в том числе интернированные из Германии Н. В. Риль, Н. В. Тимофеев-Ресовский, проводили закрытые радиохимические и биофизические исследования.

Весной 1955 года К. И. Щелкин, который к тому времени был удостоен за достижения в создании в Сарове ядерного и водородного оружия звания трижды Героя Социалистического труда и трех Сталинских премий, по рекомендации И. В. Курчатова возглавил в качестве научного руководителя и главного конструктора работу НИИ-1011 (известного позже как Челябинск-70, а ныне это – Всероссийский Научно-исследовательский институт технической физики – ВНИИТФ).

Уже летом 1957 года К. И. Щелкин возглавил научное руководство воздушными испытаниями ядерного оружия, которые впервые проводились на специально созданном для отработки натурных образцов ядерного и водородного (термоядерного) оружия большой мощности полигоне Новая Земля.

Как писали об этом научные наследники К. И. Щелкина академики Г. Н. Рыкованов и Е. Н. Аврорин, «были испытаны первые термоядерные заряды разработки нового центра. Первый термоядерный заряд, принятый на вооружение Советской армии, был разработан и испытан именно уральским ядерным центром в той первой для него испытательной сессии. За эти успехи группа специалистов центра вместе с Кириллом Ивановичем была удостоена в 1958 году Ленинской премии. Под руководством К. И. Щелкина были разработаны: уникальный термоядерный боеприпас, включавший в себя самый мощный термоядерный заряд того времени, корпус несущей его авиабомбы, систему задействия и уникальную парашютную систему. Однако его натурные испытания не были проведены из-за неготовности полигона к таким работам. В 1961 году ряд основных элементов этой разработки был использован КБ-11 при испытании самого мощного термоядерно-

го заряда (“Кузькиной матери”). А парашютная система в дальнейшем нашла широкое применение в советской космической программе».

Коллеги К. И. Щелкина благодарно вспоминали, что Кирилл Иванович Щелкин в качестве научного руководителя и главного конструктора НИИ-1011 прозорливо смотрел в будущее и, преодолевая сопротивление, стремился строить родной институт как многопрофильную организацию. Ему непросто было отстаивать свои взгляды, но все последующее развитие института подтвердило правоту его позиции. Коллеги имели в виду открытую озабоченность К. И. Щелкина наметившимся снижением научного уровня важнейших для обороны страны исследований: как в Челябинске, так и в Сарове. Эти переживания стоили ему дорого.

В одном из писем высокому министерскому руководству К. И. Щелкин писал: «Из Министерства среднего машиностроения улетучилась научная атмосфера, без которой невозможна никакая творческая работа... Небольшое число крупных специалистов, оставшихся в министерстве, заняты залатыванием прорех, образующихся то здесь, то там. Их начинает захлестывать текущая работа по созданию зарядов для возросшего числа носителей... Мне представляется, что если не принять срочные меры, то институты министерства – НИИ-1011 и КБ-11 – постепенно превратятся в заштатные КБ, захламленные неспособными, слабыми работниками, постепенно выдвигаемыми на высокие посты вследствие недостатка людей необходимой квалификации. Мне кажется, что только ЦК КПСС может исправить положение. По моему мнению, Министерство среднего машиностроения не в силах провести сколько-нибудь существенную мобилизацию научных сил...»

Кирилл Иванович
Щелкин

Бюст К. И. Щелкина
в Снежинске

Кому в министерстве такая жесткая гражданская позиция, воспринимаемая, скорее, как строптивость ученого, понравится?! Помимо прочего, это, по-видимому, проявилось в несправедливости очевидной. В 1953 году Кирилл Иванович был избран в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Но действительным членом АН СССР выдающийся ученый, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских и Ленинской премий так и не стал. Здоровья этот мелкий укол ему, конечно, не добавил.

В 1959 году у Кирилла Ивановича участились сердечные приступы. 7 февраля 1960 года не стало глубоко им уважаемого давнего друга Игоря Васильевича Курчатова. Щелкин решил уйти с поста научного руководителя и главного конструктора ядерного оружия. Министр среднего машиностроения Е. П. Славский специально приехал к Щелкину, чтобы отговорить его. Безуспешно.

Академик Б. В. Литвинов писал: «Но в Институте химической физики, куда вернулся Щелкин, был уже не тот масштаб задач, который всегда держал ученого в тонусе».

Автор 250 научных работ, он продолжал публиковаться в научных журналах, активно занимался популяризацией науки, написал в 1965 году книги «Физика микромира» и «Газовая динамика горения»...

8 ноября 1968 года Кирилл Иванович Щелкин умер (так же неожиданно, как и Игорь Васильевич Курчатов), ему было всего 57 лет. Только после ухода из жизни его имя и фотография впервые были опубликованы в газете «Правда». На его могиле

на Новодевичьем кладбище высечены благодарные слова: «Ученый, труженик, солдат». Но впору добавить сегодня, по прошествии более чем полувека после ухода из жизни К. И. Щелкина: «Неизвестный и загадочный...» Вот и армянское происхождение К. И. Щелкина оспаривается. В Википедии со ссылкой на десяток источников, утверждается, что отец ученого – Ованес Епремович Метаксян – из крымских армян. По другим сведениям, отец ученого – Иван Ефимович Щёлкин – из крепостных крестьян Смоленской губернии... Внешне типичный, черноволосый армянин, он похоронен на армянском кладбище Карасубазара. Запись о рождении его сына сделана в Тифлисской армянской церкви Сурб Хач, сын прекрасно знал армянский язык. Даже одного этого нам достаточно, чтобы говорить об армянском в Кирилле Ивановиче. Так же, как Стиву Джобсу или Владимиру Высоцкому, – благодарно ценившим в себе полученное ими от воспитавших их приемных матерей-армянок...

Родители
К. И. Щелкина

Кирилл Иванович ЩЕЛКИН (МЕТАКСЯН)

РАЗВЕДЧИКИ

В этой книге я рассказываю о впечатляющем ряде выдающихся людей, сыгравших значительную роль в жизни России, Советского Союза, а то и мира, людей, с которыми мне посчастливилось прямо или косвенно пересечься по профессиональной в основном линии. Разведчиков лично я не знал, но не рассказать о некоторых из них, о которых узнал от других, в этой книге не могу. Я являюсь инженером и научным работником, каких немало. Можно представить, насколько представительнее и внушительнее этот ряд может быть, если сложить воспоминания о Мудрецах нашего народа других людей, знавших гораздо больше меня.

Однажды, в 1970-е годы, один мой знакомый, строитель по образованию, окончивший Ереванский политехнический институт, волею судеб оказался на учебе в Москве по линии КГБ, в Центральной разведывательной школе. Единственно, что он сказал о своей учебе, – это то, что им преподают историю спецслужб, и опытные преподаватели особо подчеркивают исключительно большой вклад армян в наиболее значительные разведывательные операции СССР за рубежом.

Потом уже я узнал от бывшего начальника ЦАГИ Ивана Федоровича Петрова и его переводчицы Нины Петровны Первой, побывавших в Германии перед самым началом войны с делегацией авиационных специалистов по прямому поручению

И. В. Сталина, самые общие, но добрые слова о наших разведчиках, легальных и нелегальных, опять-таки – армянах. Они не называли имен, но сегодня известно по крайней мере одно из них. Это Амаяк Кобулов – легальный резидент НКВД СССР в Берлине, сообщивший в центр в начале 1941 года точное время, когда Германия нападет на Советский Союз.

Слышал я от своего дяди А. И. Асриянца, работавшего в Военной академии бронетанковых войск, о его коллеге, начальнике Политотдела академии Г. Л. Туманяне, который, как стало известно позже, был в свое время разведчиком-нелегалом в Китае, Испании. Тепло о нем вспоминали в беседах со мной его племянники по материнской линии Степан Анастасович и Ваню Анастасович Микояны. Но все это меркнет по сравнению с тем, что можно узнать ныне из открытых источников, хотя опубликована сегодня лишь малая часть приоткрытой информации. Вот свёрхкраткое перечисление лишь некоторых из ставших известными Имен и Дел – истинно мирового масштаба.

Гайк Бадалович Овакимян (кодовая кличка «Геннадий»). Начальник резидентуры советской разведки в США с 1938 года, направленный туда после успешной разведывательной работы в Германии, он был автором агентурной операции, способствовавшей оперативному созданию ядерного оружия в СССР. Овакимян получал информацию от Клауса Фукса, в 1938-м завербовал Юлиуса и Этель Розенбергов – это исторические личности в истории советского атомного проекта... В 1940 году Овакимян первым сообщил в Москву о начале атомных разработок США. В 1943–1947 гг. он был руководителем проекта ENORMOS (обеспечение советских ученых атомными секретами США). Сегодня можно прочесть в открытых источниках, что он смог раздобыть свыше тридцати тысяч технических документов, свыше тысячи комплектов чертежей и свыше полутора тысяч образцов различных военно-технических новинок. В сороковые годы генерал Овакимян был заместителем начальника внешней разведки СССР.

Гайк Бадалович
Овакимян

**Михаил Андреевич
Аллахвердов**

Михаил Андреевич Аллахвердов («Заман»). Паренек родом из Шуши, он боролся в молодости с басмачами в Средней Азии. В 1928 году Аллахвердов возглавил резидентуру внешней разведки в Персии, а перед войной – советские нелегальные резидентуры в Австрии, Швейцарии и Франции. Работал в Турции, Югославии. С началом войны он стал резидентом внешней разведки в Афганистане, где в 1941 году вместе с представителями британской разведки раскрыл и парализовал деятельность вражеских спецслужб, готовивших переворот и введение германских войск в Иран и Афганистан. В 1947 году генерал Аллахвердов был назначен заместителем начальника Высшей разведывательной школы.

Геворк Андреевич Вартанян («Амир»). Наиболее известный сегодня советский разведчик, он возглавил группу, которая строила десантную операцию знаменитого Отто Скорцени «Длинный прыжок» по физическому устранению глав трех союзных государств – Сталина, Рузвельта и Черчилля в конце 1943 года в Тегеране. После этого чета разведчиков Геворка Андреевича и Гоар

Супруги Геворк и Гоар Вартаняны

Левонян Вартанян успешно продолжила свою закрытую до сих пор работу в ряде стран, включая Италию, Испанию, Францию, Грецию, Швейцарию, Германию, США, Японию, Сирию, Ливан. Г. А. Вартанян первым среди советских разведчиков-нелегалов был удостоен звания Героя Советского Союза в мирное время. В автобиографической книге «Записки начальника нелегальной разведки» генерал Юрий Дроздов писал о Геворке Вартаняне: «...Равный Зорге, Абелю, Филби... А возможно, и первый...»

Иван Иванович Агаянц. Деятельность молодежной группы Вартаняна по нейтрализации «Длинного прыжка» координировал легендарный советский разведчик Иван Иванович Агаянц. Информация о многих сложных и важных операциях, в которых в дальнейшем принимал участие генерал Агаянц, до сих пор находится в закрытых архивах. Он работал в Иране, в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Его коллеги отмечают, что значительным был его вклад в послевоенную судьбу Франции. В 1967 году генерал Агаянц был назначен заместителем начальника внешней разведки СССР. Разведчиками-нелегалами были также братья Ивана Агаянца – Александр, Михаил и их сестра Анна. Родились они в семье священника. Их семья жила недалеко от Ханлара (поселка Екатеринендорф, заселенного немецкими колонистами, из которого происходил разведчик Рихард Зорге).

Смбат Амбарцумович Ходжоян. Невероятно, но ему, агенту ГРУ, удалось «подменить» известного турецкого политика своего времени, члена парламента. Долгие годы Ходжоян успешно исполнял роль этого турецкого парламентария, хотя почти сразу же наш разведчик был разоблачен... «женой» турка! Но в предусмотрительном ГРУ знали, что жена парламентария – отуреченная армянка. Она не стала выдавать своего «нового» мужа, и сама была завербована советской спецслужбой.

**Иван Иванович
Агаянц**

**Смбат Амбарцумович
Ходжоян**

В настоящее время отсутствует сколько-нибудь полная информация о других знаменитых разведчиках-армянах, которые работали под оперативными псевдонимами «Ахурян», «Олаф», «Золушка», «Вера», «Скиф»... Но известно, что малочисленный армянский народ во время Великой Отечественной войны, до нее и после дал более 60 знаменитых разведчиков, которые сыграли большую роль в укреплении обороноспособности страны, в развитии экономики и науки СССР, в его Победе в Великой Отечественной войне.

Вот лишь некоторые имена.

Я. Х. Давтян

Начнем с самого начала. Первое подразделение внешней разведки советских органов государственной безопасности – Иностранный отдел ВЧК-ОГПУ СССР – было создано в структуре Особого отдела ВЧК в 1920 году. Согласно приказу председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф. Э. Дзержинского, 20 декабря 1920 г. ИНО ВЧК возглавил **Я. Х. Давыдов (Давтян)**. В качестве первого начальника ИНО он был рекомендован главе ВЧК Дзержинскому Инессой Арманд «как надежный и преданный Коммунистической партии товарищ, к тому же образованный и владеющий несколькими иностранными языками». Перед ИНО были поставлены важнейшие на тот момент задачи: создание резидентур за границей; развертывание агентурной работы среди иностранных граждан на территории РСФСР. В 1921 году ИНО вошел в состав Секретно-оперативного управления ВЧК. В рамках борьбы с белоэмиграцией были проведены операции «Трест», «Синдикат» и др., позволившие парализовать эмигрантские организации.

Вскоре в качестве начальника Иностранного отдела ВЧК его сменил на короткое время бывший заместитель начальника политуправления Красной армии Рубен Павлович Катанян.

У Давтяна, сосредоточившегося на работе в Наркомате иностранных дел, был большой опыт работы за рубежом: Эстония, Литва, Китай, Франция, Иран, Греция, Польша. Особенно продук-

тивной, по свидетельствам историков, оказалась работа Давтяна в Китае, где он был полпредом и одновременно успешным резидентом внешней разведки. Тем не менее в 1937 году он был арестован и расстрелян. Годом позже арестовали также Катаняна. С 1938 по 1955 год он находился в заключении, в 1955 году был реабилитирован...

Р. П. Катанян

Акопян Ашот Абгарович (полиглот, владевший французским, итальянским, турецким, румынским, болгарским и арабским языками, он считается одним из самых успешных советских разведчиков-нелегалов), Баласанов Герасим Мартынович, Аванесов Варлам Александрович, Агамалов Рубен Амбарцумович (родом из Шуши), Агаян Гурген Семенович, Агемян Мовсес Ервандович, Акопян Ашот Абгарович (его ставят в один ряд с выдающимися разведчиками, такими как Конон Молодой и Рудольф Абель), Гургенов Вячеслав Иванович, Касабян Зограб и Аршалуйс, Каспаров Вартан Константинович (утверждают, что именно он передал нашим конструкторам секрет

А. А. Акопян, К. Т. Молодой, Р. И. Абель

изготовления керамических плиток и специального клея для крепления их к обшивке американского воздушно-космического самолета «Шаттл»...), Кеворков Вячеслав Ервандович, Мнацаканов Азарий Айрапетович, Оганьянц Александр Александрович, Хитаров Рафаэл Мовсесович, Цатуров Гарегин Мосесович...

Работа дипломатов, повторимся, сродни работе разведчиков. Помимо упоминавшихся армянских дипломатов РФ, министра С. В. Лаврова также и премьер-министр РФ С. В. Мишустин – по крови наполовину армянин.

Этому удивительному, на первый взгляд, «армянскому» явлению: редким качествам таких «особых» людей дал яркое объяснение такой высший профессионал и мудрый патриот, как Геворк Варданян:

– Нас такими сделали прошедшие тысячелетия: извечная борьба в защиту родной земли, за восстановление государственности, недостаточность ресурсов. Необходимость стойко переносить исторические испытания способствовала развитию стремления к приобретению знаний, ответственного отношения к делу, осознанного самопожертвования. По всей вероятности, этим и объясняется тот факт, что армяне дали миру блестящих специалистов в сфере разведки, при непосредственном участии и под руководством которых создавались разведывательные структуры, а в дальнейшем и новые направления в оперативной деятельности...

Нельзя не заметить, что эти слова, вообще говоря, поясняют необычное, неумное, чуть ли не генетическое стремление многих армян (не только разведчиков) к самоутверждению в любой области жизни, к настойчивому поиску своего места под солнцем, к решению значительных и сложных задач: научных, культурных, социальных, экономических, политических, военных оборонных...

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

На одном из недавних застольных торжеств в нашем отделении в ЦАГИ рядом со мной оказался незнакомый мне робкого вида молодой человек. Выпив, он, несколько смелев, спросил меня вдруг:

– Говорят, что именно вы давным-давно первым изобрели «однорукий» кран для регулирования температуры и расхода воды?

Я стал, улыбаясь, возражать, а он настаивал:

– Нам об этом рассказывал главный инженер нашего отделения Константин Сергеевич Стрелков.

Я понял, откуда (и сколь издавна) дует ветер. Мой друг Костя, такой же любитель русской бани, как и я, был одним из тех, кто гомерически расхохотался в парилке, когда я в далеком 1961 году действительно предложил такой невиданный и неслыханный у нас «однорукий» кран-смеситель. Посмеялись надо мной и люди в чем-то более серьезные – из патентного отдела ЦАГИ: «Это полная ерунда: два крана, что может быть удобнее и проще? Ваша идея – никому не нужна, тем более головному научному центру авиационной отрасли! Впрочем, видя ваше несогласие с этой очевидностью, мы можем посоветовать вам подать заявку на такое изобретение от себя лично. Но прежде вам следует обратиться в Государственную патентную научно-техническую библиотеку».

Вскоре я уже и сам смеялся над собой, но по совершенно иной причине: в библиотеке этой я нашел (совершенно неожиданно для себя) десятки, если не сотни, подобных же решений, притом нередко гораздо более изящных, чем у меня, например, изящный кран, предложенный впервые (в 1954 году) американским изобретателем армянского происхождения Алексом Манукяном. Именно он и признан в мире первопроходцем в изобретении однорычажного шарового смесителя.

Надо сказать, что среди наших соотечественников немало изобретателей в не менее важных областях техники и первопроходцев в науке. Вот лишь некоторые из них:

Эмик Авагян – американский изобретатель инвалидной коляски с ручным управлением;

Ованес Абгарович Адамян – советский инженер-электрик, один из изобретателей цветного телевидения и радиофототелеграфии;

Борис Арташесович Бабаян – советский ученый – разработчик суперскалярного компьютера;

Д. Бозанджян – главный конструктор американского космического корабля «Сервейор»;

Артур Булбулоян – американский изобретатель кислородных масок для военно-воздушных сил;

Александр Николаевич Гарсоев – конструктор советских подводных лодок;

Реймонд Ваган Дамадьян – американский инженер – создатель аппарата для магнитно-резонансной томографии (МРТ);

О. А. Адамян А. Алчян Б. А. Бабаян А. Н. Гарсоев Б. К. Иоаннисиани В. Казанчян

Э. Кеонджян А. Манташев Д. Симджян А. Теванян М. Тер-Погосян К. Г. Тюрекян

Баграт Константинович Иоаннисиани – конструктор астрономических приборов (между прочим, человек без высшего образования, достигший высшей образованности и ставший лауреатом Ленинской премии и Героем Социалистического Труда);

А. Кандоян – создатель прибора для слепой посадки самолета, конструктор систем межконтинентальной связи (США);

Эдуард Кеонджян – профессор Аризонского университета, один из создателей транзистора и интегральной схемы; совместно с астронавтом Нилом Армстронгом активно участвовал в проекте «Аполлон-1» по высадке человека на Луну;

Александр Иванович Манташев (Манташян) – российский нефтепромышленник, построивший первый в мире нефтепровод (в Баку);

Хэл Маркарян – американский авиаконструктор, один из создателей бомбардировщика-невидимки Northrop B-2;

Оскар Бэнкер (Асатур Сарафян) – американский изобретатель первой автоматической коробки передач;

Джордж Симджян – американский инженер – изобретатель банкомата, камеры с автофокусировкой, цветного рентгеновского аппарата;

Степан Степанян – американский изобретатель бетономешалки;

Аветис Теванян – американский ученый, один из главных разработчиков Apple Mac OS X;

Майкл Тер-Погосян – американский изобретатель томографии позитронного облучения;

Карл Гарегин Тюрекян – американский ученый-геохимик, участник лунного проекта «Аполлон»;

Д. Халайджян – ведущий конструктор лунного автомобиля «Ровер», установленного на космическом корабле «Апполон»;

Рубен Григорьевич Чачикян – создатель первого беспилотника, не имевшего аналогов в мире;

Рубен Эксерджян – американский изобретатель зенитных орудий.

Наши соотечественники были первопроходцами не только в области техники, но в самых разных областях. Вот лишь некоторые из них:

Аветис Зилчян – американский создатель уникального металлического сплава музыкальных тарелок;

Габриел Казанчян – американский изобретатель прибора для сушки волос (фена);

Жирайр Сезел – американский изобретатель метода имплантации волос;

Христофор Тер-Серобян – американский изобретатель специальной краски для долларов;

Роза и Саркис Коломбосян – американские производители первых йогуртов (на основе мацуна);

А вот лишь некоторые из известных всему миру наших соотечественников, которые не были изобретателями, но их достижения в самых разных областях сделали бы честь любому народу. Среди них – ученые:

Дарон Аджемоглу – американский ученый-экономист, дважды номинант на Нобелевскую премию;

Абрам и Артем Алиханяны – советские ученые-физики;

Армен Альберт Алчян – американский ученый-экономист, ведущий эксперт в Международном валютном фонде;

Виктор Амазаспович Амбарцумян – советский ученый-астрофизик;

Пол Богосян – американский философ, был номинирован на Нобелевскую премию;

Вараздат Газанджян – основоположник пластической хирургии, президент Американской Ассоциации пластических хирургов;

Мигран Гасабян – президент американского общества электрической терапии;

Парис Мисакович Геруни – советский ученый-радиофизик и радиоастроном;

Д. Аджемоглу А. Казанчян-Лонгбардо Дж. Кеворкян Р. Меграбян А. Л. Микаэлян А. Никогосян Ю. Ц. Оганесян

Николай Сергеевич Ениколопов – советский ученый – физико-химик;

Анна Казанчян-Лонгбардо – американский ученый в области навигационных систем для космических проектов;

Джек Кеворкян – американский врач и правозащитник – первопроходец в движении «Право на смерть» (эвтаназии);

Семен Давидович Кирлиан – советский физиотерапевт, совместно с супругой Валентиной Кирлиан впервые разработал способ фотографирования объектов, позволивший наблюдать излучение света атомами и молекулами (всемирно известный эффект Кирлиана);

Иван Людвигович Кнунянц – советский ученый-химик;

Нерсес Крикорян – американский физик, сотрудник Лос-Аламосской лаборатории (США);

Роберт Меграбян – американский ученый в области материаловедения и экономики, советник президента США по экономическим вопросам, автор множества научных монографий;

Андрей Леонович Микаэлян – советский ученый в области радиооптики, нейронных сетей;

Джон Наджарян – основоположник трансплантации как фундаментальной области медицины (США);

Арнольд Никогосян – американский исследователь в области космической медицины, бывший директор Медицинского управления NASA;

Г. Овнанян – американский ученый, руководитель отдела NASA;

Юрий Цолакович Оганесян – советский ученый-физик;

Иосиф Абгарович Орбели – советский ученый-востоковед;

Леон Абгарович Орбели – советский ученый-физиолог;

Рубен Абгарович Орбели – советский ученый – основоположник подводной археологии;

Михаил Борисович Пиотровский – советский и российский историк-востоковед;

Дорк Саакян – американский климатолог, президент межправительственной группы экспертов по изменению климата при ООН, лауреат Нобелевской премии;

Норайр Мартиросович Сисакян – советский ученый, один из основателей космической биологии;

Аветис Теванян – директор по программным технологиям фирмы Apple;

Павел Александрович Флоренский –

богослов, религиозный философ, ученый, инженер;

Джакомо Луиджи Чамичян – ученый в области органической химии, основоположник солнечной энергетики, был неоднократно номинирован на Нобелевскую премию;

Джордж Чилингарян – главный советник ООН по нефтяным ресурсам;

Арам Чобанян – почетный президент сообщества врачей США, был номинирован на Нобелевскую премию в области медицины;

Александр Оганович Чубарьян – советский ученый-историк.

Общественные деятели, предприниматели, меценаты:

Левон Гургенович Айрапетян – российский предприниматель и меценат;

Джеймс Багиян – американский астронавт;

М. Б. Пиотровский Д. Саакян П. А. Флоренский Дж. Л. Чамичян Дж. Чилингарян А. О. Чубарьян

Алек Манукян – американский изобретатель-технолог, меценат;

Мисак Манушян – лидер французского сопротивления;

Галуст Саркисович Гюльбенкян – нефтяной магнат и меценат;

Самвел Саркисович Карапетян – российский предприниматель, меценат;

Кирк Керкорян – американский игровой магнат, создатель Лас-Вегаса, меценат;

Эдуардо Эрнекеян – аргентинский предприниматель, меценат.

Художники, скульпторы, архитекторы:

Минас Карапетович Аветисян – советский художник;

Иван Константинович Айвазовский – русский живописец;

Аршил Горки (Востаник Сетракович Адоян) – американский художник;

Гарзу (Гарник Зулумян) – французский художник;

Ерванд Семенович Кочар – советский скульптор и художник;

Мартiros Сергеевич Сарьян – советский художник;

Александр Иванович Таманян – российский и советский архитектор;

Ш. Азнавур Л. Г. Айрапетян К. Керкорян С. С. Карапетян А. Манукян Э. Эрнекеян

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

И. К. Айвазовский Г. Зулумян Е. С. Кочар М. С. Сарьян Г. В. Франгулян Р. Л. Хачатрян

Георгий Вартанович Франгулян – советский скульптор;
 Рудольф Лорисович Хачатрян – советский художник;
 Георгий Богданович Якулов (Геворг Якулян) – советский художник;

Композиторы и дирижеры:
 Шарль Азнавур – французский певец, композитор и актер;
 Андрей Аванесович Бабаев – советский композитор;
 Георгий Арамович Гаранян – советский композитор и дирижер;
 Жорж Гарваренц – французский композитор;
 Вячеслав Григорьевич Добрынин – советский композитор, певец;
 Александр Павлович Долуханян – советский композитор;
 Мишель Легран – французский композитор;
 Георгий Викторович Мовсисян – советский композитор;
 Алан Ованес – американский композитор;
 Булат Шалвович Окуджава – советский поэт, композитор, бард;
 Константин Агапаронович Орбелян – советский композитор и дирижер;
 Константин Гарриевич Орбелян – советский и американский дирижер;
 Кшиштоф Пендерецкий – польский композитор и дирижер;

А. А. Бабаджанян А. В. Бабаев Г. А. Гаранян Ж. Гарваренц К. Пендерецкий М. Легран

Микаэл Леонович Таривердиев – советский композитор;
 Авет Рубенович Тертерян – советский композитор;
 Давид Федорович Тухманов (Тухманян) – советский композитор;
 Арам Ильич Хачатурян – советский композитор;
 Оганес Арутюнович Чекиджян – армянский дирижер;
 Алексей Гургенович Экимян – советский композитор;

Музыканты-исполнители:
 Анна Христофоровна Аглатова – российская оперная певица;
 Ирина Александровна Аллегрова – российская эстрадная певица;
 Гоар Микаэловна Гаспарян – советская певица;
 Дживан Арамаисович Гаспарян – армянский музыкант-дудукист;
 Асмик Гегамовна Григорян – литовская оперная певица;
 Гегам Мигранович Григорян – армянский оперный певец;
 Мария Агасовна Гулегина (Мейтарджян) – оперная певица;
 Лусине Абетовна Закарян – армянская певица;
 Заруи Агасьевна Долуханова – советская певица;
 Павел Герасимович Лисициан – советский певец;
 Мариам Ониковна Мерабова – российская джазовая певица;
 Шер (Шерилин Саркисян) – американская певица и актриса;
 После юбилейного концерта певицы Мариам Мерабовой в Зарядье интернет взорвался множеством восторженных откликов. Они сегодня доступны любому на Youtube. Вот лишь некоторые: «Какая красивая женщина. Все сошлось: голос, талант, душа!», «Вот кто Примадонна! Умница, труженица, красавица, хочется смотреть и слушать ее бесконечно. Мощь, красота, вкус, благородство! Наслаждение для самого взыскательного слуха!»

А. Р. Тертерян М. Л. Таривердиев Д. Ф. Тухманов А. И. Хачатурян О. А. Чекиджян А. Г. Экимян

А. Х. Аглатова А. Г. Григорян М. Гулегина З. А. Долуханова М. Мерабова Шер (Ш. Саркисян)

И таких громких признаний в любви к удивительному таланту певицы – сотни, от людей самых разных. Я обратил внимание на примечательное: «Знает ли мир о таких произведениях, как “100 минут счастья”, и этим сказано все! Мир не знает, что такое Россия. Будем жить! Браво, Мариам, бриллиант страны!»

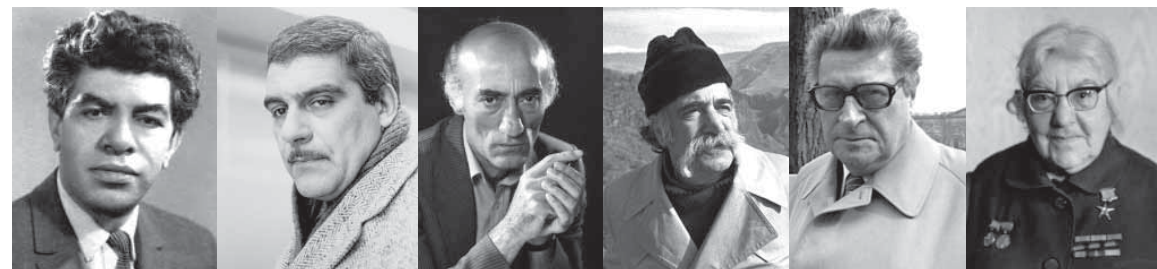
Похоже, что автор этого отзыва о певице не знает, что она армянка и что песню «100 часов счастья» написал армянский композитор К. А. Орбелян. Как-то неловко было бы даже говорить об этом: так много талантов армянских мудрецов и умельцев верой и правдой служили и служат славе и могуществу России. Но сколь же многие представители армянской диаспоры России (и в их числе подобные истинные «бриллианты страны») слышали, особенно в последнее время, язвительные суждения о себе. Ну как тут не вспомнить мудрого Сенеку, сказавшего: «Нет ничего более почетного, чем благодарное сердце».

Писатели:

Анри Труайя (Левон Асланович Торосян) – классик французской литературы;

Сергей Донатович Довлатов – русский и американский писатель;

П. Р. Севак С. Д. Довлатов Г. И. Матевосян У. Сароян А. Труайя М. С. Шагинян

Сильва Барунаковна Капутикян – армянская поэтесса;
Грант Игнатьевич Матевосян – армянский писатель;
Уильям Сароян – классик американской литературы;
Паруйр Рафаэлович Севак – армянский поэт;
Мариэтта Сергеевна Шагинян – советская писательница;
Ованес Тадевосович Шираз – армянский поэт;
Геворг Георгиевич Эмин – армянский поэт.

Р. Г. Балаян Е. Б. Вахтангов Е. Кавалерович Р. Мамулян С. И. Параджанов Р. Н. Симонов

Театральные и кинорежиссеры:

Евгений Багратионович Вахтангов – советский режиссер;

Роман Гургенович Балаян – советский кинорежиссер;

Карен Саркисович Геворкян – советский кинорежиссер;

Гавриил Георгиевич Егиазаров – советский кинорежиссер;

Эдмонд Гарегинович Кеосаян – советский кинорежиссер;

Владимир Иванович Немирович-Данченко – советский режиссер;

Ежи Кавалерович – польский кинорежиссер;

Анри Верной (Ашот Малакян) – французский кинорежиссер;

Рубен Мамулян – американский режиссер театра и кино;

Сергей Иосифович Параджанов – советский кинорежиссер;

Рубен Николаевич Симонов – советский режиссер;

Атом Эгоян – канадский режиссер;

Артисты:

Ким Кардашьян – американская звезда;

Агриппина Яковлевна (Акоповна) Ваганова – русская балерина;

Армен Борисович Джигарханян – советский артист;

Леонид Георгиевич Енгибаров – советский артист;

Павел Борисович Луспекаев – советский артист;

А. Я. Ваганова А. Б. Джигарханян П. Б. Луспекаев Ф. Мкртчян С. А. Саркисян Д. В. Харатьян

Ваграм Камерович Папазян – армянский артист;
Сос Арташесович Саркисян – советский артист;
Дмитрий Вадимович Харатьян – российский артист.

Спортсмены:

Артур Абрахам (Аветик Григорьевич Абраамян) – армянский и немецкий боксер;
Андре Агасси – американский теннисист;
Артур Геворкович Алексанян – армянский борец;
Юрий Норайрович Варданян – советский тяжелоатлет;
Владимир Николаевич Енгибарян – советский боксер;
Шаварш Владимирович Карапетян – многократный рекордсмен мира по подводному плаванию;
Гарри Кимович Каспаров – советский шахматист;
Генрих Гамлетович Мхитарян – армянский футболист;
Тигран Вартанович Петросян – советский шахматист;
Ален Прост – французский автогонщик;
Никита Павлович Симонян – советский футболист;
Игорь Арамович Тер-Ованесян – советский легкоатлет.

А. Абрахам А. Г. Алексанян Ю. Н. Варданян Г. Г. Мхитарян Ш. В. Карапетян А. Прост

Это далеко-далеко не полный перечень имен армян или людей с армянской кровью, внесших значительный вклад в мировую науку, технику, культуру, спорт.

Я уже не говорю о выдающихся личностях других важных сфер жизни, о многочисленных и выдающихся государственных деятелях, политиках, героях, полководцах, таких как министр внутренних дел Российской империи Михаил Таризелович Лорис-Меликов, министр народного просвещения Российской империи Иван Давыдович Делянов, министр химической промышленности СССР Леонид Аркадьевич Костандов, министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров, министр экономики РФ Андрей Георгиевич Шаповальянц, министр труда РФ Геннадий Георгиевич Меликян, маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, адмирал Флота Советского Союза Иван Степанович Исаков, маршал авиации Сергей Александрович Худяков, министр военно-морских сил США Пол Игнатиус, национальный герой Франции Мисак Манушян...

Любой список армянских мудрецов (как и приведенный выше мой субъективный список) ограничен. Он растет непрерывно, всплывают в памяти старые имена, рождаются новые. Нередки язвительные суждения завистников: «Это всё армяне придумали!» Не всё, но кое-что, разбросанные по всему свету, действительно придумали.

И малообразимое – в том числе... Простой пример. Кто поверит, что первая русская певица, исполнявшая русскую духовную музыку в Ватикане, – это армянка?! Это о ней, об уникальном контральто Лины Мкртчян, кинорежиссер Александр Сокуров говорил восторженно: «Страшная мука и наказание обладать талантом такого масштаба». Мне посчастливилось после одного из замечательных концертов Лины в Жуковском, лет тридцать назад, подарить ей свою небольшую самую первую книгу «Не прощаюсь...» и услышать на следующий же день такие простые и мудрые слова, что дорожу ими до сих пор... Ее голосом и масштабом личности восхищались и восхищаются высшие ценители вокального искусства.

Еще один пример. Кто бы мог подумать, что в такой огромной стране, как Россия, могла быть одна, бесспорно самая востребованная... «королева русских причесок». Сама непревзойденный

мастер, Лариса Кондрашова (Долорес Гургеновна Тертерян), чьи услуги благодарно пользовались Виктория Брежнева, Наи-на Ельцина, Раиса Горбачева, Сергей Михалков, Владимир Жириновский, Алла Демидова, Алла Пугачева, Филипп Киркоров, Вячеслав Зайцев, в 1997 году основала первую в России Академию парикмахерского искусства.

Однажды, в середине 1960-х, когда она только открыла салон на Новом Арбате и ее имя стало известно, я волею счастливого случая оказался в ее кресле и услышал немало нелестного о мастерах, стригших меня до нее. Ее салон вскоре стал лучшим в стране и сверхвостребованным российской элитой. В конце 1990-х всемирно известная «легендарная Долорес» вывела сборную парикмахеров России в чемпионы мира. Бакинская по рождению, она рано лишилась отца и вместе с мамой и сестрой оказалась без средств существования. Среднюю школу окончила в Москве и, чтобы помочь семье, стала обучаться парикмахерскому ремеслу – в заурядной московской бане. Всего в своей жизни, на трудном пути к истинно мировой славе она добилась сама, преодолевая множество препятствий, опираясь на свои редкостные трудолюбие, талант, целеустремленность. Как и большинство других героев этой книги, она пробивалась вверх не благодаря кому-то и чему-то, а вопреки. Лишний раз убеждаешься, что именно суровая, сопротивляющаяся, «голодная» среда представляется гораздо более надежной основой для начала плодотворной жизни, нежели тепличные, «сытые» условия. Думаю, это «генетический подарок» судьбы большинства героев этой книги. Обыватели же соцсетей, их немало в России, в слепой злобе задают обычный для них вопрос: надо еще понять, как «эта Долорес» оказалась в Москве...

Сверх парикмахерского искусства армянские мудрецы дали просвещенному миру еще «кое-что» в самых разных областях науки и искусства:

математика (А. Абиан, Д. Адомян, С. И. Адян, Р. А. Александриян, Р. В. Амбарцумян, С. Ю. Аракелов, Э. Артин, М. Э. Артин, А. А. Бунатян, М. М. Джрбашян, Д. С. Мириманов, Л. А. Оганесян, Л. Петросян, В. Г. Саргсян, Т. Тахта, Г. Тержаниан...),

физика и астрономия (Ю. Г. Абов, Е. А. Абрамян, Т. А. Агемян, В. М. Адамян, Г. А. Аскарян, Г. М. Гарибян, Г. А. Гурздян, В. Г. Гурза-

дян, А. К. Даглян, Г. Исраэлян, Б. С. Ишханов, М. А. Казарян, Б. Е. Маркарян, Р. М. Мурадян, Ю. А. Осипян, А. Н. Сисакян, М. П. Пишмиш (Сукиасян), А. А. Терзян, А. Терян, К. А. Тер-Мартirosян, С. Харет...),

биология (В.Е. Аветисян, А. Джоаким (Ашхен Овакимян), И. Г. Атабеков, И. Д. П. Яскевич...),

философия (Д. Анахт, С. С. Аревшатын, А. Ширакати, Г. И. Гурджиев...),

химия (С. Аветикян, В. Азатян, А. Айканян, М. Х. Карапетянц, Э. Караханов, К. А. Костанян, Ч. Кюркчян, С. Мацоян, Р. Мелик-Оганджян, Р. М. Налбандян, А. Р. Оганов...),

механика (Л. А. Агаловян, В. Н. Акопян С. А. Амбарцумян, Н. Х. Арутюнян, В. Н. Кукуджанов, С. М. Мхитарян, А. Г. Назаров...),

медицина (С. Э. Аветисов, Л. Автандилян, Д. Агаджанян, Л. В. Адамян, А. Акискал, Б. Г. Алемян, С. И. Алиханян, Р. Алтунян, А. Амасиаци, Н. Афеян, Э. А. Бабаян, В. Л. Бабилян, В. А. Геодакян, М. Герацян, А. Капикян, М. К. Кассабян, Э. М. Кастанаян, Д. Кебабян, И. Лукасевич, К. Манвелян, О. Оганесян, А. Патапутян, Г. А. Пашинян, М. Г. Тер-Грикуров, Л. С. Хачатурьянц, Г. Шагинян, В. А. Шахламов...),

архитектура (К. С. Алабян, Р. Алтун, Н. Бальян, М. В. Григорян, А. А. Мндоянц, М. Моссессиан, А. А. Тарханян, Трдат...),

инженерное искусство (В. Аваков, В. А. Авенян, К. Ж. Аванесов, С. Акопян, Э. Ганьян, К. Л. Гукасян, О. Н. Исаакян, Е. Г. Когбетлянец, В. Кюпелян, С. Манассерян, К. Меликян, А. Паноссян, Ч. Н. Папазян, С. А. Салтыков, Г. Согоян, Я. М. Хлытчиев, К. С. Чобанян...).

Немало сделано в области языковедения (Р. И. Аванесов, С. Г. Тер-Минасова...), геологии и минералогии (С. М. Айвазян, А. Е. Арцруни, А. О. Гукасов, И. Г. Магакьян, С. М. Матевосян, С. С. Мкртчян...), истории (Д. И. Ахшарумов, М. Гош, М. Маштоц, А. Г. Симонян, В. Г. Тунян, М. Хоренаци...), нанотехнологии (Г. Шмавонян...), энтомологии (М. Е. Тер-Минасян...), экономической науки, финансовой аналитики и менеджмента (А. Г. Аганбегян, Р. Д. Дончян, Г. Т. Закарян, А. М. Тарасов, Г. А. Тосунян, Т. О. Худавердян, Д. К. Челоянц...).

Гораздо более известны, доступны широкому пониманию и признанию достижения в области искусства (А. А. Адабашьян, А. А. Акопян, О. К. Амбарцумян, Б. С. Асатурян, Р. С. Асатурян,

Л. К. Атаманов, М. А. Багдасаров, К. К. Бадалов, С. И. Газаров, Р. Л. Дишдишян, Л. Г. Енгибаров, Г. Г. Исаакян, С. И. Исаакян, М. Коннорс (Оганян), Г. Х. Мартиросян, Ф. А. Мартиросян, Р. М. Матевосян, Р. Р. Нахапетов, Г. Б. Оганисян, С. Ф. Пучинян, А. Руссо, Т. Сазандарян, А. Г. Чумаков...)

Еще одно наблюдение о выделенных выше наших мудрецах. Лично я был знаком не со многими. В частности, с вице-президентом Академии наук Армении С. С. Мкртчяном, членом президиума Академии Л. А. Агаловяном, кинорежиссером С. Ф. Пучиняном, горным инженером С. М. Матевосяном...

Судьба легендарного Матевосяна особенно врезалась в память. Когда 22 июня 1941 года немецкие войска атаковали приграничную Брестскую крепость, Самвел Минасович Матевосян командовал первой контратакой, уничтожившей отряд немецких автоматчиков, прорвавшихся к центру крепости. На третий день войны Матевосян был ранен и 5 июля 1941 года оказался в числе других раненых в плену. Осенью он бежал из концлагеря и присоединился к отряду партизан. Во время одного из боев он получил еще одно тяжелое ранение и был оставлен партизанами в крестьянской семье до выздоровления. В феврале 1944 года был повторно призван в армию. Закончив войну в Берлине, он расписался на рейхстаге: «Я из Бреста. Самвел Матевосян». В 1954 году, когда писатель Сергей Смирнов стал исследовать историю обороны Брестской крепости, Матевосян был представлен к званию Героя Советского Союза. Но представление было отклонено по причине его нахождения в плену и на оккупированной территории. После войны горный инженер по образованию, Матевосян, окончивший в 1935 году с отличием Московский институт цветных металлов и золота, работал в Армении. В 1971 году за «выдающиеся успехи, достигнутые в развитии цветной металлургии», был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Мы с женой познакомились с Самвелом Минасовичем в Москве, в семье ее брата, Роберта Ивановича Баграмова – известного профессора, первопроходца в использовании лазеров в челюстно-лицевой хирургии. К горькому сожалению, тяжелое ранение стало причиной онкологического заболевания Самвела Минасовича, и сложная операция помогла лишь отдалить его уход из жизни. Навсегда в памяти остались его рассказы о героиче-

ческих защитниках Брестской крепости, среди которых было немало армян, о штурме Берлина. На всю жизнь запомнились мужество и скромное достоинство подлинного Героя.

Даже гораздо более информированному замечательному исследователю этой темы и талантливому писателю Джульетте Бубушян не хватило и двухсот страниц плотного телеграфного текста ее яркой книги «Что вы знаете об Армении и армянах?», чтобы рассказать о наиболее известных всему миру сынах и дочерях Армении.

Надо отдать должное достижениям соседнего, азербайджанского народа. Вот что сами они пишут об этом.

АМИ «Новости-Азербайджан» составил топ-11 самых известных азербайджанцев современности за рубежом. Вот он:

1. Вагит Алекперов – президент нефтяной компании «ЛУКОЙЛ».
2. Сейед Али Хосейни Хаменеи – верховный религиозный лидер Исламской Республики Иран.
3. Араз Агаларов – контролирует 30% продаж дорогой обуви в Москве.
4. Эмин Агаларов – певец.
5. Таир Мамедов – участник проекта Comedy Club.
6. Ануше Ансари – первая космическая туристка среди женщин.
7. Сами Юсуф – британский певец.
8. Эмин Алиев – исполнительный директор Суперлиги мини-футбола России.
9. Ирада Зейналова – российская журналистка.
10. Хоссейн Реза-заде – самый сильный человек в мире.
11. Тимур Родригез, или Теймур Микайыл оглу Керимов, – певец, актер.

Другой список из интернета самых известных азербайджанцев мира таков:

- Гейдар Алиев – общенациональный лидер Азербайджана;
- Ильхам Алиев – президент Азербайджана;
- Мехрибан Алиева – первая леди Азербайджана;
- Лотфи Заде – американский математик;

Помимо них, в этот список входят упоминавшиеся выше: Вагит Алекперов, Сейед Али Хосейни Хаменеи, Араз Агаларов, Эмин Агаларов, Таир Мамедов, Ануше Ансари, Сами Юсуф, Эмин Алиев, Ирада Зейналова, Хоссейн Реза заде, Тимур Родригез, Юлия Ахмедова.

Как бы ни поливали нас некоторые из азербайджанцев (тут и собаки, и шакалы, и трусливые, и глупые, и жадные, и жестокие), я знаю, что есть азербайджанцы, которые так не думают, и есть азербайджанцы, неспособные отрубить голову спящему «врагу» и готовые воздать должное и его храбрости, и его мирным достижениям. Не знаю, когда это может произойти, через двадцать лет или через сто, но надеюсь, что наши соседи когда-нибудь подпишутся вместе с нами под словами «Привета конференции мира», написанных в 1931 году великим мудрецом Николаем Константиновичем Рерихом:

«Мы устали от разрушений и взаимного непонимания. Лишь культура, лишь всеобобщающие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык. Это не мечтание! Это наблюдение опыта сорокадвухлетней деятельности на поприще Культуры, Искусства, Науки. И в одном мы можем принести нерушимую клятву, что от этой охраны Культуры, от Лиги Культуры, ни мы, ни последователи наши не отступимся. Нас нельзя разочаровать, ибо наблюдения в поле Искусства и Знания наполнят нас несломимым энтузиазмом. Не одна нация, не один класс с нами, но все множества человеческие».

Но пока нам остается вспомнить другие слова Н. К. Рериха.

Наша страна всей своей историей обречена на героические будни. По крайней мере две тысячи лет она, располагаясь между Западом и Востоком, в частности между постоянно враждовавшими между собой великими империями Рима и Персии, становилась полем боя. Вынужденная – всегда – выбирать чью-то сторону (а впоследствии к этим великим соседям крохотной Армении добавились еще Российская и Османская империи), она нередко ошибалась в выборе союзника. И тогда единственной надеждой сохранения чести и достоинства страны становился героизм ее самоотверженных сынов. Именно они, храбрецы на поле боя и мудрецы

в борьбе духовной – за сохранение своей культуры, языка, церкви – позволили продолжить жизнь своей страны, своего народа в веках. Великий ученый, художник, путешественник Николай Константинович Рерих говорил о таких людях, ссылаясь на мысли древних индийских писаний:

«...Великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам. Эти великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество».

Каждое из этих слов приходит на ум, когда вспоминаешь наших самоотверженных национальных героев-мучеников последних ста лет нашей истории, о некоторых из которых мы немного расскажем ниже.

Мемориал у крепости Лори Берд (XI век).

**Гарегин Егишевич
ТЕР-АРУТЮНЯН – НЖДЕ**

Накануне Дня Победы в мае 2023 года мы с моим хорошим товарищем боевым летчиком-истребителем, воевавшим в Афганистане и Анголе, полковником Константином Павловичем Агеевым поехали в его родовую деревню в нижегородской глубинке. В этой деревне два года тому назад мы установили мемориальную доску памяти моего старшего друга – родного брата Константина Ивана Павловича Агеева. Об Иване Павловиче я написал в своей книге «Четыре жизни Г. Ф. Байдукова».

Многим знакома эта фамилия: Байдуков был вторым пилотом в экипаже В. П. Чкалова во время его знаменитого перелета в США на одномоторном самолете АНТ-25 в июне 1937 года. Но лишь единицы знают об исключительно важной роли, которую генерал-полковник Георгий Филиппович Байдуков сыграл в создании в СССР зенитно-ракетных систем противовоздушной обороны (ПВО), противоракетной обороны (ПРО), противокосмической обороны (ПКО), начиная с системы С-25 до известных сегодня миру систем С-300 и С-400. Так вот, рядом с Байдуковым в этой важнейшей для страны подвижнической работе стоял военный представитель войск ПВО в нашем Центральном аэрогидродинамическом институте – ЦАГИ Иван Павлович Агеев. Работа эта была истинно подвижническая. По масштабу и ответственности стоявших перед создателями эффективных систем

ПВО, ПРО, ПКО, по материальным и интеллектуальным затратам на их сверхсрочную разработку, производство, испытания и постановку на боевое дежурство ее можно сравнить лишь с соответствующими проблемами и вызовами в создании, во-первых, атомного оружия, а также, во-вторых, баллистических ракет.

Я уже знал, по своему прошлому приезду в большую деревню со странным названием Пичингуши, что в этой русской деревне, расположенной в 100 км от Нижнего Новгорода, присутствует какой-то мордовский элемент. Вспомнил немногочисленное народное гулянье с хороводом пожилых женщин в национальных костюмах и песнопениями на мордовском языке на мемориальном поле с деревянными тотемами и каменным памятником знаменитым в народе землякам. Узнал тогда, к примеру, что выдающаяся русская народная певица Русланова – мордовка (эрзя) по национальности. Я к этому народу проникся особым уважением с той еще студенческой поры, когда познакомился и подружился с однокурсником в МАИ, Володей Учватовым. Он, недавно ушедший из жизни мой добрый товарищ, со спокойным достоинством рассказывал мне о талантах своего народа, и сам был одним из них: он стал доктором технических наук, автором интересных научных идей и книг.

По дороге в Пичингуши я обратил внимание на необычное название другого поселка – Саваслейка. Я и раньше удивлялся этому необычному в центре России названию, побывав там много лет тому назад в испытательном центре авиации ПВО. И вот по дороге в Пичингуши узнаю от Кости, что это – названия финно-угорские, как и многие другие встречавшиеся нам по пути названия речушек и поселков. Приехали мы с Костей в его родную деревню, в его сельский дом, в котором никто не живет уже много лет. Дом стоит на вымирающей улице. Жива на этой улице с пустующими домами лишь одна, почти 90-летняя русская женщина тетя Валя, которой Костя, уезжая в прошлый раз, оставил ключи от дома. Ключей у тети Вали не оказалось. Костя пошел к знакомым, и выяснилось, что тетя Валя забыла, что передала ключи его товарищу – Сергею. Это был один из немногих, если не единственный в большой деревне относительно молодой человек, лет пятидесяти, большой труженик. Вскоре Сергей пришел к дому Агеевых с ключами и мешком сухих дров. Открыв

двери холодного с зимы дома, он, не дожидаясь возвращения Кости, стал разжигать большую русскую печь в центре дома. Ему стала помогать тетя Валя, и они начали говорить, совершенно неожиданно для меня... по-мордовски. За чаем Сергей поразила меня основательными знаниями по истории своего народа, глубокой рассудительностью. Я впервые понял, что нахожусь не среди русских людей, как полагал прежде, а среди мордвы. И я задал Сереже вопрос, начавший интересовать меня давно, с первой моей поездки в Пичингуши, когда мы с Костей открывали мемориальную доску Ивану Павловичу, людям, которых, как и их деревню, я считал русскими:

– А как случилось, что на огромной территории с мордовскими топонимами теперь, образно говоря, – русский флаг: здесь либо не живет мордва, либо они ассимилировались, либо лишь они сами знают, что они мордва?

Я указал на соседей: Татарстан, Башкортостан, на их гораздо более активную, если не боевую позицию в сохранении своих национальных, религиозных особенностей, традиций, и спросил:

– Мне кажется, ваш народ гораздо спокойнее относится к уменьшению ареала его проживания, к уменьшению числа тех, кто называет и даже считает себя мордвой?

Ответ Сергея был тихим:

– Мы народ спокойный, мы не склонны протестовать. Мы гордимся своими достойными сынами и дочерьми...

И снова я услышал о Руслановой, как в свое время услышал от Володи Учватова с тихой гордостью о всемирно известном скульпторе Эрзе. Чуть ли не как о признании масштабов значимости мордвы Сергей отметил, что когда-то сюда к ним приезжала даже какая-то делегация с угро-финскими корнями – из самой Финляндии...

– Мы не хотим громко добиваться своего. Мы хотим жить и живем спокойно.

Его поддержал Костя. Я ничего не стал говорить тогда, лишь заметив, что, по-моему, негоже подставлять левую щеку, если тебя ударили по правой, и только порадовался вслух тому, что рядом с мемориальной доской Ивану Павловичу Агееву на стене сельского клуба висело еще пять досок, посвященных его замечательным землякам. Тогда я не стал до поры говорить о своем несогласии

с «прагматичной» позицией Сергея, с которой осторожно согласился Костя. Костя – правильный человек, человек высшей, в моем понимании, порядочности и чести. Депутат в городе Жуковском от Коммунистической партии, он один из немногих смелых и грамотных бойцов оппозиции «Единой России». Только возвращаясь уже в Жуковский, я с удивлением узнал, что его семья – чисто мордовская. Но если старший брат Иван не скрывал, хотя бы в документах, что он – мордвин, то три младших брата, как и сестра, также многого добившиеся в жизни, значились уже и по документам русскими. Тогда же я узнал, что многие люди двух основных мордовских субэтносов – эрзя и мокша – стеснялись называть себя мордвой, хотя, по моему убеждению, им не грех было гордиться этим.

По дороге из Жуковского в деревню мы с Костей накоротке повстречались с замечательными его друзьями и побывали на ухоженных кладбищах, на которых покоятся его родные и друзья. В первый свой приезд мы побывали в знаменитом «пушкинском» селе Болдино, а во второй приезд посетили в Дивееве не менее знаменитое место – монастырь, связанный с именем Серафима Саровского.

По дороге обратно в Жуковский предстояла уже «моя программа». Мы повидали в Нижнем Новгороде моего близкого товарища по МАИ Бориса Колесова. А отъехав от Нижнего, поставили на навигаторе промежуточный адрес: «Город Владимир, кладбище у Владимирского централа». Я не стал до поры говорить Косте, что хотел бы найти на этом кладбище святую для меня могилу неизвестного ему, естественно, Гарегина Нжде. Путь был неблизкий. Я завел разговор на мучившую меня тему. Я вспомнил, что Костя поддержал «линию Сергея» по национальному вопросу, и спросил:

– Мы с тобой видели, на сколь большой территории в старые времена жили люди финно-угорской языковой группы. Это очевидно хотя бы по многим географическим названиям, расположенным далеко, за сотни километров, за пределами нынешней Мордовии. Мы с тобой знаем, что практически никто, включая меня, не знал, что Иван Павлович Агеев и Константин Павлович Агеев – мордва. И все большее число мордвы с каждым годом перестает считать себя таковыми, предпочитая называться русскими. Разве это нормально?!

В тот момент я еще не знал многого из того, о чем прочел позже в академическом издании «Народы и религии мира». Что пра-родители мордвы – финно-угорские племена – населяли Волго-Окско-Сурское междуречье во второй половине первого тысячелетия до н. э. Этноним мордва впервые упоминается в 6 веке. Численность мордвы в России (в 1999 году) составляла 1072 тысячи. Из них в Мордовии проживало 313 тысяч, в Башкирии – 31, в Татарстане – 29, в Чувашии – 19, в Самарской области – 116, Нижегородской – 37 тысяч... Я повторил вопрос:

– Разве это нормально?! Не следствие ли это благодушия Сергея и его единомышленников? Ведь как природу украшает обилие разных цветов, так и народы хороши – каждый по-своему?

Я чувствовал, как Костя смутился, безропотно соглашаясь с моей озабоченностью, и виновато-безмолвно закивал головой...

Подъехали к кладбищу, и я предложил Косте, который был за рулем, отдохнуть в машине. Мы выехали рано утром, и он мог поспать. Тем более что я не знал точного места захоронения Гарегина Нжде, поиски могли затянуться, хотя я запасся некоторой информацией об этом из интернета.

А. В. Геворкян у памятника Гарегину Нжде

Искал я довольно долго, Костя за это время звонил мне пару раз. В последний раз – когда я был уже у могилы. Она была очень ухожена, строга и достойно скромна. На невысокой гранитной стеле выбит портрет и под ним армянскими буквами: Нжде и русскими: Тер-Арутюнян Гарегин Егишевич. 01.01.1886 – 21.12.1955. Я не мог печально нарадоваться тому, что нашел ее. Но потом долго переживал, что в спешке не смог по-

стоять в молчании рядом с легендарным человеком и осмыслить соседство могилы с огромным забором на краю кладбища с колючей проволокой и мрачным зданием с зарешеченными окнами. Я подумал: может, это и был Владимирский централ, в котором он прожил последние годы и дни своей жизни?! Я торопился к Косте, поскольку воспринимал его звонки как сигнал спешки. А он же сказал мне, что звонил, пытаясь подключиться к затянувшимся поискам и надеясь быть полезным в этом на огромном кладбище.

Приехав в Жуковский, я рассказал о «встрече с Гарегин-ом Нжде» своему молодому коллеге в ЦАГИ Армену Геворкяну. Это удивительный парень. Его мать – русская, жена – русская, то есть сын его, Давид, – армянин на четверть. Но таких патриотов Армении, таких действенных, болеющих за свой народ патриотов, я еще не встречал. Именно он, инженер по образованию, окончивший МАИ, собрал вокруг себя более старших и более опытных людей, главным образом физтехов: Сергея Айвазова, Юрия Арутюнова, Мурада Брутяна, Роберта Джангиряна, Александра Сейраняна – людей высокой науки, а также инженеров Эдуарда Багдасаряна, Вагана Манвеляна, чтобы помогать Армении по мере наших сил. Именно он многое сделал для создания книги «Мудрецы на чаше весов», для трудного сбора денег на ее издание скромным тиражом, для ее презентации (совместно с Ваганом Манвеляном) в армянской церкви в Москве, для переправки бесплатного тиража в Армению. Именно он занялся все еще трудным сбором денег на существенно расширенное издание этой книги в виде настоящего двухтомника, он был первым строгим и конструктивным читателем рукописи. Как мало кто другой из нашего жуковско-армянства, Армен знал историю Армении, переживал за ее трагические периоды, регулярно бывал в последние годы в Армении, в том числе в Арцахе, и основательно был погружен в нынешние проблемы Родины. Так вот, когда я рассказал ему о своей печальной «встрече» с нашей общей гордостью Гарегин-ом Нжде и рассказал о своих переживаниях в связи с этим, он немедленно предложил осуществить в ближайшие дни то, о чем сам мечтал с того дня, как узнал о месте святого для нас захоронения.

Мы уже знали, что Гарегин Нжде, умерший во Владимирском центральном кладбище, был похоронен на тюремном в те годы кладбище. Останки Нжде были тайно перевезены в Армению еще в советское время. Нравнодушные армяне России привели в порядок заброшенное и забытое до определенной поры место первоначального захоронения национального героя Армении. Могила его была благоустроена этими благодарными анонимными патриотами.

В ближайший выходной мы на машине Армена отправились во Владимир. На этот раз я уже мог найти дорогу нам могилу с закрытыми глазами. На этот раз мы шли к ней уже не с двумя цветками, сорванными мною в спешке с цветочной клумбы, как в первый раз, а с букетом. Мы могли не только осмотреться, убедиться лишним раз в том, что за могилой, за небольшим, органичным, похожим на окружающие его и вместе с тем совершенно своеобразным памятником Герою кто-то постоянно ухаживает. К нему, невысокому и строгому, к его неброской, но красивой кованой ограде с отлитой в металле изящной головой тигра на каждой из четырех стен ограды, ведет ясно видимая тропиночка.

Г. А. Амирянц у могилы Гарегина Нжде на Владимирском кладбище

На этот раз мы уже могли постоять молча и благодарно, трепетно вспомнить о жизненном подвиге человека, которого так не хватает сейчас нашей Родине, человека, который, переживая за свой многострадальный народ, за «раскольническую, безродную, пораженческую часть армянства», «за несчастных, которые еще не преодолели в себе раба и поэтому остаются бессильными», почти в одиночку, но с полной верой в ко-

нечную победу демонстрировал врагу свою мощь. Не случайно голова Нжде в круглом обрамлении, выбитая на гранитной стене, так напоминает отлитую в металле голову тигра на стенках ограды. И вспомнились слова Нжде о взятой им при покидании Армении шкуре тигра, убитого его воинами на армянском берегу Аракса, – как его «единственное вознаграждение».

На этот раз мы уже знали, что, возможно, высокий кирпичный забор с колючей проволокой на его верху, рядом с могилой, а также мрачное многоэтажное здание с решетками на всех окнах это, скорее всего, и есть та самая мрачная политическая тюрьма, в которой Герой умер, заболев туберкулезом.

Простившись с Гарегиним Нжде, мы пошли на выход с кладбища, надеясь узнать что-либо об этой тюрьме и об одном из исторических ее узников. Вскоре, обойдя кладбище по улице, мы оказались перед шлагбаумом и вывеской о призыве на службу... во Владимирский централ. Мы надеялись посетить известный из интернета музей знаменитой тюрьмы, но офицер у шлагбаума объяснил нам, что музей этот давно перестал существовать... Мы смогли свободно пройти, в пределах допустимого, вглубь относительно небольшого мрачного комплекса с обилием колючей проволоки и оказались по «эту сторону» от высокого забора, за которым покоился Гарегин Нжде. Здесь его допрашивали, пытали, гноили... А он выстоял. Его могли убить давно, и так, чтобы никто не знал места его захоронения. Но не исключено, что и следователи, и судьи, и высшая власть не могли не только обвинить его в серьезном преступлении перед Советской страной, но были восхищены тем, что человек, имевший все возможности жить в тепле и сытости, в богатстве и безопасности, предпочел безальтернативную борьбу не на жизнь,

Могила Г. Нжде – рядом с забором Владимирского централа

а на смерть – во имя Родины, во имя будущего своего народа, несогласного с откровенными, на виду у всего просвещенного мира, давними вражескими планами и кровавыми попытками уничтожения армянской цивилизации.

Конечно, ставший мне особенно близким мордовский народ не нуждается в таком герое. Хотя бы потому, что его существованию никто не угрожает так, как угрожают народу армянскому. И тем не менее я решил рассказать Косте и не только ему о жизненном подвиге Гарегина Нжде.

Что я мог сказать им, просвещенным людям, которые могут в любой момент прочесть в интернете следующую, во многом ложную информацию: «Гарегин Нжде (настоящее имя – Гарегин Егишевич Тер-Арутюнян – армянский политический и военный деятель. Основоположник цехакронизма – армянской националистической идеологии. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистской Германией. В современной Армении Нжде некоторыми политиками и политическими организациями считается национальным героем».

Все в этой информации нуждается в уточнении, особенно последняя фраза. Так же, впрочем, как слова «националистической» и «нацистской».

Имя «Нжде» (в переводе с армянского – «скиталец», «вечный странник») было оперативным псевдонимом Гарегина Тер-Арутюняна, но оно отражает выбор этого человека на отказ от всех благ во имя жестокой, жесткой и долгой (на всю жизнь) борьбы – против угрозы истребления своего народа с пятидесятилетней историей и изгнания его со своих исконных земель. Неправда о Нжде раздувается истинно фашистским руководством Азербайджана, появившегося на карте чуть более ста лет тому назад, внедряющим в сознание собственных граждан с пеленок убеждение об армянах как ограниченных пришельцах на свои территории: то ли цыган из Индии, то ли албанских племен. Оно отказывает армянам в праве жить не только на их исторических землях: в Нахичеване, Арцахе, Зангезуре, даже в «Иреване», не говоря уже о «турецких» Карсе, Ардагане, Эрзеруме, озере Ван, горе Арарат... И если бы это были только слова. Но это полтора миллиона зверски убитых турками в начале XX века и не менее зверское уничтожение своих граждан-армян в Сумгаите, Баку,

Кировабаде в конце этого века, в Советском Союзе. Это ли не истинный нацизм?!

Правда о Нжде состоит в том, что он восстал против этой дикости, восстал с оружием в руках, восстал мудрым словом, и лишь единицы в Армении не считают его национальным героем. И лишь слепцы или подкормленные каспийской икрой, нефтью и газом комментаторы называют Нжде нацистом, коллаборационистом, антисемитом.

Почти все, что известно о жизни этого человека, абсолютно лишенного какой-либо иной цели, кроме служения своему народу, своей многострадальной Родине – Армении, известно с его слов, из его богатого письменного наследия. Но тем не менее мы обратимся к широко известным суждениям о нем из социальных сетей и рядом с ними поместим (курсивом) не столь известное, но особо ценное – его собственное видение происходившего.

Родился он 1 января 1886 г. в с. Кузнут Нахичеванского уезда Эриванской губернии Российской империи в семье священника. После обучения в русской школе в Нахичевани и продолжения учебы в гимназии Тифлиса в 1902 г. Тер-Арутюнян поступил на юридический факультет Петербургского университета. Оставив изучение юриспруденции в Санкт-Петербурге, став членом партии «Дашнакцутюн», в 1906 году Нжде направился в Болгарию, где поступил в нелегальное военное училище, в котором несколько сот армян и болгар прошли обучение военному делу, готовясь по инициативе лидеров партии «Дашнакцутюн» к повстанческой деятельности на территории Турецкой Армении и Македонии.

Гарегин Нжде
во время Балканской войны.
1913 г.

А вот что писал он сам.

«К армянскому революционному движению я примкнул в 17 лет, будучи гимназистом. В дальнейшем покинул университет, чтобы бороться против царизма и султанизма. В 1906 году я перебрался в Болгарию и при содействии лидеров македонского освободительного движения Бориса Сарафова и Липова Гурина под именем Дмитрия Николова поступил в офицерскую школу в Софии».

По окончании этого учебного заведения юноша вернулся на Кавказ, где присоединился к партизанскому отряду Мурада Себастаци. В ноябре 1907 года в качестве офицера он отправился в Персию и принял активное участие в персидской революции. В августе 1908 года вернулся в Кузнут. В сентябре 1909 года Нжде был арестован царскими властями по «Делу партии “Дашнакцутюн”». Отсидел и был допрошен в тюрьмах в городе Джульфе, в Нахичеване, в Новочеркасске, в Петербурге. В марте 1912 года он был освобожден и переехал в Болгарию.

«По окончании школы (первая ступень) я вернулся на Кавказ, чтобы с гайдукским отрядом Мурада перейти в Армению. После этого я действовал в Персии. В 1909 году вновь вернулся на Кавказ и был арестован. Более трех лет я провел в тюрьмах от Джульфы до Петербурга. После известного суда над 163 членами “Дашнакцутюн” во избежание ссылки в Сибирь я ушел в Болгарию».

В период 1-й Балканской войны армяне, проживавшие в христианских странах на Балканах, поддержали их правительства в борьбе против Османской империи. Гарегин Нжде участвовал в войне с 16 сентября 1912 года. Андраник и Нжде удалось организовать военные отряды из нескольких сотен армянских добровольцев. В ноябре 1912 года в составе 3-й болгарской бригады Нжде и его рота участвовали в разгроме турецкого корпуса генерала Явера-паши. Нжде получил болгарский крест «За храбрость» IV степени, греческие награды и звание «Герой Балканских народов». 18 июня 1913 года Нжде был ранен.

«В 1912 году я организовал роту армянских добровольцев и вместе с Андраником участвовал в Балканской войне за освобождение Македонии и Фракии. В завершающий период войны мы, как революционеры, отказались от участия в распре между балканскими народами и расформировали армянскую роту.

В ходе этой войны я получил ранение. Армянский стяг и грудь многих армянских воинов были украшены крестами за храбрость».

Накануне Первой мировой войны Нжде, как и многие другие члены партии «Дашнакцутюн», получил помилование от царского правительства и в начале октября 1914 года переехал в Тифлис. На первом этапе войны он был заместителем командира 2-й армянской добровольческой дружины в составе Русской императорской армии (командиром полка был Дро), в последующем командовал отдельной армяно-езидской частью. Кроме того, Нжде воевал в составе сводной дружины, входившей в Араратский отряд, а позднее – в 1-м Армянском полку. С мая 1915 года по 25 июля 1916 года Нжде участвовал в боях на территории Западной Армении, за что был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Георгиевскими крестами 3-й и 2-й степени. С мая 1917 года Нжде был городским комиссаром в Александрополе.

«Накануне мировой войны, получив амнистию от царского правительства, я вернулся с условием участвовать в боевых действиях против Турции. В первый период войны я был заместителем командира 2-го армянского добровольческого батальона, в последующем командовал отдельным армяно-езидским подразделением. В 1917 году с небольшим отрядом я пришел на помощь окруженному Кохбу и спас армянство этого района. В тот же период я вступил в контакт с езидами и вместе с их лидером Иво-бегом вернулся в Тифлис, где свел его с Армянским национальным советом. Накануне провозглашения независимости Армении я вел бои под Аладжой, благодаря чему армянские части, отступавшие по линии Эрзрум – Сарикамиш – Карс, сумели без потерь выйти к Александрополю. Я переправился через Арпачай лишь с последним отступающим армянским солдатом и только тогда, когда моим людям удалось вывезти из Ани ценные материалы археологических раскопок профессора Марра».

При отступлении в мае 1918 года армянских добровольческих вооруженных формирований из Западной Армении с ними в Закавказье вышли до 30 тысяч армянских беженцев, которым грозило истребление от наступающей турецкой армии. Часть из них была размещена в Зангезуре – регионе со смешанным армяно-мусульманским населением, который после распада Закавказской Демократической Федеративной Республики

оказался под управлением Азербайджанской Демократической Республики. Армянское население Зангезура и соседнего Карабаха отказывалось подчиняться властям Азербайджана, требуя, чтобы эти территории были присоединены к Армении. Правительство самой Армении при этом было неспособно оказывать им сколько-нибудь существенную помощь. Местным армянским ополчением руководили ветераны Первой мировой войны – генерал Андраник, генерал Дро, Гарегин Нжде и другие. В сентябре 1919 года после вывода британских войск из Закавказья Гарегин Нжде был назначен руководителем обороны Капанского района.

«В конце мая 1918 года я руководил сражением при Каракилисе. Был ранен и представлен к высшей награде за храбрость. Надо признать, что без Каракилисского сражения не было бы не только сегодняшней Советской Армении, но и живущего там сейчас армянства. Трехдневная героическая битва под Каракилисом спасла от поголовного уничтожения армянство Араратской долины и заложила основу Армянского государства. В период независимости Армении осенью 1919 г. я спас 2-й армянский полк, попавший в окружение между Давалу и Веди. Во второй половине 1919 г. я перешел в Сюник для оказания помощи Гохтну, осажденному войсками Эдиф-бея и обреченному на голод и уничтожение. Были спасены и сам край, и его армянское население. С этого времени я посвятил себя делу защиты физического существования армянства Капана и Аревика, отражая постоянные нападения мусаватистского Азербайджана и турецких пашей Нури и Халила».

В апреле 1920 года после ввода на территорию Азербайджанской Демократической Республики 11-й Армии РККА в Баку была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. 10 августа между Демократической Республикой Армения и РСФСР было заключено соглашение, по которому в спорные области (Карабах, Зангезур и Нахичевань) до мирного урегулирования территориальных споров между Арменией и Азербайджаном вводились советские войска. После подписания соглашения командовавший армянскими войсками в Зангезуре генерал Драстамат Канаян (Дро) покинул Зангезур, но его помощники – командующий Кафанским районом Гарегин Нжде и командующий Сисианским районом Погос Тер-Давтян –

отказались признавать соглашение, опасаясь, что Зангезур будет отдан Советскому Азербайджану... 25 августа Нжде был провозглашен спарпетом (этот титул исторически носил главнокомандующий армянской армии)...

К 6 сентября 84-я бригада Красной армии заняла несколько населенных пунктов. Советские войска вынудили Нжде отступить к Хуступу. В Капане была провозглашена советская власть. После потери Капана под контролем Нжде остался район вокруг Мегри. Не имея возможности вести открытые бои с Красной армией ввиду значительного численного ее превосходства, Нжде прибегал к ночным нападениям. Уже в конце сентября Нжде послал своих доверенных людей для агитации в тылу Красной армии, для организации подпольных операций. Ежедневные красноармейские реквизиции продовольствия и скота, аресты жителей привели к быстрому разочарованию крестьян в советской власти. Присутствие же в рядах Красной армии азербайджанцев и других мусульман усугубило недовольство. 10 октября в Зангезуре вспыхнуло восстание, которое возглавил Нжде. Уже через 10 дней части Красной армии бежали за пределы Зангезура. 30 октября армянские силы перешли в наступление по всей линии фронта. По данным Нжде, в результате внезапного восстания им было взято в плен два пехотных и один кавалерийский полк.

В своем дневнике Нжде записал: «Закрепившись в Капане, во избежание дальнейшего кровопролития я обратился к красному командованию с требованием: “Присутствие ваших войск в Сюнике впредь нетерпимо. Если вы не хотите потерять остатки своих частей, приказываю немедленно очистить Зангезур...” На мой ультиматум командование XI Красной армии ответило сабельным ударом, бросив против меня свежие силы из Баку – кавалерийскую бригаду прославленного командира Курочкина (начдива X Красной армии Курышко П. В. – Г. А.) и турецкий полк под началом Завал-паши...

Последняя наша схватка произошла между Татевом и Горисом – на холмах Ераблур, в ходе которой красные еще раз почувствовали на себе всю мощь удара зангезурцев. Мои отряды, ступая по трупам турок, вошли в Горис».

Согласно материалам уголовного дела Нжде, которое велось в 1947 году, около четырехсот пленных турецких красно-

армейцев вместе с русскими красноармейцами и армянами, поддерживавшими советскую власть, были казнены недалеко от села Татев. Нжде взял под свой контроль Зангезур, изгнав оттуда остатки азербайджанского населения и добившись, по выражению Клода Мутафяна, «реарменияции» региона. После вытеснения частей Красной армии из высокогорных районов Зангезура территорией управлял местный административный совет Автономного Сюника, в последующем преобразованный в правительство Горной Армении. Согласно декларации от 1 мая 1921 года правительства Горной Армении, Нжде был назначен президентом и министром иностранных дел.

«В середине 1921 года, после того как подразделения Дро оставили Зангезур и Карабах, я принял на себя руководство самообороной всего Сюника. Наш горный край, абсолютно оторванный от внешнего мира, без достаточных запасов продовольствия и оружия, при отсутствии офицерских кадров и какой-либо помощи извне, в политической изоляции, больше года держал кру-

говую оборону, вел неравные и победоносные бои. Согласно соглашению между армянским правительством и представителем Москвы Лиграном, он был передан Азербайджану, однако смог продиктовать свою волю советской власти. При Мясникяне декларацией от июня 1921 г. Сюник был признан частью матери-Родины – Армении. Благодаря героической обороне Сюника были

спасены также армянская интеллигенция, партия “Дашнакцутюн”, революционные и боевые элементы армянства».

После того как Ленин подверг критике первый Ревком Армении, для подавления восстания в Зангезуре были направлены войска под командованием Александра Мясникяна. Ожесточенные боевые действия продолжались в период с 20 июня по 15 июля 1921 года. В результате наступления Красной армии вооруженные формирования, возглавляемые Нжде, начали отход. Он вместе с некоторыми своими сторонниками 12 июля 1921 года, перейдя реку Аракс, скрылся в Иране.

К тому времени против Гарегина Нжде была начата пропагандистская кампания, в которой принимали участие члены объединенного правительства Республики Армения и Республики Горная Армения, которых Нжде неоднократно публично критиковал. Против Гарегина Нжде было возбуждено судебное дело. Ему было предъявлено обвинение в «споспешествовании падению Республики Горная Армения. Нжде дал суду свое объяснение причин падения Республики Горная Армения. 29 сентября 1921 г. партийный суд постановил: «Исключить Нжде из рядов партии “Дашнакцутюн” и вынести его дело на рассмотрение предстоявшего 10-го съезда партии». Проведенный в Вене в 1923 г. партийный конгресс, а затем и 10-й съезд (в 1925 г.) восстановили Нжде в рядах партии.

С 1922 по 1944 год Нжде проживал в столице Болгарии Софии. В 1933 году он участвовал на 12-м собрании Армянской революционной федерации, на котором присутствовали почти все известные армянские деятели в эмиграции. Он внес несколько предложений для организации армян в эмиграции с целью борьбы против Турции и большевиков. Основной задачей он считал организацию армянской молодежи и с этой целью летом 1933 года поехал в США. В рамках партии «Дашнакцутюн» Гарегин Нжде в том же году создал молодежную организацию «Цегакрон». В Болгарии, Германии, Румынии, Греции и Франции были открыты филиалы организации. При создании «Цегакрона» Нжде пропагандировал «родовой патриотизм» как «естественную и логичную реакцию против чуждой среды, которая угрожает самому существованию нашего рода». В Софии в 1935 году Нжде опубликовал работу «Американское армянство – род и его отребье»,

В Татевском монастыре в 1920 г.

Гарегин Нжде провозгласил

Автономную Сюникскую республику

а также значительное количество статей, в одной из которых писал:

«Если по сей день наш народ получает лишь удары и трагически не способен дать отпор – причина в том, что он не живет как род... Цегакронство – вот панацея, без которой армяне останутся политически самой обездоленной частью человечества».

Целью организации Нжде провозгласил: «Воспитать родопочитающее поколение, представители которого жили и действовали бы как подданные и воины своего рода, где бы они ни были и какое бы социальное положение ни занимали».

Согласно мнению некоторых исследователей, когда, с точки зрения «Дашнакцутюна», взгляды Нжде стали якобы экстремистскими, расистскими, он был исключен из партии. Это произошло в 1938 году на собрании «Дашнакцутюна». Позже со стороны «Дашнакцутюна» предпринимались попытки вернуть Нжде и подчинить «Цегакрон» «Дашнакцутюну», но Нжде отказался, заявив при этом о намерении продолжать сотрудничество с партией с целью решения общеармянских проблем.

Нжде содействовал при создании в конце 1937 года идеологии эмигрантской организации «Таронаканутюн», поддерживавшей и развивавшей идеи арийского происхождения армян. Это требовалось довести до сознания руководителей фашистской Германии, включившей изначально армян в число тех, кого следует уничтожить в первую очередь: евреев, цыган, поляков, комиссаров... В начале Второй мировой войны началось формирование полувоенных разведывательно-диверсионных групп из членов «Цегакрона» и «Таронаканутюна», предварительно прошедших военно-психологическую подготовку. Позже их обучали в лагерях абвера под руководством Нжде с целью переброски в дальнейшем на территорию Кавказа и Турции.

Гарегин Нжде

Об этом периоде Нжде, истинный патриот, которому Родина многим обязана, не обсуждая деталей и подводя итоги сделанного к сентябрю 1944 года, сказал очень важное:

«Моя жизнь и моя деятельность свидетельствуют о следующем. Я всегда приходил в моменты опасности. В мирное время я не искал должностей, поскольку не испытывал к ним тяги».

Я всегда предпочитал руководить народным ополчением, испытывая некоторую холодность к так называемым регулярным подразделениям. Командные кадры я выдвигал из народа и выковал их, если так можно выразиться, по его образу и подобию. На войне я всегда оставался человеком даже по отношению к туркам и татарам – свидетельство этому мои приказы и воззвания к подчиненным мне частям. Приписываемое мне советской властью – обычная пропагандистская клевета, рожденная стремлением любой ценой очернить противника.

Я никогда не использовал помощь внешних сил и даже средства собственного государства. Я следовал обету Мамиконянов, был человеком глубокой веры и этики, потому мне часто приходилось пить горькую чашу.

Бог и моя Родина всегда стояли на первом месте в моем храме веры. Армения была для меня земной святыней. Я жил и дышал ею, всегда готовый ради нее страдать, приносить жертвы и умереть. Она была священной болью и тоской, радостью, смыслом моего существования, моим бессмертием, высшим правом и обязанностью, народ же горячо привязывался ко мне и с полным доверием за мной следовал.

Со мной враждовали не имеющие ничего святого полуинтеллигенты и военные, которые привыкли руководствоваться лишь бумажными правилами. В течение всей жизни я никогда не получал жалования. (Лишь один раз в Америке я нарушил этот свой принцип, согласившись, чтобы мне выплачивалось еженедельное жалование. Нарушил и был справедливо наказан.)

С тех пор человеческая низость повсюду следует за мной, как тень. Я отказался даже от пенсии, назначенной мне иностранным государством. Имея все возможности жить в роскоши, я жил как человек из народа – скромно, почти бедно. Одной из самых больших в мире мерзостей для революционера, воина и патриота я считал бытовой материализм.

Покидая Армению, я взял с собой шкуру тигра, убитого моими воинами на армянском берегу Аракса, – мое единственное вознаграждение. Кинжал Завал-паши – мой единственный военный трофей. Пусть положат в могилу мне на грудь не знавший поражений флаг Сюника и старый армянский словарь – единственное мое утешение в изгнании».

Вот откуда отлитая в металле патриотами изящная голова тигра на строгой ограде могилы Нжде во Владимире! Вот философия никак не расиста, и тем более никак не фашиста, а человека высшей морали, вдохновляющий пример для его соотечественников и устрашающий – для его жалких в своей бессовестности врагов.

Возвратившись в Болгарию, Нжде наладил связи с Берлином, имея целью убедить нацистов напасть на Турцию, а в начале 1940-х годов участвовал в создании армянских военизированных частей в составе вермахта, прошедших обучение под руководством инструкторов СС.

В начале Второй мировой войны Гарегин Нжде стал сотрудничать с властями Германии, преследуя цель в случае захвата немцами Закавказья предотвратить возможное вторжение Турции в Советскую Армению и по возможности при помощи Германии восстановить независимость Армении. При этом в период действия германо-советского договора о ненападении Нжде также пытался установить отношения с советским посольством.

Позже, уже находясь в советской тюрьме, он писал:

«Мои попытки установить связь с советским посольством в Софии были продиктованы моим единственным желанием расширить границы Советской Армении... С самого первого дня

войны я предоставил себя в распоряжение командования военного министерства Болгарии, предложив использовать мои возможности в случае войны против Турции».

При приближении советских войск к Софии Нжде отказался покинуть Болгарию; свой поступок он мотивировал тем, что не желал подставлять под удар свою организацию, и к тому же надеялся на то, что СССР вскоре объявит войну Турции и он сможет принять в этой войне непосредственное участие. После вступления советских войск он написал письмо с этим предложением главнокомандующему советскими войсками в Болгарии генералу Федору Толбухину.

10 октября 1944 года Нжде был арестован болгарской полицией «по обвинению в связи с немецкими разведывательными органами» и передан советской контрразведке СМЕРШ. 12 октября он был направлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке. Нжде был обвинен в контрреволюционной деятельности, прежде всего в участии в «антисоветском» восстании в Зангезуре (это обвинение его крайне возмущало, так как еще в 1921 году зангезурским повстанцам была объявлена амнистия). К нему применяли пытки бессонницей. Главным пунктом обвинения был «расстрел в Татеве», ставший уже важной частью советской антидашнакской пропаганды, – утверждалось, что после занятия Гориса Нжде расстрелял, а частью живыми сбросил с Татевской скалы до 500 пленных коммунистов и красноармейцев. Сам Нжде отрицал обвинения в убийствах коммунистов, утверждая, что расстреляны были – притом без его ведома, по инициативе местного населения, – пленные турки из отряда Завал-паши, переодетые в красноармейскую форму. 16 декабря 1947 года в тюрьме Нжде написал письмо И. В. Сталину, где подробно объяснил, что его действия всегда были направлены против Турции, а сопротивление Советской армии в Зангезуре было организовано в связи с тем, что советское правительство в то время сотрудничало с Турцией.

Гарегин Нжде

Мы рассказали – сверхкратко – о Нжде – доблестном воине. Но он был глубоким философом. Он оставил множество суждений, обширных философских трудов и кратких афоризмов, мобилирующих соотечественников на борьбу с непрекращающимися угрозами от новоявленных соседей-пришельцев существованию своей Родины, на борьбу за свое будущее. Он целиком посвятил себя одной-единственной большой цели – поистине самоотверженному служению своему народу, своей Родине. Именно самоотверженному служению, потому что мог жить в тепле, сытости, богатстве, но предпочел солдатские окопы, кровь, потери, болезни, унижения, одиночество, ложные обвинения, бесконечные тюрьмы: в Москве (Бутырки, Лефортово, Красная Пресня), в Петербурге, Джульфе, Новочеркасске, Нахичеване, Баку, Саратове, Куйбышеве, Ростове, Ташкенте, Ереване, Владимире...

Остаются на удивление актуальными и сегодня слова Нжде, сказанные накануне ожидаемого им ареста в Болгарии. Он не сомневался, конечно, что его передадут России, которая в какие-то моменты его борьбы за самостоятельную, независимую Армению стояла рядом с Турцией и Азербайджаном, и он сражался за свою Родину также против Красной армии. Он мог спокойно избежать ареста и наказания советских властей, но пошел на это, так как это могло стать, по сути, продолжением его борьбы, так как это могло стать – и стало для его соотечественников, и сегодня особенно – призывом не быть слепыми, безучастными, ограниченными, трусливыми перед лицом жизненной опасности армянству, которая открыто исходит от Турции:

«Вне Армении армянам грозит вырождение. Лишь глубоко осознав и заново прочувствовав национальные ценности, добродетели и святыни, можно бороться с этим злом, для чего я и создал движение “Цегакронутюн”.

Целью его было вернуть армянину чувство хозяина своей Родины, спасая его от духовной и политической бездомности и беспризорности вне родной страны. Лишь обновившись в этом патриотическом движении, могут объединиться все отдельные элементы армянского народа. Из-за этой проповеди патриотизма меня предала раскольническая, безродная и пораженческая часть армянства.

Я прощаю всех, прощаю по двум причинам: во-первых, мое национальное исповедание не позволяет мне испытывать вражду к какому-либо армянину, во-вторых, я глубоко понимаю этих несчастных, которые еще не преодолели в себе раба и поэтому остаются бессильными и злобными.

Сегодня, как у тоскующего по Родине изгнанника, у меня есть лишь одно желание – умереть в родных горах.

В Болгарии произошел государственный переворот, созревший благодаря военно-политической обстановке. Ожидается Красная армия. Зная, что меня ждет, я все же решил остаться, несмотря на то что есть возможность перебраться в Вену на самолете. Я не покидаю Болгарию, чтобы не подверглась преследованию моя организация. У меня есть еще более весомые причины остаться, известные двум моим друзьям.

Пришла Советская армия, и произошло именно то, чего я ожидал. Пользуясь нынешней неразберихой, несколько армян – вырожденцы, не вскормленные молоком своей нации, – уже приступили к делу.

По преимуществу сапожники, они, как полицейские агенты, в сопровождении вооруженной болгарской милиции ходят по домам и ищут меня.

Навеки отвратительные рабы, которые всегда использовали иностранные силы для утоления своей бессильной злобы, во имя черной цели уничтожения “врагов” среди соотечественников.

Не менее отвратительны, однако, и национальные элементы, лишь по названию являющиеся таковыми. Со своей базарной моралью они опустили до скотского уровня. Знакомый, друг, родственник – никто не откроет тебе дверь, даже если ты с крестом назаретянина на спине и в терновом венце на окровавленном челе будешь искать у них прибежища.

Забыли все, забыли, что только благодаря моим усилиям их не постигла участь евреев и четыре года они все только богатели и богатели. Те, кто еще вчера искали твоего взгляда и приветствия, сегодня убегают от твоего имени, от одной твоей тени.

Красные ждут меня. Низок тот, кто при всех обстоятельствах предпочитает жизнь смерти. Пусть свершится неизбежное. Сегодня я связан с жизнью лишь в той степени, в которой я чувствую себя обязанным служить Армении.

Где ты, где, достойный почтения народ Армении, с сердцем властелина, чья душа всегда умеет возвышаться во время опасностей?

Община, ты еще раз заставила меня пережить горечь стыда. Позор тебе!»

24 апреля 1948 года советским судом Нжде был приговорен к максимальному наказанию – 25 годам тюремного заключения...

Помню, в детские мои годы мои родители – выходцы из Арцаха, собираясь с друзьями, бывало, вспоминали эти запавшие в мою детскую память таинственные для меня имена героев-воинов, святые для них и строго запретные в то время: Андраник, Дро, Нжде...

Гарегин Нжде – одна из наиболее ярких, завораживающих личностей среди политических и военных деятелей Армении XX века. Об этом свидетельствуют не только героические обстоятельства его вооруженной борьбы. Об этом ярко свидетельствуют его суждения. Особый интерес представляют в связи с этим приведенные ниже отрывки из беседы о Гарегине Нжде публициста Сергея Арустамяна с сотрудником КГБ Армянской ССР Вартаном Мелкумянном в 2001 году. Публицист рассказывал:

– Сейчас почему-то не принято говорить о незаконно отторгнутых армянских землях. Но в начале пятидесятых этот вопрос был поднят, и, если я не ошибаюсь, даже в письме первого секретаря ЦК Григория Арутюнова, направленном в Политбюро. Естественно, какие-то проблемы, непосредственно связанные с этим вопросом, надо было решать и нам – разведке. Тогда-то я впервые и подумал о Нжде, о том, что он может быть очень полезен. Нжде сидел во Владимирской тюрьме. Арестованный в сорок четвертом в Болгарии, он был осужден Военным трибуналом как агент германской военной разведки – абвера – на 25 лет. Свои соображения я изложил в рапорте на имя начальства. Мое предложение было одобрено, и вскоре Нжде уже был в Ереване. Через день-другой состоялась наша первая встреча.

– Вы могли бы вспомнить, как выглядел Нжде? – спросил публицист.

– Это был высокий, стройный, красивый мужчина, с очень умными глазами, смотревшими из-под густых бровей, лицо у него было бледным, как у людей, редко бывающих на воздухе. К тому времени он уже отсидел 7–8 лет, и, надо полагать, режим отсидки был неблагоприятным для здоровья.

– На каком языке он говорил с вами?

– На русском.

– Он знал русский?

– Отлично. Ведь он учился в Петербургском университете. Но знал он, по-моему, еще несколько языков. Армянский, английский, немецкий, болгарский...

– Кто, кроме вас, общался с Нжде?

– Я «вел» Нжде, но иногда с ним «работали» и мои сотрудники.

– В каких условиях он содержался? В таких, как во Владимире?

– Нет. Это все-таки был Нжде. Ему была отведена хорошая камера, но опять же, с решеткой.

– Многим ли было известно, что Нжде находится в Ереване?

– Об этом знали не более пяти человек.

– У него в Ереване были родственники?

– Кажется, сестра.

– Он виделся с ней?

– Нет. Она даже не знала, что он у нас.

– Почему же такие строгости?

– Потому что ему предстояло выполнить задание огромной государственной важности и об этом никто не должен был знать.

– В чем заключалось это задание?

– Надеюсь, вы знаете, что Нжде был философом. Он, например, утверждал, что только тот народ может выполнить свою историческую миссию, который одухотворен чувством рода. Народ, живущий без осознания своей родовой сущности, без исторической памяти, не народ, не нация, а население, толпа эгоистических личностей, обреченных на то, чтобы исчезнуть с исторической арены. Это, разумеется, националистическая теория, но далеко не та, что была у германских фашистов, провозглашавших немецкую расу высшей: немецкий народ выше всех других. Философия Нжде – это больше патриотическая философия, призванная армянский народ, разбросанный по всему миру, объединить какой-то национальной идеей, способной спасти его от ас-

симиляции, возродить в нем былой дух. Руководствуясь именно этими принципами, он, полагаю, и создал в тридцать третьем году в Бостоне, США, национал-патриотическую организацию «Цехакрон Ухт», которая считала, что ее основной задачей является «воспитание родопочитающего поколения, представители которого жили и действовали бы как подданные рода, где бы они ни были и какое положение ни занимали». К началу войны в этой организации состояло около шести тысяч человек. Нашей задачей было с помощью Нжде использовать в целях разведки цехакронцев, проживающих в Турции.

– И Нжде согласился работать на КГБ?

– Сказать «согласился» мало. Он обрадовался, что снова может послужить Родине, которую любил поистине сыновней любовью.

– Из чего вы заключили, что он любит Родину? Он говорил вам об этом?

– Нет. Я это видел...

– Каким образом?

– Как-то мне взбрело в голову показать ему Ереван. Я посадил его в машину сзади, рядом с ним сели два чекиста – К. Абовян и В. Меликян. Мы поехали на Монумент. Там я попросил его выйти из машины. Он вышел и оттуда, с канакерской возвышенности, стал смотреть на Ереван. Он ничего не говорил, и я с ним не заговаривал. В ту минуту, наверное, и говорить-то было невозможно. Я не мог предположить, что с ним может вдруг случиться такое... Он мне казался сделанным из железа и – на тебе! – как ребенок плачет, горько и безутешно. Он смотрел на раскинувшийся перед ним город, и по его щекам катились слезы. Потому я и говорю, что «я видел»...

– Он вам так ничего и не сказал?

– Нет. Он только попросил разрешения взять немного родной земли...

– Вы разрешили?

– Конечно. Он взял комок земли, завернул его в платок и положил в карман. Потом, когда он снова окажется во Владимирской тюрьме, некий П. Кузьменко, очевидно, его сокамерник, напишет стихи, в которых расскажет о том, как в тюрьму с воли пришел странный старик, у которого в мешочке был

комок родной земли. Он говорил, что этот комок – часть его страны.

– Ты что, Антей? – спросил его «поэт»-сокамерник.

– Я исстрадался, милый мой, боролся сорок лет, и вот комок земли родной, – сказал он в ответ.

В этом же стихотворении Кузьменко сказано, что пришедшие с обыском солдаты отобрали у Нжде эту землю.

– Что было потом?

– Потом мы с ним разрабатывали «легенду», с которой он должен был выехать в Болгарию, чтобы оттуда установить связь со своими людьми в Турции.

– Он должен был выехать один?

– Нет. Со мной. Но даже на это наши шли с трудом, боясь, как бы в Болгарии он не сбежал.

– А если бы сбежал?

– Сталин еще был жив. Со мной, думаю, никто бы церемониться не стал.

– Нжде действительно был агентом абвера?

– Мне хотелось бы думать, что не был и никогда не работал против Союза, в котором находилось его Отечество. По-моему, он всегда хотел быть полезным своей Армении. Да и на контакт с немцами он пошел ради того, чтобы в случае, если Закавказье будет оккупировано, он мог предупредить возможный геноцид армян со стороны турок – союзников Германии.

– Это плод ваших догадок или же вы располагаете какими-то фактами?

– У меня есть и факты. Нждеевская организация «Цехакрон Ухт» была молодежной. Немцы решили использовать ее в своих целях. Зная об отношении Нжде к Турции, они дали ему задание: подготовить отряд из тридцати молодых армян для заброски их в Турцию. Нжде создал этот отряд, подготовил к агентурной работе, но немцы обманули его. Они забросили «тридцатку» в Крым для борьбы с наступающей советской армией. Большая часть этого армянского отряда сразу же перешла на нашу сторону, другие же вскоре были арестованы органами.

– Нжде знал об этом?

– Разумеется. Он сам нам рассказал.

– Вы ему верили?

– Ему нельзя было не верить. На него достаточно было взглянуть один раз, чтобы понять: такой человек не способен лгать.

– Когда же вы с ним выехали в Болгарию?

– Никуда мы не выезжали. Наше с Нжде дело, над которым мы трудились почти год, лопнуло как мыльный пузырь сразу же после выступления Молотова, когда он заявил, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции. А мы, как я уже говорил, работали по этой «теме».

– И что стало с Нжде?

– Узнав, что дана команда «отбой», он был огорчен. Не исключая, что, послужив Родине, он надеялся быть помилованным, оказаться на свободе. А впрочем, как знать... Мне кажется, Нжде принадлежал к когорте тех личностей, которые, даже будучи закованными в цепи, могут чувствовать себя свободными. Как-то он сказал: истинно свободен тот, кто не подвластен страху смерти. А он ее, по-моему, не очень боялся. Только хотел, чтобы пришла она к нему в несколько других обстоятельствах.

– Что вы имеете в виду?

– Нжде, как вы понимаете, вдруг оказался не востребовавшимся. Он все еще продолжал сидеть в нашей тюрьме. Может, так бы и сидел до самого конца. Но однажды, очень волнуясь, он сказал: «Вы мне должны помочь. С этой просьбой я не могу обратиться к кому-либо другому. Мне скоро шестьдесят. Здоровье неважное. Я не хотел бы умереть в армянской тюрьме. Я не хотел бы быть похороненным в армянской земле. Что могут об этом подумать турки? Что скажут на это турки? Не скажут ли они, что вот, мол, армянина Нжде убили армяне, за интересы которых он боролся всю жизнь? Нет, я здесь умереть не могу. Отправьте меня снова во Владимир. Там, на чужбине, мне будет легче...» Вскоре он был этапирован.

У нас немало подлинных героев. Но таких, как Нжде, мало и у нас. Он был не только храбрым и умелым воином, не только готовым на самопожертвование, лишения и пытки ради процветания Родины, он был благодарным, мудрым сыном своего уставшего от невзгод и бед, запуганного, запутавшегося народа, которому он неустанно разъяснял, как отойти от пропасти, у которой оказалось армянство, чтобы добиться возможности

начать достойную нашей истории жизнь. Вот, к примеру, что писал Гарегин Нжде в своем «Открытом письме армянской интеллигенции»: «Может, и вправду, народ, расположенный на одном из самых неприступных в мире нагорий, недостоин своей судьбы, но судьба никогда не бывает неблагодарной. Будь армянство сильным, оно творило бы чудеса на этом великолепном мировом мосту. Но было немощным, ослабло – и стало недостойно своей родины. Слепое политическое приспособленчество затуманило наш разум до того, что мы даже не видим грубую, кричащую истину – в наших несчастьях виноваты не все, кроме нас, а прежде всего мы сами».

Из тех же социальных сетей, из которых почерпнута значительная часть приведенной выше информации о Нжде, я узнал также следующее.

Незадолго до смерти Нжде продержали в течение года в тюремной больнице в Ташкенте. От множества болезней (туберкулез, гипертония) в 1954 году здоровье Гарегина Нжде ухудшилось до такой степени, что руководство тюремной больницы приняло решение о его досрочном освобождении из тюрьмы, но Нжде не был освобожден. В сентябре 1955 года его вновь отправили во Владимирскую тюрьму, где он умер 21 декабря того же года.

После смерти Гарегина Нжде его брату, Левону Тер-Арутюняну, было отказано в захоронении тела в Армении, а из личных вещей были выданы только одежда и часы. Нжде был похоронен на Князь-Владимирском кладбище рядом с Владимирским централом, на огороженной могиле была поставлена табличка: Тер-Арутюнян Гарегин Егишевич (1886–1955). В августе 1983 года прах Гарегина Нжде был перевезен в Армению супругом внуки Нжде Павлом Ананяном (по предложению Гургена Армаганяна).

8 мая 1987 года усилиями Рафаэла Амбарцумяна прах был тайно захоронен в Вайке во дворе древней церкви Спитакаворе (до того прах хранился у разных людей).

7 октября 1983 года часть останков (первый шейный позвонок) с помощью горисца Андраника Карапетяна была захоронена на склоне горы Хуступ в Зангезуре.

В апреле 2005 года две части останков захороненного в Спитакаворе Гарегина Нжде (правая рука и две косточки) были взя-

ты и 26 апреля захоронены при построенном в Капане мемориале-памятнике (с ведома правительства Республики Армении).

«Где бы и как бы я ни погиб, – писал Гарегин Нжде, – поверь, мой драгоценный народ, что во время внешней опасности моя беспокойная душа придет на помощь моей родной земле и невидимо станет предводителем ее армии».

Такова судьба человека, истинно святого... Таким сыном мог бы гордиться не только армянский народ, но все, кто не потерял чувство собственного достоинства, честь, отвагу, совесть...

Каждое из призывных слов Гарегина Нжде к самозащите, в том числе из его «Открытых писем к армянской интеллигенции», звучит удивительно актуально сегодня: «Мужество – вот что должно стать призванием наших будущих поколений, поскольку это высшее качество спасает народы от физического и морального падения, поскольку мужество – единственная божья благодать, с помощью которой народы обретают и обеспечивают независимость».

Две могилы и мемориал Гарегина Нжде на Родине, в Армении

Монте МЕЛКОНЯН

У сильного всегда бессильный виноват. Это – аксиома. Потому бессильный в сложной системе ценностей, установившейся веками и тысячелетиями естественного отбора, не может рассчитывать на чью-то совесть, сочувствие, доброту, мудрость. Чего нам не хватает, так это осознания каждым своей личной ответственности за будущее своей небольшой нации. Осознания необходимости каждого внести свой посильный личный вклад в общие дела: в демографию и экономику, в оборону и образование, в культуру, медицину, спорт, в уровень общей компетентности страны в производстве, во внешней и внутренней политике, в развитие демократии... Я не историк, не социолог, но мне представляется, что такое личное, на генетическом уровне, осознание каждым армянином своих жизненно важных обязательств было одной из причин того, что Армения с ее пятитысячелетней борьбой за выживание осталась на исторической карте, а армяне сохраняют относительно высокий потенциал в различных сферах. Но нельзя не видеть, что в последние

Комитас

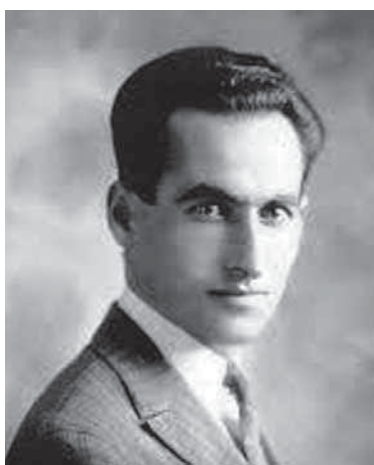

Мкртич I Хримян

десятилетия этот уровень в самой Армении никак не повышается, а критически снижается. Легче уехать из родной бесхозной, разворванной страны с ее опасным окружением в теплое, сытое местечко, нежели остаться, чтобы объединенными усилиями, большим напряженным трудом, ценой немалых жизненных лишений попытаться что-то устойчиво, стратегически изменить к лучшему в будущем. Каждый не сделавший этого, если он не лишен разума и истинного патриотизма, рано или поздно, представ перед богом или перед своей совестью, сам или «с помощью» своих детей и внуков должен будет задуматься об этом.

У нас есть удивительные примеры активного и героического осознания своей личной роли в истории своей страны. Я с самого рождения живу далеко от Родины – Армении и многого не знаю, не знаю как следует на девятом десятке, к моему стыду, и многих героев, кроме хрестоматийных героев хотя бы недавнего прошлого, что у всех на устах (Комитас, Мкртич I Хримян, Андраник Озanian, Драстамат Канаян – Дро, Согомон Тейлерян, Гарегин Нжде, Грант Динк, Монте Мелконян...). Нередко ценою своей жизни они доказали, что рано списывать Армению и ее родниковую часть – Арцах из мировой истории.

С. Тейлерян

Андраник говорил то, чем жили и другие наши легендарные герои, и чего так нам не хватает сегодня: «Я никогда в своей жизни не стремился к личному счастью и благополучию. Я постоянно стремился только к одному и боролся только за одно – за свободу и благополучие своего народа. Я не ищу признания своих заслуг и желаю лишь, чтобы был счастлив народ, которому я служу всю свою жизнь».

Поучительный пример приводил маршал Иван Христофорович Баграмян в 1968 году на

встрече со студентами Ереванского университета. Его спросили – приходилось ли ему встречаться с полководцем Андраником? Баграмян рассказал, что в 1918 году его отряд сделал привал у села Хорасан недалеко от Сарыкамыш. У этого же села находился и прибывший из Эрзерума полководец Андраник – вместе с 15 000 беженцами. На следующий день, после того как взвод Баграмяна предстал перед Андраником в селе Хорасан, произошел неожиданный инцидент. Тогда нередко можно было слышать среди солдат: «Пусть сейчас бьются сыновья господ, мы уже достаточно навоевались». Андраник, человек вспыльчивый, вызвал к себе Баграмяна и неожиданно дал ему пощечину. Полководец сказал: «Корнет Ваню, твои тридцать солдат были моей надеждой, но до меня дошли сведения, что часть их отказывается драться. Это наша родина, и неважно, кто руководит... Родина всегда будет жить жизнью самых преданных своих сыновей... Иди и приведи в порядок свой эскадрон», – сказал Андраник Баграмяну. «Пощечина Зоравара сделала меня маршалом. Ни в коем случае нельзя обижаться на родину...» – сказал Баграмян.

Андраник Озanian

Иван Христофорович Баграмян. Два возраста

«Война в Арцахе будет идти до тех пор, пока мы не победим, война может закончиться лишь нашей победой и никак иначе, иного варианта нет!» Это слова национального Героя Армении Монте Мелконяна. Он, ученый, аналитик, хорошо знал о «взглядах» на проблемы уничтожения армянства тех, кто устраивал зверские погромы в Османской империи, в Баку, Сумгаите.

Монте Мелконян родился в 1957 году в Калифорнии в семье беженцев из Анатолии, спасавшихся от геноцида. Он окончил престижный университет в Беркли по специальности «археология и история древней Азии». Кроме армянского и английского, Мелконян владел также французским, испанским, итальянским, турецким, персидским, курдским, японским языками. Монте придерживался левых взглядов и был связан с армянской социал-демократической партией «Гнчак». Это одна из старейших армянских политических партий. В опубликованной в 1888 г. программе ближайшей целью партии признавалось освобождение Западной Армении путем общенационального восстания, за чем должно было последовать установление социалистического строя.

Во время Гражданской войны в Ливане в 1978 году Монте Мелконян принял участие в обороне Армянского квартала от атаковавших его фалангистов маронитской партии «Катаиб». Став бойцом Армянского ополчения, он в течение двух лет воевал с фалангистами. «Я не выбирал Ливан из-за того, что там много армян. Я сделал выбор потому, что там шла самая кровопролитная война, и каждый день я читал, что убивают и похищают армян. Если бы эта война была в Австралии или Англии, я поехал бы туда. Я четко для себя решил, что помогать армянам – не просто мой долг, а священная обязанность».

За десять лет до этого тринадцатилетний мальчик Монте, оказавшись вместе с родителями в Турции, в родных местах своих предков, увидел разрушенную армянскую церковь и оскверненное армянское кладбище, где был похоронен его прадед. «Он стоял и внимательно смотрел на большой дом, который принадлежал его предкам до геноцида. Семейный особняк предков матери был превращен в Дом кино, украшенный плакатами», – писал в своей книге «Путь моего брата» брат Монте – Маркар Мелконян. Так стал формироваться непримиримый боец.

В возрасте 15 лет, оказавшись в Японии, во Вьетнаме, Монте начал изучать боевые искусства, новые языки, новые культуры, новую философию, он овладевал новыми навыками, которые стали чрезвычайно ценными в его дальнейшей жизни храброго и умелого воина.

Возможно, юный Монте оказался под влиянием таких мудрецов, как выдающийся кинорежиссер Акира Куросава. Куросава написал (в 1984 году) замечательную книгу о своей жизни «Жабий жир». Читая ее, я не раз ловил себя на мысли, как много поучительного мы могли бы почерпнуть из мудрой жизненной философии этого удивительного художника и яркого самокритичного сына своего народа. После оглашения указа императора об окончании проигранной японцами войны 15 августа 1945 года его удивила атмосфера на улице, «словно на носу был какой-то праздник».

«Что это – приспособляемость или, скорее, мягкость японского характера? Я был вынужден признать, что в японском характере присутствуют обе эти черты... Нас, японцев, научили, что сознавать себя как отдельную личность – это эгоизм, а умалять себя – добродетельно. Все так привыкли к этому учению, что оспаривать его даже не приходило в голову. Но в тот момент я понял, что пока у всех нас не возникнет ясного понятия о себе как личности, ни либерализма, ни демократии не будет».

Возможно, Монте уже тогда осознал себя как личность. Но не только это. Во всяком случае Монте принадлежат слова: «В Японии я многому научился, но прежде всего я уяснил, что справедливость – есть высшая форма морали».

Несколько отвлекаясь, должен заметить, повторяясь вновь и вновь, о необходимости изучения опыта других народов. Мне запомнилась беседа выдающегося кинорежиссера и сценариста, подлинного интеллектуала и знатока Японии Александра Сокурова с армянским журналистом, в которой он сказал в чем-то нелицеприятное, но весьма важное и конструктивное для армянства.

В середине XIX века Япония была одной из отсталых, практически последних стран африканско-азиатского континента, которая не была еще занята колонизаторами, но вокруг нее уже суетились немцы, голландцы, англичане. Тогда весьма

архаичная страна решила перестроиться, и японцы объявили миру, что становятся... европейцами! Тем самым они сказали тем же германцам, голландцам, англичанам: «Неужели вы хотите сделать колонией жителей страны, которые принимают и понимают Европу?» Вслед за этим начались существеннейшие и смелые реформы: политические в первую очередь, социальные и экономические. Сокуров сказал, что Армения оторвана от всего мира и столь же лишена, как и Япония, особых природных подарков. Но Япония смогла через концентрацию народа, через интеллектуальные усилия власти, через выработку жизненных правил, внутренних и внешних, создать великое государство из ничего. Японцы смогли, не имея ничего, создать разумную власть, создать армию и построить мощную индустрию. Изучение истории и опыта Японии могло бы стать большим уроком и фундаментальным примером для правящей элиты в Армении. Сокуров увидел в судьбах двух народов нечто общее, отмечая, что, хотя армянский народ континентальный, но народ с огромной культурной традицией... Он дружески благородно призвал армян: «Чтобы найти пример решения проблем и сложностей, которые сегодня существуют в Армянской республике, полезно усвоить этот общественный, политический, исторический опыт Японии, это позволит найти ответы на 70% злободневных вопросов. Этим должна заниматься политическая сила, ваши радио, ваше телевидение, Академия наук, если она существует, правительство, премьер, президент, этим должны заниматься все вы».

Возвращаясь к жизненному пути Монте Мелконяна, напомним, что, вернувшись из Юго-Восточной Азии в Соединенные Штаты, он окончил среднюю школу и поступил в Калифорнийский университет. В 1978 году он помог организовать выставку артефактов армянской культуры в одной из университетских библиотек. Раздел выставки, посвященный геноциду армян, был удален университетскими властями по просьбе генерального консула Турции в Сан-Франциско. Монте добился того, чтобы экспонаты этой выставки после протестного движения были представлены в студенческом кампусе. После окончания университета Монте был принят в аспирантуру по археологии в Оксфордском университете. Однако он предпочел отказаться от карьеры ученого, от сытой, теплой, комфортной жизни в самом

центре современной цивилизации и вместо этого начал бескомпромиссную, полную немалых угроз и лишений самоотверженную борьбу за армянство – везде, где она обострялась.

Весной 1980 года Монте Мелконян участвовал в боевых акциях в Риме, Афинах, в сентябре 1981 года в Париже в антитурецкой операции «Ван». В ноябре 1985 года Мелконян был арестован в Париже и приговорен к 6 годам тюремного заключения.

В 1991 году, прибыв в Арцах, он принял активное участие в боевых действиях и вскоре был назначен начальником штаба Корнидзорского отряда. Летом 1992 года отряд Мелконяна остановил азербайджанские формирования, пытавшиеся продвигаться к Шуши, тем самым была обеспечена безопасность Арцаха с юга.

Следующий год Монте («Аво») успешно защищал Мартунинский оборонительный район, затем он участвовал в Кельбаджарской операции, а также в боях на территории Мардакертского и Аскеранского районов. Монте Мелконян погиб 12 июня 1993 года. Он похоронен на кладбище Ераблур в Ереване и посмертно удостоен высших званий «Национальный герой Армении» и «Герой Арцаха».

Монте и сегодня – святой пример каждому из нас. Не каждый – столь же храбрый, столь же умелый и умный боец, не каждый готов так же самоотверженно отдать жизнь за Отечество, как Монте Мелконян. Но каждый способен осознать (и сегодня – особенно!) то, что он говорил с болью: «Мы не имеем права проиграть, мы должны отдать все, чтобы победить. Мы должны во многом себе отказывать, мы должны понимать, что эта война должна завершиться только нашей победой, другого варианта быть не может. Если мы потеряем Арцах, то закроем последнюю страницу в нашей истории».

**Грант
ДИНК**

Прежде чем рассказать еще об одном из наших современных выдающихся героев, Гранте Динке, я в который уже раз повторяю, что рассказываю в этой книге о мудрецах, с которыми прямо или косвенно был связан сам лично. Эти связи – простого инженера и рядового ученого – ограничены, нередко мимолетны. Тем удивительнее то, что могут рассказать о наших мудрецах люди с гораздо большим житейским опытом, более информированные и более глубокие. К примеру, известны тома книг об участии армян в широко понимаемом строительстве не только Византийской империи и других больших и малых стран древности, но и современных исторических городов, таких, в частности, как Тбилиси или Баку. Но кто из живущих там ныне благодарно вспомнит об этом?

Перед моими глазами – пример моего младшего брата, Юрия Ашотовича Амирьянца, начальника строительно-монтажного поезда в небольшом узбекском городе Коканде, в котором родились и выросли в семье потомственных выходцев, точнее беженцев, из советского Арцаха еще три моих брата Александр, Вячеслав, Владимир, также сделавших немало доброго. Этот «поезд» – крупный строительный трест, строивший железнодорожные пути, вокзалы, мосты, школы, больницы, жилые дома по всей Среднеазиатской железной дороге. Мы жили с нашими соседями-

узбеками как родные люди: и в общей радости, и в общей беде. До сих пор помню их, сердечно, бескорыстно друживших с нашей семьей, семьями других армян, русских, евреев, – еще с 1920-х годов, и особенно в голодную и холодную военную пору...

(Невольно вспоминаются слова Карена Сероповича Демирчяна: «У армян есть проблемы только с турками и азербайджанцами. Религия здесь ни при чем. Взгляните на уважение, которое имеется в отношениях армян с таджиками, туркменами, узбеками и другими мусульманскими народами».

Вспоминаю добрые слова о врачах, инженерах, архитекторах, педагогах – людях армянской национальности в странах Арабского Востока, в которых они, спасшиеся от турецкого геноцида, являются достойными, уважаемыми гражданами.)

Я гордился делами моего брата не меньше, чем любовью к нему узбеков – его рабочих и служащих, о которых он каждодневно эффективно, трогательно и, естественно, совершенно бескорыстно заботился многие годы. И вот, когда с развалом СССР началось изгнание армян из Коканда, а это происходило при прямом участии эмиссаров из Баку, по ложному заявлению нового работника азербайджанской национальности брат был арестован за несуществовавшие прегрешения. На защиту своего начальника встали его подчиненные. Вскоре брат был освобожден, но здоровью был нанесен непоправимый урон. Он уехал из родного города, и вскоре его не стало...

Я помню, в советские времена в городском сквере был воздвигнут большой архитектурный комплекс – памятник борцам с басмачами. Добрая половина героев этой борьбы, как следовало из имен, высеченных на этом памятнике, были армяне. В наше время независимыми узбеками памятник этот был снесен, а герои объявлены чуть ли не преступниками.

Знаменитое «хлопковое дело». Весь простой люд советского Узбекистана хорошо знал о жуткой коррупции снизу доверху, приписках и прочей грязи в республике и с необыкновенными надеждами на очищение от скверны встретил работу следственной группы Генеральной Прокуратуры СССР во главе Т. Х. Гдляном. Было возбуждено множество судебных дел, многих преступников посадили. Но когда в дело вступили «незаконно» обиженные высшие властные структуры республики и в Москве, тогда

выгнали из партии и посадили самого Гдляна за «превышение». Слава богу, через какое-то время оправдали...

Мне довелось побывать в научных командировках в трех десятках стран. Все то небольшое, что посчастливилось увидеть в мире, это подарок судьбы научного сотрудника Центрального аэрогидродинамического института – ЦАГИ. Свободного времени в таких кратковременных поездках, как правило, было в обрез, так что впечатления были в основном самыми поверхностными. Запомнилось несколько неожиданных «встреч» с соотечественниками. Первая произошла в Польше, в конце 1970-х. На окраине Варшавы меня заинтересовало старое, очень ухоженное кладбище. И на этом кладбище поразило одно весьма «многолюдное» захоронение (более десятка имен людей, упокоившихся здесь в некрополе с конца XIX века до наших дней) – это была большая, во многих поколениях, армянская семья. Так я, молодой в то время человек, впервые узнал о том, что в Польше с давних времен живут и нередко составляют гордость страны наши соотечественники. Это уже потом я узнал имена наших «польских» соотечественников с поистине мировыми именами.

Г. Гюльбенкян

Следующая подобная «встреча» произошла на роскошном кладбище в Ницце. Там уже было несколько усыпальниц, очевидно, знатных родов наших соотечественников.

Другое яркое воспоминание связано с посещением в 2010 году в Лиссабоне огромного культурного, просветительского комплекса фонда Г. Гюльбенкяна. Поразил богатейший музей, театр, концертный зал и еще более – широко представленная там щедрая благотворительная деятельность фонда – прежде всего в Португалии, а также во всем мире. Какая-то, как показалась, незначительная часть этой деятельности касается и Армении.

В свое время, в 2007 году, поразили в Лувре выставленные там древний хачкар 987 года, привезенный из Армении в рамках ее года во Франции, из села Мугни, где он был частью монастырского комплекса Святого Геворга.

Наконец, столь же неожиданной была «встреча» с другим хачкаром, уже современным. Собственно, ради этой встречи – и не столько с хачкаром, сколько с личностью Гранта Динка, которому он был посвящен, – это затянувшееся вступление. Однажды, в германском Брауншвейге, у стены относительно небольшой кирхи неожиданно увидел хачкар, прислоненную к нему фотографию Гранта Динка и свежие цветы. Так я впервые узнал о герое наших дней. Хотя вспомнил, что слышал что-то о нем краем уха.

Грант Динк, родившийся в 1954 году в Малатье, будучи главным редактором турецко-армянской газеты «Агос», стал одним из лидеров армян в Турции. Окончив зоологический факультет Стамбульского университета, он продолжил обучение на философском факультете того же университета. Со своей женой он руководил детским армянским лагерем. В это время Динка трижды заключали под стражу за его политические взгляды. Когда этот детский лагерь был закрыт, после 21 года работы, Динк основал еженедельную газету «Агос», ставшую голосом разрозненной армянской общины. Одной из главных целей издания, выходившего

Хачкар памяти Г. Динка
у кирхи в Брауншвейге

на армянском и турецком языках, было развитие диалога между армянским и турецким обществами, между Турцией и Арменией. Небольшой тираж газеты (1800 экземпляров в год основания) вырос до 6 тысяч в год убийства Динка – в 2007 году.

Смыслом его героической политической жизни стала демократизация в Турции, обеспечение свободы слова, прав человека, прав меньшинств, в частности армянского общества в Турции.

Суть его борьбы, несмотря на постоянные угрозы, состояла в призыве к необходимости диалога двух наций и сводилась к формуле: «Турецко-армянские отношения необходимо извлечь из колодца глубины в 1915 метров».

Г. Динк

Гранта Динка убил 19 января 2007 года некто Огюн Самаст. Это вызвало многотысячные акции протеста в Турции. В 2010 году Европейский суд по правам человека, рассмотрев обвинение, выдвинутое против Динка в «оскорблении им турецкой нации», а также иск, возбужденный родственниками Динка, признал власти Турции виновными в нарушении статей 2, 10 и 13 конвенции, касающихся права на жизнь и свободы слова. Суд постановил выплатить родственникам Динка денежную компенсацию.

После четырех лет судебного разбирательства Самаст был приговорен к 21 году и шести месяцам заключения за убийство и еще к одному году и четырем месяцам заключения за незаконное хранение оружия.

Это все я узнал позже. А тогда при моей случайной встрече в Брауншвейге, не скрою, меня поразило то, что хачкар, посвященный памяти Гранта Динка, в Германии, с ее мощной турецкой диаспорой, остается не только не оскверненным, но и со свежими цветами. Это до сих пор оставляет какую-то призрачную надежду на установление долгожданного, справедливого, устойчивого мира и взаимопонимания между двумя народами. Надежда эта призрачная, потому что власти (а может,

и зашоренный народ) могучей сегодня Турции сами, без «помощи» извне вряд ли способны в обозримом будущем даже подумать об извинениях ослабленному сейчас армянскому народу за совершенные злодеяния и как следствие – вернуть хоть часть награбленного. Нам же, опять-таки, не остается ничего другого, как становиться во всех отношениях все более и более сильными, если мы не согласны исчезнуть.

Убийца Гранта Динка Огюн Самаст должен был просидеть около 22 лет. Но он был отпущен 16 ноября 2023 года после 16 лет пребывания за решеткой.

Грант Динк

ДИАСПОРА

О своих мудрецах армяне сами хорошо знают, и это нередко служит им плохую службу. Нередко они не понимают, что гордиться надо не прошлыми заслугами, а достижениями сегодняшними и завтрашними. Определенно для самих армян, в первую очередь, написаны те части моих книг, в которых самокритично говорится вообще о наших недостатках. Их, увы, у нас немало. В середине 2022 года я получил неожиданное приглашение на Всемирный армянский саммит – Global Armenian Summit. Неожиданное, потому что я, родившись в Узбекистане, живя в Подмосковье, не зная хорошо армянский язык, не был связан особыми узами ни с Арменией, ни с Союзом армян России, ни с армянской церковью, ни с посольством Армении в Москве. Очевидно, поводом для моего приглашения на столь важный для нас форум стало издание моей книги «Мудрецы на чаше весов». Она была посвящена современным проблемам армянства, резко обострившимся после второй карабахской войны и унижений страны, оказавшейся в одиночестве перед лицом наглых претензий и безнаказанных угроз Ильхама Алиева и его «друзей».

О целях этого форума сконцентрированно было сказано в типографском благодарственном письме, которое по его завершении получили, наверное, все его участники. Вот оно: «От имени главного уполномоченного Заре Синаняна и сотрудников

Конгресс-центр Глобального
Армянского саммита – 2022

Офиса главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения хотим поблагодарить Вас за участие во Всемирном армянском саммите – 2022.

Ваша заинтересованность и активная включенность в обсуждения актуальных тем, волнующих наш народ, сыграли большую роль в определении различных приоритетных областей отношений Армения – диаспора. Предложения, рекомендации и решения, озвученные на саммите, будут включены в стратегию Армения – диаспора, которая послужит основой для институционализации процессов и программ, посредством которых государство сможет взаимодействовать с глобальной армянской диаспорой, а диаспора сможет взаимодействовать с государством».

Я работаю в центре авиационной науки России, закрытом предприятии, Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), и потребовалось специальное разрешение для выезда «за границу». Я с большим желанием и большими ожиданиями

ДИАСПОРА

прилетел в Ереван в надежде, что наконец-то усилия всемирной армянской диаспоры объединятся в мощный идеологический, социально-экономический, культурный, дипломатический, наконец военный кулак, способный отрезвить Ильхама Алиева, в котором обнаружили вдруг дух и пыл и Абдул Гамида, и Александра Македонского. Ожидал увидеть штаб, мобилизующий армянство: Армению, Арцах, диаспору, Церковь – на длительное, особенно важное сегодня военное, а потом уже информационное противостояние с противником, открыто провозгласившим планы нашего уничтожения на нашей родной земле. Но с первых часов работы саммита начали появляться все усиливавшиеся сомнения в том, что намерения организаторов именно таковы. В памяти – печальные итоги недавней войны, вскрывшей множество наших недостатков и упущений, налицо угрозы нового нападения на Армению. А тут – отсутствие серьезных попыток обсудить и осознать суть допущенных ошибок, мер, направленных на их исключение.

Вспоминается самое первое, насторожившее впечатление – от торжественного открытия-приема саммита в Государственной картинной галерее Армении. Богатое угощение (с вином и коньяком), как и почти во все рабочие дни саммита. В ожидании премьер-министра Н. В. Пашиняна, выступившего с бесцветной краткой речью в одном из залов галереи, тут же четыре музыканта, на которых никто не обращал никакого внимания, играли классическую музыку. Жуткая акустика, движение толпы, шумные разговоры, звон бокалов. Я встал буквально в шаге от музыкантов, лицом к ним. Первая скрипка – благородный, пожилой музыкант с потухшим равнодушным взглядом оживился вдруг, улыбнулся мне – незнакомцу, обратившему на них внимание, словно извиняясь: «Ну как играть в такой, хуже, чем в ином ресторане, обстановке?!» И заиграл вдохновенно, а вслед за ним – и его коллеги из ансамбля, – хотя бы для одного внимательного, заинтересованного слушателя. Я был потрясен, услышав после окончания их выступления, что это был... всемирно известный квартет имени Комитаса... Подумал с верой в справедливость: Пашиняны приходят и уходят, а квартет Комитаса остается! Я вышел на улицу задолго до окончания «пира во время чумы» и вскоре увидел Пашиняна в сопровождении какого-то окруже-

Пленарное заседание
саммита

ния, направлявшегося к автомобилям, стоявшим рядом с входом в галерею... Никакого интереса его появление на площади, «на людях», насколько я мог судить, не вызвало...

Большинство армян, с которыми я в дальнейшем общался на улицах Еревана, было против Пашиняна. «У предыдущих руководителей страны госдолг составил 5 миллиардов долларов, а этот за четыре года набрал еще 4–5 миллиардов. И ничего не сделал для армии...» – одно из нередких услышанных мнений...

Вскоре на рабочих заседаниях конгресса, по нарастающей, стало складываться убеждение, что этот саммит – чисто правительственное мероприятие, в котором нет места конструктивной оппозиции. Причем под оппозицией, насколько я усвоил, здесь понимают ненавистные большинству армян «команды» Р. Кочаряна и С. Саргсяна. Их осуждают за распродажу государственных ценностей, недр, за неслыханное обогащение одних за счет обнищания других. Но на саммите я не увидел оппозиции никакой. Это в то время, когда в Армении около 400 тысяч бедных. На улицах небывалое – нищие! И это при том, что работает множество кафе, ресторанов: «пир во время чумы» и благодушные – также на улицах Еревана. Армия обворована. Арцах лишен

эффективного развития, в том числе оборонного, но беспечны и благоденствуют многие командиры. В центре столицы много полицейских, их вообще стало в 2–3 раза больше по сравнению с недавним прошлым – ухоженных, сытых, довольных; как говорят простые люди, – чтобы защитить власть. Про пять тысяч потерянных молодых жизней во второй карабахской войне говорят, что Пашинян цинично послал их на убой, поскольку они, недовольные его невнятной политикой, невыполнением обещаний, на волне которых произошло его вхождение во власть после «бархатной революции», могли снести его.

Ярким немногословным было online-выступление из Арцаха на первом пленарном заседании саммита Рубена Варданяна. Он сказал: «Предстоит 900 дней, решающих дней в судьбе Арцаха! Жду вас здесь». Отношение к героическому, мудрому решению Варданяна переехать в Арцах было встречено некоторыми армянами настороженно, неблагодарно. Зато азербайджанская пропагандистская машина без колебаний назвала Варданяна, назначенного государственным министром Арцаха, террористом и открыто призвала к операции «Госминистр: найти и уничтожить!» Выступление Варданяна открывало надежду на то, что будут сделаны шаги в самом важном для армян всегда и тогда – особенно: объединении всех мало-мальски значимых структур Армении, Арцаха, Диаспоры. Но вскоре наступило разочарование.

В саммите не участвовали потенциально важнейшие в настоящий момент партии и структуры, имеющие определенные заслуги в истории страны, в частности церковь, «Дашнакцутюн», Национально-демократический полюс... Вообще не чувствовалась какая-либо координирующая работа организаторов по сколько-нибудь эффективному объединению усилий участников форума в формулировании его стратегических, объединяющих армянство целей и путей их достижения.

На пленарных заседаниях форума были спикеры от ряда диаспор: Турции, Румынии, Бельгии, Швеции, США, но не было спикера от самой большой и одной из важнейших общин – от российской... Хотя многие видели негативную роль России во второй карабахской войне и в последующем неприкрытом единении российского руководства с азербайджанским и турецким. Вы-

ступления участников форума носили нередко частный характер. Вот типичные записи в блокноте тех памятных дней, наполненных ожиданиями.

Шведский представитель: «Мы должны отделиться от России. Армения должна быть хозяином своей судьбы»... Бельгийский: «Надо объединить бельгийскую диаспору с французской – с мировой»... Кто-то заметил: «Я не хочу, чтобы жизнь в Армении была геройством, я хочу, чтобы она была удовольствием. Но опыт Израиля, Швеции показывает: это возможно в соединении. Причем в определенном порядке: сначала героизм и готовность защищать свое право на жизнь любой ценой, а потом – удовольствие»... «Маленькая страна – это наше преимущество. У нас колоссальные возможности – кризисы открывают возможности»... «Восточное и западное армянство – надо объединять. Разносторонность – это наше богатство!..» «Один ответ на все-все вопросы Армении – наука и технологии! И никто не прикоснется к Армении, если во главе у нас всегда будут наука и технологии...» «Мы – глобальная нация и должны думать глобально! Мы – народ-творцы!..» «Наше преимущество перед Азербайджаном: у нас есть своя культура, тысячи хачкаров, и ни один не повторяет другой!..» «Мы – у пропасти: раскройте руки как крылья и летите! Либо – не раскрыть и падать в пропасть!..» «За 30 лет мы потеряли многое в борьбе за признание геноцида. Мы потеряли 30 лет возможностей. Сейчас это не должно повториться!..» «Сколько раз вспоминали на саммите о евреях, их опыте и влиянии – и почти ни разу не вспомнили Армянскую апостольскую церковь...»

Доктор Паносян из Фонда Гюльбенкяна в Португалии: «100 миллионов евро в год Фонд расходует на благотворительность. Из них 3 миллиона – армянские расходы...» «Пример Греции, Индии, Израиля – пример для Армении!..»

Кстати, что порадовало с самого начала саммита – участие, пусть символическое, представителей Греции и Кипра. Все наши три страны прошли через трагедии в XX веке. Но это не нашло, насколько я мог судить, отражения в итоговом решении форума. Его и не было, по большому счету. Словно в старой шутке сверхосторожного, формального, «галочного» руководителя: «Боюсь, нам придется принять какое-то решение».

Уже с первых же часов работы саммита у меня, одиночки, плохо информированного человека, начали зарождаться сомнения. Больно много всяческого самовосхваления организаторов, бахвальства экономическими и прочими успехами. И это – вместо напрашивавшегося критического анализа проблем страны и диаспоры как одной из главных надежд их оперативного и эффективного решения. Первоначальные смутные сомнения в благих намерениях саммита переросли после его окончания в убеждение: организаторы саммита не могли или не хотели ставить никаких тактических и стратегических задач по объединению усилий диаспоры и ни на шаг не приблизили к сплочению наших сил. Для столь строгого суждения у меня есть некоторые личные основания.

Я подарил основному организатору саммита, главному уполномоченному по делам диаспоры Республики Армении Заре Синаняну мою книгу «Мудрецы на чаше весов» и попросил его передать другой экземпляр этой книги госминистру Арцаха Рубену Варданяну. Он с благодарностью принял книгу и охотно обещал в ближайшие дни выполнить мою просьбу. Я тогда не знал ничего о сложных взаимоотношениях властей Армении, которых представлял Синанян, и Арцаха. Но то ли прочитав в книге мои критические слова в адрес премьер-министра Н. В. Пашиняна, то ли познакомившись с дарственной надписью Рубену Варданяну, Заре Синанян напрочь отрубил всякую связь со мной.

Я попросил связать меня с Рубеном Варданяном и, получив на это твердые обещания самого Заре Синаняна и его сотрудницы Эрмине Арутюнян, попросил их также сделать критические замечания по книге. В моем кругу принято отвечать на электронные письма, даже самые незначительные, немедленно. Я также ожидал, что руководители офиса главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армении должны оперативно отвечать на любые обращения к ним. Но Заре Синанян так и не ответил до сих пор ни одним словом ни на одно мое письмо.

Судя по многим отзывам, я имел основание считать книгу «Мудрецы на чаше весов» полезной в нашей общей борьбе. В те же дни я имел возможность передать эту книгу также академику Национальной Академии наук Армении члену президиума НАН Ленсеру Абгаровичу Агаловяну, человеку никак не менее заня-

тому, но, как видно, явно более ответственному и чуткому к попытке незнакомого ему соотечественника написать нечто равнодушное о своей стране. Академик сообщил мне дней через десять после получения книги: «Глубокоуважаемый Геннадий Ашотович! Мне передали Вашу монографию “Мудрецы на чаше весов”. Спасибо. Она весьма информативна и написана большим патриотом своей Родины – Арцаха. Наши переживания и опасения почти совпадают. Высылаю мою статью, помещенную на днях на сайте газеты “Голос Армении”. Наилучшие пожелания. Ленсер Абгарович Агаловян, академик НАН Армении».

Я не стал бы тратить время читателей на эту, казалось бы, частную историю. Но она отражает уровень организации работы офиса главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армении, призванных, как я себе представлял, объединять любые усилия соотечественников, даже самые малые (как мои), на службу Отечеству. Она отражает, мне кажется, нашу большую болезнь – равнодушие, необязательность. И еще об одном нашем недостатке нелишне сказать открыто и самокритично.

Заявление Пашиняна о признании Карабаха неотъемлемой частью Азербайджана сыграло двойную негативную для нас роль. Оно выбило главный защитный довод у сторонников Арцаха – во всем мире – и снабдило главным, хоть и фальшивым, наступательным доводом его противников – также во всем мире. Вряд ли Пашинян так глуп, чтобы не понимать, что он заявил миру, не имея на то ни оснований, ни прав. Значит, это – линия. Точно так же вряд ли организаторы саммита так глупы, чтобы не понимать, что саммит работает вхолостую. Значит, и это была – линия.

Г. А. Амирьянц на саммите

Так что нам стоит задуматься не только над обилием среди нас людей равнодушных, необязательных. Но понять, что среди нас есть люди и недалекие, и даже готовые на предательство.

Конечно же, на саммите были и отдельные яркие выступления. Запомнились слова Мецо Игитяна: «Если вы не строите свою мечту, то найдет кто-то другой, кто ее построит».

Не пройдет и года, и патриот-подвижник Саркис Цатурян напишет замечательную книгу, так и названную им: «Армянская мечта». Как мне представляется, книга эта может стать столь недостающей нам сегодня идеологической основой развития армянства и на ближайшие годы, и на далекое будущее. Так вот, в этой книге, в которой и критически, и самокритично рассмотрены самые разные особенности современных проблем Армении и ее составной, родниковой части Арцаха, есть созвучное моему восприятию отношение властей Армении, в частности, к диаспоре:

«...По состоянию на лето 2023 года арцахцы лишены избирательного права в Республике Армения, хотя официально являются ее гражданами. Правящий класс Армении превратил арцахских армян в бесправную резервацию, отвергнув Миацум (Воссоединение). А диаспору, которая возникла по итогам геноцида армян, развала СССР и бандитского капитализма в Армении, правящий класс и вовсе превратил в бесправный кошелек, который должен только платить, но не имеет права спросить с властей за бездействие, ошибки и предательство. Очевидно, что Национальное собрание в его нынешнем виде не имеет всенародного мандата на решение арцахской проблемы, которая является частью армянского вопроса!»

В сентябре 2023 года по этому злободневному вопросу определенно критически высказался также Рубен Варданян. Он сказал: «Мы допустили одну ошибку, мы не сделали элементарной вещи – не вовлекли в эту борьбу диаспору, армянский мир. Перед своим избранием господин Пашинян обещал, что изменит Конституцию, предоставит диаспоре более широкие права, ответственность и возможность участвовать в жизни Армении, но ничего не было сделано. Проблема не только в том, что мы сегодня слабы, но и в том, что мы делаем все, чтобы не использовать свои сильные стороны...

Необходимо, чтобы диаспора чувствовала себя защищенной, как в Израиле, и чтобы государственный механизм работал на благо всей нации. Сделали ли мы все возможное, чтобы диаспора была заинтересована в создании здесь бизнеса, чтобы в Армении были созданы возможности для работы тысяч компаний – как для представителей диаспоры, так и для иностранцев? Сколько международных компаний на сегодня работает в Армении? Мы знаем, что это не так, потому что мы все это время были закрыты, все это время мы говорили: “Вы дайте нам деньги или занимайтесь благотворительностью, не мешайте”. И это происходило на протяжении не последних пяти лет, а тридцати лет. Тридцать лет мы были закрытой страной, наше правительство имело зашоренный менталитет. Оно каждый раз заявляло, что любит диаспору, но никак с ней не сотрудничало... Мы многое должны предложить диаспоре: то же образование, школу, культуру, но мы почти ничего не сделали для того, чтобы диаспора осталась армянской. Мы многого не делаем, но это можно сделать – это не так сложно, но это не произойдет само собой...»

Много делает для честного рассказа об армянской диаспоре в мире известный блогер, журналист и востоковед Вадим Альбертович Арутюнов. Выпускник Института стран Азии и Африки при МГУ, он, путешествуя по миру и в совершенстве владея рядом языков, опубликовал множество телерепортажей об истории становления армянской диаспоры в разных странах и ярких статей об этом, о современной жизни армян диаспоры – на русском языке, английском, испанском, хинди... Но этих усилий одиночки, в сущности, недостаточно, чтобы защитить Правду об армянстве от массивного напора лжи о нем его недругов.

Дезорганизованность мировой армянской диаспоры, особенно беззубая, тупая пассивность самой большей ее части – российской, позволяет российскому руководству в лице пресс-секретаря президента России выступать с предостережениями в ее адрес. Произошло это после сентябрьского 2023 года заявления премьер-министра Армении Никола Пашиняна в интервью итальянскому изданию La Repubblica, в котором он говорил об уходе России из региона и назвал ошибкой Еревана рассчитывать на Москву в плане обеспечения безопасности Армении. Как заявил пресс-секретарь президента России, в Москве глубоко

уважают Пашиняна, но не могут согласиться с его словами, потому что РФ является частью Кавказского региона и никуда оттуда уйти она не может. Также он добавил, что в России живет больше армян, чем в самой Армении, и в большинстве своем это патриоты РФ, которые вносят вклад в развитие страны...

По поводу «ухода Еревана в западную сферу влияния», а также в связи с «мощными, богатыми, влиятельными армянскими диаспорами» в США и Франции журналист Максим Юсин в марте 2024 года спросил политолога С. Е. Кургиняна о российских армянах, которых больше, чем американских и французских, вместе взятых:

– Они богаты, влиятельны, заметны, активны: у нас только на телевидении в политических программах их так много, что не хватит пальцев двух рук... Когда они выступают на российские темы, они такие убедительные, уверенные, иногда учат нас, русских, патриотизму, а в их родной Армении не смогли ни на что повлиять. Что не так, где недоработали? Почему?

– Это не недоработка, – ответил Сергей Ервандович Кургинян, которого Википедия определяет как советского и российского ультраконсервативного политического деятеля. – То, что российская армянская диаспора слабее, чем американская или французская, и не является в этом смысле независимой, я знаю давно... Российская армянская диаспора простая. Никакой субъектности у армянской российской диаспоры нет. По очень многим причинам. Определяет игру русско-турецкая связка!.. Всё! И не этой диаспоре ковыряться тут по-своему! Азербайджан – это часть Турции. Все происходит по принципу русско-турецкого диалога. По отношению к сегодняшней ситуации он, конечно, правильный. Наша дипломатия и наши протурецкие лобби в стране, очень мощные и конструктивные, в этом смысле, они как-то лавируют так, чтобы Турция на нас прямо не рыпнулась. Идет какая-то достаточно рыхлая игра, которую лично я расцениваю как абсолютно позитивную. Это первое. Второе. Армения, выбравшая Пашиняна и выбравшая свою судьбу вместе с Пашиняном, она сама тем самым заявила готовность лечь под турок. И разговоры о какой бы там ни было свободе Армении и ее самостоятельном курсе... – абсолютно мимо кассы. Армения на исторически обозримом промежутке времени, если не говорить

о каких-то царях там в древности, она выбирала, кто ее будет резать: турки или персы. И в основном эта почетная участь была отдана туркам. Армяне опять хотят этого же. Они избрали Пашиняна – очевидно протурецкую, проазербайджанскую фигуру, вписанную в этот пакет. Они как бы соответствующую линию ведут и говорят о том, что хотят быть с турками. Они с ними хотят дружить, они хотят их любить, они хотят им сдаться, они хотят им отдать, к чертовой матери, все что угодно. Лишь бы тут сидеть вот так тихонько и глядеть на этого турецкого тигра, который на самом деле не такой злобный, как казалось, и с ним можно как-то договориться. Армения другого курса не ведет. Если бы она вела другой курс, то все эти диаспоры, дашнаки в том числе, они бы сдали быстро... Пашинян прожил бы на политической сцене 10 дней. А если он живет и учит всех жить и очевидным образом сдает Армению Турции, значит, это коллективное решение диаспор. И, наконец, а что Армения может? Она кто такая вот в этом состоянии? Она фактически разменяла свой Карабах. Она его сдала. Она не участвовала в той войне за Карабах. Пашинян блокировал все, даже то, что русские сделали для помощи Карабаху, он блокировал. Он некие грузы остановил в Армении и не дал их перекинуть в Карабах. Армия не двинулась в ту сторону. Орали-орали: «Арцах, миацум, забастовка-забастовка!» Выливыли про Карабах, сказали, что это их сущностная, экзистенциальная проблема, и его сдали. Это же маленькая страна. Ну семь тысяч мальчиков, которые легли там костями за то, чтобы Арцах, миацум и все прочее защищать. Они их сдали, они все это сдали в состоянии этого глубокого пораженчества и готовности вот так разменивать кровь своей молодежи на какой-то непонятный комфорт под турецким патронажем сомнительный. Что может эта страна? А тут она говорит следующее: «А русские-то дружат с турками и с Азербайджаном, что мы тут можем делать, зачем нам русские?» И вот тут вмешивается этот Макрон, не к ночи будь помянут, и начинает лезть в эту игру. А в ней карт нет. Британия – за Азербайджан, Франция – пусть она себе поет, что хочет, это – утешительный приз француско-армянской диаспоре, а не большая политика. Там ничего этого нет. А кто есть? Кто тут торчит вот так на этой всей Закавказской карте и кого хотят не увидеть любой ценой? А есть Иран, и никуда он не денется.

И меня просили даже некоторые представители официального Ирана сказать, что если кто-нибудь там будет переигрывать границы, то зайти в Армению и там разобраться по-своему – это дело четырех дней. Значит, есть Иран. И вся эта композиция крутится вокруг этого. Мы хотим справедливо: быть и с Ираном, с которым нас сейчас связывает вся проамериканская линия, и с Турцией, которая хотя и входит в НАТО, но занимает экстравагантную позицию... Никто Иран с этой карты не снимет. И тогда возникает вопрос: когда возникнет неопределенность в отношениях между Турцией и Ираном? Слава богу, ее пока нет. А когда она будет? Что будем делать? Нет проблемы русско-армянских отношений. Есть проблема русско-турецких отношений. Это решающая проблема. Пока это можно держать в узде, надо держать. Но я не верю, что это произойдет долго. И не потому, что русские не хотят. Русские хотят. А потому что с другой стороны будет другое. Иран нам ничем не мешает, он не в НАТО. И у нас нет иранской диаспоры на территории. А концепция Турана рано или поздно заиграет, и заиграет на нашей территории. И вот тут начнутся все проблемы. Но это не проблемы, прошу прощения, здешних богатых карапетов. Это проблема мировой политики. И решаться здесь будет все без них. Если когда-то это произойдет, и если конфликт возникнет (упаси бог, еще в Закавказье... надо сделать чтобы этого не было!), так конфликт этот кончится тем, что русские сначала одержат победу, как я надеюсь и верю, а затем они будут определять, кто именно является подлинным выразителем воли армянского народа. Произойдет это вот так. Или это произойдет по-другому, и об этом не хочется думать. Но это большая игра, внутри которой Армения исчезающе малый элемент. А после сдачи Карабаха фактически нулевой.

Одно непонятно в такой хладнокровной, «отстраненной» позиции: является ли Армения родиной-матерью, за которую болит сыновье сердце, – для Сергея Ервандовича Кургиняна и других российских политологов с армянскими фамилиями, о которых говорил М. А. Юсин? У выдающегося русского интеллектуала, гуманиста, поэта Давида Самойлова сердце сжалось, когда он, узнав об армянских погромах в Баку, написал в своем дневнике 18 января 1990 года: «Потрясает дикость Азербайджана». А у российских политологов с армянскими фамилиями, озабочен-

ных тем, как бы не обидеть сегодня даже неосторожным словом современных друзей России – турок, – все нормально? Ничего не болит, ничто не гнетет?!

О тех трагических событиях Джордж Сорос писал в книге «Концепции Горбачева»: «...В Азербайджане армянские погромы были инспирированы местной мафией, действовавшей по указке бывшего главы КГБ Азербайджана Гейдара Алиева. Последний рассчитывал, что для Горбачева сложится неблагоприятная ситуация и ему удастся вновь прибрать к рукам власть в Азербайджане, чего он впоследствии добился, ради власти и славы беспощадно пролив в Сумгаите, Баку, Кировабаде и т. д. кровь десятков тысяч невинных людей, не пощадив при этом даже своих соотечественников и турок-месхетинцев, лезгинов, талышей, аварцев в поселке Ходжалу и на подступах к Агдаму, где контролировали сами азербайджанцы...»

Может быть, Сорос был далек от места кровавых событий. Но вот наблюдение свидетеля, азербайджанского правозащитника и историка Арифа Юнусова, который в 1992–1993 гг. был руководителем информационно-аналитического отдела аппарата президента Азербайджана. Он утверждал, что армянские погромы в январе 1990 года были устроены по приказу Гейдара Алиева и для приведения его впоследствии к власти: «В событиях вокруг 20 января в Азербайджане много мифов, при этом его воспринимают как чуть ли не славную страницу героической борьбы и часть национально-демократического движения, в результате которого Азербайджан впоследствии стал независимым. Но на самом деле события в январе 1990 г. связаны с ролью Гейдара Алиева».

С сестрой – коренной бакинкой
Мариэттой

А. Юнусов говорил, что, придя к власти в Азербайджане в 1988 году, первый секретарь ЦК Компартии Абдурахман Везиров по соглашению с Горбачевым начал следствие в отношении Гейдара Алиева. Следствие охватывало весь период его правления с 1969 по 1982 год. Но также затрагивались и другие более ранние периоды – как он изменил свои документы (день рождения), чтобы не оказаться на фронте в период Второй мировой войны, скандал с одной сотрудницей КГБ. Юнусов говорил, что читал впоследствии часть следственного материала.... В ходе одной из встреч с единомышленниками Гейдар Алиев сказал: «Нам нужна большая кровь, много крови!»

А вот что говорит сегодня наследник «гения» и его генов Ильхам Алиев: «Армяне создали себе государство на чужой земле. Армения никогда не была на этой территории. Сегодняшняя Армения – это наша земля. Когда я говорю это много раз, мне пытаются указать на то, что у меня есть территориальные претензии. Я говорю это как исторический факт. Если кто-то может подтвердить другую версию, пожалуйста, сделайте это...»

Во время военного парада в честь победы в Баку во второй карабахской войне Алиев назвал Ереван, Севан и Зангезур «азербайджанскими территориями», а Эрдоган сказал, что это «день просветления душ Энвера-паши, Нури-паши и солдат Кавказской исламской армии». Это те, кто повинен в уничтожении многих сотен тысяч армян и других христиан Османской империи.

Ни один из «дюжины» армянских политологов, о которых говорил М. А. Юсин, не посмел поставить на место турок, осуществляющих геноцид в XXI веке. Лишь заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ Константин Затулин осмелился заявить: «Парады (подобные бакинскому) являются оскорблением, попыткой унижения не только Армении и армянского народа, но и союзной ей России. Россия и Армения – союзники. Поэтому все, что прозвучало во время парада, особенно отсылки президента Азербайджана к Великой Отечественной войне, попытки провести параллели между борьбой с фашизмом и операциями в Нагорном Карабахе, кощунственны, лживы и заслуживают всяческого осуждения».

Мне казалась здравомыслящей и самостоятельной хотя бы одна из «армянской дюжины Юсина» – Каринэ Геворгян. Но вот что

сказала и она в марте 2024 года в беседе с ведущим российского информационно-аналитического агентства «Вестник Кавказа» Фархадом Ибрагимовым. Он назвал ее одним из ведущих специалистов по Ближнему Востоку в России, а она его – «гиперделикатным и гиперэтичным» собеседником. Прежде всего она засвидетельствовала свое уважение к Эрдогану: «С огромным уважением отношусь к Эрдогану как к политику. За что я Эрдогана больше всего уважаю... Он думает и о тактике, и о стратегии. И о большой стратегии! XXI век – век Турции! – говорит он. Его программа грандиозна...»

А вот – низкий поклон от Геворгян Алиевым.

Ведущий спросил:

– Пашинян заявил, что у Армении есть все права для плотных отношений с Европейским союзом.

– Я не знаю, что считает Пашинян. Меня заставляли не раз сравнить руководителя Азербайджана и Армении. Можно как угодно критично относиться к президенту Азербайджана. Его отца Гейдара Алиева я считаю просто недооцененным политиком. И сожалею об этом. Гений политический, я считаю! Просто выдающийся человек! Во всех отношениях. Там и культура, и образование. Не знаю, Ильхам Гейдарович, может, как все студенты, иногда и прогуливал, но он, извините, хороший вуз окончил! У него опыт, у него, в конце концов, такой отец! У него есть этот политический ген! Ну, по определению! А здесь – неоконченное журналистское образование. Вы понимаете?! У него недостаточно компетенции! Потому что, если он заявляет, что Армения имеет право... Да ради бога! Кто ей мешал?! Никто никогда и не возражал! А что, Россия разве возражала против этого? Никогда!

– В том-то и дело! Ни разу, – подхватил ведущий Фархад Ибрагимов.

– Однако, – поучает Каринэ, – надо Пашиняну сказать: «Дорогой, но учти одну вещь. Что сначала нужно вступить в НАТО! Это – пропуск в ЕС!» И даже этого недостаточно. Опять-таки вспоминаем Турецкую республику... Грузия хотела вступить в НАТО. Но когда из Москвы сдвинули брови и сказали: «Мы против!» – грузинское руководство затормозило эту тему...

– Но если Пашинян блефует по поводу вступления в ЕС...

Геворгян прерывает ведущего: «Это не блеф, это – просто пустота!»

Боже! Как нам не хватает сегодня немногословных, неравнодушных, незапятнанных, нетрусливых сыновей и дочерей больной Родины-матери...

Нечто подобное тому скептически пренебрежительному о будущем Армении, о чем хладнокровно говорят Кургинян, Геворгян, а также многие другие (и высокопоставленные) россияне, мы уже слышали – и давно – от президента Белоруссии, союзницы Армении по ОДКБ, А. И. Лукашенко. Он говорил: «Армении деваться некуда! Вы что думаете, они кому-то нужны? Они уже увидели это. Никол Воваевич увидел, что Армении деваться некуда!»

Наша скромная попытка сказать в книге «Мудрецы на чаше весов» об Армении как одном из составных элементов индоевропейской, христианской цивилизации не встретила понимания (или даже простого отклика) ни в МИД Российской Федерации, ни среди руководства армянской российской диаспоры. Между тем, как мы пишем уже в настоящей нашей книге, несмотря на ряд грубых ошибок современного руководства Армении, трагическую потерю Арцаха (временную, как устанавливает недавнее решение Гаагского трибунала), значение крохотной, ослабленной, но становящейся самостоятельной Армении никак не пренебрежимо мало. Оно определяется не только ее географическим положением – на перекрестке путей из Индии, Ирана, Китая в Европу. Оно обусловлено также цивилизационной сутью Армении. Она является одной из немногих стран, сохраняющих дружественные отношения с большим и исключительно важным в мировой политике соседним государством – Ираном. Так что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что Армения находится в зоне интересов и Евросоюза, и США. О давнем, фундаментальном интересе США к ней говорит, помимо прочего, огромное американское посольство в Ереване. Прорываясь через мощные препятствия, Армении еще предстоит доказать (и себе в первую очередь, своим соседям, нынешним, зашоренным союзникам, и тем более – недругам), что ей есть «куда деться», есть с кем взаимозаинтересованно дружить и в тактической, и в стратегической перспективе.

«Армения столетиями стремилась в Европу, – говорит председатель правления Европейской партии Армении Тигран Хзмалян. – Тому свидетельство и царствование нашего великого мо-

нарха Тиграна Второго, который заключил договор с Римом еще в 1 веке до нашей эры. И христианизация Армении – задолго до Рима, – это тоже была попытка европеизации. Это был европейский выбор, потому что христианство – не как религия, а как система ценностей, как культура лежит в основе европейской цивилизации. Наше Киликийское королевство на берегу Средиземного моря 300 с лишним лет – это еще одно доказательство европейского рыцарства, которое растворено в армянской истории. И сейчас мы возвращаемся, в общем-то, в свою семью, в европейскую семью. Европейцы сами об этом нам говорят».

Не прошло и двух недель после того, как Кургинян отвел Армении единственную роль – пешки в большой игре России и Турции, а Геворгян поставила крест на свободе выбора Армении, в частности на ее праве вступления в ЕС, как в Брюсселе состоялось знаменательное (для Армении, по крайней мере) событие. Там на трехсторонней встрече 5 апреля 2024 г. Госсекретаря США Энтони Блинкена и главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен с Николом Пашиняном произошли важные переговоры.

Европейские обозреватели, возможно, чрезмерно оптимистично назвали эту встречу «мощным сигналом сближения Армении и Запада». «Один из первых итогов: ЕС и США хотят играть большую роль, в том числе в урегулировании конфликта Армении с Азербайджаном». Упор встречи был на экономических аспектах. «Это была знаковая встреча, на которой лидеры подчеркнули, что те обещания, которые были даны Армении еще на европейском саммите политического сообщества в Гааге, выполняются».

Не следует преувеличивать значение словесных обещаний Армении западных стран, тесно связанных с Турцией и Азербайджаном, но нельзя недооценивать и важность произошедшего. Убежден, что этот выбор Армении не направлен против родной для меня России. Это цивилизационный выбор Армении – за себя. Очень хотелось бы надеяться, что этот выбор будет понят и использован Россией для собственного блага. Последние более чем сто лет ее интересы объективно не совпадали с интересами Армении. Армении это стоило огромных потерь: ее территорий, и крови сотен тысяч ее сынов и дочерей. С этим новая Армения вынужденно не могла далее мириться...

**Георгий Антонович
АНТОНОВ (МИРЗАХАНЯН)**

Самым памятным для меня оказалось случайное 10-минутное знакомство уже по закрытии саммита – с одним из российских его участников из Кемерово Георгием Антоновичем Антоновым. Тогда он подарил мне свою тоненькую, но очень содержательную брошюру, изданную в октябре 2022 года. В ней кратко изложена причина и история предпринятого им судебного разбирательства, связанного с легитимностью Московского и Карсского договоров. В частности, в ней говорится, в заключении, об обращении в суд возглавляемого Г. А. Антоновым регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз армян России» в Кемеровской области «с административным иском к Министерству иностранных дел РФ – о признании незаконными действий административного ответчика, выразившегося в даче ненадлежащего ответа на обращение и возложении на административного ответчика обязанности принять меры для денонсации Московского договора от 16 марта 1921 года и Карсского договора от 13 октября 1921 года с Турцией».

Уже вернувшись в Москву, я сильно пожалел о том, что не познакомился с Георгием Антоновичем основательнее, как того требовала его столь активная и самоотверженная общественная позиция. Как оказалось, Г. А. Антонов (Мирзаханян), в свое время кандидат в депутаты Государственной Думы Российской

Федерации по Кемеровскому одномандатному округу от КПРФ, родился 20 октября 1955 г. в селе Араташен Эчмиадзинского района Армянской ССР. В 1979 году он окончил Ереванский государственный университет (по специальности «радиофизика»); в 1991 году – Кемеровский государственный университет (по специальности «экономика труда»); в 2005 году – Сибирскую академию госслужбы (по специальности «менеджер по государственному и муниципальному управлению»).

Многолетние крепкие корни Г. А. Антонов пустил в Кузбассе почти сорок лет тому назад. Тогда, в 1986–1987 годах, он был командиром всесоюзного комсомольского строительного отряда по Кузбассу. Это был один из последних ударных отрядов Советского Союза, которые по решению ЦК КПСС были направлены в Кузбасс. Тогда 500 строителей из Армении строили для шахтеров Кузбасса жилье. Работая и живя затем в Кузбассе, тесно сотрудничая сначала с первым секретарем Кемеровского обкома КПСС В. В. Бакатиным, а потом с губернатором А. Г. Тулеевым, Г. А. Антонов сосредоточился в последние годы на деятельности, связанной с важнейшим для Кузбасса решением экологических и других хозяйственно-экономических проблем. Эта деятельность нашла отражение в книге Г. А. Антонова «Фундамент могущества России», изданной в Кемерове в 2006 г. в серии «Крепкий регион».

Вместе с тем этот неугомонный и неравнодушный общественный деятель никогда не забывал о проблемах своей «малой родины» – Армении. Он был близко знаком с известными, ушедшими из жизни учеными-историками Д. С. Киракосяном, Ю. Г. Барсеговым, и он понял, что важнейшее значение для судеб Армении приобретает ныне «оживление» справедливого и спасительного для армян арбитражного решения президента США Вудро Вильсона – как неотменяемого судебного решения международного суда. В связи с этим из цепи стратегически важных задач как главное звено он выбрал юридическую борьбу за отмену препятствующих этому

Обложка книги

Г. А. Антонова «Фундамент могущества России»

нелигитимных Московского и Карсского договоров 1921 года, не признанных международным сообществом. По сути одиночка, не являющийся профессиональным юристом-международником, но патриот России и Армении, Г. А. Антонов на протяжении нескольких лет настойчиво обращается с этими юридическими проблемами в аппарат президента Российской Федерации, в Государственную Думу, в Совет Федерации, наконец, в судебные органы.

В своем обращении об этих договорах в 2021 году от имени возглавляемого им Кузбасского регионального отделения Союза армян России Г. А. Антонов писал: «...Эти договоры, которые перешли в “наследство” современной России, являются позорной страницей истории большевистской России. По Московскому договору два непризнанных международным сообществом государства – большевистская Россия и кемалистская Турция, поделили между собой исторические земли третьего государства – Армении, без ее участия. По Карсскому договору большевистская Россия заставила руководство советизированной Армении подписать унижительный договор, признавая условия Московского договора... Непродление Московского договора о дружбе и братстве с Турцией от 16 марта 1921 года и денонсация Карсского договора от 13 октября 1921 года чрезвычайно важны, поскольку эти крайне невыгодные для России и Армении договоры предусматривают несправедливую передачу земель, завоеванных кровью русского и армянского солдата, проигравшей в Первой мировой войне стране – Турции. Договоры заключены большевиками, для которых интересы проживающих на этих землях народов ничего не значили, и исторические армянские земли были с щедростью подарены государству, накануне истребившему более трех миллионов своих христианских граждан, больше половины из которых составляли армяне. При этом наряду с Карсской областью и Сурмалинским уездом, вместе с горой Арарат, которые вошли в состав Турции, закавказским татарам, впервые в 1936 году получившим этноним «азербайджанцы», были подарены армянские Нахичеванская и Нагорно-Карабахская области. Таким образом, за счет Армении были удовлетворены аппетиты Турции и Азербайджана... Данные договоры незаконные, ничтожные, несправедливые, оккупационные и ущемляют права всего армянского народа, братского для России. Советская Рос-

сия совершила ошибку, пойдя на сближение с Турцией и отодвинув векового союзника России – Армению. Расчет на Турцию как на ближайшего союзника впоследствии не оправдал себя, армянский вопрос был предан забвению, а карабахский конфликт продолжает оставаться очагом опасной напряженности на Кавказе...

Нежелание Турции признать геноцид населявших Османскую империю христианских народов в начале XX века, тесное союзничество с фашистской Германией во Второй мировой войне, последующее вступление Турции в НАТО, оккупация Северного Кипра, военные действия против собственных граждан курдской национальности и христиан, широкая поддержка азербайджанской агрессии в Нагорном Карабахе, активная помощь сепаратистам во время чеченских событий, пособничество радикальным украинским силам, а также содействие местным националистам в ходе крымских событий говорят о “традиционной” фашистской, геноцидальной сущности Турции и антироссийской направленности ее политики. Последние разбойничьи действия Турции в Сирии и в Арцахе, в ходе которых были сбиты российский военный самолет в Сирии и военный вертолет в Армении, наглое убийство российского посла в Турции, переброска боевиков террористических организаций на территорию Азербайджана и Арцаха и организация геноцида армянского населения Арцаха – яркий тому пример.

Провозглашенная нынешними турецкими правителями политика “ноль проблем с соседями” в действительности переросла в “большие проблемы со всеми соседями”. Ныне ни для кого не секрет, что ИГИЛ, по сути, является порождением Турции и служит орудием ее далеко идущих планов. Вся деятельность турецкого государства свидетельствует о том, что поставлена цель создания новой Османской империи (“великого Турана”), в которой нежелательными элементами являются уже не только христиане армяне, но и христианское население южных областей России, в том числе и Крыма.

В этой ситуации Российскому государству, которое в своей истории всегда выступало в роли защитника интересов малых народов, необходимо своевременно предпринять решительные меры для адекватного ответа проводимой Турцией экспансионистской политике на Ближнем Востоке и в Закавказье

Г. А. Антонов

(в частности, в Арцахе и Армении). Одной из действенных мер стало бы непродление Московского и денонсация Карсского договоров 1921 года. Это бы послужило во благо России и народов, пострадавших от агрессивной турецкой политики. Армяне, греки, ассирийцы, езиды, славянские народы Балкан, арабы, курды и другие народы ждут восстановления своих исторических прав и, без сомнения, будут готовы оказать содействие справедливой политике России на Ближнем Востоке...

Непродление Московского договора (16 марта 1921 г.) и денонсация Карсского договора (13 октября 1921 г.) исходит из национальных интересов России и на сегодня является единственным ключом для укрепления роли России на Кавказе и на Ближнем Востоке и для решения многочисленных проблем в этих регионах...

Смелый и уверенный в своей правоте, Георгий Антонович Антонов не ограничился подобными высокими обращениями к властным структурам. Преодолевая немало препятствий, он последовательно шел дальше, стремясь доказать юридическую справедливость своих убеждений и убеждений своих сподвижников в суде. Суть предпринятого им масштабного для всего армянства судебного разбирательства в самых различных российских судебных инстанциях, начиная с Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2015 года вплоть до нынешних времен и все более высоких инстанций, направлена на установление истины, крайне важной для будущего как России, так и Армении.

«Сейчас будет наша кассация в Верховный суд, – говорит Г. А. Антонов, – после чего я буду иметь право обратиться в международный суд, суд ООН. Но Армения может без этих инстанций прямо попасть в суд ООН. Сейчас все уже поняли, и в Америке, где после нас ширится это движение, тоже признали, что единственный путь достижения нашей цели – это судебный путь, так как решение Вильсона – это международное судебное решение. Другого пути нет. Я надеюсь, что мы поправим дела в Армении».

Вот таков этот подвижник, Георгий Антонович Антонов (Мирзаханян), заменяющий в одном лице, без какой-либо материальной поддержки от кого бы то ни было, в том числе от соотечественников, к тому же нередко завистливых, большую независимую и эффективную силу. Силу – пример даже авторитетным борцам американской диаспоры за справедливое решение проблем Армении, имеющим доступ и к президенту США, и к Конгрессу. Это ли не самый достойный пример для каждого соотечественника диаспоры!

Как мало кто другой, Георгий Антонович знает изнутри проблемы недропользования, экологии и нарушений в этой области. Он не раз говорил, что даже разумное использование отходов горной промышленности в Армении способно превратить республику в Эльдорадо. А что уж говорить о рациональном использовании собственно недр. И как же важно свести к возможному минимуму давление коррупционного пресса в этой области. На эту, в сущности, юридическую тему исключительно важного социально-политического значения мы с Георгием Антоновичем написали по его инициативе статью, которую назвали: «Хозяин недр страны – народ». В ней, в частности, подчеркивается:

«Опыт многих изначально отсталых, бедных стран, их ускоренный переход в разряд стран благополучных был обеспечен грамотным, эффективным использованием богатств их недр – как очевидного потенциального первоначального капитала развития».

Между тем армянский народ, по сути, слепо или равнодушно проходит мимо такой уникальной и вместе с тем естественной и доступной возможности. Во всяком случае, об этом свидетельствует отмеченное ниже существенное разночтение и казусы в законодательстве Армении, не позволяющие хозяину недр – народу по праву распорядиться своим богатством и начать (прежде всего на этой основе) ускоренное решение стоящих перед страной экзистенциальных проблем.

Так, в Декларации о независимости Армении от 23.08.1990 (в пункте 7) записано: «Национальное богатство Республики Армения: земля, недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, экономический, интеллектуальный, культурный потенциал – собственность ее народа».

А вот Конституция Армении от 06.02.2015 устанавливает (в статье 10 п. 2) иное: “Недра и водные ресурсы являются исключительной собственностью государства”.

То же следует из Кодекса Республики Армения о недрах от 28.11.2011 (статья 11 п. 1): “Недра Республики Армения являются исключительной собственностью государства, они могут передаваться в пользование только в целях геологического изучения и добычи полезных ископаемых”.

Однако статья 15. п. 1 этого Кодекса гласит: “Государственное управление использованием и охраной недр, а также охраной природы и окружающей среды в связи с использованием недрами в пределах своей компетенции осуществляет Правительство”.

Такое предписание открывает большие возможности для встречающегося, не исключено, “нечистоплотного” чиновника, который, являясь наемным работником, выполняющим волю вышестоящего начальника, особой ответственности перед народом не несет. Таким образом, фактически нынешнее законодательство Армении не только недопустимо противоречиво, но, главное, оно не ставит непреодолимый заслон грабежу природных богатств народа и не устанавливает неотвратимое наказание за этот грабеж.

Вот почему сегодня представляется одной из важных, первоочередных задач государства Армения закрепление в Конституции республики как обязательного принципа – права народа на недра».

Кстати, о недрах. Мудрецы нашего народа расположились (как неисчерпаемое богатство) на одной – светлой и чистой – чаще исторических весов. На другой разлилась исчерпаемая, тяжелая и грязная... нефть... Владимир Спиваков рассказывал, что его великий коллега, скрипач и дирижер Иегуди Менухин был очень доброжелательным человеком. Он всё любил. Журналист спросил его: «Ну как же, нет ничего, что бы вы ненавидели?» «Нет, есть. Одна вещь есть...» «И что же вы ненавидите?» «Нефть! Из-за нее столько людей погибло, столько людей потеряло свою совесть!»

Какое же счастье принадлежать к народу, давшему миру столько светлого, чистого, благородного... Какая вместе с тем боль... И какая **на каждом из нас** ответственность за будущее...

ЧТО ДЕЛАТЬ

Армянство, похоже, не усвоившее как следует трагические уроки своей истории, переживает ныне труднейшее испытание. Открытые и тем более скрытые механизмы сегодняшних событий на Южном Кавказе, заинтересованные страны, международные корпорации, разведывательные службы и личности, мотивы и технология их поведения мне как дилетанту в политике известны лишь предположительно. Я не могу судить о них сколько-нибудь глубоко и доказательно. Но есть вещи, в которых я убежден по личному, житейскому опыту, о которых знаю не понаслышке и говорю с твердой уверенностью в своей правоте.

Мир между Азербайджаном и Арменией, вообще мир на Южном Кавказе на условиях Азербайджана и стоящих за его спиной сегодня Турции и России неприемлем. Говорю это, повторяюсь, с полной убежденностью. Мы не забыли о дикости по отношению к армянам, к «своим» гражданам тех, кто устроил погромы в XX веке в Сумгаите, Баку, Кировабаде. Это никак не было случайностью. Мы не забыли гнусностей об армянах и Армении И. Г. Алиева, наследника Г. А. Алиева, при котором завершилось изгнание армян из «их» Нахичеванской автономной республики Азербайджана. Мы не забыли поганных слов об армянах и Армении других просвещенных азербайджанцев, к примеру, философа Гейдара Джемаля.

Согласно его суждениям, армянское государство представляет для Азербайджана «язву» на территории Закавказья и, по его словам, «без поддержки России армянское государство прекратит свое существование». Россия не заинтересована в разрешении конфликта в Нагорном Карабахе, и решение карабахского конфликта, согласно Джемалю, кроется в упразднении Армении как государства и передаче земель Азербайджану. Аналогичное упразднение с передачей территорий Джемаль предлагал и для Израиля: «По сути, армяне могут прекрасно ужитья на территории Иреванского ханства, то есть на территории Азербайджана. Ради Бога, они могут там жить себе спокойно, чинить ботинки, играть на дудках. Просто Армении как суверенного государства не должно быть, вот и все. Точно так же не должно быть и Израиля – это фундаментальное требование всех правоверных мусульман».

Недалеко ушел от Джемалья, в частности в рассуждениях об азербайджанской принадлежности Еревана, И. Г. Алиев. К примеру, он не раз грозил Еревану решить вопрос строительства Зангезурского коридора через суверенную территорию Армении «при помощи силы». Он не раз называл Зангезур и Ереван «историческими землями» Азербайджана и заявлял, что азербайджанский народ вправе туда вернуться.

Мы уже рассказывали, как недалекие армяне умеют чинить ботинки и играть на дудках, как они учили всему этому и не только этому «благодарных», «независтливых» азербайджанцев. Сегодня, когда Западный мир заморожен нефтью, газом, икрой от Ильхама Алиева, музыкальный, кинематографический, духовный, душевный мир Земли восхищается дудуком Дживана Гаспаряна. А о том, как турки и азербайджанцы вспарывали животы беременным армянкам и отрубали головы спящим армянским офицерам, как зверски они уничтожали греков, ассирийцев, курдов, об этом есть тома свидетельств – на разных языках мира.

О каком мирном соглашении на таких условиях, которые, по сути, требуют от Армении «победители» в 44-дневной войне и захватчики Арцаха, может идти речь сегодня?!

Нет мира на условиях Азербайджана, как нет мира на условиях Турции. Нет мира с теми, кто открыто, громко, нагло, на

виду у всего честного мира отказывает Армении и армянам в самом праве на жизнь, в праве на свою многотысячелетнюю историю, землю, христианские храмы, памятники, культуру, героев. Нет мира с грязным, убогим, завистливым диктаторским миром, который, добиваясь достижения своей давней, кровавой цели, вооружившись до зубов новейшим наступательным вооружением, скупив «союзников» везде, где это возможно, включая саму Армению, шаг за шагом, откусывает все новые куски «армянского пирога».

Во время работы Всемирного армянского саммита диаспор 2022 года в Ереване у меня хватило ума отвернуться при встрече от премьер-министра Республики Армении Н. В. Пашиняна. Но у меня не хватило мужества побороть брезгливость и спросить у него: «Как же надо не любить свой народ, как надо забыть его жертвы, как надо не чтить своих мудрецов, своих героев, до чего же надо быть слепым и глухим, ограниченным и трусливым, жалким (а говорят даже невероятное – продажным?), чтобы забыть жизненный подвиг лучших сынов и дочерей нашего народа, чтобы забыть их выстраданные заветы, которые близки сердцу и духу наших соотечественников во всем мире?!»

Взрыв негодования во всем армянском мире земли вызвало заявление в мае 2023 года Н. В. Пашиняна о признании территориальной целостности Азербайджана с включением в него Арцаха. Вот лишь одно из шквала возмущений – от Всеармянского благотворительного союза AGBU: «Вчера руководство Республики Армения встретилось с президентами Азербайджана и России, чтобы продолжить продвижение процесса обеспечения регионального мирного соглашения. Армения заявила, что намерена официально согласиться с тем, что Азербайджан обладает суверенитетом над народом Арцаха в обмен на “гарантии безопасности и прав”. AGBU, как и многие армяне во всем армянском мире, отвергает обоснованность этой аргументации. Хотя все армяне хотят стабильности, мира и безопасности для Армении и региона, мы глубоко обеспокоены перспективой того, что Армения подпишет договор о судьбе армян Арцаха с врагом, который не знает границ в достижении своих двойных целей по изгнанию армян из Арцаха и, в конечном счете, завоеванию гегемонии в регионе, что ставит под угрозу суверенитет самой Армении.

Особенно тревожным является заявление Азербайджана о том, что ни одной стране, включая Армению, не будет позволено встать на пути достижения его целей в отношении населения Арцаха, сигнализируя, что блокады, гуманитарный терроризм и культурный геноцид в Арцахе будут задействованы».

Совершенно очевидно, что вслед за «освоением» Нахичевана и Арцаха Азербайджан (а также стоящая за ним и направляющая его Турция) намерены прибрать к рукам Сюник, который в свое время с оружием в руках сохранил как армянскую территорию (от большевиков, готовившихся также передать его Азербайджану) наш мудрый и храбрый национальный герой Гарегин Нжде. Он говорил: «Никуда без Сюника и Арцаха. Без этого сильного позвоночника географической Армении наша целостная родина не может существовать».

И еще вчера большой патриот и подвижник, Рубен Варданян в самое опасное для Арцаха время поставил немалое состояние своей семьи на службу Родине, сменил более чем благополучное проживание в столице на скромную и опасную жизнь рядом с бедствующим родным народом. Он неустанно повторял (своим и чужим): без Арцаха нет Армении, без Армении нет Арцаха. Это вполне согласуется с пониманием азербайджанских умов: «Карабах не вернется, пока жива Армения»! Варданян при этом был уверен, что арцахцы подобны Давиду, победившему Голиафа. Но он, по сути герой-одиночка, оказался в лапах этого Голиафа. Точнее сказать, он не был одиночкой. Безымянными, но истинными героями-смертниками оказались те изможденные блокадой защитники Арцаха, кто приняли бой с ордой 19 сентября 2023 года и уничтожили сотни врагов.

Великий мученик, похороненный за забором Владимирского централа, Гарегин Нжде призывал: «Армяне не должны простить турок до скончания веков. Даже если это кроважадное племя, ограбившее и убившее половину нашего безоружного народа, в один прекрасный день превратится в горсть бесславного пепла, даже этот пепел надо призвать к суду, даже если это будет в судный день!»

Нам не оставляют выбора. Но вот что необходимо нам, чтобы выстоять перед сильным врагом, ставящим перед собой цель нашего уничтожения.

Мы (армяне Армении, Арцаха, диаспоры) не должны быть безоружными, демобилизованными, слабыми экономически, политически, духовно.

Мы не должны быть разобщенными, недальновидными, несвободными, равнодушными.

Рассчитывая только на самих себя и сознавая явное неравенство сил с нашим противником, мы должны предпринимать все возможные гибкие, дальновидные, мудрые усилия, чтобы быть достойными верных, заинтересованных в нас союзников.

Каждый гражданин (и смелый, и не особо храбрый, и богатый, и бедный, и образованный, и не очень, и в «спокойные», и тем более в жизненно опасные для страны моменты) должен не уставать задавать себе простой вопрос: «А что я сделал для своей Родины, для своего народа?» Если он сам не способен задать себе такой вопрос и, более того, ответить на него, он не должен забывать, что такой вопрос ему обязательно рано или поздно зададут его более продвинутые, неравнодушные, мудрые, совестливые дети, внуки, правнуки...

У нас, армян, обнаружилась, особенно в последние годы, куча умных ораторов по любым вопросам мировой стратегии развития. Они, живя на родине в Армении, Арцахе, в России, в остальном мире, громко и уверенно, в бесконечных непримиримых спорах друг с другом судят обо всем на свете и обо всех на свете. Нам не хватает сегодня Личности – человека масштаба Махатмы Ганди или Теодора Герцля, который способен сформулировать всеобщую бессрочную мобилизующую идеологию обороны, сохранения и развития армянства, который смог бы с трибуны бушующего народного собрания или из тишины скромного кабинета, с поля жестокого боя или из мрачных тюремных застенков громко и убедительно сказать оказавшемуся без поводырей, загнанному в тупиковый угол родному народу – как ему быть. Мы надеемся на рождение такого патриота и мудреца, который мог бы предложить армянству Идеологию – тактику и стратегию его выживания и достойной жизни: сегодня, завтра, в следующем веке, тысячелетии.

На выбор у нас лишь два варианта. Один выбор простой, не требующий от народа особых усилий: тихо смириться с откровенно враждебным мощным окружением и раствориться в нем,

**Монастырский комплекс Нораванк
(XIII-XIV вв.)**

забыв свою историю, свою культуру, свои храмы, религию, своих героев, своих мудрецов, забыв своих отцов и дедов, свою цивилизацию, наконец. Кого-то этот «покорный», спокойный, трусливый вариант с неизбежным концом, которого упорно, открыто, целеустремленно добивается наш враг, вполне устроит.

Другой, гораздо более трудный, полный лишений, боевых потерь, но достойный выбор подсказывает еще один большой мудрец Н. К. Рерих: «Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно – в защиту родины приносятся опыт и познания... Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины».

Кому на пользу пойдет уничтожение Армении? Уж никак это не в интересах будущего индоевропейской цивилизации. И, смею утверждать, это также не на пользу моей многоконфессиональной России, которой на протяжении веков столь верно и эффективно служили многие выдающиеся сыны и дочери нашего народа. Об этом – значительная часть нашего двухтомника.

Оборона – это единственно возможный выбор для морального, нравственного, духовного хребта нашего народа, позволивший ему сохранить свое имя и достоинство в течение пяти тысяч лет своей истории. Так что роль столь ожидаемого народного Поводыря состоит не столько в формулировании Цели, сколько в указании Пути к ее достижению. И если сегодня, в критический момент нашей истории, мы не можем найти Личность – Поводыря, то, надеюсь, мы в состоянии, имея столько умов, объединиться, забыв противоречия, в коллективный общенародный

высший Совет труда и обороны, способный противостоять тем, кто цинично готов нас уничтожить – и на поле боя, и в «дружеских» объятьях...

Кому-то мои слова об ответственности армянства перед цивилизацией покажутся излишне громкими. Но послушаем великого английского поэта Джорджа Байрона. Ему принадлежат слова: «Я выучил язык армян... чтобы понимать, как и на каком языке говорили боги, ибо армянский язык есть язык богов. Армения есть родина богов, и боги родом из долины Араратской». (Кстати, Байрон поправляет советских специалистов – лингвистов и историков, выдумавших тезис о существовании мифического царства Урарту и заменивших этим подлинное название Арарат.)

Байрон говорил: «На земном шаре нет другой страны, которая была бы так насыщена чудесами, как земля армян». О том же говорил знаменитый американский художник и писатель Рокуэлл Кент: «Армения – это страна чудес. Если меня спросят, где на нашей планете можно встретить больше чудес, я бы назвал прежде всего Армению. Поневоле поражаешься, что в таком небольшом уголке мира можно встретить такие памятники и таких людей, которые могут стать украшением и гордостью всего мира. Трижды будь прославлена земля армянская, колыбель талантов, колыбель великих свершений»...

**Монастырь Агарцин
(XI-XIII вв.)**

**Монастырь Севанаванк
(874 г.)**

Это никак не очередной повод для нашего умиления, а скорее – наилучший, конструктивный призыв понять нашу ответственность не только перед своим народом. Тем более что Байрон говорил также: «Если ты хочешь гордиться, гордись на итальянском, если хочешь признаться в любви, делай это на французском, если хочешь приказывать, сделай это на немецком, если хочешь ругаться, делай это на турецком, если хочешь понять и почувствовать Восток, читай персидский трактат, если хочешь молиться, молись на армянском и только на армянском, потому что армянский – это язык, на котором ты разговариваешь с богом».

Такие слова – еще один очевидный повод для каждого армянина понять и осознать свое личное предназначение. Эти слова каждый из нас должен обратить прежде всего к самому себе, к своей личной ответственности в многотрудной, опасной борьбе за достойное сохранение своего народа, приумножение многовековых достижений своих предков.

Не всем понятно, что нынешний кровавый «конфликт» на Южном Кавказе – это не только и не столько «противостояние» двух стран – Турции и Армении. Это война двух цивилизаций. Так считает главное заинтересованное лицо войны за построение вожделенного Турана и главный на сегодня продолжатель геноцида армян – Эрдоган. Это следует не только из его кровавых действий, направленных на уничтожение армян и Армении, но и из его устных заявлений. В том числе и совсем недавних.

В связи с войной Израиля в секторе Газа в октябре-ноябре 2023 года Эрдоган, обвиняя в преступлениях против палестинцев Израиль, недавнего своего союзника по войне против армян Арцаха, гневно вопрошал: «Эй, Запад, я обращаюсь к вам! Вы хотите войну между крестом и полумесяцем, тогда знайте, этот народ жив, этот народ стойко стоит. Кем мы были в Ливии и кем мы были в Карабахе, мы будем такими же на Ближнем Востоке! Мы как турецкая нация являемся единственным народом на земле, который не совершал расизма на протяжении всей истории!» Вот так! И эта наглость одного из руководителей страны, залитой кровью не только армян, но также курдов, греков,

ассирийцев... Это – виртуозная наглость члена НАТО и близкого друга нынешнего руководства многоконфессиональной России, это открытое вранье главной опоры и надежды важной пешки в игре Турции и России на Южном Кавказе – Азербайджана.

Новоявленный предводитель, готовый кинуться в бой под знаменами воинствующего ислама, действует, надо признать, мастерски: он продолжает снабжать нефтью Израиль, его «привечают» и вчерашние «крестоносцы», и он надеется на лидирующую роль в большом исламе.

Надо признать в какой уже раз, что ничего похожего на многовекторную, умную, сбалансированную политику на пользу Отечеству не было ни у одного из руководителей постсоветской Республики Армении – с первых дней ее независимости. Наш народ совершил и продолжает совершать много ошибок, и одна из главных – это вековая надежда на бескорыстную помощь извне. Оттого страна наша стоит ныне перед сложнейшими задачами. Во-первых, сегодня – это создание эффективной системы мер, направленных на то, чтобы организованно, умно и достойно отойти от края пропасти, у которой Армения тупо, безмозгло, сонно (словно стадо без пастуха) оказалась. Во-вторых, завтра – это оперативное создание предпосылок для начала строительства (всей диаспорой) новой Армении – на скальном фундаменте индоевропейской цивилизации как родного прочного пристанища всех армян в будущих веках.

Великий русский поэт, глубокий знаток и ценитель армянской поэзии, культуры, истории Валерий Брюсов писал в 1916 году в фундаментальной вступительной статье к редактируемой им антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»:

«Чем глубже я вникал в изучение Армении, чем яснее вырисовывались предо мною очертание ее исторических судеб и образы ее великих людей, прежде всего художников (ибо на литературе, в частности на поэзии, были преимущественно сосредоточены мои работы), – тем все настойчивее вставал предо мною укор в том, что раньше я мог так равнодушно проходить мимо этого мира. Уже давно судьбы древней Армении связаны с судьбой великой России; уже целое столетие

значительная часть армянского народа живет в пределах Российской империи; армяне – наши сограждане, а еще не освобожденные от мусульманского ига армянские области именно от русских ждут своего освобождения. И, тем не менее, мы – громадное большинство из нас – ничего, или почти ничего, не знаем об армянах и Армении. Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации (что имело место, например, в начале нынешней великой войны), чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия многострадального народа. Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества... Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира...

И многообразная история Армении, сплетенная за двадцать пять столетий с судьбами всех народов нашего мира: ассирийцев, вавилонян, древних персов, греков, римлян, парфов, византийцев, ново-персов, арабов, монголов, турок-сельджуков и турок-османов, народов новой Европы, русских, отчасти также с судьбами Индии, Китая, Африки, Америки, – эта история живыми отголосками, далеким эхо живет в армянской поэзии. Народы, давно сошедшие с мировой сцены, оставили следы в народной душе Армении...

Сквозь черные тучи, столько раз заволакивавшие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне огненные лучи его поэзии. Это сияние кажется нам лучшим обетом и для исторических судеб Армении в будущем...»

Мы вправе гордиться своими предками – создателями не только великой поэзии, но также замечательной му-

зыки, театра, изобразительного искусства – вообще духовной культуры. Не менее мы вправе гордиться достижениями наших мудрецов и умельцев в области культуры материальной.

Но этого права достойны лишь те из нас, кто сознает свою личную обязанность продолжить – по мере сил каждого – свой вклад в добрые дела во благо нашего народа, во благо нашим соседям и друзьям, во имя победы общественного над личным, демократии над автократией, патриотизма над нацизмом, щедрости над корыстью, верности над предательством, правды над ложью, чистоты над выгодой, света над мраком, совести над бесчестием...

Не устану повторять: нам, армянам, выжившим в пятидесятилетних хитросплетениях истории, реально не на кого рассчитывать в нашем праве на будущую жизнь в своей стране, на своей земле – кроме как на самих себя. Этому нас учит наша история – и прошлая, и нынешняя. На что уж близки судьбы армян и евреев, но Израиль оказался мощной силой на стороне нашего противника. На что уж Россия (об этом говорил и Брюсов) сделала немало для Армении, но и она активно поучаствовала в трагической (убежден: для них обеих – и Армении, и России) потере многих армянских земель в прошлом, а теперь еще и Арцах. На что уж сенаторы и конгрессмены США гневно осуждали диктатора Алиева и предостерегали его от нападения на Арцах, но и они проглотили этот акт продолжающегося геноцида. Мы слышали грозные слова о красных линиях, обращенные к Алиеву со стороны руководителей Ирана, и мы стали свидетелями их поздравлений Азербайджану по случаям его победы в 44-дневной «Отечественной» войне и возвращения «его» Карабаха...

Мы можем рассчитывать только на каждого из нас: воина, рабочего, крестьянина, учителя, врача, предпринимателя, ученого, инженера, артиста, парикмахера, дворника, писателя... – на всех, кто вправе считать себя патриотом нашей многострадальной Армении, на всех, кто, не приемля позора и потери достоинства, готов нести ответственность и, если необходимо, отдать жизнь за благополучие своих внуков, правнуков, праправнуков на родной земле.

Мало кто понимает масштабы современной исторической трагедии Армении в исходе армян из Арцаха в сентябре 2023 года. Потому что мало кто понимает, что это не только часть именно Армении, но ее лучшая, родниковая часть, давшая миру множество великих тружеников, храбрых воинов, мудрых политиков, глубоких ученых – хребет нации. И мало кто понимает масштабы трагедии народа Армении, особенно Арцаха, отчетливо увидевшего, что его надежда на официального главного союзника по СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС – Россию, его вековая вера в своего старшего, христианского, русского брата рухнула, особенно основательно за последние три года. Россия не только хладнокровно участвовала в гораздо более основательном вооружении противника Армении, не только приостановила уже оплаченные Арменией поставки предназначенного ей оружия. Россия притворно закрывала глаза и уши, когда Армения призывала ее, своего единственного официального союзника, прореагировать на очевидные ей и всему миру: сначала угрозы, а затем – произошедшие через несколько дней нападения Азербайджана на Армению, на Арцах – в 2020, 2022, наконец, в 2023 году. Это было очевидно и Западу: и Европе, и США. При этом они не были двуличными и не скрывали своей военной и финансовой поддержки своему важному, хотя и откровенно автократическому, насквозь коррумпированному партнеру – Азербайджану как своему удобному плацдарму против Ирана и как нефтегазовому донору Европы – против России, с которой сегодня воюет весь Запад. Запад на словах поддерживал демократическую Армению, но он не мог простить Армении ее открыто пророссийской ориентации. И вот итог. Потеря Арцаха. Она была бы невозможна, если бы Россия выполнила хотя бы часть взятых на себя обязательств перед Арменией, перед армянами Арцаха, особенно верившими русским. Но сложилось так, что стратегически России в этот период особенно понадобились Турция и Азербайджан. И чтобы обелить себя, российское руководство и средства массовой информации везде, где это только мыслимо, обвиняют во всех бедах и за малейшие прегрешения – Армению. При этом они закрывают глаза на то, какую огромную военную и финансовую поддержку Азербайджану оказывают США, не говоря уже о члене НАТО Турции, по сути, вставшей ныне на границе с Россией. В России неустан-

но повторяют, оправдываясь перед кем-то, что Армения сама признала Карабах принадлежащим Азербайджану. Но некто Пашинян, который еще вчера провозглашал на митингах, что «Арцах – это Армения – и точка!», которого вскоре после этого заставили сказать прямо противоположное, – это никак не Армения, ни фактически, ни юридически. Тем более что МИД России оправдывает нападение Азербайджана на Арцах в сентябре 2023 года и другим: тем, что якобы Армения снабжала Армию обороны Арцаха оружием по Лачинскому коридору. Оправдание смехотворное, к тому же противоречащее столь же неубедительному утверждению о сдаче Арцаха самой Арменией.

Прямым укором нашему российскому «союзнику» звучат слова кандидата в президенты США Роберта Кеннеди о сути произошедшей трагедии в Арцахе: «В отличие от геноцида 1915 года, этот геноцид обратим. Правительство США должно организовать и мобилизовать мировое сообщество для принятия мер по обеспечению безопасного возвращения армян в Арцах и защиты их права на самоопределение». И это не частное мнение политика. Решением международного суда ООН от 17 ноября 2023 года Азербайджан обязан обеспечить безопасное возвращение армян в Арцах до 17 января 2024 года.

О том, что Арцах (Карабах) – это именно Армения, а никак не Азербайджан, напрямую, без ссылок на исторические карты и хроники, более всего, просто, ясно и убедительно для любого не наевшегося бакинской черной икры и не насытившегося нефтью, говорит обилие арцахских мудрецов, среди которых один азербайджанец приходится на сотни армян. Это очевидность, если исходить из того, что все народы одинаково талантливы.

Для нас сегодня относительно не столь актуален вопрос: «Кто виноват?» Гораздо важнее – другой вечный, намного более сложный вопрос: «Что делать? Как делать?» Позволю себе высказать, в заключение, свое скромное мнение на этот счет, в чем-то повторяясь, но надеясь, что коллективными усилиями можно достаточно оперативно найти более рациональные и конструктивные ответы на злободневные вопросы.

Для надежного, долговременного решения стоящих перед Арменией поистине судьбоносных общеполитических проблем как первый шаг необходимо объединить наш народ, его

боевой дух, его политические, интеллектуальные, оборонные, экономические силы и ресурсы – особенно внутри страны, но и в его потенциально могучей диаспоре. Нам в нашей истории всегда, кажется, не хватало единства, а также умения находить надежного союзника. Но сейчас это особенно, жизненно важно. Каждый человек, где бы он ни жил, каждый, в ком есть армянская кровь, есть гордость за свой небольшой народ, давший миру великое множество великих мудрецов, тружеников, героев, каждый ответственный, равнодушный ко всякому злу, несправедливости и нечисти человек, не согласный с перспективой потерять все более и более сжимающийся клочок родной земли – Армению, должен рано или поздно спросить себя: «А что я сделал, чтобы остановить ненасытного соседа?»

У нас есть лишь две очевидные возможности, два естественных достойных пути дальнейшего существования, за которые нам не будет стыдно ни перед нашими великими предками, героями, отдавшими свои жизни во имя светлого будущего, ни перед нашими внуками. Во-первых, это – сделать нынешний небольшой, но аппетитный армянский пирог несъедобным для наших недругов. Во-вторых, сделать все от нас зависящее, чтобы по справедливости в пределах реально возможного по международному праву восстановить наш большой пирог прошлого.

Решение этих обеих задач, как тактической, так и стратегической, невозможно без самостоятельного развития страны, без сохранения ее общегуманитарного, духовного, культурного фундамента европейской цивилизации, без военного, экономического партнерства со странами, чьи сиюминутные и долгосрочные интересы на юго-востоке Европы, на Южном Кавказе возможно более близки интересам маленькой Армении.

Не надо быть особым мудрецом, чтобы видеть, что необходимо предпринять всему объединенному армянству для решения этих двух важнейших для его будущего задач. Прежде всего надо всемерно, на системном уровне, оперативно повышать готовность и силу неотвратимого ответного удара Армянской армии в случае нападения противника на Армению. Это требует сделать все возможное для оперативного создания современного оборонного комплекса, оснащенного новейшим тактическим

и стратегическим оружием. Для этого необходимо всемерно поднимать боевой дух народа Армении и всего армянства, их ясное осознание того, что уступки коварному, отмобилизованному, гораздо более многочисленному врагу лишь отодвигают трагическую развязку.

Эффективная оборона, как и полнокровная экономическая и духовная жизнь страны, невозможна без оперативного и параллельного решения другой, самостоятельной и синергетически взаимосвязанной проблемы первостепенной важности – острой демографической проблемы Армении. Безотлагательное системное решение в короткий исторический срок задачи в несколько раз увеличить численность населения республики возможно за счет умной, глубоко осознанной, устойчивой репатриации армян на Родину, а также благодаря эффективному решению «внутренних» проблем демографии. Это, в свою очередь, требует резкого повышения эффективности работы экономики – как промышленности, так и сельского хозяйства. Это требует резкого повышения уровня научного, культурного развития страны, уровня демократии гражданского общества, свобод и согласия в народе, существенного улучшения качества образования, медицинского обеспечения, отдыха и как итог – качества спокойной, защищенной, комфортной жизни.

При всей первостепенной важности опоры на собственные силы, умы, ресурсы исключительно велико значение международных связей. Сверхзадачей представляется естественное «возвращение» в европейское культурно-экономическое-оборонное пространство, а также сохранение традиционного многовекового братства армянского и русского народов, многовекового дружного добрососедства с мусульманскими странами и народами.

У нас есть главное для решения этих исторических задач: мужество и героизм, таланты и мастерство, опыт и трудолюбие, наконец, национальное достоинство и патриотизм нашего народа – народа на исторической Родине и народа, волею судеб разбросанного по всему свету.

Особенно важно при этом осознание личной ответственности каждого человека за судьбы следующих поколений. И не будем обижаться: ни на трусливого, ни на скупого, ни на ленивого, ни на недалекого. Ибо обидеться – значит унизиться.

Не вина России, а беда Армении – в том, что на том или ином этапе их взаимоотношений Турция, а впоследствии нефтеносный Азербайджан оказывались важнее им, чем Армения, с ее христианской верой, ее мудрецами, чем верность взятым на себя моральным и даже договорным обязательствам.

Казалось бы, нас с Россией связывает духовное единство, единство веры. Ведь женой великого киевского князя Владимира Святославича была армянка Анна Византийская – дочь византийского императора Романа II, происходившего из старинного аристократического армянского рода. Став великой княгиней Киевской, Анна сыграла значительную роль в распространении христианства и возведении церковей на Руси. Ее заслуженно называют Крестительницей Руси. Но этого оказалось мало.

К примеру, во время геноцида, когда армянские солдаты османской армии были разоружены и расстреляны, Россия без веских причин перевела 150 000 армян с Кавказского фронта на Северный, где они погибли, вместо того, чтобы защищать мирное армянское население от резни. В 1920 году, когда Армения истекала кровью, Советская Россия поставляла оружие и инструкторов ее противнику и своему союзнику Мустафе Кемалю. Тогда Азербайджану были переданы Нахиджеван и Нагорный Карабах с преобладающим армянским населением. Это было продолжением геноцида армян в Османской империи, который начался с резни 20 августа 1876 года. Она повторилась, почти день в день, через двадцать лет и достигла кровавого беспредела в апреле 1915 года. В общей сложности погибло несколько миллионов армян, в частности из-за обвинений их в том, что они представляли собой потенциальную «пятую колонну», которая могла начать действовать в интересах врага, то есть России.

Армяне, жившие надеждой на помощь России, потеряли огромную территорию, которая составляет более половины территории современной Турции, территории Османской империи, на которой армяне, по официальной переписи, также составляли в XIX веке большинство населения.

Иногда недоброе отношение российских властей к армянам не было связано с внешней политикой. К примеру, в 1903 году императорским домом Романовых был принят закон о конфиска-

ции армянского церковного имущества и запрете армянских духовных семинарий и школ на всей территории Российской империи. Тогда лишь благодаря общенациональной борьбе армянского народа империя вынуждена была отступить, и два года спустя Николай II отменил свой указ.

В советское уже время, в 1939 году, десятки тысяч армян из Азербайджанской ССР (из Баку, Гандзака, Шуши, Казаха, Шамхора, Закаталы, Шеки, Шамаха, Джуги, Агулиса, Ордубада, Садаракка, Шахбуза...) были насильственно депортированы в Казахстан.

2 июня 1944 года вместе с десятками тысяч греков и болгар были депортированы 20 тысяч армян, предки которых веками жили на Крымском полуострове, где они впервые появились около двух тысяч лет тому назад. В том же июне 1944 года из Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР, а также из всего черноморского региона, были сосланы в Среднюю Азию и в Сибирь все те советские граждане (в основном армяне), которые имели ранее турецкое, персидское, болгарское, греческое и румынское гражданство, а также – все те армяне, кто ранее состояли в трех традиционных армянских партиях: дашнаки, рамкавары, гнчаки – вместе со своими семьями.

В 1945–1947 годах из Западной Украины было депортировано в Польшу около 6 тысяч армян, в основном сторонников армянской католической церкви. В 1948–1949 годах из Советской Армении и южных районов СССР десятки тысяч армян, как коренных, так и репатриантов, были насильственно, бездушно сосланы в Алтайский край. Их недвижимое имущество было конфисковано.

Цинизм и жестокость такого отношения к целому народу, обвиненному в «неблагонадежности», состояли в том, что этот народ положил на алтарь победы в Великой Отечественной столько воинов, столько Героев Советского Союза, генералов и маршалов, как никакой иной народ в процентном отношении. И сегодня, когда произошел трагический исход армян из Арцаха, живших традиционной (и призрачной) надеждой на защиту их права на жизнь на родной земле от России, вооружившей Азербайджан на миллиарды долларов, когда Армения вынуждена искать союзника помимо отвернувшейся от нее России, российские политические деятели и средства массовой информации в еди-

ном порыве безбожно обвиняют Армению ни много ни мало – в предательстве...

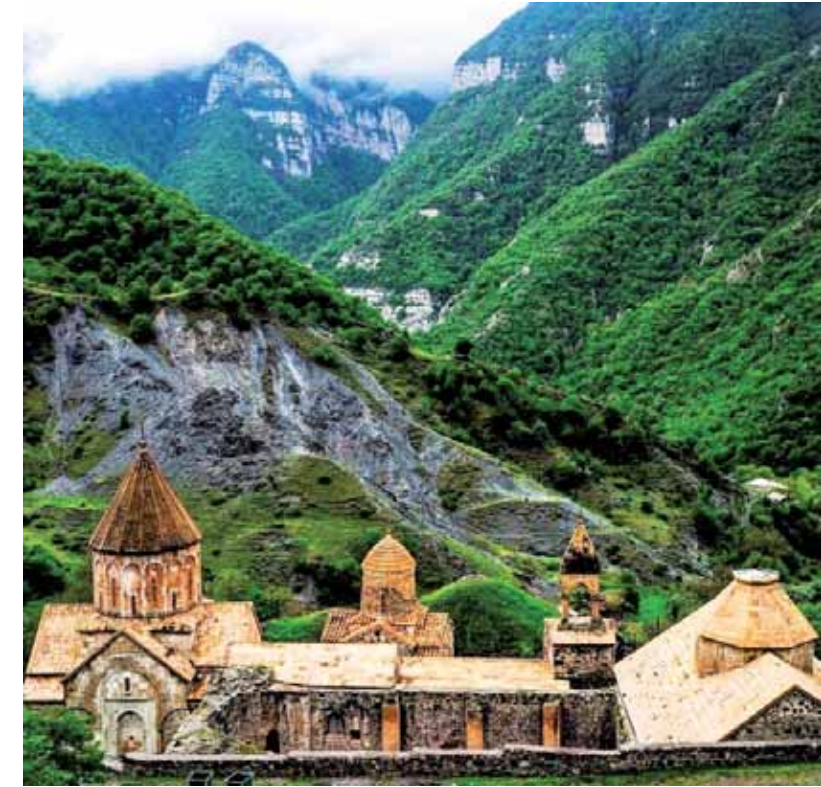
Мы же должны задуматься об истинном, нашем внутреннем предательстве, о недопустимых упущениях в самоорганизации армянства. «И знаете, почему так происходит? – говорит политолог Тигран Авакян. – Потому, что отсутствует общеармянская информационная политика, которая дает информацию всем армянам – от Аргентины и до Филиппин. Потому, что отсутствует общеармянское образование в мире, которое выдавало бы единый стандарт понимания ситуации. Потому что у армян, многомиллионного народа, нет ни одной общеармянской организации. Одни армяне верят в партию “Дашнакцутюн”, другие в партию “Рамкавар”, третьи в партию “Гнчак”. Одни ходят молиться в церкви Эчмиадзинского патриархата, другие – Константинопольского, третьи – Иерусалимского, четвертые ходят к патриарху великому в церкви дома Киликийского, пятые ходят в армянскую католическую церковь, а шестые – в Союз армян евангелистской веры. Я не говорю уже об армянах, которые исповедуют греческое православие, и об армянах, которые исповедуют ислам. Нет ни одной общеармянской организации на земле! Образовательного стандарта, единого для всех армян, не существует на земле, единой политики в рамках культуры, информирования в качестве ресурса – не существует. Армянское население земного шара не связано друг с другом ничем».

Мы, повторяю, не должны обижаться на кого-то и винить их в наших бедах. Мы должны дать обидчикам ответ – не словами, а эффективными действиями. Мы обязаны прежде всего объединиться! Объединиться идеологически, образовательно, финансово, производственно-технологически, нравственно-духовно, культурно – с разноликой, разбросанной по всему миру диаспорой, превратив ее из нашей нынешней слабости в нашу долгосрочную силу. Только так можно достойно, не унижаясь, противостать любым бедам, напастям, наговорам. Только так мы можем решить одну из первоочередных проблем Армении – демографическую. Мы должны научиться, наконец, не опираться на одного единственного союзника, а найти взаимовыгодные отношения на длительную перспективу с любыми заинтересованными в нас, в нашей территории, в наших диаспорах силами.

Мы должны сделать все, чтобы со спокойным достоинством ответить на потоки лжи недругов в навязанной нам информационной, идеологической войне. Вот почему мы так благодарны многочисленным друзьям, сохраняющим веру в Армению, в ее народ, таким друзьям, как всемирно известный художник и человек мира Тонино Гуэрра. Он сказал:

«Армения – единственное место, которое меня изменило... я бы сказал – полностью. Я, конечно, видел и чудеса мира, и произведения искусства в разных концах света. И все это наполняло меня восхищением.

Но изменила меня именно Армения. Что меня восхитило особенно. Меня восхитила сила слабости. Эти монастыри, построенные руками монахов, которым удавалось своими молитвами растворить скалы и сделать их мягкими. Исторический музей в Ереване наполнил меня временем и сделал из меня пыль. Я остановился рядом с деревянной телегой с большими колесами. Директор музея мне сказала, что это траурная повозка и ей две тысячи лет. Все, что я видел потом, это было две тысячи лет и больше, – это минимум тысячу лет до Христа, и потом, когда я путешествовал по Армении, за моими плечами были эти тысячелетия. Оно со мной это время, которое я ощутил в Армении. Я возвратился оттуда два-три месяца назад и до сих пор чувствую влияние этих дней. Я никогда не забуду эту вуаль, эту вуаль Арабата, которая всегда перед глазами армян.

Арцах. Дадиванк
(XII-XIII вв.)

Каждый европеец, каждый человек должен хотя бы на день приехать в Армению, чтобы омыться под облаками ее духовности. В Армении время делает пространство, и тот, кто посещает Армению, даже если чуть-чуть, но обязательно становится армянином. Я чувствую, что приезд в Армению – это начало моего вертикального путешествия, путешествия ввысь!»

Пусть эти проникновенные слова Человека, Художника Мира придадут дополнительные решимость, силы и терпение, мудрость и мужество нашему народу – в его многотрудном движении: и ввысь, и вдаль. Мы должны распрямиться, собрать воедино все наши силы – чтобы сохранить и приумножить то, что было создано нашими предками – для нас и для всего мира. У нас есть лучшая почва, на которой рождаются и укрепляются самые надежные и успешные хозяева родной земли – ее жизнеутверждающие мудрецы, – почва, каменистая, малоплодородная, безводная, но политая потом и кровью.

Нелишне повторить вновь и вновь, что решение стоящих перед нашей страной первоочередных задач невозможно без очевидного, но трудно достижимого условия – оперативного и резко-го увеличения количественных и качественных показателей эффективности работы народно-хозяйственного производственного механизма страны, производительности труда – как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Опыт многих, изначально отсталых, бедных стран, их ускоренный переход в разряд стран благополучных был обеспечен, как известно, не в последнюю очередь также благодаря эффективным мерам борьбы с коррупцией.

У нас есть все необходимое для решения этих, лежащих на поверхности задач: мужество и героизм, таланты и мастерство, опыт и трудолюбие нашего народа, богатства наших недр, нашей земли. Нам недостает одного – умения распорядиться своим богатством, воспитать и сформировать мудрое и самоотверженное, независимое и бескорыстное руководство, способное привести во все ускоряющееся движение маховик ржавого, разворованного, бесхозного ныне Механизма Жизни Республики Армения.

Вот проблемы, решением которых должна безотлагательно заняться элита армянского народа, включая его Диаспору. Наде-

емся и уверены, что не все потеряно, и лучшим людям нашей страны удастся, объединив усилия, отладить надежный Механизм достойной Жизни нашего народа в ближайшем будущем. И навека.

Легендарный археолог Генрих Шлиман говорил: «Вся европейская культура считает себя наследником древних греческих и римских цивилизаций, не понимая, что обе, в свою очередь, происходят от древней армянской цивилизации». Американский посланник в Германии в годы Первой мировой войны Эндрю Уайт писал: «Армянский народ – самый трудолюбивый, способный, трезвый, нравственный и предприимчивый. Это народ с большими и благородными дарованиями. Веками он поддерживал свою культуру среди притеснений, которые раздавили бы всякую иную нацию».

Столь высокие оценки воспринимаются благодарными армянами с глубокой признательностью. Им памятни и дороги подобные проявления доброго, искреннего отношения к себе.

Любой армянин, которому посчастливилось побывать в святом Иерусалиме, вправе достойно и скромно гордиться тем, что один из четырех кварталов старого Иерусалима (наряду с Мусульманским, Иудейским и Христианским) – Армянский. Это некое чудо, неоценимый Божий дар и доверие: столь малочисленный народ, относительно небольшая святая армянская апостольская православная церковь в сложнейших условиях вот уже в течение более полутора тысяч лет сохраняют такое исключительное, влиятельное положение в признанной святыне трех великих мировых религий – Иерусалиме.

Происходило и происходит это благодаря давнему, начиная с пророка Мухаммеда и Салах ад-Дина, доброму покровительству высших мусульманских иерархов и местных правителей, армянскому патриархату, благодаря глубокой вере, мудрой дипломатии, чистоте помыслов и повседневному героизму армянских церковнослужителей, монахов, паломников, верующих – в веках и сегодня. Со второго века в Иерусалиме появились армянские верующие, здесь были основаны десятки армянских монастырей, здесь сейчас действуют музеи, богатая библиотека и хранилище древних рукописей, духовные семинария и академия, издательство и типография Армянского патриархата. Божьей милостью армянскому народу в Иерусалиме, в Палестине,

в Израиле сегодня доверено сохранение бесценных христианских реликвий. Армянский Иерусалим – это неотъемлемая часть ценнейшего духовного и материального наследия святой армянской церкви и армянского народа. Но это и достояние всего мирового христианства.

Вспоминается рассказ церковнослужителя Иерусалимского армянского патриархата отца Себеоса: «Однажды заходим мы с паломниками из Армении в единственный русский монастырь в Иерусалиме. Там нас встречает матушка Варвара. Это была пожилая, но чрезвычайно энергичная женщина. Когда она узнала, что армянский священник пришел к ним с паломниками, – все! Это было счастье для нее! Она обнимает всех, приглашает пройти в храм и начинает благодарно рассказывать, загораясь: “Это армянский монастырь! Вы сейчас находитесь в армянском монастыре!” Она поднимает край ковра, застилающего пол храма. И показывает под этим ковром тысячелетнюю армянскую мозаику, армянские надписи, орнаменты, символы... Истинная христианка, она радуется вместе с прихожанами тому, что благодаря армянам сохранен этот монастырь! Это была истинная духовная, благодарная радость».

Наша печаль связана с нынешним разладом России с Арменией. Россия дважды заблокировала принятие в Совете Безопасности ООН резолюции с осуждением этнических чисток, осуществленных Азербайджаном в Арцахе. Первый проект резолюции был выдвинут в 2023 году Францией, второй – Мальтой. Оба раза Россия пошла против всех 14 постоянных и непостоянных членов Совбеза ООН...

Армения, в который уже раз в своей истории, оказалась перед трудным испытанием. Мы сознаем, что нет нашему поколению никакого прощенья потомков из-за исторически недавних трагических потерь: Нахиджевана, Арцаха... – этих древних армянских земель с их городами, селами и деревнями, университетами, монастырями, храмами, памятниками, могилами, этих священных земель, политых кровью и потом наших предков.

Отец Себеос говорил с болью: «Мы должны добиться того, чтобы наши святыни оставались нашими, чтобы во всех христианских армянских церквях и храмах звучало “Отче наш!”. Мне стыдно за тех людей, из-за которых мы так много потеряли...

Арцах будет армянским! Невозможно спокойно думать о том, что я не смогу больше служить в Шуши, Гандзасаре, Дадиванке, Амарасе... Мы все виноваты в наших потерях. А вот Иерусалим – это пример того, как можно все сохранить, не имея ни денег, ни сил, ни средств – ничего! Даже – людей! Нужно просто верить, нужно быть готовым отдать свою жизнь. А зачем еще жить, если ты потеряешь право служить литургию на родном языке на гробе господнем. Зачем еще жить – лучше умереть! Да, это не конец. Господь милостив. Когда мы покаемся в своих грехах, когда Армения станет духовной и не останется той, какой является сегодня, когда Армения вернется к Господу не просто словами, а делом и жизнью, тогда мы еще вернемся туда... Точно!»

Люди, не признающие юридически бесспорные права армян, – либо ограниченные недоучки, либо лжецы. Общедоступны карты с древнейших времен до недавних, а также труды ученых, в том числе Персии и Азербайджана, свидетельствующие о том, что армяне спокон веку жили на территории с границей по реке Кура на востоке и севере. Известно, что завоеватель этих земель в XIV веке Тамерлан переселил сюда сотни тысяч своих соплеменников из Средней Азии. Трудно назвать тех (из множества их наследников), кто называет сегодня Ереван и озеро Севан азербайджанскими, кто под корень уничтожает культурное наследие армян на их земле, необразованными неучами. Скорее они – воинствующие лжецы-вандалы, намеренно отказывающие армянам в праве жить и на крохотном остатке их территорий. Наш небольшой народ, поставленный пришельцами на грань вымирания, должен стать более сплоченной, единой и мощной, духовной и физической силой, способной защитить себя и свою землю. Имея перед собой подвижнический пример своих праведников, мудрецов и героев, опираясь на вековые традиции и опыт индоевропейской цивилизации, на достижения в экономике, науке, образовании, культуре, он должен более энергично продолжить движение к достойному Миру (реально достижимому не завтра, не через год, но в обозримом будущем) с враждебными сегодня некоторыми соседями, с их неприкрытым ныне варварством, к просвещенности и благополучию, основанным на принципах морали и чести, к вечным демократическим идеалам – свободы, равенства и братства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул-Гамид II	570	Аветисов С. Э.	521	Агекян М. Е.	505	Александрян Р. А.	520
Абдулов А. Г.	441	Аветисян В. Е.	521	Агекян Т. А.	520	Алексанян А. Г.	518
Абель Р. И.	503, 505	Аветисян М. К.	513	Аглатова А. Х.	515, 516	Алексей Михайлович, русский царь	446
Абиан А.	520	Аврорин Е. Н.	496	Адабашьян А. А.	521	Алекян Б. Г.	521
Абиев С.	41	Автандилян Л.	521	Адамович Н. В.	234-237	Алекян Н. Б.	71
Абов Ю. Г.	520	Агаджанов С. И.	246, 433	Адамян А. А.	251, 253	Алиев Г. А.	12, 63, 463, 523, 581-583, 593
Абовян К.	550	Агаджанян Д.	521	Адамян В. М.	520	Алиев И. Г.	7-12, 20, 23-27, 34-44, 50-52, 63, 83, 115, 462, 463, 523, 570, 582, 583, 593, 594
Абрамович Г. Н.	164	Агаларов А. И.	523, 524	Адамян Л. В.	521	Алиев Э.	523, 524
Абрамян Е. А.	520	Агаларов Э. А.	523, 524	Адамян О. А.	508	Алиева М.	523
Абрахам А. (Абраамян А. Г.)	518	Агаловян Л. А.	521, 522, 574, 575	Аджемоглу Д.	510, 511	Алиханов А. И.	225, 510, 512
Авагян Э.	508	Агамалов Р. А.	505	Адомян Д.	520	Алиханян А. И.	510
Авакимов П. Б.	267, 270	Аганбегян А. Г.	521	Адырхаева С. Д.	423	Алиханян С. И.	521
Авакимов С. П.	66, 267-290, 292, 303, 340, 482	Агапов С. Т.	231, 235, 243, 272-277, 281, 282, 285, 288-291, 323	Адян С. И.	520	Аллахвердов М. А.	502
Авакимова Е. И.	283	Агасси А.	518	Азатян В.	521	Аллегрова И. А.	515
Аваков В.	521	Агаян Г. С.	505	Азнавур Ш.	423, 513, 514	Алтун Р.	521
Авакян Т. А.	610	Агаянц Ал. И.	503	Айвазов С. Р.	531	Алтунян Р.	521
Авалов А.	462	Агаянц Анна И.	503	Айвазовский И. К.	16, 432, 513, 514	Алтунян Т. Т.	174
Аванесов В. А.	505	Агаянц И. И.	503	Айвазян С. М.	521	Алферов В. И.	495
Аванесов К. Ж.	521	Агаянц М. И.	503	Айканян А.	521	Алчийн А. А.	508, 510
Аванесов Р. И.	521	Агеев И. П.	526-529	Айрапетян Л. Г.	83, 84, 512, 513	Амасаи А.	521
Авенян В. А.	521	Агеев К. П.	526-529, 534	Айтматов Ч. Т.	87, 88	Амбарцумян В. А.	205, 210, 214, 261, 510, 512
				Акискал А.	521	Амбарцумян О. К.	521
				Акопян Ар. А.	521	Амбарцумян Раф.	553
				Акопян Аш. А.	505	Амбарцумян Р. В.	520
				Акопян В. Н.	521	Амбарцумян С. А.	521
				Акопян С.	521	Амет-хан С.	226
				Алабян К. С.	521	Амирьянц Александр А.	562
				Алашеев Ю. Т.	228, 254, 294, 295	Амирьянц Ашот А.	189
				Алекперов В. Ю.	523, 524	Амирьянц Владимир А.	562
				Александр Македонский, царь Македонии	570	Амирьянц Вячеслав А.	562
				Александр Михайлович, великий князь	135	Амирьянц Г. А.	32, 95, 104, 111, 236, 239, 288, 375, 408, 413, 442, 532, 575, 581
				Александров А. П.	370		
				Александров А. С.	492		
				Александров В. Л.	340		
				Александров М. В.	7-11		

Амирьянц И. А.	283, 434-439, 442, 443, 453, 462, 463, 465, 467, 522	Арутюнян Э.	574
Амирьянц Ю. А.	562	Архангельский А. А.	126, 136, 140, 164
Ананишвили Н. Г.	423	Арцеулов К. К.	246
Ананий толкователь	456	Арцруни А. Е.	521
Ананян П.	553	Аршил Горки (Адоян В. С.)	513
Анахт Д.	521	Асатурян Б. С.	521
Андраник Озаян	14, 463, 536, 538, 548, 556, 557	Асатурян Р. С.	521
Андреев В. А.	281	Аскарян Г. А.	520
Андреев В. М.	409	Асриянц А. И.	501
Анна Византийская, княгиня киевская	608	Астабатьян С. Т.	260
Анохин С. Н.	261, 262, 412, 418-420	Атабеков И. Г.	521
Анри Верной (Малакян А.)	517	Атаманов Л. К.	522
Ансари А.	523, 524	Ататюрк М. К.	119, 120, 419-421, 608
Антонов Г.А. (Мирзаханян)	586-592	Аткарская Т. Н.	209, 211, 212, 214
Антонов О. К.	127, 216, 217, 260, 261, 332	Афанасьев С. А.	366
Антонова А. О.	261	Афеян Н.	521
Ануров С. И.	382	Ахмедова Ю.	524
Аракелов С. Ю.	520	Ахназаров В.	260
Аракелян Б. Н.	453	Ахназарова З. А.	260
Аревшатын С. С.	453, 521	Ахундов М. Ф.	18
Аристотель	183	Ахшарумов Д. И.	521
Армаганян Г.	553	Абаджанян А. А.	514
Арманд И. Ф.	504	Абаджанян А. Х.	47, 60, 432
Армстронг Н.	509	Абаев А. А.	514
Артин М. Э.	520	Абаян Б. А.	508
Артин Э.	520	Абаян Р. Г.	31, 508
Артюхин А. А.	323	Абаян М. В.	581
Арустамян С.	548	Абаян Э. А.	521
Арутюнов В. А.	577	Абакиян В. Л.	521
Арутюнов Г. А.	548	Абаушкин М. С.	484
Арутюнов Ю. А.	201, 531	Багдасаров М. А.	522
Арутюнян А. В.	74, 76, 80	Багдасарян Э. Г.	531
Арутюнян Н. Х.	521	Багиян Д.	512
		Баграмов Р. И.	522
		Баграмян И. Х.	16, 47, 60, 432, 519, 556, 557

Баграмян О.	60	Бендерова Е. В.	299
Бадалов К. К.	522	Бенедикт XV, римский папа	121
Баженов Г. Н.	297	Берг А.И.	216
Байден Д., президент США	24, 26, 30	Берия Л. П.	427
Байдуков Г. Ф.	526	Берия С. Л.	225, 427
Байкузов Н. А.	249	Бессмертнова Н. И.	423
Байрон Д. Г.	599, 600	Бессонов А. Д.	233, 285
Бакатин В. В.	587	Билиракис Г.	28, 29, 42
Бакунц А. В.	201	Битов А. Г.	470
Балабух Л. И.	356, 377	Благовещенский А. С.	294, 302
Баласанов Г. М.	505	Близнюк В. И.	234
Балаян Р. Г.	517	Блинкен Э. Д.	6, 36, 38, 98, 423, 585
Бальян Н.	521	Богданов Н. Г.	249, 250
Банаяева М.	436	Богомолов А. Ф.	205
Банников К. Л.	436	Богосян П.	510
Баранов П. И.	195, 343	Бозаджян Д.	508
Барель Д.	216	Бойцов В. В.	216, 217, 219, 221
Барсегов Ю. Г.	587	Болтон Д.	14
Баскаков В. Д.	242, 290	Бондарюк М. М.	358, 389
Баулин К. К.	142, 161	Борисов В. П.	229, 231, 233, 258, 281, 282, 289, 291, 292, 297, 323
Бауман Н. Э.	264, 377	Борисов С. П.	282
Бебутов В. О.	447	Боровых А. Е.	399
Бебутов Д. О.	447	Братухин И. П.	127
Бейсах Бей	448	Браумбек С.	20-23, 27, 42
Белостоцкий В. В.	138, 149, 152, 153, 159, 160, 162	Браун (инженер)	153
Белостоцкий О. И.	409	Брежнев Л. И.	294, 367, 417
Белый А. (Бугаев Б. Н.)	470	Брежнева В. П.	520
Бендеров В. В.	66, 291, 293, 294, 302, 304-308, 319, 340	Бродская Л. И. (Решетникова)	480
Бендеров В. Н.	66, 238, 239, 259, 269, 270, 284, 286, 291-304, 340	Бродский И. И.	480
Бендеров Н. В.	299	Брутян М. А.	66, 201, 531
Бендеров Н. И.	299	Брюсов В. Я.	470, 601, 602
Бендерова В. В.	299	Бубушян Д.	523
Бендерова Г. В.	299	Бугаев Б. П.	278
		Буданцева О. В.	354
		Булбулоян А.	508

Булкин К. А.	142	Вершинин К. А.	299
Бунатян А. А.	520	Ветчинкин В. П.	126, 131, 132, 135, 171
Бункин Б. В.	372	Вигдорчик С. А.	268
Буньков В. Г.	32	Вильсон В., президент США	45, 54, 119-121
Бурдаков В. П.	371, 372	Виноградов С. А.	120
Бурназян А. И.	425, 493	Владимир Святославич, великий князь киевский	608
Бурназян С. А.	247	Водопьянов М. В.	267, 486
Бурцев Ф. И.	395	Волк И. П.	414, 415
Бухгольц Б. Л.	344	Волков В. М.	411
Буш Д. У., президент США	24	Волчек Б. И.	86
Бэнкер О. (Сарафян А.)	509	Воронин В. И.	483-485
Бюшгенс Г. С.	127, 337- 339, 355, 356	Воронин В. П.	270
Вавилов С. И.	491	Воронцов-Дашков И. И.	45, 123
Ваганова А. Я.	422, 517, 518	Ворошилов К. Е.	158, 159
Вагапов М.	249	Гавриленко И. Е.	254
Валавин Г.	484	Гагарин Ю. А.	182, 391, 409
Варданян Р. К.	47-49, 66-84, 92-94, 572, 574, 596	Газанджян В.	510
Варданян Ю. Н.	518	Газаров С. И.	522
Вартанян Геворг А.	502, 503	Галлай М. Л.	246
Вартанян Гоар Л.	502, 503	Гандзакеци К.	455
Василевский А. М.	251	Ганди М.	597
Васильев Л. Е.	337, 338	Ганнушкин А. П.	331-333
Вахтангов Е. Б.	432, 517	Ганьян Э.	521
Вачаган Благочестивый	445	Гаранян Г. А.	514
Вачьянц А. Г.	437, 438	Гарваренц Ж.	514
Ведерников И. К.	233, 251, 270, 271, 289-291, 295	Гарегин II, Католикос всех армян	472, 473
Векуа И. Н.	126	Гарзу (Зулумян Г.)	513, 514
Велибеков Б. К.	448	Гарибян Г. М.	520
Венедиктов В. Л.	240, 272	Гарнаев Ю. А.	347
Веремей Б. И.	231, 232, 282, 289, 290, 314, 322, 323	Гарсоев А. Н.	508
Вержбицкий П. А.	343	Гасабян М.	510
Вернадский В. И.	490	Гасангулиев Г.	34
Верников Я. И.	256, 292, 293, 294	Гаспарян В.	84, 122-124
Верной А. (Малакян А.)	517	Гаспарян Г. М.	515

Гаспарян Д. А.	515, 594	Григорян Марина	467-469
Гасымзаде Э.	63	Григорян М. В.	521
Гафесчян Д.	30	Григорян С. С.	493
Гдлян Т. Х.	563, 564	Грицай А. М.	480
Геворгян К. А.	582-585	Гроздов Б. Н.	283, 284
Геворкян А. В.	530, 531	Громов В.	484
Геворкян К. С.	84-108, 517, 582-585	Громов М. М.	225, 226, 255, 256, 257, 267, 347, 412
Гекчен С.	419, 420	Гроссман В. С.	57, 470
Генов В.	270	Грушин П. Д.	181
Геодакян В. А.	521	Губанов Б. И.	375
Гераци М.	521	Губарев В. С.	431
Геруни П. М.	203-214, 510	Гудков О. В.	401, 402, 412, 415
Герцль Т.	110, 597	Гукасов А. О.	521
Гитлер А.	34, 224	Гукасян А. А.	93
Гишеци П.	446	Гукасян К. Л.	521
Глазер М. С.	152	Гулегина М. А. (Мейтарджян)	515, 516
Гличев А. В.	204, 205, 214-222	Гулян А. В.	341
Гличев В. Р.	215	Гургенов В. И.	505
Гличян Р. М.	215	Гурджиев Г. И.	521
Глушко А. В.	298, 299	Гурзаян В. Г.	520
Глушко В. П.	298, 358, 366, 372, 373, 375, 376	Гурзаян Г. А.	520
Голиаф, персонаж Ветхого завета	74, 596	Гурин Л.	536
Голованов А. Е.	245, 248-251, 253, 256, 258	Гусейнов	447
Голубев В. В.	126	Гуэрра Т.	470, 611
Горбачев М. С.	97, 220, 441, 442, 453, 454, 581, 582	Гюльбенкян Г. С.	513, 564, 573
Горбачева Р. М.	520	Д' Эстен Ж., президент Франции	273
Горки А. (Адоян В. С.)	513	Давид, персонаж Ветхого завета	74, 596
Горюнов Е. А.	231, 233, 238	Давидян М. А.	437
Горяйнов Н. И.	233, 234, 295, 296	Давидян Э. А.	437
Гош М.	455, 465, 521	Давтян А. А.	329
Грачев В. Г.	253	Давтян А. М.	66, 325-330
Грибовский В. К.	419	Давыдов Я. Х. (Давтян)	504
Григорян А. Г.	515, 516	Даглян А. К.	520
Григорян Г. М.	515	Дамадьян Р. В.	508

Даррел Д.	175	Елькин И. Я.	345
Делянов И. Д.	519	Ельцин Б. Н., президент РФ	281, 441
Дементьев П. В.	186, 347, 348, 364, 366, 373, 414	Ельцина Н. И.	520
Демидова А. С.	520	Елян А. С.	225, 433
Демирчян К. С.	563	Елян А. Ф.	224
Джамбул	439	Елян В. С.	224
Джангирян Р. Г.	531	Елян Э. В.	66, 223-244, 257, 259, 268-271, 274, 283-292, 296, 297, 304, 322, 340, 410
Джемаль Г. Д.	593, 594	Енгибаров Л. Г.	517, 522
Джигарханян А. Б.	517, 518	Енгибарян А. А.	66, 260, 262-266
Джоаким А. (Овакимян А.)	521	Енгибарян В. Н.	518
Джрбашян М. М.	520	Енгибарян Е. А.	265
Джулиани Р.	14	Ениколопов Н. С.	511, 512
Дзержинский Ф. Э.	504	Епремян Х.	471- 476
Динк Г.	81, 556, 562, 565-567	Еремян С. Т.	454
Дишдишян Р. Л.	522	Есида А.	436
Добрынин В. Г.	514	Жикулина В. А.	489
Довженко А. П.	87, 88	Жила М. А.	254, 255
Довжик С. А.	153, 157, 159, 160, 166	Жириновский В. В.	46, 520
Довлатов С. Д.	516	Жуков Г. К.	251
Долуханова З. А.	515, 516	Жуковская Е. Н.	134
Долуханян А. П.	514	Жуковский Н. Е.	125-141, 145, 151, 164, 165, 167, 180-185, 202, 343, 344, 352
Дончян Р. Д.	521	Завал-паша	539, 544, 545
Дородницын А. А.	127, 178, 339	Завенягин А. П.	224, 492
Дро (Канаян Д. М.)	463, 537, 538, 540, 548, 556	Заде Л.	523
Дроздов Ю. И.	503	Зайцев В. С.	405, 520
Дубов Б. С.	157	Закарян Г. Т.	521
Дурасов (челюскинец)	484	Закарян Л. А.	515, 516
Духов Н. Л.	266, 495	Занегин Н. А.	470
Душкин (парторг ЦК партии)	160	Затулин К. Ф.	35, 36, 43, 52, 53, 582
Егиазаров Г. Г.	517	Захарова М. В.	474
Егоров	447	Захарян Л.	36
Егоров Б. Б.	303	Зейналова И. А.	523, 524
Езрас, архиепископ	472		
Екатерина II, русская императрица	446		

Зельдович Я. Б.	495	Казанчян Г.	510
Зернов П. М.	427, 492-494	Казанчян-Лонгбардо А.	511
Зилчян А.	510	Казарян А. А.	66, 199-201
Зонабенд В. Ф.	68	Казарян М. А.	521
Зорге Р. Г.	503	Казарян Н. В.	66, 393- 417
Зосим Д.С.	228	Казьмин П. И.	298
Зулумян Г.	514	Каланкатуаци М.	465
Ибрагим, шах	446	Калина А. Д.	231, 256
Ибрагимов Ф.	583	Каманин Н. П.	302, 303, 486
Иванов И. Д.	294	Каминский Г. Н.	447
Ивенсен П. А.	262	Камов Н. И.	127, 353
Игитян М. Ю.	576	Кандоян А.	509
Игнатиус П.	519	Канторович Л. В.	205
Игнатов А. И.	247	Капикян А.	521
Илькаев Р. И.	426	Капица П. Л.	138, 491
Ильюшин В. С.	226, 405, 412	Капрэлян Р. И.	246
Ильюшин С. В.	127, 164, 216, 217, 226, 292	Капутикян С. Б.	516
Инению И.	120	Караев А.	447, 449
Иоаннисиани Б. К.	508, 509	Караев К. А.	18
Иосилевич И. Б.	268	Карапетьянц М. Х.	521
Иосифьян А. Г.	512	Карапетян А.	553
Иоффе А. Ф.	138	Карапетян Г. Р.	223, 408
Исаакян Г. Г.	522	Карапетян С. С.	513
Исаакян О. Н.	521	Карапетян Ш. В.	518
Исаакян С. И.	522	Карахан Л. М.	66, 418-424
Исаков И. С.	47, 432, 519	Караханов Э.	521
Исикава О.	216	Кардашьян К.	517
Израэлян Г.	520	Карман Т.	202
Ишханов Б. С.	520	Карраск В. К.	374
Кавалерович Е.	517	Картер Д., президент США	28
Каганович М. М.	158-160	Касабян А.	505
Кадомцев А. Л.	399, 407-409	Касабян З.	505
Казаков (инженер)	388	Касаткина Н. Д.	423
Казаков В. А.	367, 368	Каспаров В. К.	505
Казанджан П. К.	354	Каспаров Г. К.	518
Казанчян В.	508	Кассабян М. К.	521
		Кастанаян Э. М.	521

Касумов	447	Козлов Ф. Р.	256
Катанян Р. П.	504, 505	Колесов Б. Н.	529
Катыс Г. П.	303	Колесов П. А.	272
Квашнин А. И.	350	Колмаков К. А.	164
Квочур А. Н.	243	Коломбосян Р.	510
Кебабаян Д.	521	Коломбосян С.	510
Кеворков В. Е.	506	Комаров В. А.	395
Кеворкян Д.	511	Комаров М. М.	410
Кедров В.В.	185	Комитас	555, 556, 570
Келдыш М. В.	126, 182, 183, 186, 358, 389, 425	Комов В. М.	414
Кеннеди Р.	605	Кондратьева М. В.	423
Кент Р.	470, 599	Кондрашова Л. (Тертерян Д. Г.)	519, 520, 522
Кеонджян Э.	509	Коннорс М. (Оганян)	522
Кеосаян Т. Э.	423	Константин Порфиродатный	445
Кеосаян Э. Г.	517	Константинова Е. Я.	215
Кербер Л. Л.	236	Корнеев М. Н.	228
Керкорян К.	513	Королев С. П.	127, 200, 262, 359, 389, 390, 425, 430
Кехваянц В. Г.	201		
Кинг М. Л.	110		
Киракосян Д. С.	112, 587	Коротченко И. Ю.	43, 53
Киркоров Ф. Б.	423, 520	Корсакова О. Г.	465
Кирлиан В. Х.	511	Корюн (армянский историк V в.)	456
Кирлиан С. Д.	511	Костандов Л. А.	519
Киров С. М.	449	Костанян К. А.	521
Кирпичев В. Л.	165	Костаньян Х. А.	427
Киселев Д. К.	62	Котельников В. А.	207
Климов (генерал)	382	Котельников М. В.	225
Клинтон У.Д., президент США	24	Кочар Е. С.	513, 514
Кнунянц И. Л.	511, 512	Кочарян Р. С.	91-93, 95, 116, 517, 571
Княгиничев Э. П.	396		
Кобулов А. З.	501	Кочарян Ф. А.	66, 331-336
Ковалев В. Ф.	228, 251, 339, 340	Кочарянц С. Г.	66, 94, 425-433, 512
Ковган И.	59	Кочеригин С. А.	356
Когбетлянц Е. Г.	521	Кочин Н. Е.	126, 165, 178
Козлов М. В.	233, 234, 235, 238, 256, 276, 277, 285, 296	Кренкель Э. Т.	485
		Крикorian Н.	511

Крмоян В. С.	201	Легран Б.	448, 540
Крылов А. Н.	165	Легран М.	514
Крючков В. А.	97	Лейбензон Л. С.	126
Кузнецов А. В.	400	Ленин В. И.	126, 183, 368, 421, 422, 452, 541
Кузнецов Б. Ф.	270	Лентулов А. В.	480
Кузнецов Б. Я.	157, 180	Лесков (челюскинец)	484
Кузнецов Н. Д.	369	Лесников И. И.	398-400
Кузнецов Н. Ф.	371	Лигачев Е. К.	220
Кузьменко П.	550, 551	Липко А. С.	258
Куимов Н. Д.	320	Лисициан П. Г.	515
Кукуджанов В. Н.	521	Литвинов Б. В.	496
Кулагин М. В.	167	Лобанова В. В.	187
Кулеш В. М.	270, 272, 287, 289, 290	Лобанов-Ростовский А. Б.	45, 123
Кургинян С. Е.	31, 423, 578, 580, 584, 585	Лозино-Лозинский Г. Е.	367, 373
Куропов А. В.	104	Лойчиков В. И.	404
Курсава А.	559	Локхарт Р. Б.	422
Курчатov И. В.	425, 489-491, 496, 498	Ломинский Г. П.	492
Курышко П. В.	539	Ломоносов М. В.	202
Курьянов А. И.	389	Лорис-Меликов М. Т.	16, 432, 519
Кутаков Б. И.	229	Лотфи Заде	523
Кутахов П. С.	414	Лукасевич И.	521
Кюпелян В.	521	Лукашенко А. Г.	39, 584
Кюркчян Ч.	521	Луспекаев П. П.	517, 518
Лавочкин С. А.	127, 358, 382, 389	Люлька А. М.	227, 251
Лаврентьев М. А.	126	Ляпидевский А. В.	486
Лавров С. В.	6, 8, 44, 55, 98, 418, 423, 474, 506, 519	Магакьян И. Г.	521
Лазарев В. Г.	303	Мадатов В. Г.	447
Лазарев И. Л.	16	Мазинг Ф.	216
Ландау Л. Д.	491	Майоров Н. Ф.	257, 259
Лашкевич Н. В.	290	Майский И. М.	422
Лебедев В. И.	382	Майстренко А. Т.	400
Леваневский С. А.	264	Макаревский А. И.	127, 185, 355, 356
Левицкий Н. П.	184	Маленков Г. М.	266
		Малхасян И. А.	246
		Малхасян К. И.	66, 245-259, 329, 340

Малхасян О. Р.	246	Мелик-Оганджян К. А.	437
Мамедов О. С.	33, 437	Мелик-Оганджян Р.	521
Мамедов Т.	523, 524	Мелик-Пашаев А. Ш.	90
Мамедова Ф. Д.	454-456	Меликян В.	550
Мамиконяны	543	Меликян Г. Г.	519
Мамулян Р.	517	Меликян К.	521
Манассерян С.	521	Мелконян Маркар	558
Манвелян В. С.	201, 531	Мелконян Монте	81, 555, 556, 558-561
Манвелян К.	521	Мелкумян В.	548
Мандельштам Н.	62	Менделеев Д. И.	177, 433
Мандельштам О. Э.	54, 55, 62, 470	Менухин И. М.	592
Манташев А. И. (Манташян)	509	Мерабова М. О.	515, 516
Манукян А.	508, 513	Мигранян А. М.	31, 423
Манушян М.	513, 519	Микаэлян А. Л.	511
Маркарян Б. Е.	521	Микеладзе В. Г.	303, 363
Маркарян Х.	509	Миклухо-Маклай Н. Д.	445
Марков Д. С.	233	Микоян Арт. И.	226, 243, 351, 352, 399, 400, 407-410, 417, 433
Марков С. А.	43, 53	Микоян В. А.	501
Марр Н. Я.	537	Микоян О. А.	408
Мартиросян Г. Х.	522	Микоян С. А.	322, 401, 402, 416, 501
Мартиросян Ф. А.	522	Милешин В. И.	197
Мартынов А. К.	134, 138, 139, 151, 154, 157, 159, 170	Миллионщиков М. Д.	126, 353
Матвеев В. Н.	350	Миль М. Л.	127, 216, 246
Матвеев С. Н.	492	Минасбекян М. С.	223
Матевосян Г. И.	516, 517	Минашкин В. А.	322
Матевосян Р. М.	522	Мирзаян Г. В.	423
Матевосян С. М.	521, 522	Мириманов Д. С.	520
Махалин В. Н.	226, 227	Михалков С. В.	520
Махарадзе Ф. И.	449	Мишетьян М. К.	351, 353, 354, 357
Мацюян С.	521	Мишустин С. В.	506
Маштоц М.	455, 456, 521	Мкртчян А. А.	66, 434, 465-469, 476, 477
Меграбян Р.	511	Мкртчян Анастас	437
Медведев Д. А.	10	Мкртчян К.	246
Мелешин В. И.	195	Мкртчян Л. В.	519
Мелешко А. С.	231		

Мкртчян С. С.	521, 522	Мясищев В. М.	66, 127, 296, 351-372, 374-379, 389
Мкртчян Ф. М.	518	Мясищева Е. А. (Спендиарова)	361, 374
Мнацаканов А. А.	506	Мясищева М. В.	366
Мндоянц А. А.	521	Мясникян А. Ф.	449, 540, 541
Мовсесян Г. В.	514	Навои А.	439
Могилевич Б. Б.	485	Наджарян Д.	511
Молодый К. Т.	505	Назаров А. Г.	521
Молоков В. С.	345, 486	Назаров Г. Н.	66, 351, 355, 356, 358, 377
Молотов В. М.	158, 159, 382, 552	Назарян В. В.	322
Моргентау Г.	25, 30	Налбандян Р. М.	521
Морская Н. Б.	254, 255	Намин Стас (Микоян А. А.)	84
Мосеев В.	384, 386, 388	Наполеон I Бонапарт	477
Моссессиан М.	521	Нариманов Н. Н.	447-449, 463
Мозм У. С.	173	Наскидянц А. З.	66, 311-324
Мравян А. А.	449	Нахапетов Р. Р.	522
Мулявко А.	317	Негин Е. А.	429
Мурадян Р. М.	521	Неизвестный Э. И.	480
Мусинянц А. И.	130	Нейланд В. Я.	127
Мусинянц Г. М.	66, 125-187, 199, 260	Некрасов А. И.	127
Мусинянц Е. Г.	169	Немирович-Данченко В. И.	517
Мусинянц К. Г.	169, 170, 172, 175, 186	Немытов Г. В.	268
Мусинянц Марг. Г.	169, 170, 172, 186	Нерсесов Г. Г.	201
Мусинянц Марина. Г.	170, 172, 175	Нестеров М. В.	480
Мусинянц Мих. Том.	172	Нетаньяху Б.	36
Мусинянц Мкрт. Тат.	130	Нжде Г. (Тер-Арутюнян Г. Е.)	14, 45, 82, 84, 107, 463, 526, 529-554, 596
Мусинянц Н. М.	170	Низами Г.	18
Мусинянц С. М.	172	Никогосян А.	511
Мусинянц Тат. М.	134, 161, 172, 174	Николаев О. А.	240, 272
Мусинянц Т. Г.	170, 172, 181	Николай II, российский император	608
Муталибов А. Н.	96	Николов Д.	536
Мутафян К.	540	Никольский А. А.	127, 178
Мухаммед, Пророк	613	Никсон Р., президент США	28
Мхитарян Г. Г.	518		
Мхитарян С. М.	521		

Нисский Г. Г.	480	Павлова Н. В.	423
Новожилов Г. В.	85, 305	Палатников А. С.	365, 367
Новосельцев А. П.	454	Паллоне Ф.	30
Нодельман Я. Б.	374	Панах, хан	446
Ной, ветхозаветный патриарх	445	Панкевич М. В.	290
Нури-паша	582	Паносян Р. (фонд Гюльбенкяна)	573
Нуров Н.Г. (Нурьянц)	66, 351-353, 356, 377	Паноссян А.	521
Нюхтиков М. А.	253, 254, 256	Папазян В. К.	518
Обама Б. Х., президент США	24	Папазян Ч. Н.	521
Образцов И. Ф.	354	Папанин И. Д.	486
Овакимян Г. Б.	501	Папикян С. Р.	30
Ованес А.	514	Папян А. А.	66, 81-84, 118-124
Овнанян Г.	511	Параджанов С. И.	87-90, 433, 517
Овчинников В. Н.	154, 158, 179	Партев С.	465
Оганесян Л. А.	520	Пархомовский Я. М.	165
Оганов А. Р.	521	Паршинский В. Л.	485
Оганесян О. В.	521	Паспортников В. С.	241, 246, 254
Оганесян Ю. Ц.	433, 511	Патапутян А.	521
Оганисян Г. Б.	522	Пашинян Г. А.	521
Оганьянц А. А.	506	Пашинян Н. В.	11, 14, 30, 31, 35, 49, 50, 55, 57, 66, 72, 82, 570, 571, 575-585, 595
Окуджава Б. Ш.	514	Пашуто В. Т.	454
Орбели И. А.	511	Пелоси Н.	29
Орбели Л. А.	511	Пендерецкий К.	514
Орбели Р. А.	511	Первова Н. П.	500
Орбелян К. А.	514, 516	Перфильев С. В.	368
Орбелян К. Г.	514	Песков В. М.	270
Орбелян С.	456	Первухин Б. А.	269, 270, 285, 286, 290
Орджоникидзе Г. К.	447, 449	Петляков В. М.	127, 356
Осипян Ю. А.	521	Петр Великий, российский император	446
Остапенко П. М.	405	Петров В. И.	396
Остославский И. В.	347, 348	Петров Г.И.	127
Отец Себеос (церковнослужитель)	614, 615	Петров И. Ф.	160, 165, 178, 500
Отс Г. К.	322	Петросян Л.	520
Охоцимский Д. Е.	127		
Павлова А. П.	422		

Петросян Т. В.	433, 518	Путин В. В., Президент РФ	34
Пилюгин Н. А.	127	Пухов А. А.	306
Пионтковский Ю. И.	345	Пухов А. Л.	282
Пиотровский М. Б.	512, 513	Пучинян С. Ф.	522
Пишмиш М. П. (Сукиасян)	521	Пушкин А. С.	447
Платошкин Н. Н.	50-52	Пчелина Е.	460
Плюшкин В. Г.	413	Разумихин В. М.	285, 286
Плисецкая М. М.	423	Райзман Ю. Я.	86
Погосов А. Е.	66, 478-488	Раневская Ф. Г.	284
Погосова А. В.	487	Рато О. К. Э.	137
Погосова К. А.	488	Рафаэлянц А. А.	66, 337-341
Погосова М. А.	488	Рафаэлянц А. Н.	66, 337, 339-350
Погосян М. А.	85	Раффи (Мелик-Акопян А.)	31
Поленов В. Д.	480	Раценская М. К.	418, 419, 421
Поликарпов Н. Н.	164, 344	Реза-заде Х.	523
Полухин Д. А.	206	Рейнольдс О.	202
Польский А. А.	68	Репин И. Е.	480
Поляков Б.	303	Рерих Н. К.	524, 525, 598
Попов В. Д.	240, 241, 270, 274, 286, 288	Рерих С. Н.	470
Попович П. Р.	409	Решетников В. В.	478-482
Поповьян А. Г.	66, 188-199	Решетников Ф. П.	480
Поповьян Л. А. (Айзенберг)	193, 194	Рид Д.	421
Поповьян Светлана А.	189, 192	Риль Н. В.	496
Поповьян София А.	189, 190	Рихтер С. Т.	174
Поскрёбышев А. Н.	354	Роднянский Л. М.	268
Потемкин Г. А. (князь)	446	Родригез Т. (Керимов Т. М.)	523
Потемкин И. С. (генерал)	446	Розенберг Э.	501
Прандтль Л.	143, 145, 202	Розенберг Ю.	501
Пристли Д. Б.	173	Рокоссовский К. К.	251
Прокофьев С. С.	351	Роман II, император Византии	608
Прост А.	518	Романов М.	419, 420
Прохорова Т. И.	199	Рубин М.	23-25, 27, 28, 39
Пугачева А. Б.	520	Руднев П. Н.	294
Пусэп Э. К.	381-383	Рузвельт Ф. Д., президент США	502
Путилов А. И.	127, 352	Русланова Л. А.	527
		Руссо А.	522

Рыбиков Л. Д.	404	Севак П.	517
Рыжов Ю. А.	127	Севаньякаев В. А.	280, 281, 323
Рыкованов Г. Н.	496	Севьян Г. А.	351, 353
Рябушинский П. Д.	137	Седов Г. А.	402, 404
Саакян Б. С.	93	Седов Л. И.	127
Саакян Д.	512, 513	Сезел Ж.	510
Сабинин Г. Х.	126, 129, 142, 147, 154-156, 171	Сейранян А. П.	66, 201, 531
Савицкий Е. Я.	399	Селиверстов Ю. Т.	238, 238, 296
Сагинов В. Н.	246	Селихов А. Ф.	127, 333
Садат А.	28	Семенов Н. Н.	489
Саддам Х.	23, 39	Семенова М. Т.	422, 423
Садовский Я. М.	342, 344	Семенова Н. М.	164, 167
Сазандарян Т. Т.	522	Семеняка Л. И.	423
Салахов Т. Т.	18	Сербин И. Д.	367, 368
Салтыков С. А.	521	Сикачев Л. С.	254
Самаст О.	566, 567	Силенко А. М.	254
Самойлов Д.	580	Симджян Д.	509
Сапелкин К. П.	256	Симонов Л. А.	178
Сарафов Б.	536	Симонов Р. Н.	517
Саргсян В. Г.	520	Симонян А. Г.	521
Саргсян С. А.	10, 14, 91, 92, 95, 116, 571	Симонян А. Р.	30
Саркис (Ханоян С. М.)	447	Симонян Н. П.	518
Саркисян А. Е.	214	Симоньян М. С.	31, 423
Саркисян Г. Х.	453	Синанян З.	568, 574
Саркисян С. А.	518	Синявский Ю. В.	298
Сароян У.	516, 517	Сирина А.	436
Сарьян М. С.	351, 513, 514	Сисакян А. Н.	521
Сасунский Д., герой эпоса	100	Сисакян Н. М.	512
Саукке Б. А.	262	Скорцени О.	502
Саукке М. Б.	262, 263	Славский Е. П.	498
Сахаров А. Д.	453	Слезингер И. И.	153, 177, 179
Сахаров А. Н.	453, 457	Слущкий Л. Э.	34, 35, 39, 43, 46
Саядян Г. Т.	201	Смирнов Л. В.	332
Светлов М. А.	480-482	Смит К.	20-29
Свищев Г. П.	127, 195, 367	Сморжок Г.	270
		Соболев С. Л.	205
		Собчак К. А.	47-49

Согоян Г.	521	Сюнеци С.	456
Соколов Н. А.	166	Тайц М. А.	161
Сокуров А. Н.	519, 559, 560	Таманян А. И.	513
Соловьев В. Р.	55, 62	Тамплон К.	249
Соловьев П. А.	357	Тарасов А. М.	521
Соломатин В. В.	274, 275	Таривердиев М. Л.	515
Солянов Н. Д.	256	Тарханян А. А.	521
Сопман С. С.	154	Таскаев Р. П.	243
Сорин Я. М.	221	Тахта Т.	520
Сорокин А.	303	Ташкинов Г. Д.	185, 187
Сорос Д.	581	Твардовский А. Т.	89, 480
Спейер Д.	30	Теванян А.	509, 512
Спендиаров А. А.	361	Тейлерян С.	556
Спиваков В. Т.	592	Тепеницын М. П.	326-328
Сретенский Л. Н.	127	Тержаниан Г.	520
Сталин И. В.	25, 46, 157-161, 249, 251-253, 265, 346, 354, 450, 501, 502, 545	Терзян А. А.	521
Старовойтова Г. В.	453	Тертерян А. Р.	515
Стасова Е. Д.	447	Терян А.	521
Степанян Н. Г.	253	Тер-Акопян А. М.	256
Степанян С.	509	Тер-Арутюнян Л.	553
Стерлин А. Э.	147, 154, 166,	Тер-Грикуров М. Г.	521
Стечкин Б. С.	126, 491	Тер-Давтян П.	538
Стрелков К. С.	507	Тер-Мартиросян К. А.	521
Строев Н. С.	369, 370	Тер-Минасова С. Г.	521
Струминский В. В.	127, 355, 356, 359	Тер-Минасян М. Е.	521
Суворов А. В.	432	Тер-Ованесян И. А.	433, 518
Сугак С. С.	381, 382	Тер-Петросян Л. А.	91, 94, 116
Сукоркин А. И.	381, 382	Тер-Погосян М.	509
Сулименков В. В.	333	Тер-Саркисянц А. Е.	442, 443, 453, 465
Суржин К. Н.	132, 149, 164	Тер-Серобян Х.	510
Сухов Ю. В.	233	Тигран II, царь Армении	585
Сухой П. О.	68, 127, 164, 362, 396	Тимофеева Н. В.	423
Сухомлин И. М.	228, 256	Тимофеев-Ресовский Н. В.	496
Сычев В. В.	127	Тимошенко С. П.	165
Сюнеци П.	456	Тимошок Б. М.	294
		Тито И. Б.	251

Тихомиров В. В.	199	Ушаков К. А.	126-129, 138, 140, 142, 143, 147, 152, 154
Тишков В. А.	436	Файков Ю. И.	430
Толбухин Ф. И.	545	Фальк Р. Р.	480
Толмачев Н. И.	229	Фастовец А. Г.	409, 410
Толстой А. Н.	422	Федоров (майор)	384
Томашевич Д. Л.	353, 356	Федоров Е. А.	47
Торкунов В. И.	8	Федотов А. В.	402-406, 412
Тосунян Г. А.	521	Федотов В. А.	356, 365, 374
Тохунц А. Д.	66, 351, 358-377	Феоктистов К. П.	303
Трампа Д. Д., президент США	14, 24	Фетисов В. Ф.	275, 276
Трауберг Л. З.	86	Филби К.	503
Трдат Архитектор	521	Филин В. М.	372
Тревер К. В.	454	Филипп Д.	24, 25, 40
Трохан А. М.	209, 210	Флеров Г. Н.	495
Троцкий Л. Д.	424	Флоренский П. А.	512, 513
Труайя А. (Торосян Л. А.)	516	Фон дер Ляйен У.	585
Тулеев А. Г.	587	Форд Д. Р., президент США	28
Туманян Г. Л.	501	Франгулян Г. В.	514
Тунян В. Г.	521	Франк А.	37
Туполев А. А.	232-235, 242, 272, 278, 279, 309, 325, 328, 360	Франкль Ф. И.	127
Туполев А. Н.	66, 126, 136, 140, 148, 149, 160, 167, 183, 223, 224, 234-237, 242, 246, 256, 257, 260, 263, 264, 292, 294, 297-303, 309, 323-326, 329, 340, 350, 366	Фукс К.	501
Тутеворди Г.	445	Халайджян Д.	509
Тухачевский М. Н.	387	Халезов Д. В.	143, 146
Тухманов Д. Ф.	515	Хаменеи С. А. Х.	523
Тюрекян К. Г.	509	Харатьян Д. В.	518
Тягунин (капитан)	388	Харет С.	521
Уайт Э.	613	Харитонов Н. Н.	231
Ульянов М. В.	228, 230, 278, 279, 287-291, 304	Харитон Ю. Б.	266, 427, 429, 491
Устинов Д. Ф.	230, 239, 296, 366, 373	Хауз Э. М.	121
Учватов В. И.	527	Хачатрян Р. Л.	514
		Хачатурьянц Л. С.	521
		Хачатурян А. И.	351, 433, 515
		Хзмалян Т. Э.	584
		Хитаров Р. М.	506
		Хлытчиев Я. М.	521
		Ходжа Э.	256

Ходжоян С. А.	503	Шагинян М. С.	516, 517
Хоренац М.	456, 521	Шаманов В. А.	111
Хримян Айрик, Мкртич I, католикос	472, 556	Шамиль, имам	463
Христианович С. А.	127, 164, 165, 175-179, 202-206, 209-214, 216-222, 339, 355-358, 389, 441, 491	Шангин Н. Г.	15-18, 54-66
Хрущев Н. С.	256, 257, 302	Шапкин Н. М.	256
Худавердян Т. О.	521	Шаповальянц А. Г.	519
Худяков С. А. (Ханферянц А. А.)	47, 432, 519	Шафран Д. Б.	174
Цатуров Г. М.	506	Шахатуни Е. А.	260, 261, 376
Цатурян С. А.	13, 66, 82, 84, 109-117, 576, 577	Шахламов В. А.	521
Циолковский К. Э.	137	Шахназаров К. Г.	31, 423
Цицикян А. М.	253	Шахурин А. И.	159, 163, 166
Цыбин П. В.	226, 357, 375	Шебалин В. Я.	351
Чамичян Д. Л.	512, 513	Шевченко М. Л.	53
Чаплыгин С. А.	126, 164-167, 171, 202, 331, 339	Шевченко Т. Г.	439
Чачикян Р. Г.	66, 358, 381-392, 510	Шемякин Е. И.	220
Чекиджян О. А.	515	Шер (Саркисян Ш.)	515, 516
Челомей В. Н.	357	Шереметев Б. Н.	419
Челоянц Д. К.	521	Шираз О. Т.	517
Черемухин А. М.	127, 326, 327, 329	Ширакаци А.	521
Черемухин Г. А.	337, 338	Ширинянц А. А.	380
Черепнин Л. В.	454	Ширинянц В. А.	66, 351, 376-380
Черчилль У.	502	Шлиман Г.	613
Чилингарян Д.	512, 513	Шмавонян Г. Ш.	521
Чкалов В. П.	526	Шмидт О. Ю.	483-485
Чобанян А.	512	Шнирельман В. А.	462
Чобанян К. С.	521	Шойгу С. К.	33
Чубарь В. Я.	160	Шостакович Д. Д.	351
Чубарьян А. О.	512, 513	Шульженко М. Н.	157, 159
Чумаков А. Г.	522	Шунаев В. П.	328, 332-336
Шабанов В. М.	230	Щелкин И. Е. (Метаксян О. Е.)	489
Шагинян Г. Г.	521	Щелкин К. И. (Метаксян К. О.)	66, 433, 489-499
		Щербаков А. А.	404
		Щербаков К. А.	251
		Щитаев Н. Г.	403
		Эванс Д.	25-27, 35

Эгоян А.	517	Юнусов А. С.	581
Эджевит Б.	120	Юрьев Б. Н.	126, 142, 143, 147, 149
Эдиф-бей	538	Юсин М. А.	578, 580, 582
Эйфель А. Г.	137	Юсуф С.	523
Экимян А. Г.	515	Яблочко В. П.	290
Экономов П. И.	152, 160	Явер-паша	536
Эксерджян Р.	510	Якимов А. П.	228, 254-256, 258, 294, 295
Элибемян С. А.	352	Яковлев А. С.	127, 164, 347
Эмин Г. Г.	517	Якулов Г. Б. (Якулян)	514
Энвер-паша	582	Янгель М. К.	430
Эндека А. А.	166, 170, 171, 173	Ярлыкапов А.	436
Эрдоган Р. Т.	20, 25, 27, 33, 41, 43, 50, 583, 600	Ярославский Е. М.	191
Эрнекян Э.	513	Ярошевский В. А.	127
Эрьзя С. Д.	528	Яскевич И. Д. П.	521
Эшу А.	30	Ястребов Ф. М.	131
Юденич Н. Н.	45	Яшуков А. К.	233

Оглавление

ТРАГЕДИЯ АРЦАХА	5
Против неправды	7
Взгляд из-за океана	20
Циничность и равнодушие	31
Белый и пушистый	38
Верность, честь, мужество	49
 Рубен Карленович Варданян	 67
Карен Саркисович Геворкян	85
Саркис Арамаисович Цатурян	109
Ара Артушевич Папян	118
Гурген Мкртичевич Мусинянц	125
Александр Георгиевич Поповьян	188
Академик С. А. Христианович и «его» армяне	202
Эдуард Ваганович Елян	223
Константин Иванович Малхасян	245
Амик Аветович Енгибарян	260
Сергей Петрович Авакимов	267

Владимир Николаевич и Валерий Владимирович Бендеровы	291
Анри Зурабович Наскидянц	311
Альфред Мартиросович Давтян	325
Фридрих Александрович Кочарян	331
Арсик Арамовна и Арам Назарович Рафаэляны	337
Авиаконструктор В. М. Мясищев и «его» армяне	351
Рубен Григорьевич Чачикян	381
Норайр Вагинакович Казарян	393
Лев Михайлович Карахан	418
Самвел Григорьевич Кочарянц	425
Артур Асланович Мкртчян	434
Александр Ервандович Погосов	478
Кирилл Иванович Щелкин (Метаксян)	489
Разведчики	500
Первопроходцы	507
Гарегин Егишевич Тер-Арутюнян – Нжде	526
Монте Мелконян	555
Грант Динк	562
Диаспора	568
Георгий Антонович Антонов (Мирзаханян).	586
Что делать	593
Именной указатель	618

Литературно-документальное издание

Геннадий Ашотович АМИРЬЯНЦ

АРМЕНИЯ

Том 2

АРМЕНИЯ. ВПЕРЕДИ - НОВЫЕ ВЕКА

Главный редактор Виктория РАДИШЕВСКАЯ

Обложка, верстка

и дизайн книги Елена Пекшева

Редактор Валентина Жукова

Корректор Роксана Андреева

Фото из личного архива автора,
открытых источников,
а также из архива издательства

Издательство «ВегаПринт»

vega-print@mail.ru

www.vegaprint.msk.ru

